

Сборник статей к 70-летию со дня рождения Г.Л. Соболева

Проблемы новейшей истории России

ББК63.3

П78

Издание осуществлено при поддержке средств грантов
Президента Российской Федерации
№ НШ-2274.2003.6 и № НШ-2276.2003.6

Редакционная коллегия: А. Ю. Дворниченко, А. В. Гоголевский, Н. Л. Кузнецов,
А. А. Смирнова, М. В. Ходяков (ответственный редактор)

П78 Проблемы новейшей истории России: Сборник статей к 70-летию со дня
рождения Г.Л. Соболева. - СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. -
500 с. ISBN 5-288-03722-1

Издание представляет собой сборник научных статей, подготовленных учениками и коллегами заслуженного работника высшей школы РФ, почетного профессора Санкт-Петербургского государственного университета, доктора исторических наук, профессора Геннадия Леонтьевича Соболева.

Книга предназначена для преподавателей, научных работников, студентов, всех, интересующихся новейшей историей России.

ББК 63.3

ISBN 5-288-03722-1

© Коллектив авторов, 2005
© Издательский дом С.-Петербургского
государственного университета, 2005
© Издательство исторического
факультета, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	6
--------------------------	---

Российское общество во второй половине XIX – начале XX в.

<i>Тот Ю.В.</i> Проект образования всесословной волости министра внутренних дел П.А. Валуева	12
<i>Гоголевский А.В.</i> О характере государственного строя империи после 17 октября 1905 г.	20
<i>Соболев И.Г.</i> Немецкое землевладение в России: от льгот и привилегий – к борьбе с «германизмом» (1801–1914 гг.)	26
<i>Лихоманов А.В.</i> В.О. Ключевский в Особом совещании по составлению нового устава о печати (1905 г.)	31
<i>Флоринский М.Ф.</i> К истории нормотворчества в России в период думской монархии	38
<i>Колоницкий Б.И.</i> Неизвестный солдат? К изучению истории российских военнослужащих эпохи Первой мировой войны	53
<i>Хузер Карин</i> «Брак по переписке». Необычные отношения русской социалистки-революционерки Лидии Кочетковой и швейцарского анархиста Фрица Брупбахера	70
<i>Олегина И.Н.</i> В.И. Ленин и А.А. Богданов	83
<i>Смолин А.В.</i> Морской «заговор» – факты и вымысел	99

Революция и гражданская война в России

<i>Смирнова А.А.</i> Социалисты в Февральской революции	128
<i>Рачковский В.А.</i> Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. в отечественной историографии второй половины 1950-х -- середины 1960-х годов	158
<i>Федоров М.В.</i> Проблема самоопределения Финляндии в 1917 г. и газета «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов»	174
<i>Голдин В.И.</i> Революционный пролог и гражданская война в России на историографическом рубеже конца XX – начала XXI в.	191
<i>Литвин А.А.</i> Казанская история	203
<i>Стификов С.В.</i> Казанские и симбирские левые эсеры, большевики и главком М.А. Муравьев в июльских событиях 1918 г.	213

<i>Каминский В.В.</i> Сергей Алексеевич Кузнецов – «сбиратель» «гвештабистов» для Красной Армии (весна – осень 1918 г.)	236
<i>Ратковский И.С.</i> Первый год деятельности Петроградской ЧК (март 1918 – март 1919)	252
<i>Хазиев Р.А.</i> Централизованное администрирование экономики и уральская периферия в 1917–1921 гг.: отечественная и зарубежная историография XX – начала XXI в.	272
<i>Минеева Е.К.</i> Национальный вопрос в первое десятилетие Советской власти: вариант современной трактовки	298
<i>Ходяков М.В.</i> Деньги «смутного времени»: эмиссии первых лет Советской власти	305

Советское общество в 1920–1980-е годы

<i>Демчик Е.В.</i> Организации предпринимателей периода нэпа: опыт защиты корпоративных интересов (на материалах Сибири)	318
<i>Ковальчук В.М.</i> Попытки прорыва блокады Ленинграда	336
<i>Козлов Н.Д.</i> К вопросу о мерах по укреплению связи между властью и народом в 1941–1945 гг.	359
<i>Ковалев Б.Н.</i> Категории свидетелей в делах нацистских пособников в России	371
<i>Мальшева С.Ю., Сальникова А.А.</i> Казанский университет в годы Великой Отечественной войны: повседневные практики выживания	378
<i>Зеликина Н.С.</i> Российское зарубежье на страницах советских периодических изданий 1920–1960-х годов (попытка источниковедческого анализа)	393
<i>Безнин М.А., Димони Т.М.</i> Российская деревня 1930–1980-х годов: капитализация и раскрестьянивание	408
<i>Воронин А.В.</i> Имидж Скандинавских стран в средствах массовой информации в СССР к началу «перестройки»	428

Историк и история

<i>Ганелин Р.Ш.</i> Партийная принципиальность историка: В.И. Биллик (1910–2003)	442
<i>Смирнов Ю.П.</i> «Немецкое золото» в исследованиях Г.А. Соболева: культура исторического анализа	452
<i>Арсентьева А.В.</i> Алатырь в исторической судьбе А.Ф. Керенского и научном творчестве Г.А. Соболева	459

<i>Степанов В.Р.</i> Историк и конъюнктура	465
<i>Андреев К.А.</i> Наука блокадного Ленинграда в исследованиях Г.А. Соболева	471
Сведения об авторах	477
Библиография трудов Г.А. Соболева	480
Литература о Г.А. Соболеве	499

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Говоря о жизненном кредо, заслугах ученого и человеческих качествах, присущих Геннадию Леонтьевичу Соболеву, коллеги по историческому цеху неизменно подчеркивают его принципиальность, научную требовательность к себе и другим, желание поддержать учеников (даже если их оценки изучаемых исторических событий расходятся с его собственными воззрениями) и, конечно же, стремление в своих исследованиях всегда следовать за источником, не поддаваясь сиюминутной политической конъюнктуре.

Геннадий Леонтьевич Соболев родился 6 июля 1935 г. в Ленинграде в рабочей семье. Его отец, Леонтий Ефимович, был механиком паровозоремонтного завода и погиб на Ленинградском фронте в ходе боев по прорыву блокады Ленинграда в 1943 г., мать - Мария Ивановна, чтобы не умереть с голоду и получать рабочую карточку, пошла работать на «Красный Нефтяник».

В 6-летнем возрасте Г. Соболев встретил в Ленинграде блокаду, перенес все нечеловеческие страдания, выпавшие тогда на долю жителей осажденного города. Спустя годы он будет награжден знаком «Житель блокадного города», медалями «50 лет Победы в Великой Отечественной войне» (1995), «В память 300-летия Санкт-Петербурга» (2003).

В 1944—1954 гг. Геннадий Леонтьевич учился в 331-й средней школе Володарского (Невского) района. Он активно участвовал в общественной жизни, был председателем Совета пионерской дружины и секретарем комсомольской организации. Закончив школу с золотой медалью, в 1954 г. Г.Л. Соболев поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета. С первого курса он занимался в семинаре профессора С.Н. Валка, специализировался по экономической истории России первой половины XIX в. В университете Геннадий Леонтьевич слушал лекции и спецкурсы профессоров В.В. Мавродина, С.Б. Окуня, В.А. Овсянкина, Н.Я. Иванова, И.С. Кона, С.Л. Пештича, А.Л. Шапиро и др. Учился он отлично — был ленинским стипендиатом.

В 1956-1957 гг. в составе университетского отряда Геннадий Леонтьевич выезжал на уборку урожая в Казахстан, был награжден почетным знаком ЦК ВЛКСМ «За освоение целинных и залежных земель».

По окончании учебы в ЛГУ в 1959 г. Г.Л. Соболев поступил на работу в Ленинградское отделение Института истории (ЛОИИ) Академии наук СССР, где стал специализироваться по истории советского общества. В ЛОИИ Геннадий Леонтьевич прошел по ступеням профессиональной «ака-

демической лестницы»: от младшего научного (1961) до старшего научного сотрудника (1969). Там определился и профессиональный интерес Г.Л. Соболева — он стал активно заниматься исследованием проблемы, ставшей темой его кандидатской диссертации «Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны». В 1966 г. диссертация была успешно защищена, а затем и опубликована. Монография получила множество положительных откликов в кругах научной общественности.

Вскоре Геннадий Леонтьевич выступил одним из редакторов и основных авторов при подготовке 5-го тома очерков по истории Ленинграда. В опубликованной в 1967 г. книге им были написаны главы, посвященные первым месяцам блокады, ликвидации последствий голодной зимы 1941 г., укреплению обороны в 1942 г., народному образованию, высшей школе, научно-исследовательской и культурно-просветительной работе. В коллективной работе «Непокоренный Ленинград», вышедшей в свет несколькими годами позже и раскрывающей героическую историю города в период Великой Отечественной войны, Геннадий Леонтьевич также стал автором ряда глав.

В последующие годы научные интересы Г.Л. Соболева сместились к революционной эпохе 1917 г. Он стал одним из первых исследователей нашей страны, обратившихся к изучению многоаспектной проблемы революционного сознания рабочих и солдатских масс в 1917 г. В характеристике научных достижений Геннадия Леонтьевича, подписанной заместителем директора института той поры В.А. Шишкиным, отмечалось, что его труды «отличаются тщательным анализом источников и глубокими теоретическими обобщениями». Опубликованная в 1973 г. монография Г.Л. Соболева «Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 году» стала важной вехой, определившей направление работ многих отечественных историков, продолжавших впоследствии изучение этой темы. До момента появления исследования Г.Л. Соболева специальных работ по данной теме не было. В 1974 г. монография Геннадия Леонтьевича была защищена им в качестве докторской диссертации.

С научной деятельностью Г.Л. Соболева неразрывно связана и его преподавательская работа. С середины 1960-х годов параллельно с работой в ЛОИИ он преподавал сначала в Педагогическом институте им. А.И. Герцена, где читал курс по истории Октябрьской революции; в Ленинградском государственном институте культуры им. Н.К. Крупской; в Институте повышения квалификации ЛГУ. В 1980 г. Г.Л. Соболев был утвержден в ученом звании профессора.

В 1986 г. профессор Г.Л. Соболев возглавил кафедру истории совет-

С Кd'i'dortinrcniii (с 1991 г. она именуется кафедрой Новейшей истории России) исторического факультета Ленинградского государственного университета. Под руководством нового заведующего коллектив кафедры достиг впечатляющих успехов на многих направлениях научной и педагогической деятельности. Уже в 1987 г. кафедра была признана лучшей среди всех гуманитарных подразделений университета. Обновился ее кадровый состав, увеличилось количество докторов наук, активизировалась работа по подготовке кандидатских диссертаций молодыми сотрудниками.

До середины 1990-х годов кафедра под руководством Г.Л. Соболева подготовила около 500 специалистов, обучавшихся на дневном, вечернем и заочном отделениях факультета. За эти годы было выпущено с защитой диссертаций свыше 20 аспирантов, многими из которых кафедра сегодня гордится. Во второй половине 1980-х - первой половине 1990-х годов на кафедре обучалось несколько десятков иностранных аспирантов и студентов из США, Германии, Великобритании, Франции, Китая, Японии и других стран. За несколько лет под руководством Г.Л. Соболева сотрудниками кафедры было опубликовано свыше 400 научных работ, в том числе 5 монографий и 10 коллективных трудов.

Характеризуя направления научных исследований коллектива, возглавляемого Г.Л. Соболевым в те годы, следует отметить как традиционную для кафедры во все времена историко-революционную проблематику, представленную, прежде всего, трудами самого заведующего, его ближайших коллег и учеников, так и возросший интерес к исследованию проблем гражданской войны, Белого движения, послеоктябрьской эмиграции, Великой Отечественной войны.

Не случайно, что именно кафедре Новейшей истории России ректоратом университета была поручена ответственная работа по подготовке «Книги памяти Ленинградского — Санкт-Петербургского университета». К 50-летию победы в Великой Отечественной войне рабочей группой под руководством Г.Л. Соболева такая книга была подготовлена. За выполненную работу коллектив кафедры был отмечен благодарностью ректора.

Новый этап научной и педагогической деятельности Г.Л. Соболева начался в 1997 г. в стенах Республиканского гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного университета. На кафедре истории России и зарубежных стран он стал ведущим профессором, пользующимся заслуженной любовью и популярностью слушателей.

В 1999 г. Г.Л. Соболеву было присвоено почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации». В 2004 г. Ученый Совет СПбГУ избрал его почетным профессором университета.

Имя профессора Соболева хорошо известно и за пределами нашей

страны. С начала 1970-х годов Геннадий Леонтьевич неоднократно выступал на международных конференциях, читал лекции в зарубежных университетах. Его работы переведены на европейские языки.

В течение ряда лет Г.Л. Соболев был председателем Ленинградского отделения Научного Совета АН СССР по комплексной программе «Великая Октябрьская социалистическая революция», заместителем председателя Головного Совета Минвуза «История и исторические науки», членом Международной комиссии по истории русских революций. Сегодня он является членом исполкома Международной ассоциации историков блокады и битвы за Ленинград, членом Президиума Академии гуманитарных наук, действительным членом Академии военно-исторических знаний.

Г.Л. Соболев - активный популяризатор истории. Вместе со своим другом и коллегой профессором В.И. Старцевым он в течение ряда лет вел передачу «Исторический клуб» на Петербургском радио, участвовал в научных дискуссиях на телевидении, выступал научным консультантом при подготовке множества исторических радио- и телепередач.

Сегодня профессор Г.Л. Соболев - автор около 300 научных работ, в том числе свыше полутора десятков монографий и учебных пособий. Он по-прежнему оперативно откликается на злободневные проблемы исторической науки. Подтверждением тому стала опубликованная в 2002 г. его книга «Тайна „немецкого золота“», получившая массу положительных отзывов не только в петербургских, но и в московских исторических кругах.

Плодотворная научная и педагогическая деятельность Г.Л. Соболева неизменно сопровождается поддержкой со стороны его поистине «исторической» семьи. Жена Геннадия Леонтьевича — Елена Владимировна Соболева — доктор исторических наук, профессор, в течение многих лет работала главным научным сотрудником Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР; сегодня она — профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета; сын Иван - кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Геннадий Леонтьевич Соболев — создатель научной школы историков русских революций и гражданской войны. Сегодня его ученики трудятся во многих университетах и исследовательских центрах России. Настоящий сборник, подготовленный в честь юбиляра, — лишь часть нашей глубокой признательности наставнику и Учителю.

Ученики и коллеги

**РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX - НАЧАЛЕ XX в.**

«Великие реформы» 60—70-х годов XIX в. predeterminedили подготовку и проведение так называемых малых реформ. К ним следует отнести и преобразование уездной полиции, которая в системе местного управления выполняла многочисленные и разнообразные функции.

В 1863-1867 гг. министерство внутренних дел подготовило и предполагало осуществить ряд мер по обновлению организационных и функциональных принципов деятельности полиции с учетом пореформенных изменений в системе уездного управления. 13 августа 1864 г. министр внутренних дел П.А. Валуев представил в Главный комитет об устройстве сельского состояния проект «Об учреждении из волостей государственных, удельных и временнообязанных крестьян и из других долей поземельной собственности, не входящих в состав волостей, новых территориальных округов».¹

История проекта такова. При рассмотрении в 1860 г. в Главном комитете по крестьянскому делу проектов крестьянской реформы по вопросу «об устройстве сельской администрации и территориальных волостей» возникли разно-

гласия. Большинство членов Главного комитета поддержали положения, которые затем были утверждены Александром II 19 февраля 1861 г. Однако в начале 1863 г. Государственный совет, при рассмотрении вопроса об «отношении частных землевладельцев к общественному устройству уез-

дов», вновь вернулся к проблеме административно-территориального деления уездов. П.А. Валуев, согласно постановлению Государственного совета от 28 января 1863 г., должен был подготовить, «без двойной ломки, которая повела бы к важным затруднениям и неудобствам», проект, образования территориальных волостей, согласовать его с министром государственных имуществ А.А. Зеленым и внести на рассмотрение Главного комитета об устройстве сельского состояния.²

Обращение Государственного совета к этому вопросу мотивировалось необходимостью «установить взаимосвязь землевладельцев и крестьян». П.А. Валуев утверждал, что в рамках административного деления только на губернии и уезды было сложно осуществить «непосредственное хозяйственное наблюдение и сгруппировать разнообразные местные

интересы без преобладания одного над другим». В объяснительной записке к проекту он отмечал, что важно «сохранить надлежащее равновесие между интересами различных классов народонаселения, не подчиняя их один другому ни юридически, ни фактически и, вместе с тем, восстановить целостность раздробленной в настоящее время территории».³

По сведениям Министерства внутренних дел, вследствие реформы 1861 г. в уездах утвердились различные формы земельной собственности: «1) земли личного владения, оставшиеся в полном распоряжении собственника; 2) земли, составляющие собственность помещика, но находящиеся в пользовании временнообязанных крестьян; 3) земли крестьян-собственников, полученные ими в дар или купленные на наличные деньги и находящиеся или в общинном или в личном владении; 4) земли крестьян-собственников, выкупленные при содействии правительства и находящиеся под запрещением выкупной ссуды; 5) земли государственных крестьян, принадлежащие им или в личной или родовой собственности с правом отчуждения или без оногo; 6) казенные земли, находящиеся в пользовании государственных крестьян; 7) удельные и дворцовые земли, находящиеся в пользовании крестьян сих наименований и представленные им на выкуп; 8) казенные удельные и дворцовые земли и леса, составляющие отдельные оброчные статьи; 9) церковные земли, находящиеся в пользовании причтов; 10) церковные и монастырские земли, составляющие оброчные статьи; 11) земли, принадлежащие различным учебным и богоугодным заведениям и находящиеся в пользовании государственных крестьян; 12) земли, принадлежащие различным ведомствам и учреждениям и составляющие их оброчные статьи».⁴

Разнообразие форм земельной собственности, а следовательно, прав и интересов их владельцев, подчеркивалось в проекте, указывало на необходимость формирования независимых от землевладельцев органов местной власти и превращение их в центры обсуждения и решения «местных земских интересов». По мнению П.А. Валуева, ни один из существовавших институтов местной власти не отвечал этим условиям. Становой являлся «органом центральной власти». Мировой посредник сосредоточился на взаимоотношениях временнообязанных крестьян и помещиков, занимаясь по большей части судебно-полицейским разбирательством. Обязанности мирового судьи, должность которого намечалось учредить в ближайшем будущем, предполагалось, составят по преимуществу судебные функции. Волостные старшины, представлявшие сословные интересы крестьян, имели свой круг деятельности, оп-

рделенный «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Их расширение «повело бы к самым существенным и ед"» ли полезным изменениям».⁵

Административно-судебное и полицейское деление на станы, мировые участки и волости, как следует из объяснительной записки, также имело свои недостатки. Станы и мировые участки являлись слишком крупной единицей, а волости — малой и дробной. Границы мировых участков не совпадали с границами станов. Волости временнообязанных крестьян составляли часть мировых участков и не соответствовали волостям государственных крестьян. Десятки и сотни, на которые подразделялись станы, на практике не выполняли функций мелких административных единиц.⁶

Итак, наличие разнообразных форм земельной собственности (при отсутствии единого центра по управлению ими) стало главным тезисом в обосновании необходимости создания новой территориальной единицы (по существу - модифицированной всесловной волости). Предполагалось, что она свяжет в единое целое «различные доли поземельной собственности ... в отношениях административном, хозяйственном и полицейском». По мнению П.А. Валуева, в рамках действовавшего судебного и административно-полицейского деления решить эту задачу было невозможно.⁷

Министр внутренних дел предложил назвать новое территориальное образование «выть». «Выть, — говорилось в проекте, — понятие, которое в старину означало часть или подразделение». Выть образовывали: «волости, сельские общества и частные доли землевладения». Возглавлял выть голова, собрание жителей выти определялось как вытный сход. Применительно к новому территориальному делению уезда, функции местной администрации распределялись так: судебные и судебно-полицейские функции осуществлялись в пределах мирового участка и отчасти стана; административно-распорядительные, полицейские и хозяйственные — в стане и выти.⁸

Вопрос о формировании выти непосредственно увязывался с полномочиями, правами, обязанностями и критериями, которым должен был соответствовать вытный голова. Он, отмечалось в объяснительной записке к проекту, должен был действовать «на пользу общественную», не ограничивая ничьих «личных интересов и имущественных прав», быть известным человеком и вызывать уважение не только своими личными качествами, но и занимаемым общественным положением; не принадлежать к «иерархическому разряду какого-либо специального ведомства», быть независимым в материальном отношении и в исполнении своих служебных обязанностей.

Проект состоял из тридцати статей. Территорию уезда образовывали поземельные округа - выти. По числу жителей выть не должна была превышать 15 тыс. человек обоего пола, а по территориальной протяженности «в самом длинном поперечнике» - 30 верст. Исключение из этого правила допускалось тогда, когда при низкой плотности населения число жителей выти составило бы менее 4 тыс. человек. При формировании территории выти не допускалось дробление общины, церковного прихода и частных владений. Если земельные владения одного лица превышали размеры выти, то образовывалась особая выть.⁹

Вытный голова назначался из числа местных землевладельцев, имевших в пределах выти земельный участок, который на основании приложения к ст. 23 «Положения о губернских и уездных земских учреждениях»¹⁰ давал право личного участия в избирательных съездах. В уездах, где в силу различных причин назначить вытного голову из числа землевладельцев было невозможно, вакансию замещал коронный чиновник. На основе доклада министра внутренних дел издавался высочайший приказ, утверждавший в должности вытного голову. Должностной оклад вытному голове не предусматривался. Помощник вытного головы назначался из числа землевладельцев, имевших в пределах выти земельный участок, составлявший не менее половины от участка, предоставлявшего право личного участия в избирательном съезде уездных землевладельцев на основе приложения к ст. 23 «Положения о губернских и уездных земских учреждениях». Губернское правление на основании представления вытного головы утверждало помощника в должности. В случае болезни или отсутствия вытного головы помощник в полном объеме выполнял все его обязанности. При вступлении в должность вытный голова имел право направить в губернское правление представление об увольнении прежнего и назначении себе нового помощника.¹¹

Служебные обязанности вытного головы включали вопросы «нравственных и материальных интересов» всех сословий за исключением рассмотрения частных исков и проступков. Вытный голова осуществлял: управление вытью; контроль за исполнением повинностей, выполнявшихся или всем населением выти, или его частью, или отдельными землевладельцами; надзор за санитарным состоянием и деятельностью учебных и благотворительных учреждений, путей сообщения на вверенной ему территории; поддержание общественного порядка и спокойствия, а в случае необходимости - осуществление чрезвычайных полицейских мер по их восстановлению. Вытный голова отдавал распоряжения о задержании «подозрительных и неблагонадежных лиц»

и передавал их уездной полиции. По вопросам, имевшим отношение к частным землевладельцам, не входившим в состав «сельских обществ», он обращался к ним непосредственно, а по «делам сельских обществ» или лиц, в них состоящих, — к волостным старшинам и сельским старостам.¹²

Итак, функции вытного головы в главных чертах воспроизводили общие обязанности полиции и ее служащих. В этом смысле вытный голова не отличался от служащего полиции, а следовательно, — и от служащего министерства внутренних дел, тем более что вытного голову в должности утверждал министр внутренних дел.

Вытный голова наделялся обширными правами. При задержании «подозрительных и неблагонадежных лиц» волостные старшины и сельские старосты были обязаны беспрекословно исполнять его приказания. Он налагал штрафы и выносил взыскания в тех же пределах, что и мировой посредник; созывал вытный сход для обсуждения материальных и хозяйственных вопросов и устанавливал частные сборы для покрытия расходов, связанных с общественными нуждами; принимал необходимые решения по восстановлению мостов, дорог, устранению замеченных недостатков в деятельности больниц и «других богоугодных заведений». Вытный голова мог оказывать влияние на формирование вытного схода, осуществляя контроль за тем, чтобы «ни отдельные личности, ни случайное большинство не могли вредить общественным интересам и подавлять свободу частных мнений или вести к нарушению правильности экономических интересов». Он имел полномочия приостановить выполнение постановлений волостных и сельских сходов, имевших отношение к его кругу деятельности, если посчитает их очевидно «пристрастными, противными законам, правилам нравственности», но должен был представить обоснование своего решения съезду мировых судей. Жители выти были обязаны исполнять все законные требования вытного головы.¹³

Широкие служебные полномочия вытного головы дополнялись не менее обширными контролирующими функциями. Так, он следил за тем, чтобы сельские и волостные сходы не собирались лицами, не имевшими на это право; чтобы представители крестьянского общественного управления точно исполняли свои обязанности в сфере полицейского и хозяйственного управления.¹⁴

Проект устанавливал порядок служебных взаимоотношений вытного головы с представителями уездной полиции, земскими учреждениями и органами крестьянского общественного управления. Представители уездного полицейского управления имели право обращаться к вытному голове за содействием в исполнении распоряжений полиции,

а в силу особой важности распоряжения — требовать их немедленного выполнения. Вытный голова обязан был сообщать уездному исправнику и губернатору обо всех противозаконных действиях полиции и других должностных лиц, совершенных ими при исполнении служебных обязанностей в пределах выти, оказывать содействие земской управе в успешном выполнении ее хозяйственных распоряжений, по поручению управы «наблюдать» за делами, относившимися к «местным интересам выти». Сельские старосты и волостные старшины исполняли распоряжения вытного головы, отданные им в пределах своей служебной компетенции.¹⁵

Рассматривая служебные права и обязанности главы выти, можно констатировать, что органы крестьянского управления, а также сельские, волостные сходы подпадали не только под полицейский, но и под административный контроль вытного головы. Этому способствовали и принципы формирования вытного схода, который образовывали: 1) лица, обладавшие земельной собственностью на территории выти (размеры владения предполагалось установить в ходе обсуждения проекта); 2) выборные от землевладельцев по одному от определенного числа десятин (конкретное число в проекте не указывалось); 3) сельские старосты, волостные старшины и выборные от сельских обществ, из расчета по одному представителю от определенного числа десятин, принадлежащих им на правах собственности (численность в проекте также не указывалась); по два представителя от определенного количества десятин (величина в проекте не указывалась), которыми они владели на правах пользования. Участники вытного схода, определенные на основании вышеуказанных пунктов 2 и 3, избирались ежегодно на созываемых вытным головой специальных сходах земельных собственников (пункт 2) и волостных сходах (пункт 3) (где он же председательствовал). Постановление вытного схода о выделении средств на нужды школ, больниц и на другие цели либо деньгами, либо натурой (строительными материалами, продуктами, работой), принятые большинством в 2/3 голосов, были обязательны для всех жителей выти. Остальные решения принимались простым большинством голосов.¹⁶

Постановление Государственного совета от 28 января 1863 г. и последовавший затем проект П.А. Валуева о всесословной территориальной единице следует рассматривать в контексте не только подготовки, но и реализации земской реформы, которая не предусматривала образование земских учреждений в волостях. Однако создание новых территориальных округов отчасти восполняло отсутствие волостных земских учреждений (принципы формирования руководящих органов выти

дублировали статьи положения о земствах).

В выти МВД видело связующее звено между земской управой и сельским населением, независимым от станового управления.¹⁷ Посредством создания выти в единую административную, хозяйственную и полицейскую систему включались все формы земельной собственности, а значит, все крестьянское население подпадало под контроль уездной полиции. Эта была давняя идея руководства министерства внутренних дел, которая излагалась во многих проектах реформы полиции еще со времени Николая I.

Необходимо отметить, что П.А. Валуев рассматривал образование новой территориальной единицы во взаимосвязи с другими направлениями полицейской реформы (реорганизацией института сотских и десятских, формированием команд полицейских объездчиков). Министр внутренних дел утверждал, что при их реализации «уездное полицейское устройство могло бы быть приведено в состояние настолько удовлетворительное, что, по всей вероятности, оно долго не потребовало бы дальнейшего развития, особливо если между тем будет осуществлено... предположение... о подразделении уездов на новые территориальные округа, под названием „Вытей“. Осуществление этого предположения... может даже иметь последствием упразднение станов, с назначением вместо их еще одного помощника (т. е. вытного головы. - Ю. Т.) при уездном исправнике».¹⁸

Судьба проекта была предопределена его содержанием. Образование выти привело бы к пересмотру всей хозяйственно-административной системы, сложившейся в рамках волостной организации. Глава новой территориальной единицы, подконтрольный МВД, становился высшим административно-полицейским начальником для всего населения выти. Такое предложение не могло встретить поддержки глав других ведомств, так как претворение его в жизнь укрепляло позиции МВД в системе местного управления. Поэтому проект не только не обсуждался в высших государственных учреждениях, но и не преодолел многоступенчатых согласований в коридорах власти. Об этом свидетельствуют отметки о перемещении проекта по различным инстанциям, где он в конечном итоге и затерялся.

Примечания

¹ Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии. Отдел полицейский. Часть I. Отделение III-V. СПб., 1870. С. 159-195.

² Там же. С. 172-177.

³ Там же. С. 184, 186-187.

Там же. С. 188-189.

Ю.В. Тот

Проект образования всесословной волости
министра внутренних дел П.А. Валуева

Там же. С. 189.

Там же.

Там же. С. 186.

Там же. С. 191.

Там же. С. 192.

Согласно приложению к ст. 23, в избирательном съезде уездных землевладельцев право голоса имели лица, владевшие в уезде «пространством земли» на правах собственности, определенной для этого уезда (от 200 до 800 десятин); владевшие в уезде другим недвижимым имуществом, оцененным не менее чем в 15 тыс. руб. или промышленными и хозяйственными предприятиями той же стоимости, или с общим годовым оборотом не менее 6 тыс. руб.; представители от частных землевладельцев, а также от различных учреждений, товариществ, владевших «пространством земли» или имуществом на вышеизложенных условиях; уполномоченные от нескольких землевладельцев, а также от разных учреждений, товариществ, компаний и обществ, владевших в уезде «пространством земли», составлявшим не менее 1/20 части установленного ценза, определенного для личного представительства на избирательном съезде; представители церкви, владевшей в уезде «пространством земли» (ПСЗ-П. Т. 39. Отд. I. № 40457. С. 4-5).

Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии. Отдел полицейский. Часть I. Отделение III—V. С. 194-195.

Там же. С. 188-190, 192.

Там же. С. 188-190, 193-194.

Там же.

Там же. С. 193.

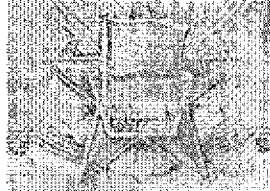
Там же. С. 194.

Там же. С. 191.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1181. Оп. 1 (Т. XV.)
Д. 107. Л. 8.

Проблема изменения государственного строя России после Манифеста 17 октября имеет длительную и противоречивую историографическую традицию. Советская научная литература не сомневалась в том, что акт 17 октября лишь несколько видоизменил сущность самодержавия, покрыв последнее «конституционным лаком», оставив в неприкосновенности основные prerogatives короны. Зарубежная историография в большинстве своем придерживалась совершенно противоположного мнения. Один из наиболее ярких ее представителей, Р. Пайпс полагал, будто бы Манифест 17 октября и новая редакция Основных законов явились конституционными актами, открыв широкие возможности для реформирования самодержавия в конституционно-правовое государство. Особенно высоко он ставил учреждения законодательного народного представительства и свободы, прописанные в Основных законах 23 апреля 1906 г. и, по его мнению, де-юре осуществленные в империи в период премьерства П.А. Столыпина. Суждения зарубежной историографии относительно перемен государственного строя России в

А. В. ГОГОЛЕВСКИЙ
О ХАРАКТЕРЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
СТРОЯ ИМПЕРИИ
ПОСЛЕ 17
ОКТАБРЯ 1905 г.

период революции 1905-1907 гг. уходят корнями в выводы литературы русского зарубежья. Наиболее последовательным сторонником конституционных изменений в характере самодержавия выступал В.А. Маклаков, в работах которого отстаивался тезис о превращении России

в парламентскую монархию после 1905 г. Ему некоторое время возражал П.Н. Милюков, называвший Основные законы 23 апреля 1906 г. худшими из худших примеров худших зарубежных конституций. Тем не менее, как в период своего депутатства в Думе, так и в эмиграции, П.Н. Милюков неоднократно называл акты 23 апреля первой русской конституцией, а Государственную думу — парламентом. Широко известно его выступление с трибуны III Государственной думы, когда он толковал о наступлении в России эпохи парламентаризма.

Современная российская историография не пришла к единому выводу о характере изменений в государственном строе России, обусловленных Манифестом 17 октября. Существенная ее часть идет вслед за зарубежной литературой и готова согласиться с тем,

что Государственная дума стала полноправным законодательным учреждением, Основные законы 23 апреля явились первой конституцией, а реформы П.А. Столыпина открыли возможность для быстрого превращения России в парламентскую монархию. Наиболее последовательные сторонники этой концепции даже утверждают, что свободы и демократия в России после 1905 г. стали образцом для развития демократических процессов в США и Западной Европе. Вместе с тем имеются фундаментальные научные школы, полагающие будто бы перемены существа самодержавной власти в итоге революции 1905 г. оказались весьма незначительными, а самодержавие — если и рассталось с частью своих прерогатив в 1905—1906 гг., то сумело их вернуть после убийства П.А. Столыпина и крушения его реформаторской программы в III Думе.

Для выяснения того, какие же перемены произошли в государственном строе империи в результате принятия Манифеста 17 октября, важно рассмотреть следующие проблемы. Во-первых, необходимо выяснить, под влиянием каких обстоятельств власть пошла на Манифест 17 октября. Во-вторых, следует очертить те полномочия, которыми обладало народное представительство в итоге актов 23 апреля. В-третьих, важно установить, какой программы преобразований придерживались власть и оппозиция. И, наконец, надлежит определить, в чем состояла реформаторство правительства П.А. Столыпина.

Правительственная идея реформирования существа государственного строя, благодаря формулировке Т. Эмманса, в историографии именуется политикой правительственного конституционализма. Понять ее границы означает объяснить, в какую сторону предполагала двигаться власть в начале XX в., могла ли она сговориться с оппозицией и, следовательно, предотвратить революцию 1905 г. Как известно, правительственный конституционализм 1860—1870-х гг. исходил из возможности народного представительства и постепенного преобразования самодержавия в конституционно-правовое государство, о чем свидетельствуют проекты П.В.Валуева и М.Т.Лорис-Меликова. Одобренная Александром II так называемая «конституция» Лорис-Меликова при известных условиях пела к коренному преобразованию самодержавия на представительных началах. Однако Николай II в середине 1890-х годов девизом своего царствования объявил сохранение и укрепление прерогатив самодержавия. Высшая бюрократия вплоть до осени 1904 г. не была замечена в попытках обсуждения какого-либо конституционализма. Лишь вынужденная заговорить о реформах под влиянием неудачи войны с Японией и под натиском оппозиции, она решилась вернуться к рассмотрению представительного начала в Особом совещании, созванном в ноябре 1904 г. Но

даже под угрозой неминуемой революции власть не сумела ввести начало представительного строя. Лишь первая русская революция принудила правящие верхи сформулировать идею законосовещательного представительства, избранного на основании многоуровневого ценза. Вместе с тем реформаторство двора безнадежно отстало от требований оппозиции, обращавшейся к царю с призывом немедленного созыва законодательной Думы путем всеобщего голосования и с правом контроля над правительством. Только октябрьская политическая стачка вынудила Николая II подписать Манифест 17 октября. Исключительно важно уяснить, что обещавший законодательную Думу Манифест не стал итогом последовательной реформаторской деятельности властей. Его вырвала у двора революция. Николай II и его ближайшее окружение не считали себя связанными указанным актом и рассматривали последний как временную уступку, которую надлежало при известных условиях взять обратно. Двор и правительство, не считаясь с Манифестом, не собирались видеть в Думе законодательный парламент с правом контроля над правительством и уже на рубеже 1905—1906 гг. предприняли ряд мер для ограничения полномочий народного представительства. Акты 20 февраля 1906 г. не позволяли Думе по собственному почину касаться пересмотра основных государственных законов, т.е. покушаться на права государя и прерогативы правительства. Они же весьма сузили бюджетные полномочия Государственной думы. Существенно указать, что процедура прохождения законов в Думе согласно этим актам позволяла учрежденному Государственному совету как второй палате отклонять принятые в Думе законопроекты без права для депутатов преодолеть вето Государственного совета квалифицированным большинством голосов. Помимо этого они наделили государя полномочиями не утверждать принятые в Думе и Госсовете законы без объяснения мотивов. Таким образом, акты 20 февраля позволяли правительству, контролировавшему формирование Государственного совета, блокировать любой не угодный властям и прошедший через Государственную думу законопроект. Они же лишали Думу какой-либо возможности контролировать назначение министров и привлекать их к ответственности за должностные преступления. Акты 20 февраля без какого-либо изменения вошли в новую редакцию Основных законов, принятых вопреки Манифесту 17 октября и протестам оппозиции помимо Первой Государственной думы до ее созыва. Своим поступком власть стремилась лишить Думу возможности, отталкиваясь от Манифеста 17 октября, законным путем изменить существо самодержавной власти, превратившись в Учредительное Собрание.

Очерченные властью prerogative народного представительства вызвали ярый протест оппозиции, добивавшейся с начала XX в. законодательного однопалатного парламента с безусловным правом контроля над правительством. Именно указанный лозунг стал ее знаменем в первой русской революции. Вот почему широкое либеральное и демократическое движение выступило категорически против актов 20 февраля и новой редакции Основных законов, не усматривая в них конституционного начала. Выразивший интересы оппозиции III съезд партии кадетов в апреле 1906 г. призвал Государственную думу не считаться с установленными для нее полномочиями и вопреки им добиться законодательного изменения существа самодержавной власти.

I Государственная дума на протяжении всей своей работы, завершившейся ее роспуском в начале июля 1906 г., вступила в принципиальный конфликт с правительством, требуя для себя права по собственному почину пересматривать Основные законы, а затем и назначать правительство. Ее позиция выражала преобладающие политические настроения в кругу широкой демократической общественности. Власть оставалось либо согласиться с ними и пойти на уступки, окончательно потеряв prerogative самодержавия, либо пренебречь господствующими общественными настроениями и распустить первое народное представительство. Колебания царя и правительства, пошедших на переговоры с думской оппозицией в июне 1906 г., их готовность в конце июня согласиться на подконтрольное Думе кадетское министерство свидетельствуют о том, что у властей не существовало какого-либо плана последовательного перехода к конституционному и представительскому началу. Власть обуславливала свое политическое поведение расстановкой сил, ее конституционализм целиком определялся либо силой, либо слабостью оппозиции. Только принужденная оппозицией она соглашалась с какими бы то ни было подступами к конституции. В пользу этого вывода говорит роспуск I и II Государственных дум и осуществленное вопреки Основным законам изменение избирательного порядка 3 июля 1907 г. Программа П.А. Столыпина, сформулированная им еще в начале июля 1906 г. и одобренная Николаем II, не имела никаких шансов на осуществление в I и II Государственной думе, избранной на основе ценза 11 декабря 1905 г. Даже стесненная его границами либерально-демократическая оппозиция одерживала победу на выборах и контролировала народное представительство, через которое она пыталась провести конфискацию земли помещиков и ответственное перед Думой министерство. «Конституционализм» же Столыпина исходил из неприкосновенности частных наделов и защищал правительство

от какого-либо контроля со стороны депутатов. Если согласиться с тем, что I и II Думы выражали преобладающее общественное настроение, то он коренным образом расходился с ним. Таким образом, сформулированная Столыпиным «конституционная программа» могла осуществляться в разрыве с преобладающими состояниями умов, не считаясь с господствующими политическими настроениями и посредством не избранной, а подобранной в угоду властям Государственной думы.

Как известно, программа П.А. Столыпина основывалась на коренном тезисе, согласно которому политическим преобразованиям в стране должно предшествовать разрешение крестьянского вопроса путем создания слоя зажиточных хозяев, который предполагалось сформировать через расслоение крестьянства, получившего возможность выходить из общины и укреплять в собственность наделенные земли. Политические изменения в существе самодержавной власти П.А. Столыпин усматривал не в покушении на прерогативы государя и расширении прав Государственной думы, а в реформировании земских учреждений и местного суда. Не исключено, что он предполагал укрепить законом права и свободы, объявленные в новой редакции Основных законов 23 апреля 1906 г. Вместе с тем проекты П.А. Столыпина оставались весьма далеки от конституционализма и парламентаризма в западном их понимании. Как заявил П.А. Столыпин с трибуны Государственной думы, западноевропейский либерализм является чужеродным цветком на древе русской государственности. Необходимо указать и на то, что даже столь не близкая от идеалов западноевропейской демократии программа П.А. Столыпина потерпела в основном полное поражение в III Государственной думе и Государственном совете. Из всего предложенного им пакета законов успех сопутствовал только мерам по выходу крестьян из общины. Таким образом, весьма затруднительно говорить о проекте преобразований П.А. Столыпина как имевшего успех и открывшего дорогу России для широких преобразований.

Разумеется, Манифест 17 октября и новая редакция Основных законов 23 апреля внесли определенные изменения в политическую систему России. Конечно, они, на наш взгляд, в малой степени покусились на прерогативы самодержавия *de-facto*. Однако юридически законодательные полномочия последнего оказались весьма сужены, поскольку ни один закон более не мог вступить в силу без одобрения его со стороны Государственной думы. Следовательно, отныне самодержавие не могло законодательствовать как ему заблагорассудится, не считаясь с обществом. Попав в подобную ситуацию, власти оставалось либо смириться с неизбежным, либо попытаться подобрать состав Государ-

ственной думы в угоду себе. Верное традиции не считаться с общественным мнением, русское самодержавие после 1906 г. пошло по последнему пути, приблизив начало второй русской революции.

В конце XVIII в. после ликвидации Крымского ханства, турецкого военного присутствия в Северном Причерноморье и трех разделов Польши к Российской империи были присоединены огромные территории. Русское правительство было заинтересовано в скорейшем заселении и освоении плодородных, но совершенно безлюдных в то время южных окраин, а в западных и юго-западных областях — в скорейшей ликвидации или хотя бы минимизации польского влияния. Исходя из этого, власти пытались стимулировать переселение в эти регионы страны выходцев из германских земель, привлекая их экономическими льготами и привилегиями. Итогом подобной политики «открытых дверей» стала массовая миграция в Россию немецкого крестьянства. Первое крупное переселение происходит еще при Екатерине II в конце XVIII в., когда в пределы Российской империи из Пруссии, других германских земель, а также из Голландии хлынули поселенцы-менониты, искавшие убежища от религиозных преследований.¹ Вторая волна этой миграции пришлось на начало царствования Александра I в 1801 г. Переселенцы осели в Юго-Западном крае: первоначально в Киевс-

И. Г. СОБОЛЕВ
НЕМЕЦКОЕ
ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ
В РОССИИ: ОТ
ЛьГОТ И
ПРИВИЛЕГИЙ — К
БОРЬБЕ С
«ГЕРМАНИЗМОМ»
(1801–1914 гг.)

кой, а с 1830 г. — и в Подольской губернии. С 1840-х годов при покровительственном отношении Николая I начинается освоение ими и Волынской губернии, параллельно, хотя и в меньших масштабах, аналогичный процесс шел и в других областях страны, в частности и вблизи самого Петербурга. Однако

нет оснований говорить о быстром ходе переселения: к 1860 г. в трех вышеуказанных губерниях Юго-Западного края, по данным министерства внутренних дел, насчитывалось всего 2443 семейства немецкой национальности.²

Отмена крепостного права, после которой бурно развивающейся промышленности требовалось все большее количество рабочих рук, явилось мощным фактором миграционного процесса. С 1861 г. он принимает массовый характер: резко увеличивается приток переселенцев, обосновавшихся на собственных или арендуемых землях без принятия русского подданства. К 1882 г. в том же Юго-Западном крае насчитывалось уже, по данным МВД, 93 108 поселенцев, имевших на правах собственности или аренды 552 707 десятин земли. Они сохраняли свои национальные особенности, не смеши-

вались с местным населением, образовали самостоятельные поселки, в которых установили свой внутренний распорядок, кое-где выбрали своих должностных лиц, основали школы, церкви и общественные здания. При этом, проживая в России в качестве иностранных подданных, немецкие крестьяне-колонисты по-прежнему не несли никаких повинностей в пользу государства (в том числе не привлекались к военной службе) и не платили никаких налогов. В случае каких-либо конфликтов с местными властями они, как и ранее, обращались к германским дипломатическим агентам.³ Подобное положение дел не вызывало у русского правительства ни малейшего беспокойства, и оно совершенно спокойно относилось к столь «вольготному» сосуществованию в пределах России немецких переселенцев. Этому способствовали, безусловно, не являвшиеся секретом для чиновников германофильские убеждения Александра II, при котором объединенная Германия становится главным политическим и экономическим партнером России.

Трагические события 1 марта 1881 г. в корне изменили ситуацию. В отличие от своего отца, остававшегося до конца жизни убежденным западником, Александр III провозгласил националистически окрашенный внутривластный курс. Новый император с подозрением относился ко все большему проникновению в страну «немецкого начала». Это совпало по времени с охлаждением русско-германских отношений вследствие изменения внешнеполитической ситуации, в частности, фактического распада оформившегося в начале 1870-х годов «Союза трех императоров» — исторически традиционного для России альянса европейского консервативно-монархического начала после Отечественной войны 1812 г.

В 1881 г. немецкие колонисты Петербургской губернии были уравнены в правах с русскими крестьянами. Созданная в 1885 г. по «высочайшему» повелению комиссия министерства внутренних дел занялась исследованием проблемы уже во всероссийском масштабе и сочла обособленное положение немецких колонистов «весьма вредным явлением».⁴ Комиссия пришла к выводу о том, что колонисты «не только не обнаруживают стремления к слиянию с окружающим населением, но упорно сохраняют свою обособленность и отчужденность от русского народа, к которому относятся свысока и почти враждебно».⁵ Как следствие выводов комиссии 14 марта 1887 г., появился «высочайший» указ, согласно которому иностранным подданным воспрещалось впредь приобретать в собственность и временное владение земельную недвижимость вне городских поселений в 21 губернии западной полосы, за исключением наследования по прямой мужской ли-

нии. 15 июня 1888 г. были изданы «высочайшие» утвержденные Правила, согласно которым принявшие русское подданство колонисты вводились в состав городских и сельских обывателей без права занимать общественные должности, а не принявшие такового причислялись к волостям «для отбывания наравне со всем населением денежных и натуральных повинностей». ⁶ При этом процесс расширения колониетского землепользования в других местах традиционного заселения немцев (Прибалтийские губернии, Поволжье и др.) не вызывали в этот период у властей ни малейшего беспокойства и они были озабочены лишь положением дел вблизи западных границ Российской империи, после чего вообще «забыли» на четверть века о немецком землевладении в стране.

Новый всплеск озабоченности правительственных кругов проблемой колониетского землевладения и землепользования происходит за полтора года до начала Первой мировой войны. Как и в 80-е годы XIX в., он был обусловлен внешнеполитическими причинами: именно в этот период назревание противоречий между Россией и Германией начинает набирать силу и становится фактически необратимым процессом.

14 декабря 1912 г. министр внутренних дел А.А. Макаров направил в Государственную думу законопроект, озаглавленный им «О мерах к ограждению русского землевладения в губерниях Юго-Западного края и Бессарабской». Стремясь в достаточной степени обосновать необходимость и правомочность своих предложений, авторы проекта подробно рассматривали историю появления в России земельных собственников-иностранцев, а также всемерно превозносили вышеупомянутые законодательные акты 1887—1888 гг., с сожалением констатируя, что они не устранили ту неблагоприятную ситуацию, которой были обязаны своим возникновением.

Новый законопроект предусматривал запретить лицам иностранного происхождения, принявшим русское подданство после 15 июня 1888 г., приобретать впредь право собственности на недвижимость вне городских поселений в Киевской, Подольской и Волынской губерниях. Лицам иностранного происхождения, состоящим в русском подданстве, но «не усвоившим русской национальности», предлагалось запретить приобретать земельную недвижимость в Бессарабской губернии, при этом «удостоверение о приобретении русской национальности» должно было быть подтверждено свидетельством, выдаваемым генерал-губернатором или губернатором. Во всех остальных случаях (т.е. при отсутствии такого свидетельства) вышеуказанные лица обязаны были

продать недвижимость в течение трех лет с момента приобретения прав на нее. По истечении этого срока, в случае игнорирования владельцем данного предписания, имущество должно было быть продано с торгов в принудительном порядке.⁷

Продуманность проекта А.А. Макарова явно оставляла желать лучшего. Во-первых, он имел локальный характер: ограничительные меры предполагалось распространить лишь на четыре губернии. Авторы проекта фактически реанимировали указ от 14 марта 1887 г., внося в него лишь незначительные изменения и предполагая распространить его действие и на Бессарабскую губернию. Недоумение вызывают разделы, касающиеся «усвоения русской национальности» и документального подтверждения этого факта. Ни малейших намеков на то, на основании каких критериев следовало удостоверить перемену национальности, они не содержат, что открывало чиновникам губернских правлений беспредельные возможности для произвола и мздоимства. Немногие достоинства проекта, да и то лишь по сравнению с последующими ограничительными законами 1915 г., заключались в том, что он, во-первых, не имел обратной силы (т.е. не обязывал собственников продать уже имеющееся имущество), а, во-вторых, предусматривал немедленную выдачу вырученной в случае принудительной продажи имущества суммы бывшему собственнику сразу после завершения процедуры торгов. Хотя отсутствие обратной силы законопроекта можно приветствовать с юридической точки зрения, оно же обуславливало совершенную его «беззубость», так как оставляло неизменным положение дел, сложившееся до момента его предполагавшегося введения в действие.

В целом же проект А.А. Макарова был выдержан в достаточно спокойных тонах, содержал лишь минимум антинемецкой фразеологии и был подчеркнуто направлен против любого иностранного (а не только немецкого) землевладения, хотя разрабатывался именно для ограничения последнего. Он так и не был реализован на практике, ни разу не упоминался ни в последующих делопроизводственных документах, ни в печати, ни с думской трибуны. Вполне возможно мнение правящих кругов о том, что для подобных мер еще не пришло время или что они могут вызвать ответные шаги со стороны Германии. Разразившаяся летом 1914 г. мировая война коренным образом изменила ситуацию. С этого момента проживавшие в России лица немецкой национальности рассматривались властями уже не просто как одна из категорий иностранцев и русскоподданных, а как подданные воюющей с Россией державы или потомки таковых. В 1914—

1916 г. начинается тотальная борьба с «германизмом» в аграрной сфере.

Примечания

¹ РГИА. Ф.1483. Оп. 1. Д. 30. Л. 15-17.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 17.

⁵ Там же. Л. 17 об.

⁶ Там же. Л. 15.

⁷ Там же. Л. 21 об. -22.

Выдающийся русский историк Василий Осипович Ключевский (1841-1911) в период с февраля по май 1905 г. состоял членом Особого совещания «для пересмотра действующих о цензуре и печати постановлений и для составления проекта нового по сему предмету устава» — межведомственного органа, основной задачей которого являлась разработка нового устава о печати, отвечающего требованиям времени.

Предыстория создания Особого совещания такова. 12 декабря 1904 г. в связи с нарастанием напряженности в обществе и неудачами в русско-японской войне Николай II подписал указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», который предусматривал проведение комплекса мер по расширению прав земств, страхованию рабочих, совершенствованию судебной системы, а также отмену наиболее одиозных законов, принятых, как говорилось в указе, в период «беспримерного проявления преступной деятельности врагов общественного порядка».¹ В восьмом пункте документа говорилось о необходимости «устранить из ныне действующих о печати постановлений

**А. В. ЛИХОМАНОВ
В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ
В ОСОБОМ
СОВЕЩАНИИ ПО
СОСТАВЛЕНИЮ
НОВОГО УСТАВА
О ПЕЧАТИ
(1905 г.)**

излишние стеснения и поставить печатное слово в точно определенные законом пределы, предоставив тем отечественной печати, соответственно успехам просвещения и принадлежащему ей вследствие сего значению, возможность достойно выполнять высокое призвание быть прав-

дивою выразительницею разумных стремлений на пользу России».²

Сам Николай II всегда был сторонником принятия жестких мер в отношении печати и идея свободы прессы ему никогда не импонировала. Меньше чем за месяц до принятия указа, 22 ноября 1904 г., он выговаривал министру внутренних дел П.Д. Святополк-Мирскому за то, что он «распустил печать»,³ и можно лишь предполагать, какие именно действующие в то время стеснения печати император считал «излишними».

Реализация положений указа была возложена на Комитет министров, возглавляемый С.Ю. Витте. Как отмечает Р.Ш. Ганелин, Сергей Юльевич, стремясь поскорее расположить к себе издателей и редакторов, чтобы использовать газеты в кампании в пользу возвышения Комитета министров и свое-

го собственного как председателя Комитета, «поторопился поднять вопрос о цензуре и не препятствовал обличению на заседании и в журнале «неправильных и бесцельно стеснительных порядков» в области контроля над печатью».⁴ Рассмотрев 28 и 31 декабря 1904 г. на своих заседаниях положение дел с цензурой, Комитет министров признал целесообразным поручить пересмотр законодательства о печати «особому вневедомственному совещанию под председательством лица и в составе членов по назначению его величества из числа: сановников и должностных лиц, житейский опыт и настоящая или бывшая деятельность которых могут содействовать успешному ходу дела, членов Императорской Академии наук и почетных академиков по разряду изящной словесности, наиболее выдающихся литераторов и публицистов, а равно из представителей заинтересованных ведомств». Было также отмечено, что председатель совещания должен иметь право приглашать «к участию в суждениях с совещательным голосом также и других лиц, могущих принести пользу, в том числе деятелей провинциальной печати».⁵

21 января 1905 г. Николай II утвердил положения Комитета министров «О порядке выполнения пункта восьмого именного высочайшего указа от 12 декабря 1904 года», в которых предусматривалось создание Особого совещания по печати, а 23 января стал известен и его персональный состав, который формировался под руководством Витте.

Председателем особого совещания Николай II назначил директора Императорской Публичной библиотеки, члена Государственного совета, Д.Ф. Кобеко, его членами стали еще 23 человека, включенные в комиссию как по высочайшему повелению, так и представлявшие различные министерства и ведомства: сенаторы А.А. Боровиковский, В.К. Случевский и Н.А. Зверев, товарищ министра народного просвещения С.М. Лукьянов и член совета министра народного просвещения Д.П. Голицын, вице-президент Императорской Академии наук П.В. Никитин, почетные академики по разряду изящной словесности: сенатор А.Ф. Кони, гофмейстер граф А.А. Голенищев-Кутузов и известный общественный деятель К.К. Арсеньев, редактор-издатель журнала «Вестник Европы» М.М. Стасюлевич, редактор-издатель газеты-журнала «Гражданин» князь В.П. Мещерский, редактор газеты «Киевлянин» Д.И. Пихно, издатель газеты «Новое время» А.С. Суворин, редактор «Журнала Министерства народного просвещения» Э.Л. Радлов. Министерство внутренних дел представлял князь Н.В. Шаховской, министерство юстиции - В.Ф. Дерюжинский, Синод - епископ Нарвский Антонин и профессор Санкт-Петербургской духовной академии А.П. Рож-

дественский, Комитет министров — управляющий делами барон Э.Ю. Нольде. В совещание также входили известные своими консервативными взглядами князь Д.Н. Цертелев и Б.М. Юзефович. Стал членом Особого совещания и В.О. Ключевский, единственный москвич в его составе. Следует отметить, что подавляющее большинство членов совещания понимало необходимость смягчения контроля над прессой, приведения существовавшего в то время в России законодательства о печати в соответствие с нормами, принятыми в развитых европейских странах. Естественно, что революционные события, происходившие в России в период работы совещания, несомненно, оказывали влияние на взгляды его участников.

Ключевский чрезвычайно ответственно отнесся к работе в совещании, для участия в котором он был вынужден периодически и иногда надолго уезжать из Москвы. При невозможности прибыть в столицу Василий Осипович просил А.Ф. Кони держать его в курсе дел и вызывать в случаях неотложной надобности.⁶ Как отмечал Кони, Ключевский, «...привыкший к совместной работе с людьми более или менее однородных приемов мышления и способов выражаться, не без любопытства вглядывался в духовную и нравственную „смесь одежд и лиц“, которая свойственна нашим междуведомственным совещаниям и комиссиям».⁷ Для Василия Осиповича, впервые в жизни принимавшего участие в работе правительственного органа, совместная работа с представителями чиновничьего мира была, безусловно, непривычна. Он, особенно первое время, редко выступал или участвовал в дискуссии: обсуждение проблем печати требовало специальных знаний, которыми ученый не обладал. Ключевский, который останавливался в гостинице «Пале-Рояль» на Пушкинской улице, обычно заходил домой к Кони, и они вместе отправлялись в Мариинский дворец на заседание.⁸

Несколько позже, летом 1905 г., Ключевский был включен в состав совещания под председательством Николая II, которое разрабатывало проекты введения народного представительства. Василий Осипович присутствовал только на 13 заседаниях из 36 и выступал только на 4 из них, в основном прислушивался к речам других, и тем с большим вниманием участники совещания воспринимали его слова. Впервые он выступил на заседании совещания 17 февраля 1905 г. по вопросу о порядке открытия повременных изданий. Представитель МВД Н.В. Шаховской и присоединившиеся к нему Д.Н. Цертелев, Д.И. Пихно и В.П. Мещерский на предыдущем заседании предлагали сохранить действующий порядок, при котором открытие новых газет или журналов было возможно только после оформления соответствующего разрешения.

Его получение было обставлено многочисленными условиями, подобная система давала большой простор для административного усмотрения.

Доказывая, что надо походить к вопросу о контроле над печатью с точки зрения права, пользы и целесообразности, он активно возражал попыткам сохранить за администрацией право разрешать или не разрешать к выходу периодические издания, сохранить систему предварительной цензуры. Отвечая тем, кто пытался сравнить журналиста или издателя с врачом, аптекарем или инженером, которым для профессиональной деятельности требуется специальный разрешающий документ, Василий Осипович подчеркивал, что «профессиональные права приобретаются - право слова есть право личное, принадлежащее каждому полноправному гражданину, оно может быть ограничено или потеряно только по суду... всякий полноправный и безупречный гражданин вправе обращаться к той или другой форме печатного слова, не испрашивая этого права, а только подчиняясь условиям, какими закон обставил его осуществление».

В своем выступлении ученый дал также негативную оценку предложению изъять выдачу разрешений на повременные издания из ведения МВД и передать в специально созданное вневедомственное учреждение, состоящее из высших судебных и административных чинов и членов Академии наук. «Таким образом, — указывал Ключевский, — из вневедомственной она (цензура. — А.А.) должна будет превратиться во всеведомственную и от всех ведомств зависимую; единоличное усмотрение заменится усмотрением коллегиальным, что едва ли будет улучшением. По всем этим соображениям я высказываюсь за прямой переход к явочной системе».¹⁰ Явочная система, принятая в то время в США и большинстве стран Западной Европы, предполагала, что желающий открыть печатный орган лишь информирует власти об этом, ему не требуется никаких специальных разрешений.

Ключевский говорил, что ограничения права «приступа к пользованию печатным словом не может быть оправдано никакими политическими соображениями: можно ли лишать лицо права издавать газету в виду возможных, но еще не случившихся с его стороны злоупотреблений? Это значит - наказывать за счет негодянных преступлений».¹¹ На этом же заседании он заявил, что считает установление ответственности за нарушение законов о печати только по суду достаточной гарантией против возможных злоупотреблений.

На заседании, которое проходило 1 марта 1905 г., обсуждался вопрос о сохранении или исключении из устава о цензуре и печати статьи 140, которая предоставляла министру внутренних дел, руководствуясь

соображениями «высшего правительства» и «вопросами государственной важности», право запрещать обсуждение в печати какого-либо дела или вопроса. На практике это приводило к тому, что прессе запрещалось давать информацию о самоубийствах, скачках, тотализаторах, болезнях должностных лиц и т. д. Ключевский активно выступил против подобных запретов, заявив, что 140-я статья представляется ему «занесенной из какого-то другого документа и носит на себе следы более литературной, чем законодательной обработки, судя по выражениям, с трудом поддается юридическому анализу („высшее правительство, вопросы государственной важности“). Он внес предложение отменить эту статью и в дальнейшем законодательно урегулировать, какие именно вопросы могут быть запрещены для обсуждения в печати.¹²

Особенно горячо Ключевский выступал против сохранения обособленной духовной цензуры. На заседании, посвященном духовной цензуре, которое проходило 21 мая 1905 г., он заявил: «Наше дело - освободить печать от излишних стеснений. Одним из таких „излишних стеснений печати" является несомненно духовная цензура».¹³ Василий Осипович подчеркивал, что «Цензурный устав - дело полицейское, а церковь должна и сумеет защитить себя. Русская печать была под двумя цензурами. Разве есть книга, которая бы не подходила под духовную цензуру?». Ключевский предложил исключить из будущего устава о печати главу о духовной цензуре. «Как может церковь высказываться за полицейские меры?» — спрашивал он тех членов совещания, которые выступали за сохранение в том или ином виде этого института.¹⁴

В ходе обсуждения представитель Синода епископ Антонин предложил включить в новый устав о печати положение о праве церковной власти проверять содержание духовных книг и высказывать по ним свое суждение. Полемизируя с ним, Ключевский заявил: «У церкви есть право обличения, вразумления, поучения, все это права чисто нравственного свойства, этого и довольно. Но избави бог, если будет включено в устав о печати право церкви высказываться о содержании печатных произведений и произносить по ним свой суд... Ни право церкви высказывать свое осуждение, ни право писателя получать одобрение Синода - не дело устава о цензуре».¹⁵ Суммируя свое мнение о духовной цензуре, ученый особо отметил: «У церкви нет власти, а только нравственный авторитет. Всякая власть есть, по необходимости, - насилие, а церковь должна быть чужда насилию».¹⁶

24 мая 1905 г. продолжалось обсуждение вопроса о духовной цензуре, и выдающийся историк еще раз подтвердил свою позицию по данному вопросу: «Совещание, отвергнув цензуру светскую, должно пос-

ледовательно отвергнуть и другой вид общей цензуры — цензуру духовную. Я не могу постичь, как может существовать духовная цензура в качестве регулятора проявлений деятельности безустанно работающего христианского духа. Кто может быть уполномочен проверять чистоту учений православной церкви».¹⁷

В этот день Ключевский последний раз участвовал в заседании совещания по составлению нового устава о печати: после возобновления его занятий в сентябре 1905 г. Василий Осипович больше не посещал Маринский дворец. Летом 1905 г. в Петергофе он работал в составе другого совещания под председательством императора, которое выработало предложения по созданию законосовещательной Думы. В дальнейшем Ключевского уже не приглашали работать в высших межведомственных совещаниях. В апреле 1906 г. он не был включен в состав Особого совещания под председательством Николая II, на котором обсуждались проекты Основных законов.¹⁸

«В административной опеке печати нет цели, есть только дурная привычка»¹⁹, — такое суждение содержится в записных книжках ученого, которое как нельзя лучше характеризует его отношение к вопросам, обсуждавшимся на совещании. Мы видим, что Ключевский не только доверил свои взгляды записной книжке, но и имел мужество высказать их в Особом совещании, последовательно выступая за полную отмену предварительной цензуры, устранение административной опеки над печатью. Как отмечает М.В. Нечкина, твердая позиция Василия Осиповича по вопросу о свободе печати позволяет уверенно утверждать, что нет никаких оснований считать выдающегося историка реакционером.²⁰ Действительно, взгляды Ключевского, высказанные на совещании, можно скорее назвать либеральными, но самое важное заключается в том, что они были лишены конъюнктурности и свидетельствовали о твердой гражданской позиции ученого.

Примечания

¹ Указ 12 февраля 1904 г. // ПСЗ. Собр. III. Т. XXIV. № 25495.

² Там же.

³ Дневник Е.А. Святополк-Мирской // Исторические записки. Т. 77. С. 258.

⁴ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. СПб., 1991. С. 47.

⁵ Книжный вестник. 1905. № 4. С. 104.

⁶ Кони А.Ф. На жизненном пути. М., 1916. С. 191.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Протоколы высочайше учрежденного Особого совещания для составления нового устава о печати. СПб., 1913. С. 42.

- ⁰ Там же. С. 42-43.
- ¹ Там же. С. 42.
- ¹² Там же. С. 99-100.
- ¹³ Там же. С. 505.
- ¹⁴ Там же. С. 506.
- ¹⁵ Там же. С. 510.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 517.
- ¹⁸ Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 526.
- ¹⁹ *Ключевский В.О.* Записные книжки. СПб., 2003. С. 199.
- ²⁰ *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974. С. 459.

Утверждение в России в результате реформ 1905-1906 гг. (создание Государственной думы, преобразование Государственного совета) представительного строя знаменовало собой начало нового и последнего периода в истории самодержавия — периода так называемой «думской монархии». Привлечение выборных от населения к участию во власти, нашедшее свое отражение по понятным причинам прежде всего в деятельности Государственной думы, ошутимо повлияло на управленческий процесс, позволив помимо всего прочего полнее учитывать при подготовке соответствующих нормативных актов интересы различных социальных слоев. «С Думой, — вспоминал впоследствии директор канцелярии Главного управления землеустройства и земледелия И. И. Тхоржевский, — поток свежего воздуха ворвался в деловые, но окостенелые петербургские канцелярии».¹ Эффективность системы государственного управления, однако, как известно, определяется не только содержанием тех или иных законодательных и административных актов. От их редакции, степени взаимной согласованности и прочих момен-

М. Ф. ФЛОРИНСКИЙ
К ИСТОРИИ
НОРМОТВОРЧЕСТВА
В РОССИИ В
ПЕРИОД
ДУМСКОЙ
МОНАРХИИ

тов равным образом зависит очень многое. При этом понятно, что прогрессирующее усложнение общественной жизни предъявляет все более жесткие требования к формальной стороне нормотворческого процесса.

В России на момент проведения преобразований 1905-1906 гг.

«юридическую цензуру» законопроектов осуществляла Государственная канцелярия (т.е. канцелярия Государственного совета), которая в этом отношении продолжала традиции, сложившиеся еще в царствование Николая I. Именно тогда в лице учрежденного в 1826 г. II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии был создан орган, призванный наряду с прочим проводить юридическую экспертизу проектов законодательных актов, непосредственно готовившихся преимущественно отдельными ведомствами. Занимаясь, как известно, прежде всего кодификацией, II Отделение с самого начала своей деятельности участвовало «и в текущем законодательстве, входя по передаваемым на его заключение законопроектам в ближайшее рассмотрение вопроса о соответствии их как по существу, так и по форме тем законам, кои уже вош-

ли в Свод (законов Российской империи. - М.Ф.)». ² В январе 1862 г. последовало даже высочайшее повеление, согласно которому «всякий законодательный вопрос или проект нового закона, подлежащий внесению в Государственный совет или в один из высших комитетов» должен был «прежде представления по принадлежности... передаваться из подлежащего министерства на соображение II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии». ³ Правда, вскоре, уже в 1866 г., появилось новое царское повеление, позволившее главам ведомств запрашивать мнение II Отделения относительно подготовляемых ими законопроектов лишь тогда, когда министры сами «по важности предмета» признавали это необходимым. ⁴ Руководители центральных звеньев государственного аппарата, очевидно, стремились избавиться от «цензуры» II Отделения. И все же оно до самой своей ликвидации оказывало ощутимое влияние на законотворческий процесс.

В 1882 г. II Отделение было преобразовано в Кодификационный отдел при Государственном совете. Чиновникам Кодификационного отдела, в частности, вменялось в обязанности определять, в какой мере поступающие в Совет законопроекты отвечали «требованиям законодательной техники», а главноуправляющий Отделом информировал об этом Государственный совет. В 1893 г. Кодификационный отдел был преобразован в Отделение Свода законов Государственной канцелярии. Глава Государственной канцелярии - государственный секретарь - должен был теперь «при рассмотрении дела в Государственном совете представлять в случае надобности объяснения и заключения об отношении обсуждаемого дела к постановлениям действующего законодательства и к разработке Свода законов». ⁵ За техническое редактирование уже прошедших через Государственный совет законопроектов отвечали статс-секретари Государственного совета (т.е. начальники отделений Государственной канцелярии). В ее аппарате служили высококвалифицированные специалисты, обладавшие необходимыми юридическими познаниями и умевшие «привести в стройную систему правила редактируемого закона и формулировать каждое правило настолько ясно, чтобы не могло возникнуть сомнений в его понимании и толковании». ⁶

С преобразованиями 1905-1906 гг. положение Государственной канцелярии в законодательном механизме изменилось. Хотя она (сверх выполнения канцелярских функций при Государственном совете) продолжала заниматься кодификацией, однако государственный секретарь теперь не был обязан представлять законодателям «объяснения и заключения кодификационного характера». Со своей стороны статс-сек-

ретари Государственного совета лишились права редактировать проекты законов.⁷ В результате «юридическая цензура» была ликвидирована, хотя, в частности, перемены в политическом строе, предоставленные самым разным, остро конкурировавшим друг с другом политическим силам возможности влиять на нормотворческий процесс требовали, скорее, ее «ужесточения». В этой связи еще 14 октября 1905 г. при обсуждении в созданном для рассмотрения различных преобразовательных проектов Особом совещании Д.М. Сольского вопроса о грядущей реформе Государственного совета один из членов Совещания — А.А. Половцов (кстати сказать, с 1883 по 1892 г. он занимал пост государственного секретаря) предложил «учредить наподобие французского conseil d'Etat (Государственного совета. — М.Ф.) нечто вроде отдельного от других коллегий кодификационного присутствия, на которое и возложить обязанность редактировать подробно законы, кои будут постановляться Гос. думою, Гос. советом, а равно постановления Совета министров, имеющие предметом как внесение в Думу законодательных проектов, так и разъяснения применения законов и административных, циркулярных обязательных постановлений».⁸ Таким образом, имея в виду опыт Франции, А.А. Половцов ратовал за создание специального органа, призванного следить за соответствием требованиям юридической техники не только законов, как это делала Государственная канцелярия, но и различных актов исполнительной власти. Предложение бывшего государственного секретаря получило единодушную поддержку членов Совещания. Однако особого решения по этому вопросу тогда принято не было.

Спустя почти полгода, поставленная А.А. Половцовым проблема снова попала в поле зрения правящих кругов. 6 апреля 1906 г. образованное также под председательством Д.М. Сольского Особое совещание об издании нового Учреждения Государственного совета высказалось за образование, «по примеру существующего во Франции conseil d'Etat», особого «законоподготовительного» коллегиального органа «с возложением на него» не только редактирования, но и «предварительной разработки ... законопроектов по поручениям Совета министров, а также Государственного совета и Государственной думы в тех случаях, когда они признают то необходимым». Председатель и члены данной коллегии должны были назначаться царем из лиц, «доказавших своею предшедшую служебного или ученою деятельностью их компетентность в законодательных работах». А.А. Половцов, участвовавший в работе и этого Совещания, поддержал принятое решение, причем предло-

жил «на первое время учредить такую коллегия в Государственной канцелярии».¹⁰

В своих суждениях члены Совещания Д.М. Сольского исходили главным образом из того, что вероятным результатом наделения Думы и Государственного совета правом законодательного почина будет появление «законопроектов, весьма различных по содержанию, направлению, системе и терминологии».¹¹ Привести их, по возможности, к общему «знаменателю» и должен был особый «законоподготовительный» орган. При наличии двух столь разных по составу, но равноправных законодательных палат, как Дума и Государственный совет, образование такой структуры, вероятно, явилось бы полезным делом. Впрочем, при этом, несомненно, имелось в виду в первую очередь обеспечить соответствие принятым «законодательным стандартам» результатов инициатив депутатов Думы. В последних сановные члены Совещания Д.М. Сольского видели не слишком компетентных представителей «толпы».¹² Не случайно А.А. Половцов рекомендовал создать, по крайней мере для начала, «законоподготовительный» орган «в Государственной канцелярии», которая не только располагала высококвалифицированными кадрами, но и являлась хранительницей традиций Государственного совета.

Свое решение Совещание Д.М. Сольского рассматривало как сугубо предварительное, в принципе считая, что «вопрос этот требует ... дальнейшей разработки и нуждается в специальном обсуждении».¹³ Провести в жизнь рекомендации Совещания попытался государственный секретарь Ю.А. Иксуль фон Гильденбант.¹⁴ В 1906-1907 гг. им было подготовлено два проекта, предусматривавших создание в России учреждения «вроде французского conseil d'Etat».¹⁵ Каких-либо следов обсуждения этих проектов в правящих кругах нам обнаружить, однако, не удалось. В начале же 1908 г. Ю.А. Иксуль представил Николаю II пространную записку, датированную 25 января, в которой ратовал за образование в Государственной канцелярии под руководством государственного секретаря Особого совещания для предварительного соображения дел законодательных и верховного управления.¹⁶ Входящие в его состав товарищ государственного секретаря и статс-секретари Государственного совета должны были рассматривать по просьбе Совета министров или отдельных министров правительственные законопроекты перед их внесением в Думу или Государственный совет, а также по желанию Думы все поступившие на обсуждение депутатов законопроекты с целью выяснения вопроса «о соответствии проекта духу и разуму действующего законодательства» и предложе-

ния «в них тех изменений, кои оказываются необходимым для присвоения проектируемому закону большей ясности, точности полноты, а также для ближайшего его согласования с подлежащими статьями Свода законов».¹⁷ По инициативе Совета министров или главы какого-либо ведомства в Совещание могли передаваться проекты царских указов и повелений, причем оценивая их, Особое совещание обязано было установить, «находится ли проектируемый указ или повеление в соответствии с законами».¹⁸

Дума (через председателей комиссий) получало право обращаться за консультацией в Особое совещание по поводу вообще всех рассматриваемых ею дел,¹⁵ т.е. не только законопроектов, но и, например, запросов правительству. Что касается Государственного совета, то оказывать ему юридическую помощь должен был, согласно новому проекту, не специальный орган в составе Государственной канцелярии, а сама Государственная канцелярия, как учреждение, призванное вести делопроизводство Совета.²⁰

Предложения Ю.А. Иксуля Николай II велел рассмотреть в Совете министров.²¹ Однако, по-видимому, еще до получения тогдашним председателем Совета министров П.А. Столыпиным этого распоряжения в кабинете 18 марта 1908 г. был заслушан вопрос «о сообщении Государственной канцелярией соображений своих по вносимым в законодательные учреждения законопроектам». Признав оповещение Государственной канцелярией обеих палат о ее замечаниях по ведомственным законопроектам делом недопустимым (а такое ранее практиковалось),²² Совет министров принял решение, согласно которому ведомства должны были присылать на отзыв в Государственную канцелярию все свои законопроекты перед их внесением в Думу или Государственный совет, а также привлекать «представителей Государственной канцелярии к участию в разработке особо сложных законопроектов в образуемых для сего междуведомственных комиссиях».²³ Вводя для ведомственного законотворчества обязательную «юридическую цензуру» Государственной канцелярии, кабинет в известном смысле пошел дальше, чем шел в своем проекте Ю.А. Иксуль (о самом проекте государственного секретаря, насколько можно судить по особому журналу Совета министров 18 марта 1908 г., на заседании ничего не говорилось). Совет министров, однако, ясно дал понять Ю.А. Иксулю, что чины Государственной канцелярии, проинформировав ведомства о замечаниях по законопроектам, далее ни в коем случае не должны сообщать о таких замечаниях, хотя бы и проигнорированных правительством, Думе и Государственному совету (а проект Ю.А. Иксуля это

допускал). В сущности, государственному секретарю, не являвшемуся, вообще говоря, членом кабинета, рекомендовалось руководствоваться в своих отношениях с законодательными учреждениями принципом «министерской солидарности». В этом случае, кстати сказать, правительство, имея в виду, что замечания Государственной канцелярии в палатах уже не всплывут, сравнительно легко могла бы при необходимости отмахнуться от ее возражений.

Решения Совета министров от 18 марта 1908 г. были 23 апреля 1908 г. утверждены Николаем II. Между тем в кабинете началась подготовка к обсуждению планов Ю.А. Иксуля.²⁴ Государственная же канцелярия после утверждения Николаем II особого журнала Совета министров 18 марта 1908 г. прекратила оказывать депутатам Думы консультационные услуги. Это вызвало недовольство нижней палаты, для которой, по признанию Совещания Думы, «соображения» Государственной канцелярии служили «весьма ценным материалом».²⁵ В результате председатель Думы Н.А. Хомяков, узнав от Ю.А. Иксуля о принятых кабинетом 18 марта 1908 г. решениях, послал государственному секретарю специальную памятную записку. В ней Н.А. Хомяков просил Ю.А. Иксуля, в частности, информировать нижнюю палату, по крайней мере, о замечаниях Государственной канцелярии по законопроектам, подготовленным по инициативе самих депутатов, а также внесенным в Думу по почину правительства или Государственного совета и существенно Думой измененных.²⁶ С другой стороны, собравшееся в Государственной канцелярии в начале ноября 1908 г. Совещание под председательством Ю.А. Иксуля (в работе Совещания участвовали статс-секретари Государственного совета и пр.) констатировало, что уже рассмотренные в Канцелярии ведомственные законопроекты нередко основательно переделываются «при дальнейшем их движении как в самих ведомствах и в Совете министров, так и в Государственной думе». В результате, по мнению чинов Государственной канцелярии, в Государственный совет попадали законопроекты, страдавшие «техническими недостатками», и верхняя палата оказывалась перед перспективой «или в ущерб делу одобрять заведомо дефектные в указанном отношении законопроекты, или же возвращать их ... в Государственную думу, либо в согласительные комиссии, рискуя вызвать этим не только потерю времени, но и разногласие двух законодательных палат». Имея в виду данное обстоятельство, Совещание в духе проекта Ю.А. Иксуля, признало желательным участие «Государственной канцелярии в более поздних стадиях движения законопроектов».²⁷

Тем временем в руководстве Государственной канцелярии произош-

ли перемены. Назначенный 1 января 1909 г. членом Государственного совета Ю.А. Иксуль покинул пост государственного секретаря, так и не дождавшись рассмотрения в кабинете своих предложений. Государственным секретарем стал А.А. Макаров — один из сотрудников П.А. Столыпина по министерству внутренних дел, где он занимал должность товарища министра. 31 января 1909 г. П.А. Столыпин обратился к бывшему подчиненному с письмом, в котором просил его высказать свое мнение по поводу проекта Ю.А. Иксуля. Отмечая, что проект в соответствии с распоряжением Николая II должен быть рассмотрен в Совете министров, П.А. Столыпин предлагал А.А. Макарову, если бы последний признал «необходимым дать этому вопросу какое-либо иное направление, испросить на сей счет новых от его императорского величества указаний...».²⁸

Обращаться к царю за новыми указаниями государственный секретарь, во всяком случае сразу, не стал. Получив письмо П.А. Столыпина, А.А. Макаров поручил статс-секретарю Государственного совета (начальнику Отделения Свода законов) С.В. Безобразову подготовить заключение по проекту Ю.А. Иксуля. В апреле 1909 г. С.В. Безобразов, выполнив распоряжение государственного секретаря, представил ему доклад «о консультативных обязанностях Государственной канцелярии».²⁹

Поддержав планы Ю.А. Иксуля в принципе, С.В. Безобразов, однако, рекомендовал внести в них существенные коррективы. Прежде всего, по мнению С.В. Безобразова, не было никакой необходимости образовывать, как предлагал Ю.А. Иксуль, «в составе Государственной канцелярии» Особое совещание для подготовки заключений для правительства и Думы. Это, подчеркивалось в докладе, лишь «отвлекало бы... статс-секретарей Государственного совета от их прямых обязанностей». Порядок подготовки в Государственной канцелярии всех экспертных заключений, с точки зрения С.В. Безобразова, должен был определять государственный секретарь «сообразно указаниям опыта и другим условиям».³⁰

Далее, предложения С.В. Безобразова учитывали принятые кабинетом 18 марта 1908 г. решения об обязательном направлении на экспертизу в Государственную канцелярию всех ведомственных законопроектов. По мнению С.В. Безобразова, ведомства должны были также непременно посылать в Канцелярию и «проекты высочайших указов и повелений, издаваемых в порядке верховного управления по делам, имеющим общее значение», причем «не только для удостоверения, что проекты эти находятся в соответствии с законами, как это было наметено в повергнутых на высочайшее благовоззрение предположениях

(Ю.А. Иксуля. - М.Ф.), но и на общем основании (т.е. и для решения вопроса об их соответствии «духу и разуму» действующего законодательства. — М.Ф.)». ³¹ Таким образом, при осуществлении предложений С.В. Безобразова сотрудники Государственной канцелярии играли бы как консультанты правительства в некотором отношении роль, более значительную, нежели в случае реализации плана Ю.А. Иксуля.

Ограничивая область контактов Государственной думы с чинами Государственной канцелярии собственно законотворческой сферой, С.В. Безобразов при этом, как и Ю.А. Иксуль, собирался дать Думе право пользоваться по ее усмотрению услугами Государственной канцелярии при обсуждении законопроектов, разработанных по инициативе палаты. Считаясь с нежеланием кабинета допустить ознакомление депутатов с замечаниями Государственной канцелярии по поводу ведомственных законопроектов, он, однако, собирался позволить Думе посылать «на предварительное заключение государственного секретаря» из числа таких законопроектов (как, впрочем, и из числа подготовленных по инициативе Государственного совета) те, которые подверглись в думских комиссиях «более или менее существенным изменениям». ³² Обосновывая свою позицию, С.В. Безобразов в данном случае ссылаясь на упомянутую записку Н.А. Хомякова. Соответствующие положения записки, в сущности, прямо воспроизводились в тексте доклада. При этом С.В. Безобразов обошел молчанием вопрос об обстоятельствах, при которых Государственная канцелярия должна была бы оказывать юридическую помощь Государственному совету. Очевидно, С.В. Безобразов считал само собой разумеющимся тот факт, что Государственная канцелярия как канцелярия верхней палаты будет обязана консультировать Государственный совет во всех случаях, когда последний признает такие консультации необходимыми.

Представленный А.А. Макарову доклад, как отмечал впоследствии сам автор этого документа, не получил «дальнейшего движения». ³³ Проект Ю.А. Иксуля ни в своем первоначальном виде, ни с поправками С.В. Безобразова в Совете министров так и не обсуждался. Возможно, П.А. Столыпин в конце либо сам добился от Николая II отмены распоряжения о рассмотрении предложений Ю.А. Иксуля в кабинете, убедив монарха в их заведомой нецелесообразности, либо уговорил сделать это А.А. Макарова, который со своей стороны, судя по всему, не проявил интереса к идеям Ю.А. Иксуля и С.В. Безобразова. Не исключено, разумеется, что по инициативе главы кабинета и с согласия нового государственного секретаря дело было просто «спущено на тормозах» без доклада императору. Вообще, бесшумные «похороны» цар-

ских распоряжений, почему-либо неугодных бюрократическим верхам, случались нередко.

Само решение Совета министров от 18 марта 1908 г. об обязательном представлении правительственных законопроектов в Государственную канцелярию и о привлечении ее сотрудников к работе комиссиями по подготовке этих законопроектов выполнялось ведомствами не слишком пунктуально. В «цензуре» Государственной канцелярии они часто видели лишь досадную помеху, тормозившую работу государственного аппарата. И это было, в общем, естественным явлением. В сущности, ведомства и Государственная канцелярия в данном случае представляли два разных, хотя и одинаково необходимых «начала» государственности. Государственная канцелярия — «формальное». Ее сотрудники выступали и должны были выступать при рассмотрении законопроектов именно как формалисты. Ведомственные же чины, занимавшиеся «живым делом», говорившие как бы от его имени, нередко были склонны усматривать в такой позиции своих коллег из Канцелярии всего лишь проявление ненужного педантизма. Найти общий язык было нелегко. В результате в Совет министров часто поступали законопроекты, которые «вовсе не сообщались ни до внесения их в Совет, ни одновременно с сим на заключение государственного секретаря».³⁴ С другой стороны, ведомства иногда информировали его о своих «предположениях» одновременно «с внесением их в Совет министров с просьбою заявить могущие встретиться по ним замечания при самом обсуждении этих предположений в Совете», хотя дело вовсе не требовало срочного решения. В результате государственный секретарь, приглашавшийся на заседания кабинета при рассмотрении там проектов нормативных актов, «по недостатку времени» не всегда мог доложить Совету министров о своих замечаниях «кодификационного характера».³⁵ Законопроекты, готовившиеся при участии представителей Государственной канцелярии, обычно присылались государственному секретарю за 3-4 дня до обсуждения в Совете министров, даже если ведомства придавали этим законопроектам «окончательный вид» исключительно своими силами. В итоге сотрудники Государственной канцелярии просто не успевали «сообразить» дела «с надлежащею полнотою и тщательностью».³⁶

Бороться с такими порядками попытался С.Е. Крыжановский, сменивший А.А. Макарова на посту государственного секретаря в сентябре 1911 г. В принципе С.Е. Крыжановский, по-видимому, был в течение какого-то времени не прочь попробовать реализовать планы Ю.А. Иксуля или С.В. Безобразова. Не случайно летом 1912 г. С.Е. Крыжановский счел нужным ознакомиться с докладом С.В. Безобразова А.А. Ма-

карову по поводу проекта Ю.А. Иксуля.³⁷ В конечном итоге, однако, С.Е. Крыжановский ограничился тем, что 8 декабря 1913 г. обратился к тогдашнему председателю Совета министров В.Н. Коковцову с письмом, в котором просил главу правительства напомнить руководителям ведомств о решении кабинета от 18 марта 1908 г. и предложить им принять меры, необходимые для успешного выполнения Государственной канцелярией своих экспертных функций. Равным образом, подчеркивалось в письме, было бы полезно, если бы на «заключение государственного секретаря» поступали не только ведомственные законопроекты, но и проекты актов верховного управления, имеющие «прямое отношение к постановлениям Свода законов».³⁸

В.Н. Коковцов во всем поддержал С.Е. Крыжановского и 23 декабря 1913 г. обратился к начальникам ведомств со специальным циркулярным письмом, в сущности воспроизводившем пожелания государственного секретаря.³⁹ Таким образом, С.Е. Крыжановский помимо прочего добился того, что круг вопросов, при решении которых правительство должно было выслушивать мнение Государственной канцелярии, существенно расширился. Достигнутый успех не имел, однако, под собой прочной правовой основы. Премьер не мог приказывать главам ведомств. Поэтому соответствующее решение В.Н. Коковцова имело силу лишь постольку, поскольку с позицией премьера были согласны прочие члены кабинета.

Действия С.Е. Крыжановского и В.Н. Коковцова, ставшие достоянием гласности, вызвали известный общественный резонанс. Газета П.П. Рябушинского «Утро России» в специальной статье резко осудила поведение и премьера и государственного секретаря. Автор публикации увидел в обращении С.Е. Крыжановского к главе кабинета всего лишь проявление личных амбиций, полагая, что С.Е. Крыжановский, став государственным секретарем (ранее он был, как в свое время А.А. Макаров, товарищем министра внутренних дел), занял «пост почетный, министерский, но без власти и без влияния», а потому «скачет, томится и подыскивает поводы для проявления своих стремлений к власти и влиянию».⁴⁰ Решение кабинета от 18 марта 1908 г., отмечалось в статье, во-первых, незаконно, ибо в Учреждении Государственного совета нет ни малейшего намека «на контрольное наблюдение государственного секретаря за законопроектами», а во-вторых, нецелесообразно, поскольку плодит излишнюю переписку, в которой «потонут интересы дела». Впрочем, отнюдь не склонная петь дифирамбы представителям высшей бюрократии кадетская «Речь» (с ней как раз «Утро России» в данном случае полемизировало) отнеслась к инициативам

С.Е. Крыжановского иначе, считая, что «дефекты нашей законодательной техники побуждают признать контроль государственного секретаря за законопроектами безусловно необходимым».⁴¹

В целом с мнением С.Е. Крыжановского по поводу проектов различных нормативных актов главы ведомств в течение всего его пребывания на посту государственного секретаря (до 1 января 1917 г.) весьма и весьма считались. Высококвалифицированный и опытный юрист, являвшийся «одним из основных авторов едва ли не всех государственных реформаторских проектов» эпохи превращения «классического» самодержавия в думскую монархию,⁴² создатель третьей юнкерской избирательной системы, С.Е. Крыжановский пользовался большим авторитетом в бюрократических сферах. Даже утвержденное Николаем II в самый канун глобального вооруженного конфликта Положение о полевом управлении войск в военное время, которое военный министр В.А. Сухомлинов не посчитал нужным обсудить в кабинете, было все же послано «для соображения» в Государственную канцелярию.⁴³ Когда С.Е. Крыжановский присутствовал на заседаниях кабинета, министры обращались к государственному секретарю «не только за разного рода формальными разъяснениями, но гораздо чаще и по существу того или иного вопроса или законодательного предположения».⁴⁴ Мнение С.Е. Крыжановского «нередко... предопределяло судьбу законопроекта, изменяя его первоначальное направление, еще задолго до внесения последнего в Совет министров».⁴⁵ Показателен и следующий эпизод. В конце 1916 г. в бытность премьером А.Ф. Трепова Совет министров рассматривал ходатайство Синода об отпуске 30 тыс. руб. на помощь пленным священникам, каковое кабинет вознамерился отклонить. Присутствовавший при обсуждении С.Е. Крыжановский порекомендовал товарищу обер-прокурора Н.Д. Жевахову (он заменял на заседании обер-прокурора): «... если Совет откажет, то потребуйте соединенного заседания Совета министров и Синода».⁴⁶ Такие собрания действительно могли созываться (но на практике не созывались из-за отсутствия повода) в случае конфликтов между духовным и светским правительствами, согласно принятому кабинетом еще осенью 1913 г. решению,⁴⁷ о котором в конце 1916 г. уже «никто не знал».⁴⁸ Н.Д. Жевахов последовал совету С.Е. Крыжановского, и озадаченный А.Ф. Трепов, убедившись в наличии упомянутого постановления, заявил, выражая мнение кабинета: «Тогда, конечно, не стоит из-за 30 000 руб. осложнять вопрос».⁴⁵

И все же добиться неукоснительного соблюдения ведомствами порядка, установленного решением кабинета от 18 марта 1908 г., кото-

рое, как отмечалось, было подтверждено и дополнено циркулярным письмом В.Н. Коковцова, С.Е. Крыжановскому не удалось. Отчасти это было обусловлено объективными факторами. С началом войны правительство оказывалось вынужденным сплошь и рядом решать разного рода государственные дела в ускоренном порядке. Сама жизнь требовала упрощения процедуры их рассмотрения и строго следовать правилам, призванным регулировать работу административного механизма в «нормальной» обстановке, в чрезвычайных условиях военного времени часто было просто невозможно. Нередко, однако, в годы войны ссылка на «спешность» являлась лишь предлогом, позволявшим ведомствам уклоняться от нежелательных им почему-либо объяснений с Государственной канцелярией.

12 октября 1916 г. С.Е. Крыжановский обратился к председателю Совета министров Б.В. Штюрмеру с письмом, в котором заявлял о своей готовности смириться с тем, что «в случаях особо спешной разработки проводимых по статье 87 Основных законов постановлений законодательного свойства ... подобные законопроекты» поступают в Государственную канцелярию «только за день или два перед слушанием их в Совете министров или становятся известными лишь из журналов Совета министров, сообщаемых для замечаний».⁵⁰ О необходимости обязательно посылать на отзыв в Государственную канцелярию проекты наиболее важных актов верховного управления С.Е. Крыжановский вообще не упоминал, очевидно, считая данное требование в условиях военного времени невыполнимым.

С.Е. Крыжановский, однако, сетовал на то, что ведомства стараются «обойти» Государственную канцелярию и тогда, когда «продвигают» такие законопроекты, которые «разрабатывались весьма продолжительное время и даже рассылались на заключение других ведомств».⁵¹ В целях борьбы с явлениями подобного рода государственный секретарь полагал необходимым включить в Свод законов высочайшее повеление от 23 апреля 1908 г. по журналу Совета министров 18 марта 1908 г. Этот шаг, полагал С.Е. Крыжановский, «не останется без влияния на большую последовательность применения преподанных Советом правил...». Поскольку Свод законов мог быть «пополняем только обнародованными... узаконениями», а высочайшее повеление от 23 апреля 1908 г. таковым не являлось, постольку С.Е. Крыжановский обращался к премьеру с просьбой сообщить свое мнение относительно возможности опубликования данного царского распоряжения.⁵²

Информация о письме С.Е. Крыжановского к Б.В. Штюрмеру попала в прессу. «Речь» теперь осудила действия государственного секре-

таря. При этом охваченный критическим азартом автор статьи противоречил самому себе. В начале статьи С.Е. Крыжановский осуждался за готовность мириться с нарушениями закона, каковым признавалось (ошибочно) высочайшее повеление от 23 апреля 1908 г. В конце же публикации автор объявлял это повеление всего лишь инструкцией, что было ближе к истине, и порицал С.Е. Крыжановского за желание включить повеление в Свод законов.⁵³

Получив письмо С.Е. Крыжановского, Б.В. Штюмер счел необходимым рассмотреть поднятые там вопросы в Совете министров. Обсуждение состоялось 21 октября 1916 г. в присутствии государственного секретаря, всесторонне обосновавшего во время дискуссии необходимость обнародования высочайшего повеления от 23 апреля 1908 г. и включения его в Свод законов, поскольку это «придало бы сему правилу большую известность».⁵⁴ Усилия С.Е. Крыжановского, однако, успехом в данном случае не увенчались. Члены кабинета отметили, что «при издании обсуждаемых правил в 1908 г. не возникало вопроса ни о их обнародовании, ни о последующей их кодификации», так как они «касаются собственно внутреннего распорядка правительственных установлений».⁵⁵ Это соображение (а кабинет здесь был совершенно прав) никогда, однако, не имело сколько-нибудь существенного значения, и, разумеется, не случайно Совет министров вдруг проявил заботу о «чистоте» свода, признав возможным лишь «преподать соответственные указания главным начальникам ведомств». Последнее, утверждалось в журнале кабинета, и сами «заинтересованы... в более совершенном изложении вносимых по вверенным им отраслям управления законодательных предположений».⁵⁶ Иными словами, члены Совета министров просто не желали связывать себе руки обнародованными и включенными в Свод законов правилами.

В основном принятые кабинетом решения воспроизводили содержание циркулярного письма В.Н. Коковцова.⁵⁷ При этом особый журнал Совета министров 21 октября 1916 г. не был послан на утверждение Николаю II. Таким образом, постановления кабинета, в сущности, являлись лишь обещанием, данным главам ведомств государственному секретарю, обещанием не пытаться без крайней нужды игнорировать «цензуру» Государственной канцелярии. В принципе не было никаких оснований надеяться на то, что принятые решения возымеют больший эффект, нежели возымели в свое время царское повеление от 23 апреля 1908 г. и циркулярное письмо В.Н. Коковцова.

И все же на момент Февральской революции воздействие Государственной канцелярии на нормотворческий процесс было довольно ощу-

тимым. Конечно, перенести в Россию «французские порядки», как того хотелось некоторым представителям высшей бюрократии, в полной мере не удалось. Государственная канцелярия оказывала юридическую помощь преимущественно правительству. Впрочем, ведь именно оно и готовило не только акты верховного управления, но и основную массу законопроектов. С крушением империи при новой власти соответствующие функции Государственной канцелярии были в общем восприняты Юридическим совещанием при Временном правительстве.

Примечания

- ¹ *Тхоржевский И.И.* Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 158.
- ² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1162. Оп. 5. 1907. Д. 8. Л. 2 об.
- ¹ Там же. Л. 3.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. Л. 3 об.
- ¹ Цит. по: *Ремнев А.В.* Тайные пружины царских канцелярий, или история жизни одного российского бюрократа // Выдающиеся государственные деятели России XVIII-XIX вв. Материалы научно-практической конференции на тему: Какой правитель нужен России. Омск, 1996. С. 108.
- ⁷ *Флоринский М.Ф.* Государственный секретарь Ю.А. Икскуль фон Гильденбандт и проблема нормотворчества в России в период думской монархии // Государственная власть и общественность в истории центрального и местного управления Россией. Сб. ст. памяти М.М. Шумилова. СПб., 2004. С. 241.
- ^{*} Дневник А.А. Половцова// Красный архив. 1923. Т. 4. С. 76-77.
- ¹ РГИА. Ф. 1162. Оп. 5.1907. Д. 8. Л. 1-1 об.
- ¹⁰ Дневник А.А. Половцова. С. 100.
- ^{II} РГИА. Ф. 1162. Оп. 5.1907. Д. 8. Л. 1.
- ¹² *Флоринский М.Ф.* Государственный секретарь Ю.А. Икскуль фон Гильденбандт. С. 241.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 1162. Оп. 5.1907. Д. 8. А. 1 об.
- ¹⁴ О мотивах, которыми он в данном случае руководствовался, см.: *Флоринский М.Ф.* Государственный секретарь Ю.А. Икскуль фон Гильденбандт. С. 244.
- ¹¹ Подробнее см.: Там же. С. 241-243.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 6. Л. 4-10 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 9.
- ¹⁶ Там же. Л. 9 об.-10.
- ¹⁸ Там же. Л. 10.
- ¹⁹ Там же. Л. 10 об.
- ²⁰ Там же. Л. 1.
- ¹² *Флоринский М.Ф.* Государственный секретарь Ю.А. Икскуль фон Гильденбандт. С. 245.

- 23 РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 6. Л. 12.
- 24 Подробнее см.: *Флоринский М.Ф.* Государственный секретарь Ю.А. Икскуль фон Гильденбандт. С. 246-247.
- " РГИА. Ф. 1162. Оп. 5. 1907. Д. 8. Л. 29.
- 26 Там же. Л. 94 об.
- 27 Там же. Л. 56 об.
- 28 Там же. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 6. Л. 22-22 об.
- 25 Там же. Ф. 1162. Оп. 5. 1907. Д. 8. Л. 88.
- 30 Там же. Л. 98.
- 31 Там же. Л. 97.
- 32 Там же. Л. 99 об.
- 33 Там же. Л. 86.
- 34 Там же.
- 35 Там же. Л. 112.
- 36 Там же. Л. 112-112 об.
- 37 Там же. Л. 86.
- 38 Там же. Л. 113 об.
- 39 Там же. Л. 115-117 об.
- 40 Утро России. 1913. 29 дек.
- 41 Там же.
- 42 Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 465.
- 43 *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Российская государственность и первая мировая война // Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 11-12.
- 44 *Жевахов Н.Д.* Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова. Т. 1. М., 1993. С. 118.
- 45 Там же.
- 46 Там же.
- 47 РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 830. Л. 38-46.
- 48 *Жевахов Н.Д.* Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода. С. 118.
- 49 Там же. С. 119.
- 50 РГИА. Ф. 1162. Оп. 5. 1907. Д. 8. Л. 120 об.
- 51 Там же. Л. 121.
- 52 Там же. Л. 121 об.
- 53 Речь. 1916. 23 окт.
- 54 РГИА. Ф. 1162. Оп. 5. 1907. Д. 8. Л. 134.
- 55 Там же.
- 56 Там же. Л. 134-134 об.
- 57 Там же. Л. 134 об.

В современной России Первую мировую войну нередко называют войной «забытой».¹ Для такого утверждения есть основания. Видение истории советскими историками было избирательным и телеологичным: все события, предшествовавшие 1917 г., рассматривались с точки зрения подготовки соответствующих «условий» и «предпосылок». Такой подход влиял на выбор тем исследований, используемых источников и, разумеется, на выводы историков.

Тем не менее в советский период была проделана большая работа по изучению ряда важных тем. Прежде всего это дипломатическая история. Политику большевиков невозможно представить без сенсационных публикаций из архива Министерства иностранных дел, начатую уже в ноябре 1917 г. И в последующее время советское правительство активно использовало публикации как политическое средство. Радикальный разрыв с дореволюционным прошлым предоставлял большевикам по сравнению с другими правительствами большую свободу рук. Неудивительно, что советские публикации пользовались интересом у историков разных стран, часть их бы-

**Б. И. КОЛОНИЦКИЙ
НЕИЗВЕСТНЫЙ
СОЛДАТ?
К ИЗУЧЕНИЮ
ИСТОРИИ
РОССИЙСКИХ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
ЭПОХИ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ
ВОЙНЫ**

стро переводилась. Закулисная сторона этих «археографических наступлений», предпринимавшихся с санкции высшего политического руководства страны, еще ждет своего исследователя. В 1920-1930-е годы вышел ряд интересных книг по истории внешней политики, некоторые из них

не потеряли своего значения. После Второй мировой войны процесс публикации был ограничен, некоторые важные археографические проекты были прекращены. Доступ исследователей к дипломатическим документам был весьма затруднен. Это сказалось и на исследованиях. Вместе с тем появился ряд важных работ, посвященных различным аспектам внешней политики России в годы войны.

Особое внимание советская историография уделяла деятельности революционных организаций. Но это направление подвергалось особому идеологическому прессу. Масштабы революционной деятельности преувеличивались и «большевизировались» — в ущерб иным оппозиционным силам.

Другим важным направлением было изучение экономической истории, это было связано с выявлением «предпосылок» революции.

Традиционно в центре внимания советских историков была история «низов», прежде всего история рабочего класса. Наиболее известные работы Ю.И. Кирьянова. Разумеется, обстоятельства времени и места наложили отпечаток на его труды. Во время «перестройки» историк получил возможность иначе изложить свое видение этой темы. Однако его работа была прервана смертью. У советской историографии рабочего класса и у западной социальной истории 1960—1970-х годов есть некоторые точки соприкосновения, но нельзя не видеть и важные различия. В центре внимания советских историков были прежде всего экономические тяготы и классовая борьба, прочим аспектам социального должного внимания не уделялось, а все социальные конфликты политизировались и идеологизировались.

Разумеется, в разные периоды с разной степенью интенсивности изучалась и собственно военная история. Советские военные историки, подобно своим собратьям в других странах, были весьма часто сторонниками цеховой специализации, не очень интересовавшимися работами коллег, исследовавших другие сюжеты. В центре их внимания — действия полководцев разного уровня. О том особом идеологическом давлении, которому подвергались советские военные историки, свидетельствуют повороты в освещении личности генерала А.А. Брусилова.²

Наконец, уже в советское время было начато профессиональное изучение политики верхов в годы войны. В этом отношении имели особое значение новаторские работы В.С. Дякина.³ Эти сюжеты ныне разрабатываются особенно интенсивно.⁴

Казалось бы, «перестройка» и крах коммунизма должны были способствовать радикальному историографическому перевороту. Однако этого не произошло, мы не видим в последнее время работ, обозначающих новые прорывы. Снятие цензурных ограничений и облегчение доступа в архивы используются прежде всего для продолжения тем, разрабатывавшихся уже в советский период. Результатами этих работ являются порой важные уточнения, но они не предлагают нового видения темы.

Например, мы видим новые работы в области внешней политики, но сложно представить, чтобы в российской историографии появилась работа, сопоставимая по своему значению с трудом Ф. Фишера. Не видно работ, которые бы дали картину российского города, подобную той, какую дали авторы международного проекта по сравнительному изучению Берлина, Лондона и Парижа в годы войны.⁵

Весьма показательна в историографическом отношении коллективная монография по истории Первой мировой войны, подготовленная в

Институте всеобщей истории Российской Академии наук.⁶ Большинство авторов продолжает, порой уточняя и дополняя, старые сюжеты. Некоторые же параграфы вполне могли бы быть опубликованы и до перестройки. Новые темы, разрабатываемые российскими и зарубежными историками, не нашли в этой книге должного освещения. Так, например, не отражена в коллективной монографии тема борьбы с «иностранным засильем», ставшая в последнее время предметом специального изучения.⁷ Крайне мало внимания уделяется беженцам, хотя этой проблеме был посвящен ряд интересных работ.⁸

В традиционном ключе излагается собственно военная история, хотя в последнее время была предпринята интересная, хотя и спорная попытка ревизии некоторых важных тем.'

На этом фоне выделяется параграф «Человек на войне: „Свой" и „чужие"», написанный Е.С. Сеньявской и В.В. Мироновым.¹⁰ Представляется, что в этом проявляется некая тенденция. Изучение социальной и культурной жизни военнослужащих - одно из наиболее интересных явлений в современной российской историографии Первой мировой войны.

Ряд обстоятельств влиял на изучение этой темы ранее. Речь идет не только об идеологических и цензурных факторах. На восприятие Первой мировой войны в разных странах оказали воздействие популярные художественные произведения эпохи войны. Тексты Р. Брука, З. Сассуна, А. Барбюса влияли и на сознание современников, и на историческую память". В России мы не находим сопоставимых книг. Стихи Н.С. Гумилева и «Письма прапорщика-артиллериста» Ф.А. Степуна не находили в силу разных причин подобного отклика.

Послевоенная литература, прежде всего литература «потерянного поколения», также влияла и на историческую память, и на исследования историков. Но русская литература, гордящаяся своим живым откликом на новые явления общественной жизни, не дала книг, сопоставимых по своему значению с книгами Э.М. Ремарка, Э. Юнгера, Р. Грэйвза, Р. Олдингтона, Э. Хэмингуэя, Л.-Ф. Селина, И. Рота. «Тихий Дон» М. Шолохова был прежде всего книгой о гражданской войне. Нельзя объяснить отсутствие таких книг только советской цензурой, эмигрантская литература тоже не дала больших произведений, посвященных Первой мировой войне. Можно предположить, что в России «потерянное поколение» нашло себя в добровольческих формированиях разных армий эпохи гражданской войны. И здесь революция заслоняет войну в исторической памяти.¹¹

Соответственно мемуаристы и историки, писавшие о войне, находились в иной культурной ситуации. Простой солдат изображался ими

прежде всего как человек страдающий («жертва империализма») и человек бунтующий, противостоящий военному командованию. В последнем случае различные конфликты в вооруженных силах политизировались, а затем и «болыпевизировались» — любой солдатский протест историки стремились представить как следствие планомерной работы партии, борющейся с войной и режимом.

В годы Второй мировой войны добавилась еще одна тема — советские литераторы, историки, мемуаристы стали все больше писать о ратном труде солдат, о героизме солдат и мудрости тех генералов, которые, подобно А.А. Брусилову, связали свою судьбу с Красной Армией. В дальнейшем эти темы пытались сочетать в разных комбинациях и пропорциях.

Действительная жизнь военнослужащих тем самым нередко искажалась. Как правило, вне поля зрения советских историков, оставались такие темы, как повседневная жизнь военнослужащих, их религиозные верования и суеверия, психические травмы фронтовиков. В последнее время эти темы становятся предметом изучения историков. В одних случаях это вызвано осознанием лакун в отечественной историографии, своеобразным отталкиванием от советской традиции, в других — влиянием зарубежной историографии, прежде всего британской и американской.

Большой отклик вызвало появление книг московского историка Е.А. Сеньявской «Человек на войне: Историко-психологические очерки» и «Психология войны в XX веке: Исторический опыт России».¹² Монографии были встречены с интересом, отклики были, как правило, положительными, автор был удостоен Государственной премии Российской Федерации.

Между тем в кругах историков, изучающих военную проблематику, появилось и немало критических замечаний в отношении этих книг. Так, указывалось, что некоторые важные выводы делаются автором на основе ограниченного круга источников. Например, в параграфе «Фронтовой быт глазами участников войн XX века» используются коллекции писем двух участников Первой мировой войны и двух ветеранов Второй мировой. У психологов и социологов могут быть свои претензии к книге Е.С. Сеньявской. Автор порой ограничивается иллюстративными примерами, из общей литературы используются в основном работы первой трети XX в., зарубежная литература почти не привлекается.

Но исследования Е.С. Сеньявской в целом имеют положительное значение. Автор привлекает внимание историков к новым для российской историографии темам, пытается сплотить историков, изучающих эти сюжеты, вокруг Ассоциации военно-исторической антропологии и пси-

хологии «Человек и война» и ежегодника «Военно-историческая антропология». ¹³

Соавтор Сенявской, тамбовский исследователь В.В.Миронов, посвятил свое диссертационное исследование австронемецким военным служащим армии Австро-Венгрии, ему удалось привлечь документы из архивов Москвы и Вены. ¹⁴ Историк показывает, как видели русских солдат его противники. Очень интересен материал, касающийся братания и других несанкционированных командованием контактов с противником.

Большой интерес вызвала книга уральской исследовательницы О.С. Поршневой. ¹⁵ Одна из глав книги специально посвящена военным служащим. Правда, внимание рецензентов привлекло то обстоятельство, что автор широко использует «дневники» медицинской сестры С.З. Федорченко, которые в действительности представляют собой художественный текст, созданный уже в 20-е годы. ¹⁶ На наш взгляд, использование этого источника возможно, но лишь в том случае, если содержащаяся в нем информация подтверждается современными источниками. ¹⁷

В литературе было высказано сомнение относительно использования понятия «менталитет» при изучении, например, солдатских писем, задержанных цензурой. Отмечается, что в этом источнике проявляются не «установки сознания», а живая реакция людей на ту обстановку, в которой они находились. Очевидно, речь идет не о менталитете, а о настроениях солдат. ¹⁸

Добавим, что и материалы, задержанные цензурой, представляют довольно специфический источник, при использовании которого постоянно необходимо учитывать принципы и особенности фильтрации корреспонденции на разных уровнях (см. ниже).

Саратовский исследователь А.В. Посадский опубликовал книгу «Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 г. (на материалах Саратовской губернии)». ¹⁹ Книга состоит из двух глав, весьма отличных по замыслу. В первой главе, собственно, и говорится о мобилизации в Саратовской губернии. Глава же «Феномен мобилизации и крестьянское участие в ней: Итоги и уроки» претендует на историко-социологическое обобщение, в ней, в частности, дается сравнительный очерк мобилизаций в войнах России начала XX в.

К сожалению, исследователь не привлек материалы военных архивов, книга построена на документах, отложившихся в архивах Саратова и, соответственно, отражающих видение мобилизации администрацией, полицией, судейскими чиновниками. Неудивительно, что в этих документах деятельность гражданских властей оценивается положительно, а военные резко критикуются. Можно предположить, что ви-

дение ситуации военными властями могло быть противоположным.

Однако попытка взглянуть на ситуацию «глазами полиции» представляет немалый интерес. Автор дает, например, впечатляющую картину волнений, связанных с мобилизацией. Это и бунты призывников, требующих немедленной выплаты пособий их семьям, и разгромы винных лавок, и аграрные беспорядки, жертвами которых были как хуторяне, так и помещичьи хозяйства. Читателю передается ощущение того страха, с каким местные полицейские власти ожидали продвижения через населенные пункты военных эшелонов, двигавшихся на фронт. В этой связи следует отметить, что автору следовало бы осторожно относиться к официальной статистике преступлений в эпоху мобилизации. Так, он, например, отмечает незначительное число преступлений по оскорблению царской семьи. Но можно предположить, что на фоне более серьезных проблем власти закрывали глаза на подобные правонарушения, вряд ли к ответственности привлекался каждый солдат, обругавший государя. Жаль, что А.В. Посадский не использовал работы современного американского исследователя этой темы Дж. Санборна.²⁰

Молодой историк из Санкт-Петербурга Д.А. Бажанов защитил диссертацию, посвященную морякам эскадры дредноутов Балтийского флота, наиболее мощного соединения военно-морских сил России.²¹ Как известно, обладание именно этим видом оружия было своеобразным пропуском в клуб великих держав, поэтому изучение данного сюжета представляет особый интерес. Его исследование описывает техники дисциплинирования моряков, использовавшиеся как командованием, так, после революции, и комитетами. Диссертант изучает состояние дисциплины, сопоставляя, например, время, затраченное на работы, в разные месяцы 1917 г. Можно утверждать, что автор применяет новый подход к изучению политической истории.

Для решения поставленных задач автор привлек много различных источников, прежде всего это документы, выявленные в Российском государственном архиве военно-морского флота и впервые введенные в научный оборот. Он умело обработал такие источники, как вахтенные журналы, книги приказов, материалы корабельных судов. Бажанов останавливается и на восстании на линейном корабле «Гангут» в 1916 г., пытается сопоставить его с восстаниями в германском военно-морском флоте. Правда, этот сюжет лишь намечен исследователем.

Московский историк А.Б. Асташов исследует историю солдат-фронтовиков. Автор привлек немалое число источников, прежде всего это материалы военной цензуры, хранящиеся в Российском государственном

ном военно-историческом архиве. В настоящее время А.Б. Асташов — один из лучших знатоков этих источников.

Одна из его статей посвящена психопатологическому состоянию военнослужащих.²² Автор обратился к этим сюжетам вслед за В.П. Булдаковым, работа которого оказала немалое воздействие на современных историков.²³ Исследователи, изучавшие военнослужащих других армий, уделяли этому сюжету большое внимание, однако о российских солдатах писалось очень мало. Подобно В.П. Булдакову, А.Б. Асташов связывает психопатологические состояния и революционную активность солдат, собственно, и революционное сознание рассматривается как психопатологическое. Вряд ли это справедливо всегда. Автор полагает, что солдаты русской армии в силу своего крестьянского происхождения были особенно подвержены опасности психического расстройства. Но маловероятно, что вчерашние горожане были психически более готовы к тяжелым будням окопной жизни.

Другая статья А.Б. Асташова специально посвящена солдатам из крестьян.²⁴ Исследователь считает, что особенности культуры и сознания русских крестьян были важнейшим фактором, определявшим сознание и поведение солдат-фронтовиков. Ранее о том же писала и О.С. Поршнева, которая отмечала, что сознание и поведение солдат «определялись, главным образом, менталитетом российского крестьянства, попавшего в новую для себя ситуацию».²⁵

Однако авторы не указывают на то, что крестьянство разных частей России было весьма разным (Асташов даже рассматривает казаков как представителей крестьянства, хотя отношение их к войне было особым). Русская армия предстает в его описании как моноэтническое образование. К тому же важны были и возрастные отличия (об этом справедливо упоминает О.С. Поршнева). Ведь известно, что молодые солдаты, не испытывавшие ответственности за судьбы семьи и хозяйства, чаще шли добровольцами, стремились попасть на фронт, вызывались охотниками. Война предоставляла карьерные возможности грамотным крестьянским парням, немалая часть которых стала офицерами военного времени.

К тому же Асташов иногда слишком доверяет своему источнику. Так, отмечая в обзорах цензуры отсутствие критических замечаний в адрес правительства и режима, он делает важный вывод, касающийся политического сознания солдат.

Во-первых, уже опубликованные ранее материалы цензуры содержат примеры резкого осуждения власти.²⁶ Во-вторых, историк должен весьма осторожно относиться к этому виду источника.

В ходе войны военные власти осознали значение военно-цензурных

сводок как источника по изучению сознания военнослужащих и их корреспондентов. Весной 1916 г. военные цензоры различных частей и соединений должны были составлять отчеты по новой форме. Они заполняли таблицы, учитывая отдельно письма военнослужащих своей части, военнослужащих других частей, а также корреспонденцию гражданских лиц, адресованную солдатам и офицерам. Цензоры должны были подсчитать общее количество писем, число изъятых писем, число писем, в которых отдельные фразы были изъяты цензорами. Указывалось количество писем «бодрых духом», «безразличных» и «угнетенных духом». Учитывались и мотивы недовольства: «недостаток теплой одежды», «плохо налаженный подвоз горячей пищи», «недостаток хлеба» и др. Очевидно, командование хотело получить представление об истинных настроениях солдат и использовало для этого цензуру. Но эта функция ведомства противоречила его основной задаче: сохранению военной тайны. Цензура становилась все более строгой, командованием разного уровня издавались приказы, в которых солдаты знакомились с темами, которых запрещалось касаться в письмах. До них доводили и перечни наказаний, которые должны были последовать. В тыловых частях соответствующие приказы вывешивались рядом с почтовыми ящиками. Неудивительно, что солдаты, опасаясь наказаний, обходили и острые вопросы армейской жизни, и политические проблемы. Ужесточение цензуры влекло усиление самоцензуры: «Написал бы больше, да сами знаете...»; «Теперь посылать письма мы должны не закрытыми. Их сначала прочитывает эскадронное начальство и потом отправляет. Ввиду чего писать, конечно, можно, что жив и здоров. И уже не заикайся о том, как тебе живется».²⁷

Неудивительно, что огромное число писем характеризовались как «безразличные». Поэтому понятно, почему А.Б. Асташов нашел только одно письмо, в котором осуждался Николай II. Но на этом основании мы не можем судить о наличии монархических и антимонархических настроений среди солдат.²⁸

Сами цензоры прекрасно понимали, что им трудно дать представление о настроениях солдат, которые замалчивали волнующие их вопросы. Военный цензор докладывал 1 мая 1916 г.: «Принимая во внимание, что, согласно приказа по Кронштадтской крепости от 23-го января с.г. за № 21, во всех ротах и командах полка вывешена инструкция о том, что нельзя писать в письмах, а также и боязнь наказания за жалобы и неудовольствия, должно заметить, что, за малым исключением, все письма нижних чинов носят совершенно безразличный характер и поэтому по процензурированной переписке вовсе нельзя составить представле-

ние об истинном настроении и духе в войсковых частях, по крайней мере, в Кронштадте».²¹

Поэтому добросовестные цензоры в сводках о настроениях нижних чинов опирались не только на анализ содержания писем, но и на личные наблюдения, беседы, подслушанные разговоры. Большой смелостью отличаются письма, написанные солдатами действующей армии. Люди, ежедневно сталкивавшиеся со смертельной опасностью, не очень боялись цензуры, каждое их письмо могло быть последним. Но и фронтовики нередко весьма осторожно относились к написанию своих писем.

В этих условиях выбор тем для писем становился все более ограниченным. Сравнительно безопасной темой было обсуждение домашних хозяйственных дел. А.Б. Асташов указывает на обилие таких сюжетов, как проявление особых качеств русского солдата-крестьянина: «Хлебопашцы сетовали, что их поля могут остаться необработанными и незасеянными. К лету 1915 года хозяйственная тема присутствовала уже в 90 % корреспонденции».³⁰ Действительно, темы недостатка рабочих рук в деревне и дороговизны преобладали в солдатских письмах. Но в данном случае подсчеты не имеют особого значения: о некоторых важных для них сюжетах военнослужащие попросту предпочитали не писать.

Да и цензоры не были свободны от самоцензуры. Часто они были офицерами соответствующих частей и по разным причинам искажали поступающую к ним информацию. Еще более осторожно следует подходить к тем сводкам, которые составлялись командирами подразделений, исполнявшими обязанности цензоров. Они имели немало других обязанностей, не желали «выносить сор из избы», а иногда передоверяли задачу просмотра корреспонденции унтер-офицерам. Можно с уверенностью предположить, что эти факты заставляли нижних чинов быть особенно осторожными.

К тому же большинство солдат было неграмотными, для многих русский язык не был родным. Очевидно, часто письма писались под диктовку грамотными сослуживцами, иногда — офицерами. Такие обстоятельства составления письма предполагали несколько уровней самоцензуры.

В статье А.Б. Асташова необычайно интересен материал, касающийся братания русских солдат с противником. Так, он показывает, что в дни Пасхальных праздников 1916 г. в братании участвовали военнослужащие из нескольких десятков полков русской армии. Правда, автор ошибочно утверждает, что на Восточном фронте первые братания русских с австро-венгерскими войсками происходили летом 1915 г.³¹ О случаях братания на Пасху 1915 г. говорили и в тылу, первые же случаи братания зафиксированы уже в конце 1914 г.

К теме братания обратился и московский историк С.Н. Базанов, известный исследователь истории армии в эпоху революции 1917 г. Он определяет братание как «...вид протеста солдат воюющих стран против войны, выражающийся во встречах на нейтральной полосе на основе взаимного отказа от ведения военных действий».³² В другой своей работе он описывает братание как «встречи солдат воюющих стран на нейтральной полосе в период затишья на фронте».³³

Нельзя признать это утверждение абсолютно точным. Не всегда братающиеся солдаты были противниками войны, даже некоторые офицеры полагали, что настоящие профессионалы могут порой позволить себе и своим подчиненным регламентированный перерыв в военных действиях.³⁴

Да и встречались братающиеся не только на нейтральной полосе (известны многочисленные случаи посещения окопов, землянок и блиндажей противника). К тому же порой довольно сложно провести определенную границу между братанием и другими формами общения с врагом. Известен, например, принцип «живи и дай жить другим», которым руководствовались многие фронтовики. В этой ситуации определялись определенные правила ведения боевых действий на местном уровне (отказ от обстрела подносчиков пищи, солдат, откачивающих воду из окопов, и т.п.).³⁵

С.Н. Базанов справедливо подвергает сомнению утверждения ряда советских историков, которые считали, что весной 1917 г. братание имело преимущественно стихийный характер.³⁶ Вслед за М.С. Френкиным он связывает организацию братания австро-германским командованием со стремлением получить разведывательные данные. Когда же необходимая разведывательная информация была получена, то во второй половине мая противники России временно прекратили братание.³⁷

Это не вполне точно. Австро-германское командование в связи с братанием преследовало ряд целей. Наряду с получением разведывательной информации они стремились оказать пропагандистское воздействие на русских солдат, желали усилить разложение войск противника. Наконец, важнейшей задачей считалось принуждение российского военного командования, российского правительства и его ответственных представителей к мирным переговорам, а затем и к официальному перемирию. Решить все эти задачи одновременно было практически невозможно, соответственно у разных австрийских и германских пропагандистов и разведчиков было разное видение ситуации. Так, некоторые инструкции требовали воздерживаться от шпионажа — это могло снизить эффект пропаганды.³⁸ Полковник барон фон Гемп, на-

чальник разведки Восточного фронта, отмечал, что разведчики переквалифицировывались в пропагандистов.³⁹

С российской стороны С.Н. Базанов называет большевиков в качестве важнейших организаторов братания. Но братание поддерживали и другие группы интернационалистов. К тому же и многие сторонники «революционного оборончества» не сразу выработали единое отношение к братанию. Так, собрание делегатов фронта 20 апреля признало возможным допустить его «в целях революционной пропаганды», хотя и призывало действовать осторожно.⁴⁰ С другой стороны, автор недооценивает и инициативы отдельных групп солдат, которые не принадлежали к какой-либо партии - ведь братания 1915-1916 гг. явно не были «партийными».

Во время братания со стороны русских постоянно звучали призывы к немецким солдатам, советуя им выступить против кайзера и правительства. Русские солдаты — и «революционные оборонцы», и сторонники большевиков — смотрели на противника свысока: в Германии, в отличие от России, все решает не народ, «а капиталисты с Вильгельмом во главе».⁴¹ Показательно, что такого рода призывы содержались и в официальной пропаганде, которую вело русское командование, войсковые комитеты разного уровня, и в обращениях отдельных солдат, действовавших по собственной инициативе: «Немцы, поступайте с Вильгельмом II, как мы с Николаем II». Германское командование на Востоке вынуждено было реагировать. Учитывая многочисленность подобных обращений, оно даже выпустило соответствующую инструкцию для немецких пропагандистов, согласно которой им следовало объяснять русским, что германское командование де не вмешивается во внутренние дела русских, и оно ожидает того же со стороны последних.⁴²

Не следует полагать, что германское командование полностью контролировало процесс братания. Он стимулировал несанкционированные контакты между солдатами. За этими контактами часто стояли житейские соображения: солдаты обменивались продуктами, табаком, спиртным, сувенирами, печатными изданиями, передавали друг другу письма, просили переслать письма семьям и друзьям (в том числе военнопленным), оказавшимся за линией фронта. Они вместе катались на лодках и удили рыбу. При этом нередко немецкие и, особенно, австрийские солдаты игнорировали приказы и инструкции своего командования. Германское командование не без тревоги следило за пропагандой российских организаций. В награду за каждую сданную русскую листовку назначались небольшие денежные премии, очевидно, что простых запретов было недостаточно. Но, по-видимому, чтение рус-

ских пропагандистских материалов продолжалось. Возникла патовая ситуация: германское командование не смогло достичь всех целей, которые оно ставило начиная организованное братание. Так, не удалось завязать переговоры о перемирии со сколь-либо авторитетными представителями военных и гражданских властей. В то же время отрицательные аспекты братания и для немецкой армии становились все более очевидными. Еще более опасным братание было для армии Австро-Венгрии. П. фон Гинденбург отмечал, что к июлю 1917 г. «большинство австро-славянских войск», подобно русским войскам, «подверглись политическому разложению».⁴³

Этому можно верить: уже в 1917 г. германское командование констатировало, что дружеское общение с русскими и затишье в боевых действиях подрывает боевой дух германских и, особенно, австро-венгерских войск.⁴⁴ Бездействие было очень опасно для каждой из воюющих сторон. К тому же когда во время «братаний», организованных австро-венгерским командованием, русских солдат потчевали белым хлебом, то возникал скандал: в австрийской армии солдат давно кормили кукурузным хлебом. Да и бесплатное угощение русских солдат ромом вызывало зависть.⁴⁵

Первая мировая война не осознается ныне российским общественным сознанием как важная тема. Показательно, что 90-летний юбилей начала войны не привлек особого внимания средств массовой информации. Но, представляется, что осмысление этой войны современными историками говорит что-то о современной России.

Историческая память продолжает уделять особое внимание правителям и героям. И речь идет не только о том, что читательская и зрительская аудитория любит жанр биографии. Весьма показателен 300-летний юбилей Санкт-Петербурга. Даже те издания и телевизионные каналы, которые имели репутацию относительно «либеральных» и «демократических», вспоминали историю города «по царствованиям». Воспетый русской литературой «маленький человек» не присутствовал на этом празднике, «бедные люди», «униженные и оскорбленные», оказались забытыми, заслоненными образами императоров. Нельзя сказать, что такое видение истории лишь навязывается «сверху». Реконструируя прошлое своей страны, потомки крестьян и мещан даже не пытаются взглянуть на историю глазами прадедов, они отождествляют себя с «благородным сословием» и императорским домом. Соответственно на Первую мировую войну современная Россия смотрит через призму видения тогдашней военной и политической элиты.

Обращение ряда историков к «маленьким людям» эпохи, к простым

солдатам и офицерам, противостоит такому типу исторической памяти. Упомянутые исследования выгодно отличаются от текстов, воспроизводящих патриотический дискурс 1914 г.⁴⁶

Однако исследования такого рода не востребованы пока общественным сознанием, средствами массовой информации. Так, упоминаемые работы, содержащие много новых интересных материалов, не стали основой для фильмов, телевизионных программ, радиопередач, журналистских очерков.

Но нельзя не обратить внимания и на некоторые особенности современной историографии темы.

Не рассматриваются историками, изучающими российских солдат, негативные явления в жизни армии: мародерство, участие в погромах, хотя ряд авторов упоминают об этих явлениях. Да и дезертирству, которое приобрело значительные масштабы еще до февраля 1917 г., внимания уделяется мало.

Исследователи, как правило, не используют зарубежные исследования (исключение составляют работы В.В. Миронова и, отчасти, А.Б. Асташова). Отчасти это объясняется плохим состоянием библиотек. Даже книгохранилища Москвы и Санкт-Петербурга в последние годы имели проблемы с комплектованием, некоторые важные издания, выпущенные в провинции, в них отсутствуют. Другая проблема — плохая языковая подготовка многих специалистов по российской истории.

Но немалое значение имеет и другое обстоятельство. В ряде упомянутых исследований (А.Б. Асташов, О.С. Поршнева, А.В. Посадский) упор делается на национальные особенности русских солдат-крестьян, при таком подходе сравнение с солдатами других армий и, соответственно, привлечение зарубежных исследований и не представляется важной задачей.

В этом проявляется общий интеллектуальный климат современного российского обществознания. В свое время немалая часть историков, философов, экономистов, социологов была занята преподаванием «идеологических» дисциплин в вузах: история КПСС, марксистская политэкономия, диалектический и исторический материализм, научный коммунизм и научный атеизм. Эти курсы были обязательными для всех советских студентов. После перестройки преподаватели переработали свои курсы, современные студенты разных специальностей изучают историю философии, политологию, культурологию, религиоведение. Но при этом потребность в идеологизации курса сохраняется, этого ждут и многие студенты. Среди других авторов, широко используемых и цитируемых, — Л.Н. Гумилев, А.С. Ахиезер. При всем различии эти авто-

ры упор делают на своеобразии, «особом пути» России. Такой подход влияет и на исторические работы.

В этой ситуации некоторый оптимизм внушает позитивистская закуска российского исторического образования. Все упомянутые историки — мотивированные исследователи. Сама логика работы с источниками заставит со временем заняться табуированными темами, вынудит рассматривать российскую ситуацию, сравнивая ее с другими странами. Необычайно полезным было бы и издание в России известных зарубежных исследований по истории Первой мировой войны.

Примечания

¹ *Мулынтаули П.В.* Забытая война (Россия и Германия в Первой мировой войне, 1914-1918). СПб., 1998. 161 с; *Уткин АМ.* Забытая трагедия (Россия в Первой мировой войне). Смоленск, 2000. 636 с.

² См. предисловие к кн.: *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 2001. 464 с.

³ *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914-1917). Л., 1967. 373 с.

⁴ *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003. 432 с.; *Айранетов О.П.* Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию (1907-1917). М., 2003. 255 с; *Куликов С.В.* Бюрократическая элита российской империи и падение старого порядка. Рязань, 2004 (в печати).

⁵ *Winterfay, Robert, Jean.-Lois.* Eds. Capital Cities at War: Paris; London; Berlin, 1914-1919. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

⁶ Мировые войны XX века. Кн. 1: Первая мировая война (Исторический очерк) / Научный руководитель В.Л. Мальков; Отв. ред. Г.Д. Шкундин. М., 2002. 686 с.

⁷ Первым исследовал эту тему В.С. Дякин: *Дякин В.С.* Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война, 1914-1918. М., 1968. Недавно издана книга, в которой использованы архивы, недоступные до «перестройки»: *Соболев И.Г.* Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004. 176 с. - Ранее этот автор защитил по теме этой книги диссертацию - и опубликовал ряд статей. К сожалению, И. Соболев не смог использовать недавно вышедшую книгу Э. Лора: *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge (Mass.); London, 2003. 237 p.

Курцев АМ. Беженство // Россия и Первая Мировая война (Материалы международного научного colloquium) / Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб., 1999. С. 129-146; *Gatrell P.* A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington, 1999. 318 p.

Хелипович С.Г. 1) Брусиловский прорыв как объект мифологии // Первая Мировая война: Пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998. С. 632-

634; 2) Наступление русского Юго-Западного фронта летом-осенью 1916 г.: Война на самоощущение// Отечественная история. 1998. № 3. С. 40-50; 3) Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года (Брусилевский прорыв): Борьба резервов// Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. научных трудов. Саратов, 2003. Вып. 5. С. 178-227. Ср.: *Уткин Б.П.* Брусилевский прорыв// Первая Мировая война: Пролог XX века. 627–632.

Мировые войны XX века. Кн. 1: Первая мировая война. С. 519-537.

Фоминых Т.Н. Первая мировая война в прозе русского зарубежья 20-30-х годов. М., 1997. 162 с.

Сенявская Е.С. 1) Человек на войне: Историко-психологические очерки. М., 1997. 226 с; 2) Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999. 383 с.

Военно-историческая антропология: Ежегодник: 2002 (Предмет, задачи, перспективы развития) / Отв. ред. и сост. Е.С. Сенявская. М., 2002. 399 с.

См.: *Мионов В.В.* Трансформация представлений о противнике у австрийских фронтовиков в годы Первой мировой войны// Человек в истории: Разные лики. Тамбов, 2001. С. 82-92.

Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914-1918). Екатеринбург, 2000. 160 с.

Сенявская Е.С. [Рецензия на книгу] О.С. Поршнева. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 - март 1918 гг.) // Отечественная история. 2001. № 1. С. 193-194.

О.С. Поршнева провела затем специальное исследование, в котором доказывается, что книга Федорченко является надежным источником, уникальным сборником «устной истории»: *Поршнева О.С., Поршнев С.В.* (Н. Тагил). К вопросу об атрибуции текстов записей солдатских разговоров С.З. Федорченко. <http://aik.org.ru/aik/bullet/30/89.html>

Кром М.М. Историческая антропология: Пособие к лекционному курсу. Изд. 2-е. СПб., 2004. С. 119.

Посадский А.В. Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года (На материалах Саратовской губернии). Саратов, 2002. 156 с.

А.В. Посадский не цитирует и работу, опубликованную в России: *Санборн Дж.* Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: Новый взгляд на проблему// Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 202-215.

Бажанов Д.А. 1-я бригада линейных кораблей Балтийского флота в 1914–1917 гг.: История и повседневность: Автореф. канд. дис. СПб., 2004. 22 с.

Асташов А.Б. Война как культурный шок: Анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну// Военно-историческая антропология: Ежегодник: 2002 (Предмет, задачи, перспективы развития) / Отв. ред. и сост. Е.С. Сенявская. М., 2002. С. 268–281.

- Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. 376 с.
- Астахов А.Б.* Русский крестьянин на фронтах первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 72-86.
- Поршнева О.С.* Ментальный облик и социальное поведение солдат русской армии в условиях Первой мировой войны (1914 - февраль 1917 г.) // Военно-историческая антропология. С. 254, 255.
- См., например, сборник документов, широко использовавшийся О.С. Поршневой: Царская армия в период мировой войны и Февральской революции (Материалы к изучению Империалистической и Гражданской войны) / Ред. А. Максимов. Казань, 1932. См. также: Солдатские письма в годы мировой войны (1915-1917 гг.) // Красный архив. 1934. Т. 4-5.
- Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 1340. Оп. 1. Д. 814. Л. 345 об., 353.
- Астахов А.Б.* Русский крестьянин на фронтах первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2.
- РГА ВМФ. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 814. Л. 329. - Об этом писали и военные цензоры других частей. (Там же. Л. 339, 345 об., 441).
- Астахов А.Б.* Русский крестьянин на фронтах первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 80.
- Там же. С. 79.
- Базанов С.Н.* К истории развала русской армии в 1917 году // Армия и общество (1900-1941 гг.): Статьи и доклады. М., 1999. С. 55. См. также: *Базанов С.Н., Пронин А.В.* Бумеранг братания // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 34-41; № 3. С. 50-57.
- Базанов С.Н.* «Немецкие солдаты стали... переползать к русским «товарищам» и брататься с ними» // Военно-исторический журнал. 2002. № 6. С. 43.
- Graves R.* Goodbye to All That. London, 1960. P. 83,116; Революционное движение во французской армии в 1917 г. / Ред. Ф.О. Нотович. М.; Л., 1934. С. 296, 297; *Brown M., Seaton S.* Christmas Truce: The Western Front, December, 1914. London, 1994.
- Ashworth A.E.* The Sociology of Trench Warfare, 1914-18 // The British Journal of Sociology. 1968. Vol. 19.
- Ткачук А.Г.* Братание на фронтах в 1917 г. (По материалам Юго-Западного и Румынского фронтов) // Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М., 1967. С. 135, 138; *Кутузов В.В.* Документы о братании // Советские архивы. 1968. № 4. С. 98-101; *Базанов С.Н.* К истории развала русской армии. С. 60.
- Френкин М.С.* Русская армия и революция, 1917-1918. Мюнхен, 1978. С. 266;
- Базанов С.Н.* К истории развала русской армии. С. 53, 60.
- [*Навотный*] *Ф.* [Пропаганда]. С. 26 // Hoover Institution Archives, V. Nikolaevsky Collection, box 149, file 3.
- Wildman A.* The End of the Russian Imperial Army. Princeton, 1980. P. 347.
- Рабочая газета. 1917. 21 апр.

Окопная правда. 1917. 16 июня.

Bayerisches Hauptstaatsarchiv (Munchen), Abt. IV: Kriegsarchiv. 2 Bay. Landw. Div., Band 5, Akt 7, 11.

Воспоминания Гинденбурга. Пг., 1922. С. 48.

Wildman A. The End of the Russian Imperial Army. Princeton, 1980. P. 353.

[Навотный] Ф. [Пропаганда]. С 28 // Hoover Institution Archives, V. Nikolaevsky Collection, box 149, file 3.

Баженов С.В. Солдаты забытой войны // Новый часовой. 1994. № 2. С. 82–91. - Показательно название одной из популярных книг: *Шамбаров В.Е.* За веру, царя и Отечество! М., 2003. 656 с. - Любопытна в этом отношении и статья, опубликованная в номере «Военно-исторического журнала», посвященного годовщине начала войны: *Тундогдыев О.А.* «Как стадо испуганных бурей овец, гнали текинцы неприятеля...» // Военно-исторический журнал. 2004. № 8. С. 67-69. — Автор обильно цитирует газету «Асхабад», не сопровождая эти цитаты критическим комментарием.

КАРИН ХУЗЕР
«БРАК ПО
ПЕРЕПИСКЕ».
НЕОБЫЧНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ
РУССКОЙ
СОЦИАЛИСТКИ-
РЕВОЛЮЦИОНЕРКИ
ЛИДИИ
КОЧЕТКОВОЙ И
ШВЕЙЦАРСКОГО
АНАРХИСТА
ФРИЦА
БРУПБАХЕРА

В одном из крупнейших современных архивохранилищ, в Международном институте социальной истории (Амстердам), мной была обнаружена уникальная эпистолярная коллекция, относящаяся к концу XIX — началу XX в. Речь идет о многолетней переписке между русской революционеркой Лидией Петровной Кочетковой и ее возлюбленным, а затем и мужем, швейцарским революционером-анархистом Фрицем Брупбахером.² В течение восемнадцати лет (с 1897 по 1915 г.) продолжались их любовные отношения, за этот период они отправили друг другу около 6 тыс. писем, телеграмм и почтовых открыток. Письма, которыми они обменивались, нередко ежедневно и даже по нескольку раз в день, в большинстве своем любовные. С их помощью супружеская чета перекидывала своего рода мостик через постоянно разделявшее их пространство, преодолевая чувство тоски друг по другу и захлестывающее порою ощущение внутреннего одиночества. И, пожалуй, лишь эти письма помогли сохранить многолетний и странный брак раздельно живущей пары, превратив его в «брак по

переписке». Большинство писем написано на немецком языке, так как Лидия Петровна практически свободно владела им, к тому же Брупбахер к моменту начала их отношений ни слова не знал по-русски. Правда, одно время, когда Лидия Петровна в 1909 г. была арестована и находилась в тюрьме, она по настоянию тюремной цензуры вынуждена была перейти на русский, а

с 1913 г., в период нарастающего обострения отношений между Россией и Германией, переросших затем в открытую неприязнь и настоящую ненависть ко всему немецкому, она добровольно отказалась от употребления немецкого языка, и супружеская пара перешла на французский, который они знали не хуже немецкого. Отказ от немецкого языка, связанный с эмоциональным всплеском, в значительной степени передает тогдашнее душевное состояние Л.П. Кочетковой и проясняет внутренне присущую национальную доминанту ее мировоззрения. Вместе с тем смещение языков в ее письмах — немецкого, швейцарско-немецкого, русского и французского — это явственное проявление результатов межкуль-

турного контакта периода ее длительного пребывания в Швейцарии, что не могло не наложить своего отпечатка на образ мышления и стереотипы поведения. Следует также заметить, что сохранение всего корпуса этой уникальной эпистолярной коллекции — заслуга Фрица Брупбахера, человека обстоятельного, предусмотрительного, заинтересованно относившегося ко всему, что происходило с ним и вокруг него, и испытывавшего потребность вести письменную хронику своей жизни. В течение довольно длительного времени он тщательно собирал и бережно хранил всю свою корреспонденцию, в том числе с отечественными и зарубежными деятелями из левого политического лагеря, педантично вел дневник и многочисленные записные книжки. Он не только сохранял все письма своей возлюбленной, но и просил ее привозить в Цюрих, когда она его навещала, адресованные ей послания. В конце своей жизни Брупбахер передал часть собственного обширного архива своей подруге нидерландке Анни фон Шельтема. Со временем вся переписка между ним и Л.П. Кочетковой, а также некоторые другие документы из его личного собрания оказались в Международном институте социальной истории в Амстердаме. Кто знает, может быть, Фриц Брупбахер полагал и надеялся, что историки когда-нибудь по достоинству оценят его коллекцию и заинтересуются его жизнью и деятельностью. Если такие намерения у него были, то можно считать, что они оправдались.

Фриц Брупбахер родился в 1874 г. в Цюрихе. Окончив школу, он в 1893 г. поступил на медицинский факультет Женевского университета, а спустя год перевелся в университет родного Цюриха, где в 1898 г. успешно сдал выпускной экзамен, получил диплом врача. Фриц, будучи одним из самых способных выпускников университета, намеревался серьезно заняться наукой и защитить диссертацию. Однако все испортила его смелая критическая статья, направленная против тогдашнего светила в области гинекологии германского профессора Макса Рунге. После этого инцидента, получившего широкий резонанс в академических кругах, Фрицу было отказано в работе на университетской кафедре и в возможности защитить диссертацию. Но это несколько не обескуражило молодого, энергичного и по-юношески амбициозного врача-специалиста. Успешно окончив университет, он первоначально устроился в одной из частных клиник, а в 1901 г. начал собственную врачебную практику в рабочем квартале Цюриха. В этом же году цюрихские жители выбрали его своим представителем в городской парламент — так началась его общественная и политическая деятельность. Никогда не оставлял он и занятий в научной сфере - его перу принад-

лежит ряд философских статей, биографических очерков о деятелях швейцарского социалистического движения, а также ряд научных работ в области медицины.

Лидия Петровна родилась в семье самарского мещанина Петра Васильевича Кочеткова в 1872 г. Решающая роль в ее судьбе принадлежала матери, Анастасии Ивановне, женщине образованной и, по всей видимости, разделявшей народнические взгляды, ибо она была знакома со многими самарскими народниками, в частности с Е.Е. Лазаревым. Стараниями матери дочь получила хорошее домашнее образование и сумела окончить педагогические курсы в Петербурге. Дальнейшее образование Л.П. Кочеткова продолжила на Рождественских женских курсах, где слушала лекции знаменитого педагога и врача П.Ф. Лесгафта, а затем выехала на учебу за границу.

С 1893 по 1900 г., находясь в Швейцарии, она постигала все тонкости медицины в университетах Женевы, Цюриха и Берна. В 1897 г. во время обучения на медицинском факультете цюриховского университета Лидия Петровна познакомилась со студентом того же факультета Фрицем Брупбахером. Между молодыми людьми завязался «роман», вскоре переросший в настоящую любовь. По настоянию Фрица в конце 1901 г. их отношения были скреплены брачными узами. Возможно, таким образом он помимо всего прочего надеялся как можно прочнее удержать около себя, в Цюрихе, свою любимую Лидию. Однако у нее никогда не было ни помыслов, ни намерений, ни желаний навсегда связывать свою судьбу со Швейцарией. «Русские должны крепко держаться за матушку-землю»,³ — любила повторять она. Правда, официально зарегистрированные отношения имели свои преимущества: Л.П. Кочеткова могла в любое время посещать Швейцарию, беспрепятственно пребывать в стране и приезжать к своему возлюбленному в Цюрих. Как выяснилось впоследствии, большего ей и не требовалось. С самого начала их духовно-интимная близость, переросшая в страстную любовь, оказалась подвержена влиянию целого комплекса факторов, который, с одной стороны, придал их отношениям нетрадиционный характер, а с другой — во многом определил судьбу их брачного союза. При этом, как показывает переписка, наиболее активная роль в этих необычных и специфических межличностных отношениях принадлежала Лидии Петровне.

Главным, определяющим жизненным стимулом для Л.П. Кочетковой всегда выступал «долг перед народом», порождавший всепоглощающее желание послужить «народному делу». Именно поэтому она захотела стать врачом, надеясь таким образом принести наибольшую пользу своей стране и своему народу. К моменту своего приезда в Швей-

царию Лидия Петровна уже имела достаточно четкую мировоззренческую ориентацию, ее симпатии были целиком на стороне социализма, хотя она еще и не состояла ни в какой политической организации. Ф. Брупбахер до встречи с нею также был знаком с социалистическими теориями, но ни идейно, ни политически себя никак не идентифицировал. Однако новая возлюбленная настолько очаровала Фрица, что он, кажется, готов был следовать всем ее страстям и увлечениям. К тому же ее горячая вера в социалистический идеал полностью захватила и его. Лидии Петровне потребовалось всего лишь несколько месяцев, чтобы перевести его в лагерь сторонников социализма. С этого момента, несмотря на большую любовь, которая обручила обоих, пара оказалась готовой сознательно принять на свою долю самые суровые лишения и испытания во имя осуществления общей «политической идеи», во имя достижения социалистических целей в своих родных странах. Так их большая человеческая любовь по существу растворилась в идеологии и политике. «Итак, все же есть нечто более сильное и великое, чем любовь к отдельному человеку»⁴, — писала в одном из писем Лидия Петровна. Они сами сделали такой выбор, и сделали его вполне осознанно. Этим обстоятельством во многом объясняются их нетрадиционные, авангардистские по своему характеру взаимоотношения.

В те времена даже среди левых политических кругов, которые причисляли себя к прогрессивным общественным силам и которые постоянно выступали за равноправие полов и против любых форм дискриминации женщин, наиболее типичной и распространенной была традиционная модель брака. Согласно традиционным представлениям, существовало строгое разделение ролей между полами: мужчина, или супруг, занимается, как правило, политической, общественной и служебной деятельностью, а удел женщин — частная, в основном семейная сфера. Швейцария не была исключением в этом отношении.⁵

Как следует из переписки, Лидия Петровна и Фриц Брупбахер придерживались в своих взаимоотношениях совершенно противоположных принципов: полного равноправия, абсолютного паритета мужчины и женщины в браке. Индивидуальная свобода и личная независимость обоих партнеров неизменно должны были сохраняться в полном объеме. Эти вопросы стали одной из актуальных тем их переписки еще задолго до того, как они официально зарегистрировали свой брак, тем самым ими были выработаны определенные условия и нормы, на которых базировался их собственный брачный союз и которые представляли собой своеобразный «брачный договор».

Согласно условиям этого «договора», оба придерживались одина-

кового мнения о том, чтобы не связывать себя узами совместной постоянной семейной жизни, что давало возможность жить там, где в зависимости от обстоятельств каждый из супругов сочтет наиболее целесообразным. Действительно, супружеская пара Брупбахер — Кочеткова довольно длительное время проживала географически раздельно друг от друга. Так, Лидия Петровна большую часть времени находилась в России: в 1901-1902 гг. она служила земским врачом в Смоленской и Владимирской губерниях, в 1906-1909 гг. вела революционную пропаганду в Аткарском уезде Саратовской губернии, в 1909-1911 гг. находилась в ссылке в Архангельской губернии, в 1912—1916 гг. была занята безуспешными поисками работы, пребывая то в Москве, то в Самаре, то в Златоусте, а в годы Первой мировой войны несколько раз выезжала на фронт в составе врачебно-санитарных отрядов. Ф. Брупбахер все эти годы находился в Цюрихе, и лишь дважды ему пришлось побывать в России — в 1910 и 1911 гг. он навещал свою жену в ссылке. Но даже в короткие периоды своего пребывания за границей Л.П. Кочеткова не всегда жила с мужем в Цюрихе. Занимаясь партийной работой, ей приходилось быть то в Женеве, то в Берне, то в Лондоне, то в Париже.

Необычным в их взаимоотношениях стало и то, что ими с самого начала любовной связи было принято решение не иметь детей. Позже это решение они подтвердили и оформили своей перепиской — своего рода неофициальным «брачным договором». И если у Лидии Петровны не было и тени сомнения в правильности принятых решений, то Ф. Брупбахер время от времени пытался подвергнуть их ревизии. Так, он не однократно выражал желание иметь собственного ребенка и регулярно докучал этим вопросом своей жене. Несомненно также, что со временем Фриц все больше и больше страдал из-за разлуки со своей возлюбленной, просил ее чаще бывать в Швейцарии и непременно в Цюрихе. Порою ему казалось, что упорная приверженность его жены принципу «полезности своему отечеству» проистекала просто-напросто из-за недостаточной любви к нему, и тогда он ревновал ее и к России, и к русскому народу, и к партии социалистов-революционеров. Однако, несмотря на свою бесспорную любовь к Брупбахеру, Лидия Петровна не могла пожертвовать ради нее своей, как она искренне считала и глубоко верила, главной миссией — служить делу русской революции. Содействовать революционному изменению политического режима в России, находиться в гуще русского народа и самозабвенно служить ему — вот в чем она видела смысл своей жизни и деятельности. Это-то и привело ее в ряды партии социалистов-революционеров (ПСР).

К ПСР Л.П. Кочеткова примкнула в 1905 г. Как и многие другие при-

верженцы существовавших тогда революционных партий, Лидия Петровна на первых порах не очень-то вникала в сущность теоретических положений и программных требований тех или иных политических организаций, чтобы сделать вполне осознанный для себя партийный выбор, поскольку в то время присоединение к конкретной политической организации нередко было вопросом веры или вкуса. Хотя она и относилась с большим одобрением к террористическим покушениям, предпринимаемым членами ПСР против российских государственных деятелей, для нее эти громкие акты также не являлись решающим мотивом для присоединения к партии эсеров. Главную роль здесь сыграло личное общение с основоположниками и видными деятелями ПСР. Так, она была хорошо знакома со старинным другом ее матери, одним из «старых» народников Е.Е.Лазаревым, которого часто навещала в селении Божи, близ Кларана, где тот имел собственный дом и небольшую молочную ферму. Но куда более важным было общение с известным социалистом-революционером Л.Э. Шишко, с которым она познакомилась также через свою мать и с которым одно время жила в Женеве не только в одном доме, но и в комнате напротив. Позже Лидия Петровна всегда сетовала и даже сердилась на Шишко за то, что тот не рассказал ей о ПСР многим раньше.

Л.Э. Шишко, как и Е.Е.Лазарев, принадлежал к когорте «старых» народолюбцев, был одним из основоположников эсеровской партии, членом ее ЦК и редколлегии партийного печатного органа «Революционная Россия». Его женевская квартира представляла собой, как говорил Фриц Брунбахер, «генеральную штаб-квартиру» заграничных социалистов-революционеров. С одной стороны, в дружеских беседах он исподволь раскрывал ей идейную суть народнического движения и партии социалистов-революционеров, а с другой — свел ее со многими известными политическими деятелями. Через него Лидия Петровна смогла войти в контакт с Верой Фигнер, «старой гранд-дамой» «Народной воли», с Борисом Савинковым, одним из вождей Боевой организации ПСР, с «бабушкой русской революции» Екатериной Брешко-Брешковской и многими другими. Включившись в партийную работу, Л.П. Кочеткова вскоре становится одним из активных деятелей эсеровской партии. В 1906 г. ЦК партии направил ее на партийно-политическую работу в Поволжскую область. Обосновавшись в Аткарске, Лидия Петровна действовала в Саратовской губернии до начала 1909 г. Здесь она развернула широкую пропагандистскую деятельность среди местной интеллигенции и крестьянства, ей удалось совместно с Саратовским комитетом, выполнявшим функции Поволжского областного ко-

митета эсеровской партии, наладить издание и распространение революционной литературы, объединить вокруг себя наиболее активных сторонников эсеровской партии и даже курировать действия крестьянских боевых дружин Аткарского уезда. В августе 1908 г. в качестве делегата от саратовской организации социалистов-революционеров Л.П. Кочеткова под псевдонимом «Волгина» принимала участие в Первой общепартийной конференции, где были подведены итоги деятельности партии социалистов-революционеров в годы первой русской революции и намечены задачи дальнейшей борьбы с самодержавием. На конференции она выступила с докладом о положении партийной работы в Поволжской области, где в то время действовали 7 партийных комитетов. Как следует из доклада, работа протекала в чрезвычайно трудных условиях — власти развернули массовые репрессии, в результате которых многие партийные функционеры оказались арестованными, численность уцелевших от разгрома партийных групп резко сократилась, они вынуждены были ограничить свою деятельность преимущественно городами, а на селе катастрофически не хватало опытных, подготовленных для партийной работы кадров. В такой непростой ситуации главное внимание местные партийные организации сосредоточили на пропагандистской работе, в частности на издании и распространении революционно-агитационной литературы. Так, с октября 1907 г. по июнь 1908 г. Поволжскому областному комитету удалось собственными силами издать около 142 тысяч экземпляров листовок и прокламаций, а также наладить выпуск крестьянской газеты «Деревня».⁶

В мае 1909 г. Лидия Петровна присутствовала на заседаниях V Совета партии в Париже, рассматривавшего вопрос об отставке прежнего ЦК в связи с «делом Азефа» и выработавшего основные направления партийной работы в массах. По возвращении в Россию в июле 1909 г. ее арестовали на границе и после непродолжительного тюремного заключения сослали в административном порядке на три года в Архангельскую губернию. С 1912 г., после возвращения из ссылки, Л.П. Кочеткова практически отошла от активной политической деятельности. В значительной мере это было связано с дошедшими до нее слухами, что ее деятельность в рядах ПСР носила якобы провокационный характер. Лидия Петровна отреагировала на них весьма бурно — она решила навсегда порвать с эсеровской партией, которой верой и правдой служила не один год. На неоднократные предположения мужа переехать в Швейцарию она всякий раз отвечала отказом. По-прежнему единственной связью между ними оставалась переписка. Почему так произошло? Взгляды Л.П. Кочетковой на семейно-брачные отношения и взаимодей-

ствие полов станут более понятными, если обратиться к тем местам из переписки, где речь шла о более общем вопросе — женской эмансипации. Здесь Лидия Петровна выступала как яркая феминистка. Будучи, по собственному выражению, «провозвестницей женского пола», Л.П. Кочеткова весьма чувствительно относилась к вопросу о взаимоотношении полов и творившихся в этой сфере общественных несправедливостей. В своей личной жизни она постоянно сталкивалась с дискриминацией женщин во всех ее проявлениях. Для себя как женщины она усматривала путь к эмансипации в возможности получить высшее образование, в принадлежности к революционной политической партии, участии в революционном движении и торжестве социалистического идеала. Ее феминизм в значительной степени базировался на сложившемся у нее негативном образе «мужчины» как такового. По ее мнению, только женщины являются теми, кто двигает мир вперед, и она была убеждена, что женщинам в этом плане принадлежит будущее. Согласно ее теории, мужчины в лучшем случае могут вызывать лишь чувство жалости. Такой одномерный образ, каковым она наделяла и женщин, и мужчин, не намного изменился в ее мироощущении и по прошествии ряда лет. Среди прочего это могло быть результатом неудачного опыта, коренящегося в ее собственном детстве. Первым мужчиной в ее сознании являлся отец, который навсегда запечатлелся в памяти как малоприятное явление в образе пьяницы и дебошира. Да и образ брата Вячеслава долгое время вызывал исключительно негативные ассоциации. К тому же ее практика в качестве сельского врача, где она была свидетельницей того, как недостойно обходились мужчины со своими женами и детьми, также давала немало поводов подкрепить тот мрачный облик мужчин, который формировался у нее с детства. Примечателен тот факт, что пренебрежительная оценка интеллектуальных способностей мужчин была ею перенесена и на их физические, сексуальные возможности. Ко многим мужчинам она испытывала чувство чисто физического отвращения. Несмотря на то что своего Фрица она очень любила и даже боготворила, эта внутренняя, глубинная психологическая неприязнь по отношению к мужскому полу как таковому наложила свой отпечаток на ее собственную сексуальную жизнь и одно время даже на взгляды ее брачного партнера.

Следует заметить, что в конкретной политической деятельности Лидии Петровны женский вопрос, как это не странно, практически не ставился и не выдвигался. Но зато в области ее научно-интеллектуальной деятельности этот вопрос имел первостепенное значение и разрешался ею в самой что ни на есть радикально-феминистской форме. В одном из

ее сочинений с весьма характерным названием «Вымирание мужского пола в мире растений, животных и людей» мужской пол рассматривался как источник всех жизненных неприятностей, по своей ценности он не мог быть сопоставим с женским полом, а поэтому самой жизнью приговорен к вымиранию, в то время как человечество — единое женское человечество — «увидит, что оно способно на нечто гораздо большее, нежели ведение на Земле вполне благоустроенного хозяйства; ясно выступит все, что есть у людей общего, и они осознают высшие интересы всего своего вида; женщина-сверхчеловек сосредоточит в себе силу, правящую Вселенной...».⁷

Конечно, ее теория о вымирании мужского пола, якобы олицетворяющего хаос и разруху, и торжестве женского пола, якобы несущего в себе созидание и упорядоченность, не выдерживает сегодня серьезной научной критики. Тем не менее многие феминистские идеи Л.П. Кочетковой, ее видение женского вопроса и роли женщин в общественной жизни в видоизмененной, модернизированной форме приобрели внезапную актуальность в конце XX в. и нашли своеобразное воплощение в широко распространенном ныне феминистском движении. В этой связи Лидию Петровну по праву можно рассматривать как одного из идейных предшественников современного феминизма.

Необычные взаимоотношения Кочетковой и Брупбахера позволяют обратиться и к такой весьма актуальной проблеме, как взаимодействие и диалог разных культур. По многочисленным замечаниям о швейцарском обществе и его жителях, которые содержатся в письмах Лидии Петровны к мужу, создается вполне ясная картина ее представлений о Швейцарии. Этот образ, как и представление о Западе в целом, в ее восприятии достаточно одномерен и, как правило, несет в себе резко негативный окрас. Для нее швейцарские жители, как и представители других западноевропейских стран, в массе своей олицетворяли такой тип людей, которому свойственны многочисленные недостатки и пороки: духовный консерватизм, ориентированность исключительно на материальные ценности, холодный расчет, бездушность и эгоизм. Такие позитивные качества, как пунктуальность, прилежание, трудолюбие, постоянство и опрятность, которыми она имплицитно наделяла швейцарцев, не имели для нее существенного значения, поскольку все эти качества мало соотносились с ее национальной ментальностью: эмоциональностью и спонтанностью, коллективизмом и патернализмом, глубокой верой в авторитеты и жертвенностью, покорностью и радикализмом.

Кстати, как показывают специальные исследования,⁸ преимуще-

ственно негативный образ западного общества преобладал у большинства русских, проживавших в конце XIX - начале XX в. за границей, в том числе и в Швейцарии. Социальные и культурные различия оказывались весьма сильными, зачастую не только непреодолимыми, но и нараставшими. Однако Лидия Петровна все же смогла существенно продвинуться в преодолении некоторых социокультурных барьеров. Это выразилось прежде всего в ее искренней, большой, хотя и своеобразной, любви к Фрицу Брупбахеру, человеку с другой, существенно разнящейся культурой. Правда, и здесь невольно проявились черты ее русского характера: с той же силой, с какой она любила Россию и «своих русских», она создавала во многом мистифицированный образ «своего Фрица» — идеального человека и мужа, достойного почти культового поклонения. Несомненно и то, что получение швейцарского образования существенно расширило ее культурное пространство, позволило не только продвинуться в своем профессиональном росте, но и глубже осознать состояние медицинского дела в России. Она не могла не видеть того громадного разрыва между уровнем своей профессиональной подготовки и возможностями его полной реализации в условиях российской действительности, особенно в сельской местности, где ей довелось заниматься врачебной практикой. Безусловно, в целом процесс культурного взаимодействия и обмена был довольно интенсивным. По все же следует признать, что по большому счету полной встречи и полного диалога двух культур для Лидии Петровны не состоялось, социокультурный конфликт явно или латентно продолжал иметь место, что накладывало неизгладимый отпечаток на взаимоотношения с любимым ею Фрицем.

Что касается Ф. Брупбахера, то он был куда терпимее к стандартам и образцам чужой культуры. Более того, ему очень нравились русские женщины как совершенно особенный женский тип, наполненный жизненными страстями, эмоциональными чувствами, необыкновенной энергетикой. Еще до женитьбы на Лидии Петровне немало российских женщин были его хорошими друзьями: Ольга Неустроева, Вера Фигнер, Елизавета Рабинович, Вера Штрассер и другие. Не следует забывать и того, что Брупбахер состоял в рядах швейцарской социалистической партии и круг его общения с русскими не выходил, как правило, за пределы своих идейных соратников, а поэтому общность политических взглядов сама по себе предусматривала и толерантность, и симпатии, и солидарность с российскими социалистами. Подобные настроения являлись в общем-то типичными для большинства левых организаций и сил Швейцарии.

Существенные различия в ментальности и мироощущении Л.П. Кочетковой и Ф. Брупбахера заметно обострились с началом Первой мировой войны, когда Лидия Петровна предстала как пламенная националистка, люто ненавидевшая все немецкое. Ее настрой оказался диаметрально противоположным открытой, космополитической позиции Брупбахера. Он уже ничего не мог противопоставить ее слепой ненависти к немцам и неприязни ко всему «западному». Все больше давали себя знать и увеличивающиеся год от года расхождения в политической области. Хотя оба и оставались верны основополагающим принципам социализма, но по вопросам тактическим разошлись принципиально. Брупбахера, например, заметно беспокоило то, что его жена стала считать крестьянство чуть ли не единственной революционной силой, в то время как за пролетариатом практически не признавала сколько-нибудь значительной творчески преобразующей роли. Он же, не отрицая у крестьянства определенного революционного потенциала, видел лишь в пролетариате главную силу и опору социализма. Немаловажным был подспудно нараставший конфликт в семейно-брачных отношениях. Чем дальше, тем больше для Лидии Петровны брак принимал некую романтически-платоническую форму; эротически-сексуальные отношения между мужчиной и женщиной, мужем и женой вызывали у нее все больше и больше отторжение и неприязнь. Все это противоречило чрезвычайно чувственной натуре Фрица Брупбахера, о чем свидетельствовали его дневниковые записи и написанные им многочисленные социально-медицинские трактаты.

В конце концов различия в ментальности и мироощущении, которые первоначально отступили на задний план перед всепобеждающей силой любви, со временем не только обострились, но и превратились в деструктивную силу. В 1916 г. Л.П. Кочеткова и Ф. Брупбахер официально расторгли свой брак. И тот факт, что их любовь все же продержалась в течение 15 лет супружеской жизни, можно отнести к тому, что она существовала все эти годы преимущественно в письмах, на простой почтовой бумаге. Переписка была подлинной ареной их любви, а написанные слова — главным средством общения, выражения чувств, эмоций, желаний.

Были ли они счастливы все эти долгие годы добровольной и перманентной разлуки? Трудно сказать. Ведь каждому по-своему представляется счастье, и каждый по-своему находит или теряет его, совершая собственный выбор и выбирая собственный путь. И все же... «Жизнь проходит, а я все еще не знаю, для чего я пришла в этот мир. Ни единый человек от меня ничего не получил. Для этого у меня нет профессии, а

человек без профессии — ничто, лишний. К тому же я начинаю думать, что я никчемная, никчемнее, чем человек со средними способностями. Раньше я об этом не думала, этот вопрос не занимал меня, в окружающем мире так много занимательного, — зачем размышлять о себе самой? Но теперь мне приходит на ум, что настоящий, хороший человек любим остальными, никогда не будет оклеветан... Я потеряла веру в саму себя. Среди людей я не нахожу себе места. Меня уничтожат, потому что я не представляю собой никакой ценности... На белом свете так много людей и так немного таких, которые, как я, никому не причинили зла. Но почему выбрали именно меня? Это терзает и терзает меня. Я не понимаю этого и ощущаю себя брошенной на произвол злой воли всего человечества... Вот так сижу и плачу, и не нахожу себя в мировом пространстве».⁵

Такой печальный итог своей жизни Лидия Петровна подвела в возрасте сорока одного года. Это происходило во время, когда она в октябре 1913 г. после ссылки находилась под Златоустом на Урале и напрасно ожидала места работы. Она вновь со всей ясностью являет на свет Божий все то, что характеризует ее сущность: тягу к страданию и вызванную тем самым жалость к себе самой, удвоенную манию преследования и общественно обусловленную дезориентацию. Лидия Петровна в этот период была самым жестоким образом охвачена тем, что сегодня мы называем «midlife crisis». Как ей казалось, у нее не было будущего, а прошедшим она была в высшей степени не удовлетворена. Глубоко разочаровавшись в себе самой и в жизни, она больше не видела смысла в своем существовании. Когда позже она рассталась и со своим многолетним спутником жизни, это стало еще одним подтверждением ее неудавшейся жизни. В соответствии с ее взглядами она ничего не достигла из того, на что надеялась в годы юности: она не состоялась ни как врач, ни как революционерка и жена. Ее высший идеал «полезного человека», который может что-то дать своему народу, она не смогла претворить в жизнь. Себя она воспринимала как «лишнего человека» в пушкинском и чеховском смыслах. Вся ее жизненная картина предстала пред ней как груда обломков, а ее глубокий духовный и жизненный кризис казался непреодолимым.

После разрыва с Ф. Брупбахером следы Лидии Петровны затерялись. Кроме пары незначительных намеков в сохранившихся письмах ее матери и ее подруги Ольги Неустроевой, практически ничего не известно о ее жизни и деятельности после 1916 г. Сведений, когда и при каких обстоятельствах она ушла из жизни, также не удалось обнаружить.

А что же Фриц Брупбахер? Большую часть своей жизни он безвыез-

дно прожил в Цюрихе. В 1914 г. его исключили из швейцарской социалистической партии за интернационалистские позиции, которые последовательно отстаивал с самого начала Первой мировой войны. Вскоре он вступил в коммунистическую партию и на протяжении ряда лет возглавлял парторганизацию в Цюрихе. Однако в 1932 г. вновь был исключен из партийных рядов, в этот раз за резкую критику внутренней и внешней политики СССР и лично И.В. Сталина. Но общественной и политической деятельностью, теперь уже в рядах анархистов, он не прекращал заниматься вплоть до своей смерти. После официального развода с Л.П. Кочетковой Фриц дважды женился, но оба брака так и не дали ему собственных детей. Умер Брупбахер 1 января 1945 г. в возрасте 70 лет.

Примечания

- ¹ Статья подготовлена к публикации А.П. Новиковым.
- ² См.: Briefwechsel Lidija Petrowna Kotschetkowa - Fritz Brupbacher // Schweizerisches Sozialarchiv. (Zurich). Mikrofilme der Bestände des Internationalen Institutes für Sozialgeschichte (IISG), Amsterdam. MFC 1-49.
- ³ Там же. MFG 41.
- ⁴ Там же. MFG 39.
- ⁵ См.: *Frei A.* Rote Patriarchen. Zbrich, 1987. S. 62.
- ⁶ См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. / Т. 2. Июнь 1907 г. - февраль 1917 г. М., 2001. С. 80-81.
- ⁷ *Kotschetkowa L.* Der Untergang des männlichen Geschlechts in Pflanzen-, Tier- und Menschenwelt// Polis. Sozialpsychologische Rundschau. 1908. Jahrgang N4. S. 38-54.
- ⁸ См.: *Brigger L.* Russische Studentinnen in Zurich // Brang P. et al. Hg. Bild und Begegnung. Kulturelle Wechselseitigkeit zwischen der Schweiz und Osteuropa im Wandel der Zeit. Basel, 1996. S. 485-508.
- ⁹ Briefwechsel Lidija Petrowna Kotschetkowa - Fritz Brupbacher // Schweizerisches Sozialarchiv. (Zurich). Mikrofilme der Bestände des Internationalen Institutes für Sozialgeschichte (IISG), Amsterdam. MFC 42.

В.И. Ленин и А.А. Богданов — два выдающихся деятеля российской социал-демократии, пути которых разошлись в период 1909-1913 гг. А.А. Богданов, сыграв выдающуюся роль в годы первой русской революции, в дальнейшем, оставаясь социалистом и марксистом, отходит от политической деятельности, посвящая себя целиком науке.

В.И. Ленин, завоевав лидерство среди большевиков, становится вождем победоносной социалистической революции.

Однако отношения между двумя выдающимися деятелями отразились на последующей оценке их деятельности. Тень соперничества и противоборства между Лениным и Богдановым влияла на отношение к Богданову в условиях победившего большевистского режима. Над российским богдановедением долгие годы довлело отрицательное отношение к Богданову со стороны Ленина. С другой стороны, величие Ленина, пиетет перед ним не давали возможности оценить значимость фигуры Богданова, его прозрения и предвидения в области социально-политической и его новаторство в развитии мировой науки — создание общей теории систем и начал кибернетики. Кста-

ти, к этому открытию научное сообщество было еще не подготовлено (и не только в России).

В сталинский период борьба с «богдановщиной» приняла гипертрофированные размеры. XVI съезд ВКП(б) (1930) объявил ее актуальной задачей, а в 1937 г., после выхода книги

А. Щеглова «Борьба Ленина с богдановской ревизией марксизма», она приобрела фальсификаторский характер.

Начиная с 60-х годов XX в. взгляды и деятельность Богданова и его противостояние с Лениным, его концепция «пролетарской культуры» активно изучаются западным советоведением.¹ Следует выделить монографию Зиновии Сохор (некоторые читают - Сочор) «Революция и культура. Противостояние Богданова — Ленина», подготовленную в институте Гарримана и вышедшую в 1988 г.²

Сохор отмечает, что «изучение революционной России фокусировалось на Ленине до такой степени, ленинская система приоритетов и версия событий была общепринятой». Отсюда — не сразу был виден масштаб личности Богданова.³

В российском богдановедении вплоть до 1960-х годов жупел

«богдановщины» мешал серьезно разобраться в вопросе о борьбе течений в российской социал-демократии после революции 1905 г., оценить значение разработок Богданова в области «пролетарской культуры», а превращение в канон работы Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» ставило крест на всяком объективном подходе к философским исканиям Богданова и его «организационной» науке (тектологии).

Признание Богданова в 60-е годы началось с оценки его «организационной науки» (работы А. Сетрова, А.Л. Тахтаджяна, Э. Юдина, И. Блауберга и др.).

В.Н. Садовский отмечал в 1995 г., что «отношение к научному наследию Богданова в советской философии стало меняться уже в 60-е годы, и этот процесс был связан не столько с его философией, сколько с тектологией. Именно в это время началась сложная и мучительная реабилитация всеобщей организационной науки — тектологии, и это косвенно затронуло и оценку философских воззрений Богданова»⁴ Как выразились К. Любутин и Г. Замановский, «начинается частичная реабилитация Богданова под тектологической шапкой».⁵

В годы «перестройки» появились новые исследования, лишенные прежней зашоренности, стали возможны публикации трудов Богданова и документов о нем. В 1990 г. вышел сборник его работ «Вопросы социализма» с вступительной статьей Г.Д. Гловели и Н.К. Фигуровской «Трагедия коллективиста»⁶. В 1992 г. в журнале «Родина» (№ 8-9 и № 10) сотрудники РЦХИДНИ Н. Антонова и Н. Дроздова опубликовали отчет А.А. Богданова «История частной финансовой группы с.-д. большевиков (1907—1912)» и ряд документов, дающих возможность судить о финансовом скандале в Большевицком центре (в 1995 г. весь блок документов полностью был напечатан в издании «Неизвестный Богданов». Кн. 2).

Публикация «Неизвестный Богданов» в трех книгах, выпущенная Издательством АИЮ-ХХ в 1995 г., представляет очень большую ценность.⁷

Книга первая включает статьи, доклады, письма и воспоминания 1901—1928 гг. (составители Н.С. Антонова, Н.В. Дроздова. Автор предисловия Г. Горцка).

Книга вторая имеет подзаголовок «А.А. Богданов и группа РСДРП „Вперед“ 1908-1914 г.» (составители те же, автор предисловия Дж. Бигарт. С. 5—32). Представленные в этой книге документы дают возможность объективно осветить разногласия между Лениным и Богдановым, приведшие к расколу Большевицкого Центра и созданию группы «Вперед». Третья книга включает работу — это произведение А.А. Богданова, никогда ранее не публиковавшееся, «Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник 1904—1914 гг.» (составитель Н.С. Антонова, автор предисловия Д. Стейла).

Дважды вышла не публиковавшаяся с 20-х годов «Тектология». Двухтомное издание 1995 г.⁸ сопровождается «Библиографией основных работ» Богданова (в 1-й книге), включает речь Н.И. Бухарина «Памяти А.А.Богданова (1928)» и статью А.Л. Тахтаджяна «Слово о тектологии». Издание 2003 г.,⁹ помимо предисловия, написанного Г. Гловели и библиографии трудов Богданова, включает в качестве приложения ряд его работ, ранее не публиковавшихся.

Осмыслению философского наследия Богданова содействует переиздание его главного философского труда «Эмпириомонизм».¹⁰ Эта книга была объектом критики Ленина и в то же время имеет важное значение на пути создания Богдановым его «Тектологии». Исследованием трудов Богданова занимаются экономисты, философы, социологи, психологи. Написано несколько кандидатских диссертаций. В изучении наследия Богданова и подготовке к изданию его трудов значительный вклад Георгия Гловели.

В Екатеринбурге создан Международный институт А. Богданова. Фундаментальные положения богдановской «Тектологии» востребованы и используются современной экономической наукой.¹¹

Философы получили возможность в полный голос заговорить о философском противостоянии Ленина и Богданова. В конце 1991 г. журнал «Вопросы философии» поместил работу Богданова «Вера и наука (о книге В.Ильина „Материализм и эмпириокритицизм“))» (ранее она была опубликована в 1910 г. в книге А.А. Богданова «Падение великого фетишизма», включающей эту и другую работу Богданова). Публикации была предпослана статья Ю.Г. Коргунюка «„Материализм и эмпириокритицизм“ и его критики».¹²

В 1994 г. «Вестник РАН» поместил материалы «круглого стола» на тему: «Красный Гамлет. Опыт коллективного анализа творческого наследия А.А. Богданова»¹³). И, наконец, в 1995 г. журнал «Вопросы философии» напечатал часть материалов конференции в Норвиче (Англия, январь 1995 г.) на тему «Истоки и развитие организационной теории в России», где основное внимание было уделено тектологии Богданова.¹⁴

Из работ историков, затрагивающих темы взаимоотношений Ленина и Богданова, истории российской социал-демократии вообще, назовем работы И.А. Пономаревой, Ю.П. Шарапова, О.В. Щелокова, П.А. Плютто и других.¹⁵ Дважды обращался к этой проблематике автор настоящей статьи.¹⁶ Книга Ю.П. Шарапова непосредственно посвящена теме «Ленин и Богданов».

Следует отметить переводные работы зарубежных авторов — вступительные статьи Дж. Биггарта, Г. Горцка Д. Стейлы в сборнике «Не-

ложено: или на родину под негласный надзор полиции, или за границу. «Я поехал за границу, и немедленно нелегально вернулся (в Финляндию, где жил в Куоккале вместе с Лениным до конца 1907 г.)».²⁵

О своей партийной работе в это время он пишет в «Автобиографии» (1925 г.): «...жил в Куоккале вместе с Лениным, работая в редакции большевистских органов, а также при думских фракциях 1, 2 и 3-й Думы. По вопросу о 3-й Думе был бойкотистом, но после решения партийной конференции против бойкота проводил избирательную кампанию в эту Думу в нелегальной рабочей газете „Вперед“, которую редактировал».²⁶

Годы первой русской революции - золотая пора раннего большевизма, и Богданов высоко ценил дружную работу этого периода, товарищеские отношения участников борьбы. В Большевистском центре А.А. Богданов и А.Б. Красин занимали выдающееся положение как практики революционной борьбы.

После Февральской революции, в мае 1917 г., А.А. Богданов писал в газете «Новая жизнь»: «В дни своего первого расцвета в 1904-7 годах большевизм был ярко демократичен не только по своей программе, но и по настроению, господствовавшему внутри организации. Нельзя сказать, чтобы лидерства совсем не было: но оно было поставлено в такие рамки, что если бы тогда кто-нибудь сказал: „линию большевизма определяет Имярек“, — то это бы не потребовало даже особого опровержения. Ленин был опытный и влиятельный политик организации, но никому не приходило в голову, что надо ждать его мнения, чтобы составить свое».²⁷ «Враждебность к авторитетам являлась даже отличительной чертой большевизма - писалось в статье „Что же мы свергли?“ - ... Слово „большевик“ звучало тогда весьма гордо».²⁸

В годы революции 1905—1907 гг. роль Богданова в большевистском руководстве была велика. М.Н. Покровский говорил об этом времени, выступая 7 февраля 1924 г. в Институте красной профессуры: «А.А. Богданов — это был великий визирь этой [большевистской] державы. Поскольку он управлял непосредственно из России, тогда как Ильич до революции 1905 г. был в эмиграции, постольку Богданов больше влиял на политику партии...»²⁹, М.Н. Покровский пытается уже для этого периода провести разделение между линией Богданова и линией Ленина, делая акцент на философских уклонах Богданова.³⁰ Однако это неверно, это - перенесение более поздних оценок на период 1904-1907 гг. - вряд ли справедливо. Тогда (с 1904 г.) действовало соглашение между Лениным и Богдановым не обращать внимания на философские расхождения.

Стоит отметить, что, выступая через 17 дней после смерти Ленина,

Покровский пытается нарисовать на основе своих воспоминаний возможно более правдивый портрет: «Мы привыкли видеть в Ленине олицетворение пролетарской диктатуры. ...Но исключительное положение т. Ленина в партии как олицетворение пролетарской диктатуры — это явление очень свежее, сложившееся в период Октябрьской революции и даже после Октября. Даже в первые месяцы после Октябрьской революции положение было еще не таким».³¹

Он начинает свои воспоминания с 1905 г., когда Ленин был «первым между равными, и ближайшие, наиболее влиятельные члены ЦК были от него очень близко».³² И далее: «Вот в какое время я застал Ильича, и очень любопытно рассматривать его диктатуру не как завершившийся факт, а как начинавшийся, становящийся, длительного идеологического свойства процесс».³³

Интересна также оценка Покровским раскола в большевистском центре в 1909 г. (об этом пойдет речь ниже): «Что касается раскола 1909 г., это можно сформулировать, как отчаянную попытку Ильича высвободиться из-под диктатуры Богданова...»³⁴

Покровский говорит о расхождениях в области философии, а также по вопросам революционной тактики. «Ильич не мог не понимать, что острый период революции, первый период революции кончился, что мы имеем перед собой [не] некоторую паузу, а длительный антракт.... Что мы здесь имеем - паузу или антракт? Тогда шел такой спор о нашей революции. Богданов и я, горячий спорщик, стояли за то, что это пауза. Матушка революция прилегла отдохнуть, но поднимется и начнет поливать направо и налево. Ильич склонялся к тому, что это антракт, и начал изучение экономических сторон того намечающегося подъема, который тогда чувствовался».³⁵ Покровский тогда присоединился к группе «Вперед», а Ленина не видел до осени 1917 г., когда он вернулся в Россию и восстановился в партии большевиков.

М.Н. Покровский здесь в популярной форме обрисовал основные причины произошедшего среди большевиков раскола, в том числе и борьбу за лидерство между Лениным и Богдановым. Очевидно, именно это было причиной того, что его выступление было опубликовано только в 1992 г.

Однако к названным Покровским причинам, приведшим к расколу Большевистского центра, следует добавить еще распрю по вопросу о формировании материальных средств партии и направлениях их использования и, главное, — кто должен распоряжаться партийными средствами (об этом подробно - в статье Тимоти О' Коннора и в материалах публикации «Неизвестный Богданов» (Кн. 2)).

И над всем этим - гнетущая атмосфера первых лет после поражения

революции, борьба внутри эмиграции, сближение и расхождение различных групп внутри партии, анализ уроков революции всеми — РСДРП, большевиками (левыми и правыми), представителями других партий.

В 1990-е годы в работах российских историков рассматривался вопрос, что было главным среди причин раскола в большевистской фракции: 1) расхождения по вопросу о тактике (продолжать ли курс на восстание в условиях спада революции и, соответственно, делать подпольную работу или перенести его на работу в Государственной Думе - выборы, работа социал-демократической фракции); 2) размежевание по философским вопросам; 3) спор и конфликт по финансовым вопросам; 4) борьба за лидерство. Отметим, что в доперестроечный период, как правило, указывалось на расхождения только по первым двум вопросам. В настоящее время тема борьбы за лидерство в истории большевистской фракции РСДРП в 1908—1910 гг. является общепризнанной (см.: Ю.П. Шарапов, О.В. Щелоков и др.) Однако ранее других эту тему разработал Т.О' Коннор в своих работах о Л.Б. Красине. Причем борьба за средства партии и борьба за лидерство были взаимосвязаны.

В отношении Богданова и тех, кто был с ним, в литературе используется термин «левые большевики», «устраненные большевики», и т.д. (Ранее было принято говорить «антиленинское течение», «антиленинцы»). Судьба их потом была различна, многие впоследствии нашли применение своим силам в условиях победившей революции (М.Н. Покровский, Л.Б. Красин, А.В. Луначарский и др.).

Однако расхождение между Лениным и Богдановым было наиболее глубоким. После Октябрьской революции Богданов никаких постов на государственной службе не занимал, входил лишь в ЦК автономной организации «Пролеткульт» («Союз пролетарских культурно-просветительных организаций»), стремясь осуществить свою концепцию строительства пролетарской культуры. Но и здесь его деятельность вызвала неприязненное отношение Ленина и стремление устранить его и с этого участка работы.

Между тем история расхождений Ленина и Богданова, в том числе история группы -«Вперед», многие годы анализировалась очень предвзято. На самом деле борьба за деньги партии и за контроль над газетой «Пролетарий» были тесно взаимосвязаны, и Ленин прекрасно отдавал себе отчет в ключевом значении этих позиций. Дж. Биггарт полагает, что «борьба за деньги фракции была неотъемлемой частью политической борьбы, и началась эта борьба за деньги в 1907 году, т.е. за год до того, как Ленин предпринял наступление на марксизм Богданова».³⁶

В декабре 1907 г. Ленин и Богданов отбывают в эмиграцию, в Женеву.

ве издается большевистская газета «Пролетарий», которую редактируют В.И. Ленин, И.Ф. Дубровинский и А.А. Богданов. Именно в редакции «Пролетария» начинаются резкие споры между Богдановым и Лениным, приведшие к нарушению в 1908 г. того соглашения о нейтралитете в области философии, которое «молчаливо» было заключено между ними в 1904 г.³⁷ К тому времени Богданов завершил свой «Эмпириомонизм»,³⁸ с положениями которого Ленин и раньше выражал свое несогласие. В 1908 г. вышли «Очерки философии марксизма», в котором были помещены статьи А.А. Богданова, В.А. Базарова и других, вызвавшие недовольство Ленина.

В феврале 1908 г. осложнились отношения между Лениным, Луначарским и Горьким (по поводу отказа Ленина и Дубровинского печатать статью Горького «Разрушение личности»). В апреле 1908 г. состоялась встреча Ленина, Богданова, Луначарского и Горького на Капри, но она не привела к примирению. В 1908 г. Ленин помещает направленную против воззрений Богданова статью «Марксизм и ревизионизм» в сборнике «Карл Маркс (1818—1883). К 125-летию со дня его смерти 1883—1908» (СПб., 1908). Как отмечал сам Ленин, это было «формальным объявлением войны»³⁹ его философским противником.

Ленин усиленно работал над тем, что потом стало известно как «Материализм и эмпириокритицизм» — монографии, в которой критиковались философские взгляды А.А. Богданова и В.А. Базарова.

В 1908 г. — разворачивалась борьба по организационным вопросам — за исключение Богданова из редакции «Пролетария», а также за вытеснение его из финансовой комиссии, в которую включены были новые члены — сторонники Ленина.

В декабре 1908 г. прошла V Общероссийская конференция РСДРП, в которой Богданов и Ленин участвовали (с совещательным голосом). Конференция приняла решение не созывать в следующем году съезд партии. Таким образом, Богданов и «левые большевики» не могли более апеллировать к съезду РСДРП. После конференции конфликт между Лениным и Богдановым углубляется. 8 февраля 1909 г. Ленин порывает личные отношения с Богдановым.⁴⁰ В апреле 1909 г. вышла книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

Очень важную итоговую роль в развернувшейся борьбе играло совещание расширенной редакции «Пролетария», проходившее в Париже в июне 1909 г. И.А. Пономарева отмечает, что конференция в своей резолюции «О ведении ЦО» «придала фактически силу партийного закона осуждению эмпириомонизма и эмпириокритицизма».⁴¹ Большим поражением Богданова было его устранение из Большевистского

центра (его роль играла расширенная редакция «Пролетария»). Это произошло на 6-м заседании совещания — за неподчинение решениям совещания об «отзовистах-ультиматистах», о «богостроительстве», о школе на Капри, о расколе.

Красин написал в БЦ заявление по поводу исключения Богданова, в котором говорил, что он «удален без сколько-нибудь доказательной мотивировки». «Я констатирую, — писал Красин, — что в худшие времена господства меньшевиков в ЦК нашей партии не было случая столь беззастенчивого проведения политики вышибания по отношению к несогласно мыслящим». Он заявлял, что в работах такой коллегии не может принимать участие и требовал отмены решения в отношении Богданова.⁴²

Уход Богданова из «Пролетария», а потом исключение из Большевистского центра означали серьезное поражение Богданова и усиление позиций Ленина. О' Коннор пишет, что Богданов не обратился за помощью к единомышленникам и, по существу, уступил Ленину побоя, «что обернулось для Богданова стратегическим поражением».⁴³

Позднее, в своих записных книжках, Богданов отметил, говоря о периоде 1908-1910 гг.: «В то время, к своему счастью, я не понимал этого (специального — за единоличное руководство смысла борьбы, иначе не уступил бы под первым предлогом, полагаясь на истину и будущее».⁴⁴

В декабре 1909 г. была организована группа «Вперед», о чем А.А. Богданов и В.Л. Шанцер от имени 16 объединившихся извещали 28 декабря 1909 г. ЦК РСДРП.⁴⁵ Эта группа уже в декабре приняла платформу, в выработке которой принимало участие 15 членов партии: 7 рабочих и 8 интеллигентов. В ней было охарактеризовано современное положение и задачи партии. Говорилось, что внутривнутрифракционная борьба наносит тяжелый удар пролетарскому делу. Первая задача, которую ставила группа: «Мы будем открыто бороться за восстановление единства большевизма».⁴⁶ В платформе группы «Вперед» впервые были высказаны мысли Богданова о необходимости создания «пролетарской культуры». В развитии «пролетарской культуры» Богданов видел подготовку пролетариата к его миссии. Это был курс на развитие самостоятельности пролетариата: «Задача революционной социал-демократии — самостоятельная деятельность и самостоятельное развитие рабочего класса как в его практике, так и во всех областях его идейной жизни».⁴⁷

Пленум ЦК РСДРП не позднее 23 января 1910 г. зарегистрировал литературную группу «Вперед» как партийную издательскую группу.⁴⁸

В январе 1910 г. группа «Вперед» выпустила обращение «К товарищам большевикам!», в котором сообщала о сдаче большевистским центром всех позиций: БЦ объявил себя распущенным, «Пролетарий» зак-

рывался, большевистские деньги передавались ЦК РСДРП, а «большевизм как организованное идейное течение объявлен несуществующим». В обращении давалась критика деятельности БЦ, которая называлась «глубокой бездеятельностью». Группа выступала за «перестройку большевистской фракции на новых основаниях».⁴⁹

Развитие событий привело к отстранению Богданова от участия в партийной работе на всех уровнях: в январе 1910 г. при слиянии фракций большевиков и меньшевиков он был устранин из состава ЦК РСДРП, а в 1913 г. лишен возможности участия в большевистской газете «Правда», причем именно Ленин содействовал тому, чтобы эта ниточка, связывающая его с социал-демократией, прервалась. С февраля 1913 г. «Правда» начала печатать серию статей Богданова, в том числе в серии «Из словаря иностранных слов» были помещены статьи Богданова «Класс», «Партия», «Тактика», «Политика», однако в январе 1914 г. он получил извещение от редакции о том, что его статья «Идеология» опубликована быть не может. Ленин убедил редакцию отказать в сотрудничестве Богданову и Луначарскому.⁵⁰

Не был Богданов до конца и с группой «Вперед», которую сам создавал. «Весной 1911, когда группа „Вперед“ стала переходить от культурно-пропагандистской работы к политике в заграничном духе, я вышел из нее и ушел из политики», - пишет он в «Автобиографии».⁵¹ Примерно так же он объяснял это и в письме «Членам Женевского кружка „Вперед“» 7 марта 1912 г.: «Измельчание программы, вступление на путь заграничной дипломатии, неработоспособность полная при наличности кое-каких хороших сил — может быть яснее этого? Чем скорее ликвидация, тем лучше...»⁵² К тому же из 16 человек, подписавших платформу, осталось в 1911 г. 3, плюс 2 кооптированных. Сам Богданов, признавая огромную «важность революционно-культурной работы», решил посвятить ей себя.⁵³ Кстати, Дж. Бигарт склоняется к признанию, что из партии Богданов так и не выходил.⁵⁴

Главным же результатом работы Богданова после отхода от политической деятельности была научная работа — создание «Тектологии» в 1912-1922 гг. Но она появилась слишком рано не только для России, но и для Запада. Ленин так и не понял значения этой работы (также и его соратники большевики). Переиздание в 1920 г. его «Материализма и эмпириокритицизма» придало новый импульс борьбе с «философскими ошибками» Богданова.

В 1914 г. Богданов закончил работу «Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник (1904-1914 гг.)» Начальная дата - время первого «отлучения» статьи — Л.И. Аксельрод (Ортодокс) - предста-

вительницы «плекхановской школы». Кстати, в своей критике Богданова Ленин шел по стопам Г.В. Плеханова, видевшего в работах Богданова отступление от ортодоксального марксизма.

Эта работа Богданова полна горечи от непонимания, а также неприязненной критики в адрес своих критиков Плеханова и Ленина, причем Богданов постоянно говорит о недостаточной философской подготовленности Ленина. Но не только. Он пишет об авторитарности его мышления и характера - черты, которые очень опасны в революции. Характеризуя прошедшие в течение десятилетия 1904-1914 гг. фракционные сражения в рядах социал-демократии, он успешно применяет свою организационную теорию.

«В хорошее время Ильин (Ленин. - *И.О.*) был человеком большой и полезной работы; в плохое, трудное время он стал человеком *тяжелых ошибок* (курсив автора цитаты. — *И.О.*)». Богданов выступает за высокие принципы в политике и внутрипартийной борьбе: «Для великого класса (речь идет о пролетариате. — *И.О.*), в котором живет чистый порыв и высокий идеал, *культурно недопустимы* (курсив автора цитаты. — *И.О.*) приемы борьбы мелкие, грязные, унижающие».⁵⁵ «Авторитаризм» Ленина он считает глубокой чертой расхождения с новой культурой: «Я говорю не просто о грубой властности характера — недостатки, который может быть уравновешен и исправлен влиянием товарищеской среды. Я имею в виду самый *способ мышления* (курсив автора цитаты. — *И.О.*)».⁵⁶ Он говорит о «слепой, наивной вере в авторитеты» (Маркса и Энгельса. — *И.О.*), которой проникнута философская книга Ленина.⁵⁷

Исход борьбы между Лениным и Богдановым имел результатом не только исключение Богданова из дальнейшей политической борьбы, но и повлиял на оформление тех принципов, на которых стала строиться партия большевиков, вышедшая из периода реакции.

Осенью 1913 г. Богданов возвращается в Россию. В 1914 г. он призван на фронт в качестве врача.

В 1917 г. он пишет ряд остроаналитических статей в газете «Новая жизнь», с осени 1918 г. работает в Пролеткульте и занимается научной работой. Богданов отмечал, что в январе 1918 г. он поставил советскому режиму диагноз «военного коммунизма».⁵⁸ Речь идет, очевидно, о напечатанной в двух номерах «Новой жизни» статье «Судьбы рабочей партии в нынешней революции».⁵⁵

Но еще ранее те же мысли были выражены в письме Богданова Луначарскому от 19 ноября (12 декабря) 1917 г. О своей позиции он говорит: «Я не стою, конечно, на позиции саботажа или бойкота».⁶⁰ Но говорит о трагизме положения, в котором оказалось советское прави-

тельство: «Корень всему — война. Она породила два основных факта: 1) экономический и культурный упадок; 2) гигантское развитие *военного коммунизма* (курсив автора цитаты. — *И.О.*)». Партия из рабочей стала рабоче-солдатской. А это значит преобладающее влияние более отсталой части - солдатской: «И поразительно, до какой степени преобразовался большевизм в этом смысле. Он усвоил логику казармы, все ее методы, всю ее специфическую культуру и ее идеал». А логика казармы «в противоположность логике фабрики характеризуется тем, что она понимает всякую задачу как вопрос ударной силы, а не как вопрос организационного опыта и труда».⁶¹

Об отношении Богданова к Ленину после Октябрьской революции можно судить по его заметке 4 сентября 1918 г., адресованной П.И. Лебедеву-Полянскому и Ф.И. Калинин (Аркадию) в связи с подготовленной для журнала «Пролетарская культура» статьей «Н. Ленин». Приведем ее полностью: «Дорогие товарищи, передовицу „Н. Ленин“ я прочитал. Вам ясно, что со многим в ней я, как антимаксималист, не могу быть согласен; но основную его (Ленина. - *И.О.*) характеристику как представителя деловой (п/ж автора цитаты. — *И.О.*) линии в коммунизме считаю правильной. Естественно, что я воздерживаюсь в голосовании.

Вне этого вопроса советовал бы выкинуть в конце фразу „пусть наши враги знают, что в борьбе с ними мы будем беспощадны“ Я не хочу защищать контрреволюционеров; но не журналу культуры говорить эти слова, особенно в данный момент, когда они пахнут свежей кровью массовых расстрелов».⁶²

На наш взгляд, эта записка отражает сдержанно-положительную оценку Богдановым Ленина и Октября (заметка написана через несколько дней после покушения на Ленина и объявления красного террора).

Интересные оценки содержатся в открытом письме Богданова Н.И. Бухарину от 10 декабря 1921 г. Речь идет опять же о «военном коммунизме», хотя к тому времени эти мысли, по Богданову, «почти перестали быть ересью».

«Рабоче-крестьянская власть, заключая мир, отбивая реакцию, организуя осадный коммунизм, делала необходимое дело, но — не чисто классовое, а общенародное (п/ж автора цитаты. - *И.О.*); спасала трудовую Россию и рабочий класс ее вместе с нею, - но не могла держаться на чисто пролетарских путях и методах». Богданов подчеркивает правильность выводов своей статьи 1918 г. в «Новой жизни» («Судьба рабочего класса в русской революции»)⁶³.

В том же письме Бухарину: «Нет, ваше дело я считал не „грязным“, а трагичным. В нем много крови и грязи - разве без них бывают револю-

ции? К нему прилипло больше крови и грязи, чем требовалось его сущностью; но винить в этом некого: виновата наша историческая отсталость и неподготовленность, виновата беспримерная тяжесть задачи, беспримерная жестокость бедствий, стихийно поразивших нашу страну. Трагизм в том, что на плечи исторически самого юного рабочего класса — русского пролетариата история возложила самое непосильное, невиданно огромное бремя, задачи, далеко выходящие из границ его собственной классовой природы».⁶⁴

В письме Е.А. Преображенскому от 7 ноября 1923 г. Богданов писал: «Наша революция — хотя она не то, чем ее считали, и чем даже до сих пор считают — есть во всяком случае Великая революция и этап мировой истории (п/ж автора цитаты. — *И.О.*)». Однако добавлял, что люди, вынесенные историей на самые высокие позиции, «мало думают о том, что они действуют на глазах истории (п/ж автора цитаты. — *И.О.*), что она будет ими заниматься, их судить беспристрастно и беспощадно».⁶⁵

Примечания

- ¹ *Bailes K.E.* Lenin and Bogdanov: the End of Alliance //Columbia Essays in International Affairs /Ed. By Andrew Cordier. Vol. 2 New York, 1967; *Biggart J.* 1) Anti-Leninist Bolshevism: the Forward Group of the RSDRP//Canadian Slavonic Papers, 1981. № 23; 2) Alexander Bogdanov and the Theory of a «New Class» // The Russian Review. 1990. N 49; *Lildge F.* Lenin and politics of education // Slavic Review. 1968. June; *McClelland J.C.* Utopianism versus revolutionary heroism in Bolshevik debate: Proletarian culture debate// Slavic Review. 1980. September; *Gorzka. Gabriele. A.* Bogdanov und der russische Proletkult: Theorie und Praxis einer socialistischen Kulturrevolution. Frankfurt: Campus Verlag, 1980; *Yassur A.* Lenin and Bogdanov: Protagonists in the «Bolshevik Center» // Studies in Soviet Thought 22. 1981. February.
- ² *Sochor Z.A.* Revolution and Culture. The Bogdanov-Lenin Controversy. Itaca and London, 1988.
- ³ Ibid. P. IX.
- ⁴ *Садовский В.Н.* Эмпириомонизм А.А. Богданова: забытая глава философии науки// Вопросы философии. 1995. № 8. С. 52.
- ⁵ *Любутин К., Замановский Г.* Прологомены к «богдановщине». Екатеринбург, 1996. С. 13.
- ⁶ *Богданов А.А.* Вопросы социализма: Работы разных лет. М., 1990.
- ⁷ *Богданов (Малиновский) А.А.* Неизвестный Богданов. В 3 кн. /Под ред. Г.А. Богданова. М., 1995.
- ⁸ *Богданов А.А.* Тектология: (Всеобщая организационная наука. Редколлегия: В.В. Попков (отв. ред.), Г.Д. Гловели, В.Д. Мехряков. М., 2003.
- ⁵ *Богданов А.А.* Эмпириомонизм: Статьи по философии / Отв. ред. В.Н. Са-

- довский. Послесловия В.Н. Садовского, А.Л. Андреева, М.А. Маслина. М., 2003.
- Богданов А.А.* Эмпириомонизм: Статьи по философии // Там же. Международный институт А. Богданова за 3 года (1999-2002). Екатеринбург, 2002. С. 12, 13, 26.
- Вопросы философии. 1991. № 12. С. 27-87.
- Вестник РАН. Т. 64. № 8. 1994.
- Вопросы философии. 1995. № 8 (см. статьи Л.И. Абалкина, Н.Н. Моисеева, Ю.А. Урманцева, С.Н. Пустильник, А.П. Огурцова, Д. Уайта, В.Н. Садовского).
- Пономарева И.А.* Теоретические разногласия в РСДРП (1907-1910). М., 1991; *Шарапов Ю.П.* Ленин и Богданов. От сотрудничества к противостоянию. М., 1998; *Шелоков О.В.* РСДРП: проблемы лидерства и обновления руководства (1906-1911 гг.). М., 1995.
- Олегина И.Н.* 1) О А.А. Богданове, Пролеткульте и «пролетарской культуре» (Вопросы историографии) // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии. Матер. Всеросс. науч. конф., посвящ. 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Вологда, 1995. С. 124-127; 2) А.А. Богданов в российской социал-демократии // 100 лет социал-демократии в России: истоки и современность. Матер, научно-практич. конф. 17-18 апреля 1998 года. СПб., 1999. С. 78-86.
- О' Коннор Т.* 1) Борьба в Большевистском центре в 1908-1909 годах // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 20-32; 2) Инженер революции: Л.Б. Красин и большевики. 1870-1926 / Пер. с англ. М., 1993.
- Неизвестный Богданов. В 3 кн. / Под ред. Г.А. Бордюгова. Кн. 1: А.А. Богданов (МаЛиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901—1928 гг.; Предисл. Г. Горцка.; Сост. Н.С. Антонова, Н.В. Дроздова. М., 1995. С. 18.
- Луначарский А.В.* Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 32.
- Там же. С. 35.
- Богданов А.А.* 1) Из-за чего война и чему она учит? / Под ред. В.И. Ленина. Женева, 1904; 2) О социализме / Под ред. В.И. Ленина. Женева. Изд-во социал-демократической партийной литературы В.Н. Бонч-Бруевича и Н. Ленина. 1904; 3) Либеральные программы / Под ред. В.И. Ленина. Женева, 1904.
- Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 18-19.
- Там же.
- Там же. С. 21-22.
- Там же. С. 22.
- Там же. С. 19.
- Новая Жизнь. Общественно-литературная социал-демократическая газета // 1917. № 25. 17 (30) мая. С. 2.
- Там же.
- М.Н. Покровский о Ленине. Стенограмма выступления в Институте Красной профессуры 7 февраля 1924 г. // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 98.
- Там же.

- 31 Там же.
- 32 Там же.
- 33 Там же. С.99.
- 34 Там же.
- 35 Там же.
- 36 Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 26.
- 37 Ленин В.И. Поли. Собр. Соч. Т. 47. С. 142.
- 38 Богданов Л.Л. Эмпириомонизм. Статьи по философии. Кн. I. М., 1904; Кн. II. М., 1905; Кн.1 П. М., 1906. - Кн. I вышла затем вторым и третьим изданием в 1905 и 1908 гг., книга II - вторым изданием в 1906 г.
- 3, Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 47. С. 155-156.
- 40 Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 2. С. 462.
- 41 Пономарева И.А. Теоретические разногласия в РСДРП (1907-1910). М., 1991. С. 29.
- 42 Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 246-247.
- 43 О'Коннор Т. Инженер революции. С. 108.
- 44 Плотто П.А. Время и люди (из архивов А.А. Богданова) // СОЦИС. 1992. № 11. С. 138
- 45 Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 36.
- 4, Там же. С. 36-76.
- 47 Там же. С. 56.
- 48 Там же. С. 76-77.
- 49 Там же. С. 77-83.
- 50 Бигарт Дж. Предисловие// Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 19—22.
- 51 Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 19.
- 52 Там же. Кн. 2. С. 211-212.
- 53 Там же.
- 54 Бигарт Дж. Предисловие. С. 23, 31.
- " Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 162.
- " Там же. С. 164.
- 57 Там же. С. 165.
- 58 Там же. С. 165.
- " Новая жизнь. 1918. 26 янв. (№ 19), 27 янв. (№ 20).
- 60 Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 352.
- 51 Там же. С. 353.
- 12 Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 194.
- 3 Там же. С. 205-206
- * Там же.
- 5 Там же. С. 217.

К еще недостаточно исследованным сюжетам, связанным с Февралем 1917 г., относится история морского «заговора». В представленной статье я постараюсь рассмотреть историографическую традицию вопроса и источники, па которых строилась эта версия.

Одним из первых тему морского «заговора» поднял историк-эмигрант С.П. Мельгунов и изданной в 1931 г. в Париже книге «На путях к дворцовому перевороту...».¹ Четвертый параграф второй главы «Военный переворот» назывался «Морской план». В самом начале повествования С.П. Мельгунов безапелляционно заявлял, что «наличность организации в морской среде в целях совершить „дворцовый переворот“ или ему содействовать не подлежит сомнению».²

Сведения о наличии «заговора» в морской среде С.П. Мельгунов заимствовал из мемуаров В.В. Шульгина «Дни», опубликованных в журнале «Мысль» в 1922 г., а затем переизданных в 1927 г. в СССР. В.В. Шульгин, в частности, писал: «Впрочем, слышал я о так называемом „морском“ плане. План этот состоял в том, чтобы пригласить государыню на броненосец под каким-нибудь предлогом и увести ее

в Англию как будто по ее собственному желанию. По другой версии — уехать должен был и государь, а наследник должен был быть объявлен императором. Я считал все эти разговоры болтовней».³ Тем не менее этот рассказ В.В. Шульгина стал отправной точкой в построениях С.П. Мельгунова.

Мельгунов считал, что во флоте существовало несколько кружков, возможно не связанных друг с другом, нити от которых шли к различным общественным кругам (думским, земским, великокняжеским). К числу организаторов «заговора» он относил помощника начальника Морского генерального штаба (МГШ) и офицера для поручений при начальнике Морского штаба Верховного главнокомандующего капитана 1-го ранга А.П. Капниста.⁴ Делалось это на основании сведений из дневника французского посла М. Палеолога. В записи от 5 января 1917 г. сообщалось о том, что на обеде у крупного промышленника Богданова в числе приглашенных, наряду с великим князем Гавриилом Константиновичем, членом Государственного совета Озеровым, представителями финансового капитала, в числе которых был А.И. Путилов, присутствовал и

А.П. Капнист. В ходе развернувшейся беседы обсуждался вопрос о смене императора.⁵

Намекал С.П. Мельгунов и на безымянных моряков в Ставке, у которых вызвало неудовольствие несостоявшееся назначение морского министра И.К. Григоровича на должность премьер-министра. К организаторам заговора он также причислял и редактора «Морского сборника» К.Г. Житкова. В редакции этого издания еще в ноябре 1916 г. размножались запрещенные речи думских ораторов.⁶

К числу лиц, имевших принадлежность к намечавшемуся перевороту, С.П. Мельгунов относил и командующего Балтийским флотом вице-адмирала А.И. Непенина. Этот вывод он делал на основе записи в дневниках капитана 1-го ранга И.И. Ренгартена от 30 января 1917 г., который сообщал о беседе, состоявшейся между ним и А.И. Непениным. Ее содержание позволило С.П. Мельгунову сделать вывод о том, что командующий по собственной инициативе предпринимал какие-то шаги для связи с различными оппозиционными силами.⁷

Последующие действия «заговорщиков» С.П. Мельгунов излагал по протоколам бесед кружка И.И. Ренгартена от 27 и 28 февраля 1917 г. без каких-либо комментариев.⁸ Основным источником сведений С.П. Мельгунова стал частично опубликованный в 1929 г. в журнале «Красный архив» дневник И.И. Ренгартена.'

К участникам дворцового переворота С.П. Мельгунов пытался отнести и командующего Черноморским флотом вице-адмирала А.В. Колчака, основываясь, по его же словам, на малодостоверном очерке С.Р. Минцлова «Интимные рассказы Николая Николаевича» и слухах. В конце концов он был вынужден признаться в том, что ему так и не удалось выявить фактический материал, говорящий о причастности адмирала к заговору.¹⁰ Не нашел С.П. Мельгунов и подтверждения слухов о принадлежности А.И. Гучкова к морскому плану.¹¹

В последующем к теме морского «заговора» обратился капитан 2-го ранга А. Лукин. В 1936 г. в газете «Последние новости» появилась его статья «Бой над Ангерном».¹² По его утверждению, «морское оппозиционное гнездо» в Балтийском флоте находилось в редакции «Морского сборника», во главе которого стоял капитан 2-го ранга К.Г. Житков. Помимо размножения и распространения стенограмм, запрещенных к печати речей депутатов Государственной думы, редакция налаживала связи среди морских офицеров, с общественными группировками и отдельными политическими деятелями. Автор также полагал, что редакция дала толчок для образования «балтийского кружка» (И.И. Ренгартен, князь М.Б. Черкасский, Ф.Ю. Довконт) и связала

его с единомышленниками из морского штаба Ставки и МГШ в лице помощника начальника МГШ графа А.П. Капниста, а также с кружком А.И. Гучкова. В шутку, как писал А. Лукин, членов кружка называли «декабристами». Он также предполагал, что назначение прогрессивно настроенных адмиралов А.В. Колчака и А.И. Непенина командующими Черноморским и Балтийским флотами произошло по инициативе «декабристов», которые обосновали его требованиями боевой обстановки. В действительности, как подчеркивал А. Лукин, они руководствовались политическими соображениями и считали «желательным, чтобы в решительную минуту подготовлявшегося политического выступления во главе морских вооруженных сил стояли лица, сочувствующие ему».¹³

Эпизоды, связанные с привлечением А.И. Непенина на сторону «декабристов», и их действия после начала восстания 27 февраля 1917 г. в Петрограде рассказаны по дневникам И.И. Ренгартена.¹⁴ Таким образом, А. Лукин поддержал версию С.П. Мельгунова о заговоре в Балтийском флоте.

В последующем к интересующей нас проблеме обратился бывший начальник воздушной дивизии Балтийского моря контр-адмирал Б.П. Дудоров в книге «Адмирал Непенин».¹⁵ Приступая к ее написанию, Б.П. Дудоров провел значительную работу по сбору материалов. Живя в Америке, в отрыве от российских архивов, он рассылал письма с вопросами сослуживцам А.И. Непенина, его жене Ольге Васильевне, часть из которых сохранилась.¹⁶ Благодаря этим источникам, а также собственным воспоминаниям и опубликованным к тому времени материалам автору удалось создать первую, насколько это возможно в тех условиях, достаточно полную биографию адмирала. Один из разделов книги был посвящен «морскому заговору» и участию в нем А.И. Непенина. При этом Б.П. Дудоров выступал оппонентом С.П. Мельгунова. В качестве источников для опровержения версии Мельгунова он использовал дневник И.И. Ренгартена и воспоминания Ф.Ю. Довконта.

Б.П. Дудоров достаточно подробно изложил вопрос, связанный с назначением А.И. Непенина командующим Балтийским флотом, важным для понимания морского «заговора». Автор вполне обоснованно считал, что продвижению А.И. Непенина в командующие флотом способствовала группа офицеров оперативной части штаба Балтийского флота (И.И. Ренгартен, князь М.Б. Черкасский и Ф.Ю. Довконт). Однако, по мнению Дудорова, они руководствовались не политическими, а чисто профессиональными интересами. Офицеры хотели заменить малоинициативного адмирала В.А. Канина на более энергичного

А.И. Непенина, чтобы активно бороться с Германией на Балтике. Непенин был поставлен в известность о намерениях этой группы ее участниками, и дал принципиальное согласие на свое продвижение.¹⁷

По данным Б.П. Дудорова, политическую информацию, будучи начальником Службы связи Балтийского флота, А.И. Непенин получал через своего ближайшего помощника, человека умеренно либеральных взглядов, капитана 1-го ранга М.П. Давыдова, военного юриста, имевшего связи в Думе.¹⁸ После назначения командующим флотом сведения о политическом положении в стране ему представлял помощник начальника МГШ капитан 1-го ранга А.П. Капнист, родной (Д.П. Капнист) и двоюродный (А.А. Капнист) братья которого являлись депутатами Государственной думы, принадлежа к правому крылу партии октябристов. А.П. Капнист присутствовал на частных собраниях общественных деятелей этого направления, надеявшихся «на спасение положения в стране путем мероприятий свыше». Б.П. Дудоров выступал против того, чтобы трактовать действия А.П. Капниста и в целом МГШ как участие в «планах государственного переворота», или в разработке собственного «морского заговора».²⁰ При этом он утверждал, ссылаясь на свидетеля переговоров (очевидно Ф.Ю. Довконта), что между К.Г. Житковым, А.И. Непениным, М.Б. Черкасским, Ф.Ю. Довконтом состоялись переговоры в Гельсингфорсе. Однако командующий и офицеры оперативной части флота отвергли предложения К.Г. Житкова об участии в «заговоре».²¹ В декабре 1916 г. к дворцовому перевороту склонял моряков и посол Англии в России Д. Бьюкенен. Существовал также и думский план ареста царя во время смотра флота, но эти проекты были отклонены. Имел место и разговор офицеров флота с А.И. Непениным о положении в стране: «Адмирал оказался очень вдумчивым и озабоченным».²²

Свою последнюю надежду на изменение положения в стране моряки связывали с назначением Морского министра И.К. Григоровича на должность премьер-министра, но этого не произошло. Этот эпизод, как писал Б.П. Дудоров, подорвал в А.И. Непенине «последние надежды на спасение положения свыше».²³ Со второй половины февраля 1917 г. командующий Балтийским флотом занял пассивно-выжидательную позицию.²⁴ Причины, по которым А.И. Непенин не принял участие в подготовке дворцового переворота, Б.П. Дудоров сводил к невозможности нарушения присяги и недопустимости государственных потрясений во время войны.²⁵ Итак, автор подтверждал существование кружка офицеров в оперативной части штаба Балтийского флота, но не политической, а профессиональной направленности. Сама мысль о загово-

ре в штабе флота считалась им абсурдной.

В 1986 г. в Нью-Йорке вышла книга Н. Берберовой о русских масонах «Люди и ложи». В ней она мимоходом остановилась на «морском» плане со ссылкой на С.П. Мельгунова и В.В. Шульгина, при этом в «переворотчики» она записала и А.В. Колчака.²⁶ Хотя, как я уже отмечал, С.П. Мельгунову не удалось найти материалов, говорящих об участии адмирала в морском «заговоре».²⁷ В списке масонов Н. Берберовой есть имена Ф.Ю. Довконта, К.Г. Житкова, графа А.П. Капниста, И.И. Ренгартена, князя М.Б. Черкасского, т.е. всех тех, кого она относила к заговорщикам.²⁸

Из советских историков к теме морского «заговора» обращались В.С. Дякин, В.В. Петраш и В.И. Старцев.²⁹ Так, Дякин писал о наличии в Балтийском флоте двух заговоров. Один был связан с именем командующего флотом адмиралом А.И. Непениным, другой — с помощником начальника МГШ капитаном 1-го ранга А.П. Капнистом. По мнению Дякина, дальше обшей оппозиционности дело не пошло и не вышло «из стадии болтовни».³⁰ В качестве источников он использовал сведения из воспоминаний А.И. Гучкова и дневника И.И. Ренгартена.

В монографии В.И. Старцева «Русская буржуазия и самодержавие...» сюжет, связанный с оппозиционными настроениями высших офицеров Балтийского флота, написан с привлечением статьи А. Лукина «Бой над Ангерном» и дневника И.И. Ренгартена. Старцев полагал, что исходной точкой назначения адмиралов А.И. Непенина и А.В. Колчака командующими Балтийским и Черноморским флотами стала «их репутация — либералов и оппозиционеров».³¹ В происхождении этой легенды нет ясности, тем более что никаких ссылок на источники В.И. Старцев не дал. До него подобная характеристика А.В. Колчака встречается у С.П. Мельгунова: «Прогрессивный человек, с хорошим общественным прошлым, отрицательно относившийся к правительственному режиму», — и опять же без указания на источник информации.³² О прогрессивных настроениях А.В. Колчака и А.И. Непенина, как мы видели, упоминал и А. Лукин.

В свою очередь А.В. Колчака в командующие Черноморским флотом проводила группа морских офицеров в Ставке, сторонников Босфорской операции, и с решительным молодым адмиралом они связывали ее успешное завершение.³³ Активизацию действий Балтийского флота преследовали и офицеры, продвигавшие в командующие А.И. Непенина.³⁴ Следует отметить, что при назначении новых командующих флотами и морской министр, и Николай II руководствовались их профессиональными и волевыми качествами, а не наличием у них демократических убеждений.

Рассказывая о существовавшем в Балтийском флоте кружке морских офицеров К.Г. Житкова - И.И. Ренгартена, В.И. Старцев весьма осторожно оценивал реальные возможности этой группы. «Оппозиционность высшего командного состава, — писал он, — сыграла свою роль в момент Февральской революции. Пока же революция не началась, о неповиновении или измене царю со стороны тех же командующих не могло быть и речи. Привычка к дисциплине, боязнь волнений и солдатских бунтов сковывали пробуждавшиеся оппозиционные настроения и не давали им развиться».³⁵

В книге «Внутренняя политика Временного правительства...» В.И. Старцев уже более определенно писал о резко настроенном к царю А.И. Непенине на основании того, что в штабе командующего Балтийским флотом свила гнездо «декабристская» организация. По его мнению, нажим этого кружка на А.И. Непенина привел к тому, что командующий первым признал Временный комитет Государственной думы (ВКГД). При этом В.И. Старцев процитировал по А. Лукину программу флота, которую составила «декабристская» организация. Из ее содержания следовало, что отказ от монархии как формы правления составителями не ставился. В.И. Старцев считал, что оппозиционность офицеров выразилась в том, что они не проявили рвения для защиты самодержавия и тайно или явно радовались революции.³⁶ Источники информации были те же, что и в предыдущей монографии, однако выводы стали более определенными.

Подводя некоторые итоги имеющейся историографии, можно сказать, что большинство из писавших на эту тему, с большей или меньшей степенью определенности поддерживало версию о существовании морского «заговора» (С.П. Мельгунов, А. Лукин, Н. Берберова, В.С. Дякин, В.В. Петраш, В.И. Старцев), а меньшинство (Б.П. Дудоров) - против. Следует заметить, что источники, которыми они пользовались, относились к мемуарам. Причем главным из них оставался дневник И.И. Ренгартена.

Теперь обратимся к источникам, на которых строились версии о «заговоре». Центральным среди них является дневник капитана 1-го ранга И.И. Ренгартена «Дневник мировой войны на Балтийском морском театре».³⁷ В РГА ВМФ хранится несколько неполных авторизованных копий дневника, которые были сняты в Морской академии (по-видимому, в 1918-1919 гг. Сам автор скончался 14 января 1920 г.), и предназначались в качестве материала для архива Военно-морской комиссии по использованию опыта мировой войны 1914-1918 гг. на море. Судьба подлинника неизвестна. Копия дневника читалась автором, о

чем свидетельствуют как подпись И.И. Ренгартена после каждого года за период с 1914 до 1916 г. (так же и в заключительной части), так и пометы на страницах дневника рукой автора. Они касались опечаток, вписывания отдельных слов, очевидно не разобранных машинисткой, отдельных предложений, где упоминались телефонные разговоры с женой. В копии дневника выпущены отдельные сюжеты. Так, в записи от 27 февраля 1917 г. есть отсылка к протоколу 4-й беседы между И.И. Ренгартеном, князем М.Б. Черкасским и Ф.Ю. Довконтом, в котором была сформулирована программа флота, но в тексте дневника он отсутствует.³⁸ При подготовке дневника к печати его публикатором А. Дрезеном в фонде штаба командующего флотом Балтийского моря были обнаружены протоколы шести бесед. Одна за 28 ноября 1912 г. и пять за 1917 г. (22 января, 4, 20, 27 и 28 февраля), которые были воспроизведены в приложении.³⁵ В дневнике И.И. Ренгартена упоминается и о беседе, состоявшейся 19 августа 1917 г., первой после 28 февраля, но ее запись отсутствует.⁴⁰ Вполне вероятно, что были и другие беседы. Есть глухое упоминание об одном разговоре с К.Г. Житковым⁴¹ и встрече группы офицеров с А.И. Непениным, на которой шла речь о положении в стране.⁴² Пятая беседа, происходившая 28 февраля, почти полностью воспроизводится в дневнике как разговор между И.И. Ренгартеном и М.Б. Черкасским.⁴³ Вполне вероятно, что автор исключил из дневника и другие политически острые, по его мнению, сюжеты. Так, в дневнике отсутствует упоминание о переговорах между И.И. Ренгартеном, М.Б. Черкасским и А.И. Непениным в Ревеле, на которых адмиралу было предложено занять должность командующего Балтийским флотом.⁴⁴ Следовательно, имеющаяся неполная копия не что иное, как авторская редакция дневника, не дающая возможности раскрыть все тайны, связанные с морским «заговором». Необходимы и другие документы.

На основании имеющихся данных можно утвердительно говорить о существовании кружка морских офицеров штаба Балтийского флота. Его ядро составляли флаг-капитан по Оперативной части Штаба командующего Флотом Балтийского моря капитан 1-го ранга М.Б. Черкасский, помощник флаг-капитана по Оперативной части, начальник Разведывательного отделения капитан 2-го ранга И.И. Ренгартен, флагманский историограф Штаба командующего Флотом Балтийского моря капитан 3-го ранга Ф.Ю. Довконт. Эта тройка офицеров по своему положению находилась в постоянном общении, обсуждая как военные, так и политические проблемы. К ним примыкали начальник Военно-морского управления при главнокомандующем армиями Северного фронта, а затем флаг-капитан Морского штаба Ставки Верховного

главнокомандующего капитан 1-го ранга В.М. Альтфатер, а также помощник начальника МГШ и офицер для поручений при начальнике Морского штаба Верховного главнокомандующего капитан 1-го ранга граф А.П. Капнист. Поскольку В.М. Альтфатер находился в Пскове, Могилеве, Петрограде, а А.П. Капнист в Петрограде или в Ставке (Могилев), то роль тройки в Гельсингфорсе становилась решающей. В группу входил также и редактор «Морского сборника» капитан 2-го ранга К.Г. Житков, проживавший в Петрограде.

Теперь рассмотрим вопрос о времени создания этой группы и ее деятельности. В первой беседе, относящейся к 28 ноября 1912 г., обсуждались вопросы предстоящей европейской войны и решение проблемы черноморских проливов в пользу России.⁴⁵ В дальнейшем, судя по имеющимся в моем распоряжении данным, эта группа себя ничем заметным не проявила.

Первым реальным шагом, отраженным в источниках, стало продвижение начальника Службы связи Балтийского моря контр-адмирала А.И. Непенина в командующие Балтийским флотом. В воспоминаниях С.Н. Тимирева описан эпизод, который он относил к февралю 1916 г. Будучи в Пскове, в Ставке командующего Северным фронтом, он беседовал с начальником Военно-морского управления капитаном 1-го ранга В.М. Альтфатером, который в качестве командующего Балтийским флотом предлагал кандидатуру А.И. Непенина.⁴⁶ В дневниках И.И. Ренгартена в записи, относящейся к 28 июня 1916 г., говорится, что И.И. Ренгартен и Ф.Ю. Довконт приняли решение в случае отставки командующего Балтийским флотом адмирала В.А. Канина проводить на эту должность контр-адмирала А.И. Непенина.⁴⁷ Здесь следует отметить одно совпадение. Именно в этот день из Ставки пришло распоряжение о назначении А.В. Колчака командующим Черноморским флотом,⁴⁸ которое, несомненно, повлияло на решение И.И. Ренгартена и Ф.Ю. Довконта. В воспоминаниях Ф.Ю. Довконта этот эпизод рассказан несколько по-другому, но тоже связан с назначением А.В. Колчака. В дневнике И.И. Ренгартен умолчал о том, что вместе с М.Б. Черкасским он ездил в Ревель к А.И. Непенину, и там они уговорили последнего стать командующим. Возвратившись в Гельсингфорс, Ренгартен, Черкасский и Довконт составили оперативный доклад Ставке, в котором изложили причины, по которым требовалось заменить командующего Балтийским флотом адмирала В.А. Канина А.И. Непениным.⁴⁹

В дневнике И.И. Ренгартена за 14 августа 1916 г. есть весьма интригующая и туманная запись: «Рубикон перейден. Сегодня Черкасский после завтрака позвал меня к себе и советовался относительно отдель-

ных пунктов своего письма Альфатеру, затем написал его в трех экземплярах из коих 1 — послал». ⁵⁰ Вероятно, что это сообщение имело отношение к будущему назначению А.И. Непенина, но о большем сейчас сказать трудно.

Одним из главных двигателей интриги с назначением А.И. Непенина являлся капитан 1-го ранга В.М. Альфатер. Когда в Ставке речь зашла о замене адмирала В.А. Канина на должности командующего флотом, то именно он предложил кандидатуру А.И. Непенина начальнику морского штаба Ставки адмиралу А.И. Русину. ⁵¹ Бесспорно, что это назначение не могло состояться без согласия Морского министра И.К. Григоровича. Однако механизм этой интриги до конца не ясен. Рассказ И.И. Ренгартена о подоплеке назначения А.И. Непенина, зафиксированный К.Г. Житковым 23 сентября 1916 г. в Гельсингфорсе на отдельном листе, в записке Житкова о посещении Гельсингфорса отсутствует. ⁵² Когда назначение А.И. Непенина состоялось, то это вызвало настоящее ликование И.И. Ренгартена, записавшего 6 сентября 1916 г.: «Свершилось. Только что узнал, что Непенин произведен в вице-адмиралы и сделан командующим флотом». ⁵³

После того как А.И. Непенин вступил в должность, прошло четыре с половиной месяца, прежде чем состоялся первый серьезный разговор по внутривополитическим темам между И.И. Ренгартеном и А.И. Непениным. Он произошел приблизительно 18 января 1917 г. в каюте адмирала, а воспроизведен только 30 января. Причиной тому были «страшная занятость и усталость». ⁵⁴ Итак, запись Ренгартен сделал примерно 12 дней спустя, после состоявшейся беседы. Следовательно, перед нами не столько дневниковая фиксация события, сколько воспоминания, передающие ход и направление разговора.

Думается, что толчок к встрече дали общие настроения в офицерской среде. 10 января 1917 г. И.И. Ренгартен записал в дневнике: «Могут только сказать, что наша офицерская флотская среда открыто возмущается всем происходящим и что все это мракобесие революционизирует страну повально». ⁵⁵

Судя по всему, подготовку к аудиенции «декабристы» начали заблаговременно. В качестве предлога решили использовать записку барона Н.А. Типольта о плане кампании на 1917 г. В свое время ее не показали командующему, поскольку она расходилась с его взглядами на оперативную обстановку. Теперь, когда план был принят, и надобность в ней отпала, документ стал поводом для приема у А.И. Непенина. Как писал И.И. Ренгартен: «Я охотно взялся за это дело не ради него самого». ⁵⁶

В ходе предстоящей беседы И.И. Ренгартену предстояло определить

политические взгляды командующего и выяснить, как далеко он может пойти в той или иной ситуации. На встречу он шел не с пустыми руками. Ренгартен намеревался показать А.И. Непенину письмо А.И. Гучкова М.В. Алексееву в Ставку, материалы совещания А.Д. Протопопова с членами Государственной думы, которые ему привез К.Г. Житков.⁵⁷ Приготовления к намеченной беседе прежде всего свидетельствовали о том, что до этого никаких серьезных политических разговоров с командующим не велось, и он не был посвящен в дела кружка.

В ходе состоявшегося разговора И.И. Ренгартен передал имевшиеся у него бумаги: «Адмирал прочитал эти документы и, в свою очередь, достал из своего письменного стола стенограмму речи Чхеидзе в Государственной] думе, где он называет императрицу шпионкой, шведскую статью о Распутине и ряд памфлетов; все это получено им от наших жандармов.

Когда состоялся этот обмен, разговор оживился, Непенин стал говорить о своих планах и намерениях, о перспективах войны, о том, что надо победить?!..

Тут я показал ему пачку полученных от него документов и сказал: „... но как же вот с этим победить?..“

На это адмирал возразил, что хотя все это и ужасно гадко, но он полагает, все же обойдется, ибо терпеливы очень... это „общество у нас с... с...; пока его подогревали, оно волновалось, а когда прихлопнули, скисло и молчит...“

Я выступил в защиту „общества“, ссылаясь на влияние ответственных руководителей общественных организаций и народного представительства, которые самым решительным образом настаивали на сохранении спокойствия: революция теперь же была бы слишком на руку немцам.

Далее адмирал перешел на личный состав флота и заявил, что с этой стороны спокоен, ему кажется, что все поуехали, поуспокоились и становятся почти равнодушны...

Я подивился его словам и горячо возражал, сказал, что сейчас только и разговоров, что о внутренней политике, что офицерство проникнуто негодованием и волнением, что, конечно, оно в целом на эксцессы теперь не пойдет и их не допустит, но настроение личного состава, в общем, самое оппозиционное и, случись что, не трудно предсказать, на чьей стороне окажется флот.

Я указал адмиралу на заключительные слова письма А.И. Гучкова - что „если кто-нибудь что-нибудь и может сейчас сделать, то это Вы (генер[ал] Алексеев)...“, что может быть именно старшие начальники во-

оружен[ной] силы сейчас могут указать Монарху на истинное настроение страны и соотношение сил... что среди таких начальников, я почти-таю неизбежным указать на него, Непенина...

Адмирал ходил по каюте взад и вперед, видимо задетый последними моими словами. Подумав, он отвечал, что прямой, открытый путь - невозможен, чтобы действовать успешно у царя, нужен путь придворных интриг: отрицательная черта характера, по-видимому присущая всем Романовым царской крови — подозрительность и завистливость... эти свойства часто мешали хорошим начинаниям... — „... и понять трудно... ведь известно же точно, что не было случая, чтобы монарх, проигравший большую национальную войну, - оставался на троне..."

На это я возразил, что есть третий путь: путь устранения: „... будем говорить прямо: те крупницы гражданской свободы, которыми мы пользуемся, получены не доброй волей... красивые милостивые слова — в манифестах, а на деле — санкция их продиктована страхом..." А теперь страх должен быть еще более, еще внушительнее, все пошло кувырком, с глаз упала пелена, нет более правых и левых — есть мракобесы и идиоты и есть патриоты...

В заключение адмирал сказал мне: „Думато об этом много думато, много ночей..." („Думато" — это одно из многочисленных словечек Непенина).

Далее он сказал что-то непонятное и отрывочно, что набирает к себе людей, которым верит, что-то о кораблях, на которые можно рассчитывать...

Я ничего не понял; это были отрывки мыслей, произнесенных вслух...»⁵⁸

Как видно из приведенного текста беседы, И.И. Ренгартен постоянно провоцировал А.И. Непенина, а тот все время уходил от прямых ответов. Когда командующий говорил, что главное — это победа в войне, то собеседник указывал на информацию, полученную от жандармов, ставя победу под сомнение. Адмирал, в свою очередь, уповал на терпение и к тому же был низкого мнения об общественных деятелях. И.И. Ренгартен, наоборот, ссылается на влияние «ответственных руководителей общественных организаций и народного представительства». Если А.И. Непенин характеризовал отношение личного состава флота к политике как почти равнодушное, то И.И. Ренгартен считал, что он настроен оппозиционно и в случае чего флот займет антиправительственную сторону. И.И. Ренгартен пробовал подтолкнуть командующего на разговор с царем, чтобы указать ему на истинное положение в стране. Однако А.И. Непенин отверг этот путь. Тогда И.И. Рен-

гартен предложил «путь устранения», вместо ясного ответа получил отрывочные высказывания о том, что Непенин привлечет к себе верных людей и корабли, на которые можно положиться. Из этих последних слов С.П. Мельгунов делал вывод о том, что А.И. Непенин предпринимал собственные организационные шаги или налаживал связи с уже существовавшими кружками." Думается, что здесь С.П. Мельгунов заблуждался.

По свойствам своего характера А.И. Непенин не подходил для нелегальной деятельности. Посетивший Гельсингфорс 22-24 сентября 1916 г. редактор «Морского сборника» К.Г. Житков, чтобы выяснить реакцию офицеров флота о новом командующем, отметил, что все характеризуют отношение А.И. Непенина с подчиненными как «хамское», «мат висит в воздухе».⁶⁰ Подтверждение этому есть и у И.И. Ренгартена: «Адриан Иванович навел внешний порядок, вселил к себе большой страх, но, как слышно, любви (может быть пока) не заслужил». Он также отмечал нетерпимость адмирала к чужому мнению, nepозволительную грубость, «хамское обращение с людьми самыми почтенными».⁶¹ Однако И.И. Ренгартен в разговоре с К.Г. Житковым 23 сентября 1916 г. говорил, «что лучше бы этого не было, но к этому можно привыкнуть и не обращать внимания».⁶² На отсутствие выдержки, неуравновешенность, беспричинные разносы в грубой форме обращали внимание как сослуживцы, так и добрые знакомые А.И. Непенина.⁶³

Возможно, что беседа И.И. Ренгартена с А.И. Непениным дала определенный импульс к деятельности кружка. 22 января состоялось его первое заседание в 1917 г. Участники собрания поставили перед собой задачу изучения национального вопроса в постановке профессора Н.А. Гредескула: «Россия и ее народы. Великая Россия как программа в разрешении национального вопроса в России».⁶⁴ В развитие этой идеи каждый член кружка брался за освещение какого-либо частного аспекта проблемы. Так, например, И.И. Ренгартену предстояло выступить с сообщениями о великороссах, финских народах, сибирских племенах и по балтийскому вопросу. М.Б. Черкасскому предлагалось рассказать о малороссах, тюрко-татарах, румынах, среднеазиатских народах и поднять проблему черноморских проливов. Ф.Ю. Довконту следовало осветить польский вопрос и дать информацию о белорусах, литовцах и кавказских народах.

Кроме того, на обсуждение ставились злободневные военные и текущие вопросы. Каждый из выступавших делал доклад по прочитанной литературе, а затем начиналась дискуссия. Собрания решили проводить раз в неделю. Если исходить из содержания протокола, то вы-

ходит, что офицеры создали кружок для политического самообразования. Но в этом же документе есть одна фраза: «Чтение по разрабатываемой постепенно программе».⁶⁵ Если мы возьмем протокол четвертой беседы, то в нем обнаружится раздел «Наша программа действий», которая содержала план по переустройству политической системы в стране.⁶⁶ Следовательно, можно допустить, что цель по изменению власти маскировалась идеей политического самообразования.

Во время второй беседы предполагалось рассмотреть проблему черноморских проливов, но поскольку она требовала длительной подготовки, то этот доклад решили перенести. А вместо него обсуждалась записка директора дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Базили о проливах. Кроме этого рассматривалось положение на фронтах, планы союзников на 1917 г., возможность участия Японии в будущей мирной конференции, а также вопросы, связанные с живучестью корпуса в современном бою, и длительность наступательной операции.⁶⁷

В третьей беседе речь шла о разоружении Аландских островов после войны, о наступлении англичан в Месопотамии. В конце заседания сообщалось о дате следующей встречи, назначенной на 24 февраля.⁶⁸ Однако стремительное развитие событий в Петрограде внесло свои изменения в размеренную жизнь кружка.

Восстание 27 февраля 1917 г. в Петрограде вызвало настоящую панику у «заговорщиков». В шесть часов вечера они собрались, чтобы обсудить план действий.⁶⁹ «Момент уже пропущен. <...> Теперь мы опоздали», - записано в протоколе четвертой беседы.⁷⁰ Тем не менее они наметили программу действий, которая сводилась к следующему: «Должен быть восстановлен Государственный Совет текущей сессии, который заседал до рождественского перерыва, так как вновь назначенные среди сессии члены незаконны. <...> Государственный Совет и Государственная дума должны составить законодательный корпус и избрать представителей ответственной перед ними исполнительной власти. При этом все министры, кроме военного, морского и двора (как стоящих ныне вне ведения премьера), должны быть сменены.

Происшедшее должно быть доведено до сведения полковника (Николая П. - А.С). Вся камарилья должна быть игнорирована и отстранена от власти».⁷¹

В своей программе действий участники кружка ставили вопрос об ответственном министерстве, но не перед Думой, а перед законодательным корпусом. Очевидно, это произошло из убеждения, что Дума и все общественные деятели вялы и мягкотелы.⁷² Об изменении формы правления речь не шла. Основной упор делался на смене министров и от-

странении от власти «придворной камарильи».

Реализация программы возлагалась на К.Г. Житкова. Ему предлагалось созвать совещание общественных деятелей, на котором предстояло выбрать авторитетных представителей для посещения высших начальников на фронте, чтобы заручиться их поддержкой на время перемены власти в тылу. Меры по осуществлению программы показывали, что кружковцы окончательно отстали от стремительно развивавшихся событий. Очевидно, чувствуя это, после полученной в 20 ч 30 мин телеграммы из Петрограда о беспорядках в войсках, они приняли решение искать союзников во флоте, оказывая влияние на командующего и начальника штаба, выясняя настроение офицеров, хотя в разговоре с А.И. Непениным 18 января И.И. Ренгартен характеризовал его как оппозиционное, «обезвреживая» тех, кто будет мешать их планам. Они исходили из того, что флагманы подчинятся приказам командующего.

И только получив сообщение, что восставшие заняли Финляндский вокзал в Петрограде, а генерал-губернатор отдал приказ пропускать поезда только до Белоострова, «декабристы» поставили вопрос о своих действиях в случае возникновения беспорядков на судах и в Гельсингфорсе.⁷³

Однако намеченные меры уже безнадежно запоздали. 28 февраля в 9 ч утра в дневнике И.И. Ренгартена появилась запись: «Ура! Только что узнал потрясающую новость: вчера в Государственной] думе образовано Временное правительство во главе с Родзянко».⁷⁴ И так, восторг по поводу произошедшего. Но никаких реальных усилий для успеха революции сделано не было.

В историографии прочно утвердилось мнение о том, что А.И. Непенин первым признал Временное правительство, да еще под давлением кружка М.Б. Черкасского — И.И. Ренгартена.⁷⁵ Насколько это суждение справедливо, можно выяснить, последовательно рассмотрев действия А.И. Непенина и членов офицерского кружка в февральские дни.

Сообщения о бунте в Петрограде командующий Балтийским флотом получил 27 февраля от помощника начальника МГШ графа А.П. Капниста, а также от помощника начальника Кронштадтского жандармского управления В.В. Владимирова.⁷⁶ В свою очередь А.И. Непенин запросил морского министра о беспорядках в Петрограде и о принятии необходимых мер на местах.⁷⁷ Однако ответа со стороны И.К. Григоровича не последовало. В сложившейся ситуации А.И. Непенин одобрил действия командира крейсера «Аврора» по поддержанию порядка на корабле, но рекомендовал воздержаться от применения оружия.⁷⁸ В связи с этим любопытна реакция А.И. Непенина на планировавшиеся демонстрации и забастовки 14 февраля 1917 г. в поддер-

жку Государственной думы. 12 февраля командующий Балтийским флотом, по собственной инициативе, в оперативной телеграмме по флоту писал: «14-го февраля возможна забастовка в Петрограде на политической почве. Имею сведения о возможности железнодорожных, телеграфных и др[угих] забастовок и в пределах подчиненного мне района. Не придавая особого значения этим слухам, однако, приказываю: 1) в случае уличных беспорядков таковые прекращать силой, для чего иметь наряд; 2) в случае забастовки железных дорог, телеграфа, телефона и почты таковые учреждения занять войсками для охраны и предупреждения возможных повреждений; 3) иметь наряд людей, для обслуживания телеграфов и телефонов для удовлетворения военных нужд; 4) иметь наряд людей, способных провести железнодорожный поезд в случае надобности. Это мое распоряжение держать в секрете, дабы не возбуждать нежелательных и вздорных слухов. В тревожных случаях способ сношений радиотелеграфов морским ключом».⁷⁹

Если 12 февраля, никого не спрашивая, А.И. Непенин был готов применить самые жесткие меры для восстановления порядка на вверенной ему территории, то в неустойчивой политической обстановке 27 февраля он занял пассивно-выжидательную позицию.

В ночь на 28 февраля, получив телеграмму об образовании Временного комитета Государственной думы, А.И. Непенин, чтобы не допустить кривотолков, подготовил обращение к флоту со своей оценкой Петроградских событий.⁸⁰

Утром 28 февраля на собрании флагманов Командующий флотом заявил, что поскольку из Ставки и от министра нет определенных указаний, «он сделает то, что сам найдет нужным», а все остальные будут делать то, что он прикажет. Далее он разъяснил свою точку зрения «невмешательства» в революцию. По наблюдению Ренгартена, большинство начальников и командиров «в общем настроено празднично и сочувствуют революции во спасение родины».⁸¹ Вместе с тем А.И. Непенин приказал привести корабли в боевую готовность, запретил увольнение офицеров. Матросов разрешалось увольнять на берег в количестве не более одной трети от команды корабля и до 7 ч вечера.⁸² В 10 ч 15 мин утра А.П. Капнист сообщил А.И. Непенину о переходе города в руки мятежников. Источник восстановления порядка он видел в ВКГД. Командующему предлагалось удерживать дисциплину во флоте.⁸³ Наконец, поступила телеграмма начальника морского штаба Ставки адмирала А.И. Русина, который требовал принять меры к поддержанию спокойствия во флоте.⁸⁴ В ответ А.И. Непенин объявил на осадном положении Свеаборг, Моондзунскую и Абосскую позиции.⁸⁵ Меры, при-

нятые командующим, были направлены прежде всего на отражение внешней опасности.

В 15 ч пришла телеграмма, из содержания которой в штабе флота не могли понять, «действительно ли образовано новое правительство», и под ее влиянием А.И. Непенин изменил подготовленный для печати текст приказа по флоту. Первоначально фраза, которая подверглась изменению, звучала так: «Это волнение вызвало перемены в составе правительства, о чем сообщено в Ставку».⁸⁶ Исправленный вариант выглядел следующим образом: «Произошли перемены в составе Совета министров, который принимает меры к прекращению беспорядков и подвозу необходимых продуктов».⁸⁷ В сложившейся ситуации А.И. Непенин повел себя крайне осторожно, учитывая неясность ситуации. В связи с этим И.И. Ренгартен записал: «Это, конечно, не то! Я разочарован, но что же делать, когда нет точных известий!»⁸⁸

Вечером 28 февраля в штабе флота получили телеграмму об отставке правительства, аресте Протопопова, о восстании в Ораниенбауме и Петергофе.⁸⁹ Из тех материалов, которые имеются у нас в распоряжении, видно, что 27 и 28 февраля позицию А.И. Непенина можно охарактеризовать как выжидательно-пассивную. Очевидно, ее уловили и члены офицерского кружка. В связи с этим между М.Б. Черкасским и И.И. Ренгартеном произошел «большой разговор».⁹⁰ К сожалению, И.И. Ренгартен не указал его время. В дневнике он отнесен к 1 марта и расположен между записью, отмеченной 0 ч 35 мин и 2 ч 15 мин. Содержание этого разговора отражено в протоколе кружка И.И. Ренгартена от 28 февраля.⁹¹ Следует отметить, что предыдущий протокол четвертой беседы, запись которой заканчивается в 21 ч 15 мин, 28 февраля, по содержанию настолько тесно связан с пятой, что возникает впечатление в их искусственной расчлененности. В последнем предложении четвертой беседы говорится: «Поставлен вопрос: если вспыхнут беспорядки на судах и в Гельсингфорсе, то как на это мы реагируем?» Пятая беседа начинается так: «Князь Черкасский. - Что ты будешь делать, Федя, если начнется на судах?»⁹² Скорее всего, что пятая встреча кружковцев произошла поздно вечером 28 февраля. В ходе беседы они пришли к выводу о том, что может возникнуть ситуация, когда Ставка или царь могут приказывать флоту поддержать старый режим. В этом случае собеседники решили уговорить адмирала действовать «во спасение России, хотя бы и наперекор приказаний сверху». В случае возникновения манифестаций сочувствия «революции во спасение», командующий не должен им препятствовать. В результате постановили идти к командующему по очереди в таком порядке: Ф.Ю. Довконт, И.И. Рен-

гартен, М.Б. Черкасский. В случае отказа А.И. Непенина, в действие вступал запасной вариант. И.И. Ренгартену предстояло привлечь на свою сторону офицера для поручений при командующем Балтийским флотом капитана 2-го ранга А.М. Щастного, а М.Б. Черкасскому командующего минной дивизией контр-адмирала Кедрова.⁹¹ Однако этот план удалось реализовать частично. 1 марта с командующим говорил только князь М.Б. Черкасский. Ему «удалось выяснить, что А.И. Непенин твердо решил остаться на взятой позиции, и если бы вдруг государь пошел на такое безумие, как протест и, напр[имер], смещение А.И. Непенина, - такое приказание исполнено не будет».⁹⁴ В свою очередь И.И. Ренгартен рассказал А.М. Щастному о плане давления на А.И. Непенина, но о его реакции ничего не сообщается."

В протоколах четвертой и пятой бесед обращает на себя внимание упоминание фамилии контр-адмирала М.А. Кедрова, поддержкой которого хотели заручиться «заговорщики». Вряд ли это была случайность. Дело в том, что М.А. Кедров и А.И. Гучков состояли в родстве (были женаты на сестрах Зилоти). Возможно, что через Кедрова он налаживал связи в морской среде. Однако сам А.И. Гучков отрицал свою связь с моряками.¹⁶

В 2 ч 15 мин 1 марта в штабе флота расшифровали телеграмму В.М. Альфатера князю М.Б. Черкасскому о происходящем в Петрограде и Кронштадте. Об установившейся власти в ней говорилось следующее: «Ныне - правительством - это президиум Думы с Родзянко во главе. Больше никто не распоряжается».⁵⁷

В 6 ч 30 мин поступили две телеграммы от председателя Думы М.В. Родзянко, в которых говорилось об устранении от управления бывшего Совета министров и переходе правительственной власти в руки ВКГД, и давались обязательства комитета водворить спокойствие в тылу и «восстановить правильную деятельность правительственных установлений».⁹⁸ Речи о смене формы правления или отречения Николая II не шло. Написав ответ, А.И. Непенин ознакомил с ним князя М.Б. Черкасского, И.И. Ренгартена и начальника штаба флота. В нем говорилось: «Указанные в телеграммах ваши намерения считаю достойными, правильными. Полагаю, что лучшим их доказательством будет срочная доставка на заводы по указанию Морского министра листовая сталь для мин заграждения, в коих ощущается острая нужда, доставка в Ревель на первое время сто тысяч пудов хлеба, непрерывный подвоз угля в количестве 30 000 тонн в месяц для действия заводов и восстановления железнодорожного сообщения из Петрограда и Кронштадта для срочной доставки в Гельсингфорс новобранцев флота».⁹ Вместе с тем

телеграмма М.В. Родзянко была отправлена только в 12 ч дня. Надо отметить, что в ней адмирал одобрял только намерения возглавляемого председателем Думы ВКГД. Хотя И.И. Ренгартен, оценивая ответ А.И. Непенина, писал: «Мы присоединились к Временному правительству».¹⁰⁰ Думается, что в данном случае автор выдавал желаемое за действительное.

В 9 ч 10 мин состоялось собрание флагманов и капитанов, на котором с информацией выступил А.И. Непенин. Он ознакомил собравшихся с поступившими телеграммами, в частности с телеграммами М.В. Родзянко, и своим ответом. И объявил, что о своих поступках донес императору, не зачитывая текста документа.¹⁰¹ В 9 ч 30 мин А.И. Непенин послал телеграмму Николаю II, в которой говорилось: «Считаю себя обязанным доложить Его Величеству мое искреннее убеждение в необходимости пойти навстречу Государственной думе, без чего немислимо сохранить в данный момент не только боевую готовность, но и повиновение частей».^{III} На мой взгляд, нет никаких оснований для того, чтобы рассматривать эти строки в качестве акта признания ВКГД со стороны Непенина».¹

Получив донесение о начавшемся восстании в Кронштадте и убийствах офицеров, 1 марта в 14 ч 30 мин А.И. Непенин обратился к М.В. Родзянко с просьбой прекратить беспорядки.¹⁰⁴ Обращение к председателю Думы в данном случае не свидетельствовало о признании новой власти, а говорило только о том, что командующий флотом не имел сил пресечь их сам. В этом смысле характерен ответ А.И. Непенина на телеграмму командующего 42-го армейского корпуса генерала Гулевича (16 ч 30 мин 1 марта) о подчинении Николаевского форта Кронштадтской крепости коменданту Выборгской крепости: «На подчинение Николаевского форта до восстановления порядка согласен, ибо из-за льда с флотом придти туда не могу».¹⁰⁵

Оценивая действия командующего Балтийским флотом, начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев в телеграмме, посланной 1 марта 1917 г. в 17 ч 15 мин для передачи Николаю II, писал: „Адмирал Непенин доносит, что не признал возможным протестовать против призыва временного комитета, и, таким образом, Балтийский флот признал временный комитет Государственной думы”.¹⁰⁶ Истолковывая таким образом действия А.И. Непенина, М.В. Алексеев стремился оказать психологическое давление на императора и подтолкнуть его на дарование ответственного министерства во главе с председателем Государственной думы М.В. Родзянко. В то же время действия адмирала 28 февраля и 1 марта не дают оснований для вывода о признании им ВКГД.

Осторожность в позиции А.И. Непенина можно объяснить еще и его плохой информированностью о происходящих событиях. В этом плане характерны две телеграммы Непенина, направленные в Ставку адмиралу А.И. Русину. 1 марта в 23 ч 30 мин и 2 марта в 9 ч 30 мин. В первой Непенин сообщал, что из бюллетеней Исполнительного комитета Государственной думы узнал о посылке телеграмм императору, начальнику штаба Верховного главнокомандующего и главнокомандующим фронтами. В связи с этим он просил ознакомить его с их содержанием и полученными ответами. Непенин также указал, что с момента начала беспорядков не получал «каких-либо указаний от Ставки».¹⁰⁷ А в телеграмме 2 марта он запрашивал: «Прошу срочно сообщить, где находится государь император и как я мог бы войти с ним в непосредственные сношения. В течение недели не имею никаких указаний от Ставки. Тем временем обстановка не терпит какого-либо промедления, и потому если Ставка не может дать мне определенных указаний, то ожидаю директивы: „действовать по усмотрению“. Жду срочного ответа как на эту депешу, так и по номеру 243/ОП, переданному вчера».¹⁰⁸ Эти телеграммы показывают, что вокруг командующего флотом сложился определенный информационный вакуум.

2 марта в условиях, казалось бы, уже победившей революции А.И. Непенин продолжал вести себя весьма осмотрительно. Получив в 9 ч 52 мин 2 марта телеграмму из Ревеля от коменданта морской крепости императора Петра Великого адмирала А.М. Герасимова: «Положение грозит чрезвычайно осложниться, если не будет мною объявлено категорически, на какой стороне я стою с гарнизоном. Прошу решений», в 10 ч 30 мин Непенин ответил: «Если положение потребует во что бы то ни стало категорического ответа, то объявите, что я присоединяюсь к Временному правительству и приказываю вам и старшему на рейде сделать то же».¹⁰⁵

Утром 2 марта на собрании флагманов А.И. Непенин впервые публично обнародовал свою позицию по отношению к происходившим событиям: «...Мы не должны вмешиваться во внутренние дела, однако надо признать, что действия Государственной] думы патриотичны. Если обстоятельства того потребуют, я открыто заявлю, что признаю Исполнительный] комитет Государственной] думы и прикажу всем то же. Буду отвечать один, отвечаю головой, но решил твердо...Обсуждение этого вопроса не допускаю, выслушать мнение Ваше готов по отдельности, для чего пожалуйста ко мне в каюту».¹¹⁰

По воспоминаниям Г.К. Графа, из присутствующих только адмирал М.К. Бахирев прошел в каюту командующего и заявил, что остается

верным его величеству и поэтому оставляет службу. В ответ он услышал следующее: «Слушай, Михаил Коронатович, неужели ты хоть на миг усомнился в том, что я не так же верен государю, как и ты... Я еще не представляю себе, как все это могло случиться, каким образом и как государь поставлен в такое положение... Теперь война, которую необходимо довести до конца. Я верю, что после окончания ее государь, если ему только будет благоугодно, снова примет власть в свои руки». ¹¹¹ Если не брать в расчет всю диалоговую форму этого рассказа, а следовать за его смыслом, то перед нами ход мыслей убежденного монархиста-верноподданного. То что Непенин не помышлял о смене формы правления, говорит и следующий эпизод, произошедший на этом же совещании. На вопрос адмирала М.А. Кедрова: «Не заключается ли в действиях Комитета (ВКГД. — А.С.) указания на его отношение к образцу правления, отвечено, что, нет». ¹¹²

Наконец, в 12 ч 2 марта Непенин обратился с телеграммой к личному составу флота и подчиненным ему войсковым частям, в которой, в частности, говорилось: «Я действую в полном согласии с Исполнительным комитетом Государственной думы, который занят строительством тыла и призывает войска к полному повиновению своим начальникам, а рабочих к усиленной работе». ¹¹³ И так, официальное признание состоялось.

В 17 ч того же дня Непенин отдал приказ командиру 1-й бригады крейсеров Балтийского моря контр-адмиралу В.К. Пилкину и командующему дивизией подводных лодок (дислоцировавшихся в Ревеле) Балтийского моря Д.Н. Вердеревскому о поддержке ВКГД. ¹¹⁴ И только в 15 ч 30 мин 2 марта А.И. Непенин получил телеграмму генерала М.В. Алексева, в которой с просьбой об отречении к Николаю II обращались командующие фронтами. ¹¹⁵ После этого в 20 ч 40 мин А.И. Непенин послал решительную телеграмму Николаю II о передачи власти. ¹¹⁶ Час спустя, в 21 ч 40 мин он получил телеграмму от А.П. Капниста, в которой говорилось: «Если получишь телеграмму от нового председателя Совета министров князя Львова, имей в виду, что династию предложено сохранить, но Государя императора или низложить, или его уговорить отречься». ¹¹⁷ Следовательно, насильственный вариант отстранения Николая II от престола высшими военными не исключается, но форма правления мыслилась прежняя.

Еще в 0 ч 35 мин 3 марта в телеграмме, направленной в Ставку и командующему Северным фронтом, Непенин результаты своих распоряжений оценивал невысоко и считал, что «нужны коренные и срочные поступки сверху». ¹¹⁵ И вот 3 марта в 1 ч 10 мин в штабе Балтийского флота получили телеграмму с сообщением о подписании манифеста об

отречении.¹¹⁸ Когда в 7 ч 20 мин утра он был зачитан на собрании флагманов - «кричали ура! новому государю».¹²⁰ Итак, командный состав флота с энтузиазмом встретил смену монарха, не помышляя о новой форме правления. В 7 ч 30 мин в штабе флота получили телеграмму М.В. Родзянко с приказом задержать объявление манифеста, что вызывало у И.И. Ренгартена настоящую панику.¹²¹ А.И. Непенин назвал эту меру губительной. Однако ему удалось на время отсрочить его оглашение. В Гельсингфорсе о нем узнало 50 нижних чинов и небольшая часть команд в Свеаборге. В Ревеле он был объявлен, но какого-либо впечатления не произвел.¹²²

Вместе с тем революционное брожение во флоте продолжало нарастать. Понимая, что своими силами с ним не справиться, А.И. Непенин 3 и 4 марта неоднократно обращался к М.В. Родзянко и А.И. Гучкову с просьбой о присылке депутатов Думы и членов правительства.¹²³ Пытаясь сдержать революционную волну, командующий отдал приказ о запрещении демонстраций в Гельсингфорсе.¹²⁴ Однако противодействовать таким же манифестациям в Ревеле у него не было сил. В этих условиях он предоставил адмиралам В.К. Пилкину и Д.Н. Вердеревскому свободу действий.¹²⁵

Однако к вечеру 3 марта события в Гельсингфорсе приняли неуправляемый характер. На линкорах 2-й и 1-й бригад флота вспыхнул бунт.¹²⁶ В телеграмме, отправленной председателю Государственной думы М.В. Родзянко в 19 ч 30 мин, Непенин писал: «Балтийский флот как боевая единица сейчас не существует. Что могу сделаю».¹²⁷ В следующей телеграмме, посланной в 21 ч, он уже сообщал: «Бунт почти на всех судах».¹²⁸

Как только Непенин получил известие о начале восстания на линкоре «Павел», вначале он хотел обстрелять бунтовщиков с других кораблей, но, подумав, отменил решение, так как выполнить его было просто некому.¹²⁹ В штаб флота были вызваны делегаты, с которыми командующий имел долгий разговор. Однако кровопролитие удалось прекратить только после переговоров А.Ф. Керенского с представителем от моряков — машинистом 1-й статьи линейного корабля «Полтава» А.Ф. Сакманом, который все объяснял недоразумением.¹³⁰ Через депутатов Непенин передал командам, где произошли убийства офицеров, что «я со своей стороны крови не пролью, но оставить их в командах не могу - виновных пусть разберет Временное правительство».^{III}

Судя по всему, успокоения на судах так и не произошло. В 5 ч 30 мин в штабе флота получили радиограмму, в которой представители судовых комитетов призывали матросов не доверять командующему фло-

том адмиралу А.И. Непенину. В нем говорилось: «Товарищи матросы! Не верьте тирану! Вспомните о приказе об отдании чести! Нет, от вампиров старого строя мы не получим свободы. Мы ожидаем депутацию, а когда к нему были посланы депутаты от толпы, то неожиданно „Креchet“ (судно, на котором находился штаб флота. - А.С.) давал сигналы „прислать сформированный полк“. - Нет, смерть тирану и никакой веры». ¹³² Следовательно, приговор уже состоялся. Дело было за исполнением. В 10 ч 45 мин депутаты кораблей Балтийского флота потребовали от А.И. Непенина временного прекращения издания приказов. ¹³³ В 11 ч в штаб флота прибыл новый командующий, вице-адмирал А.С. Максимов, выбранный командами судов. Однако до решения вопроса Временным правительством приказы решили отдавать за двумя подписями. ¹³⁴

Докладывая о сложившейся обстановке в 12 ч 45 мин в МГШ, князь М.Б. Черкасский говорил: «Положение стало критическим, команда разбилась на группы, которые постановляют каждое свое. Одна лишает комфлота доверия, другая исполняет его приказания, третья в нерешительности. Поезд с депутатами [депутаты Государственной думы. — А.С.] запаздывает, и если не удастся найти почвы для соглашения до приезда депутатов, то я не знаю, чем все это окончится». ¹³⁵ Развязка наступила ровно через час после этих слов. В 13 ч 45 мин в воротах морского порта, выстрелом в спину был убит командующий Балтийским флотом вице-адмирал А.И. Непенин.

Революция пошла дальше, уйдя за рамки, которые ей отводили. Морской «заговор» ушел в тень последующих событий. Но осталось много недосказанностей. Так, в разговоре по прямому проводу между В.М. Альтфатером и И.И. Ренгаретном после убийства командующего последний говорил: «Если бы вы все знали, какую титаническую энергию, сколько воли и самоотвержения проявил незабвенный Адриан Иванович в таких поступках, которые несомненно содействовали сокрушению старого гибельного порядка». ¹³⁶ О признании А.И. Непениным одним из первых «нынешнего правительства» сообщал 5 марта начальник Морского штаба Верховного главнокомандующего адмирал А.И. Русин. ¹³⁷

В соболезновании Балтийскому флоту по поводу гибели адмирала А.И. Непенина, датированном 8 марта, военный и морской министр Временного правительства А.И. Гучков назвал командующего «одним из первых борцов» за свободу родины. ¹³⁸ Приводимые оценки, на мой взгляд, носили пропагандистский характер и были направлены на создание атмосферы доверия к офицерам.

Подводя некоторые итоги сказанному о морском «заговоре», исходя из имеющейся источниковой базы, можно констатировать наличие небольшой офицерской группы в штабе Балтийского флота. Ее замыслы далее «революции во благо», т.е. смены монарха и доведения войны до победы, не шли. За время своего существования она провела пять заседаний в январе — феврале 1917 г. Последнее заседание состоялось 19 августа перед Корниловским мятежом, когда Ф.Ю. Довконт, И.И. Ренгартен и М.Б. Черкасский решили поддержать Временное правительство против реставрации.¹³ Позицию этой группы офицеров можно охарактеризовать как пассивно-выжидательную. Такой же образ действий был характерен и для командующего флотом адмирала А.И. Непенина. При этом своих монархических убеждений, как показывают факты, он не менял. Причислять А.И. Непенина к этому кружку офицеров сейчас нет никаких оснований. В февральских событиях адмирал вел себя самостоятельно и крайне осмотрительно, и только когда стало ясно, что старый режим потерял всякую опору, он поддержал новую власть в надежде на победоносное окончание войны. Таким образом, на сегодняшний день нет оснований говорить о морском «заговоре» как реальной силе, которая могла устранить Николая II от власти. В свою очередь, кружок Ренгартена — Черкасского так и не вышел за пределы обычного фрондерства. Таким образом, оппозиционность офицеров Балтийского флота, оставаясь в рамках присяги, вела к отчуждению, офицеров от самодержца, что, в свою очередь, выразилось в их пассивности в Феврале 1917 г.

Примечания

¹ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. М., 2003.

² Там же. С. 157.

³ Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки / Сост. и автор вступительной статьи Д.А.Жуков; Коммент. Ю.В. Мухачева. М., 1989. С. 158.

⁴ Мельгунов С.П. Указ соч. С. 157.

⁵ Палеолог М. Дневник посла. М., 2003. С. 667-668.

⁶ Мельгунов С.П. Указ соч. С. 157-158.

⁷ Там же. С. 158-159.

⁸ Там же. С. 159, 160

^{*} Частично дневник был опубликован А. Дрезеном. Октябрьская революция в Балтийском флоте (Из дневника И.И. Ренгартена)// Красный архив 1927. № 6 (25). С. 34-95 (с 13 октября по 18 декабря 1917 г.); Февральская революция в Балтийском флоте (Из дневника И.И. Ренгартена)// Красный архив. 1929. Т. 1 (32). С. 88-124 (с 2 января по 14 марта 1917 г.); Балтийский

- флот накануне Октября (Из дневника И.И. Ренгартена)// Красный архив. 1929. № 4 (35). С. 5-36 (с 6 августа по 24 сент.).
- Мельгунов С.П.* Указ соч. С. 160-162.
- Там же. С. 157.
- Лукин А.* Бой над Ангерном// Последние новости (Париж). 1936. 8 сент.
- Там же.
- Сравни с публикацией в журнале «Красный архив». 1929. Т. 1 (32). С. 119.
- Дудоров Б.П.* Адмирал Непенин. СПб.: «Облик - Вита», 1993.
- РГА ВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 77.
- Дудоров Б.П.* Указ соч. С. 189-192.
- Там же. С. 211.
- Там же. С. 211-212.
- Там же.
- Там же. С. 215.
- Там же.
- Там же. С. 216.
- Там же. С. 217.
- Там же. С. 215
- Берберова Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков; М., 1997. С. 72-73.
- Мельгунов С.П.* Указ соч. С. 164.
- Берберова Н.* Указ соч. С. 154, 156, 161, 193, 210.
- Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914-1917). Л., 1967; *Петраш В.В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966. С. 33, 48. — По данным автора в число заговорщиков входили: Л.В. Сахаров, А.М. Шастный, Н.И. Игнатъев; *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905-1917 гг. (Борьба вокруг ответственного министерства и правительства доверия). Л. 1977. С. 248-249.
- Дякин В.С.* Указ. соч. С. 303-304.
- Старцев В.И.* Указ. соч. С. 248.
- Мельгунов С.П.* Указ соч. С. 161.
- Бубнов А.Д.* В царской ставке. СПб.: «Облик», 1995. С. 100, 101, 104, 105, 125, 126.
- Дудоров Б.П.* Указ соч. С. 190-192.
- Старцев В.И.* Русская буржуазия... С. 249.
- Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 44-45.
- Наиболее полными копиями являются: *Ренгартен И.И.* Дневник мировой войны на Балтийском морском театре с 12 июля 1914 по декабрь 1916. РГАВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 199. 394 л.; Дневник мировой войны на Балтийском морском театре с 2 января 1917 по 5/18 февраля 1918 г. Д. 201.... Имеются также и менее полные версии этой части дневника. Д. 200...; Оп. 2. Д. 125., 128 л.; а также конспект дневника И.И. Ренгартена Д. 126., 54 л.
- РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 201. Л. 15.

Февральская революция в Балтийском флоте (Из дневника И.И. Ренгартена). Публикация А.Дрездена// Красный архив. 1929. Т. 1 (32). С. 115-120. - Подлинники этих бесед пока не найдены.

Балтийский флот накануне Октября (Из дневника И.И. Ренгартена)// Красный архив. 1929. № 4 (35). С. 10.

Февральская революция в Балтийском флоте... С. 119.

Дудоров Б.П. Указ соч. С. 215.

Февральская революция в Балтийском флоте... С. 100-101, 120.

Дудоров Б.П. Указ соч. С. 191.

Февральская революция в Балтийском флоте... С. 115.

Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С. 44, 49.

РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 342.

Там же. Л. 340.

Дудоров Б.П. Указ соч. С. 191

РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 367.

Там же. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 77. Л. 17-18. Письмо О.В. Непениной - Б.П. Дудорову 21 октября 1955 г.; *Дудоров Б.П.* Указ соч. С. 190.

РГА ВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 1764. Л. 4. Посещение Гельсингфорса 23 и 24 сентября 1916 г. Впечатления К.Г. Житкова. Об отношении моряков к назначению А.И. Непенина Командующим Балтийским флотом.

Там же. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 381.

Февральская революция в Балтийском флоте... С. 94.

Там же. С. 92.

Там же. С. 94

Там же.

Там же. С. 94-95.

Мельгунов С.П. Указ соч. С. 159.

РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1764. Л.4.

Там же. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 391.

Там же. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1764. Л.4.

Там же. Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 77. Л. 81.; *Тимирев С.Н.* Указ соч. С. 59-61; Милая химера в адмиральской форме. Письма Л.В. Тимиревой А.В. Колчаку (18 июля 1916 — 17—18 мая 1917 г.) / Издание подготовили А.В. Смолин и Л.И. Спиридонова. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002. С. 53, 74-75.

Февральская революция в Балтийском флоте... С. 116.

Там же.

Там же. С. 119.

Там же. С. 116-118.

Там же. С. 118.

Там же.

Там же. С. 119.

Там же.

Там же.

Там же. С. 119-120.

Там же.

Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства... С. 44-45;
Куликов С. Февральская «революция сверху», или фиаско «генералов для пронунсиамента» // Россия XXI. 2004. № 4. С. 158.
РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. Л. 2; Февральская революция в Балтийском флоте... С. 121, 100.
РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 114. Л. 2..
Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. Сб. документов. М.; Л., 1957. С. 16.
Февральская революция в Балтийском флоте... С. 90.
Там же. С. 99.
Там же. С. 100.
Балтийские моряки... С. 17.
РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 14.
Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. Л. 7.
Февральская революция 1917 г. (Документы ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями северного фронта) // Красный архив. 1927. Т.2 (21). С. 30.
Февральская революция в Балтийском флоте... С. 99; РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 14.
Там же; Балтийские моряки... С. 17.
Февральская революция в Балтийском флоте... С. 99-100.
Там же. С. 100.
Там же. С. 100-101.
Там же. С. 120.
Там же.
Там же. С. 101, 120.
Там же. С. 102.
Там же.
Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 146, 157.
Февральская революция в Балтийском флоте... С. 101.
Там же. С. 102. — В тексте у словах «Утром пришло две телеграммы от Родзянко» стоит время 16 ч 30 мин. Скорее всего это опечатка и надо читать 6 ч 30 мин; РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 4-5.
РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 7-8. - Об этой телеграмме А.И. Непенин сообщил своим соседям Главнокомандующему Северным фронтом и командиру 42-го корпуса; Февральская революция в Балтийском флоте... С. 102.
Февральская революция в Балтийском флоте... С. 102.
Там же.
РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л.81.
Куликов С.В. Указ. соч. С. 158.
РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 9; Балтийские моряки... С. 22.
Февральская революция в Балтийском флоте... С. 121.

Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы / Ред. П.Е. Щеголев. Вступительные статьи Л. Китаева и М.Е. Кольцова. 2-е изд. дополненное. Л., 1927. Репринтное воспроизведение М., 1990. С. 230.

РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 10.

Там же. Л. 13.

Там же. Л. 16; Февральская революция в Балтийском флоте... С. 122; Февральская революция 1917 г...// Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 13.

Февральская революция в Балтийском флоте... С. 103-104.

Граф Г.К. На «Новике»: Балтийский флот в войну и революцию/ Предисловие В.Ю. Грибовского. 2-е изд. СПб., 1997.

Февральская революция в Балтийском флоте... С. 104.

РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 23-24.

Там же. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 1. Л. 149 об.

Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 47-51.

Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. С. 242; Февральская революция 1917 г...// Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 12.

РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 1. Л. 166.

Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 28.

Февральская революция в Балтийском флоте... С. 104.

Там же. С. 105.

Там же; РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 57.

^ш Там же. Л. 59,60, 61, 62.

¹²³ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 50, 85, 102, 108.

¹²⁴ Балтийские моряки... С. 28.

¹²⁵ Там же. С. 29; РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 35, 92.

¹¹⁶ Балтийские моряки... С. 30 — 32.

¹²⁷ Там же. С. 29

¹²⁸ Там же; Февральская революция в Балтийском флоте... С. 106—107.

¹²⁵ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 122—123.

¹³⁰ Там же. С. 123-124; Машинописная копия разговора А.Ф. Керенского с А.Ф. Сакманом. РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. Л. 82-88.

¹³¹ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 78; Февральская революция 1917 г... // Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 48; Балтийские моряки... С. 32.

¹³² Балтийские моряки... С. 33; Февральская революция в Балтийском флоте... С. 123.

Балтийские моряки...

РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 90-91. Последняя телеграмма А.И. Непенина в Ставку 4 марта 1917 г. 13 ч 35 мин; Балтийские моряки... С. 34.

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 111.

Там же. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 3. Л. 178-179; Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 135.

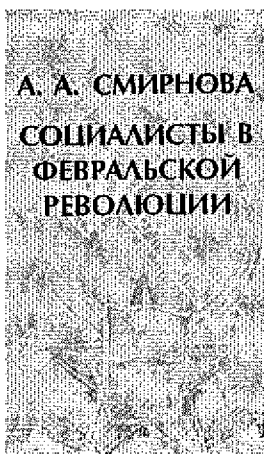
Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 100

Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 114. Л. 59.

Балтийский флот накануне октября... С. 10.

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

Первая мировая война застала российскую социал-демократию расколотой и разобщенной, еще больше ослабив ее многочисленными арестами и ссылками. Многие ее лидеры находились в тюрьмах и ссылке, другие - в эмиграции, но все они были полководцами без армии, не владевшими реальной ситуацией в России, где их сторонники были вынуждены либо действовать на свой страх и риск, либо на время затаиться. Эта картина «разброда и шатаний» была затем многократно усилена советской историографией, которая имела своей задачей искать прежде всего следы большевистского влияния и преобладания и не обращать поэтому внимания на все остальное. Историки партии даже «забывали», что в то время социал-демократов разных течений и направлений связывала (но уже не объединяла) принятая вторым съездом РСДРП программа, в которой ближайшей задачей партии ставилось свержение самодержавия и установление «самодержавия народа». В этой связи представляется принципиально важным суждение американского исследователя Л. Хеймсона о том, что «Первая мировая война открыла новую

главу в истории российской социал-демократии, раскрывая в ней, как и внутри других течений революционного движения, новые потенциалы, которые, на первый взгляд, как будто вели к исчезновению прежних фракционных конфликтов». ¹ В самом деле, разве об этом не могла свиде-

тельствовать проявленная сразу же после начала войны готовность большевистской и меньшевистской фракций IV Государственной думы к совместным акциям? Их представители сумели выработать совместную декларацию об отношении к войне, которую от имени обеих фракций огласил 26 июля 1914 г. на заседании Думы меньшевик, рабочий В.И. Хаустов. В декларации открыто заявлялось, что «настоящая война, порожденная политикой захвата и насилий, практикуемой всеми капиталистическими государствами, является войной, ответственность за которую несут правящие круги всех воюющих стран». При публикации этой декларации цензурой была вычеркнута принципиально важная фраза о том, что пролетариат «чужд фальшивого патриотизма, под прикрытием которого господствующие классы ведут свою хищническую политику». ²

Однако проявленная обеими фракциями в Государственной думе готовность к сотрудничеству не нашла понимания и поддержки со стороны руководства как большевиков, так и меньшевиков. Последние были представлены в Петрограде рядом течений, разошедшихся в своем отношении к войне. На правом фланге стояло условно оборонческое, группировавшееся вокруг редакции журнала «Наша заря» во главе с А.Н. Потресовым. Занятая Потресовым с начала войны позиция - «в своей деятельности в России мы не противодействуем войне» — ввиду уязвимости и последовавшей критики была затем скорректирована им формулой «непротиводействие войне при противодействии правительству». Центристское течение представляли меньшевистская фракция в Государственной думе и официальный центр меньшевиков — Организационный комитет, не имевший возможности вести систематическую работу из-за отсутствия партийных сил и ограничившийся в первые месяцы войны выпуском антивоенных листовок, в том числе и против ареста большевистских депутатов Думы по обвинению в государственной измене. Известный специалист С.В. Тютюкин характеризует позицию ОК РСДРП в это время как «умеренно-пацифистскую, интернационалистскую, но достаточно пассивную».³ Нельзя также не отметить, что меньшевистская фракция в Государственной думе, несмотря на призыв Г.В. Плеханова в июле 1915 г. голосовать за военные кредиты, решила не участвовать в голосовании, а депутат-меньшевик И.Н. МаНвјсoв, голосовавший за военные кредиты, был исключен из фракции. Вопрос об отношении к «кровавой бойне» привел не только к размежеванию среди российской социал-демократии, но и к расколу в рабочем движении, что особенно ярко проявилось в Петрограде во время кампании по выборам Рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете и при Петроградском военно-промышленном комитете. Как известно, на состоявшемся в июле 1915 г. в Петрограде Первом съезде военно-промышленных комитетов было принято решение о введении в их состав рабочих представителей. В связи с этим председатель ЦВПК А.И. Гучков обратился к Рабочей группе Петроградского страхового общества обсудить вопрос о направлении рабочих в военно-промышленные комитеты. Согласившись с этим предложением, Рабочая группа Страхового совета поставила условие: рабочие представители должны быть избраны от уполномоченных петроградских предприятий. В отличие от большевиков, сразу призвавших рабочих не участвовать «в каких бы то ни было учреждениях, способствующих войне»/ меньшевики и эсеры оборонческого направления считали, что рабочий класс, послав своих представителей в военно-промышленные

комитеты, сможет лучше отстаивать свои интересы и контролировать деятельность буржуазных организаций. В результате предвыборной кампании, проходившей в ожесточенной борьбе за рабочие массы между политическими партиями, было избрано 218 выборщиков от 101 столичного предприятия с общим числом 219 тыс. рабочих.⁵ При этом меньшевики и эсеры имели за собой 81 выборщика, большевики - 60, остальные выборщики были беспартийными. Однако на состоявшемся 27 сентября 1915 г. общегородском собрании уполномоченных-выборщиков большевистское «Заявление», призывавшее выборщиков не посылать рабочих представителей в военно-промышленные комитеты, получило 90 голосов, в то время как резолюция меньшевиков и эсеров - 81 голос.⁶ Тогда же А.И.Ульянова-Елизарова сообщила В.И.Ленину: «Наши потерпели фиаско на многих заводах. Большевики, среди которых больше людей тертых, красноречивых, праздновали уже победу. Их председатель был на собрании рабочих выборщиков 27 числа, был принят их порядок дня. Они уже потирали руки. И вдруг большинством, правда большинством всего голосов в 10, проходит большевистское решение не участвовать в Военно-промышленном комитете и уполномоченных туда не посылать».⁷

Однако и большевики рано праздновали свою победу: 5 октября 1915 г. в меньшевистской газете «Рабочее утро» было напечатано открытое письмо видного меньшевика-оборонца К.А. Гвоздева, потребовавшего отмены результатов голосования на городском собрании выборщиков на том основании, что под видом уполномоченных от Путиловского завода на нем выступали и агитировали выборщиков бойкотировать военно-промышленные комитеты члены Петербургского комитета большевиков С.Я. Багдатыев и В.Н. Залежский. В состоявшемся в конце ноября 1915 г. повторном собрании выборщиков, которое открыл А.И. Гучков, победа с незначительным преимуществом осталась за меньшевиками, а их противники — большевики и их сторонники, огласив свою декларацию, покинули собрание до голосования. Оставшаяся часть выборщиков высказалась за участие рабочих в военно-промышленных комитетах и избрала в ЦВПК рабочую группу в составе 10 представителей крупнейших предприятий Петрограда (Путиловского, Трубочного, Обуховского, Порохового и других заводов).⁸ Возглавивший эту группу представитель завода «Эриксон» К.А.Гвоздев был известной фигурой в рабочем движении, неоднократно арестовывался за революционную деятельность, в 1903-1907 гг. примыкал к эсерам, с 1909 г. работал на различных заводах Петрограда, принимал участие в создании Союза металлистов, был его председателем, с 1914 г. меньшевик-

оборонец, активно выступавший за сотрудничество с буржуазными организациями в деле обороны страны. Кроме того, была избрана рабочая группа из 6 человек в Петроградский военно-промышленный комитет. Все они были по своей партийной принадлежности меньшевиками и эсерами-оборонцами.⁵ Интересно заметить, что в принятой на этом собрании выборщиков резолюции, наряду с резкой критикой в адрес царского правительства и протестом против войны, присутствовал пункт о том, что рабочий класс в борьбе за свои требования «будет поддерживать всякий действительный шаг буржуазных кругов по пути укрепления страны, энергично критикуя в то же время всякую проявленную нерешительность, половинчатость и соглашательство либеральных позиций и толкая ее на более решительную борьбу с режимом». Как справедливо обращает внимание С.В. Тютюкин, в заявлении Рабочей группы не было призывов к гражданскому миру, к прекращению забастовок и повышению производительности труда на оборонных предприятиях.¹⁰ И все же в представлении значительной части радикально настроенных рабочих столицы (не без влияния большевиков) Рабочая группа при ЦВПК стала синонимом соглашательства с буржуазией и властью.

С созданием рабочих групп при ЦВПК и ПВПК резко обострилось соперничество за рабочие массы между большевиками, с одной стороны, и меньшевиками и эсерами-оборонцами — с другой. Легальное положение последних давало им возможность открыто вести свою пропаганду и агитацию как на фабриках и заводах, так и через свою печать: они легально издавали газеты «Рабочее утро», «Северный голос», журналы «Наше дело», «Страхование рабочих», «Экономическое обозрение». Отстаивая реформистский путь рабочего движения, один из лидеров правого меньшевизма в Петрограде А.Н. Потресов тогда писал, что рабочему классу России, прежде чем думать о возможности пролетарской революции, надо догнать по уровню своего сознания европейский пролетариат, а для этого необходимо «поступить в приговорительный класс той школы гражданственности, через которую в течение ста лет и более проходила Европа».¹¹

Однако российский пролетариат проходил в это время ускоренными темпами другую, революционную школу, в которой главными уроками были хозяйственная разруха, продовольственный кризис, небывалый рост цен на предметы первой необходимости, установление строгого военно-политического надзора, наступление царизма и буржуазии на политические права рабочих. Действенность этих уроков особенно ярко проявилась в Петрограде, где антивоенные и антиправи-

тельственные настроения, начиная с осени 1915 г., стали нарастать с необыкновенной силой. Петроградское охранное отделение сообщало, что к осени 1916 г. в столице «оппозиционность настроений, по данным весьма осведомленных источников, достигла таких исключительных размеров, каких она, во всяком случае, не имела в широких массах даже в период 1905—1906 гг.».¹² В этих условиях левым социалистам не оставалось ничего другого, как направлять революционный радикализм питерских рабочих в русло политической борьбы. По свидетельству руководителей этой борьбы, в поведении рабочих столицы в годы войны произошли «громадные изменения», среди рабочих-металлистов в особенности «резко бросалось в глаза отсутствие робости, покорности».¹³ В то же время представители меньшевистской партии видели в появлении такого слоя передовых рабочих опасность их противопоставления остальным рабочим, в результате чего «создается повышенная самооценка, а главное — масса начинает рассматриваться как пассивный материал, который инициативный передовой авангард может двинуть вперед, не справляясь особенно с желаниями этой массы».¹⁴

Осенью 1916 г. в роли авангарда выступили рабочие Выборгской стороны, где забастовали целый ряд крупных предприятий «Русский Рено», «Новый Лесснер», заводы П.В. Барановского, И.П. Пузырева. Стачка перекинулась и на предприятия других районов. Только 19 октября 1916 г., по данным полиции, бастовало около 60 тыс. человек. В условиях нарастания рабочего движения в Петрограде резко усилилось недовольство социал-оборонческой политикой правых меньшевиков, а также позицией Рабочей группы ЦВПК, выступившей против октябрьских стачек. Стоявшая на левом фланге меньшевизма Петроградская инициативная группа, первоначально поддерживавшая создание рабочих групп при ЦВПК и ПВПК, теперь выступила против «военно-промышленных социалистов», потребовав их отзыва. В выпущенном ею осенью 1916 г. специальном воззвании резко критиковалась деятельность рабочих представителей в ЦВПК. «Поручая им лишь временное представительство, мы категорически заявили, что являемся самыми яркими противниками войны и стоим за немедленное прекращение ее, - говорилось в этом воззвании, — но они об этом забыли! Они забыли, что петроградский пролетариат через головы выборщиков вовсе не поручал им говорить от своего имени языком национал-социализма, языком оборончества. Они „запамятовали“, что вместе с выборщиками определенная политическая группа, прикрывая своим знаменем единый в то время меньшевизм, ни на одну минуту не становилась на точку зрения оборон-¹⁵ и неоднократно требовала от них выполнения наказа». Снимая с

себя всякую ответственность за деятельность Рабочей группы при ЦВПК, Петроградская инициативная группа заявляла о невозможности каких-либо соглашений с нею и объявляла рабочих представителей в ЦВПК «застрельщиками нового раскола».¹⁶

Рабочая группа при ЦВПК была вынуждена публично оправдываться и даже выпустила специальный «Бюллетень», посвященный вопросу об отзыве рабочих представителей из ЦВПК. В нем подчеркивалось, что требования о выходе Рабочей группы из ЦВПК «надо рассматривать как один из фактов непрекращающейся борьбы двух идейных течений в рабочем классе России», что эти требования раздаются со стороны ограниченных кругов рабочего класса, и потому она не может принять их к сведению в большей мере, чем мнение других рабочих организаций, которые поддерживают ее организационно и идейно.¹⁷

Тем не менее резко отрицательное отношение Петроградской инициативной группы к Рабочей группе при ЦВПК (наряду с большевистской агитацией) самым негативным образом отразилось на репутации последней: на многих фабриках и заводах выносились постановления об отзыве рабочих представителей из военно-промышленных комитетов. Что же касается полевления самой Петроградской инициативной группы меньшевиков, то, несмотря на ее малочисленность (к концу 1916 г. в ней состояло около 500 членов), она доставляла все больше хлопот охранке, которая считала, что в своей нелегальной деятельности она «уклонилась в сторону большевизма».¹⁸ В вопросе об отношении к войне эволюционировали влево и меньшевики-центристы, поспешившие отмежеваться от оборонческого сборника «Самозащита», в котором были опубликованы статьи А.Н. Потресова и его сторонников. В связи с выходом этого сборника лидер Петроградской инициативной группы С.Л. Ерманский выпустил книгу «Марксисты на распутье», в которой содержалась острая критика меньшевиков-оборонцев.

Активизировал свою деятельность и Петроградский Междурайонный комитет объединенных социал-демократов, в который входили меньшевики-интернационалисты, сторонники группы «Вперед» и так называемые большевики-примиренцы. Возникшая в 1913 г. и ставившая сноси целью борьбу за единство рядов РСДРП, эта организация за годы войны была сильно обескровлена: из состоявшей в ней на начало войны тысячи членов к 1916 г. осталось 150, которые активно работали в Нарнском и Василеостровском районах и часто выступали в совместных акциях с большевиками.¹⁹ Характерно, что все исходившие от Междурайонного комитета агитационные материалы заканчивались призывом к объединению РСДРП.

Отчаянные усилия к укреплению и объединению своих рядов принимали в Петрограде социалисты-революционеры, находившиеся в состоянии глубокого организационного и идеологического кризиса. В июле 1915 г. эсеры-рабочие на своем собрании в Выборгском районе решительно выступили против объединения социалистов-революционеров с правыми народническими течениями - трудовиками и народными социалистами, идею которого выдвинул А.Ф. Керенский.²⁰ В декабре 1915 г. на Петроградской городской конференции эсеров, на которой были представлены шесть районов столицы, резкой критике подверглась декларация об отношении к войне, составленная в центристском духе, а в скором времени был переизбран Петербургский комитет эсеров, поскольку он недостаточно активно проводил линию против войны.²¹ Однако к концу 1916 г. в результате многочисленных арестов городская организация эсеров перестала существовать. Предпринимавшиеся неоднократно попытки ее восстановить, по свидетельству видного деятеля эсеровской партии В.М. Зензинова, успеха не имели.²² «В январе 1917 г. все в Петербурге было смутно и вместе с тем тревожно, — писал он впоследствии. — Организованной общественности не было, партийных группировок совсем не чувствовалось. Что касается, в частности, эсеровских кругов в Петербурге, то здесь партийная эсеровская организация была разбита — кое-где на окраинах работали лишь одиночки, распространяли вразнобой самодельные прокламации».²³ В одной из таких прокламаций, исходивших от Инициативной группы социалистов-революционеров, констатировалось: «Партии нет... Она развалилась. Выродилась в мелкие разрозненные и слабые группы, ячейки, беспомощные практически, бессильные, неавторитетные теоретически и морально». Инициативная группа призывала своих сторонников решительно выступить против самодержавия, бороться за демократизацию России, за социализацию земли и 8-часовой рабочий день. Она приветствовала «энергичную и неутомимую деятельность, которую проявляют наши друго-враги из марксистского лагеря», призывала к солидарным действиям с социал-демократами.²⁴

В условиях нарастания революционного движения в столице социал-демократы разных направлений действительно стремились к единству своих действий, что не могло укрыться от внимания охранки, которая в своем докладе от 15 ноября 1916 г. отмечала: «...руководящие коллективы всех течений петроградской социал-демократии, успевшие к настоящему времени довольно прочно организовать, решили объединить деятельность всех групп, исповедующих интернациональную точку зрения (пораженчество), дабы таким путем нанести правитель-

ству наиболее чувствительный удар». Эта нежелательная для охранителей царского режима тенденция вызывает у них большую тревогу. «До сих пор все революционные выступления носили разрозненный, а зачастую даже и неорганизованный характер, — говорилось в этом докладе, — но в этот раз дело может принять более серьезный характер благодаря остроте момента, ряду благоприятных факторов, повышенности общего настроения народных масс и, наконец, самое главное, благодаря желанию объединить все социал-демократические течения под одним общим флагом с допуском в подобный блок всех революционных организаций пораженческой точки зрения (даже и народников)». ²³ Поводом для таких серьезных обобщений и предупреждений стали участвовавшие контакты между социалистами разных направлений и, в частности, состоявшееся незадолго перед этим нелегальное совещание большевиков, меньшевиков и народников в Выборгской коллективной лечебнице больничных касс под прикрытием хозяйственно-медицинской комиссии. ²⁶ Правда, достигнуть соглашения на этом совещании не удалось по причине резкого расхождения большевиков со «семи остальными в вопросе об отношении к Государственной думе. Предлагаая начать широкую митинговую кампанию, большевики видели в ней в первую очередь революционизирующее пролетариат средство, в то время как меньшевики и народники рассматривали эту кампанию как поддержку Государственной думы со стороны рабочих. В связи с этим в большевистском листке «Пролетарский голос» за декабрь 1916 г. констатировалось, что меньшевики, объединившиеся вокруг Инициативной группы, все еще не могут правильно разобраться в политической ситуации и связаны по-прежнему с элементами, находящимися за пределами российской социал-демократии, что «мешает тем товарищам меньшевикам, которые силой революционных событий приходят к правильным тактическим прозрениям, вернуться в лоно революционной социал-демократии». Здесь содержалась и довольно критическая оценка деятельности петроградских социалистов-революционеров. В результате такого настроения большевиков к своим союзникам по борьбе против царизма и войны ими выдвигалась всего лишь задача «к моменту выступления, на которое готовы пойти указанные социалистические группы, войти с ними в информационную связь для координации действий в данном определенном случае». ²⁷ И все же следует признать, что ни одна из социалистических партий или групп не предвидела развития событий в Петрограде и в России и не была к ним готова. По свидетельству Н.Н. Суханова, хорошо знакомого с ситуацией и социалистических кругах столицы накануне Февральской революции,

«авторитетнейших руководителей, партийных лидеров не было ни в одной из партий, почти без исключения. Они были в ссылке, в тюрьмах или эмиграции. На постах ответственных руководителей великого движения в ответственные моменты стояли люди совершенно второстепенные, может быть искусные организаторы обычной партийной работы эпохи самодержавия. Надлежащих политических горизонтов в новой обстановке, действительно политического руководства, словом, действительной высоты положения от них в огромном большинстве случаев было ожидать нельзя».²⁸

Между тем с начала января 1917 г. Петроградское охранное отделение было озабочено прежде всего грозными признаками приближающегося нового выступления питерского пролетариата. В телефонных сообщениях из полицейских участков, в донесениях агентов главное внимание в эти дни уделялось рабочему вопросу: забастовкам, митингам, собраниям, выступлениям и настроениям на фабриках и заводах.²⁹ С приближением 9 января - дня памяти жертв январского расстрела 1905 г. — социалистические партии и группы активизировали свою деятельность. В то время как Петербургский комитет большевиков из-за провала своей нелегальной типографии не сумел выпустить к 9 января 1917 г. никакого обращения или листовки, Петербургская инициативная группа меньшевиков выпустила к этой памятной дате специальную листовку, которая призывала рабочих столицы отметить 9 января забастовкой и предлагала «связать это массовое политическое выступление с величайшими событиями нынешнего дня». Листовка заканчивалась призывом к свержению самодержавного режима и к борьбе за демократическую республику.³⁰ В выпущенной Петроградским Междурайонным комитетом листовке упор был сделан на критике рабочих групп при военно-промышленных комитетах, которые назывались предателями рабочего класса за их призывы к объединению с буржуазией. В заключение листовка от имени «большевиков и меньшевиков» звала питерский пролетариат к «созданию единой социал-демократической рабочей партии, проведению однодневной стачки под антивоенными и революционными лозунгами».³¹ В этих условиях и Рабочая группа при ЦВПК решила «не препятствовать рабочим стачкам 9 января 1917 г.», нарушив тем самым свое «воздержание» от участия в стачечном движении. Это решение было принято под давлением рабочих, считавших, что никакие депутации и переговоры с думскими деятелями уже не помогут и нужно бастовать.³²

Состоявшаяся 9 января 1917 г. стачка превзошла по своим размерам все стачечные выступления питерского пролетариата в годы войны. По

разным данным, число стачечников в этот день определялось в 150—300 тыс. человек. Охранка признавала, что резкое увеличение числа забастовавших произошло не только из-за роста численности рабочих, но и вследствие полевения масс, «причиной чему был целый ряд условий: вздорожание продуктов первой необходимости и недостаток их, утомление войной, масса разнородных слухов, волнующих население, привычка рабочего люда к широким стачкам в пролетарские „табельные“ дни».³³

Это «полевение масс» стало настолько очевидным, что на него не могли не реагировать политические организации, претендовавшие на то, чтобы представлять интересы рабочих и выступать от их имени. Весьма показательным в этом отношении принято 12 января 1917 г. «Совещанием организованных рабочих социал-демократов Петрограда» обращение «К рабочим всех фабрик и заводов города», подготовленное секретарем Рабочей группы при ЦВПК Е. Маевским. «Забастовка-протест 9 января, объединившая 200 тыс. петроградских рабочих, была смотром наших сил. Силы уже есть, и они растут с каждым днем. Но забастовка была только нашей рабочей мобилизацией, мобилизацией петроградских рабочих. Надо сделать теперь так, чтобы призвать к мобилизации всю рабочую Россию, всю демократию, весь народ, — говорилось в этом обращении. — Теперь уже недостаточно забастовки. Паш протест, наши требования должны быть вынесены на улицу. Момент пришел, и мы должны отнестись к нему со всей серьезностью, со всем чувством товарищеской ответственности. Долой мелочные разногласия! Долой раздоры! Нас всех объединяет ближайшая задача: устранение самодержавия, губящего страну и в тылу и на фронте». Обращение призывало выйти «всех до одного» на улицу в день открытия Государственной думы и направиться к Таврическому дворцу, где рабочий класс должен «открыто и всенародно» заявить: «Так больше жить нельзя! Самодержавие губит страну, губит народ и без пользы для страны погубило уже сотни тысяч наших братьев на фронте. Только немедленное учреждение Временного Революционного Правительства, опирающегося на организующийся в борьбе народ, способно вывести страну из тупика и глобальной разрухи, укрепить в ней политическую свободу и привести к миру на условиях, приемлемых для пролетариев всех стран».³⁴

Если иметь в виду, что «Совещание организованных рабочих социал-демократов», возникшее осенью 1916 г. прежде всего как группа содействия Рабочей группе при ЦВПК, никогда до этого не призывало к свержению существующего строя, то революционная направленность итого обращения, предназначенного для обсуждения на всех фабриках и заводах Петрограда, станет очевидной. Вместе с тем нельзя не

заметить, что достижение выдвинутых радикальных требований связывалось с надеждой на Государственную думу, которая под давлением рабочих и должна была создать «Временное Революционное Правительство», на что вряд ли приходилось рассчитывать, принимая во внимание соотношение общественных и партийных сил в Думе. Однако идея шествия к Таврическому дворцу в день открытия сессии Государственной думы прочно овладела лидерами Рабочей группы, которая стала агитировать за нее на фабриках и заводах столицы. В выпущенной в середине января 1917 г. листовке содержался призыв к рабочим использовать «столкновение Думы с правительством» «в интересах решительного удара по самодержавию», дружно направиться в день открытия Думы к Таврическому двору, чтобы там заявить о своих требованиях.³⁵ Решительное несогласие с подобной тактикой высказала Петербургская инициативная группа социал-демократов меньшевиков, которая в связи с этим также выпустила специальную листовку. «Товарищи рабочие, — призывала она, — мы не должны мешать борьбе общественных сил с существующим самодержавным режимом, мы должны учитывать настроение и результаты борьбы буржуазии. Но в гораздо большей степени мы обязаны считаться с настроением рабочих масс и готовности к решительной борьбе. Мы не имеем права в угоду буржуазии с легким сердцем звать пролетариат на открытое выступление, если не будем уверены, что оно является результатом накопившейся революционной энергии рабочего класса. Мы не должны верить всяким анонимным листкам, призывающим нас на выступление. Мы не последуем за безответственными группами, которые нашу славную массовую борьбу за прекращение войны в октябре клеймят провокацией, а в январе призывают нас к массовому выступлению для борьбы против той же войны и аннексионистских вождений нашей буржуазии».³⁶ Под «безответственными группами» имелась в виду в первую очередь Рабочая группа при ЦВПК, которая в октябре 1916 г. действительно приняла резолюцию, предупреждавшую о возможном провокатормском характере стачек.³⁷ Такая позиция Рабочей группы не могла не сказаться на отношении рабочих к идее хождения к Таврическому дворцу. По признанию секретаря Рабочей группы Е.Маевского, это предложение имело мало шансов на успех, «встретив в широких рабочих кругах застарелые большевистско-бойкотские предрассудки».³⁸ Однако царские власти восприняли всерьез призыв к созданию Временного революционного правительства и в ночь на 27 января 1917 г. арестовали большинство членов Рабочей группы ЦВПК, сделав из них таким образом мучеников-революционеров, пострадавших в борьбе за

рабочие интересы. Правда, из самой затеи с демонстрацией ничего не получилось: 14 февраля 1917 г. в день думской сессии у Таврического дворца собралось не более 500 человек, которые были разогнаны полицией. В этот день на 58 предприятиях бастовало почти 90 тыс. рабочих, многие из которых вышли на улицы столицы с революционными лозунгами, не имеющими ничего общего с призывами поддержать Государственную думу. Забастовавшие путиловцы, направляясь по Петрогофскому шоссе к центру города, несли транспаранты «Долой изменническое правительство!», «Долой войну!», «Да здравствует демократическая республика!», «Да здравствует вторая революция» и др.³¹ Поднявшуюся с 14 февраля 1917 г. на новый уровень волну забастовок на фабриках и заводах уже не удалось погасить. 22 февраля «впредь до особого разрешения» был закрыт Путиловский завод, где с 17 февраля многие мастерские были охвачены забастовкой. Избрав стачечный комитет, путиловцы обратились за поддержкой ко всему питерскому пролетариату. Явившаяся к члену Государственной думы А.Ф. Керенскому рабочая депутация, обрисовав сложившееся на Путиловском заводе положение, предупредила о возможных последствиях стремительно разворачивающихся событий. «Предупреждение это оказалось в полном смысле слова историческим, - писал В.М. Зензинов, - и позднее я часто вспоминал о нем и удивлялся пониманию момента, предъявленному тогда путиловскими рабочими.... То были настоящие вестники революции! Их прозорливость, вероятно, объяснялась тем, что они были у самых истоков начавшегося движения и чувствовали насколько уже тогда была накалена атмосфера в рабочих кругах Петрограда».⁴⁰

Февральская буря в столице разразилась в обстановке резко обострившегося продовольственного кризиса, который ударил прежде всего по трудовым массам. Глубокое возмущение рабочих вызвало распоряжение уполномоченного по продовольствию Петрограда В.К. Вейса о запрещении Союзу потребительских обществ отпускать с 15 февраля 1917 г. муку и хлеб рабочим кооперативам и столовым. Нехватка продовольствия, катастрофический рост цен, постоянные очереди за хлебом, появившиеся в печати сообщения о введении в ближайшее время карточек на продукты питания — все это на мрачном фоне непопулярной войны настроило питерских рабочих на самые решительные действия против царизма.⁴¹ Именно продовольственному вопросу посвятил свое острокритическое выступление в Государственной думе 23 февраля 1917 г. член меньшевистской фракции М.И. Скобелев. Прежде чем он был лишен председателем слова, он успел предупредить правых депутатов: «Мы знаем в истории случаи, когда власть,

разложивши страну, окончательно заставляла голодать население, и возмущенное население жестоко покарало тех, кто морит голодом население. Но вы же в основном расходитесь с нами, вы считаете, что разрешение продовольственного вопроса, а с ним связанного, в частности, и рабочего вопроса, — вы считаете этот вопрос основным и связанным с политическим вопросом. Разрешение этого вопроса путем вмешательства широких масс вы отвергаете. Отвергают одни потому, что сами боятся этих масс, а другие, может, потому лишь, что считают момент неподходящим, но тем большую ответственность вы берете на себя и тем больше вы обязываетесь. И вот, праотцы ваших друзей слева по блоку в свое время во Франции в таких случаях опрокидывали трон...».⁴² Столь смелый даже для левого депутата призыв действовать по примеру Французской революции был вызван предчувствием грозных событий в России. Предупреждая о возможных последствиях закрытия двух крупнейших столичных заводов - Путиловского и Ижорского «при царящей продовольственной разрухе и мизерном заработке подавляющей части рабочих», 23 февраля 30 членов Государственной думы, в первую очередь лидер трудовой группы А.Ф. Керенский и члены меньшевистской фракции во главе с Н.С. Чхеидзе, обратились с запросом к председателю Совета министров, а также к Военному и Морскому министрам, от которых потребовали ответа на вопрос: «Что намерены они предпринять для восстановления нормальных условий производства на заводах и обеспечения нескольких десятков тысяч рабочих, выброшенных на улицу?».⁴³

Хотя «пять дней» Февральской революции достаточно полно отражены в документах и воспоминаниях участников, основательно изучены в исследовательской литературе,⁴⁴ они все же требуют современного взгляда и комментария. Дело в том, что в результате длительного партийного давления на советских историков Февральская революция превратилась в организованное большевиками выступление рабочих, начиная с самого первого дня революции. В опубликованной в 1933 г. хронике событий «1917 год в Петрограде» можно прочитать по поводу событий 23 февраля: «Международный день работницы. На большинстве фабрик и заводов происходили митинги. Почти всюду они проходили под лозунгами большевиков, подготавливавших эту политическую кампанию в течение нескольких предыдущих дней. Специального листка издать не удалось. Распространялась прокламация „междурайонцев"...По призыву большевиков рабочие многих предприятий после митингов прекращали работу и с пением революционных песен выходили на улицу».⁴⁵ В самом деле, 23 февраля Петроградский Междурай-

онный комитет РСДРП обратился к женщинам-работницам с призывом не удерживать в этот день «оставшихся товарищей-мужчин», а самим «присоединиться к ним в дружной борьбе с правительством и заводчиками». Листовка открыто призывала: «Долой самодержавие! Да здравствует Революция! Да здравствует Временное Революционное Правительство!».⁴⁶

Вопрос о соотношении стихийности, сознательности и организованности в Февральской революции всегда был одним из самых острых в советской историографии и в зависимости от времени и политической конъюнктуры, а также позиции исследователя всегда имел широкий спектр ответов — от признания стихийного начала до утверждения руководящей роли в ней партии большевиков.⁴⁷ В новейшей историографии к этому вопросу вернулся американский историк М. Меланкон, опубликовавший в 2000 г. содержательную работу «Размышляя о Февральской революции в России: анонимная стихийность или социалистическое действие?».⁴⁸ Проанализировав широкий круг источников — опубликованные и архивные документы, воспоминания и историческую литературу, он приходит к ряду аргументированных выводов и наблюдений. В частности, Меланкон полагает, что с конца 1916 г. и правые и левые социалисты открыто шли на революцию, которую первые связывали с Государственной думой, а вторые были против думского варианта. Однако все они имели своей ближайшей целью свержение царизма, и для этого стремились использовать экономический кризис и нехватку хлеба, поощряя демонстрации и пытаясь перевести их в революционные восстания. Хотя социалисты и не имели специального плана с целью вызвать 23 февраля 1917 г. в Петрограде революционные беспорядки, отмечает он далее, их действия были направлены на то, чтобы способствовать стачкам и демонстрациям, развивать их, подтолкнуть к революции. «Февральская революция не была стихийной, по крайней мере не в абсолютном смысле слова, — пишет Меланкон в связи с этим. — Не была она поэтому и анонимной»,⁴⁹ и с этим нельзя не согласиться.

Разумеется, не следует переоценивать организующую и агитационную роль политических партий в Февральской революции, и здесь мы в целом солидарны с мнением С.В. Тютюкина о том, что «перед лицом разобщенности и конкуренции различных революционных организаций рабочие массы предпочли действовать по собственному разумению, так что ни одну леворадикальную партию нельзя считать творцом февральских событий, хотя и большевики, и меньшевики, и эсеры, конечно же, не были безучастными зрителями происходящего и довольно быстро откликнулись на революционный порыв народа».⁵⁰ Представляет-

ся, что такая точка зрения на Февральскую революцию подводит объективный итог многолетним дискуссиям советских историков по вопросу о соотношении стихийности и организованности в февральских событиях, дискуссиям, в ходе которых сторонники «стихийности» были подвергнуты грубой и необоснованной критике. Достаточно вспомнить, как историки партии, инспирированные отделом науки ЦК КПСС, обрушились на П.В. Волобуева, осмелившегося утверждать, что «стихийный революционный взрыв, происшедший 23 февраля и положивший начало революции, никем не готовился и никто его не мог предвидеть (в том смысле, когда он произойдет)».⁵¹

В действительности если обратиться к документам полиции и ее осведомителей, свидетельствам участников февральских событий, то стихийный характер возникшего 23 февраля 1917 г. на фабриках и заводах и перекинувшегося затем на улицы Петрограда выступления рабочих вполне очевиден. В меньшей степени в них проявлена роль передовых рабочих, входивших в различные политические партии и группы, в организации и развитии стихийного движения. Показательно, что стихийный порыв, охвативший утром 23 февраля на Выборгской стороне женщин-работниц, сразу же нашел поддержку рабочих-металлистов, наиболее организованной и сознательной части рабочих столицы. Именно от передовых рабочих исходила, как правило, инициатива остановки работ и созыва общих собраний, принимавших решения о забастовке. Рабочий завода «Эриксон» И.И. Мильчик, эсер по партийной принадлежности, в связи с этим вспоминал: «Люди поминутно бросают станки, сходятся в кучки у станков и верстаков передовых рабочих. Трансмиссии работают попусту, станки вертятся на холостых шкивах и, незагруженные, гремят сильнее обычного. Мастера тревожно бегают вокруг, покрикивая на рабочих, но эффекта уже никакого. Взоры тысячных масс обращены на передовых рабочих. С чего начинать? Говори, указывай!»⁵²

Характерна также тяга к единству действия, проявленная с первых часов 23 февраля рабочими различных партийных течений. Как только стало известно о выступлении женщин-работниц, на «Эриксоне» собрались вместе на совещание руководители большевистской, меньшевистской и эсеровской организаций. Предложение большевистского представителя «вывести всех рабочих без исключения и самим встать во главе забастовки и демонстрации» было поддержано меньшевиками и эсерами.⁵³ «Давление политического барометра, — свидетельствовал потом Мильчик, — властно сказывается: разногласий нет».⁵⁴ И так было на многих заводах. Не остались в стороне и те рабочие организации, которые обычно шли за меньшевиками-оборонцами: больничные кас-

сы, кооперативы, группы содействия Рабочей группе ЦВПК.

Направляющая роль заводских партийных коллективов и передовых рабочих ярко проявилась в осуществлении ими тактики «снятия с работы». Такая тактика применялась и раньше, в периоды стачек питерского пролетариата, но никогда не носила столь массового характера, как в февральские дни 1917 г. Сообщениями о фактах «снятия с работы» пестрят донесения приставов петроградскому градоначальнику. Об этом рассказывают в своих воспоминаниях участники Февральской революции: и те, кто «снял», и те, кого «сняли» с работы.⁵⁵ Осуществление тактики «снятия с работы» имело большое морально-политическое значение 23 февраля, когда число забастовавших предприятий было еще относительно невелико, и проблема вовлечения в забастовочное движение новых участников была особенно актуальной. Политически индифферентные слои рабочих не могли сразу осознать значение происходивших событий, старались поначалу оставаться в стороне, боясь наказания за участие в забастовке. К тому же значительная часть рабочих находилась под влиянием эсеров и меньшевиков оборонческого толка, считавших до этого недопустимым забастовки в условиях военного времени. Однако, как признавали впоследствии эти рабочие, сам факт «снятия» заставил многих задуматься над происходящими событиями, вывел их из пассивного состояния.⁵⁶

Осознать значение стихийно начавшихся 23 февраля событий предстояло и лидерам левых партий. Видный деятель социалистов-революционеров В.М. Зензинов не скрывал, что забастовочное движение питерских рабочих поначалу «рассматривалось как обычное. Никто не предчувствовал в этом движении веяния грядущей революции».⁵⁷ Лидер Петербургской инициативной группы социал-демократов меньшевиков О.А. Ерманский признавал, что «хотя его и поразили 23 февраля рабочие демонстрации и уличные столкновения, но истолковать их в смысле увертюры грандиозных событий — это мне вряд ли приходило в голову».⁵⁸ Многие представители левой интеллигенции, наблюдая со стороны события 23 февраля, видели в них всего лишь «беспорядки», и только те, кто соприкасался с рабочими организациями, получили первую информацию о том, что «в мирных рабочих кругах без всякой специальной агитации и пропаганды, совершенно необычайное настроение и стремление к открытому выступлению».⁵⁵ Эти новые настроения еще больше усилились на следующий день, когда в забастовочное движение влились десятки тысяч новых рабочих, и оно с Выборгской стороны распространилось в другие районы столицы, и здесь рядовые члены большевиков, меньшевиков, эсеров действовали, как правило, сообща.

Правда, до единства действий левых партий было еще далеко. Созванное вечером 23 февраля по инициативе эсеро-меньшевистского правления Петроградского союза потребительских обществ совещание рабочих — уполномоченных кооперативов, больничных касс и групп содействия ЦВПК решило призвать рабочих направиться к Государственной думе с лозунгами «Хлеба и мира!». Однако массового движения рабочих к Думе 24 февраля организовать не удалось, а пришедшие туда немногочисленные группы рабочих были приняты лидерами трудовой и меньшевистской фракций, призвавшими их к поддержке думской оппозиции и к созданию в этих целях заводских центров.⁶⁰ В то же время десятки тысяч рабочих со всех концов города устремились на Невский проспект, что придало в этот день демонстрациям более организованный характер. Наиболее радикальная из левых партий — партия большевиков — приняли решение развивать рабочее движение «в сторону вовлечения в него солдатской массы». «Конечно, — писал затем А.Г. Шляпников, — никто из нас не был уверен, что это будет последний и решительный бой царскому режиму».⁶¹

Забастовки и демонстрации 23 и 24 февраля привлекали внимание всех политических, заставили их срочно искать выход из создавшегося положения. Выступая 24 февраля в Государственной думе, лидер меньшевистской фракции Н.С. Чхеидзе предупреждал депутатов, что «улица уже заговорила, и с этой улицей теперь нельзя не считаться». При этом Чхеидзе отнюдь не выступал за поощрение «уличного движения», предлагая дать рабочим право создавать свои собственные продовольственные комитеты, «чтобы эта масса кристаллизовалась и представляла собою общественную силу, чтобы был разум в ее действиях, чтобы она целесообразно тратила силы не в борьбе на улице, не в той борьбе, где ее будут расстреливать».⁶² Тем не менее вечером 24 февраля начальник Охранного отделения сообщал петроградскому градоначальнику А.П. Балку «малоутешительные сведения» относительно намерений левых партий: «В левых верхах было решено, если завтра опять соберутся толпы, использовать положение в смысле агитации и, если заметно будет сочувствие улицы, произвести беспорядки, смотря по обстоятельствам, включительно до вооруженного выступления. Какие выбросят толпе лозунги — ясно не было — тоже смотря по обстоятельствам. Замечалось, что верхи сами не могли понять и разобраться в свалившейся неожиданно на голову благоприятной обстановке».⁶³

Между тем агитация и агитаторы не заставили себя ждать: в ночь на 25 февраля Петроградский Междурайонный комитет объединенных социал-демократов призывал рабочих «к трехдневной стачке протеста

против арестов и расстрелов рабочих Путиловского завода», выделив группу агитаторов для выступления на рабочих митингах⁶⁴. 25 февраля листовку с призывом к открытой борьбе с самодержавием выпустил Петербургский комитет РСДРП, выразивший надежду, что и «отдельное выступление может разрастись во всероссийскую революцию».⁶⁵ «Устраивайте комитеты Российской Социал-демократической Рабочей Партии по мастерским, по заводам, по районам, по городам и областям, по казармам, по всей России, - призывал ПК. - Это будут комитеты борьбы, комитеты свободы. Объясните крестьянам, горожанам, солдатам, что их спасение только в победе социал-демократов».⁶⁶ Получив информацию о состоявшемся 25 февраля заседании Бюро ЦК и ПК РСДРП, Охранное отделение сразу же поставило в известность министерство внутренних дел о том, что «Петроградская организация Российской социал-демократической рабочей партии по истечении двух дней происходящих в Петрограде волнений решила использовать в партийных целях возникшее движение и, взяв руководство участвующих в нем масс в свои руки, дать ему революционное направление». Сообщая об организации «Информационного бюро социалистических партий», охранка доносила, что оно «по предположению заговорщиков должно будет в дальнейшем образоваться в Совет рабочих депутатов, по типу функционировавшего в 1905 году».⁶⁷ Сам факт упоминания о Совете рабочих депутатов в документе Охранки вовсе не случаен, ибо, по свидетельству меньшевиков Д.О. Заславского и В.А. Канторовича, 25 февраля «среди передовой социалистической части рабочих уже бродила мысль о создании нелегальных Советов рабочих депутатов по заводам».⁶⁸ Как писал меньшевик М.Г. Рафес, «идея Совета рабочих депутатов была выдвинута еще в дни 24—26 февраля, когда началась забастовка. Выдвинута она была теми организованными группами, которые, несмотря на массовые аресты и ликвидацию, предпринимавшиеся в Петрограде по отношению к с.-д. партии, все же сохранились на заводах, фабриках и отдельных профессиях».⁶⁹ В самом деле, на созванном 25 февраля по инициативе Петроградского Союза рабочих потребительских обществ собрании представителей рабочих районов был поставлен вопрос о необходимости создания в целях лучшей организации рабочего движения Совета рабочих депутатов по примеру 1905 г. Кроме рабочих представителей на этом собрании присутствовали видные деятели меньшевистской партии Н.С.Чхеидзе, Ф.А. Череванин, Н.Ю. Капелинский и др.⁷⁰ Наконец, 25 февраля были отмечены и отдельные случаи избрания депутатов в Совет на ряде предприятий Петрограда.⁷¹

Вечером 25 февраля на квартире внефракционного демократа

Н.Д. Соколова состоялось совещание представителей социалистических партий и групп, на которое были приглашены и большевики. «Обсудили этот вопрос и решили, что время для дипломатических переговоров, соглашений уже прошло, - вспоминал приглашенный на это совещание А.Г. Шляпников. - Настала пора действий. Следовательно, программа соглашений могла быть одна — активное действие, поддержка уличных выступлений рабочих, призыв к демонстрациям и вооруженной борьбе с полицейскими силами и т.п. Путешествие на квартиру Н.Д. Соколова, свидание с Чхеидзе, Керенским и другими интеллигентами уже не имело существенного интереса».⁷² В результате большевики, по признанию самого Шляпникова, оказались «не в курсе всех предложений других организаций»⁷³. Между прочим, среди этих «предложений», обсуждавшихся в отсутствие представителя большевиков, был и вопрос о создании Совета рабочих депутатов.

Резкая активизация общественных политических сил 25 февраля была напрямую связана с успехом забастовочного и уличного движения, под влиянием которого на фабриках и заводах стал складываться единый революционный фронт левых сил. «День 25 февраля был нами проигран во всех отношениях, — признавал петроградский градоначальник А.П. Балк. - Не только руководители выступления убедились, что войска действуют вяло, как бы нехотя, но и толпа почувствовала слабость власти и обнаглела».⁷⁴ Однако власти еще не сознавали, что происходит непоправимое. В направленной в этот день в Ставку телеграмме министр внутренних дел А.Д. Протопопов сообщил, что в Петрограде вспыхнула «забастовка, сопровождающаяся уличными беспорядками», что «наряду с эксцессами противоправительственного свойства буйствующие местами приветствуют войска».⁷⁵ Полученная от Николая II из Ставки телеграмма с требованием «завтра же прекратить в столице беспорядки» настроила полицейские и военные власти на самые решительные меры борьбы с бастующими демонстрантами, вплоть до открытия по ним огня.⁷⁶ В ночь на 26 февраля охранка «в устранение возможности использовать в своих целях стихийно возникшие в столице беспорядки» арестовала почти 100 членов различных революционных организаций, среди которых были и 5 членов ПК РСДРП.⁷⁷ Кроме того, в помещении Центрального военно-промышленного комитета были арестованы оставшиеся на свободе 2 члена Рабочей группы, в том числе и ее руководитель К.А. Гвоздев.⁷⁸

Утром 26 февраля на совместном заседании 28 активистов, представлявших большевиков, левых эсеров и межрайонцев и собравшихся на квартире одного из них на Васильевском острове, была выработана

общая линия поведения. Было решено продолжать всеобщую стачку и демонстрации с целью довести их «до крайних пределов», т.е. до восстания против власти; начать сбор оружия для «образования боевых дружин»; попытаться разоружить городских «путем неожиданных нападений».⁷⁵ С листовкой к солдатам от имени рабочих в этот день обратился ПК РСДРП. «Братья солдаты! — говорилось в ней. — Третий день мы, рабочие Петрограда, открыто требуем уничтожения самодержавного строя, виновника льющейся крови народа, виновника голода, ранее обрекающего на гибель ваших жен и детей, матерей и братьев. Помните, товарищи солдаты, что только братский союз рабочего класса и революционной армии принесет освобождение поработанному и гибнущему народу и конец братоубийственной и бессмысленной бойне».⁸⁰

Однако этот призыв не проник еще в сознание «братьев-солдат». И десятки тысяч рабочих, устремившихся со всех концов города снова на Невский проспект, были встречены залпами учебных команд Павловского, Преображенского и других гвардейских полков. «Задолго до сумерек в столице наступила тишина и видимый порядок, — писал позднее градоначальник А.П. Балк. — Действиями вольтеров на Знаменской площади военное начальство осталось особенно довольным: стрельба произвела подавляющее действие на толпы. За весь день, по сведениям, поступившим в градоначальство, оказались убитые — 50, раненые — около 100, в большинстве случаев, к сожалению, лица, случайно попавшие под выстрелы. На три миллиона жителей процент ничтожный».⁸¹ Тем не менее массовый расстрел демонстрантов не мог остановить ширившееся с каждым днем антиправительственное выступление рабочих и начавших присоединяться к ним демократических слоев населения и в первую очередь студентов. «Жуть, навеянная расстрелом в центре, рассеялась в своем рабочем лагере, — вспоминал эсер И.И. Мильчик. — Возможность „сложить оружие“, прекратить борьбу никому и в голову не приходила. Настроение, созданное успехом первых трех дней уличного рабочего движения, не было уничтожено поражением четвертого дня».⁸² В Новой Деревне в помещении кооператива «Единство» состоялось собрание активистов, на котором было принято единодушно решение о продолжении борьбы с царизмом.⁸³ Даже охранке было очевидно, что «завтра рабочие выйдут на заводы, но с исключительной целью собраться, спеться и снова двинуться на улицу организованно и планомерно для достижения полного успеха».⁸⁴ Охранке в этот день стало известно о создании в ближайшее время Совета рабочих депутатов. В поступившем ей донесении сообщалось, что «избрание в Совет рабочих депутатов произойдет на заводах, вероятно, завтра утром, и

завтра к вечеру Совет рабочих депутатов уже может начать свои функции. Это-то обстоятельство еще раз говорит за необходимость не допустить завтра утром заводских собраний путем закрытия всех заводов».⁸⁵

Поздно вечером 26 февраля на квартире А.Ф. Керенского состоялось конспиративное совещание видных деятелей левых политических партий и групп. Вместе с хозяином квартиры в нем участвовали П.А. Александрович, В.М. Зензинов, Н.Д. Соколов, Г.М. Эрлих, И. Юренев и др. «По идее и задачам совещание это должно было иметь важное значение — оно претендовало некоторым образом как бы на роль генерального штаба революции, — вспоминал В.М. Зензинов. — Правда, организованной политической общественности в Петрограде в то время не существовало, но в вихре событий, среди возбужденных группировок и инициативных ячеек, привычные формулировки, лозунги, а главное — партийные названия могли и должны были сыграть крупную и активную роль. Масса искала руководителей, жаждала, чтобы ее смутные желания были точнее сформулированы, были ей подсказаны».⁸⁶ По словам И. Юренева, «собрание было довольно бурное».⁸⁷ А.Ф. Керенский, В.М. Зензинов и Г.М. Эрлих особенно активно выступали за то, чтобы «влиться в события» и «постараться воздействовать на движение, придать ему более определенный политический смысл и направление».⁸⁸ Собравшихся особенно вдохновили события в запасном батальоне Павловского полка, о которых в конце рассказал Н.Д. Соколов. Днем 4-я рота павловцев, узнав, что их учебная команда участвует в расстреле демонстрантов на Невском проспекте, выступила на улицу с оружием, и хотя она была затем возвращена в казармы и разоружена, 21 солдат исчез вместе с винтовками. Это были первые признаки перелома в сознании солдатских масс, за которые на следующий день начнется отчаянная борьба рабочих и политических партий.

Выпущенная утром 27 февраля листовка — обращение к солдатам от имени Петербургского Междурайонного комитета РСДРП и партии социалистов-революционеров отразила стремление оказать влияние на развитие событий в столице, реализовать те предложения, которые накануне обсуждались на квартире А.Ф. Керенского. В листовке особо подчеркивалось, что теперь вся надежда на солдат, выражалась благодарность солдатам павловцам, выступившим с оружием в руках против полиции. «Пусть ваши штыки повернуться против насильников, — призывала листовка. — Наши голодающие жены ждут от вас помощи. Товарищи! Читайте наши листовки! Организуйтесь! Свяжитесь с рабочими! Мы свято верим, что солдаты не изменят народу! Братья! Услышите же наш голос! Да здравствует единение армии с народом! Долой са-

модержавие! Долой войну! Да здравствует революция! Всю землю крестьянам! Всю волю народу!» Обращает на себя внимание, что этот редкий даже для революционного времени документ начинался с основополагающих лозунгов социалистов-революционеров и социал-демократов: «В борьбе обретишь ты право свое! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»⁸⁹

Однако с утра 27 февраля события развивались столь стремительно, что печатная агитация уже не поспевала за ними. Рано утром «взбунтовались» солдаты учебной команды запасного батальона Волынского полка, участвующей накануне в расстреле демонстрантов в районе Знаменской площади. Вышедшие из повиновения командиров солдаты прибегли к тактике «снятия», которую в предыдущие дни с успехом применяли рабочие. Учебная команда волынцев «сняла» значительную часть солдат квартировавших по соседству запасных батальонов Преображенского и Литовского полков, 6-го саперного батальона вместе с оружием. Выступившие из Таврических казарм на улицу солдаты тут же встретились с первыми группами рабочих, которые положили конец их сомнениям и колебаниям. К 12 часам дня объединенные силы рабочих и солдат смяли на Литейном мосту полицейскую заставу и заслон из учебной команды запасного батальона Московского полка, устранив тем самым последнее препятствие для соединения с центром рабочего восстания — Выборгской стороной. Умножив свои силы, восставшие рабочие и солдаты под руководством своих «вожачков» еще энергичнее повели наступление на опорные пункты старой власти.⁹⁰

Одной из важнейших целей восставших стало освобождение заключенных из тюрем, где находилось немало рабочих активистов, партийных руководителей различных направлений. Одним из первых был взят Дом предварительного заключения на Литейном проспекте, где среди почти тысячи освобожденных заключенных были и члены революционных организаций, арестованные в последние дни. Однако главным объектом атаки восставших рабочих и солдат стали «Кресты» на Выборгской стороне, неподалеку от Финляндского вокзала. Здесь содержалось почти 2,5 тыс. заключенных, в том числе сотни политических. Тысячи рабочих и солдат, обложив тюрьму со всех сторон, заставили охрану силой открыть ворота и освободили заключенных. Здесь же возник импровизированный митинг, на котором героями-ораторами были арестованные в конце января 1917 г. и теперь освобожденные члены Рабочей группы ЦВПК. Главный оратор К.А. Гвоздев, попавший в «Кресты» только накануне, благодаря за освобождение, призывал собравшихся «проявить солидарность с Государственной думой перед

лицом защитников царского строя», для чего предлагал направиться «прямо сейчас к Таврическому дворцу».⁵¹ Получив себе вождей, к тому же пострадавших за общее дело и теперь освобожденных, многотысячная толпа с готовностью двинулась к Думе.

Движение к Думе было естественной реакцией восставших, увидевших теперь в ней новый центр власти, а в думских лидерах, среди которых были и левые депутаты, - борцов против царского режима. К тому же, как отмечал справедливо Э.Н. Бурджалов, солдаты, нарушившие присягу, хотели получить одобрение своим действиям у этого законного учреждения».⁵² Днем по городу распространились слухи о том, что царь распустил Думу, которая не подчинилась его указу и взяла на себя организацию новой власти. Все это, вместе взятое, изменило отношение рабочих и солдат к Думе и сделало в считанные часы Таврический дворец центром сосредоточения восставших и штабом революции. К 2 часам дня многотысячная толпа подошла к Таврическому дворцу, где их приветствовали левые депутаты Думы - А.Ф. Керенский, М.И. Скобелев, Н.С. Чхеидзе. По свидетельству М.Г. Рафеса, «Скобелев, став у решетки дворца, произнес краткую речь перед толпившимися на улице массами. Он сказал приблизительно следующее: „Старая власть падает... Она еще сопротивляется... Сейчас происходит заседание Государственной думы. Члены Государственной думы еще колеблются. Они не решаются взять власть в свои руки. Мы оказываем на них давление...“».⁵³ Члены Государственной думы действительно колебались до последнего момента; и здесь левые депутаты, в первую очередь А.Ф. Керенский и М.И. Скобелев, сыграли решающую роль, чтобы подвинуть Думу в определении ее позиции. Еще с утра 27 февраля А.Ф. Керенский, придя в Таврический дворец, предложил созвать заседание Думы. «Дума должна быть на посту, — говорил он, настаивая на приглашении депутатов в зал звонком. Через минуту звонок трещит по всем коридорам. Депутаты жмутся и не двигаются с мест. Ведь Дума распущена царем. Открыть заседание — значит пойти против царя. „Господа, в зал!“ — кричит Керенский, пролетая мимо молчаливых групп. — Никто не идет».⁵⁴ И только когда волна революции докатилась до Таврического дворца, в 2 ч 30 мин началось частное совещание членов Государственной думы. Выступившие на нем представители меньшевиков и трудовиков Н.С. Чхеидзе и В.И. Дзюбинский призвали начать формирование новой власти. Дзюбинский даже предложил объявить Государственную думу Учредительным собранием. Однако большинство участников совещания заняло выжидательную позицию и только под напором уже побеждавшей революции пошло на создание своего орга-

на власти — «Временного комитета членов Государственной думы для восстановления порядка и для сношений с лицами и учреждениями», возложив его избрание на совет старейшин.⁵⁵ В новый орган власти вошли представители всех фракций, за исключением правых. Левые были представлены А.Ф. Керенским и Н.С. Чхеидзе. Председатель Государственной думы М.В. Родзянко дал согласие возглавить Временный комитет только после того, как образовался Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов. «Факт организации Бюро Совета депутатов, — писал впоследствии М.И. Скобелев, — заставил Родзянко покончить с колебаниями, и он с тяжелым вздохом и молитвенным настроением махнул рукой, как бы отказавшись от чаровавшей его до сих пор фигуры «венчюносца», и согласился стать во главе Комитета Государственной думы».⁹⁶

Образование Временного исполнительного комитета Совета рабочих депутатов в стенах Таврического дворца стало не только побудительным мотивом для окончательного определения позиции Государственной думы, но и важным фактором в дальнейшем развитии событий в Петрограде. Конечно же, далеко не случайно, что к тому времени, когда определился явный успех восставших рабочих и солдат, в Таврическом дворце собрались вместе члены меньшевистской фракции Думы, члены Рабочей группы ЦВПК, меньшевики и эсеры из легальных рабочих организаций (кооперации, профсоюзов, больничных касс), трудовики и народные социалисты, партийные и беспартийные литераторы, публицисты и адвокаты. Как уже было показано, они и раньше связывали свою тактику борьбы с поддержкой Государственной думы, и теперь, демонстрируя с ней единение, создали на ее территории — в Таврическом дворце свой центр, давший толчок к организации Петроградского Совета рабочих депутатов. Временный исполнительный комитет был образован около двух часов дня 27 февраля,⁹⁷ и в него вошли все известные лица: К.А. Гвоздев, Б.О. Богданов, Н.С. Чхеидзе, М.И. Скобелев, К.С. Гриневич, Н.Ю. Капелинский, Н.Д. Соколов, Г.М. Эрлих. Все они были представителями различных направлений меньшевиков.⁵⁸ Б.И. Николаевский здесь выделяет секретаря Рабочей группы ЦВПК Б.О. Богданова, который был автором воззвания к рабочим и солдатам выбирать своих депутатов в Совет.⁵⁹ «Граждане! — говорилось в этом воззвании. — Заседающие в Государственной думе представители рабочих, солдат и населения Петрограда объявляют, что первое заседание их представителей состоится сегодня в 7 ч вечера в помещении Государственной думы. Всем немедленно избрать своих представителей по одному на каждую роту. Заводам избрать своих депута-

тов по одному на каждую тысячу. Заводы, имеющие менее тысячи рабочих, избирают по одному депутату. Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов».¹⁰⁰ Воззвание было отпечатано в виде листовки и распространено по заводам, фабрикам и воинским частям, а также напечатано в единственной вышедшей в столице 27 февраля газете — «Известиях Петроградского комитета журналистов». Инициатива создания Петроградского Совета и ее реализация на начальном этапе прочно оказалась в руках меньшевистских деятелей со всеми вытекающими последствиями как для них самих, так и для их главных оппонентов — большевиков.

С призывом создавать Совет рабочих депутатов выступили 27 февраля и большевики. Если судить по содержанию выпущенной ими в этот день листовки, то этот призыв последовал еще до того, как окончательно определилась судьба восстания. «Вернуться назад нельзя, вернуться назад — это значит предать восставших солдат и обречь их к расстрелу, — говорилось в этой листовке. — Мы должны завершить начатое дело. Петербургские рабочие, продолжайте и распространяйте всеобщую забастовку, демонстрации, братание с солдатами и казаками, готовьтесь к вооруженной борьбе. Для победы нужна организованность, нам нужен руководящий центр движения». Листовка призывала рабочих к выборам в стачечные комитеты, из представителей которых предполагалось составить Совет рабочих депутатов,¹⁰¹ но не содержала никаких конкретных предложений и рекомендаций. Более определенный характер носило выпущенное в этот же день воззвание Выборгского комитета большевиков. Наряду с призывом выбирать депутатов и создать «под защитой войска» Совет рабочих депутатов в нем указывалось: «Пусть Финляндский вокзал будет центром, куда соберется революционный штаб».¹⁰² Но с середины дня 27 февраля революционный центр переместился к Таврическому дворцу, и Выборгская сторона, где находился Финляндский вокзал, утратила свою роль как оплота восстания и центра притяжения рабочих и солдат. Неудивительно поэтому, что и многие из сторонников большевиков предпочли направиться к Государственной думе. «Я считал, что правильно поступил, когда не согласился идти на Финляндский, чтобы там группировать свои силы отдельно (а такие предложения были), — вспоминал рабочий С. Скалов.

— Когда мы шли к Таврическому дворцу, на углу Шпалерной и Литейного проспекта мы увидели записочку, не помню от какой организации она исходила, приглашавшую всех рабочих собраться на Финляндском вокзале. Такой самоизоляции мы сразу противопоставили бы свои очень слабые организационные силы силам Государственной думы и

тем самым развязали бы ей руки, давая ей полную свободу действий и самостоятельность на политическое руководство, которое могло быть чревато последствиями».¹⁰³ С этим фактом «самоизоляции» отчасти соглашался и один из самых авторитетных руководителей большевиков А.Г. Шляпников, который признавал: «...наши товарищи увлеклись боевыми задачами и упустили выборы».¹⁰⁴ Весьма показательно, что даже в главном документе большевиков периода Февральской революции - Манифесте ЦК РСДРП «Ко всем гражданам России», распространенном 27 февраля в виде отдельной листовки, призыва выбирать депутатов и создавать Совет не было. Тем не менее к вечеру 27 февраля А.Г. Шляпников получил по телефону сведения о том, что и на Выборгской стороне «кое-где рабочие выбрали депутатов и посылают их в Таврический дворец».¹⁰⁵

Открывшееся в 9 часов вечера 27 февраля в помещении бюджетной комиссии Государственной думы первое собрание Совета рабочих депутатов не только выявило ведущую роль меньшевиков в его организации, но и закрепило ее в избранных на нем руководящих органах. Председателем Совета был избран Н.С. Чхеидзе, а его товарищами (заместителями) - А.Ф. Керенский и М.И. Скобелев. В секретариат вошли К.А. Гвоздев, Н.Д. Соколов, К.С. Гриневич и Г.Г. Панков. По свидетельству участников этого собрания, в выборах Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов участвовали не более 40-50 депутатов. «Рабочие-делегаты, пришедшие из районов, требовали скорейшего открытия заседания, так как все спешили в свои районы, — вспоминал А.Г. Шляпников. — Никому из рабочих не хотелось оставаться в этих стенах, вне массы, вне борьбы. Еще не чувствовалось, а еще менее понималось, что борьба с улиц переносится в стены Таврического дворца. Мысль об устройстве фракционного, чисто большевистского совещания пришлось покинуть ввиду крайне малого числа единомышленников, пришедших сюда. Другие партийные группировки, очевидно, были не в лучшем состоянии, так как вели себя по-„беспартийному“».¹⁰⁶ Тем не менее при таком «беспартийном» подходе к выборам Исполнительного комитета Совета меньшевики получили в нем явное преимущество. Как установил известный исследователь истории Петроградского Совета Ю.С. Токарев, из 15 членов Исполнительного комитета, избранного вечером 27 февраля, по партийной принадлежности шестеро были меньшевиками (Н.С. Чхеидзе, М.И. Скобелев, К.А. Гвоздев, К.С. Гриневич, Г.Г. Панков, Э.К. Соколовский), пять — внефракционными социал-демократами (Ю.М. Стеклов, Н.Н. Суханов, Н.Ю. Капелинский, П.А. Красиков, Н.Д. Соколов), два социалиста-революционера

(А.Ф. Керенский и П.А. Александрович), два — большевиками (П.А. Залуцкий и А.Г. Шляпников).¹⁰⁷ Незначительное представительство в Исполнительном комитете партии социалистов-революционеров было следствием ее организационной слабости, а представительство большевиков не отвечало их степени влияния на рабочие массы и объяснялось в значительной степени занятой в дни Февральской революции позиции «самоизоляции». Особую позицию заняли большевистские представители и на первом собрании Совета рабочих депутатов. По словам М.Г. Рафеса, они «с первых шагов уже требовали борьбы против Временного комитета Гос. думы. Соглашение и совместная работа Совета рабочих депутатов с Комитетом Государственной думы или борьба с ним — этот вопрос был краеугольным камнем и красной нитью проходил через все прения».¹⁰⁸ Проявленное в ряде случаев в ходе Февральской революции сотрудничество левых партий тем не менее не привело к сближению их позиций в главном вопросе — о характере самой революции по отношению к новой власти.

Примечания

- ¹ Хеймсон А. *Меньшевизм и большевизм (1903-1917): Формирование менталитетов и политической культуры* // *Меньшевики в 1917 году*. М., 1994. Т. 1. С. 45.
- ² *Большевистская фракция IV Думы: Сб. док. и материалы*. Л., 1938.
- ³ *Меньшевики: 1903 - февраль 1917*. М., 1996. С. 357-359; *Тютюкин С.В.* *Меньшевизм: Страницы истории*. М., 2002. С. 281—282, 284.
- ⁴ *Рабочее движение в Петрограде в 1912-1917 гг.* Л., 1958. С. 350.
- ⁵ *К истории Рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете*// *Красный архив*. 1933. Т. 57. С. 49.
- ⁶ *Шляпников А.Г.* *Канун семнадцатого года. Семнадцатый год*. Т. 1: *Канун Семнадцатого года*. М., 1992. С. 115.
- ⁷ *Из переписки русского бюро ЦК с заграницей в годы войны (1915—1916 гг.)* // *Пролетарская революция*. 1930. № 7/8. С. 185.
- ⁸ *Меньшевики: 1903 - февраль 1917*. С. 405-406.
- ⁹ *Тютюкин С.В.* *Меньшевизм: страницы истории*. С. 301.
- ¹⁰ *Меньшевики: 1903 - февраль 1917*. С. 405-406.
- ¹¹ *Война и вопросы международного революционного сознания*. Пг., 1916. Вып. 1. С. 173.
- ¹² *Политическое положение России накануне Февральской революции в жанدارмском освещении*// *Красный архив*. 1926. Т. 17. С. 5.
- ¹³ *Шляпников А.Г.* *Канун семнадцатого года. Семнадцатый год*. Т. 1: *Канун Семнадцатого года*. С. 35.
- ¹⁴ *Кубиков И.* *О развитии рабочего самосознания* // *Дело*. 1917. № 3/4. С. 90.
- ¹⁵ *Шляпников А.Г.* *Канун семнадцатого года. Семнадцатый год*. Т. 1: *Канун Семнадцатого года*. С. 289-290.

- Там же. С. 290.
- Там же. С. 291.
- Петербургский комитет РСДРП: Протоколы и материалы заседаний: Июнь 1902 - февр. 1917. Л., 1986. С. 480.
- Юрнев И.* Борьба за единство партии: (Очерк возникновения и деятельности Петрогр. Междурайон, комитета). Пг., 1917. С. 6—9; Пролетарская революция. 1924. № 2. С. 118-119.
- Шалагинова А.М.* Эсеры-интернационалисты в годы первой мировой войны // Первая мировая война 1914-1918 гг. М., 1968. С. 325.
- Там же. С. 328.
- Зензинов В.М.* Февральские дни // Новый журнал. Нью-Йорк, 1953. № 34. С. 190.
- Там же.
- Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 88.
- Флеер М.Г.* Петербургский комитет большевиков в годы войны, 1914-1917. М., 1917. С. 103.
- Там же.
- Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны. Л., 1939. С. 181-182.
- Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1991. Т. 1. С. 60.
- Февральская революция и охранное отделение // Былое. 1918. № 1 (29). С. 159.
- Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 106-107.
- Февральская революция в документах // Пролетарская революция. 1923. № 1 (13). С. 261.
- Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. М., 2002. С. 313.
- Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. С. 91.
- Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 108-112.
- Там же. С. 120-121.
- Там же. С. 125.
- К истории Рабочей группы при Центральном Военно-промышленном Комитете. С. 82.
- Канун революции. Пг., 1918. С. 7.
- Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. С. 108; *Соболев Г.А.* Пролетарский авангард в 1917 году: Революционная борьба и революционное сознание рабочих Петрограда. СПб., 1993. С. 32.
- Зензинов В.М.* Февральские дни. С. 189.
- См.: *Соболев Г.А.* Пролетарский авангард в 1917 году. С. 34-35.
- Стенографический отчет V сессии Государственной Думы четвертого созыва. Пг., 1917. С. 1649.
- Рабочее движение в годы войны: Сб. док. М., 1925. С. 327-328.
- Пушкарева И.М.* 1) Историография Февральской революции // Вопросы истории. 1967. № 2; 2) Февральская революция 1917 года в России: проблемы историографии 90-х годов XX века // Россия в XX веке: Реформы и ре-

- волюция: в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 241-266; *Шевырин В.М.* Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. (Советская историография 70-80-х гг.): Научно-аналитический обзор. М., 1987.
- Ахун М., Петров В.* 1917 год в Петрограде: Хроника событий и библиогр. М., 1933. С. 7.
- Февральская революция в документах. С. 282-284.
- См.: *Знаменский О.Н.* Советские историки о соотношении стихийности и организованности в Февральской революции// *Свержение самодержавия: Сб. ст.* М., 1970. С. 283-285; *Пушкарева И.М.* Февральская революция 1917 года в России: проблемы историографии 90-х годов XX века. С. 242-247.
- Melancon M.* Rethinking Russia's February Revolution: Anonymous spontaneity or socialist agency? Pittsburgh: Center for Russian and East studies, 2000. Ibid. P. 34-36.
- Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. С. 315.
- Волобуев П.В.* Характер и особенности февральской революции// Там же. С. 33.
- Мильчик И.* Рабочий февраль. М.; Л. 1931. С. 59.
- Каюров В.* Петроградские рабочие в годы империалистической войны. М., 1930. С. 118.
- Мильчик И.* Рабочий февраль. С. 60.
- Астрахан Х.М.* О тактике «снятия с работы» в Петрограде в первые дни Февральской революции// *Свержение самодержавия.* С. 120-130.
- Соболев Г.А.* Пролетарский авангард в 1917 году. С. 36-37. Дело народа. 1917. 15 марта.
- Ерманский О.А.* Из пережитого (1887-1921). М.; Л., 1927. С. 140.
- Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. С. 133.
- Аейберов И.И.* На штурм царизма. М., 1979. С. 155.
- Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2: Семнадцатый год: [Кн. 1-2]. М., 1992. С. 78-79.
- Стенографический отчет V Сессии Государственной Думы четвертого созыва. Ст. 1724.
- Соболев Г.А.* Пролетарский авангард в 1917 году. С. 41-42.
- Юрнев И.* «Межрайонка» (1911-1917)// *Пролетарская революция.* 1924. № 2(25). С. 140.
- Ганелин Р.Ш.* 25 февраля 1917 г. в Петрограде // *Вопросы истории.* 1998. № 7. С. 98.
- Листовки петербургских большевиков. Т. 2:1907-1917. Л., 1939. С. 249-250.
- Февральская революция 1917 г.: Сб. док. и материалы. М., 1996. С. 56-57.
- Заславский А.О., Канторович В.А.* Хроника Февральской революции. Пг., 1924. Т. 1. С. 23.
- Рафес М.* Мои воспоминания // *Былое.* 1922. № 19. С. 188.
- Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. С. 158.
- См.: *Токарев Ю.С.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г. Л., 1976. С. 21.

- Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2: Семнадцатый год: [Кн. 1-2]. С. 90-91.
Там же. С. 94.
- Соболев Г.А.* Пролетарский авангард в 1917 году. С. 43.
Февральская революция в документах. С. 290.
Там же. С. 24.
Февральская революция 1917: Сб. док. и материалов. С. 59.
Там же. С. 60.
Февральская революция и охранное отделение// Былое. 1918. № 1. (29). С. 171.
Большевизация петроградского гарнизона в 1917 году: Сб. док. Л., 1932. С. 11.
- Соболев Г.А.* Пролетарский авангард в 1917 году. С. 45.
Мильчик И. Рабочий февраль. С.84.
Февральская революция и охранное отделение. С. 171.
Там же. С. 174.
Там же. С. 174-175.
- Зензинов В.М.* Февральские дни. С. 208.
Юренев И. Борьба за единство партии. С. 13.
Зензинов В.М. Февральские дни. С. 209.
Февральская революция 1917 г.: Сб. док. С. 79.
Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. С. 185-190.
Старцев В.И. 27 февраля 1917. М., 1984. С. 146.
Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. С. 202.
Рафес М.Г. Мои воспоминания. С. 186.
Заславский Д.В. Государственной думе//Красная панорама. 1927. № 11. С. 7.
Протокол событий Февральской революции, 27 февраля - 4 марта 1917 г. // Февральская революция 1917 г.: Сб. док. С. 112—115.
Скобелев М.И. Гибель царизма// Огонек. 1927. № 11. С. 5.
Известия Комитета петрогр. журналистов. 1917. 27 февр.
Токарев Ю.С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г. С. 28.
Николаевский Б.И. Меньшевики в первые дни революции // Меньшевики: Сб. воспоминаний и док. / Сост. Ю. Фельптинский. Вenson, 1988. С. 54.
Известия Комитета петрогр. журналистов. 1917. 27 февр.
Революционное движение в России после свержения самодержавия: Документы и материалы. М., 1957. С. 5.
- Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2: Семнадцатый год: [Кн. 1-2]. С. 80.
Скалов С. 27 февраля 1917 г. в Петербурге// Красная новь. 1931. Кн. 3. С. 118.
Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2: Семнадцатый год: [Кн. 1-2]. С. 134.
Там же. С.123.
Там же. С. 126-127.
Токарев Ю.С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г. С. 36-37.
Рафес М.Г. Мои воспоминания. С. 190.

Изучение истории Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. началось практически с момента его создания. Этот процесс шел весьма неравномерно. Одним из наиболее благоприятных для исторических исследований этапов, безусловно, является период второй половины 1950-х - середины 60-х годов, известный в литературе как время «оттепели».

Характерной чертой этого десятилетия стали в первую очередь отказ от догм сталинизма, попытки переосмыслить исторические события на основе трудов В.И. Ленина и документальных источников. Одной из важнейших особенностей этого историографического периода явилось возобладание научного подхода в исторических исследованиях, хотя и в рамках марксизма. И в истории изучения Петроградского Совета это также один из самых благоприятных этапов. В это время возобновилась работа по изданию документов и воспоминаний, приобрела новый размах и новое качество исследовательская работа. Конечно, говорить о полном возобладании научного, объективного подхода в исторических исследованиях было

В. А. РАЧКОВСКИЙ
ПЕТРОГРАДСКИЙ
СОВЕТ РАБОЧИХ
И СОЛДАТСКИХ
ДЕПУТАТОВ В
1917 г. В
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ
ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ
1950-х —
СЕРЕДИНЫ 1960-х
ГОДОВ

бы преувеличением, но в ряде статей и монографий этого времени такой подход прослеживается. Нельзя не отметить возросшую роль таких профессиональных периодических изданий, как «Вопросы истории», «Вопросы истории КПСС», «История СССР», «Исторические записки» и другие. Именно в них появлялись дискуссионные статьи, развер-

тывалась полемика специалистов.

Большой интерес и острую полемику вызвали, в частности, статьи Э.Н. Бурджалова, посвященные тактике большевистской партии в первые послереволюционные месяцы.¹ В статьях четко прозвучали оценки объединительных тенденций в партии большевиков, позиции газеты «Правда», Манифеста Русского бюро ЦК «Ко всем гражданам России».

Многие исследователи считали Манифест документом, призывавшим рабочих к образованию Совета, несмотря на то, что в нем говорится о Временном революционном правительстве, а не о Совете. Такая точка зрения подкреплялась высокой оценкой Манифеста, высказанной В.И. Лениным в работе «О задачах РСДРП в русской революции». Э.Н. Бурджалов был

одним из первых историков, высказавших иное мнение и считавшим отсутствие в Манифесте упоминания о Совете его недостатком.

В статье приводится дата выпуска Манифеста — 28 февраля 1917 г., что представляется неточным. Позднее в специальной статье Х.М. Астрахана будет убедительно доказано, что датой первой его публикации было 27 февраля 1917 г.²

Проблемы тактики большевиков в марте-апреле 1917 г. нашли освещение и в работах других исследователей.³ Новые подходы в освещении деятельности Петроградского Совета проявились в статьях И.И. Минца, одного из крупнейших специалистов по истории русских революций.¹

Среди статей, опубликованных в «исторических записках», имеющих отношение к истории столичного Совета, выделим работу Г.Н. Голикова и Ю.С. Токарева, посвященную обстоятельствам апрельского кризиса, и Д.В. Ознобишина о политической борьбе в Совете в марте 1917 г.⁵

Активизация исследований истории Петроградского Совета прослеживается и в появлении публикаций по этой проблеме в сборниках научных работ. Правда, большая их часть посвящена одному вопросу — большевизации Советов.⁶ Но и в них заметен процесс переосмысления фактического материала.

Но наиболее значительный вклад в изучение Совета внесли статьи, опубликованные в рамках дискуссии по истории его создания, развернувшейся на страницах журнала «История СССР» в 1964—1965 гг. Первая из них «Создание Петроградского Совета» принадлежала перу видного историка Г.И. Злоказова, отстаивавшего тогда традиционные взгляды на состав и численность Совета и факторы, на них повлиявшие.⁷ В статьях С.А. Артемьева и М.Н. Потехина на основе новых архивных и статистических данных высказывались иные взгляды.⁸ Они наряду с определением численности Совета и его секций главное внимание сосредоточили на уровне сознательности представителей рабочего класса, который в конечном счете и определил преобладание в Совете меньшевиков и эсеров.

Подробный анализ дискуссии в целом и отдельных ее статей был произведен Ю.С. Токаревым в монографии, вышедшей в 1976 г.,⁵ в которой автор поддерживал новые подходы к теме и высказывал соображения, которые не утратили своего значения и в настоящее время.

Активизация исторических исследований сказалась и в выходе большого числа монографических трудов. Одним из традиционных направлений советской историографии, сложившихся еще в 1920-е годы, было изучение рабочего класса в 1917 г. Это направление получило дальнейшее развитие.

Продолжалась, в частности, работа по подготовке истории отдель-

ных предприятий. Среди вышедших в это время можно отметить три выпуска книги «Бастионы революции», в которых помещались отдельные части вышедших ранее исследований.¹⁰ Среди лучших трудов по этой проблематике можно выделить третье издание фундаментального труда по истории крупнейшего завода Петрограда — Путиловского.¹¹

Крупным исследованием, безусловно, явилась монография З.В. Степанова, посвященная пролетариату Петрограда в 1917 г.¹² Изучение документов Петроградского Совета привело автора к выводу, что «... не изучена деятельность рабочей секции Петроградского Совета, слабо освещены связи и взаимоотношения массовых пролетарских организаций».¹³ Действительно, большая часть архивных источников по истории Совета в то время еще не была введена в научный оборот.

Значительный вклад в историографию рабочего класса внесли, бесспорно, тесно связанные по проблематике монографии П.В. Волобуева.¹⁴ Новые подходы проявились уже в первой из них, основанной на новых архивных источниках (около 80 фондов семи архивов). В ней, в частности, нашла отражение экономическая программа Петроградского Совета, разработанная группой видных экономистов под руководством В.Г. Громана и принятая 16 мая 1917 г. на заседании Исполнительного комитета Совета.¹⁵ Она предусматривала «планомерную организацию народного хозяйства и труда», государственный контроль и регулирование экономики, подчинение интересов классов «общегосударственным интересам». По существу, это была программа вывода страны из экономического кризиса, и не случайно многие ее положения были позднее использованы советским правительством. Проблемы, затронутые в книге П.В. Волобуева, получили дальнейшее освещение в его монографии, посвященной пролетариату и буржуазии в 1917 г. Рассматривая в ней отношения труда и капитала, автор справедливо пишет об «...ослаблении влияния большевиков, росте влияния меньшевиков и эсеров».¹⁶ Нельзя не согласиться и с тем выводом, что «... буржуазия к моменту Февральской революции превзошла пролетариат по степени организации».¹⁷

Конечно, материалы обеих монографий освещают проблематику с классовых позиций, но в то же время их исследовательский характер, новизна подходов представляются несомненными.

История Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов находила определенное отражение в работах, рассматривавших в целом революционный процесс в 1917 г., а также в книгах, посвященных партии большевиков. Эта литература очень неравнозначна, наряду с серьезными исследованиями продолжают выходить работы, написан-

ные по старым, догматическим схемам.

Так, в книгах С.И. Мурашова, Г.А. Фавстова и В.А. Шварева, носящих в целом пропагандистский, популярный характер, практически полностью отсутствует научно-справочный аппарат, содержится большое количество старых, сталинских положений.¹⁸ Среди общих работ по истории Октябрьской революции выделим наиболее значительные. Это ряд коллективных монографий, а также труды И.И. Минца, Г.Н. Голикова, Н.Я. Иванова и И.П. Лейберова.¹⁹ В них в той или иной степени найдено отражение и история Петроградского Совета.

Наиболее полно сюжеты, связанные с образованием и деятельностью Совета, освещены в коллективной монографии ленинградских историков, вышедшей в 1967 г. Эта книга и на сегодняшний день представляется одним из лучших исследований истории революции 1917 г. В первых трех главах, написанных Р.Ш. Ганелиным, достаточно детально проанализирован процесс создания и функционирования Петроградского Совета до апреля 1917 г.

В них приводятся данные о составе Петроградского Совета, его исполкома, контактной комиссии, основанные на широком круге источников. Но не со всеми наблюдениями автора можно согласиться. Так, утверждение, что «... Совет нужен был Керенскому лишь для проформы», на наш взгляд, излишне категорично.²⁰ Должность товарища председателя Петроградского Совета значительно укрепляла позиции А.Ф. Керенского во Временном правительстве.

В четвертой главе, написанной Ю.С. Токаревым, освещается революционный процесс в апреле 1917 г. и в особенности обстоятельства политического кризиса, произошедшего в этом месяце. Особый интерес представляет анализ действий Петроградского Совета по борьбе с антибольшевистской истерией, а также кампанией, направленной на раскол рабочих и солдатских масс в связи с установлением в Петрограде 8-часового рабочего дня. На заседаниях 10 и 15 апреля исполком принимает специальные резолюции и действия о недопустимости насилия над лидерами большевиков, в частности В.И. Ленина, направленные в воинские части специальных делегаций.²¹ Эти сюжеты ранее в исследовательской литературе практически не освещались.

В пятой главе подробно анализируются события мая-июня 1917 г. Ее автор В.И. Гинев много внимания уделил политике Петроградского Совета в это время. В частности, анализируется экономическая программа Совета, принятая на заседании исполкома 16 мая, отношение Совета к так называемому «кронштадтскому инциденту». По наблюдениям автора, уже к концу мая половина состава рабочей секции была

большевистской, о чем свидетельствовало голосование секции 31 мая по вопросу о разгрузке Петрограда.

В шестой главе, написанной О.Н. Знаменским, подробно рассмотрены сюжеты, связанные с июльским политическим кризисом. Роль Петроградского Совета в июльских событиях не была значительной, но она получила достаточно полное освещение.

Две главы исследования специально посвящены анализу состоянию экономики Петрограда в 1917 г.

Девятая глава, принадлежащая перу Ю.С. Токарева, целиком посвящена изучению возникновения и разгрома корниловского мятежа. Ю.С. Токарев отмечает рост влияния большевиков в рабочей секции Совета, а также повышение роли районных советов и междурайонного содействия советов. В то же время он приходит к выводу, что «повлечение депутатской массы Совета не сказалось на деятельности Исполнительного комитета, происходит свертывание его деятельности, превращение из общероссийского органа в петербургский придаток ЦИКа».²² В главе впервые с такой полнотой рассмотрена деятельность Комитета народной борьбы с контрреволюцией при ЦИК.

В заключительных главах работы, написанных В.И. Старцевым, освещаются проблемы подготовки и проведения Октябрьской революции, где также значительное место отводится истории Петроградского Совета.

В коллективном исследовании ленинградских историков в наибольшей степени проявились новые подходы в изучении революционного процесса 1917 г., принципы объективности и научности. В книге Н.Я. Иванова и И.П. Лейберова впервые в одной работе была представлена деятельность петроградских большевиков в трех российских революциях.²³

В ней нашло отражение и участие большевиков в работе Петроградского Совета. Авторы прослеживают динамику роста фракции большевиков, оформившейся раньше других партий. «В Петроградском Совете в начале марта большевистская фракция состояла всего из 22 человек, к концу месяца из 65 человек, а в середине апреля насчитывала около 120 человек» — такие данные приводятся в книге.²⁴ Они основаны на статье председателя фракции М.Д. Крымова, опубликованной в газете «Правда» от 27 мая 1917 г. Эти данные и в настоящее время не вызывают сомнений и коррелируют с другими источниками. В работе подчеркивается, что фракция «... была единой и сплоченной в противоположность эсеровской и меньшевистской фракциям, которые дробились на группы и группочки (левых, правых, центр и т.п.)».²⁵ Такое утверждение не является достаточно обоснованным. Действительно, фракция стала таковой, но отнюдь не сразу, а только после приезда в Петроград

В.И. Ленина, впервые присутствовавшего на ее заседании 10 апреля 1917 г.

Авторы прослеживают процесс досрочных выборов депутатов Петроградского Совета, в ходе которого представительство большевиков, особенно в рабочей секции, постоянно увеличивалось. И с этой точки зрения решение исполкома Совета о порядке частичных перевыборов справедливо рассматривается как попытка помешать большевизации Совета.

Новым направлением в историко-партийной литературе стало изучение партийной печати в 1917 г. Ее созданию посвящена статья Х.М. Астрахана и И.С. Сазонова.²⁶ По подсчетам авторов в октябре выходило 75 газет и журналов, в том числе 25 ежедневных газет.²⁷

Выходят монографии, в которых большевистская печать изучена как в целом по стране, так и отдельно столичная.²⁸ Специальному исследованию материалов газеты «Правда» в 1917 г. посвящена коллективная монография, вышедшая в 1962 г.²⁵

Во всех этих работах затрагивается история Петроградского Совета, но специального изучения «советской» проблематики на страницах большевистских периодических изданий не проводилось.

В историко-партийной науке перемены ощущались в меньшей степени по причине ее более тесной связи с официальной агитацией и пропагандой и политизированности. Так, в объемистой монографии И.Ф. Петрова, также относящейся к общим работам, охватывающим историю всего революционного 1917 г., по-прежнему утверждалось о заданном™ и неизбежности Октябрьской революции, инициатива в создании Петроградского Совета целиком приписывалась большевикам.³⁰ История Совета, казалось бы, занимает в ней большое место, но на самом деле не вносятся новых наблюдений и источников - это лишь фон, на котором действует РСДРП(б).

Свидетельством расширения проблематики исследований революционного процесса 1917 г. стал выход монографии В.В. Комина, посвященной политическим партиям России.³¹ В ней впервые прослежена деятельность всех партий в 1917 г. Особый интерес представляет история партий, входивших в состав Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и участвовавших в его создании.

Создание Совета рассматривается в монографии с традиционных для советской историографии позиций. Вся инициатива образования советов приписывается большевикам, а слабые их позиции в Петроградском Совете объясняются отсутствием лидеров партии (эмиграция и ссылки), изменением в составе пролетариата, «мелкобуржуазной волной».³²

Изменившаяся историографическая ситуация способствовала появлению целого ряда исследований, непосредственно посвященных Фев-

ральской революции в России. В 1959 г. выходит монография Е.Д. Черменского, в которой нашли отражение и проблемы, связанные с образованием Петроградского Совета и его деятельностью.³³ Автор не вышел за рамки устоявшихся представлений о большевиках как инициаторах организации Совета и причинах преобладания в нем меньшевиков и эсеров.

Наряду с работами, продолжавшими традиции предыдущего историографического этапа, появляются и работы, в которых отчетливо заметен отход от старых догм и представлений. Среди них выделяются труды Э.Н. Бурджалова и И.П. Лейберова,³⁴ которые характерны использованием ранее неопубликованных архивных материалов и новыми подходами к проблематике.

В монографии Э.Н. Бурджалова впервые выдвинут тезис о «равноправном» участии большевиков и меньшевиков в создании Совета. «И большевики и меньшевики выступали за организацию Совета, но они по-разному решали вопрос о власти и потому по-разному понимали значение Совета», — считал он.³⁵ И с этой точки зрения совещание 25 февраля он рассматривал как «одну из первых попыток создать Совет рабочих депутатов».³⁶

Наряду с другими исследователями Э.Н. Бурджалов подверг критике руководство большевиков, недооценивших решение вопроса по организации Совета, что привело к утрате инициативы.

Как и ряд других историков, Э.Н. Бурджалов не считает выход Манифеста Русского бюро ЦК призывом к проведению выборов в Совет.³⁷ Впервые в советской историографии автор расценил как положительное решение — представительство в Совете непролетарских слоев.³⁸ Им также был проведен анализ состава и численности первого собрания Совета, освещен порядок и ход выборов в конце февраля — начале марта 1917 г.

Полемизируя со сторонниками объяснения расстановки сил в Совете нормами представительства, Э.Н. Бурджалов обосновал свою точку зрения: «Состав и деятельность СР и СД отражали уровень сознательности и организованности трудящихся. Недостаточное понимание массами рабочих и солдат своих классовых интересов, влияние мелкобуржуазной стихии, разбуженной революцией, обусловили соотношение сил внутри Совета рабочих и солдатских депутатов. Большинство депутатов Петроградского Совета находились под влиянием меньшевиков и эсеров».³⁹ Влияние этих партий было преобладающим и на крупнейших предприятиях города.

В книге Э.Н. Бурджалова деятельность Совета в дни Февральской революции и возникновение двоевластия освещена наиболее полно.

Автор подчеркнул, что «Совет выполнял отдельные функции государственной власти, но не полно, непоследовательно».⁴⁰ Участвуя в переговорах о создании Временного правительства, «Исполнительный комитет Совета не выдвинул перед будущим правительством социально-экономических требований, об отношении к войне и миру, о принципах внешней политики».⁴¹

В книге И.П. Лейберова весьма критически оценивается деятельность Русского Бюро ЦК и А.Г. Шляпникова по вопросам вооружения рабочих, позднего издания Манифеста и игнорирования инициативы Выборгского райкома партии по организации выборов в Совет рабочих депутатов.⁴² И.П. Лейберов в более традиционном ключе рассматривает содержание Манифеста: «В нем пока еще прямо не говорилось о необходимости создания Совета рабочих депутатов, но, выдвигая задачу образования Временного революционного правительства, Бюро имело в виду, что это правительство будет организовано Советом рабочих депутатов».⁴³ В целом же в книге также отчетливо просматривается новый подход к теме Февральской революции.

Историографический этап отмечен появлением первых монографий, в которых история Петроградского Совета в 1917 г. исследуется специально. Первой такой монографией стало исследование Л.Ф. Карамышевой.⁴⁴ Ранее тема Петроградского Совета находила отражение только в статьях и работах общего характера, посвященных в целом революционному процессу 1917 г. Книга Л.Ф. Карамышевой также в значительной степени представляет собой общий очерк революционных событий и даже название ее выдержано в традициях советской историографии.

Ее исследование основано на опубликованных источниках и материалах периодической печати, и с этой точки зрения в нем практически отсутствует научная новизна. Более того, книга содержит большое количество фактических ошибок и устаревших положений. Достаточно сказать, что автор утверждала об отсутствии протоколов Петроградского Совета.⁴⁵ Очень точно выразили в опубликованной рецензии на эту работу В.И. Старцев и Ю.С. Токарев ее значение: «Неудачное решение важной проблемы».⁴⁶

История Петроградского Совета проанализирована в монографии ленинградского историка М.Н. Потехина.⁴⁷ Но она главным образом посвящена истории послеоктябрьского Совета, истории Совета от февраля до октября отведена лишь первая глава и один параграф — второй. Оценивая состояние изученности проблемы, М.Н. Потехин отметил, что «литература по истории Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов сравнительно невелика. Больших работ, монографий по ис-

тории Петроградского Совета нет».⁴⁸

М.Н. Потехин вслед за Л.Ф. Карамышевой также считал, что протоколы Совета не сохранились, что не соответствовало действительности. Анализ источников и литературы позволил ему сделать вывод, что «... история Петроградского Совета с февраля по октябрь 1917 года далеко не изучена и ждет своего исследователя».⁴⁹

Большую ценность представляет опубликованный им список депутатов Совета, избранных в августе - декабре 1917 г. по секциям, заводам и воинским частям, несмотря на всю его неполноту. Работы М.Н. Потехина по ряду вопросов истории Совета носили, безусловно, новаторский характер и внесли существенный вклад в историографию проблемы.

Наряду с монографиями, в которых история Совета изучается специально, в эти годы выходит целый ряд исследований по отдельным проблемам революции 1917 г. Новаторский характер носила, в частности, книга Ю.С. Токарева, посвященная правотворчеству народных масс.⁵⁰ В ней народное правотворчество, вызванное к жизни революцией, получило наиболее полное отражение. Глубоко проанализировав процесс народного правотворчества, Ю.С. Токарев пришел к выводу, что источником его были советы, ставшие зачаточной формой государственной власти.⁵¹ Действительно, из всех возникших в ходе революции массовых организаций советы, в особенности Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, были наиболее авторитетными. И с этой точки зрения нормативные акты, выработанные в процессе создания советов, имели наибольшее значение. Ю.С. Токарев предположил и типологию таких: «...1) обращения к населению инициативных групп по созданию Советов; 2) обращения и постановления общегородских и сельских собраний и митингов населения, рабочих, солдатских и иных собраний; 3) постановления учредительных собраний Советов; 4) уставы Советов, положения о них, инструкции о выборах депутатов».⁵²

На основе анализа уставов и положений автору удалось определить и основные направления советской деятельности.⁵³ В монографии затрагивается и такой, традиционный для исследователей советов вопрос, как причины преобладания в Петроградском Совете партий меньшевиков и эсеров. И здесь Ю.С. Токареву не удалось выйти за рамки устойчивого в советской историографии утверждения о приходе в политику мелкобуржуазных масс, репрессий против большевиков как основных причин. Нельзя согласиться и с тезисом, что реальное представительство большевиков «не вызвало утраты их влияния на положение дел в Советах».⁵⁴

Большевикам пришлось вести долгую борьбу за Петроградский Со-

вет. Ю.С. Токарев выделяет в качестве одного из важнейших принципов революционного права право отзыва избирателями своего депутата. «В этом демократизм Советов, принципиальное отличие от буржуазного парламентаризма. Избиратели получали реальное право контролировать деятельность своего депутата и заменять его другим. Право отзыва делало Советы чрезвычайно гибким политическим аппаратом, чутко реагирующим на изменение политической обстановки». ⁵⁵ И с этим положением, конечно, нельзя не согласиться, но с другой стороны, депутат утрачивал самостоятельность, становился полностью зависимым от политической конъюнктуры. Следует отметить, что обращение Ю.С. Токарева к истории народного правотворчества в 1917 г. остается самой значительной работой в этой области и по настоящее время.

Существенный вклад в изучение Петроградского Совета внесли монографии ленинградских историков Ю.С. Токарева и О.Н. Знаменского, посвященные политическим кризисам 1917 г. ⁵⁶ Роль Петроградского Совета в разрешении апрельского кризиса, как известно, была очень значительной.

В книге Ю.С. Токарева, развивавшей наблюдения, сделанные им в большой статье совместно с Г.Н. Голиковым, опубликованной еще в 1956 г. в журнале «Исторические записки», детально прослежены все обстоятельства кризиса на основе документальных материалов. Это исследование представляется наиболее объективным и полным в отечественной историографии.

Обстоятельства июльского кризиса наиболее полно и объективно, на основе документальных источников рассмотрены в книге О.Н. Знаменского. Роль Петроградского Совета в разрешении июльского кризиса, особенно по сравнению с ролью ЦИК советов, его Президиума, политических партий, была значительно скромнее, чем в период апрельского кризиса.

Тем не менее в работе О.Н. Знаменского анализируется, в частности, знаменитое заседание Рабочей секции Петроградского Совета 3 июля 1917 г., на котором было принято решение о поддержке большевиков и переходе власти к советам. ⁵⁷

Как совершенно справедливо пишет Б.Д. Гальперина: «Даже общеполитическая обстановка „хрущевской оттепели“ не позволила автору в 1963-1964 гг. еще во весь голос говорить о роли тех или иных деятелей большевистской партии в событиях 3 июля». ⁵⁸ Объективно анализировать деятельность таких политических лидеров, как Л.Б. Каменев, Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, в те годы было еще невозможно.

Отношение Петроградского Совета к организации рабочей мили-

ции и Красной гвардии на протяжении марта 1917 - апреля 1918 гг. прослежено в самом значительном исследовании по этой теме - монографии В.И. Старцева.⁵ Как известно, Исполком Петроградского Совета в ночь на 28 февраля 1917 г. принял предложения большевиков об организации рабочей милиции. Но уже 7 марта 1917 г. Исполком Совета принимает решение об объединении рабочей милиции с городской при условии сохранения за Советом контроля над кандидатами.⁶⁰

В.И. Старцев, на основании анализа документальных источников, пришел к выводу, что это объединение было чисто формальным, и с марта по июль шел процесс сокращения милиции.

Третья и четвертая главы исследования посвящены созданию первых структур Красной гвардии и формированию массовых ее организаций в период корниловского мятежа и подготовки Октябрьского восстания. В них четко прослежено негативное отношение Петроградского Совета к Красной гвардии в апреле — августе 1917 г. и рост ее рядов с одобрения уже большевистского Совета в конце августа — октябре 1917 г. Несмотря на трудности историографического этапа 60-х годов, эта работа В.И. Старцева представляется достаточно объективной и полной.

Целый ряд внешнеполитических аспектов деятельности Петроградского Совета нашли отражение в работах по истории внешней политики Временного правительства. Большая их часть посвящена отношениям России с отдельными странами-союзниками.⁶¹ В них содержится, в частности, ценный материал об отношении правительств Англии, Франции, США, Италии и представлявших их в России послов к Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов.

Характерно поведение посла США Д. Френсиса: «Посла очень встревожило образование Петроградского Совета, тем более, что призыв большевистского Манифеста ЦК РСДРП к совместной с пролетариями воюющих стран борьбе за прекращение войны он принял за исходящее от Совета. Возвания и распоряжения Совета, особенно известный приказ № 1, Френсис считал „вызывающим тревогу у всех законопослушных граждан“ и вечером 1 марта решил отправиться в Таврический дворец, чтобы самому побывать на заседании Совета».⁶²

Совет в разное время посетили не только Френсис, но и другие послы союзных держав. Эти визиты не способствовали улучшению отношения к Совету, но вынуждали реагировать на существование такого центра власти, каким он был. Именно в это время Петроградский Совет получает приветствия от рабочих и социалистических партий стран-союзников России. «Четвертого марта они (лидеры лейбористов) по просьбе правительства прислали приветственные телеграммы „вождям

русской рабочей партии" Керенскому и Чхеидзе». ⁶³ «Руководство Итальянской социалистической партии 22 марта официально выразило свое отношение к русской революции, отправив приветственную телеграмму Н.С.Чхеидзе — председателю Петроградского Совета». ⁶⁴ Организацией подобного приветствия озаботился и Френсис. Так, в телеграмме, адресованной государственному секретарю Лансингу, он пишет, что «телеграмма от Гомперса и других известных рабочих лидеров непосредственно петроградским рабочим лидерам, или через посольство, если он предпочтет это, была бы своевременна и полезна». ⁶⁵ Как известно, такие телеграммы в адрес Н.С. Чхеидзе были отправлены.

Для влияния на Петроградский Совет использовался и метод посылки делегаций на длительный срок, состоящих в основном из деятелей социалистических партий и членов правительств в Великобритании, Франции, Италии, Бельгии. Главной целью союзников было обеспечить продолжение участия России в войне. Если Временное правительство решительно заявляло о верности союзническому долгу, то Петроградский Совет все же декларировал приверженность борьбе за справедливый мир.

С этой точки зрения в этих исследованиях анализируется самый значительный внешнеполитический документ Петроградского Совета - обращение, известное так же как Манифест «К народам всего мира». В это время доминировала негативная оценка этого документа как соглашательского, оборонческого, расплывчатого. Бесспорно сыграли свою роль резкие оценки В.И. Ленина обращений Совета, такие как «величайшая теоретическая путаница», «пустыня и лживая мелкобуржуазная болтовня, лишь усыпляющая народ». ⁶⁶ Такие оценки, конечно, не способствовали объективному анализу документа.

В 1966 г. выходит одна из первых монографий, посвященных в целом внешней политике Временного правительства. ⁶⁷ В ней деятельность Петроградского Совета отражена более подробно. Автор также расценивает и приветствия Совету, и приезд делегаций как формы давления. ⁶⁸

В.С. Васюков, как и другие исследователи, указывает на то обстоятельство, что «...в течение первых двух недель своего существования Петроградский Совет, можно сказать, вообще не проявил никакой активности в сфере внешней политики». ⁶⁹ Объяснения этого факта в его монографии не приводятся. На наш взгляд, здесь огромную роль сыграло стойкое убеждение меньшевиков и эсеров, что поскольку революция является буржуазной, то и власть должна принадлежать буржуазии. Так же, как и другие исследователи, В.С. Васюков весьма критически относится к обращению Петроградского Совета «К народам всего мира», но в то же время обращает внимание на его негативное вос-

приятие и Временным правительством и союзниками.⁷⁰

Следует сказать, что далеко не все аспекты внешнеполитической деятельности Совета нашли отражение в анализируемых исследованиях по истории внешней политики России в 1917 г., но сам факт обращения к этим сюжетам свидетельствовал о расширении проблематики.

Подводя итоги развитию отечественных исследований истории Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. в этот период, следует отметить их важность и значимость. Именно в это время была подвергнута ревизии и критике «сталинская» историография, получили дальнейшее развитие многие перспективные идеи и начинания 1920-х годов. Тогда же появились первые работы исследователей в контексте оказавшегося очень плодотворным и результативным «нового направления».

Примечания

- ¹ *Бурджалов Э.Н.* О тактике большевиков в марте-апреле 1917 г. // Вопросы истории. 1956. № 4. С. 38-56.; *Бурджалов Э.Н.* Еще о тактике большевиков в марте-апреле 1917 г. // Там же. № 8. С. 109-114.
- ² *Астрахан Х.М.* О первом издании Манифеста ЦК РСДРП(б) «Ко всем гражданам России» // Вопросы истории КПСС. 1964. № 6. С. 64-65.
- ³ *Бугаев Е.М.* К вопросу о тактике партии в марте-апреле 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1957. № 1. С. 13-36; *Евграфов В.Е.* Некоторые вопросы тактики партии в марте — начале апреля 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1962. № 3. С. 35-61.
- ⁴ *Миц И.И.* 1) Об освещении некоторых вопросов истории Великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы истории КПСС. 1957. № 2.; 2) Развитие взглядов Ленина на Совет (1905 - апрель 1917) // Там же. 1960. № 2.
- ⁵ *Голиков Г.Н., Токарев Ю.С.* Апрельский кризис 1917 г. // Исторические записки. 1956. № 57; *Ознобишин Д.Б.* Борьба большевиков с соглашателями в Петроградском совете (март 1917 г.) // Исторические записки. 1963. № 73.
- ⁶ *Артемов С.А.* Борьба за большевизацию Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в период двоевластия // Труды Московского института механизации и электрификации сельского хозяйства. Т. 5. Вып. 2. 1952; *Червяков Д.Е.* Борьба большевиков за советы в период мирного развития революции (март-июнь 1917 г.) // Труды Ленинградского библиотечного института. 1960. Т. 7; *Шурыгина А.П.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции // Научные записки Ленинградского инженерно-строительного института. 1978. Вып. 1.
- ⁷ *Злоказов Г.И.* Создание Петроградского Совета // История СССР. 1964. № 5.

- Артемов С.А.* Состав Петроградского Совета в марте 1917 г.// История СССР. 1964. № 5; *Потехин М.Н.* К вопросу о возникновении и составе Петроградского Совета в 1917 г.// История СССР. 1965. № 5.
- Токарев Ю.С.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте - апреле 1917 г. Л., 1976. С. 114-125.
- Бастионы революции. Л., 1957, 1959, 1960.
- Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А.* История Путиловского завода. М., 1961.
- Степанов З.Б.* Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. М.; Л., 1965.
- Там же. С. 23.
- Волобуев П.В.* 1) Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; 2) Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1974.
- Волобуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 66.
- Волобуев П.В.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1974. С. 41.
- Там же. С. 55.
- Мурашов С.* Как победила Великая Октябрьская социалистическая революция. М., 1957; *Фавстов Г.А., Шварев В.А.* Февральская революция 1917 года в России. М., 1956.
- Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Ч. I (1883 - октябрь 1917). Л., 1962; История Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1962; Петроградские большевики в Октябрьской революции. Л., 1957; История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VII. М., 1967; История Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Кн. 1-2. Л., 1967; *Миц И.И.* История Великого Октября. Т. 1-2. М., 1967-1968; *Голиков Т.Н.* Очерк истории Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1959; *Иванов Н.Я., Алейберов И.П.* Петроградские большевики в трех революциях. Л., 1966.
- Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967. С. 90.
- Там же. С. 204-205.
- Там же. Кн. II. С. 107-108.
- Иванов Н.Я., Алейберов И.П.* Петроградские большевики в трех революциях. Л., 1966.
- Там же. С. 257.
- Там же. С. 251.
- Астрахан Х.М., Сазонов И.С.* Создание массовой большевистской печати в 1917 г.// Вопросы истории. 1957. № 1.
- Там же. С. 87.
- Будников В.П.* Большевистская партийная печать в 1917 г. Харьков, 1959; *Бережной А.Ф., Астрахан Х.М., Сазонов И.С.* Большевистская печать в борьбе за власть Советов (март — октябрь 1917 г.). Л., 1960; *Сазонов И.С.*

- Большевистская печать Петрограда в 1917 г. Л., 1963.
- Заславский Б., Сазонов И., Астрахан Х.* Правда 1917 года. М., 1962.
- Петров И.* Стратегия и тактика партии большевиков в Октябрьской революции. М., 1957.
- Кожин В.В.* Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965.
- Там же. С. 126-127.
- Черменский Е.Д.* Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1959.
- Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967; *Аейберов И.П.* Свержение царизма. Л., 1967.
- Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 209.
- Там же.
- Там же. С. 269-270.
- Там же. С. 224.
- Там же. С. 366.
- Там же. С. 281.
- Там же. С. 319.
- Аейберов И.П.* Свержение царизма. Л., 1967. С. 68.
- Там же. С. 90-91.
- Карамышева Л.Ф.* Борьба большевиков за Петроградский Совет (март - октябрь 1917 г.). Л., 1964.
- Там же. С. 7.
- Старцев В.И., Токарев Ю.С.* Неудачное решение важной проблемы// Вопросы истории. 1965. № 11. С. 163-164.
- Потехин М.Н.* Первый Совет пролетарской диктатуры. Очерки по истории Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917-1918. Л., 1966.
- Там же. С. 11.
- Там же. С. 14.
- Токарев Ю.С.* Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции (март-октябрь 1917 г.). М.; Л., 1965.
- Там же. С. 3.
- Там же. С. 20.
- Там же. С. 35.
- Там же. С. 22.
- Там же. С. 35.
- Токарев Ю.С.* Апрельский кризис. Л., 1967; *Знаменский О.Н.* Июльский кризис 1917 года. М.; Л., 1964.
- Знаменский О.Н.* Июльский кризис 1917 года. С. 65, 75-76.
- Гальперина Б.Д.* Июльский кризис и Петроградский Совет // Историк и революция. СПб., 1998. С. 153.

- Старцев В.И.* Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции (март 1917 - апрель 1918). М.; Л., 1965.
Там же. С. 50.
- Иоффе А.Е.* Русско-французские отношения в 1917 г. (февраль-октябрь 1917 г.). М., 1958; *Игнатьев А.В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль-октябрь 1917 г.). М., 1966; *Кирова К.Э.* Русская революция и Италия. Март—октябрь 1917. М., 1968; *Ганелин Р.Ш.* Россия и США. 1914-1917. Очерки по истории русско-американских отношений. Л., 1969.
- Ганелин Р.Ш.* Россия и США. 1914-1917. С. 163.
- Игнатьев А.В.* Русско-английские отношения. С. 132.
- Кирова К.Э.* Русская революция и Италия. С. 85.
- Ганелин Р.Ш.* Россия и США. 1914-1917. С. 178.
- Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 32. С. 278; Т. 31. С. 124.
- Васюков В.С.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1966.
Там же. С. 55.
Там же. С. 78.
Там же. С. 81-84.

Февральская революция, завершившаяся свержением самодержавия в России, побудила многие народы, находившиеся в составе империи, начать борьбу за самоопределение и обретение полной независимости. Передовая часть Российского общества всегда с пониманием относилась к борьбе финского народа против ущемления его прав и свобод. Финляндия имела статус Великого княжества в составе Российской империи, а в титул императора всероссийского входило наименование Великий Князь Финляндский. Управление княжеством, вошедшим в состав Российской империи в 1809 г., осуществлялось на основании конституции, дарованной Финляндии Александром I. Впоследствии права финнов неоднократно ограничивались, что явилось причиной недовольства населения политикой русского самодержавия в отношении Финляндии.

Временное правительство, пришедшее к власти в марте 1917 г. и состоявшее в основном из представителей партий кадетов и октябристов, в отношении Финляндии считало себя правопреемниками Великого Князя Финляндского. В подавляющем большинстве

**М. В. ФЕДОРОВ
ПРОБЛЕМА
САМООПРЕДЕЛЕНИЯ
ФИНЛЯНДИИ В
1917 г. И ГАЗЕТА
«ИЗВЕСТИЯ
ПЕТРОГРАДСКОГО
СОВЕТА РАБОЧИХ
И СОЛДАТСКИХ
ДЕПУТАТОВ»**

это были люди, которые еще при самодержавии отстаивали в Государственной думе права финского народа, к ним в первую очередь относились новый генерал-губернатор Финляндии М.А. Стахович, ключевые фигуры Временного правительства Г.Е. Львов, П.Н. Миллюков. Все они, по заключению финского историка Осмо Юссилы, «сохранили свое благожелательное отношение к Финляндии». Однако теперь, по признанию того же Юссилы, они стали государственными деятелями: «Теперь финнам нужно было урегулировать отношения с ними».¹

Особенностью политической ситуации в России в первые месяцы революции было существование двоевластия, когда еще до провозглашения Временного правительства в Петрограде возник Совет рабочих депутатов, контролировавший положение в столице и на определенных условиях уступивший власть Временному правительству. Но и после этого Совет пользовался огромным влиянием, его поддерживали рабочие Петрограда и ему, фактически, подчинялся огромный почти четырехсоттысячный столичный гарнизон. Ни одно сколько-нибудь важное

решение не могло быть принято без согласования или, как минимум, без оглядки на Совет. Ведущие роли в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов играли социал-демократы во главе с председателем Совета Н.С. Чхеидзе, его заместителем М.И. Скобелевым и вернувшимся из ссылки И.Г. Церетели.

Эта ситуация давала финляндским социал-демократам, пришедшим к власти в 1917 г., огромные надежды на решение вопроса о самоопределении Финляндии. Уже первая ознакомительная поездка, предпринятая представителями Совета в Гельсингфорс, показала, какие надежды финская сторона возлагала на русскую революцию. Выступая с отчетом о поездке на заседании солдатской секции Совета 6 марта 1917 г., М.И. Скобелев отмечал радужные приемы, а новые отношения между народами он определил следующим образом: «Между русскими и финнами не связь деспотизма, а братские объятия двух свободных народов».²

Уверенность в поддержке Петроградского Совета, стремление социал-демократического правительства Финляндии продолжить шаги по расширению национального суверенитета и усилению классовой борьбы с капиталом укрепилась после поездки в Петроград товарища-секретаря социал-демократической партии Финляндии К.Х. Виика. В ответ на приветствия финской делегацией русской революции 21 марта 1917 г. Н.С. Чхеидзе на заседании Рабочей секции Петроградского Совета напомнил о том, как финны помогали русским социал-демократам, укрывая их на своей территории от преследования царизма. Он провозгласил начало новой эры в России, «которая даст им вместе со всеми возможность объединенными силами пойти стремительно вперед для завоевания свободы, которая необходима, чтобы нам гигантскими шагами пойти к осуществлению идеалов социализма».³

Социалисты-революционеры, наряду с социал-демократами игравшие ведущую роль в Петроградском Совете, занимали в отношении Финляндии сходные позиции, более того, их признание права нации на самоопределение не было связано с идеей классовой борьбы и носило общедемократический характер.

В начале марта публикации «Известий» органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов были полны доброжелательности в отношении Финляндии. 8 марта был помещен Манифест Временного правительства об утверждении конституции Великого Княжества Финляндского и о применении его в полном объеме, подтверждавший сохранение внутренней самостоятельности Финляндии, национальной культуры и языков в соответствии с конституцией страны. Газета информировала о визитах государственных и общественных деятелей

России в Финляндию. Так, сообщалось о сердечной встрече Ф.И. Родичева, назначенного министром Временного правительства по делам Финляндии, с тальманом финского парламента, в ходе которой стороны обменялись взаимными комплементами. Цитировались слова М.И. Скобелева, оповестившего финский народ, что «в жизни его наступили лучшие светлые дни».⁴

Со временем стало очевидно, что финны стремятся к полной самостоятельности. Еще во время первой поездки представителей Совета в Финляндию, состоявшейся в начале марта 1917 г., отмечалось выдвижение национальных требований, так, например, член делегации Ю. Кудрявцев в отчете о поездке сообщил, что финны требуют самоопределения.⁵ В.Н. Филипповский, член военной комиссии Петроградского Совета, посетивший Финляндию в начале мая 1917 г. вместе с А.Ф. Керенским, отметил, что, по его мнению, там «очень сильно сепаратное движение».⁶

Отказываясь предоставить Верховную власть в Финляндии Гельсингфорсу, Временное правительство ссылалось на то, что является правопреемником Великого Князя Финляндского, и поэтому ему как носителю Верховной власти в России принадлежит и Верховная власть в Финляндии. Изменить данное положение, с точки зрения правительства, могло лишь Учредительное Собрание. Финны настаивали на том, что власть над Финляндией, принадлежавшую Великому Князю, не следовало передавать Российскому обществу.⁷

Март-апрель 1917 г. прошли в непрерывных переговорах, в ходе которых финская сторона пыталась вырвать уступки от Временного правительства. После изменений в составе правительства в мае попытки зондажа были возобновлены, но позиция России осталась неизменной.⁸ В период с 28 февраля по 12 мая редакция «Известий» сохраняла определенную независимость от своего издателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Редакционное большинство составляли левые социал-демократы и большевик В.Д. Бонч-Бруевич, позволявшие себе отклоняться от политической линии соглашательского большинства.

После вхождения социалистов в состав правительства произошла чистка редколлегии «Известий», левые покинули редакцию, и с 12 мая газета стала проправительственным изданием, полностью поддерживающим действия министров-социалистов. В качестве такового газета поместила отчет о выступлении А.Ф. Керенского в Петроградском Совете о поездке в Финляндию. В нем министр оправдывался по поводу грубой речи, произнесенной в угрожающем тоне 10 мая в Гельсингфор-

се, после которой его объявили вторым Бобриковым (одиозный царский генерал-губернатор, считавшийся душителем финских свобод). Умолчав об угрозах, допущенных в речи в Гельсингфорсе, он в основном говорил о формальной невозможности предоставить независимость Финляндии властью Временного правительства без решения Учредительного собрания. Для большей убедительности Керенский решил опереться на авторитет русских революционных организаций в Финляндии, заявив, что они стоят на той же точке зрения. Только в заключительном слове он обмолвился о главном разногласии между Петроградом и Гельсингфорсом: «Финляндцы говорили, после падения царей суверенной власти русского правительства не существует».⁹

На страницах «Известий» отразилась извилистая линия политического курса Петроградского Совета по финляндскому вопросу. С одной стороны, руководители Совета, будучи социалистами, признавали право Финляндии на самоопределение, с другой - согласившись на участие своих представителей в правительстве, они вынуждены были следовать за Временным правительством, не спешившим предоставлять финнам суверенитет.

Несмотря на наметившиеся противоречия, в течение апреля-мая «Известия» в доброжелательной манере информировали читателя о событиях в Финляндии, о борьбе финского пролетариата за свои права. Так, 6 апреля было опубликовано «Воззвание финских рабочих», подписанное Финляндским союзом рабочих по металлу, сообщавшее о борьбе за введение 8-часового рабочего дня, развернувшейся в этой стране. Рабочие уверяли, что они использовали все средства для мирного разрешения конфликта, остался единственный выход - стачка. Воззвание призывало матросов и солдат революционной России не верить слухам, которые будут распускаться врагами пролетариата, будто они не хотят работать на оборону, они добиваются тех прав, что получили рабочие в России. В конце мая газета поместила приветствие финских печатников русским печатникам с выражением благодарности за помощь в установлении 8-часового рабочего дня в Финляндии.¹⁰

Важным этапом, сыгравшим значительную роль в определении правового статуса финляндских государственных органов, стал I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, проходивший в июне 1917 г. в Петрограде. Отчеты о заседаниях съезда, речи выступающих, значительная часть резолюций публиковались в «Известиях». Проблема суверенитета Финляндии, политика Временного правительства в отношении этой страны были использованы левыми социалистами, и в первую очередь большевиками, для нападков на правительство и

критики правосоциалистического большинства Советов, его поддерживающего.

Первым эту тему в ходе пленарного заседания съезда поднял В.И. Ленин, который осудил действия правительства, мелкими придирками осложнившего отношения с Украиной и Финляндией. Он особо подчеркнул, что эти территории даже не требовали отделения, а просили: «...не откладывайте до Учредительного Собрания применения азбуки демократии». С ответом на критику национальной политики правительства выступил А.Ф. Керенский. Он отверг обвинения Ленина, но говорил главным образом о своей приверженности к защите права нации на самоопределение во времена начала I мировой войны, заявив под конец: «В отношении Финляндии и Украины, мы являемся горячими защитниками их автономии».¹² В речи Керенского прозвучал новый акцент — если раньше права Временного правительства в отношении Финляндии выводились из факта правопреемственности правительства императору, то на съезде Керенский заявил: «...мы как Временное правительство, не обладающее, не желающее иметь самодержавных прав, мы до Учредительного Собрания не считаем себя вправе декретировать независимость той или другой части русской территории».¹³ Этим заявлением он переложил ответственность за затяжку разрешения кризиса с правительства на население России.

Дальнейшая борьба была перенесена на заседание секции по национальному вопросу. «Известия» опубликовали отчет о заседании 20 июня, на котором обсуждалась резолюция по национальному вопросу. Основная дискуссия по поводу принятия резолюции развернулась между большевиками А.М. Коллонтай и Е.А. Преображенским и меньшевиками М.И. Либером и Р.А. Абрамовичем, защищавшими проект секции. В своей речи Коллонтай подчеркнула необходимость включения положения о признании права нации на самоопределение. В противном случае, заявила она, у пролетариата угнетаемых стран, в том числе и Финляндии, возникает сомнение, что русские рабочие поддержат их, а не своих империалистов.

М.И. Либер убеждал участников заседания в том, что, если после окончания войны народы Польши, Литвы и Финляндии заявят о своем желании осуществить право на самоопределение, они получат его в Учредительном Собрании. Должны быть отмечены все сомнения, что всероссийская демократия желает насильственно удерживать какой-нибудь народ в рамках российского государства.

В речи Е.А. Преображенского национальная политика Временного правительства была охарактеризована как шовинистическая. Полити-

ка затягивания решения национального вопроса привела к конфликту с Финляндией и Украиной, продолжение такой политики особенно недопустимо после создания коалиционного правительства с участием социалистов, предостерегал он. Преображенский предложил резолюцию, осуждающую Временное правительство за антидемократическую политику, затягивающую разрешение национальных прав угнетенных народов России и слагающую со съезда Советов ответственность за ее последствия, приведшие к конфликтам с Финляндией и Украиной.¹⁴ Съезд отверг поправку Е.А. Преображенского.

Вероятно, выступления большевиков, хотя их резолюция и поправка и были отвергнуты съездом, произвели впечатление на делегатов. Чтобы снять это впечатление, с большой речью выступил Р.А. Абрамович, сообщивший депутатам, что резолюция по Финляндии готовилась при участии двух делегатов от социал-демократической партии Финляндии, также проголосовавших за ее принятие. Совершив экскурс в историю русско-финских отношений, доказывающий благожелательное отношение русских демократов к проблеме финской независимости, он заявил, что после того как Финляндия потребовала права на самостоятельность, «Российская демократия не может стать на другую точку зрения, кроме признания за Финляндией полного права осуществить свои законные требования».¹⁵ После такого многообещающего для финнов заявления Абрамович сделал пояснения, что речь идет о признании внутренней самостоятельности Финляндии, ее органов государственного правления в решении вопросов автономии внутренней жизни. Кроме того, подчеркнул оратор, финны и сами понимают, что полное самоопределение вплоть до отделения во время войны невозможно.

В сложившейся ситуации массам было небезынтересно узнать позицию финской стороны, до этого она доходила до них лишь в изложении. Такая возможность представилась после выступления на Съезде представителя социал-демократии Финляндии Хиттунена (в другой редакции — Хуттунена). Эта речь была опубликована в «Известиях». Позиция финнов в изложении их представителя кардинальным образом отличалась от того, что пытались выдать за нее члены Временного правительства и руководители Советов. Хиттунен подтвердил факт принятия социал-демократическим Съездом резолюции, содержащей требование независимости Финляндии. Комментируя это решение съезда, он заявил, что в марте финны настаивали только на восстановлении прав, отнятых царским правительством в 1907 г. Требование полной независимости было спровоцировано Временным правительством, за-

тянувшем на три месяца предоставление расширенных прав Сенату и Сейму Финляндии.

Далее он опроверг нападки буржуазной прессы на финских социал-демократов за принятие требования независимости, заявив, что это чаяния всех финнов. Хитуттунен высмеял утверждения, будто Финляндия, не имеющая армии, может угрожать безопасности Петрограда и России, имея населения в 60 раз меньше, чем последняя.

После пространного обоснования права народа Финляндии на независимость он призвал депутатов проявить последовательность и, наряду с признанием права на независимость за Польшей, Албанией, Сербией и Бельгией, признать такое право и за Финляндией.¹⁶

Как видно из текстов речей на I съезде Советов по финскому вопросу, представители сторон говорят, как бы не слыша и не понимая друг друга. Временное правительство только 16 июня сообщило о решении Юридического совещания расширить права Финляндского Сейма, согласно финскому проекту, с оговорками.¹⁷

К лету 1917 г. обострились экономические отношения между Россией и Финляндией. Временное правительство обратилось Сейму с просьбой предоставить займ для финансирования русских войск на территории Финляндии, а также оплаты финских военных поставок в Россию. Для ускоренного разрешения этого вопроса министр Временного правительства, делегат I съезда И.Г. Церетели обратился к его участникам с предложением послать делегацию от съезда. Съезд создал комиссию в составе эсеров В.З. Завадьё, Н.Д. Авксентьева и меньшевика, секретаря президиума Е.П. Гегечкори.¹⁸

24 июня «Известия» поместили отчет делегации съезда о поездке в Финляндию для урегулирования вопроса о займе. В отчете разъяснялось, что займ России нужен для оплаты военных заказов, сделанных в Финляндии, для содержания русских войск на ее территории, расчета за финские продукты, импортируемые Россией, и в конечном итоге эти деньги не будут вывезены за пределы страны. Как было указано в отчете, делегация съезда не прибегала к запугиванию, но и не скрывала той опасности, которую повлечет за собою отказ Финляндии. Далее выражалась уверенность, что финская автономия, все же являющаяся частью России, не откажет в помощи в момент последнего напряжения.

Ответ социал-демократической фракции Сейма показал, что договаривающиеся стороны подходят к вопросу с противоположных сторон. Если Временное правительство и поддерживавшие их Советы изыскивали все резервы для укрепления армии, то финны в качестве мер укрепления финансовой стабильности предлагали им прямо противо-

положное: высвободить рабочую силу, занятую на оборонных предприятиях в Финляндии; улучшить торговый баланс, что подразумевало вывоз хлеба из России; и убрать пришлое (читай русское) население. Ответ на предложения русской делегации финская сторона обещала дать позднее.¹⁵

Чуть позже в «Известиях» появился доклад Е.П. Гегечкори о результатах поездки, сделанный им на заседании съезда 24 июня. Хотя самым ярким результатом этой поездки явилось срочное отправление в Финляндию новой делегации, на этот раз в нее вошли первые лица ЦИК I съезда Советов: председатель ЦИК Н.С. Чхеидзе, члены ЦИК Ф.И. Дан, А.Р. Гоц, М.И. Либер, Н.Д. Авксентьев. Целью поездки было объявлено проведение переговоров с социал-демократической фракцией Сейма о взаимоотношениях между Россией и Финляндией и предоставлении финского займа.²⁰

В пространном и весьма дипломатичном докладе Гегечкори более подробно, чем в сообщении, излагались экономические трудности финнов, которые, помимо просимых 350 млн марок, уже предоставили России 700 млн марок. Товарообмен между странами сводится к вывозу финских товаров в Россию, особенно болезненным для страны было прекращение поставок хлеба из России, главного источника муки для страны, что поставило ее на грань голода.

Помимо экономических противоречий выявились и политические. Главная из них в том, что финские социал-демократы считали продолжавшуюся войну империалистической и захватнической и испытывали сомнения в необходимости ее поддерживать путем усиления лишений собственного народа. По словам Гегечкори, делегация объяснила своим оппонентам, что только победа в войне означает победу революции в России, а значит - и гарантию их свободы.²¹

В этом же номере была опубликована редакционная статья «Финляндский вопрос», призванная, вероятно, успокоить общественное мнение в России. Оценивая проект государственного устройства Финляндии, выработанного на съезде ее социал-демократической партии, газета утверждала, что он вполне приемлем для суверенитета России, поскольку требования финнов не выходят за рамки автономии времен Александра I. «Известия» даже подчеркнули тот факт, что в проекте не предусмотрено создание армии. Авторы статьи, излагая позицию финнов в таком виде, явно лукавили, так как в выступлении на I съезде Советов Хиттунен определенно заявил, что требование полной независимости есть требование всего народа Финляндии.

Не случайно в статье после такого обнадеживающего начала после-

довало совершенно нелогичное на первый взгляд предупреждение о том, что «большой ошибкой было бы одностороннее проведение нового законопроекта финляндским сеймом, как бы с преднамеренным бойкотированием Временного правительства России сего Учредительным собранием». Одновременно был сделан один из редких, в пору коалиционного министерства, выпадов в его адрес: «...Временное правительство должно, не дожидаясь каких-либо конфликтов, издать акт, удовлетворяющий справедливые требования финляндского народа», чуть ли не дословно повторявший резолюцию большевика Преображенского.²²

Далее, в этом же номере было помещено небольшое предварительное сообщение о начале переговоров делегации ЦИК. Оно носило нейтральный характер и сводилось к выявлению процессуальных расхождений при общности взглядов по существу проблемы.

Здесь же «Известия» поместили корреспонденцию «В Финляндии» о подготовке провозглашения независимости. Особо отмечалось, что главными инициаторами ускорения этого процесса явились социал-демократы, выступившие с предложением упрощения процедуры этого акта. Газета указала на существование «благоразумных элементов», так стыдливо была названа буржуазная оппозиция, стремящаяся предостеречь страну от рокового пути.²³

На следующий день в «Известиях» была опубликована большая подборка материалов «Делегация Центрального Исполнительного Комитета в Гельсингфорсе», отразившая основные этапы деятельности делегации ЦИК. Перед началом переговоров с финской стороной было проведено совещание с Областным Советом депутатов армии, флота и рабочих Финляндии и Гельсингфоргским Советом, на котором, по мнению газеты, выявилось полное единодушие во взглядах, в том числе и в вопросе о займе. Совещание отклонило предложение о контроле над рациональным использованием выделяемых средств со стороны финской социал-демократии по политическим и финансовым соображениям.

В информации о переговорах с финскими социал-демократами сообщалось, что они проходили конструктивно и в доброжелательной форме. В результате у русской делегации появилась надежда снять все разногласия, главным из которых было предложение изменить законопроект о государственном устройстве Финляндии. По мнению советской делегации, законопроект должен был быть изменен в том смысле, чтобы акт был издан Временным правительством, а не Сеймом и в самом законопроекте упомянуто, что окончательное разрешение Финляндского вопроса представляется Всероссийскому Учредительному Собранию. Первоначально финская сторона заявила, что, разделяя предложение

русской делегации по существу, не может принять их по форме и изменить законопроект и форму его утверждения. Тем не менее стороны договорились о приезде финской делегации в Петроград для окончательного урегулирования этого вопроса с Временным правительством.

Из сообщения газеты следует, что разрыв произошел перед отъездом делегации ЦИК в Петроград. Уполномоченные социал-демократической фракции Сейма заявили, что законопроект не изменят, и на утверждение Временному правительству его передавать не будут. Тем не менее Временное правительство этот проект опротестовывать не должно, так как он принят в соответствии с резолюцией съезда Советов. В связи с этим отпадает необходимость в посылке делегации.

Члены советской делегации выразили сожаления по поводу этого демарша и заявили, что, поддерживая те пределы автономии, которых добиваются финны, они не смогут поддерживать форму, в которую облечены эти требования. Язвительность ответа заключалась в том, что он повторял формулировку ответа финских социал-демократов на предложения изменить законопроект и форму его принятия.^{2,1}

В этом же номере сообщалось о предоставлении Финляндией займа в 100 млн финских марок вместо 350 млн, которые запрашивало Временное правительство.

К середине июля противоречия между Временным правительством и финляндским Сеймом привели к тому, что последний принял законопроект о государственном строе Финляндии в одностороннем порядке. 12 июля «Известия» сообщили о прибытии делегатов от социал-демократической фракции Сейма, сообщивших о принятии Закона и повторивших свою аргументацию. Позиция ЦИК также осталась неизменной: «Декрет, касающийся верховных прав Финского народа, должен исходить от Временного правительства. Окончательное решение о взаимоотношении Финляндии и России может произойти только в Учредительном Собрании».

15 июля, без комментариев редакции, в «Известиях» был опубликован «Адрес финляндского сейма», объявлявший о принятии Закона об осуществлении Верховной власти в Финляндии. Реакция Временного правительства последовала только через неделю. 21 июля в корреспонденции «Распуск Финляндского Сейма» газета объясняет причины, побудившие правительство пойти на такой шаг. Распустив Сейм и назначив новые выборы, Временное правительство, по мнению «Известий», апеллировало ко всему финскому народу, как всегда в подобных случаях газета взывала к политической мудрости руководителей сейма.

В этом же номере был опубликован текст Манифеста от 18 июля 1917 г.

и сообщение об его введении в Гельсингфорсе, которое прошло без эксцессов. Сенат под председательством генерал-губернатора решил обновить текст Манифеста 7 голосами против 6 голосов социалистов.

Временное правительство пыталось любыми средствами вынудить Сенат и Сейм Финляндии признать свое верховенство. Как сообщили «Известия», при объявлении Манифеста в Гельсингфорсе генерал-губернатор М.А. Стахович обещал, что Временное правительство немедленно утвердит закон о 8-часовом рабочем дне и общинном самоуправлении, если они будут представлены ему на утверждение, если нет, сам внесет их в новый Сейм в прежнем изложении, принятом распущенным Сеймом. Правительство исходило из того, что финская общественность чрезвычайно дорожила этими законами.²⁵

Временное правительство демонстрировало жесткость занимаемой позиции. В выступлении перед Областным комитетом Финляндии, на авторитет и вооруженную силу которого правительство собиралось опереться, М.А. Стахович предупредил, что в случае неподчинения Сейма он опечатает здание. По сообщению «Известий», областной комитет сохранил выжидательную позицию. В постановлении говорилось, что решения правительства признаются обязательными для русских граждан. Комитет согласился с тем, что финны совершили ошибку, игнорируя предложения ЦИК. Однако во избежание вооруженного столкновения нужна совместная комиссия от финских социал-демократов²⁶ Временное правительство, несомненно, рассчитывало на более определенную поддержку русских вооруженных сил в Финляндии.

В начале августа обсуждение финляндского вопроса на страницах «Известий» возобновляется с новой силой. Это обсуждение связано с обострением противостояния между финским обществом и Временным правительством. Положение усугублялось продовольственным кризисом в Финляндии, главным образом нехваткой муки, что подвело страну к всеобщей забастовке.²⁷ 5 августа «Известия» в разделе «Во Временном правительстве» опубликовали доклад М.А. Стаховича, сообщившего, что положение в Финляндии продолжает оставаться серьезным, хотя забастовку удалось предотвратить. Готовится незаконный созыв Сейма. Финские политики ведут зондаж позиции России, в том числе о поставках хлеба и вывозе русского населения. Генерал-губернатору были даны инструкции Временного правительства — не допускать эксцессов и разъяснять позицию России в вопросе о суверенитете Финляндии.

Обещания опечатать Сейм, применить силу могли прозвучать убедительно лишь в том случае, если правительство вообще, а генерал-гу-

бернатор в частности такой силой располагали. Решающей силой, несомненно, могли стать моряки Гельсингфорской базы, но они явно не собирались выполнять функции жандармов. Тем не менее в отчете о поездке управляющего морским министерством В.И. Лебедева были приведены его слова: «... я твердо убежден, что финнам не удастся склонить на свою сторону наших матросов, так как среди матросских масс понятие русской государственности велико».²⁸ Вероятнее всего это заявление должно было испугать финнов и повлиять на матросов, хотя оно вряд ли достигло цели, поскольку и те и другие представляли себе реальное положение дел.

В эти дни продолжают публиковаться сообщения из Финляндии, в том числе и о заседании бюджетной комиссии. В сообщениях отмечается, что финны торопятся, чтобы Сейм мог собраться через несколько дней.²⁹

Кризис разразился после объявления о возобновлении работы Сейма 29 августа в 12 часов дня (по новому стилю), действия финнов вынуждали к ответной реакции; в этот момент «Изнестия» заняли однозначную позицию проправительственного издания. Игра в объективизм окончена, газета обращается к войскам: «...этот новый вызов, брошенный финляндскими с.-д. Русской демократии и ее Временному правительству, повелительно диктует армии и флоту с прежней твердостью стоять на страже интересов родины и охранять авторитет Временного правительства».³⁰ Призыв к армии и особенно к флоту с «прежней твердостью ...охранять авторитет Временного правительства» выглядел несколько нелепо в связи с негативным отношением балтийцев к правительству. Линия на осуждение политического курса финляндского Сейма сохранилась и в последующие дни, «Изнестия», комментируя «Воззвание Финской социал-демократии», характеризует его как документ, призывающий к неповиновению и искажающий суть дела.³¹

В августе прослеживается две тенденции в отражении событий в Финляндии в «Изнестиях»: одна из них информативная, вторая - пропагандистская. Причем первая регулярно противоречила второй. Так, «Изнестия», для подкрепления позиций Петрограда в конфликте с Гельсингфорсом, опубликовали заявление Лебедева, в котором он еще раз с большой долей оптимизма утверждал, что надежды финнов на помощь балтийских моряков в их борьбе с Временным правительством беспочвенны.³² А на следующий день в подборке материалов «К созыву финляндского Сейма» сообщалось, что на собрании депутатов армии и флота обсуждался вопрос, должны ли они вмешиваться в конфликт между Сеймом и генерал-губернатором, представляющем Временное правительство. Газета вынуждена была сообщить следующее: левая

часть депутатов настаивала на том, что выполнение полицейских функций не входит в обязанности флота, а приказ Временного правительства пусть выполняют вновь прибывшие в Финляндию войска. Большинство собравшихся депутатов склонялось к традиционной для Гельсингфорского Совета точке зрения, что для разрешения конфликта нужна совместная комиссия ЦИК и Сейма. Трагикомизм публикации усугублялся тем, что «Ивестия» в этой же подборке поместили отчет о выступлении перед собранием представителя финских социал-демократов Хуттунена, который уговаривал депутатов не участвовать в защите Сейма от действий генерал-губернатора во избежание кровопролития. Он пообещал, что, если Стахович попытается прибегнуть к насилию, депутаты Сейма сразу же разойдутся.

«Ивестия» признавали, что многие резолюции, предложенные депутатами Гельсингфорского Совета, шли даже дальше тех требований, которые выдвигали финские социал-демократы. В результате была принята резолюция матросов, которая была с восторгом принята толпами народа, ожидавшими окончания собрания на улице.

Характерной деталью этой публикации является отсутствие текста или изложения резолюции, вызвавшей подобную реакцию, хотя публикация была весьма обширной и содержала массу несущественных подробностей.

В явном противоречии с освещением обстановки в Гельсингфорсе выглядело заявление представителя Временного правительства Н.В. Некрасова о том, что российские власти будут отстаивать права России в Финляндии со всей решительностью. Он объяснил, что раньше правительство опасалось прибегать к жестким мерам, так как опасалось колебаний среди матросов, но теперь такие колебания рассеялись. На каком основании министр пришел к такому важному выводу, газета умалчивала. Вероятно, для придания большей убедительности его заверениям в том же номере было опубликовано заявления «Ц.К. Балтийского флота о Финляндии», в котором сообщалось, что флот поддерживает правительство. Ц.К. призывал финнов довериться революционной власти и ждать ее справедливого решения.³³

«Ивестия» регулярно информировали читателей об обстановке в Финляндии и в первую очередь об обстановке в столице. В сообщениях подчеркивался спокойный характер развития событий в стране.³⁴ Вольно или невольно газета вынуждена была сообщать о более лояльной позиции по отношению к требованиям Временного правительства со стороны финских буржуазных партий, которые, в частности, отказались участвовать в подпольном заседании Сейма и тем самым практически сорвали его.³⁵

Буднично и практически не заметно прошло опубликование в «Известиях» решения Временного правительства о расширении прав Финляндского Сейма. Этот документ в Финляндии, получивший название «Корниловский манифест» (его появление совпало с окончанием подавления корниловского выступления), имел большое значение в истории страны. Как считает Осмо Юссилла: «...управление Финляндией вплоть до 1919 г. осуществлялось на его основании».³⁶

Последний всплеск страстей в связи с противоборством Сейма и Временного правительства произошел в середине сентября. Накануне произошла смена генерал-губернатора Финляндии, им стал Н.В. Некрасов, занимавший до этого ряд министерских постов во Временном правительстве.³⁷ Как сообщали «Известия», принципиальных изменений в политическом курсе в связи с новым назначением не произошло. Политическая программа Временного правительства и представлявшего его генерал-губернатора в отношении Финляндии осталась прежней, кроме того, Некрасов пообещал обеспечить безопасность финских граждан от русских войск. Газета отметила, что финны, не имея претензий к кандидатуре губернатора, остались недовольны формой его назначения, проведенной, как и при царе, без учета мнения Сейма.³⁸ Поводом для противостояния между Некрасовым и финнами стало решение о созыве 15 сентября ранее распущенного Сейма. Финские социал-демократы объясняли его созыв не стремлением провести политическую демонстрацию, а наличием большого числа нерешенных дел и необходимостью принятия ряда неотложных законов.

В «Известиях» было опубликовано «Обращение» партийного совета финляндской социал-демократической партии к представителям социалистических партий в России с поздравлениями по поводу победы над контрреволюцией. В «Обращении» говорилось о стремлении улучшать отношения между странами. Вместе с тем финны подтвердили свою позицию по поводу принятого закона и обратились к русским социалистам с просьбой оказать им поддержку.

В эти дни «Известия» не столько волновала проблема с созывом Сейма, сколько необходимость опровергнуть инсинуации кадетской «Речи» в связи с созданием совместной комиссии для разрешения Финляндского вопроса. Популярное кадетское издание опубликовало сообщение о том, что ЦИК доверил защищать «русскую государственность, единство нераздельной России» В.М.Чернову, А.В.Луначарскому и Б.В. Позерну, двум большевикам и эсеру, с репутацией интернационалиста. Для этого в «Известиях» было опубликовано опровержение, уличавшее кадетов в недобросовестной критике ЦИК, поручив-

шему эту миссию правоверным меньшевикам Р.А. Абрамовичу, М.И. Либеру и В.Н. Розанову. В корреспонденции «Известий» особо отмечалось, что кадеты не прекратили раздувать сенсацию и после того, как получили официальные сведения о составе делегации.³⁹

Реакция ЦИК и «Известий» на самоуправство финляндского Сейма была крайне сдержанной, ЦИК просто промолчал, а газета ограничилась публикацией описания событий, сообщив о том, что Н.В. Некрасов закрыл помещение, где проходили заседания Сейма, но депутаты просто взломали двери и вошли в зал. Заседание прошло скоротечно, Сейм принял ряд законов, после чего депутаты разошлись. О каких-либо действиях генерал-губернатора по прекращению заседания газета не сообщала. Редакция никак не комментировала эту информацию.⁴⁰ В следующей публикации, посвященной Финляндии, появившейся только 24 сентября, ни слова не говорилось о незаконном заседании Сейма. Зато газета в приподнятых тонах информировала читателя о высокой активности избирателей на выборах в новый Сейм.

Судя по содержанию публикаций «Известий» конца сентября-октября 1917 г., газета, так же как ЦИК и Временное правительство, утратила интерес к событиям в Финляндии. 14 октября было опубликовано сообщение об отмене доклада К.В. Энкеля, статс-секретаря по делам Финляндии, о положении дел в Княжестве; Временное правительство обсуждало продовольственный вопрос в России.

В октябре 1917 г. в Гельсингфорсе проходили переговоры между представителями Временного правительства и Финляндии, в ходе которых стороны пришли к компромиссу,⁴¹ но эти события не нашли оценки на страницах «Известий». Петроград стоял накануне великих потрясений, события в Финляндии отошли на второй план.

В публикациях «Известий», освещавших развитие событий вокруг финляндского вопроса, отразились имперские амбиции Временного правительства. Редакция часто попадала в двусмысленное положение, публикуя интервью и заявления представителей власти, в которых желаемое выдавалось за действительное. Реже этим грешили члены руководства ЦИК, некоторые редакционные статьи также носили тенденциозный характер.

Обращает на себя внимание и еще одна деталь — это отношение редакция к орфографии: название органов государственного управления Финляндии, а кое-где и название страны печатались исключительно с маленькой буквы: сейм, сенат и т.д. Но названия руководящих органов России, как государственных, так и революционных, часто, вопреки принятой орфографии, печатались с заглавной буквы.

Вместе с тем в ряде публикаций «Известия» сохраняли объективность, а также печатали на своих страницах мнения оппозиции советскому большинству и аргументацию финской стороны. Газета позволяла себе слегка пожурить коалиционное правительство за политический курс в отношении Финляндии.

Примечания

- ¹ Юссила О., Хентила С, Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809-1995. М., 1998. С. 100.
- ² Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. Л., 1991. С. 161.
- ¹ Там же. С. 414.
- ⁴ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 8 марта.
- ⁵ Петроградский Совет. Т. 1 С. 160.
- ⁶ Там же. Т. 2. М., 1995. С. 50
- ⁷ Юссила О., Хентила С, Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. С. 103.
- ⁸ Там же. С. 104.
- ⁹ Известия...1917. 24 мая.
- ^{III} Там же.
- ¹⁰ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 32. С. 270.
- ¹² Известия. 1917. 7 июня.
- ¹¹ Там же.
- ¹⁴ Там же. 1917. 23 июня.
- ¹³ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁷ Там же. 1917. 16 июня.
- ¹⁶ Там же. 1917. 18 июня.
- ¹⁹ Там же. 1917. 24 июня.
- ²¹ Там же. 1917. 28 июня.
- ¹⁸ Там же. 1917. 1 июля.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. 1917. 2 июля.
- ¹⁹ Там же. 1917. 21 июля.
- ^м Там же. 1917. 22 июля.
- ¹⁷ Там же. 1917. 2 авг.
- ^{ЭВ} Там же. 1917. 5 авг.
- ¹⁶ Там же. 1917. 1 авг.
- [•] Там же. 1917. 10 авг.
- ¹⁵ Там же. 1917. 12 авг.
- ¹² Там же. 1917. 16 авг.

- ³³ Там же. 1917. 18 авг.
- ³⁴ Там же. 1917. 20 авг.
- ³⁵ Там же. 1917. 17 авг.
- ^и *Юссила О., Хентила С, Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии. С. 105.
- ³⁷ Известия. 1917. 1 сентября.
- ³⁸ Там же. 1917. 13 сентября.
- ³⁵ Там же. 1917. 14 сентября.
- ⁴⁰ Там же. 1917. 16 сентября.
- ⁴¹ *Юссила О., Хентила С, Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии. С. 106.

**В. И. ГОЛДИН
РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
ПРОЛОГ И
ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА В
РОССИИ НА
ИСТОРИОГРАФИ-
ЧЕСКОМ РУБЕЖЕ
КОНЦА XX –
НАЧАЛА XXI в.**

Российская революция 1917 г. и гражданская война оказали колоссальное влияние на ход отечественной и мировой истории в XX в. Это обусловило огромный исследовательский интерес к этой теме в нашей стране и за рубежом. Неудивительно, что юбиляр — профессор Г.Л. Соболев посвятил

свою жизнь осмыслению сложных проблем истории и историографии 1917 г. в России и стал олицетворением целой эпохи в изучении этих драматичных страниц нашего прошлого. И сегодня, подводя главные итоги и размышляя над историческими уроками минувшего века, мы не можем пройти мимо изначальной и «героической эпохи» 1917-1922 гг., а то, что советское общество вышло из гражданской войны, во многом обуславливало в дальнейшем поведение и действия как его руководителей, так и граждан, менталитет общества. Актуальность рассматриваемой темы резко возросла в последние годы, ибо на заключительном этапе существования СССР, а затем после его распада очаги гражданской войны появились на территории целого ряда ставших са-

мостоятельными государствами. С этой точки зрения всестороннее и объективное изучение событий, процессов и исторических уроков гражданской войны в России начала XX в. и недопущение повторения подобных трагедий в наше время трудно переоценить.

Целью этой статьи является анализ но-

вейшей историографии, выявление современных подходов, концепций и интерпретаций российских и зарубежных историков, изучающих революционный процесс и гражданскую войну в России, разумеется, в том виде и объеме, как это позволяют ограниченные рамки публикации. Каждое новое поколение историков создает и свою историю минувших событий. Но при этом надо четко следовать принципу историзма, оценивая события и проблемы прошлого в той системе координат и не подстраивая историю под современную политическую конъюнктуру.

«Перестройка» и последующий распад СССР породили и «историографическую революцию», сложное и противоречивое по своему характеру явление. Отмена цензуры и идеологического дикта-

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и администрации Архангельской области (проект № 05-01-48101 а/С «Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны (1917-1922 гг.)»).

та, расширение источниковых возможностей и, прежде всего, доступа к ранее закрытым архивным фондам стимулировали исследовательский поиск, продвижение, хотя и неравномерное, на разных направлениях изучения истории российской революции и гражданской войны. Происходил болезненный процесс отрицания старых истин, привычных толкований и интерпретаций, но это нередко порождало тенденциозные и односторонние суждения и оценки, а нередко и новые мифы.

Если в советской историографии господствовал классово-формационный подход, а преимущественное внимание уделялось изучению политических, классовых (социально-классовых), военных проблем революционной эпохи и гражданской войны, то в дальнейшем активизировался интерес к социальным, социокультурным и психологическим аспектам, к осмыслению их «снизу», с точки зрения интересов, поведения и действий локальных групп, слоев населения, конкретного «маленького» человека. Важным явлением стала смена поколений в исторической науке,¹ а отказ от моноцентризма привел к складыванию новых региональных научных центров, изучающих историю российской революции и гражданской войны (Ростов-на-Дону, Тамбов, Нижний Новгород, Томск, Архангельск и др.).

Распад СССР положил начало критическому переосмыслению традиций западной и в первую очередь «ревизионистской» историографии, казалось бы, утвердившейся за рубежом и поддержанной большинством западных историков. Их оппоненты подвергли критике ключевые понятия и категории прежней «ревизионистской» историографии с ее главным интересом к социальной истории, стремлением к изучению истории революции и гражданской войны «снизу». Игнорирование политической истории привело «ревизионистов», по мнению их оппонентов, к созданию новой мифологии революции и гражданской войны, к тому, что, используя марксистские категории и социальный анализ, они совершенно необоснованно «рассматривали победу большевиков в гражданской войне как естественное и прогрессивное событие в истории XX века».²

Развернувшая новая «ревизия» в зарубежной историографии привела не только к известному возрождению традиций тоталитарной школы и неототалитарных идей, но и к попыткам переосмыслить историю революции и, в известной мере, гражданской войны посредством использования инструментария культурной и лингвистической истории. В моде оказались междисциплинарный подход, идеи постмодернизма, с присущим для него первоочередным вниманием к дискурсивному в объяснении человека и его поведения. На первый план выдвигает

лись язык, смысл значений и история идей, внутренний мир человека, соотношение сознания и повседневного существования в противовес социальному анализу, проблемам социальной структуры и социально-экономических интересов, чем традиционно занимались социальные историки. Американский историк Р.Г. Суни, например, предложил сторонникам социальной и политической школ признать свои слабости и работать вместе через «постмодернистский» синтез соперничающих историографических тенденций, полагая, что только таким образом историки могут продвинуться в правильном понимании Российской революции.³

«Новая культурная история» призвана, по мнению ее сторонников, качественно расширить и глубже раскрыть и само понятие «социальная история». В контексте постмодернизма могли бы развиваться не только социальная интерпретация, но и концепции, изучающие такие категории, как «гендер», «этнос», «власть», «рынок» и др. Заметим при этом, что тендерная составляющая (а в рамках ее, прежде всего, женская тема) занимает особое и почетное место в исследованиях западных историков, и в том числе изучающих проблемы революционного процесса и гражданской войны в России.⁴

Таким образом, в новейшей зарубежной, как и в российской историографии, идет сложный процесс отрицания старых и поиска новых теоретических и методологических подходов, объяснений и интерпретаций гражданской войны в России в органичной взаимосвязи с российской революцией. Важно подчеркнуть, что последние годы характеризуются активным развитием диалога российских и зарубежных историков, что воплощается в реализации совместных творческих проектов и подготовке научных изданий.⁵

Проблема истоков и происхождения революции 1917 г. и гражданской войны в России осмысливается в современной историографии с позиций не только ближней (отделенной от их начала месяцами и неделями), но и долговременной ретроспективы. Ответы на эти вопросы в глобальном плане требуют рассмотрения традиций многовекового раскола в российском обществе, между обществом и властью; выяснения кризисного ритма и конфронтационности в российской истории; выявления особенностей российского имперства, логики развития системного кризиса, смерти и возрождения империй; анализа процессов модернизации в России, взаимодействия модернизаторства и традиционализма в начале XX в.; выявления шансов дальнейшего реформаторского развития страны, соотношения реформистской и революционной альтернатив; понимания особенностей российской революционной

традиции.

Анализ исторической литературы и современных дискуссий позволяет выделить ряд факторов, которые предопределяли неотвратимость и масштабность революционного взрыва и последующей гражданской войны. Среди них следует в первую очередь назвать глубокую социально-политическую поляризацию российского общества в начале XX в. Попытки модернизации реформ блокировались как «слева», так и «справа». Неукорененность демократических традиций (склонность основной части населения к прямой, а не представительной демократии), копившаяся веками ненависть низов к верхам, традиции бунтарства и крестьянских войн — все это предвосхищало грядущий катаклизм. Разрастающийся конфликт вызревал в условиях своеобразной массовой политической культуры, фактически не знавшей компромиссов как способа разрешения конфликтов и противоречий.

Российская революция 1917 г. (с ее февральским и октябрьским пиками) привела к глубоким изменениям в отношениях власти и собственности, что обусловило упорные попытки реванша со стороны сил, их утративших. Гражданская война вызревала не только «сверху» (усилиями политиков и политических партий), но и «снизу», из бурлящего потока революций, первоначально слившихся воедино, а затем переживших полосу взаимных распрей, столкновений, борьбы и распада. Революционный процесс и гражданская война в России вышли из Великой (Первой мировой) войны, которая во многом сформировала атмосферу, психологию и поведение населения, убежденность его широких слоев в возможности решить основные вопросы политики и повседневной жизни, прежде всего, посредством насилия, с оружием в руках. Над революцией витал дух войны, он поистине пронизывал и оплодотворял ее. Первая мировая война и революционный процесс в России оказали огромное воздействие на международные отношения, что во многом предопределило неизбежность иностранного вмешательства во внутренние дела распадающейся России, включая широкомасштабную иностранную вооруженную интервенцию, а с другой стороны, попытки революционных сил превратить войну империалистическую в войну гражданскую, реализуя идеи и замыслы мировой революции.

Японский исследователь Х. Вада ввел в первой половине 1990-х годов в научный оборот удачное, по мнению многих историков, определение российской революции 1917 г. как комплекса революций в эпоху мировых войн.⁶ Сегодня многие российские и зарубежные историки, особенно исследующие историю российской революции «снизу», с позиций социальной истории, придерживаются трактовки происходив-

шего в 1917 г. в России как серии революций, различных по своей классовой и социальной природе, целям и задачам, составу участников и вместе с тем уникально слившихся воедино и придавших огромную силу революционному процессу: пролетарская, крестьянская, солдатская, национальная, региональная и локальный мир. Размышляя о множестве нередко конфликтующих революций, английский историк К. Рид утверждал, например, что «каждая социальная группа, каждая национальность, каждый регион, каждый город, каждая деревня имели свою собственную революцию».⁷

В этом бурном революционном потоке 1917 г. преобладало разрушительное, радикальное начало — антибуржуазная (антибуржуйская), ориентированная в перспективе на социализм), антивоенная, антифеодальная, антипомещичья, антицаристская, антиимперская, антицентралистическая, антибюрократическая революции. Социалистические, общедемократические и антивоенные требования переплетались воедино. Соединение и сплетение воедино разных революционных потоков и интересов в октябре 1917 г. в решающей степени обусловило приход большевиков к власти, но одновременно было и источником противоречий, предопределяя будущие проблемы, с которыми в дальнейшем столкнулись победители.

Звучные демократические лозунги и популистские обещания вскоре обнаружили свою несостоятельность. Феномен «демократии» и «демократизации» в то время, как и в конце 1980-х - 90-е годы, воплощался на российской исторической почве весьма своеобразно и играл скорее роль тарана, дезорганизующего старые властные структуры, нежели выполняя конструктивные функции. Политическим лидерам и той, и другой эпох не хватало профессионального опыта управления, государственной мудрости, ответственности перед своим народом.

В послеоктябрьский период по мере реализации первоочередных выдвигавшихся требований происходило рассогласование и «разбегание» революций, каждая из которых развивалась сообразно своей внутренней логике и алгоритму, обнаружили их глубокие внутренние противоречия, стремление к защите групповых интересов, социальный эгоизм.

Разрушение старой государственности в результате комплекса революций воплотилось в хорошо известные нам по опыту недавних лет «парад суверенитетов» и сепаратизм. Россия превратилась в конгломерат самоуправляющихся и фактически «самостийных» территорий с разорванными экономическими связями. Процесс строительства «государства нового типа» в Советской России шел исключительно трудно по различным причинам. Многие положения марксистской и боль-

шевистской теории не стыковались с суровыми реалиями пореволюционной России. Отбросив остатки прежних центральных и местных органов управления и самоуправления, большевики обнаружили невозможность реализации идей прямой демократии и конструктивное несовершенство Советов, которые, претендуя на всю полноту государственной власти, оказались не готовы к выполнению новых функций. Налицо было переходное состояние, когда «власть Советов» не складывалась в «советскую власть». Последняя распадалась на множество разнородных по политическому и социальному содержанию и направленности деятельности властей. Жесткие действия большевиков по собиранию и укреплению государственности, их деятельность весной — летом 1918 г. по вытеснению представителей других социалистических партий из Советов натолкнулись на сопротивление различных сил, попытки самоопределения и оппозиционность органов местной власти, что вело общество к конфронтации и выливалось в многообразные проявления нарастающей гражданской войны.⁸

Единый осенью 1917 г. поток революций распадается, обнаруживая многочисленные противоречия, конфликты и проявления гражданской войны. Явления хаоса, распада, дезорганизации власти и производства приводят российское общество летом 1918 г. к тотальному противостоянию по принципу «все против всех». В стране воедино переплетаются многочисленные социальные, экономические, политические, национальные и межнациональные противоречия, сливаются в единое вооруженное противоборство разнообразные конфликты и столкновения. Расширяющаяся международная интервенция, в которой в различных формах принимали участие обе противоборствовавшие в мировой войне военно-политические коалиции (Антанта и Четверной Союз), наконец, вооруженное выступление чехословацкого корпуса сыграли роль внешних факторов, катализаторов развернувшейся летом 1918 г. широкомасштабной гражданской войны, в которую вовлекаются вся страна, общество, все слои населения, национальности и регионы.

В центре осмысления современной историографии находятся проблемы новой концептуализации гражданской войны в России. Советская историография руководствовалась классовыми императивами при раскрытии ее содержания. Уже в советской исторической литературе второй половины 1980-х годов разворачивается дискуссия на эту тему, высказывается неудовлетворенность сведением сущности гражданской войны к классовому содержанию и рассмотрению ее с классовых позиций, а в военно-политическом отношении — к сужению ее видения только как войны красных и белых. При этом ряд исследователей вообще отрицал

значимость и полезность классового подхода, другие оговаривались, что этого мало, и классовый принцип - далеко не единственный при анализе российской гражданской войны, а абсолютизация его не позволяет в полной мере раскрыть ее сущность. Третьи полагали, что классовый принцип нельзя предавать забвению, но надо избавляться от зашоренности, схематизации и односторонности в его толковании и применении.

В эти же годы дискуссия вокруг классового подхода и классового анализа развернулась и среди западных историков. В 1988 г. на страницах журнала «Slavic Review» Р. Суни вступил в полемику с Ш. Фитцпатрик, утверждавшей, что революция разрушила классовую структуру России и, следовательно, классовый анализ утратил смысл. В дальнейшем Ш. Фитцпатрик писала уже более аккуратно, что историк не может игнорировать понятие «класс», так как конфликты того времени определялись в классовых категориях, но не может и игнорировать их недостатки при отражении социальной действительности: классовая структура распалась в революции и стала неузнаваемой. «Историки гражданской войны должны иметь дело с классом как с аспектом политики и социальной психологии, — указывала Ш. Фитцпатрик. — Но это не означает, что они должны использовать марксистские категории. Напротив, им лучше избегать этого».¹

Сегодня очевидно, что, при всей значимости классовых лозунгов и категорий, гражданскую войну в России нельзя рассматривать как исключительно классовое явление и вооруженную борьбу классов. Раскол происходил и внутри них, а также внутри всех социальных слоев и групп российского общества. Изучение реальных процессов социального противостояния, воссоздание объемной и многогранной социальной картины России в эпоху гражданской войны, раскрывающей всю противоречивость и мозаичность социальных процессов, деклассирование и деурбанизацию военной поры, является важной задачей историков, решением которой они активно занимаются. Интересные процессы происходят в крестьяноведении, интеллигентоведении, активным переосмыслением характеризуется изучение рабочего класса, средних городских слоев и других групп населения военной поры.¹⁰

Размышляя над характером и движущими силами гражданской войны в России и видя ее сущность в борьбе формирующегося тоталитарного государства против общества, тамбовский историк В.Л. Дьячков пришел к выводу, что «по социальным, национальным, региональным „горизонталям" гражданская война была борьбой каждого социального слоя за новое, лучшее место в быстро изменявшейся пирамиде общества, борьбой в условиях распада дооктябрьской социальной лестни-

цы, уничтожения ее верхних этажей и всей прежней системы социальной идентификации». По его мнению, в этой борьбе наиболее активными оказались средние и низшие маргинализованные слои города. Именно маргиналы города и села оказались и наиболее активной частью лагеря победителей и заняли в годы гражданской войны большинство мест «у кормушки» государственного распределения.¹¹ Дальнейшее изучение социальной истории гражданской войны призвано обогатить представления о сложной картине межклассовых, внутриклассовых и групповых коллизий, противостояния и противоборства и их последствий для судеб народа, государства и общества.

По мнению ряда историков, сутью и смыслом революции и гражданской войны в России является глобальный традиционалистский взрыв имперской антисистемы в результате многовекового и чреватого конечным распадом взаимоналожения в принципе несовместимых этнокультурных традиций. Поэтому эту эпоху считается плодотворным исследовать в логике цикла «смерти-возрождения империи».¹²

Сегодня сложилось общее понимание о необходимости исследовать гражданскую войну в России как сложнейший и многогранный феномен, во всем многообразии не только военных и политических, но и социальных, экономических, социально-психологических, социокультурных, культурно-религиозных, духовно-нравственных, национально-этнических процессов, конфликтов и расколов, наложивших своеобразный отпечаток на вооруженное противодействие, его формы, стадии и участников.

Плодотворными для новой концептуализации истории гражданской войны в России стали суждения о множественности переплетающихся в ней разновидностей войн (гражданских войн).¹³ Причем авторы, исповедующие этот подход, особо подчеркивают значение процессов противоборства «за линией фронта (фронтов)», на внутреннем фронте (фронтах), подчеркивая тем самым, во-первых, своеобразие гражданской войны как таковой и, во-вторых, гражданской войны в России как своеобразного и во многом уникального явления.

Для выявления целостного видения гражданской войны в России необходимо выделить ряд этих внутренних войн. Это, во-первых, война, которую вели большевики и Советская власть с вооруженными силами антибольшевистских режимов на Востоке, Севере, Юге и Северо-Западе страны. Эта война красных и белых силами регулярных армий на существовавших фронтах обозначила глубокий и непримиримый раскол в российском обществе, и победа одной из этих главных противоборствующих сил предопределяла будущее страны. Эта война красных и белых наиболее изучена в исторической литературе, хотя и здесь

еще остается немало вопросов, требующих дальнейшего исследования.

Красные и белые вели борьбу и на внутреннем фронте против политических и социальных сил, которые считали враждебными. Крайними и наиболее жестокими проявлениями этой борьбы были красный и белый террор.

Война государства и общества — важная разновидность вооруженного противостояния и сущностная характеристика эпохи гражданской войны. Революционный процесс 1917 г. привел к распаду и разрушению старой государственности, высвобождению общества из-под его жестких пут, способствовал созданию многочисленных новых ячеек и институтов общественности, содействовал развитию инициативы и самостоятельности масс. Но у этого процесса была и другая сторона: анархичность, столкновения общественных и создаваемых новых государственных институтов. В дальнейшем Советское государство, руководимое большевиками, избавляется от иллюзий «государства-коммуны», «полугосударства» и пытается подчинить и подмять под себя общество. Это вызывает сопротивление, и в том числе вооруженное, со стороны различных его слоев. Аналогичным образом ведет себя и «белая», авторитарная по типу государственность, что также вызывает вооруженное сопротивление со стороны общества.

Еще одной разновидностью войны являлось противоборство центробежных и центростремительных сил. Гражданская война в России складывалась, с одной стороны, из войн, которые вела центральная Советская власть с региональными антибольшевистскими правительствами и армиями. С другой стороны, советское и белое правительства вели упорную борьбу, используя и вооруженные силы против национально-государственных образований, возглавляемых их политическими оппонентами, на Украине, в Белоруссии, Прибалтике, Закавказье и в Средней Азии. Великодержавно настроенные белые генералы также вели борьбу со сторонниками самостоятельной национальной государственности, наиболее ярким проявлением этого была борьба с украинскими «самостийниками», постоянные конфликты с казаками-автономистами и др. Так и не состоялся военный союз белых с буржуазной Финляндией, ибо сторонники «великой, единой и неделимой России» не пожелали идти на нарушение своих принципов во взаимоотношениях с финнами и не пошли на признание независимости Финляндии. А в результате локальные боевые действия, которые вели белофинны в приграничных районах Карелии и Мурмана, так и не вылились в большую войну против Советской России.

Борьбу (в том числе нередко и с использованием вооруженных

средств) вели друг с другом новообразованные на пространстве бывшей Российской империи государства: Польша с Украиной, Белоруссией и Литвой, Армения с Азербайджаном, Армения с Грузией. Кроме того, внутри этих государственных образований шла сложная военно-политическая, а нередко и вооруженная борьба. При этом местные силы социалистической ориентации получали поддержку в различных формах от РСФСР, а их противники апеллировали к западным странам, пользовались поддержкой интервентов, а в ряде случаев и белых режимов.

Еще одной разновидностью войны, развернувшейся в России, стала вооруженная интервенция стран Антанты и Четверного Союза. Тесное переплетение ее с гражданской войной отражает одну из важных характеристик этого катаклизма российской истории. Так называемая «красная интервенция», тесно связанная с идеями мировой революции и превращения мировой войны в войну гражданскую не только в российский, но и в мировом масштабе, ее замыслы и реалии (летнее наступление 1920 г. советских войск на Польшу, события 1920–1921 гг. в Персии и провозглашение Персидской советской республики и др.) были еще одной составляющей военно-политического противоборства.

Повстанческое, главным образом крестьянское движение — еще один вид вооруженного противостояния, особой войны, которая происходила в общих рамках гражданской войны в России. «Позади главной линии сражений была целая линия скрытых гражданских войн между крестьянскими армиями и двумя главными сторонами (имеются в виду красные и белые. — *В.Г.*)», — писал английский историк О. Файджес. В этой войне проявлялись разные ориентации, устремления, но главным были попытки воплотить в жизнь свою собственную «крестьянскую правду», реализовать право на самостоятельное устройство своей жизни, ради чего повстанцы боролись и с красными, и с белыми.

Восстания и заговоры, деятельность антиправительственных группировок в тылу противника, подпольная и террористическая деятельность — вот еще один особый вид противоборства, органично присущий российской гражданской войне и имевший широкое распространение за линией фронта воюющих красных и белых частей.

Все вышеназванные войны и вооруженные конфликты требуют дальнейшего обстоятельного изучения в национально-региональном контексте и конкретном пространстве времени, что, несомненно, будет способствовать более глубокому познанию эпохи гражданской войны в России.

Несомненно плодотворным для более глубокого понимания феномена гражданской войны в России является анализ его не как обособленного исторического явления, а посредством сопоставления с граж-

данскими войнами разных эпох, стран и народов.¹⁴

Ограниченность рамок статьи не позволяет более подробно рассмотреть широкий комплекс других вопросов этой темы, и среди них — классы и социальные группы в гражданской войне, иностранная интервенция, антибольшевистское движение в России, комплекс проблем государственного строительства, социально-экономические и культурные процессы в Советской России и др., о чем автору уже приходилось неоднократно писать и анализировать соответствующие аспекты развития историографического знания.¹⁵

Изучение истории российской революции и гражданской войны не может закончиться ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра. Слишком важна, сложна и ответственна эта тема, связанная многими своими нитями с последующей отечественной и мировой историей и днем сегодняшним.

Примечания

¹ Позитивным явлением стали издания, посвященные памяти ушедших из жизни видных российских историков революции и гражданской войны. См., например: *Академик П.В. Волобуев*. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000; *Гражданская война в России: события, мнения, оценки*. Памяти Ю.И. Кораблева. М., 2002.

² *Brovkin V.N.* Behind the Front Lines of the Civil War. Political Parties and Social Movements in Russia. 1918-1922. Princeton, 1994. P. 2.

Revolutionary Russia. New Approaches. New York and London, 2004. P. 1; *Suny R.G.* Revision and Retreat in the Historiography of 1917: Social History and its Critics // *The Russian Review*. Vol. 53. № 2. April 1994. P. 182; *Smith S.* Writing the History of the Russian Revolution after the Fall of Communism // *Europe-Asia Studies*. Vol. 46. № 4. 1994. P. 563-578; *Экстон Э.* Новый взгляд на русскую революцию // *Отечественная история*. 1997. № 5. С. 71; *Дьюкс П.* Девять точек зрения на российскую революцию // *Россия, 1917: взгляд сквозь годы*. Архангельск, 1998. С. 14-15.

Wood E. The Baba and Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington, 1997; *McDermid J.* Midwives of the Revolution: Female Bolsheviks and Women Workers in 1917. London, 1999; *Kobitz A.H.* Science, Women and Revolution in Russia. Amsterdam, 2000, etc.

Revolutionary Russia. New Approaches; *Figes O, Kolonitskii B.* Interpreting the Russian Revolution. The Languages and Symbols of 1917. New Haven and London, 1989; *Critical Companion to the Russian Revolution 1914-1921*. London - Sydney - Auckland, 1997; *The Bolsheviks in Russian Society. The Revolution and the Civil Wars*. New Haven and London, 1997; *Social Identities in Revolutionary Russia*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, New York, 2001, etc.

Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 143-146; *Bada X.* Россия как проблема всеобщей истории. М., 1999. С.23-26.

Read C. From Tsar to Soviets: The Russian People and Their revolution, 1917-

21. New York, 1996. P. 1.

Леонов С.В. Рождение советской империи. Государство и идеология 1917–1922 гг. М., 1997; *Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы. 1917-1923. М., 1995; *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997 и др.

Party, State and Society in the Russian Civil War. Exploration in Social History. Indiana University Press, 1989. P. 4-6.

Подробнее см.: *Голдин В.И.* Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е годы). Архангельск, 2000. Гл. 4 «Классы и социальные группы в гражданской войне». С. 75-100. *Дьячков В.Л.* Характер и движущие силы гражданской войны // Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год. М., 1994. Ч. 1. С. 57–61.

Гражданов ЮД. Всевеликое Войско Донское. Волгоград, 1997. С. 11; *Венков А.В.* Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе Гражданской войны. Ростов-на-Дону, 1995. С. 12; *Булдаков В.П.* Красная смута. Гл. VI.

Бровкин В.Н. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 26; *The Bolsheviks in Russian Society. The Revolution and the Civil Wars; Swain G.* The Origins of the Russian Civil War. London and New York. 1996. P. 2,11; *Service R. A.* History of Twentieth-Century Russia. Cambridge, Massachusetts, 1998. P. 113.

Даниэле Р.В. Гражданская война в России в свете сравнительной истории революций // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 328-343; *Данилов С.Ю.* Гражданская война и общенациональное примирение: США, Россия, Испания. М., 2004 и др.

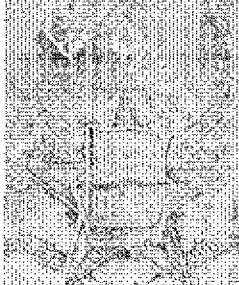
Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Архангельск, 2000.

В истории каждого города есть присущие только ему истории и этим они часто отличаются друг от друга. Так случилось в ходе гражданской войны в России, когда летом и в начале осени 1918 г. в эпицентре военного противостояния между большевиками и сторонниками разогнанного ими Учредительного собрания оказалось Среднее Поволжье, Казань и губерния.

8 июня 1918 г. в Самаре власть захватили правые эсеры, создав Комитет членов Учредительного собрания (Комуч). К ним примкнула часть поволжских меньшевиков, а также легионеры чехословацкого корпуса, поддержавшие борьбу за демократизацию России. Комуч создал Народную армию и совместно с легионерами развернул наступление вверх по Волге. По данным председателя Комуча В.К. - Вольского (1877-1937), идею восстановления власти Учредительного собрания тогда защищали около 22 тыс. войск (5500 чехословаков, около 6 тыс. добровольцев, примерно 2000 казаков и 8-9 тыс. мобилизованных).¹

В советской историографии с «легкой руки» меньшевика и руководителя ведомством труда Комуча И.М. Майского выступления

А. А. ЛИТВИН КАЗАНСКАЯ ИСТОРИЯ

его коллег по антибольшевистскому движению в 1918 г. были названы «демократической контрреволюцией».² В настоящее время отдельные российские историки склонны именовать его «третьим путем» в революции, почему-то забывая при этом отметить, что этот термин предлагался лиде-

рами партии правых эсеров в годы гражданской войны.³

Итак, после вытеснения большевистских властей из Самары и Симбирска, в начале августа 1918 г. части Народной армии Комуча и отряд чехословацких легионеров двинулись на Казань. Борьбе за город в то время посвящены многие работы и нет смысла пересказывать, казалось бы, известные события.⁴ Но в прежних работах, в том числе и тех, в написании которых я принимал участие,⁵ ряд положений излагался в соответствии с официальными идеологическими установками той поры, что не всегда соответствовало исторической истине, или просто замалчивался. Это касалось ситуации с ролью красных защитников города и участия Л.Д. Троцкого в организации изгнания из него сторонников Комуча.

1. Как красные сдали город? 6 августа 1918 г. Казань поки-

дали красные. Лил дождь. Они уходили в панике, кто как мог: председатель ЧК Восточного фронта республики М.Я. Лацис - на паровозе в сторону Свияжска, командующий Восточным фронтом И.И. Вацетис - в окружении латышских стрелков из штаба фронта (номера Щетинкина, ныне гостиница «Казань») на машине, а затем пешком в село Высокая гора и в сторону Арска. Из штаба с ним вышло вместе более сотни стрелков, утром 7 августа Вацетис насчитал с собой всего 6 человек. Военные и партийно-советские работники, красноармейцы бежали, забыв об оставшихся товарищах, бросив оружие, продовольствие, жителей города, которых клялись защищать, и даже золотой запас республики - 80 тыс. пудов, или 1280 т ценнейшего груза, свозимого до этого из разных городов страны, как казалось советским властям, в самый надежный казанский банк республики.

И.И. Вацетис, бывший командир латышской стрелковой дивизии, был уверен, что сумеет защитить Казань от неприятеля, ведь командующим фронтом его назначил председатель Совнаркома В.И. Ленин после того, как он в течение суток (6-7 июля 1918 г.) со своей дивизией подавил выступление отряда ВЧК, которым командовали левые эсеры, коллеги большевиков по управлению страной, а теперь выступившие против их, прежде всего внутренней, политики. Его назначению способствовало и объявление бывшего командующего Восточным фронтом М.А.Муравьева (1880-1918) о своем неподчинении большевистским властям и потому отстраненного от должности..

В начале августа 1918 г. в Казани находилось около 10 тыс. красноармейцев, большую часть которых Вацетис, по его словам, «выкинул» из города навстречу неприятелю, так как они не обладали «никакой боеспособностью». Слабы были и спешно вооружаемые рабочие дружины, опять-таки, по словам из донесений Вацетиса, не умеющие «ни стрелять, ни наступать», ни даже «строить баррикады».⁶

Город оборонялся два дня. Вацетис назвал их героическими. Тогда ему поверили. Более того, через месяц сдавшего Казань Вацетиса назначили командующим всеми вооруженными силами республики, а 5-й Земгальский латышский полк, стрелки которого бросили на произвол судьбы охраняемый ими банк с золотом и командующего фронтом, а затем большей частью вместе со своим командиром полка сдались в плен неприятелю, был 20 августа 1918 г. награжден первым в истории Красной Армии почетным Красным Знаменем ВЦИК за воинскую доблесть. Одновременно ВЦИК объявил благодарность коммунистическому и мусульманскому коммунистическому отрядам «за самоотверженную и храбрую защиту Казани».⁷ Это решение ВЦИК, принятое по пред-

ставлению наркомвоенмора Л.Д. Троцкого, готовящего в то время наступление красных на город, носило прежде всего пропагандистский характер: Советская власть благодарна и тем, кто за нее хоть как-то воюет... Хотя ни о какой «героической защите» города в том виде, как это происходило, не могло быть и речи. Позже Вацетис признавал, что сопротивление противнику под Казанью оказали «лишь несколько латышских рот» под его командованием.⁸

6 августа пополудни в Казань вошли офицерские отряды капитана А. Степанова и чехословацкий полк поручика И. Швеца. Руководил операцией по захвату города командующий Народной армией Комуча полковник В. Каппель. На следующий день представитель Комитета членов Учредительного собрания Б. Фортунатов объявил в городском театре на собрании общественности города «советскую власть в Казани низложенной». Правые эсеры, получившие большинство на выборах в Учредительное собрание, теперь предлагали осуществить свою, а не большевистскую партийную программу. Они считали возможным восстановить государственные учреждения, существовавшие в России после свержения самодержавия, и установить для страны переходный к социализму капиталистический путь развития. В утверждении своей власти представители Комуча, выступавшие за демократию, как и большевики, широко использовали методы насилия и террора. Так поступали тогда все большевистские и антибольшевистские правительства, расколовшие страну на отдельные территории. Это делали и комучевцы, воюющие, как и большевики, под красным флагом, и позже наиболее боеспособная в армии Колчака Ижевская рабочая дивизия под стягом того же цвета.

В течение месячного властвования комучевцев в Казани жертвами террора стали не менее тысячи человек. Среди расстрелянных были руководитель казанских большевиков Яков Шейнкман, комиссар татаро-башкирского комиссариата при наркомнаце РСФСР, председатель центральной мусульманской военной коллегии Мулламур Вахитов и многие другие. Вольский в июне 1919 г. признавал: «Комитет действовал диктаторски, власть его была твердой и... жесткой и страшной... И у нас было много крови. Мы это глубоко сознаем. Мы не могли ее избежать в жестокой борьбе за демократию. Мы вынуждены были создать и ведомство охраны, на котором лежала охранная служба, та же чрезвычайка и едва ли лучше».

Август и начало сентября 1918 г. для казанцев прошли в тревогах: город бомбили и обстреливали красные, шли бесконечные мобилизации в Народную армию Комуча. Новые правители скоро поняли непроч-

ность своего положения: Романовский мост через Волгу им взять не удалось, наступление на Москву захлебнулось, крестьяне воевать отказывались, предпочитая собирать урожай, советский Свияжск пополнялся новыми отрядами. Туда прибыл Л.Д. Троцкий и пытался именно там начать строительство регулярной Красной Армии (до июля 1918 г. она формировалась на добровольческих началах). В Казань приехал Борис Савинков, создавший в то время антибольшевистский «Союз защиты родины и свободы» с целью объединить всех, кто против красных, и принял участие в бою с красноармейским отрядом у станции Обсерватория.

Победители нервничали и, в отличие от самоуверенных большевистских властей, уже 10 августа начали готовить к эвакуации золотой запас. Попытка командующего 1-й армией Восточного фронта М.Н. Тухачевского перехватить два парохода с ценным грузом возле Симбирска не увенчалась успехом. Золото уплыло сначала в Самару, затем его переправили в Уфу, оттуда в Омск и Иркутск. Его грабили в Казани, когда около двух часов 6 августа кладовые банка никто не оберегал: охранники — латышские стрелки бежали, позже этим занимались народоармейцы и легионеры, затем колчаковцы. Остатки золотого запаса вернулись в казанский банк 3 мая 1920 г. в более чем уполовиненном количестве.

2. «Взятие Казани товарищем Троцким».

Под таким названием осенью 1918 г. демонстрировался документальный фильм, отснятый в ходе боев красных с комучевцами. Фильм был браваурным, восхвалял победы красных и их предводителя. Политическая обстановка, в которой шла борьба за город, была сложной и критической для сторон. Комучевцы понимали, что уход из Казани означает для них и гибель самой идеи — передачи власти в стране Учредительному собранию. Красным нужно было доказать свою жизнеспособность, силу и решимость. 30 августа 1918 г. был ранен Ленин, 2 сентября советская республика была объявлена единым военным лагерем, 5 сентября узаконен красный террор с его беспредельной вакханалией расстрелов без суда и следствия.

Троцкий выехал из Москвы в Свияжск в своем полубронированном поезде 7 августа 1918 г. Его первый приказ извещал, что врагам пощады не будет, что в Муроме, Арзамасе и Свияжске для них создаются концлагеря. В следующем - он обещал расстреливать командиров и комиссаров отступавших частей и заявлял, что поставит в тылу наступающих заградительные отряды. По его предложению арестованным офицерам предлагалось служить красным под подписку, что их семьи остаются заложниками на случай измены.¹⁰

Известно, что создать боеспособную регулярную армию летом-осенью 1918 г. пытались Троцкий под Казанью и И.В. Сталин в Царицыне. Первый опирался на единоначалие военспецов, второй — на коллегиальную форму решения оперативных вопросов, без доверия бывшим офицерам. Прав оказался Троцкий, превративший победу под Казанью в «Вальми русской революции» (так тогда писали советские газеты. У Вальми во время Французской революции была остановлена наступающая армия роялистов). Сталина из Царицына пришлось отозвать. За ним спецпоездом выезжал Я.М. Свердлов. На обратном пути он устроил встречу Троцкого и Сталина в своем вагоне. Троцкий позже вспоминал, что речь шла о командирах в Царицыне (К.Е. Ворошилове и др.). Троцкий воспроизводил диалог: «Неужели вы хотите всех их выгнать? — подчеркнуто смиренным голосом спрашивал меня Сталин. — Они хорошие ребята. — Эти хорошие ребята погубят революцию, которая не может ждать, доколе они выйдут из ребяческого возраста. Я хочу одного: включить Царицын в советскую Россию».¹¹

Свидетельства очевидцев,¹² обмен телеграммами между Лениным и Троцким той поры свидетельствуют, что строительство регулярной Красной Армии происходило в сложной и нервной обстановке. Троцкий не был полководцем, он был комиссаром, уверенным, что без дисциплины и имевшего опыт мировой войны офицерства научиться военному делу невозможно. Заметим, что предпочтение при этом он отдавал преимущественно жестким методам. Троцкий признавал: «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор, пока гордые своей техникой, злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армии и воевать, командование будет ставить солдат между возможностью смерти впереди и неизбежной смертью позади».¹³

Этого же взгляда тогда придерживался Ленин. В советских публикациях ленинских работ содержались пять телеграмм Ленина, направленных Троцкому в Свияжск и Казань, и ни одного ответа Троцкого на них. В изданных за рубежом в 1960-х годах бумагах Троцкого их намного больше, кроме того, даны и его ответы. Рассмотрим лишь несколько, наиболее характерных из этой переписки. Ленин торопил Троцкого вернуть Казань в советскую республику, не шадить при этом ни города, ни его жителей. Троцкий отвечал 21 августа 1918 г. из Свияжска: «Предположение, будто я шажу Казань, неосновательно. Но артиллерия противника немногим слабее нашей. Артиллеристы противника лучше наших. Отсюда затяжка. Сейчас, благодаря значительному перевесу сил, надеюсь на скорую развязку». 30 августа Ленин сообщал

Троцкому, что получил его письмо, в котором говорилось, что солдаты сражаются хорошо и есть перевес. Но почему тогда не взят город? — спрашивал Ленин. И предлагал принять особые меры против высшего командного состава, т.е. «отдать под суд и даже расстрел Вацетиса... и высших командиров, в случае затягивания и неуспеха действий».¹⁴ Троцкий к ответственности командиров из бывших офицеров привлекать не стал. Тем более что незадолго до этого он получил от председателя Высшей аттестационной комиссии Наркомвоена А.И. Егорова докладную записку с предложением ввести в армии единоначалие, иначе в проводимых военных операциях «нет определенной единой мысли и воли», с советом Ленина: не назначить ли Вацетиса Верховным Главкомандующим? Троцкий тогда ответил, что не возражает против этой кандидатуры, но назначение должно быть «подкреплено не сдачей городов, а победами».¹⁵

Ленин продолжал настаивать на быстром захвате города, придавая этому факту и большое политическое значение. Он был сторонником самых жестких мер и выражал уверенность, что «подавление казанских чехов и белогвардейцев, а равно поддерживавших их кулаков-кровопийцев будет образцово-беспощадное» и весь конец августа и в начале сентября возмущался медлительностью развития военной операции против Казани. Уступая Ленину, Троцкий приказал бомбить буржуазные кварталы города. Через несколько дней Ленин вновь телеграфировал Троцкому, заявляя, что «необходимо беспощадное истребление, раз только верно, что Казань в железном кольце».¹⁶ К счастью для казанцев, это предписание Ленин Троцкий получил утром 10 сентября, в день, когда красные входили в город. Ленин и Троцкий высоко оценили это событие, првратив его в общероссийское советское торжество.

В Свияжске была тогда осуществлена и первая децимация (расстрел каждого десятого) в Красной армии. С.И. Гусев, бывший тогда в Свияжске и не возражавший против этого решения военно-полевого суда 5-й армии и приказа Троцкого, его утвердившего, писал о том, что произошло под Свияжском в ночь на 29 августа 1918 г. во время нападения отряда Каппеля на станцию. «Мы имели, - вспоминал Гусев, - в непосредственном распоряжении штаба в ближайшем районе один только питерский рабочий полк (600 человек), очень слабо обученный и ни разу еще не бывавший в бою... Петроградский рабочий полк, расстреляв сгоряча все патроны, сбежал с позиции, бросился к Волге, захватил пароход и начал требовать, чтобы его везли в Нижний...».¹⁷ Л. Рейснер, также очевидец «свияжской трагедии», оправдывала расстрел 27 красноармейцев, в том числе командира и комиссара бежавшего с поля боя пол-

ка. Она писала о том, что у коммуниста, струсившего в бою, нет никаких привилегий, так как законы военного времени для всех едины.¹⁸

Тогда же, осенью 1918 г., слух о том, что Троцкий расстрелял комиссара и коммунистов в Свияжске, распространился настолько, что он был вынужден апеллировать к Ленину. 23 октября в телеграмме на его имя Троцкий возмущался тем, что его обвиняют в необоснованных расстрелах, в том числе и комиссара 2-го Петроградского полка Пантелеева. Он сообщал о том, что Пантелеев не остался на посту хотя бы с десятком солдат, не прибыл в штаб с докладом, а бежал вместе с дезертирами на пароход и требовал отправки в Нижний Новгород. Троцкий ссылался на свидетельство Н.Г. Маркина, заместителя командующего флотилией, который выделил взвод матросов для приведения приговора в исполнение, что командир полка, коммунист, принял смерть как должное, а Пантелеев плакал и обещал впредь вести себя иначе. Троцкий в содеянном не раскаивался. Когда в 1927 г. Ворошилов и Е.М. Ярославский вновь обвинили его в расстреле коммунистов, он выступил с публичным заявлением: «Если Троцкий расстреливал коммунистов как коммунистов, то почему партия не расстреляла Троцкого? Я знаю один случай расстрела Трибуналом двух коммунистов - с полного моего согласия — командира и комиссара полка, которые под Казанью, вопреки приказанию командования, снялись с фронта, захватили пароход, чтобы подняться по Волге. Если бы сегодня повторилась обстановка под Казанью, я точно так же одобрил бы приговор Военно-революционного трибунала о расстреле».¹⁹

В памяти жителей города Троцкий в 1920-е годы оставался человеком, восстановившим в Казани власть большевиков. «У Троцкого была интуитивная чувствительность, - писала о нем Л. Рейснер. - Никогда солдат, военачальник, командир не заслонял в нем революционера. И когда он своим нечеловеческим, страшным голосом обрушивался на дезертиров, то боялись его как своего, как большевика, который размоэжит, исковеркает за подлую трусость, за измену не военному, а обшпролетарскому делу. Троцкий не мог быть трусом - иначе его раздавило бы презрение этой исключительной армии, и она никогда не простила бы слабому этой своей, братской крови 27-ми, которой обрызгана ее первая победа».²⁰

10 сентября 1918 г. власть в городе опять поменялась. Вместе с комучевцами Казань покинули тысячи жителей, среди которых были не только буржуа и священослужители, но и профессора Казанского университета, мобилизованные в Народную армию рабочие, студенты и гимназисты. Глава фронтовой ЧК М. Лацис, прибывший в город одним

из первых, позже вспоминал, что Казань была «пуста» и ЧК «пришлось почти бездействовать».²¹ Лацис отмечал, что в начале он «либеральничал»: пригласил в ЧК профессоров университета, давших средства на поддержку Народной армии, и предложил им выбор — тюрьма, или внесение десятикратной суммы по сравнению с их пожертвованиями. Все 42 допрошенных профессора и приват-доцента университета предпочли откупиться. Профессора-химика А.Е. Арбузова Лацис не преминул спросить, признает ли он теперь Советскую власть? Профессор ответил, что признает, поскольку это реально существующий факт.²²

Лацис вошел в историю ВЧК не только как ревностный сторонник проведения красного террора, но и его «теоретик». О случае с казанской профессурой он вспоминал с умилением, о расстрелах в Казани и губернии в ту пору приводил лишь сухие цифры: в сентябре 1918 г. в городе расстреляны 35, Лаишевском уезде - 15, Арском - 31 и т.д. За цифрами стояли люди: священослужители, бывшие офицеры, представители различных небольшевистских партий и организаций, как правило, отошедшие от участия в политической жизни страны. Эти данные Лацис опубликовал в журнале, который он тогда начал выпускать в Казани под грозным названием «Красный террор». Именно в нем он заявил о том, как должны предъявлять обвинение сотрудники ВЧК. «Не ищите в деле обвинительных улик в том, восстал ли он против Совета оружием или словом, - поучал Лацис. - Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Все эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл и суть красного террора».²³ Советские историки писали о том, что Ленин подверг критике это высказывание Лациса, назвав его «нелепостью» и «величайшей глупостью».²⁴ Но дело в том, что ленинская статья «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов», в которой эта критика содержалась, была опубликована в «Правде» только в 1926 г., когда острота обсуждаемого вопроса отпала.

Гражданская война продолжалась и после второго пришествия красных в Казань. Сохранившиеся документы властных структур наполнены стремлением любой ценой уничтожить противника. Осенью 1918 г. в крае начал претворяться советской стороной план тотальной регламентации общественно-экономической жизни («военный коммунизм»). Многонациональные Казань и губерния оставались одним из основных полигонов, где различные аспекты этого плана проходили испытание. Все те годы 146 495 жителей города (по переписи 28 августа 1920 г.) жили весьма беспокойно и голодно. Но это был еще не конец выпавших

на их долю испытаний.

Гражданская война в России была общенациональной трагедией: гибель миллионов людей, падение нравственности, экономическая разруха — это лишь немногие составные ее негативных последствий. Ныне историки отказываются от многих стереотипов советской историографии и не называют крестьянские выступления против продразверстки и иных тягот той поры «кулацкими мятежами», а сторонников Учредительного собрания и поддержавших их чехословацких легионеров относят к антибольшевистскому, но не белому движению. Они не отрицают ныне и того обстоятельства, что по методам осуществления своей политики, борьбе за власть было много общего и между теми, кто устанавливал диктатуру, и теми, кто провозглашал демократические лозунги.

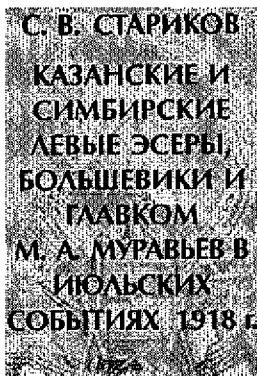
Гражданская война — это всегда пиррова победа. Многих тогдашних победителей, не говоря уж о побежденных, ждала страшная судьба. В середине 1930-х по нелепому обвинению в «латышском национализме» были расстреляны И.И. Вацетис и М.Я. Лацис. В 1940 г. в Мексике был убит агентом НКВД Л.Д. Троцкий. Режим тогда не щадил никого. «Окаянные дни», по определению И. Бунина, память о них никак не может покинуть многие поколения россиян. Помнить о них нужно, изучать их следует и ради того, чтобы они больше никогда не повторились.

Примечания

- ¹ Судьба Учредительного собрания. Доклад председателя Комуча В.К. Вольского // "Исторический архив. 1993. № 3. С. 129.
- ² И.М. Майский (1884-1975) в 1917-1918 гг. член ЦК партии меньшевиков. С 1921 г. — большевик, дипломат и советский академик. Автор многих работ, в том числе: *Демократическая контрреволюция*. М.; Пг., 1923.
- ³ *Коробкин А.А.* Отечественная историография «демократической контрреволюции» (лето-осень 1918 г.) в России. Автореф. канд. дис. /Екатеринбург, 2003. С. 4—5; *Аргунов А.А.* Между двумя большевизмами. Париж, 1919. С. 47.
- ⁴ Подробнее см.: *Литвин А.Л.* Советская историография гражданской войны в Поволжье. Казань, 1988. 134 с.
- ⁵ *Литвин А.Л., Мухарямов М.К.* 1) *Борьба за Казань в 1918 г.* Казань, 1968. 88 с; 2) *Решающий рубеж*. Казань: Таткиноиздат, 1978. 167 с.
- ⁶ *Литвин А.Л., Мухарямов М.К.* *Решающий рубеж*. С. 58.
- ⁷ Подробнее об этом см.: *Боевые подвиги частей Красной армии (1918—1922 гг.)*. Сб. док. М., 1957. С. 193; *Томан Б.А.* Первое Почетное революционное Красное знамя ВЦИК // *Военно-исторический журнал*. 1965. № 2. С. 112-115. — И.И. Вацетису (1873-1938) посвящена обширная литература и сборники документов: *Собрание оперативных телеграмм, приказов и распоряжений главнокомандующего Восточным чехословацким фронтом тов. Вацетиса*.

- 8.VII - 7 IX 1918. М., 1918; *Голубев А.В.* Первый советский главком И.И. Вацетис // Военно-исторический журнал. 1974. № 3. С. 73-83; Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики И.И. Вацетис. Сб. док. Рига, 1978; и др.
- Какурин Н.Е., Вацетис И.И.* Гражданская война. 1918-1921. СПб., 2002. С. 84. Исторический архив. 1993. № 3. С. 134.
- Троцкий Л.Д.* Как вооружалась революция. М., 1923. Т. 1. С. 232-233, 235.
- Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1930. Ч. 2. С. 174. См.: *Рейснер Л.* Свяжск (август-сентябрь 1918 г.) // Пролетарская революция. 1923. № 6-7. С.179; *Гусев СИ.* Свяжские дни // Пролетарская революция. 1924. № 2. С. 102 и след.
- Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Ч. 2. С. 141.
- The Trotsky papers. 1917-1922. London, 1964. V. 1. P. 100, 112.
- Ibid. P. 92-96,106.
- Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 50. С. 178.
- Гусев СИ.* Гражданская война и Красная армия. М., 1925. С. 17. - СИ. Гусев (Я.Д. Драбкин. 1874-1933) в сентябре-декабре 1918 г. член РВС 2-й армии Восточного фронта. Гусев в 1923 г. оправдывал, а в 1925 г., после снятия Троцкого с поста председателя РВС республики, осуждал его. Троцкий писал: «Беда Гусева, как и многих других, в том, что они дважды писали об одних и тех же фактах и вопросах: один раз при Ленине, другой раз при Сталине» // *Троцкий Л.Д.* Сталинская школа фальсификаций. М., 1990. С. 58.
- Пролетарская революция. 1923. № 6-7. С. 185-186. - А.М. Рейснер (1895-1926) - автор многих очерков и публицистических статей. Осенью 1918 г. - жена командующего Волжской военной флотилией Ф.Ф. Раскольников и политработник.
- Троцкий Л.Д.* Коммунистическая оппозиция в СССР. Бенсон, 1988. Т. 3. С. 129. — Председателем военно-революционного трибунала в Свяжске, приговорившим к расстрелу 27 бойцов Петроградского полка, в том числе командира и комиссара, был А.П. Розенгольц. (*Розенгольц А.П.* Из воспоминаний о борьбе за Казань. Борьба за Урал и Сибирь. М.; Л., 1926. С. 22.)
- Пролетарская революция. 1923. № 6-7. С. 188.
- Борьба за Казань. Казань, 1924. С. 13.
- Лацис М.* Интеллигенция и Советская власть (Казанская профессура во время власти Учредилки) // Известия ВЦИК. 1919. 1 марта.
- Красный террор. Казань, 1918. № 1. - Был издан лишь один номер этого журнала. Его переиздание см.: ВЧК уполномочена сообщить... 1918 г. М., 2004. С. 276, 290-291. - М.Я. Лацис (Судрабс) (1888-1938) в июле-ноябре 1918 г. председатель ЧК по борьбе с контрреволюцией на Восточном фронте.
- Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 37. С. 410.

События 6 июля 1918 г. в Москве, связанные с выступлением левых эсеров против политики большевистского правительства, и особенно их политические последствия для Советской России, а также реакция на них на местах по-прежнему вызывают неослабевающий интерес среди российских и зарубежных историков. Московские события имели резонанс на Средней Волге, где бушевал фронт гражданской войны. Казань и Симбирск оказались в эпицентре острых политических столкновений. Был ли предопределен крах коалиционной большевистско-левоэсеровской Советской власти? Почему левые эсеры так легко позволили правительственной партии себя разоружить и объявить «врагами революции»? Какую роль в июльских событиях сыграл главком Восточного фронта М.А. Муравьев? На эти и многие другие вопросы сегодня трудно дать однозначный ответ. В данной статье автор попытался на основе как опубликованных, так и архивных документов, воспоминаний, свидетельств, во-первых, выяснить отношения между двумя советскими партиями к началу выступления ЦК ПЛСР в Москве, во-вторых, воспроизвес-

" <*

ти характер взаимоотношений между левыми эсерами, большевиками и главкомом М.А. Муравьевым в Казани до 10 июля 1918 г., т.е. до его отбытия в Симбирск, в-третьих, восстановить картину развития событий в Симбирске, выступления главкома М.А. Муравьева и отношений между симбирскими левыми социалистами и большевиками вокруг «авантюры» главкома.

В начале июля 1918 г. в Москве ожидалось открытие V Всероссийского съезда Советов. Большевики и левые эсеры готовились к нему. Противоречия между ними в центре нарастали как снежный ком. На заседаниях ВЦИК разгорались жаркие дискуссии. Левоэсеровская фракция, вторая по численности после большевистской, протестовала против восстановления смертной казни, продовольственной диктатуры, комбедов. Основной удар левые эсеры направили против большевистской политики, превращавшей Советы из органов власти трудового народа в проводников партийной диктатуры большевиков. Во всем чувствовалось, что столкновение неизбежно. Левые эсеры предполагали склонить на свою сторону делегатов предстоящего съезда, дать бой больше-

викам на этом Всероссийском форуме. Казанские левые эсеры, как и другие местные организации, также полагались на его решения. Вместе с тем многие газеты, анализируя поведение левых эсеров, писали о «некоторой самоуверенности» левоэсеровских лидеров относительно большинства на съезде и достижения «полной победы». Петроградская «Новая жизнь» оценивала тактику левых эсеров как «блуждание между трех сосен», что ставит «могущественную партию в нелепое трагикомическое положение». В то время, когда история ставит перед левыми эсерами «великую и ответственную задачу» положить начало созданию единого демократического фронта, отказавшись при этом, как писала газета, от «коммунистической утопии сегодняшних дней», левые эсеры до сих пор ищут себя. «Но, может быть, они предпочтут „изжить" себя, как сильную партию?» — задавалась вопросом «Новая жизнь».¹ Завершившийся накануне очередной съезд ПЛСР принял решение бороться за истинную Советскую власть. Однако выборы на съезд Советов не давали большого оптимизма. Хотя фракция левых эсеров оказалась большой (353 левых эсера против 773 большевиков), стало ясно, что предстоит выдержать упорную борьбу на съезде. 2 июля 1918 г. газета «Знамя революции» вышла с требованием равного избирательного права для рабочих и крестьян (1 крестьянский депутат выбирался от 100-150 тыс. человек, а рабочий — от 25 тыс.). При таком «неравенстве» повести съезд за собой было делом сложным. Но выборы уже остались позади. Делегаты прибывали в Москву.

В ЦК ПЛСР рассматривались, по-видимому, разные пути с целью создания благоприятной ситуации для изменения политики Совнаркома. Известно, что еще 24 июня состоялось закрытое заседание ЦК ПЛСР. Судя по протоколу, опубликованному позднее в прессе, речь шла о том, чтобы «в интересах русской и международной революции» в самый короткий срок положить конец «так называемой передышке». Альтернативой ей левоэсеровское руководство видело только революционную войну, «всеобщее восстание крестьян и рабочих» против международного империализма, обложившего Советскую Россию со всех сторон, что грозило гибелью Советской власти. С этой целью ЦК считал возможным осуществить ряд террористических актов в отношении видных представителей германского империализма; организовать мобилизацию надежных военных сил; приложить все меры к тому, чтобы трудовое крестьянство и рабочий класс примкнули к восстанию. «Всеобщее восстание» должно было круто изменить весь курс внутренней и внешней политики Совнаркома. Планировалось подготовить к этой тактике все местные организации партии, призывая их к решительным действиям

против настоящей политики СНК. Восстание российских трудящихся представлялось им тем вновь вспыхнувшим факелом русской революции, который в Бресте большевики почти погасили. Террористический сигнал должен был последовать из Москвы, хотя отмечалось, что таким сигналом может быть и другая форма. «Мы рассматриваем свои действия, — отмечалось на заседании, — как борьбу против настоящей политики Совета Народных Комиссаров и ни в коем случае как борьбу против большевиков. Однако, ввиду того, что со стороны последних возможны агрессивные действия против нашей партии, постановлено в таком случае прибегнуть к вооруженной обороне занятых позиций».² Для учета и распределения всех партийных сил при проведении этого «плана» ЦК партии организует бюро из трех лиц (М.А.Спиридонова, Голубовский и И.А. Майоров).³ Я.Г. Блюмкин в 1921 г. на этих трех человек возлагал ответственность за общее руководство покушением на германского посла.¹ Историки по-разному оценивают этот документ. Одни полагают, что, объявив войну Совнаркому, левые эсеры окончательно скатились на «контрреволюционные позиции», подписав тем самым смертный приговор своей партии. Другие, напротив, считают этот «документ» провокацией ЦК, поводом для расправы большевиков со своими оппонентами. Нам представляется, что эти решения не являлись чем-то непредвиденным, сенсационным, они вытекали из всей предшествующей политики ПЛСР. Но нельзя оценивать принятую резолюцию как антибольшевистскую, а тем более антисоветскую. Важнее понять весь трагизм, всю безысходность ситуации, в которой оказалась левоэсеровская партия. Несмотря на революционный энтузиазм, воскрешение прежних методов борьбы за свои идеалы, левоэсеровское руководство отнюдь не отличалось уверенностью в благоприятном исходе грядущей революционной бури. Многих членов ЦК терзали сомнения. Единства не было. ПЛСР оказалась в очень противоречивом положении: с одной стороны, стремясь спасти Советскую власть от «диктаторского поругания», партия готова была пойти на любые жертвы со своей стороны в пример «лучших боевых подвигов» эсеров, с другой стороны, объявляя политике СНК войну, ПЛСР вольно или невольно оказывалась на положении партии «вне закона», ибо СНК был признан центральным советским правительством, всеми партиями советского блока. «Метущейся» была их позиция в отношении большевиков. Призвать рабочих и крестьян к борьбе с ними они не могли, поскольку РКП(б) в целом представлялась им одним из передовых авангардов рабоче-крестьянской революции. Но и оставить политику Советской власти целиком в руках коммунистов они не желали, так как видели, что социальная ре-

волюция в России «сходит с рельсов», а это грозит утратой многих надежд и потерей завоеваний.

В местных партийных организациях положение во многом зависело от ситуации в центре. Имели место разные мнения в отношении перспектив политического блока с большевиками. В казанской организации присутствовали разные подходы. События 6 июля 1918 г. в Москве поставили губернские организации перед выбором: или сохранить союз с РКП(б), пойти по пути еще большего объединения усилий в условиях начавшейся гражданской войны, или отмежеваться от «гибельной» политики большевистской партии, защитить свою определенную позицию даже если это чревато расколом. К сожалению, в руках историков очень мало документов, которые бы проливали свет на позицию местных левоэсеровских комитетов накануне июльского политического кризиса. Документы III съезда ПЛСР (28 июня - 1 июля 1918 г.) еще не стали руководством к действию. Не подлежит, вероятно, сомнению, что в кулуарах и узком кругу руководителей проговаривались возможные варианты развития событий. Трудно, например, дать однозначную оценку телеграммам из Казани в Москву о том, кто должен представлять интересы Казанского комитета на III съезде партии, когда К.Ю. Шнуровский сообщал, что городская партийная конференция делегировала на партийный съезд И.А. Майорова взамен А.Л. Колегаева, избранного губернской конференцией. Ему же поручалось быть делегатом на V съезде Советов. Мандаты отправлялись с попутчиками.⁵ Думается, что конформистская позиция Колегаева не устраивала некоторых руководителей Казанского комитета, продолжавшего воевать с политикой центра. И.А. Майоров в складывающейся ситуации более подходил к роли радетеля интересов казанских левых эсеров. 3 июля 1918 г. губисполком Совета крестьянских депутатов постановил не выдавать Колегаеву никакого мандата, в том числе и для «присутствия на Всероссийском съезде Советов».⁶ А.Л. Колегаев был вызван срочно в Москву ЦК ПЛСР накануне июльских событий.

События 6 июля в Москве, убийство германского посла и участие в них партии левых эсеров нуждаются в новом прочтении, несмотря на, казалось бы, устоявшиеся представления в исторической литературе. Крайние точки зрения о «мятеже» левых эсеров, равно как и о заранее спланированной провокации большевиков в отношении ПЛСР, на наш взгляд, не приближают к пониманию свершившихся событий. Важно понять «дух 6 июля», всю противоречивость обстановки, в которой оказались и большевики, и левые эсеры одновременно. Когда на V съезде Советов резолюция о недоверии правительству не набрала голосов,

часть руководства левых эсеров склонилась к организации чрезвычайной ситуации — убить Мирбаха. В целом партия не была в курсе подготавливаемого террористического акта. Об этом говорили многие на следствии, начатом большевиками уже в ходе развернувшихся событий. «Все события 6 и 7 июля для меня были полной неожиданностью», — говорил М.М. Булочников, левый эсер, делегат V съезда Советов от Козьмодемьянского уезда Казанской губернии.⁷ Убийство германского посла было инициативой группы членов ЦК, которые решили действовать в обход Советов и даже своей партии с тем, чтобы резко изменить политику Совнаркома. Их действия носили спонтанный характер. Уже в ходе событий, когда Мария Спиридонова пришла на съезд Советов и заявила об убийстве Мирбаха, когда левоэсеровский ЦК обсуждал, должна ли партия в столь невыгодный для нее момент (ставка на съезд была проиграна, левоэсеровская фракция была арестована большевиками) взять на себя ответственность за убийство, среди левых эсеров царил подавленность, непоправимость случившегося. Они осознавали, что избранный волей случая путь ведет в тупик, но было уже поздно. Машина насилия была запущена большевиками и набирала обороты. 7 июля все кончилось: менее чем за сутки главные конкуренты большевиков были устранены с политической арены. «Весь мятеж ликвидирован в один день полностью, — телеграфировал В.И. Ленин К.А. Мехоношину. — Арестованных много сотен человек».⁸ В телеграмме И.В. Сталину в Царицын председатель Совнаркома сообщал ночью 7 июля: «...У нас заложниками сотни левых эсеров. Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов, ставших орудием в руках контрреволюционеров... Будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще!». Через два часа Сталин отвечал Ленину: «Что касается истеричных — будьте уверены, у нас рука не дрогнет. С врагами будем действовать по-вражески».¹⁰ Большевики действовали оперативно. События в Москве были использованы ими против левоэсеровской партии в целом. Местные организации ПЛСР, узнав о событиях в Москве, вынесли свою оценку действиям ЦК. Она была неоднозначной. Следует заметить, что местные партийные организации не были хорошо информированы о происшедших событиях, в ряде случаев получали информацию только из большевистских источников.

В Казани ситуация сложилась следующим образом. Информация из Москвы поступала прежде всего в штаб Восточного фронта, которым командовал М.А. Муравьев, называвший себя левым эсером. В окружении Муравьева, отличавшегося решительностью, волевым характером, были разные люди. Очень близким к главкому оказался начальник снаб-

жения Восточного фронта и Казанского укрепрайона левый эсер Н.К. Трофимовский. Членами Реввоенсовета фронта являлись большевики П.А. Кобозев, К.А. Мехоношин, Г.И. Благодрагов. Отношения между ними и главкомом были не простыми. Когда же из Москвы поступил сигнал о «мятеже» левых эсеров, подозрения усилились. Опасения большевиков имели под собой реальные основания: в условиях сложной обстановки на фронте главком Муравьев, имевший достаточно прочный авторитет в войсках, с его непредсказуемой манерой действий мог представлять потенциальную опасность для центральной власти. Поэтому Совнарком и лично его председатель В.И. Ленин считали крайне важным поддерживать постоянный контакт «по прямому проводу» с членами Реввоенсовета, держать под бдительным контролем ситуацию в Казани. В 4 часа утра 7 июля, как сообщал К.А. Мехоношин, члены Реввоенсовета узнали «помимо Муравьева» о мятеже левых эсеров, известили об этом Казанский Совет и мобилизовали «надежные силы», установив «строгий контроль» над главкомом." Превентивные действия, следовательно, большевики предприняли. В течение всего дня 7 июля продолжались активные контакты между членами Реввоенсовета и Москвой. К.А. Мехоношин направляет запрос В.И. Ленину о положении в связи с «левоэсеровским мятежом» и о позиции в этой ситуации А.А. Колегаева.¹² Во второй половине дня, по данным К.А. Мехоношина, в Казань из Москвы пришло известие о подавлении «мятежа», а «поведение Муравьева и казанских левых эсеров изменилось».¹³ На последнее обстоятельство следует обратить внимание, ибо вслед за Мехоношиным историки отмечали, что до официального сообщения Муравьев и левые эсеры в Казани ждали сигнала из Москвы, чтобы поддержать «левоэсеровскую авантюру» и действовали тем самым в полном согласии с ЦК ПЛСР, но после известия изменили свою позицию, в частности, левые эсеры заняли нейтральную позицию, не осудили и не одобрили деятельность своего ЦК, а Муравьев заверил о своей полной преданности Советской власти, заявив о выходе из ПЛСР, если она идет против Советов.¹⁴ Никаких документальных данных в подтверждение этой версии не сохранилось. Историки оперируют почти исключительно воспоминаниями и свидетельствами. Главком Муравьев действительно, по-видимому, судя по телеграфным переговорам Ленина и Мехоношина, сделал такое заявление. Что касается казанских левых эсеров, то вышеприведенная версия, на наш взгляд, не соответствует действительности, является в известной степени явной натяжкой событий.

Дело в том, что Казанский комитет ПЛСР, по всей видимости, не собирался на свое заседание до получения известия из Москвы, т.е. до

второй половины дня 7 июля. Вообще, точное время этого заседания неизвестно. Можно, конечно, допустить, что казанские левозэсеровские руководители проговаривали определенные варианты развития событий, получили некоторую информацию от членов Казанского Совета. Но это были очень противоречивые сведения и строить на них определенные выводы никто не решался. Никто не знал о том, как ситуация будет развиваться дальше. Ни А.А. Колегаева, ни И.А. Майорова в Казани не было. Оставался К.Ю. Шнуровский. Левые эсеры действительно ждали, но не мятежа, а решений V Всероссийского съезда Советов. Сообщение об убийстве германского посла и о «мятеже» в Москве стало для них неожиданным в такой же мере, как и для местных большевиков. Как только известие из Москвы поступило в Казань, состоялось заседание губернского и городского комитетов партии левых эсеров, на котором присутствовали члены комитетов, в том числе К.Ю. Шнуровский. «Нам не верилось, - писал он позднее, - что ЦК ответственен за убийство Мирбаха. Мы готовы были это известие приписать „большевистским измышлениям" против левых эсеров».¹⁵ Из-за отсутствия стенограммы этого заседания трудно судить об атмосфере, царившей среди собравшихся. Но уже тогда, по-видимому, выявились противоречия в оценках линий ЦК в событиях 6 июля в Москве. Шнуровский, вспоминая об этом заседании в начале 20-х годов, естественно старался показать, что его точка зрения взяла верх. Возможно, так и было. На заседании была вынесена резолюция с отрицательным отношением к факту убийства Мирбаха, ибо для многих стало очевидным, что этот акт дает Германии право оккупировать Россию, а это, безусловно, не в интересах русской революции.¹⁶ Ни о каком «левозэсеровском восстании» на заседании не говорилось. Подробности случившегося ожидалось от участников событий, делегатов V съезда Советов. По данным историка А.Л.Литвина, левые эсеры командировали в Москву П.Н. Ионова для выяснения обстановки.¹⁷

Тем временем большевики, члены Реввоенсовета, продолжали тесно контактировать с центром. Вечером 7 июля В.И. Ленин поручил секретарю СНК Н.П. Горбунову передать в Казань П.А. Кобозеву, К.А. Мехоношину, Г.И. Благодравову сообщение о том, что «мятеж» ликвидирован в один день, что он лично беседовал с Колегаевым о происходящем и что тот заверил его в отрицательном отношении к политике ЦК ПЛСР.¹⁸ «Левые эсеры похвалялись, - сообщал он, - что они рассчитывают на Муравьева, я думаю, что это простая похвальба...»¹⁹ «Я не сомневаюсь, - говорил Ленин, - что безумно-истеричная и провокационная авантюра с убийством Мирбаха и мятежом центрального

комитета левых эсеров против Советской власти оттолкнет от них не только большинство из рабочих и крестьян, но и многих интеллигентов».²⁰ Председатель Совнаркома уже знал о решении Муравьева выйти из партии левых эсеров. Об этом в центр сообщил Мехоношин. Но Ленин требовал не сводить глаз с Муравьева, попеременно дежурить при нем, дать гарантию, что главком не пойдет «на эту глупую авантюру», строжайше контролировать каждый его шаг. «Запротоколируйте заявление Муравьева о его выходе из партии левых эсеров, продолжайте бдительный контроль. Я уверен, что при соблюдении этих условий нам вполне удастся использовать его превосходные боевые качества. Борьбу с чехословаками и казаками надо вести с тройной энергией».²¹ 8 июля Реввоенсовет отдал приказ, запрещающий внештатные формирования. Коммунистическим дружинам предписывалось зарегистрироваться в военных комиссариатах, а боевые дружины левых эсеров были обязаны сдать свое оружие в ЧК до 31 июля. Неисполнение этого приказа, обнаружение скрытого оружия влекло за собой расстрел виновного.²² Антилевоэсеровская направленность этого приказа была очевидна. В Казани, по данным А.Л.Литвина, находились две боевые дружины левых эсеров, примерно ²³около 200 бойцов, вооруженных пулеметами, винтовками и гранатами.

9 июля казанские большевики и левые эсеры продолжали определять свои позиции по отношению к происшедшим событиям. На заседании губисполкома Совета крестьянских депутатов под председательством Шнуровского слушался доклад члена исполкома, делегата V Всероссийского съезда Советов левого эсера Тухватуллина, сообщившего о полемике, возникшей на съезде, перешедшей в раскол между партиями. В протоколе отмечается, что Шнуровский объявил заседание закрытым и просил покинуть зал лиц, не принадлежащих к составу губисполкома. В постановлении говорилось, что доклад принимается к сведению.²⁴ Никаких заявлений не делалось. Первое заявление от Казанского комитета РКП(б) было опубликовано в этот же день в газете «Рабочий». Оно выдержано в спокойном тоне, что заставляет усомниться в повторяющемся в исторической литературе тезисе о том, что казанские большевики и чекисты сразу перешли к решительным действиям против левых эсеров. В заявлении речь шла о натиске контрреволюции. Со стороны интервентов, правых эсеров и меньшевиков эта попытка потерпела провал. Теперь «отдельные группы партии левых эсеров встали на путь предательской тактики правых эсеров, восставая против рабоче-крестьянского правительства».²⁵ Констатировался факт убийства Мирбаха. «Как должен реагировать пролетариат на эту про-

вокацию? - звучал вопрос в тексте заявления. - Он должен прислушаться к голосу своей руководящей партии коммунистов. Приближается развязка. Да здравствует гражданская война!»²⁶ О казанских левых эсерах не говорилось ни слова. Заявление подписали представители Казанского МСК, а также члены Реввоенсовета Восточного фронта К.А. Мехоношин и П.А. Кобозев. Более того, по свидетельству Шнуровского, он настоял на созыве совместного заседания партийных комитетов левых эсеров и большевиков, которое состоялось в тот же день 9 июля. Обе стороны, судя по высказыванию Шнуровского, дали общую отрицательную оценку убийства Мирбаха и решили в целях дальнейшей «дружной работы» партий взаимно осведомлять друг друга о дальнейших шагах своих комитетов.²⁷

Главная опасность, по мнению большевиков, членов Реввоенсовета, могла тогда исходить от главкома Муравьева. Поэтому днем 9-го и в ночь на 10-е июля они не только зорко следили за каждым его шагом, но и попытались блокировать его. Главком это видел и стремился, с одной стороны, рассеять домыслы и слухи о своей причастности к «авантюре левых эсеров» в Москве, с другой стороны, обдумывал дальнейший план своих действий. Утром 9 июля он направил из Казани на фронт приказ такого содержания: «Объявите войскам наших армий, что пусть они не обращают внимания на события, которые произошли в Москве. Всем приказываю, начиная от командира и кончая рядовыми солдатами-революционерами, независимо от политических убеждений, продолжать беспощадную борьбу с чехословацким контрреволюционным движением, закрепляя власть Советов, и тем исполните свой революционный долг перед рабочим и крестьянским правительством, которое возложило на всех нас ответственную задачу окончательно восстановить торжество революции и Советской власти и раз и навсегда покончить со всеми авантюристическими выступлениями, которые заранее обречены на гибель и будут беспощадно уничтожаться. Вперед, уже победа близка, и мы снова водрузим наше знамя на костях наших врагов».²⁸ Председатель Казанской ЧК и военный комендант Казани П.А. Кин сообщил П.А. Кобозеву, что по имеющимся в его распоряжении сведениям Муравьев и левые эсеры в городе что-то затевают.²⁹ Члены Реввоенсовета срочно созывают совещание в штабе фронта, располагавшемся в номерах Шетинкина на Большой Проломной улице, приглашают главкома, П.А. Кина, губвоенкома, большевиков. Разговор шел о предотвращении «возможного контрреволюционного выступления» в Казани, приведения в боевую готовность сил, мобилизации войск для нового наступления на фронте. Однако за внешней революционной

решимостью сторон рождались тайные планы. Большевики в Реввоенсовете вынашивали план ареста Муравьева не только потому, что центр не питал к нему доверия, но прежде всего потому, что в руководстве фронтом имелись непримиримые разногласия. Своенравный характер, диктаторские манеры главкома явно были не по душе членам Реввоенсовета. Военные кадры, комиссаров Муравьев часто подбирал и назначал единолично. Арестовать его в Казани было делом рискованным, ибо Муравьев имел вес в частях. Кроме того, большевистские комиссары опасались возможного вооруженного конфликта с нежелательными последствиями. Тогда возник план разрешить Муравьеву выехать на фронт, а он хотел этого для подъема духа войск, вместе с комиссаром Г.И.Благодравовым и группой большевиков и по дороге арестовать его, отправив в Москву. Муравьев уже на совещании понял, что тучи вокруг него сгущаются, дело явно идет к аресту. Внешне он держался спокойно и даже вернул назад конницу Трофимовского, когда всадники появились на Большой Проломной, чтобы поддержать своего главкома, а потом, вернувшись в комнату совещания, сказал: «Ну вот, Вы меня подозревали в измене, а я целиком ведь Ваш».³⁰ Собравшиеся решили, что главком вместе с Благодравовым в 9 часов утра 10 июля на яхте «Межень» отправится в Симбирск. Но этому плану не суждено было сбыться. Муравьев принял другое решение, руководствуясь, по-видимому, во-первых, стремлением избежать ареста и бдительного контроля, во-вторых, сыграть свою роль в складывающейся обстановке, если даже задуманное грозило непредсказуемыми последствиями и граничило с авантюрой. Последнее обстоятельство хотелось бы особенно подчеркнуть, учитывая энергичную натуру главкома, его психологическое состояние в те дни. Ночью 10 июля, собрав преданных ему штабных офицеров, отряд, арестовав ждавших его большевиков, Муравьев около 4 часов утра отплыл из Казани в Симбирск. Так закончилась казанская страница его деятельности.

Возникает вопрос о связи казанских левых эсеров с Муравьевым. В историографии он решался однозначно: левый эсер Муравьев готовил антисоветское выступление с момента приезда в Казань и обрел в лице местных левых эсеров своих единомышленников, ждал сигнала из Москвы, готовясь захватить Казань. В качестве доказательства приводились примеры назначения Муравьевым на руководящие военные и комиссарские должности «своихлюдей», формирование «особой армии» и другие. В этом, на наш взгляд, не было ничего предосудительного. Называя себя левым эсером, Муравьев естественно отдавал предпочтение этой советской партии. К тому же левые эсеры в Казани занима-

ли важные посты в советских учреждениях, что позволяло решать военно-хозяйственные вопросы, ибо Восточный фронт находился в стадии формирования. Муравьев напрямую выходил на губисполком. Например, 6 июля губисполком рассматривал вопрос о мобилизации лошадей на нужды фронта, поставленный главкомом, и была создана специальная комиссия для его решения.³¹ Назначение Колегаева, не замеченного в антисоветских действиях, на должность заместителя политического комиссара фронта обеспечивало тесную связь командования с губернскими властями. У большевиков подобное общение с местными левыми эсерами вызывало настороженность, а чекисты своим «классовым чутьем» стали подозревать его в измене. Конечно, было бы неверно полностью игнорировать расчеты самого главкома, хотя бы потому, что это была волевая и очень противоречивая личность, но еще большим искажением хода событий было желание авторов выстроить четкую логическую цепочку о едином заговоре Муравьева, казанских левых эсеров и ЦК ПЛСР. Впрочем, эта версия была выстроена уже по горячим следам событий в большевистской прессе тех дней. Официальные заявления большевиков, их передовые статьи в «Знамени революции» на десятилетия закрепили образ Муравьева, руками которого левые эсеры в Казани «хотели поднять восстание против Советской власти, творили свое преступное дело»,³² «благословили муравьевский трюк с объявлением войны Германии»³³ и тому подобное.

17 июля в газете «За землю и волю» казанские левые эсеры выразили свое отношение к «симбирской аванюре» Муравьева, сообщив, что партия считает его не более и не менее как авантюристом, а за его поступки они не отвечают. Сказано это было в момент резкого обострения обстановки в Казани, когда большевики перешли в наступление на левых эсеров. Интересны воспоминания А.А. Колегаева. «По приезду Муравьева у меня сложилось впечатление, что у него в кармане никаких директив от ЦК (с.-р.-ов) нет. Но зато он получил инструкцию (от Камкова и Карелина) организовать армию так, чтобы она была в руках левых эсеров. Однажды мы с ним поехали в поле на автомобиле, он отвел меня в сторону, разоткровенничался и объяснил мне возможность германской ориентации (думается, что Колегаев имел в виду желание Муравьева обратить армию против Германии. — С.С). При этом у меня получилось впечатление, что он не совсем в курсе дел. Тут же он стал как бы извиняться за разговор и старался его замять».^{34,1} Автор лишней раз подтверждает противоречивость фигуры главкома. Нам представляется, что контакты между главкомом и казанскими левыми эсерами безусловно имели место. Но они не оформились и не могли оформить-

ся в единый крупномасштабный заговор по той простой причине, что к моменту отъезда Муравьева в Симбирск казанская левоэсеровская организация стояла на позициях осуждения убийства Мирбаха и только определяла свою позицию к московским событиям, выразив устами Шнуровского желание дальнейшей «дружной работы» с большевиками. Допуская, что Н.Д. Ефремов и другие «радикалы» до 10 июля имели «какие-то контакты» с Муравьевым на политической почве, следует заметить, что не они тогда еще определяли политическую линию организации. На наш взгляд, взвешенной является позиция историков А.Л. Литвина и Л.М. Овруцкого, которые замечают, что нет оснований говорить о прямой логической связи между событиями в Москве 6 июля и выступлением Муравьева на Средней Волге.³⁵ Время не прибавило каких-либо новых доказательств этой связи, а имеющиеся версии так и остаются гипотезами развития событий и не более.

Первые сообщения о событиях 6 июля 1918 г. в Москве пришли в Симбирск в ночь на 7 июля. Через сутки стало известно, что с «левоэсеровским мятежом» покончено. Вечером 8 июля в здании кадетского корпуса, где размещался губисполком, начались фракционные заседания левых эсеров, максималистов, большевиков. Губисполком должен был отреагировать на происшедшее в столице. До нас не дошли материалы этих фракционных заседаний. Но известно, что возникали споры, шли бурные дебаты. По свидетельству большевиков Б.Н. Чистова и Н.П. Зверева, участников этих вечерних бдений, комитеты левых эсеров и максималистов публично так и не заявили о своей позиции в происходящих событиях.³⁶ По всей вероятности, руководство комитетов не имело для этого достаточной информации, а сведения из Москвы носили очень односторонний характер. Большевистская фракция настаивала на определенности, ставила вопрос ребром: можно ли еще сотрудничать с местными фракциями «мелкобуржуазных партий», или всякие контакты придется порвать. Политическая неопределенность в прифронтовом Симбирске, по мнению большевиков, нетерпима. Особую настойчивость и непреклонность проявлял секретарь губкома РКП(б) Иосиф Михайлович Варейкис. Большевиков беспокоила не столько реакция левых эсеров и максималистов на московские события, сколько сосредоточение в их руках военной власти. Многие не могли в складывающейся ситуации понять, до каких пор левые эсеры будут оставаться на руководящих постах, в частности в губвоенкомате и штабе Симбирской группы войск. Для многих прозвучавший из Москвы сигнал о «мятеже» все ставил на свои места и автоматически лишал левых эсеров властных полномочий. «После левоэсеровского мя-

тежа в Москве терпение в рядах нашей большевистской организации начало истощаться, — свидетельствовал Г.Д. Каучуковский. - Все товарищи, с которыми приходилось встречаться в эти дни, настойчиво требовали немедленной изоляции левоэсеровских лидеров». ³⁷ Оказались известны большевикам и некоторые «странные» приказы главкома Симбирской группы войск К.Ф. Иванова. «Приказываю Вам, - говорилось в послании командиру Самарских боевых дружин Г.Д. Гаю 8 июля 1918 г., - отправить в мое распоряжение Самарскую боевую дружину левых эсеров». ³⁸ Г.Д. Гай предписывал 9 июля начальнику дружины левых эсеров П.Ф.Устинову немедленно отбыть из Сенгилея в Симбирск в распоряжение главкома. ³⁹ И это в тот момент, когда полным ходом шла подготовка операции по взятию Самары.

Тревога большевиков возрастала, и «партийцы», по выражению Г.Д. Каучуковского, «с минуты на минуту ждали сигнала, чтобы выступить против левых эсеров». ⁴⁰ Однако на заседании президиума губисполкома левоэсеровская фракция осудила убийство Мирбаха и присоединилась к большевистской резолюции по этому вопросу. Это поставило большевиков в затруднительное положение. 9—10 июля 1918 г. левые эсеры не предпринимали никаких «противозаконных» действий, заявили о своем непричастии к «мятежу» в Москве, вели себя настороженно. Симбирский губисполком на своем заседании 9 июля также осудил убийство германского посла, а «восстание на Советскую власть», с какой бы стороны оно не исходило, посчитал «преступлением против Советской республики». ⁴¹ Правда, по данным Б.Н. Чистова и Н.П. Зверева, на заседании губисполкома левые эсеры вдруг выдвинули декларацию против Брестского мира, в результате чего большевистская фракция прервала заседание, обвинив левых эсеров в маневрировании. ⁴² В целом ситуация в Симбирске оставалась спокойной и, вероятно, сохранялась бы таковой, если бы не прибытие в город главкома Восточного фронта М.А. Муравьева.

Так называемая «авантюра Муравьева» многократно упомяната и описана в отечественной исторической литературе о гражданской войне, а также в многочисленных воспоминаниях участников событий 10—11 июля 1918 г. в Симбирске. Общий вывод о том, что Муравьев решился на беспрецедентный шаг, объявив себя Верховным главнокомандующим и российским Гарибальди, заявил о прекращении войны на Восточном фронте и объявил войну Германии, не подвергался и не подвергается сомнению в современной историографии. Куда более интересное и проблематичнее вопрос об истоках его поступка и связанных с этим действий. До недавнего времени ответ на него был ясен: ле-

вый эсер Муравьев, связанный с ЦК ПЛСР, в нужный момент решил повернуть свои войска на запад и двинуться на Москву. Таким образом, налицо был единый антисоветский заговор левых эсеров, закончившийся провалом «мятежа» в Москве и ликвидацией «авантюры» в Симбирске. Однако, думается, что эта версия, превратившаяся в аксиому, все-таки дает упрощенную картину развития событий. Во-первых, потому, что никаких документов, подтверждающих эту версию нет; во-вторых, большинство свидетельств исходило от большевиков, умевших как никто другой выстроить логические связи в «делах контры»; в-третьих, меньше всего учитывалась фигура самого Муравьева, т.е. психологические аспекты «авантюры» подчинялись закономерному «стечению обстоятельств». Возникшая в начале 90-х годов XX в. версия об отсутствии прямой логической связи между событиями 6 июля в Москве и выступлением Муравьева на Волге,⁴³ на первый взгляд, меняет плюс на минус, но, как нам представляется, дает больше шансов на понимание происходившего. Интерес представляет вопрос о связях Муравьева с поволжскими левыми эсерами, отношении последних к его заявлениям и действиям.

8 июля 1918 г. в Казани М.А. Муравьев получил телеграмму, в которой содержались подробности убийства Мирбаха и выступления левых эсеров. По свидетельству его адъютанта А.Д. Логинова, в дальнейшем сотрудника ВЧК, он заявил, что «я хотя и левый эсер, но в настоящее время, как главнокомандующий советскими войсками, остаюсь внепартийным, потому что считаю своей обязанностью докончить борьбу с чехами. В 3 часа ночи на 10 июля мы выехали из Казани».⁴⁴ В 10-15 верстах от Симбирска пароход остановился. Главком обратился к собравшимся с речью. Он заявил, что прекращает войну с чехами и объявляет войну Германии. «Я уверен, что за мной пойдут левые эсеры, максималисты, анархисты и большевики-бухаринцы, которые не признают Брестского позорного мирного договора».⁴⁵ Затем он объявил себя Верховным главнокомандующим, подчеркнув, что всецело стоит за Советскую власть, выразив уверенность, что войска пойдут за ним и что в Симбирске его ждут преданные части. Под призыв следовать всем на германские баррикады на палубе грянуло «Ура!».⁴⁶ Чем объяснить этот поступок Муравьева? Верностью тем «обязательствам», которые «давал» главком ЦК левых эсеров? Маловероятно, ибо верным партийцем он никогда не был. «Это был себялюбивый авантюрист, и ничего больше, — свидетельствовал находившийся в его подчинении командир 1-й армии М.Н. Тухачевский. — „Левозерство“ его было совершенно фальшивое, служило ему лишь ярлыком»⁴⁷. Амбициозностью, стремлением сыграть свою роль? Вероятно. Большинство лично знавших или

видевших этого человека подчеркивали эту черту его характера. Личные амбиции руководили многими его поступками. Представляется, что амбициозность в совокупности с ущемленным чувством раздавленности после Бреста обусловили шаг Муравьева. Ситуация подозрительности и контроля, которая сложилась вокруг него в штабе Восточного фронта, лишь ускорила его «бунт». В этом контексте, на наш взгляд, нельзя сбрасывать со счетов и события 6 июля.

В 7 часов вечера 10 июля пароход «Межень» причалил к симбирской пристани. Вместе с Муравьевым прибыло несколько сот красноармейцев. И.М. Варейкис называл цифру 1 тыс. человек,⁴⁸ а В.В. Куйбышев сообщал в Москву о прибытии 600 солдат.⁴⁵ По свидетельству А.Д. Логинова, тут же на пароход прибыл начальник броневого дивизиона Беретти. После короткого совещания Муравьев посылает отряд из 60 человек с четырьмя пулеметами занять Совет и арестовать всех большевиков. Другой отряд в 40 человек с тремя пулеметами был отправлен на телеграф. Вскоре Муравьев, Беретти, начальник штаба Ремезов поехали в город. Пароход охранялся часовыми и прибывшими вскоре двумя броневиками.⁵⁰ Отряды Муравьева брали под свой контроль важнейшие объекты в городе, окружили здание Совета, направив на окна дула пулеметов, взяли железнодорожную и телефонную станции, телеграф, банк, почту, Троицкую гостиницу. Аресту подверглись член президиума губисполкома К.С. Шеленшкевич, политкомиссар штаба Симбирской группы войск С.А. Лавров и некоторые другие. На Соборной площади, перекрестках центральных улиц выставлены патрули. Арестованным оказался и командарм М.Н. Тухачевский, отправленный под конвоем на станцию Симбирск-1. Позднее он сообщал, что вызванный Муравьевым для доклада на пароход «был предательски арестован».⁵¹ На сторону Муравьева перешли некоторые части, в том числе Латышский полк, кроме одной роты, охранявшей здание кадетского корпуса, где размещался Совет. С симбирского телеграфа рассылались телеграммы в войска. «Всем рабочим, крестьянам, солдатам, казакам, матросам и анархистам. Всем моим друзьям и боевым сподвижникам наших славных походов и битв на Украине и юге России. Ввиду объявления войны Германии приказываю встать под свои знамена для кровавой и последней борьбы с авангардом мирового империализма — германцам. Да здравствует всеобщее восстание. Главнокомандующий Муравьев. Симбирск. 10 июля 1918 г. 10 ч 16 мин».⁵²

Симбирский губисполком не ожидал появления Муравьева. Многие его члены оказались в растерянности, узнав о случившемся. Когда в губисполком, пришла весть о прибытии главкома Восточного фронта,

то предполагалось, что он прибыл в Симбирск, чтобы возглавить наступление советских войск на Самару. Губисполком готовился встретить главкома, но Муравьев пригласил И.М. Варейкиса, М.А. Гимова, С.М. Измайлова и других большевиков к себе на пароход. Только случайность (не оказалось свободного автомобиля) задержала их, и они избежали ареста. Начавшиеся затем странные передвижения войск сразу насторожили губисполком, а захваты учреждений, первые речи Муравьева перед красноармейцами сразу ассоциировали происходившее с московскими событиями. Ни большевики, ни левые эсеры еще не обладали сколько-нибудь полной информацией о происходящем. Лишь постепенно, в сумерках опустившейся над городом ночи, кое-что стало проясняться. Губисполком оказался блокированным. Отключены телефоны. Власти оказались без войск. И.М. Варейкис, не зная, что М.Н. Тухачевский уже арестован, обратился к нему за помощью. «Мы изолированы в губисполкоме, надежных войск у нас нет, — писал он. — Измена командующего фронтом намного ухудшает нашу борьбу с белочехами и может стать сигналом для выступления левых эсеров и в других городах Поволжья. Немедленно окажите помощь Симбирску».⁵³ И.М. Варейкис решил действовать, собрать все возможные силы, чтобы ликвидировать заговор.

Тем временем левые эсеры пребывали в настороженном состоянии, особенно левоэсеровская фракция губисполкома. Муравьев уже вошел в контакт с группой военных левых эсеров, ввел их в заблуждение, изображая из себя триумфатора положения. Он вызвал к себе командующего Симбирской группой войск левого эсера К.Ф. Иванова и предложил ему присоединиться к «правому делу». Впоследствии К.Ф. Иванов писал, что в ответ на его вопрос Муравьеву, действует ли он по решению партии левых эсеров, последний заявил, что «действует в данный момент самостоятельно, но Центральный комитет партии левых эсеров об этом знает».⁵⁴ Недоумение вызвали телеграммы Муравьева у командира сводного отряда самарских боевых дружин левого эсера Г.Д. Гая. Судя по его воспоминаниям, они «как гром ошеломили нас». На совещании в Сенгилее было принято решение продолжить наступление на Самару. «Все отряды, в том числе и дружины левых эсеров и максималистов полностью присоединились к нашему решению».⁵⁵ В 12 часов ночи, по сведениям А.Д. Логинова, Муравьев со своей свитой возвратился на пароход. С ним «еще прибыли левые эсеры Вьюгин и другие (фамилии не знаю)».⁵⁶ Неизвестно, был ли с ними К.Ф. Иванов или он уже исполнял приказы Муравьева. Однако присоединение его и некоторых других военных левых эсеров к задуманной акции, вероятно, не подлежит сомнению.

В 2 часа ночи 11 июля Муравьев и его сторонники вновь покинули пароход и направились в Троицкую гостиницу. «Подъехали к Троицкой гостинице, где Муравьев пообедал в отдельном кабинете вместе с левыми эсерами», — вспоминал его адъютант.⁵⁷ Еще в полночь было решено созвать заседание губисполкома. Но фракция левых эсеров, как свидетельствовал И.М. Варейкис, «собралась целиком и отправилась в Троицкую гостиницу на совещание с Муравьевым».⁵⁸

Об этом совещании, продолжавшемся около часа, известно очень немного. Судя по воспоминаниям Б.Н. Чистова и Н.П. Зверева, собрался актив левых эсеров и максималистов. Перед ними выступил Муравьев, предложил образовать «Поволжскую республику», а Советы «подкрепить всенародным Учредительным собранием». Председатель левоэсеровского комитета С.П. Петров задал ему вопрос о том, как можно объединить Советы и Учредительное собрание, ибо сейчас это будет означать замирение с белогвардейской армией. «Ничего невозможного нет», — раздраженно ответил Муравьев. Затем, по их мнению, приступили к формированию правительства Поволжской республики.⁵⁵ Трудно судить, что происходило в действительности в номерах гостиницы. Ясно, однако, что не все левые эсеры и максималисты готовы были броситься на эту авантюру, далеко не все разделяли оптимизм главкома. Против выступил максималист М.Б. Гольман. Как говорил на VII губернском съезде Советов в январе 1919 г. М.А. Гимов, «лишь только один тов. Гольман остался на своем революционном посту и всеми силами, невзирая ни на что, стоял против этой авантюры».⁶⁰ За ним последовало еще несколько человек, отказавшись от голосования.⁶¹ Остальные либо воздерживались, либо поддерживали эту идею. Но смятение так и не покидало левоэсеровскую фракцию. Есть мнение, что М.Б. Гольман сообщил И.М. Варейкису о планах Муравьева.⁶² Вероятно, так и произошло, если судить по дальнейшим действиям симбирских максималистов. «Нам донесли, что она (фракция левых эсеров. — С.С.) присоединяется к предложению Муравьева», — вспоминал И.М. Варейкис.⁶³

Одновременно большевики, окруженные в губисполкоме, не сидели сложа руки. Опираясь на богатейший опыт легальной и нелегальной работы, они занялись разложением частей Муравьева. Группа большевиков рассеялась по войскам. Разъяснительная работа дала свои плоды. Первыми перешли на сторону губисполкома латышские стрелки и отряд интернационалистов. В кадетский корпус проникла делегация от бронедивизиона Беретти, заявившая, что им кажется, что Муравьев заговаривает что-то неладное против Совета. «Мы пояснили, — писал И.М. Ва-

рейкис, - что Муравьев перешел на сторону чехословаков. В таком случае, заявила делегация, ни один броневик не выпустит ни одного снаряда по Совету (а броневиков было 6 штук). Я их от имени фракции и нашей партии поблагодарил и попросил, чтобы они вошли в соглашение с другими отрядами».⁶⁴ Агитацию против Муравьева начал и арестованный Тухачевский среди часовых, охранявших его. «На вопрос одного из них, за что я арестован, я ответил: „За то, что я большевик“. Это произвело сильное впечатление, так как все они были большевиками».⁶⁵ Ночью перевес сил оказался уже на стороне Совета. Большевики во главе с И.М. Варейкисом приняли решение арестовать Муравьева, устроить специальное заседание губисполкома для обсуждения создавшейся обстановки, заманив на него главкома. Муравьева пригласили на открывающееся заседание, предварительно организовав засаду внутри здания. Муравьев посчитал, что часы губисполкома сочтены, здание окружено верными частями, и теперь пришло время продиктовать свой ультиматум.

Операция большевиками была тщательно подготовлена. Об этом подробно писал И.М. Варейкис. Предусматривалась даже возможность ареста фракции большевиков. На этот случай М.А. Гимов, скрывавшийся на время, обязан был продолжить борьбу с Муравьевым уже вне стен кадетского корпуса. В 3 часа ночи из Троицкой гостиницы по направлению к кадетскому корпусу шел Муравьев. С ним было несколько вооруженных матросов, а также, по воспоминаниям Г.Д. Каучуковского, «левые эсеры Белешин, Миронов, Иванов, Недашковский и еще кто-то»,⁶⁶ т.е. военные левые эсеры. На заседание явилась левозсеровская фракция, так и не определившаяся окончательно в своем выборе и ожидавшая решений губисполкома. Пришедшие прошли в комнату заседания. Оставленные у дверей конвоиры спустя 10 минут были сняты латышскими стрелками. Вооруженная засада сидела в соседних комнатах, направив пулеметы на комнату заседаний и ожидала сигнала. «Иванов, левый эсер, — писал И.М. Варейкис, — по-видимому, узнал про засаду и предложил перейти в другую комнату. Но я, чтобы избежать этого, просто объявил собрание открытым. Таким образом вопрос разрешился. Мы остались в необходимой для нашей цели комнате».⁶⁷ После небольшого вступления И.М. Варейкис предоставил слово Муравьеву. Он говорил самоуверенно, ультимативно. Большевики, взяв слово, дали ему «достойный отпор». Фракция левых эсеров, по свидетельству И.М. Варейкиса, сначала склонялась к поддержке Муравьева, но после решительного протеста со стороны большевиков, а главное, после того как они привели факты, ясно показывающие, что «мятежник» уже дал

распоряжение оголить фронт, отвести войска с позиций, потребовала перерыва для фракционного совещания.⁶⁸ Левые эсеры, по мнению Варейкиса, как-то сразу смутились и, видимо, догадывались, что большевики что-то затевают. Муравьев, не ожидавший такой решительной оппозиции и колебаний фракции левых эсеров, заявил, что его дело сделано, встал, посмотрел в упор на Варейкиса, страшно побледнел, растерянно поглядывал по направлению к двери. «Я пойду, успокою отряд», — сказал он и направился к двери. Варейкис махнул рукой, подав тем самым сигнал засаде. Дверь распахнулась и главком оказался лицом к лицу с вооруженными красноармейцами. Ему заявили, что он арестован. Крикнув, что это провокация, Муравьев схватился за маузер, хотел открыть стрельбу. После 6–7 выстрелов с той и с другой стороны Муравьев свалился убитым. Все произошло в одно мгновение около 4 часов утра. Когда Муравьев уже был убит, свидетельствовал Г.Д. Каучуковский, «напряженное настроение стало заметно сменяться растерянностью... Часть красноармейцев бросилась к выходу. Некоторое время никто не знал, что делать дальше. Надо сказать, что не все муравьевские части были нами распропагандированы, а многие из тех, которые перешли на нашу сторону, не представляли себе, что дело кончится убийством Муравьева».⁶⁹

Левозэсеровская фракция заявила, что она идет с большевиками и будет исполнять свои обязанности. Имелось в виду командование Симбирской группой войск и руководство военным комиссариатом. Военские части переходили на сторону Совета. Командование гарнизоном и обязанности чрезвычайного коменданта города взял на себя И.М. Варейкис. К.Ф. Иванов был арестован. Вместо него губвоенкомом был назначен большевик В.Н. Фрейман. В Сенгилее была задержана и разоружена левозэсеровская дружина П.Ф.Устинова.⁷⁰ Итак, левозэсеровская фракция Симбирского Совета после долгих колебаний не поддержала Муравьева. Чаша весов в конечном итоге склонилась в пользу продолжения сотрудничества с большевиками. «Брестский синдром» чуть было не погубил симбирский левый блок.

11 июля 1918 г. весть о событиях в Симбирске обошла Поволжье и страну. Губисполком телеграфировал во все уездные Советы Симбирской губернии, что авантюра Муравьева была ликвидирована, он убит, а его телеграммы как провокационные не подлежат исполнению.⁷¹ Вечером 11 июля И.М. Варейкис, чтобы развеять все слухи, направил телеграмму Ленину, в которой изложил все происшедшее. Он отметил, что Муравьев изменил Советской власти, объявив войну с Германией. В отношении фракции левых эсеров он сообщил, что сначала она присоеди-

нялась к нему, но потом левые эсеры снова присоединились к нам.⁷²

Несмотря на заверения, левые эсеры «влипли» в муравьевскую авантюру. Большевики поставили вопрос об этом на своем первом общем собрании 11 июля, сразу по горячим следам событий. Фрейман, сделав подробный доклад о событиях в Симбирске, указал, что левые эсеры «прекрасно знали о предстоящем выступлении», а действия Муравьева были тесно связаны с центром. И.М. Варейкис, не вдаваясь в такие подробности, лишь указал, что с приездом Муравьева левые эсеры вели себя вызывающе, но когда убедились, что победа за нами, они «опять как всегда стали подлизываться к нам».⁷³ Соснин и Иванов настаивали на аресте всех левых эсеров, ибо «измена их вполне ясна». Это предложение сначала большинством голосов принимается. Но затем комиссар труда И.Х. Иванов и Г.Д. Каучуковский заявили, что арест всех недопустим, ибо «никаких указаний на то с центра мы не имеем». В центре, разъярившись они, высказывались лишь за арест тех, кто принял участие в аванюре 6 июля. Поэтому Г.Д. Каучуковский предложил переголосовать резолюцию и подчиниться центру. В итоге «ввиду неправильного голосования и малочисленности товарищей» вопрос был перенесен до следующего общего собрания.⁷⁴ И в дальнейшем симбирские большевики считали нежелательным муссирование этого вопроса в условиях сложной военной обстановки под Симбирском. «Мы решили, — писал И.М. Варейкис, — временно оставить их на месте, чтобы резкая перемена не отразилась на фронте пагубно».⁷⁵ Зато телеграмма с далеко идущими выводами была отправлена из Симбирска 14 июля 1918 г. В.В. Куйбышевым на имя Я.М. Свердлова. Она адресовалась и особой следственной комиссии по делу левых эсеров. Куйбышев подчеркнул, что Муравьев «продолжил неудачную авантюру левых эсеров», а симбирские их товарищи дважды совещались с Муравьевым, и только единицы держались в стороне.⁷⁶ Тем самым, давалось понять, что нельзя не видеть за всем случившимся единую цепочку антисоветского заговора.

12 июля свой вердикт о событиях в Москве и Симбирске вынесла Симбирская организация максималистов. На собрании была принята специальная резолюция по текущему моменту, подписанная М.Б. Гольманом, председателем областного бюро максималистов, и секретарем П.И. Цыганковым, сохранившаяся в архивных фондах,⁷⁷ ранее не опубликованная. В ней говорилось, что выступление левых эсеров в Москве как форма протеста против Брестского мира является недопустимой в деле отстаивания своих политических целей. Возникшие разногласия между партиями трудового народа не должны вести к террору. «Московская затея» лишь ослабила ряды Советской власти, но в то же вре-

мя усилила ряды настоящей «левой» оппозиции в лице эсеров-максималистов, которые вправе отмежеваться от ЦК ПЛСР, так и не выработавшего своей определенной программы. Максималисты предлагали левым эсерам «выяснить свои современные лозунги», а до этого порвать соглашения с ними. «Мы рассматриваем авантюру Муравьева как белогвардейскую попытку использовать свое положение по службе для контрреволюционного переворота, направленного к низвержению Советской власти. Ни на какой разрыв с коммунистами мы не пойдем в практической советской работе, сняв с себя ответственность за тактику во внешней политике центральных органов власти, от участия в которых мы воздерживаемся».⁷⁸ О принятой резолюции максималисты сообщили в Москву. В этот же день Симбирский губисполком и командование 1-й армии Восточного фронта за подписями И.М. Варейкиса, М.Н. Тухачевского и военного комиссара М.Б. Гольмана обратилось к красноармейцам, рабочим и крестьянам по поводу ликвидации муравьевской авантюры. В обращении звучал призыв к спокойствию и единству революционного фронта.⁷⁹ 22 июля Симбирск пал под ударами чехословацких отрядов, наступавших вверх по Волге. Симбирский губисполком эвакуировался в Алатырь. Его имуществом заведовал максималист А.Г. Прудников.⁸⁰ Симбирские максималисты вместе с большевиками и левыми эсерами сражались на фронте. Новый главком Восточного фронта И.И. Вацетис в своей телеграмме Троцкому и другим военным деятелям 23 июля сообщал, что отдал приказ снова овладеть Симбирском, причем со стороны Буинска должен был наступать отряд Гольмана.⁸¹

Но сил для этого не хватало. Инициатива находилась в руках чехословацких командиров. Симбирск был взят Красной Армией только 12 сентября 1918 г.

Примечания

¹ Новая жизнь (Петроград). 1918. 3 июля.

² Красная книга ВЧК. М., 1990. Т. 1. С. 185-186.

³ Там же. С. 185.

⁴ «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем» // Родина. 1993. № 8-9. С. 170.

⁵ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р-983. Оп. 1. Д. 117. Л. 286.

⁶ Там же. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 48. Л. 21.

⁷ Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 236.

⁸ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 50. С. 116.

⁹ Документы по истории гражданской войны в СССР. М., 1940. Т. 1. С. 202.

¹⁰ Там же.

- 11 Цит. по кн.: *Фельитинский Ю.Г.* Крушение мировой революции. Брестский мир. Очерк первый. Октябрь 1917 - ноябрь 1918. М., 1992. С. 615.
- 12 Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870-1924. М., 1974. Т. 5. С. 616.
- 13 Цит. по: *Фельитинский Ю.Г.* Указ. соч. С. 615.
- 14 *Спирин А.М.* Крах одной авантюры. М., 1971. С. 73; *Литвин А.Л.* «Дело сдать в архив...». Казань, 1986. С. 159.
- 15 *Шнуровский К.* Казанский Совет крестьянских депутатов и левые эсеры перед чехами // Борьба за Казань. Казань, 1924. С. 73.
Знамя революции (Казань). 1918. 21 июля.
Литвин А.Л. «Дело сдать в архив...». С. 160.
Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 616.
В.И. Ленин и ВЧК (1917-1922). Сб. документов. М., 1987. С. 63.
Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 50. С. 116.
- 21 Там же.
- 22 Упрочение Советской власти в Татарии (октябрь 1917- июль 1918 г.). Сб. документов. Казань, 1964. С. 576.
Литвин А.Л. «Дело сдать в архив...». С. 160.
НА РТ. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 48. Л. 26.
Упрочение Советской власти в Татарии. С. 579.
Там же. С. 579-580.
Знамя революции (Казань). 1918. 21 июля.
- 28 Цит. по: *Литвин А.Л.* «Дело сдать в архив...». С. 161-162.
Там же. С. 162.
Литвин А.Л. «Дело сдать в архив...». С. 163.
НА РТ. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 48. Л. 24.
Упрочение Советской власти в Татарии. С. 603.
- 33 Там же. С. 596.
- 34 Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан. Ф. 36. Оп. 1. Д. 132. Л. 13.
- 35 *Литвин А.Л., Овруцкий А.М.* Левые эсеры: программа и тактика. Казань, 1992. С. 48-49.
- " *Чистов Б.Н., Зверев Н.П.* Подвиг коммунистов // Незабываемое. Воспоминания. М., 1961. С. 25.
- 37 *Каучуковский Г.Д.* Симбирские большевики и авантюра Муравьева // Симбирская губерния в 1918-1920 гг. Сб. воспоминаний. Ульяновск, 1958. С. 125.
- 38 Центр документации новейшей истории Ульяновской области (ЦДНИУО), Ф. 57. Оп. 1. Д. 311. Л. 3.
- 35 Там же.
- 40 *Каучуковский Г.Д.* Симбирские большевики и авантюра Муравьева. С. 124.
- 41 Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 200. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.
- 42 *Чистов Б.Н., Зверев Н.П.* Подвиг коммунистов. С. 25.
- 43 См.: *Литвин А.Л., Овруцкий А.М.* Левые эсеры: программа и тактика. Казань, 1992. С. 48-49.

- 44 Симбирская губерния в годы гражданской войны (май 1918 г. - март 1919 г.).
Сб. документов. В 2 т. Ульяновск, 1958. Т. 1. С. 88-89.
- 45 Там же. С. 90.
- 4* Там же.
- 47 Цит. по: *Миндубаев Ж.Б.* С Венца далеко видно. Саратов, 1989. С. 80
- 48 Данные по кн.: *Алексеев В.* Восстание главкома Муравьева. Сталинград, 1936. С. 72.
- 4, ЦДНИУО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 311. Л. 20.
- 50 Симбирская губерния в годы гражданской войны. Т. 1. С. 90.
- 51 Там же. С. 85.
- 52 ЦДНИУО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 311. Л. 4.
- 53 Цит. по: *Гнутов М.А.* 1918 год на родине Ленина. Саратов, 1987. С. 61.
- 54 *Голинков Д. А.* Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1986. Кн. 1. С. 171.
- " *Гай Г.Д.* В боях за Волгу// Были пламенных лет. Воспоминания. Куйбышев, 1963. С. 178-179.
- н Симбирская губерния в годы гражданской войны. Т. 1. С. 90.
- 57 Там же. С. 91.
- 58 Симбирская губерния в 1918-1920 г. Сб. воспоминаний. Ульяновск, 1958. С. 116.
- " *Чистов Б.Н., Зверев Н.П.* Подвиг коммунистов. С. 52-53.
- 60 Пролетарий (Симбирск). 1919. 19 янв.
- 61 Алексеев В.Н. Два года борьбы. Октябрь и гражданская война в губернии. Ульяновск, 1927. С. 78.
- " *Скобелкина Е.Б.* Борьба симбирских большевиков против левых эсеров в 1918 г.// Из истории партийных организаций Поволжья. Волгоград, 1967. С. 29.
- " Симбирская губерния в 1918-1920 гг. С. 117.
- 64 Цит. по: *Алексеев В.* Восстание главкома Муравьева. С. 78.
- " Цит. по: *Гнутов М.А.* 1918 год. С. 63.
- *' *Каучуковский Г.Д.* Симбирские большевики и авантюра Муравьева. С. 132.
- " Симбирская губерния в 1918-1920 гг. С. 118.
- Симбирская губерния в годы гражданской войны. Т. 1. С. 82
- й, *Каучуковский Г.Д.* Симбирские большевики и авантюра Муравьева. С. 135.
- 70 *Чистов Б.Н.* Самарский ревком в Симбирске. С. 66.
- 71 Симбирская губерния в годы гражданской войны. Т. 1. С. 83.
- н Там же. С. 82.
- 73 ЦДНИУО. Ф. 1.0п. 1.Д.2. Л. 35.
- 74 Там же.
- 75 Цит. по: *Алексеев В.* Восстание главкома Муравьева. С. 65.
- н ЦДНИУО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 311. Л. 19-21.
- 77 ГАУО. Ф. 200. Оп. 4. Д. 31. Л. 23; ЦДНИУО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 311. Л. 16-17.
- 78 ГАУО. Ф. 200. Оп. 4. Д. 31. Л. 23.
- 7, Симбирская губерния в годы гражданской войны. Т. 1. С. 85-86.
- 80 ГАУО. Ф. 200. Оп. 2. Д. 30. Л. 62.
- 81 ЦДНИУО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 311. Л. 22.

Важнейшей задачей исторической науки является, как известно, выявление забытых и полузабытых имен, событий, фактов. Из-за долговременного господства в российском обществе так называемых историко-партийных установок проблематика русской «смуты» первой четверти XX в. становится сегодня не менее значимой, нежели история Киевской Руси или Московского Царства, привлекающая к себе внимание ученых благодаря новым находкам археологов.² В то же время освобождение науки от политизированности и предвзятости периода советских времен создает возможность выяснить судьбы людей, имена которых долгое время находились под пеленой забвения, а их профессиональная деятельность была воспринята превратно.

К последним, бесспорно, относится *Генштаба генерал-майор Сергей Алексеевич Кузнецов*. Он родился 8 января 1872 г., окончил Псковский кадетский корпус, из чего можно предположить, что родители Кузнецова в это время проживали либо в самом Пскове, в Псковской губернии, либо в каком-либо близком к Пскову районе Северо-Западной России. 4 августа 1892 г. Сергей Алексеевич за-

кончил 2-е военное Константиновское училище,³ а в 1900 г. - АГШ.⁴ С 5 мая 1916 г. он занимал в «добольшевицкой» армии должность Начштаба 3-й гвардейской пехотной дивизии;⁵ приказом Временного правительства от 11 марта 1917 г. был назначен Начальником штаба 24-го армейского кор-

пуса.⁶ Последней строевой должностью С. Кузнецова до прихода большевиков к власти было командование 73-й пехотной дивизией.⁷

Постепенно складывалась и штабная карьера Сергея Кузнецова. Большевицкий переворот 25—26 октября 1917 г. он встретил, видимо, в должности 1-го генерал-квартирмейстера Главного Управления Генерального Штаба (Генкварт ГУГШ).⁸ В этой же должности, только теперь при большевистском ГУГШ, Кузнецов находился с ноября 1917 г. и вплоть до середины июня 1918 г. Об этом свидетельствуют подписи, оставленные 1-м генквартром Кузнецовым под целым рядом официальных телеграмм, предписаний, отчетов и пр., а также обращения к нему самому со стороны отдельных «генштабистов». Приказом большевистского Наркомата по военным делам (Наркомвоен) от 14 июня 1918 г. за № 440 Сергей Алексее-

вич был назначен врид. Начальника Оперативного Управления Всероссийского Главного Штаба (Оперупр. ВГШ). Предварительно его кандидатура на указанную должность была выдвинута на рассмотрение Высшей Аттестационной Комиссией (ВАК) ВГШ.¹⁰ С этого дня и вплоть до расформирования Оперуправления (*реально* оно состоялось, видимо, не раньше 8 ноября 1918 г.) С. Кузнецов являлся его бессменным начальником.¹¹ И именно 1-й Огенкварт ГУГШ, ставший затем Оперуправлением ВГШ, взял на себя ответственность за всю практическую работу по привлечению выпускников АГШ на службу в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию (РККА), проводимую весной-осенью 1918 г.

Без особого преувеличения можно утверждать, что наличием тех 212 «лиц Генштаба», которые на разных этапах 1918-1919 гг. несли службу в штабах Восточного и Южного фронтов,¹² большевики во многом были обязаны кропотливой работе служащих Оперуправления ВГШ, прежде всего - начальнику управления С.А. Кузнецову, а также его ближайшему помощнику — начальнику отделения по Службе Генштаба А.С. Белому.¹³ Причем анализ посланий руководства Оперупра ВГШ кандидатам на замещение должностей в окружных, армейских и фронтовых штабах РККА (весна-осень 1918 г.) наглядно свидетельствует о том, что это руководство действовало как раз в духе *прагматической политики Троцкого*, когда профессиональная компетентность того или иного «специалиста Генштаба» ставилась выше его сословной принадлежности и, факта прошлой службы в царской армии.

Поскольку, по мнению автора этих строк, количественное и качественное превосходство корпуса Генштаба РККА явилось одним из важнейших факторов победы большевиков в гражданском конфликте 1918–1920 гг., целью настоящей статьи является подробное изучение деятельности С. Кузнецова именно по привлечению выпускников АГШ на службу ленинскому режиму, хотя этим его служба большевикам в конце 1917–1919 гг. не ограничилась, о чем ниже еще будет сказано. В рамках же деятельности С.А. Кузнецова в качестве 1-го Генкварту ГУГШ, а затем - Начальника Оперупра ВГШ представляется уместным акцентировать внимание на целом ряде существенных аспектов.

1. Краткие сроки составления регистрационных списков «лиц Генштаба», предназначенных на службу в РККА. Начало этого процесса можно отнести уже к марту-апрелю 1918 г., и продолжался он вплоть до ноября. Такое предположение подтверждается целым рядом факторов. *Во-первых*, этим временем датируются запросы ряда генштабистов относительно своего служебного положения в новой армии. Запросы были адресованы прежде всего 1-му Генкварту ГУГШ. *Во-вто-*

рых, о том же свидетельствуют как ответные телеграммы С. Кузнецова на запросы «генштабистов», так и его же отчеты, например перед Начальником ВГШ, о готовности тех или иных «лиц Генштаба» приступить к службе в РККА. Все указанные документы датируются апрелем 1918 г.¹⁴ В-третьих, с утверждением Высшим Военным Советом (ВВС) 12 апреля 1918 г. Доклада ГУГШ за № 731 «Обучете всех бывших офицеров Генштаба» началось проведение официальной регистрации «лиц Генштаба», которая должна была охватить «всех без исключения бывших офицеров Генштаба» «...во всей стране для дальнейшего назначения их на должности, согласно новых штатов». Указанная регистрация официально была «возложена» на Оперуправление ВГШ на основании Предписания ВВС от 14 мая за № 1522.¹⁵ А уже в «Докладной Записке по ГУГШ» от 25 апреля 1918 г. за № 25, составленной С. Кузнецовым и адресованной Начальнику Генштаба, указывалось, что «в настоящее время в отделе 1-го генерал-квартирмейстера составлены представляемые списки № 1 и 2 бывших офицеров Генштаба, заявивших о своем желании получить назначения на соответствующие должности при предстоящих новых формированиях постоянной армии».¹⁶ Список № 1 (на 28 человек) был составлен к 17 апреля, а 2-й (на 11 человек) — к 23 апреля.¹⁷ К 12 мая под руководством 1-го Генкварта ГУГШ С. Кузнецова были составлены еще 2 списка (3-й - к 30 апреля и 4-й — к 9 мая).¹⁸ К 20 июня был составлен 10-й список,¹⁹ а к середине — концу сентября 16-й и 17-й.²⁰ Всего с апреля по сентябрь 1918 г. Оперуправлением ВГШ, возглавляемым С. Кузнецовым, было зарегистрировано 400 офицеров старого Генштаба, сведения о которых были собраны в 17 регистрационных списках!²¹

Уже при анализе первых двух именных списков (всего — 39 человек) привлекает внимание одна существенная деталь. В этих списках (как и в остальных) содержатся следующие личные данные: ф.и.о., срок выпуска из АГШ, последняя должность в «добольшевиcтской» армии, адрес проживания, а также пожелания относительно будущей службы. Собрать такие данные в течение 5-11 дней (после официального утверждения регистрации 12 апреля 1918 г.) вряд ли было возможно, учитывая значительный разброс «генштабистов» по всей стране²² и катастрофическое состояние транспорта. Следовательно, напрашивается вывод, что *по крайней мере, первые два списка в 1-м Огенкварте ГУГШ начали готовить задолго до начала официальной регистрации!*

II. Оперуправление ВГШ довольно «расторонно» обращалось с уже составленными списками, рассылая их по запросам различного рода военных учреждений.

Уже 25 апреля 1918 г. в Докладной Записке 1-го Генкварту ГУГШ С. Кузнецова, адресованной Начальнику Генштаба РККА Н. Потапову, было сообщено, что 1-й и 2-й списки «бывших офицеров Генштаба ... представлены в ВВС и разосланы ... руководителям военных округов, районов и отрядов». ²³ 12 мая 1918 г., «согласно утвержденного ВВС Доклада ВГШ от 12 апреля... по приказанию Начальника Генштаба» в ВАК, были «препровождены» «копии списков №№ 1, 2, 3 и 4». ²⁴ 15—16 июля 1918 г. в Оперуправление ВГШ обратился Начальник Управления по составу армии А.П. Архангельский с просьбой «... не отказать в распоряжении о высылке первых десяти списков офицеров генштаба, заявивших о своем желании нести службу в рядах новой армии». Положительный ответ Начальника Оперупра С. Кузнецова последовал спустя чуть больше недели (24 июля) с приложением требуемых десяти списков! ²⁵

III. Письма-ходатайства «генштабистов» в 1-й Огенкварт ГУГШ (Оперуправление ВГШ) и реакция на них С.А. Кузнецова. В различных делах и фондах РГВА, относящихся к периоду весны-осени 1918 г., автором настоящей статьи обнаружено *всего 65 писем, прошений, рапортов, телеграмм, а также 9 медицинских свидетельств или ссылок на таковые письма*, направляемых выпускниками АГШ в большевистское ГУГШ (ВГШ) в указанное время. Письма содержали просьбу разъяснить положение с «лицами Генштаба» в новой армии, а также пожелания относительно будущей службы того или иного «лица» в РККА. ²⁶ Только до начала официальной регистрации «лиц Генштаба» (12 апреля 1918 г.) С. Кузнецовым и А. Белым были оставлены обстоятельные и компетентные ответы, по крайней мере на *5 из 9 писем*, отправленных «лицами Генштаба» в ГУГШ в феврале-марте 1918 г. В ответных посланиях вышеназванные служащие ГУГШ сообщали своим адресатам, что об их «желании получить назначение при новых формированиях сообщено Генкварту ВВС Н. Сулейману... от которого...» им «надлежало ожидать соответствующее предложение». ²⁷

IV. Оперуправление ВГШ приняло самое прямое участие в распределении «лиц Генштаба» по окружным штабам (весна - начало осени 1918 г.). Об этом свидетельствует обширная переписка, которая велась в указанный период начальником Управления С. Кузнецовым и его сотрудниками «генштабистами» А. Беловым и Ф. Шафаловичем с военным руководством Уральского, Приволжского, Орловского, Северо-Кавказского военных округов (т.е. с теми же «лицами Генштаба»), а также с «генштабистами», предназначенными на службу в штабы указанных округов. Стоит отметить, что С. Кузнецов, как и А. Белой, проявляли чрезвычайное терпение, занимаясь делом привлечения «лиц Ген-

штаба» в РККА. Их послания кандидатам на должности изобилуют весьма обходительными выражениями, как-то: «прошу», «прошу уведомить» о согласии, «предложить», «прошу получением сего отправиться...», «благоволите срочно телеграфировать согласны ли принять должность...», «прошу срочно сообщить ... согласны ли Вы принять должность...», «прошу срочно предложить должность...», «прошу уведомить, не желаете ли Вы отправиться...», «прошу телеграфировать, согласны ли Вы занять должность...», «прошу Вас уведомить меня телеграммой, желаете ли Вы занять одну из означенных должностей и какую именно...» и т.п.²⁸

Характерно, что при этом Кузнецов и Белой нередко предлагали «лицам Генштаба» занять на выбор две, три, а порой и четыре должности.²⁵ Такие предложения, кроме вежливости и терпения, служат важнейшим показателем профессиональной компетентности: служащие Оперупра ВГШ точно знали, или пытались узнать, какие и в каких штабах новой армии существуют вакансии.

У. Оперуправление ВГШ и проблема обеспечения «лицами Генштаба» штабов двух главных фронтов гражданской войны — Восточного и Южного (осень 1918 г.).³⁰ «Гибкость» командировочной политики С.А. Кузнецова.

1. Восточный фронт. Так называемая «командировочная политика» большевиков по отношению к «лицам Генштаба» (1918 г.) берет свое начало с двух документов, адресованных Начальнику ВГШ и содержащих просьбу Главкома И.И. Вацетиса о направлении в его распоряжение «лиц Генштаба»: 1) Предписание заместителя Троцкого Э. Скиянского за № 229/271а от 2 сентября 1918 г.; 2) Телеграмма самого Вацетиса за № 0469 от 7 сентября.³¹ Появление указанных документов было связано, прежде всего, с обострением положения большевиков на Восточном фронте (например, в ночь на 7 августа 1918 г. пала Казань³²). Не случайно Предписание за № 229/271а предусматривало принятие незамедлительных решений, требуя «...в кратчайший срок (не позднее 6 сентября) командировать в распоряжение Главкома Вацетиса ...21 „специалиста Генштаба“, вполне соответствующих своему назначению...».³³

Начальник Оперупра ВГШ С.А. Кузнецов отреагировал на получение указанных предписаний более чем «оперативно». Он их почти предупредил¹. Среди дел фонда ВГШ автором настоящей статьи обнаружены 2 рукописных списка «лиц Генштаба», датированные 3 сентября 1918 г. и написанные рукой самого Сергея Алексеевича. На первом списке вверху поставлен заголовок: «Справка. Согласно распоряжения Вацетиса необходимы еще генштабы: для 3-й армии - 5, для 2-й - 6, для 1-й, 4-й и в распоряжение /Главкома/ - 10. Всего - 21». Оба Списка представляют собой наспех набросанные записи и содержат данные о

сроках окончания АГШ теми или иными «генштабистами», а иногда — и о занимаемых ими должностях в РККА. Причем первый Список содержит указанные сведения о 21 «лице Генштаба», т.е. как раз о том количестве, которое запрашивал Вацетис и которое отражено было в телеграмме Склянского от 2 сентября! В тот же день 3 сентября 1918 г. в Отделе по Службе Генштаба Оперупра ВГШ были составлены телеграммы 15 «лицам Генштаба», предназначенным быть командированными на Востфронт; телеграммы имели две копии: одна — по месту жительства, другая — по месту службы.³⁴ О том, что по крайней мере часть из указанных телеграмм была практически тотчас отправлена адресатам, свидетельствуют ответные письма ряда упоминаемых в телеграммах «лиц Генштаба», а также их начальников, датированные 5-10 сентября.³⁵ Всего за сентябрь 1918 г. Оперуправлением ВГШ предписанием отправиться в командировку на Востфронт было отправлено 51 «специалисту Генштаба».³⁶

2. *Южный фронт.* Не менее серьезная работа была проведена Оперуправлением ВГШ и в деле командирования «генштабистов» на Южфронт в ноябре 1918 г. Среди дел фонда ВГШ автором этих строк был обнаружен «Список лиц Генштаба, зарегистрированных в Оперуправлении ВГШ и вызванных на Южный фронт», датированный ноябрем 1918 г. Документ содержит в себе не только перечень 45 фамилий «генштабистов» с указанием срока их выпуска из АГШ, но сам список имен поделен на, разделы, название которых наглядно свидетельствует о серьезной классификационной работе, проделанной Оперупром ВГШ. Из анализа указанных разделов следует, что в указанное время из 45 «генштабистов» «командировано» на Южфронт было 8 человек; «не разысканы» — 6; «не получено ответа от комиссариата» относительно трех человек; «возбуждено ходатайство об оставлении на прежней должности» относительно шести человек; «отставлены Главкомом Вацетисом» — 2; «больных» — 3; «арестованы» — 7; «задержаны сдачей дел в командировках» — 2; «посланы предписания» — 5; «назначены телеграммой Штаба Севфронта» — 2; «вызваны штабом РВСР к себе в штаб» — 1. Документ подписан был Начальником Оперупра С.А. Кузнецовым.³⁷

При всем своем профессиональном усердии в деле «собираания» «генштабистов» для службы в РККА Сергей Алексеевич вовсе не был «твердолобым педантом». К концу осени 1918 г. политика командирования «генштабистов» на фронты гражданской войны привела к тому, что возникла угроза фатального сокращения их численности в важнейших военно-административных учреждениях, вплоть до того, что некоторые из последних были поставлены перед фактом закрытия. В таких

условиях никто иной, как С. Кузнецов, открыто выступил инициатором сокращения процента указанного командирования.

9 сентября 1918 г. в Отделе Делопроизводства по Службе Генштаба ВГШ была зарегистрирована (вх. № 1038) телеграмма Главкома Вацетиса от 7 сентября следующего содержания: «Предлагаю командировать /в/ Арзамас /в/ мое распоряжение 25 % генштабистов из Всерос. Главного Штаба для назначения на должности /в/ действующей армии».³⁸ После получения вышеозначенной телеграммы Вацетиса С. Кузнецов уже 10 сентября с.г. обратился к Начальникам Оргуправления, Управления Военных Сообщений и Военно-Учебного Управления ВГШ с телеграммами № 652-654 с просьбой «...срочных распоряжений о назначении из состава...» указанных управлений ряда «лиц Генштаба».³⁹

Между тем уже в своем Докладе Начальнику ВГШ, датируемом тем же 10 сентября, С. Кузнецов, подытоживая количественные данные командирования «генштабистов» на фронты, отмечал, что «...командирование 25 % л/с из каждого из перечисленных выше управлений безусловно остановит работу в них, которая согласно последних указаний, должна еще более увеличиться». Обосновывая насущную необходимость оставления целого ряда «генштабистов» на важнейших должностях в управлениях ВГШ, С. Кузнецов выступил с ходатайством «...об отмене наряда 25 % л/с лиц Генштаба Всероглавитабла...» для отправки на фронты и «...предложить командировать для этой цели лиц Генштаба, занимающих должности не Генштаба и состоящих в Вашем (т.е. Начальника ВГШ. — В.К.) распоряжении» (подчеркнуто - в тексте, выделено мной. — В.К.).⁴⁰

Далее, в своем докладе Начальнику ВГШ (за № 34; он может быть датирован не позднее сентября 1918 г.) Кузнецов взял на себя смелость заявить следующее: «...из одного Оперуправления назначено командировать 11 лиц (Генштаба. — В.К.) ... считаю долгом службы доложить, что если не признано будет возможным отменить это распоряжение, служба Оперуправления тем самым будет признана почти что ненужной. И без того в Управлении сильный некомплект, образовавшийся особенно благодаря тому, что, преследуя возможно большее пополнение штатов в Округах, мирились с некомплектом в Управлении». Обосновывая свое заключение, Сергей Алексеевич отмечал, что «...деятельность управления будет лишена правильного функционирования и /обречена/ на уничтожение, т.к. рушится преемственность и налаженность работы». 23 сентября 1918 г. Отделом Делопроизводства по службе Генштаба была составлена соответствующая Справка, в которой сохранился перечень 13 «лиц Генштаба», находившихся на службе в Опе-

руппе ВГШ. В Справке указывалось, что «...с уходом» отмеченных в перечне «лиц» «...безусловно прекратится или сократится деятельность следующих Отделов и Отделений Оперупра: Оперод будет иметь некомплект 70 %; прекратится деятельность Отделений по устройству тыла и Общего. Отделение по Службе Генштаба прекратит свою деятельность за уходом обоих лиц Генштаба. Военно-Статистический Отдел будет иметь некомплект до 79 %; прекратится деятельность... 3-х отделений. Во всем же Управлении некомплект составит до 74 %».

Мало того, Кузнецов прямо выступил за оставление на занимаемых должностях в управлениях ВГШ целого ряда конкретных «генштабистов». В том же сентябрьском докладе Начальнику ВГШ (№ 34) он отмечал, что данные об острой нехватке «генштабистов» в управлениях ВГШ «...выступают еще рельефнее, если обратиться к персональным назначениям...» в этих управлениях именно тех «лиц Генштаба», кто был предназначен для командирования на Восточный фронт в начале осени 1918 г.: «...А.В. Смирнов и Н.Г. Корсун — два непосредственных руководителя в разрешении оперативных вопросов. В.Я. Жуков — начальник особо ответственного в настоящее время ...отделения, необходимый участник в разных комиссиях, т.к. без него положительно неммысленно дальнейшее продолжение работы комиссий по переработке положения о полевом управлении, также и Ф.М. Афанасьев, который является особенно осведомленным лицом во всех работах всех отделений. С уходом А.С. Белого и Ф.П. Шафаловича должно закрыться Отделение по службе Генштаба. С уходом служащих в военно-статистическом отделе романское, австро-венгерское и дальневосточное отделения остаются почти без работников». Завершил свой доклад Кузнецов следующим: «Ввиду изложенного ходатайствую, чтобы для пользы дела и службы командирование всех поименованных лиц было отменено. Начальник Оперуправления ВГШ/С.А. Кузнецов/».⁴¹

VI. С.А. Кузнецов заботился о налаживании социальных условий службы целого ряда «генштабистов», о чем свидетельствуют прежде всего архивные документы. Приведем конкретные примеры.

1. «Во исполнение предписания Э. Склянского от 2 сентября № 229/271-а» среди прочих «лиц Генштаба» срочная телеграмма о командировании 3 сентября была послана в штаб ОрВО Генштаба полковнику Б.В. Гонтареву,⁴² где он с 15 мая 1918 г. занимал должность Завотделом Адмуправления.⁴³ Уже на 6 сентября Гонтарев отказался от командирования на Востфронт. Причем за его оставление на прежней должности в Штабе ОрВО ходатайствовал сам Начштаба Округа Генштаба генерал-майор Н.П. Сапожников. 6 сентября 1918 г. в Отделе по Службе

Генштаба Оперупра ВГШ от Сапожникова была получена телеграмма на имя Начальника Оперупра С. Кузнецова; того же 6 сентября Сапожников написал личное письмо Кузнецову. Наконец, 7 сентября тому же Кузнецову Сапожников снова отправил телеграмму тому же адресату. Суть всех трех посланий заключалась, во-первых, в весьма лестном отзыве о «генштабисте» Гонтареве как о ценном штабном работнике; во-вторых, в указании на тот факт, что «...Гонтарев, проработавший беспрерывно на фронте 4 года, не обладает в настоящее время здоровьем для выполнения полевой работы. Все это, и тяжелая семейная обстановка: малые дети при больной жене и отсутствие средств заставляет его ходатайствовать об оставлении на занимаемой должности, к чему со своей стороны присоединяюсь и усиленно прошу для пользы дела». ⁴⁴ Видимо, вышеприведенные обращения Сапожникова к Начальнику Оперупра возымели свое действие, и Гонтарев осенью 1918 г. на фронт отправлен не был. По крайней мере до середины 1919 г. он продолжал оставаться Заведующим Отдела Адмупра Штаба ОрВО. ⁴⁵

2. Генштаба генерал-майор М.М. Махов, получив командировочную телеграмму С. Кузнецова от 3 сентября, уже 6 сентября направил ему в ответ письмо с отказом, в котором, ссылаясь на свое «состояние здоровья» («утрату 80 % трудоспособности»), Махов заявил, что «каких-либо назначений вдали от лечебного заведения и ...клиники...» он принять не может. 6 сентября «генштабистом» Маховым было представлено свидетельство о болезни из Петроградского Николаевского госпиталя, в котором он «лечился с 14 июля 1918 г.». Тем же 6 сентября Оперуправлением ВГШ Махову было выдано Удостоверение, которым утверждалось, что, «...согласно представленному им свидетельству о болезни, ...он подлежит увольнению вовсе от службы, вследствие чего командировка его в штаб Востфронта ...отменяется». ⁴⁶ Генштаба генерал-майором П.И. Измestьевым в ответ на телеграмму С. Кузнецова от 3 сентября уже к 7 сентября было представлено в Отделение л/с Генштаба свидетельство о болезни за № 2837, на основании которого «...его командировка в штаб Востфронта...» также была отменена. 10 и 17 сентября С. Кузнецов докладывал Начальнику ВГШ Свечину, что «Измestьев и Махов по состоянию здоровья, удостоверенного медицинскими свидетельствами, ехать на фронт не могут». ⁴⁷

3. Генштаба генерал-майор С.Н. Каменский предписание отправиться на Востфронт получил в телеграмме С. Кузнецова от 11 сентября 1918 г. за № 1658. Уже 14 сентября С. Каменский в рапорте на имя начальника Оперупра ВГШ просил «... доложить Начальнику ВГШ о полной для /него/ невозможности выполнить его ...приказание об от-

правлении на фронт». В этом же рапорте С. Каменский указал, что по состоянию здоровья на фронт командироваться не может. Зато он «изъявил согласие на принятие должности Начальника военно-исторической части (ВИЧ) только потому, что предстоящая мне работа должна была протекать в условиях вполне благоприятных для моего пошатнувшегося сильно здоровья.⁴⁸ Уже 17 сентября Начальнику ВИЧа С.Н. Каменскому было отправлено уведомление от Оперупра ВГШ об отмене его командировки на Восточный фронт.⁴⁹

4. На 23 сентября 1918 г. в Отделе Делопроизводства по Службе Генштаба была составлена Справка за № 78, в которой содержался перечень 13 имен «генштабистов», служивших в различных отделах и учреждениях ВГШ и Наркомвоена. После приведения перечня этих лиц в Справке сообщалось следующее: «Укомплектование Оперуправления, которому принадлежат перечисленные выше лица, производилось из числа лиц раненых в текущую войну (т.е. в Первую мировую. — В.К.) и больных тяжелыми хроническими болезнями, препятствующими нести службу в полевых штабах, поэтому большинство из перечисленных могут нести службу вне условий походной жизни, что удостоверяется соответствующими медицинскими свидетельствами эвакуационных пунктов и госпиталей, разрешающих увольнение их от военной службы». Справка была подписана Начальником Оперупра ВГШ С.А. Кузнецовым.⁵⁰

5. С. Кузнецов в начале осени 1918 г. пытался даже «мериться силами» с самой ЧК. Так, 11 сентября им было направлено прошение Председателю Московской ЧК с ходатайством «...о срочном выяснении ...дела начальника отделения ВГШ Генштаба /полковника/ К.И. Жихора для его освобождения из-под ареста для командирования по назначению». ⁵¹ Кузнецову не удалось добиться освобождения генштабиста Жихора, однако сам факт такой попытки весьма показателен.

Следует отметить, что С.А. Кузнецов в 1918 г. не только заведывал Оперупром ВГШ. Например, одновременно с июня он являлся также председателем Комиссии по организации разведывательного и контрразведывательного дела.⁵² Однако «собрание» выпускников АГШ для службы в РККА оставалось для него «главным профессиональным делом», видимо, вплоть до расформирования Оперупра ВГШ (ноябрь 1918 г.). Позднее этого срока Сергей Алексеевич продолжал вполне добросовестно служить ленинскому режиму, активно занимаясь не только военно-административной, но и преподавательской работой. До 10 февраля 1919 г. он возглавлял отчетно-организационный отдел Оргуправления ВГШ.⁵³ Приказом по ВГШ № 29 от 10 февраля 1919 г. С. Кузнецов был «...отчислен от названной должности с прикомандированием к АГШ в каче-

стве /штатного/ преподавателя». На середину июля 1919 г., продолжая преподавать в АГШ, С. Кузнецов одновременно являлся и сотрудником-составителем комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914-1917 гг.⁵⁴

Из статьи аспиранта МГУ А. Ганина (один из характерных представителей современной «белой апологетики»), являющейся попыткой явно тенденциозной критики моих статей,⁵⁵ можно понять, что будто бы «... начальник оперативного управления ВГШ генерал-майор С.А. Кузнецов... участвовал в работе военной организации московского „Национального Центра“». Мало того, из контекста рассуждений Ганина следует даже, что тот же Кузнецов, действительно направлявший «в Поволжье весной-летом 1918 г. многих гештабистов...», в том числе и «...впоследствии известных белых командиров - В.О. Каппеля, Ф.Е. Махина, И.И. Смольниина-Терванда», делал это якобы сознательно в угоду неким целям «белой» борьбы, за что и был осенью 1919 г. расстрелян."

Однако если это было действительно так, то почему аспирант Ганин не помещает в своей статье материалов заседаний этого самого «Национального Центра», причем желательно подтвержденных надежными источниками, где хотя бы упоминалось бы имя «генштабиста» РККА С.А. Кузнецова? Но г-н Ганин оставляет свое заявление практически голословным, не сочтя нужным найти ему сколько-нибудь серьезного подтверждения не только в архивах, но даже и в мемуарной и современной исследовательской литературе.

Оставим на совести г-на Ганина его явно выраженное желание превратить добросовестно служившего в РККА «генштабиста» в некоего тайного «антибольшевистского агента» и вернемся к С. Кузнецову. Если только допустить, что он мог весной 1918 г. отправлять в Поволжье «генштабистов» с той целью, чтобы они приняли участие в еще не существующем «белом движении», то его следует признать неким таинственным провидцем грядущего, что само по себе представляется бессмысленным.

С другой стороны, представлять В. Каппеля, Ф. Махина и других «генштабистов», попавших в силу различных обстоятельств к лету 1918 г. в Поволжье как изначально противобольшевистски настроенных «агентов белого дела», значит также превращать их в неких сверхъестественных ясновидящих, способных заранее предугадать стремительное продвижение частей чехословацкого корпуса по просторам Сибири, Поволжья и Урала и последующее за этим становление «белого лагеря» на востоке России. Но допущение подобных метаморфоз, конечно же, является абсурдом.⁵⁷

Как бы то ни было, служебная карьера С. Кузнецова в РККА действительно закончилась трагически: осенью 1919 г. он был арестован ЧК и расстрелян.⁵⁸ Можно допустить, что бывший Начальник Оперупра ВГШ и энергичный «собиратель генштабистов» для РККА С.А. Кузнецов был репрессирован чекистами за некие «связи с белым подпольем». Но ведь из подобного допущения вовсе не следует, что Кузнецов действительно был «тайным белым агентом в рядах РККА», учитывая ту возрастающую подозрительность (особенно к бывшим офицерам), которую практиковали карательные органы ленинского режима уже в годы гражданской войны и те «методы воздействия», которые они использовали для получения необходимых сведений от подследственных. Сами же так называемые «связи генерала Кузнецова с „белым подпольем“» до сих пор не подтверждены сколько-нибудь надежными источниками, а потому вряд ли могут быть восприняты всерьез. Ведь нельзя же считать серьезным источником Красную Книгу ВЧК, где были опубликованы показания участников так называемого «Московского Национального Центра»? По всей видимости, эти показания, как и деятельность Центра, были в значительной степени сфабрикованы самими чекистами.⁵⁹

Как бы то ни было, Сергей Алексеевич Кузнецов, несомненно, был тем человеком, которому большевики были во многом обязаны самим фактом *реального* наличия на их военной службе с конца 1917 и на протяжении 1919 гг. *703-х выпускников АГШ.*⁶⁰

Примечания

- ¹ Автор настоящей статьи вот уже более 10 лет занимается социальной историей русского офицерства периода с последней трети XIX в. до «русской смуты» и гражданской войны (1917-1920 гг.) и далее вплоть до «больших чисток» в Красной Армии второй половины 1930-х годов. Все лица, заинтересованные в конструктивном сотрудничестве, могут обратиться ко мне по следующим электронным адресам: svkamin@zahav.net.il и valery2002@walla.com
- ² См., например: *Карпов А.* 1) Владимир Святой. М., 1997; 2) Ярослав Мудрый. М., 2001; *Артамонов М.И.* История хазар. СПб., 2001; *Борисов Н.* Иван III. М., 2000; *Флоря Б.* Иван Грозный. М., 1999 и след.
- ³ Российский Государственный Военный Архив (РГВА). Ф. 11. Оп. 3. Д. 18. Л. 4.
- ⁴ Список Генерального Штаба (исправлен по 3-е января с приложением изменений по 8 февраля 1917 г.) (Петроград, 1917) (Список Генштаба). С. 61; РГВА. Ф. 11. Оп. 3. Д. 18. Л. 4; Оп. 5. Д. 97. Л. 49 об.
- ⁵ Список Генштаба. С. 61.
- ⁶ Приказы Временного Правительства Армии и Флоту о военных чинах сухопутного ведомства (Приказы ВП). 11 марта 1917 г.

РГВА. Ф. 11. Оп. 3. Д. 18. Л. 4.

Известия Наркомата по военным делам (ИН). № 39, 16 июня 1918 г.

РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 179, 183, 186, 188, 195, 196, 208; Д. 122. Л. 23 об., 33 об., 40 об., 45, 59, 65-65 об., 74, 76-76 об., 81-81 об., 90-90 об.; Оп. 6. Д. 125. Л. 26 об., 28, 30, 33, 34, 36, 41, 42, 45, 46, 55-57, 59, 62, 76, 78-81, 87-88, 97, 100, 101, 143.

ИН., № 39, 16 июня; № 40, 18 июня 1918 г.

РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 29. Л. 2, 5, 9, 12, 21, 29, 47, 63-68, 74, 86, 89, 117-118, 122, 130, 132-132 об., 138, 141-142, 144-144 об., 146-148, 151-154, 165, 168-168 об., 182, 184 об., 195, 199; Оп. 5. Д. 90. Л. 219-220, 256, 283; Д. 97. Л. 49 об., 60, 61, 62-65 об., 66, 67, 72, 77, 78; Д. 122. Л. 107-107 об., 110-110 об., 146, 185-185 об.; Оп. 6. Д. 91. Л. 66; Д. 96. Л. 52, 58; Д. 107. Л. 90 об.; Д. 115. Л. 49, 51; Д. 125, Л. 138, 209, 251, 267, 270, 273, 275-275 об., 313-314, 342 об., 367; Д. 132. Л. 11-11 об., 13-13 об., 22, 24, 34, 36, 51, 55-55 об., 57-57 об.; Д. 134. Л. 14-16, 22, 51. - Официальные советские источники говорят о расформировании Оперупра в октябре 1918 г. (Гражданская война и военная интервенция: Энциклопедия. М., 1983. С. 124). Однако есть основания полагать, что оно работало еще и в ноябре этого года. О том, что Оперуправление ВГШ было расформировано, по крайней мере не раньше 8 ноября 1918 г., свидетельствует, в частности, подпись С. Кузнецова на телеграмме Начальнику ПШ РВСР (за № 922), датированной этим числом. В ней приведены сведения о командировании ряда генштабистов на Южфронт (см.: РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 134. Л. 51). В то же время сам Кузнецов значится занимающим должность Начальника Оперуправления ВГШ еще и на 28 ноября 1918 г. (см.: Там же. Оп. 5. Д. 97. Л. 49 об.).

Подсчитано автором по следующим источникам: РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 45-58 об; Ф. 4. Оп. 3. Д. 1609. Л. 1-48 об; Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (составлен по данным к 1 марта 1923 г.) [М., 1923]. С. 32-61; Гражданская война. Энциклопедия. С. 117, 118, 131-132, 171-173, 185-186, 410-411, 443-444, 486, 594, 597, 654-656, 678.

РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 29. Л. 2, 5-7, 7 об., 9, 11-12 об., 13-16, 17 об., 19, 21, 27, 29-31, 33, 34, 38, 42-42 об., 43, 44-44 об., 47, 49-49 об., 53, 55-58, 60-61 об., 63-72, 74, 79, 81, 86, 88-90, 96, 98-105 об., 103-105, 111, 117-120, 122, 125-126 об., 130, 132-132 об., 138, 141-142, 144-144 об., 146-148, 151-154, 165, 168-168 об., 170, 174-174 об., 178-179 об., 182, 184-184 об., 187, 195, 197-199 об.; Оп. 5. Д. 97. Л. 49 об.; Д. 122. Л. 20-20 об., 23-23 об., 29, 33-33 об., 40-40 об., 45, 59, 65-65 об., 74, 76-76 об., 81-81 об., 90-90 об., 94, 107-107 об., 110-110 об., 146, 185-185 об.; Оп. 6. Д. 125. Л. 3-16, 19, 26-26 об., 28, 30, 33-37, 39, 40-42, 45-46, 48-49 об., 50-50 об., 52-57, 59, 62, 76, 78-84, 87-88, 97, 100, 101, 105-108, ПО, 135-136.

Там же. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 20-20 об., 22-23 об., 24, 26-26 об., 33-33 об., 40-40 об., 45, 59, 65, 74, 76-76 об., 81-81 об.

Там же. Л. 74, 90, ПО.

Там же. Л. 74.

- 17 Там же. Оп. 6. Д. 96. Л. 59-61 об.
- 18 Там же. Оп. 5. Д. 122. Л. 90; Оп. 6. Д. 96. Л. 62-63 об.
- " Там же. Оп. 6. Д. 96. Л. 73-74 об.
- 20 Там же. Д. 447. Л. 5-5 об.; *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917-1920 гг. М., 1988, С. 191.
- 21 РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 53-74 об.; Д. 447. Л. 1-5 об.; *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты. С. 191.
- 11 РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 185.
- 23 Там же. Л. 74.
- 24 Там же. Л. 90.
- 25 Там же. Оп. 6. Д. 96. Л. 57, 58.
- и Там же. Оп. 4. Д. 29. Л. 1, 90, 114, 115-115 об., 117-118, 120, 121, 125-125 об., 133, 134, 172, 174-174 об., 178-178 об., 188, 202-202 об., 294-294 об.; Оп. 5. Д. 90. Л. 90-90 об.; Д. 122. Л. 20-20 об., 22-22 об., 24, 26-26 об., 32-32 об., 38-39 об., 43-44 об., 48, 64-64 об., 66-67 об., 76, 94, 114, 151; Оп. 6. Д. 107. Л. 6, 11-13, 41, 59, 67-67 об.; Д. 125. Л. 27-27 об., 30, 32, 43, 48-50 об., 81, 84, 88, 142-142 об., 180-181 об., 230-230 об., 234-234 об., 235, 261-264 об., 266, 268-271, 273, 275-277, 400-400 об.; Д. 132. Л. 11-11 об., 120, 132, 185, 206-208 об., 216-217 об.; Д. 133. Л. 4-8 об., 17, 27, 59, 73, 89-91 об.; Д. 134. Л. 19-21, 90.
- 27 Там же. Оп. 5. Д. 122. Л. 20-20 об., 22-24 об., 26-26 об., 32-33 об., 38-40 об., 43-45 об.
- 28 Там же. Оп. 4. Д. 29. Л. 2, 9, 13-16, 17 об., 21, 27, 29-31, 57, 66, 67, 70, 88, 89, 104, 122, 130, 132-132 об., 138, 141-142, 144-144 об., 146-148, 151-153, 168-168 об., 179, 182, 184-184 об., 199; Оп. 5. Д. 122. Л. 81 об., 107, 110; Оп. 6. Д. 125. Л. 28, 30; 35, 36, 41, 42, 45, 62, 78-80, 87, 97, 100, 101, 143, 275, 313; Д. 132. Л. 24. 145.
- " Там же. Оп. 4. Д. 29. Л. 13-15, 21, 30, 57, 66-67, 70, 86, 88, 89; Оп. 6. Д. 125. Л. 30, 31, 35-36, 41-42, 45, 56, 57, 62, 79, 80, 82, 83, 97, 100, 101, 105-108, 109, 143.
- 30 О деятельности Оперупра ВГШ по командированию «генштабистов» на Южный фронт можно говорить лишь применительно к периоду до ноября 1918 г., когда обострилась борьба Красной Армии с казачьей Донской Армией атамана П. Краснова за Царицын, (см.: *Гражданская война. Энциклопедия.* С. 405-407). К концу того же ноября Оперуправление ВГШ было уже расформировано, (см.: Там же. С. 124).
- 31 РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 29. Л. 106, 127; Оп. 5. Л. 97. Л. 65-65 об.; Оп. 6. Д. 132. Л. 13-13 об.
- 32 Собрание оперативных телеграмм, приказов и распоряжений Главкома Восточным (Чехословацким) фронтом товарища Вацетиса. М., 1918. С. 244; И Н. № 170, 23 ноября 1918 г.
- 33 РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 29. Л. 106.
- 34 Там же. Л. 98-102 об., 103-104.
- 35 Там же. Л. 113-115 об., 118, 123-125 об., 133, 168-168 об.
- " Там же. Оп. 6. Д. 132. Л. 105-105 об.
- 37 Там же. Оп. 5. Д. 97. Д. 39-39 об.

- 38 Там же. Оп. 4. Д. 29. Л. 127.
- 39 Там же. Л. 138, 141, 142.
- 40 Там же. Оп. 5. Д. 97. Л. 66 об.
- 41 Там же. Оп. 6. Д. 132. Л. 54-54 об.
- 42 Там же. Оп. 4. Д. 29. Л. 103; Оп. 5. Д. 97. Л. 65; Оп. 6. Д. 132. Л. 13. ОрВО - Орловский Военный Округ.
- 43 РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1609. Л. 9 об.
- 44 Там же. Ф. 11. Оп. 4. Д. 29. Л. 113-114, 123-125 об.
- 45 Там же. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1609. Л. 9 об.
- 46 Там же. Ф. 11. Оп. 4. Д. 29. Л. 103, 115, 117-118, 120.
- 47 Там же. Л. 118; Оп. 5. Д. 97. Л. 65, 66 об.
- 48 Там же. Оп. 4. Д. 29. Л. 178-178 об.
- 49 Там же. Л. 187.
- 50 В указанном перечне содержались имена следующих «генштабистов»: Ф.М. Афанасьев, А.А. Балтийский, А.С. Белой, В.Е. Гарф, В.Я. Жуков, А.О. Зундблад, Н.Г. Корсун, В.С. Лазаревич, А.Л. Нолькен, А.В. Станиславский, Ф.П. Шафалович, К.И. Эзеринг. См.: РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 57-57 об.
- 51 РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 29. Л. 146.
- 52 *Кочик В.* Советская военная разведка: структура и кадры. Статья первая (1917-1918 гг.) // Свободная Мысль. № 5. (1998). С. 101.
- 53 РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 386; Д. 134. Л. 93.
- 54 Там же. Оп. 3. Д. 18. Л. 12; Ф. 4. Оп. 3. Д. 1609. Л. 21.
- " *Ганин А.В.* О роли офицеров Генштаба в гражданской войне // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 98-111.
- " Там же. С. 106.
- 57 Случайность попадания, в частности, В. Каппеля в Народную Армию Комуча к лету 1918 г. уже была доказана автором в одной из его заметок. В то же время пишущим эти строки была предпринята попытка обоснования факта «превращения» «генштабиста» РККА Ф.Е. Махина в «белого» героя как проявление *социально-бытовой мотивации* в настроениях названного лица: подобно прочим 702-м выпускникам АГШ, Махин искал для себя в РККА возможно более престижной должности и высоких окладов, потому и оказался к лету 1918 г. в Уфе сразу на трех должностях, (см.: *Каминский В.В.* 1) Служил ли В.О. Каппель в Красной Армии? // История белой Сибири. Тезисы 4-й научной конференции. Кемерово, 2001. С. 134-138; 2) Почему «генштабист» РККА Ф.Е. Махин «открыл ворота» Уфы белому Комучу 4 июля 1918 г.? // Там же. Тезисы 5-й научной конференции. Кемерово, 2003. С. 140-147).
- 58 *Литвин А.Л.* Красный и белый террор (1918-1922). Казань, 1995. С. 270. - По данным А. Ганина, С.А. Кузнецов был расстрелян в Москве 23 сентября 1919 г. (см.: *Ганин А.В.* Там же).
- 59 См., напр.: Красная Книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 7-18, 38-51.

Указанная численность «генштабистов», служивших большевикам в конце 1917 - на протяжении 1919 г., подсчитана автором на основе главным образом следующих материалов (см.: РГВА. Ф. 40895. Оп. 1. Д. 2210–303467; Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 45-58 об; Оп. 6. Д. 96. Л. 54-72 об; Д. 115. Л. 46–47 об.; Ф. 4. Оп. 3. Д. 1609. Л. 1-48 об; Список лиц... С. 3-261).

Петроградская ЧК была образована в день отъезда правительства в Москву. Формирование комиссии заняло несколько дней. 10 марта 1918 г. Совет комиссаров Петроградской трудовой коммуны организовал отдел по борьбе с контрреволюцией. 11 марта Исполком Петросовета обратил-

ся в районные советы за помощью в комплектации комиссии новыми членами. 13 марта во главе Петроградской чрезвычайной комиссии (ее название будет неоднократно меняться в течение года) Петросоветом был утвержден М.С. Урицкий, заместителями стали Г.И. Бокский, В.И. Зоф, С.П. Волков, двое последних работали в ней непродолжительное время.¹

Петроградская ЧК после кратковременного периода формирования комиссии, выразившегося в подборе кадров и организации при ней специального летучего отряда, стала одним из наиболее дисциплинированных подразделений ВЧК.² Главным направлением работы чрезвычайной комиссии в первые месяцы ее деятельности стала борьба со спекуляцией и бандитизмом.

За первые сто дней своей деятельности ПЧК рассмотрела 196 дел и произвела 252 обыска.³ Боль-

шинство дел было связано со спекуляцией — 102, еще 14 дел носило спекулятивно-уголовный характер, 61 — заведено на уголовников и лишь 18 дел имело политическую окраску.⁴ Из последних 10 дел были прекращены за недостаточностью улик, 3 дела закрыты по амнистии 1 мая 1918 г., ост-

альные переданы в ревтрибуналы и штаб Финляндской Красной гвардии.⁵

Среди важнейших операций, проведенных ПЧК весной 1918 г. было, разоружение анархистов. В Петрограде оно произошло на рассвете 23 апреля 1918 г. Обыску и аресту были подвергнуты основные анархистские точки города: штаб на Волковской улице, анархистский клуб на Коломенской улице, редакция газеты «Буревестник»⁶. В операции принимали участие сотрудники ПЧК и местных районных советов, заблаговременно подготовленная акция закончилась без эксцессов. В общей сложности в Петрограде было арестовано около 500 человек. В числе задержанных было до 30 человек белогвардейцев и 70 человек бывших каторжан-уголовников, вновь уличенных в преступлениях. Сознывая, что их ожидает, часть анархистов предприняла попытку

к бегству, при этом было расстреляно 3 человека.⁷ По завершении операции в Петрограде М.С. Урицкий на заседании Петросовета 23 апреля 1918 г. охарактеризовал подобных анархистов следующим образом: «Эти темные элементы, приютившиеся в анархистских клубах, вооруженные под видом защиты анархии идейной, творили преступления, приводящие к анархии в чисто обывательском смысле — к разрушению советской организации, разложению дисциплины, угнетению и насилию над имуществом и жизнью частных лиц».⁸ Большинство из задержанных вскоре были выпущены на свободу, часть оставлена для выяснения степени участия в совершенных преступлениях и выпущена после амнистии 1 мая 1918 г. Влияние анархистов в Петрограде в результате проведенной акции резко упало. 29 мая 1918 г. съезд моряков в Кронштадте отказался выслушать анархиста Блейхмана и вынес резолюцию, в которой говорилось, что «анархия не встретит сочувствия в широких матросских кругах».⁹

Данную операцию следует рассматривать преимущественно как продолжение борьбы с преступным элементом в городе, но ряд действий ПЧК приняли в этот период более политическую направленность. Так, определенную роль сыграла ВЧК при рассмотрении в марте 1918 г. вопроса о высылке из Петрограда отдельных представителей дома Романовых, решение о котором принял Совет комиссаров Петроградской трудовой коммуны.¹⁰ Политическая составляющая стала более явной летом 1918 г. В этот период активизировалась деятельность эсеровского боевого террористического отряда Г. Семенова. Им была организована в Петрограде слежка за В. Володарским, Г.Е. Зиновьевым и М.С. Урицким, в планах террористов значилось также убийство В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого.¹¹ 20 июня 1918 г. член отряда, рабочий Сергеев, в прошлом анархист, воспользовавшись удачным стечением обстоятельств или по другой версии пособничеством шофера (остановившейся автомобиль вследствие «окончания» бензина) убил комиссара Северной Коммуны по делам печати, пропаганды и агитации В. Володарского. Покушавшийся бросил несколько гранат и, переплыв Неву, скрылся.

Это покушение показало уязвимость для террористов большевистских лидеров Петрограда. На митинге на Обуховском заводе, с которого возвращался на автомобиле В. Володарский, также выступали Г.Е. Зиновьев, А.А. Иоффе, А.В. Луначарский и М.А. Спиридонова, причем они возвращались тем же маршрутом, что и Володарский.¹² Отсюда достаточно жесткая реакция Зиновьева на теракт. Убийство В. Володарского стало первым крупным успешным терактом и могло послужить

примером для организации последующих террористических актов.

Стремление устранить подобную возможность усиления индивидуального «белого» террора против руководства страны неизбежно вело к укреплению позиции сторонников превентивного террора, направленного на потенциальных террористов. Массовый красный террор представлялся мерой, способной предотвратить в будущем подобные террористические акты. На необходимость этой меры пресечения контрреволюции указывал В.И. Ленин в телеграмме Г.Е. Зиновьеву от 26 июня 1918 г., требуя проведения в Петрограде массовых арестов и расстрелов.¹³

Позиция М.С. Урицкого, Б.П. Позерна, А. А. Иоффе и других, выступавших против применения смертной казни, обусловила отсутствие репрессии в Петрограде после убийства В. Володарского. Репрессиям в этот период не подверглись и члены обнаруженной ранее террористической группы «Каморра народной расправы», которые готовили специальные проскрипционные списки. Немногочисленные члены этой группы были арестованы и лишь осенью 1918 г., в месяцы «красного террора», расстреляны.¹⁴ В июне 1918 г. ПГЧК ликвидировала диверсионную группу во главе с бывшим царским офицером Погуляевым-Демьяновским и еще ряд организаций, при этом применения высшей меры наказания также не последовало.¹⁵

Вместе с тем обстановка в Петрограде после покушения на В. Володарского показала готовность части населения к проведению красного террора, о чем говорили лозунги на транспарантах во время похорон Володарского. В том же Петрограде 22 июня красноармейцами был убит рабочий-меньшевик Васильев, «убит, может быть, человеком, озлобленным за убийство Володарского и вымещающим на первом попавшемся ненависть».¹⁶

Сама ПЧК в июле 1918 г. стала применять такую превентивную меру, как регистрация офицеров. В городе регистрацию прошли 17 тыс. бывших офицеров в возрасте до 60 лет.¹⁷ Одновременно в городе была усилена оперативно-следственная работа, выявившая более десятка различных контрреволюционных организаций и групп. Данная акция наряду с другими мероприятиями ГЧК позволила чекистам города выявить 2267 контрреволюционеров за один только июль 1918 г.¹⁸ Логичным продолжением этого процесса в начале августа 1918 г. стал арест подавляющего количества зарегистрированных офицеров в Петрограде.¹⁹ В сентябре 1918 г. часть из них была расстреляна, а 407 внесено в списки заложников Петроградской ГЧК.²⁰

В августе 1918 г. заложниками также объявляются иностранные граждане, в основном из стран Антанты. Подобные акции проводились

в Петрограде и других городах.²¹ Следует отметить, что взятие иностранных граждан заложниками носило в этот период временный характер, и уже в конце августа 1918 г. М.С. Урицким был подготовлен список более 200 лиц германского подданства для освобождения.²²

Помимо офицеров, превентивным арестам, правда в значительно меньших масштабах, подвергались представители буржуазии и различных оппозиционных и нелегальных политических партий. Для буржуазии вводятся спецработы, в случае контрреволюционных выступлений становится возможным использование ее представителей в качестве заложников. Так, в Петрограде представителей буржуазии использовали ночью для рытья могил умершим от холеры. Наряду с трудовой повинностью летом 1918 г. происходит массовое заселение пролетариата в квартиры бывших привилегированных классов.²³

В конце августа ПЧК стала применяться смертная казнь, до этого не применявшаяся ни к политическим противникам, ни к уголовникам.²⁴ В Петрограде до 30 августа 1918 г. ПГЧК был вынесен 21 смертный приговор, из них 10 за уголовные преступления и преступления по должности.²⁵

Новым толчком к усилению карательной практики ПЧК стали события конца лета. 30 августа 1918 г. в Петрограде в результате теракта был убит председатель ПГЧК, комиссар внутренних дел Северной коммуны М.С. Урицкий. В этот же день в Москве состоялось очередное, третье по счету, покушение на жизнь В.И. Ленина. Данные террористические акции были следствием уже давно начавшейся «охоты» на вождей большевистской революции.²⁶

Накануне покушений на В.И. Ленина и М.С. Урицкого был осуществлен ряд терактов по отношению к другим видным представителям партии большевиков. Как попытка покушения на жизнь председателя Совнаркома Северной коммуны Г.Е. Зиновьева расценивались события 27 августа 1918 г. в гостинице «Астория». Покушение было сорвано бдительной охраной. Согласно сообщениям газет, ночью неизвестный вызвал Зиновьева из его номера под предлогом отдачи срочного пакета. После вмешательства охраны, потребовавшей предъявить документы, удостоверяющие личность курьера, «курьер» стремительно скрылся. Впоследствии выяснилось, что никакого срочного пакета Зиновьеву той ночью никто не направлял и курьера под заявленной неизвестным посетителем фамилией в советских и партийных органах не числится.²⁷

Убийство 30 августа 1918 г. М.С. Урицкого и тяжелое ранение вечером этого же дня В.И. Ленина обозначили начало нового этапа в карательно-репрессивной политике.

Наиболее крупные масштабы политика «красного» террора в пер-

вую неделю его осуществления приобрела в Петрограде. Особую роль в разворачивании репрессии сыграла непримиримая позиция руководства Северной коммуны, в первую очередь Г.Е. Зиновьева и отдельных представителей коллегии Петроградской губчека, в том числе Н.К. Антипова. После получения известия об убийстве М.С. Урицкого Г.Е. Зиновьев выступает на заседании Петросовета с предложением чрезвычайных мер по борьбе с контрреволюцией. «Отметив, что контрреволюция подняла голову, что вот уже второе убийство ответственного работника партии (первым убит Володарский), он заявил, что необходимо принять „соответственные меры“. В числе таких мер он предложил разрешить всем рабочим расправляться с интеллигенцией по-своему, прямо на улице».²⁸ Подобное предложение было вызвано тем, что еще 28 августа 1918 г. на собрании Петросовета была принята резолюция, в которой по поводу вышеупомянутого покушения на Г.Е. Зиновьева говорилось: «Если хоть волосок упадет с головы наших вождей, мы уничтожим тех белогвардейцев, которые находятся в наших руках, мы истребим поголовно вождей контрреволюции».²⁹ Данная резолюция давала Г.Е. Зиновьеву право требовать беспощадного террора ко всем лицам буржуазного происхождения. Только позиция остальных членов ЦК, работавших в Петрограде, положила конец подобной инициативе Г.Е. Зиновьева, и он вышел с собрания, громко хлопнув дверью. Однако это был лишь временный выигрыш сторонников ограниченных репрессий в Петрограде, так как Г.Е. Зиновьев нашел поддержку у руководства Петроградской губчека, и их позиции были усилены сообщением о тяжелом ранении В.И. Ленина в Москве 30 августа 1918 г.³⁰

После первых известий из Москвы в городе было расстреляно за два дня 512 контрреволюционеров из ранее арестованных заложников.³¹ Один из руководителей ПГЧК Н.К. Антипов, выступая на митинге в день похорон М.С. Урицкого 1 сентября 1918 г., заявил, что чекистами города уже задержано до 5 тыс. представителей буржуазии, а из большого числа заложников расстреляно несколько сот человек. В ближайшее время, по словам Н.К. Антипова, будет расстреляно в 3-10 раз большее количество известных в царское время деятелей.³² Выступавший на том же митинге Г.Е. Зиновьев сказал: «Не время плакать. Пробил час раздавить гадину. После убийства тов. Володарского мы сдерживали массы от истребления наших врагов. Теперь мы скажем: Смерть буржуазии, смерть их слугам. Не будем повторять старых ошибок».³³ В последующие дни в Петрограде была произведена новые аресты. При этом аресты и обыски производились даже в помещениях отдельных профсоюзов. 14 сентября 1918 г. против подобных действий выступил

Петроградский совет профсоюзных организаций, заявивший в Исполком Петросовета о необходимости прекращения несанкционированных расстрелов граждан и обысков и арестов в помещениях профсоюзов³⁴.

Первые репрессии «красного» террора коснулись также иностранных граждан, проживающих в Петрограде и в близлежащих губерниях. Иностранное подданство, как это указывалось ранее, не избавляло от возможных арестов органами ЧК и от включения в число заложников. Петроградская губчека совместно с ВЧК, получив известие об убийстве М.С. Урицкого и покушении на В.И. Ленина, совершила 31 августа 1918 г. вооруженный захват Английского посольства. Несмотря на оказанное сопротивление и попытки персонала посольства уничтожить компрометирующие материалы, чекистам удалось обнаружить ряд документов, свидетельствующих о подрывной деятельности дипломатов Великобритании в Советской России. В сентябре 1918 г. в ответ на обнаруженную причастность к контрреволюционной деятельности в Петрограде было арестовано несколько сотен иностранных подданных. Эти меры представлялись тем более угрожающими, по мере того как советские органы власти стали обвинять англичан и французов в пособничестве террористам.³⁵ Народным комиссариатом иностранных дел было заявлено иностранным дипломатам в Москве, что граждане иностранного подданства подлежат «равной с российскими гражданами ответственности».³⁶ Такая постановка вопроса вынудила иностранные представительства на ультимативное вмешательство во внутренние дела Советской России. Так, секретарь генерального консульства Германии в Петрограде Витте передал в чрезвычайную комиссию семь списков из 613 фамилии лиц, претендовавших на германское подданство, с требованием об освобождении.³⁷ К 15 сентября 1918 г. большинство из них было освобождено, за исключением лиц, прямо связанных с конкретной контрреволюционной деятельностью.³⁸ Две трети арестованных освобождены в течение трех дней, т.е. до 12 сентября 1918 г., и одна треть в ближайшее время за этой датой.³⁹ Всего надо было освободить, с учетом требований иностранных государств, до тысячи человек.⁴⁰ Количество увеличивалось за счет союзных Германии государств, в частности, по списку генерального консульства Украины необходимо было освободить 23 граждан этой страны, числившихся в опубликованных списках заложников.⁴¹ Кроме Украины, списки на освобождения представили Государственный Совет Литвы, Грузинская демократическая республика, Польша и др. государства.⁴² В пункте третьем выработанного к 16 сентября 1918 г. соглашения между ПГЧК (переговоры вел Иоселевич) и германским представителем говорилось: «Лиц,

пользующихся германским покровительством, недопустимо считать заложниками, ни расстреливать. Чрезвычайная комиссия полагает, что это относится только к тем лицам, против которых не выдвинуто определенных конкретных обвинений». ⁴³ Одновременно с требованием Германии ноту протеста от союзных держав Г.Е. Зиновьеву предъявил дуайен консульского корпуса Э. Одье. Эта попытка вмешательства во внутренние дела Советской России была оценена как «акт грубого вмешательства США во внутренние дела России». ⁴⁴ Поэтому освобождение союзнических английских и французских заложников продвигалось более медленными темпами. Часть заложников так и не дождалась освобождения, так как их претензии на иностранное подданство часто не были обоснованы, а у государств Антанты не хватало средств для поддержания своих требований об их освобождении. ⁴⁵ Использование иностранных граждан в качестве заложников продолжалось и после периода красного террора, по мере необходимости. ⁴⁶

Массовые расстрелы в Петрограде вызвали негативную реакцию Москвы. В «Известиях ВЦИК» Карл Радек утверждал, что «...пять заложников, взятых из буржуазии, расстрелянных на основании публичного приговора пленума местного Совета, расстрелянных в присутствии тысячи рабочих, одобривших этот акт, — более сильный акт массового террора, нежели расстрел пятисот человек по решению ЧК без участия рабочих масс». ⁴⁷ Тем самым практика самочинных расстрелов в Петрограде противопоставлялась упорядоченной политике красного террора, вводимого Постановлением ВЦИК 5 сентября 1918 г. С такой же позицией выступал и центральный орган коммунистов, газета «Правда». ⁴⁸ Об этом же писал и чекист Я.Х. Петере. ⁴⁵

Лишь отсутствие в городе новых покушений и негативная оценка действий Петроградской губчека в Москве привели к некоторому снижению количества казненных в период после 5 сентября 1918 г. Однако возможность усиления репрессий ЧК в 10 раз в случае новых покушений была подтверждена Н.К. Антиповым на заседании Петроградского исполкома 24 сентября 1918 г. под аплодисменты собравшихся. ⁵⁰

Всего в Петрограде в последние три недели сентября было расстреляно около 300 человек. При этом, несмотря на критику из центра, руководству Петрограда, особенно Г.Е. Зиновьеву, по-прежнему были свойственны максималистские взгляды на проведение красного террора. ⁵¹ Позиция Г.Е. Зиновьева оставалась неизменно непримиримой на протяжении всей осени 1918 г. ⁵² Отдельные выступления против подобной практики красного террора Г.Д. Закса, Б.П. Позерна не могли повлиять на положение дел в Петрограде. ⁵³

Еще раз со всей очевидностью это проявилось на заседании Петросовета 24 сентября 1918 г. при обсуждении плана подготовки празднования годовщины Октябрьской революции. Приехавшим из Москвы Д.Б. Рязановым на заседании Исполкома Петросовета было внесено предложение об организации специальной комиссии при Петросовете по рассмотрению дел арестованных органами ЧК, подобно тому, как это сделано в Москве. Также в своем выступлении он предложил изменить меру наказания к арестованным ПЧК представителям пролетариата и беднейшего крестьянства.

Несомненно, на взглядах Д.Б. Рязанова сказался его собственный опыт борьбы за жизни заключенных рабочих-меньшевиков в период красного террора в Москве. В первой половине сентября 1918 г. Рязанов ряд ночей дежурил в помещении тюрьмы ВЧК, где содержались арестованные по делам рабочих конференций, чтобы не допустить увоза их на расстрел⁵⁴. В начале сентября 1918 г. он привозил в тюрьму к своему другу меньшевику Абрамовичу его жену, чтобы они могли попрощаться перед расстрелом, который лишь позднее был отменен чекистами.⁵⁵ В советской столице к середине сентября 1918 г., усилиями умеренного крыла партии большевиков, удалось произвести частичный пересмотр дел арестованных и начать подготовку амнистии, прежде всего в отношении представителей рабоче-крестьянских слоев населения. Известия, полученные Д.Б. Рязановым в Петрограде от его жены А.Л. Рязановой (секретарь петроградского союза профсоюзов), показывали совершенно иную ситуацию в городе на Неве.⁵⁶

Несмотря на то, что речь Д.Б. Рязанова закончилась под аплодисменты собравшейся аудитории, Г.Е. Зиновьеву быстро удалось изменить настроение членов Петросовета. Выступление Г.Е. Зиновьева апеллировало к опыту прошедших революции, классиков марксизма и в целом к внутренней политике Советской Республики. «Революция есть кровь, огонь, есть железо, и хорошо, что настала эта эпоха. Да здравствует красный террор!» — закончил под бурные аплодисменты Г. Е. Зиновьев свою речь. Попытки Д.Б. Рязанова изменить настроение аудитории были сорваны протестующими критиками. Не получив ни одного голоса в поддержку, предложение Д.Б. Рязанова не прошло.⁵⁷ Отчет Петросовета о собрании, помещенный в вечернем выпуске «Красной газеты», проходил под красноречивым подзаголовком «Сердобольное» выступление Рязанова и отповедь тов. Зиновьева.⁵⁸

Сентябрьский взрыв насилия в Петрограде в меньшей степени коснулся губернии, где репрессии не достигли таких масштабов, как в губернском центре. Из петроградских уездных городов расстрелы отме-

чены в Новой Ладогe (6 человек), в Сестрорецке, Луге и, возможно, в Гатчине." Более сложным представляется вопрос о репрессиях в Кронштадте. Ряд историков, со ссылкой в основном на мемуарные источники, указывают на наличие 500 заложников, расстрелянных в Кронштадте в первые дни сентября.⁶⁰ Факт подобных расстрелов не подтвержден архивными данными и материалами периодической печати. Подобное положение дел с имеющимися источниками заставляет усомниться в масштабных репрессиях ЧК именно в Кронштадте, хотя и возможно, что в числе расстрелянных Петроградской губчека в сентябре 1918 г. были представители этого города. Скорее надо вести речь о расстреле в Кронштадте петроградских заложников, а не жителей этого города.

Общее количество жертв «красного» террора в Петрограде к октябрю 1918 г. достигло почти 800 человек расстрелянных и 6229 арестованных.⁶¹ Массовые расстрелы в городе преследовали цель запугивания населения и предотвращения новых террористических актов. Этому способствовала и публикация списков заложников Петроградской губчека в количестве 476 человек.⁶² По подсчетам петербургского историка А.В. Смолина, среди заложников числилось 13 правых эсеров, 5 великих князей, 2 члена Временного правительства и 407 бывших офицеров царской армии.⁶³

Несмотря на принятый еще 19 августа 1918 г. декрет Совета Комиссаров Северной Коммуны о необходимости публикации о каждом случае смертного приговора, большинство жертв «красного» террора в Петрограде остались безымянными.⁶⁴ Существует единственный список расстрелянных Петроградской губчека из 68 фамилий.⁶⁵ В него включены 8 представителей «Союза спасения родины и свободы» и «Каморры народной расправы», 10 правых эсеров—участников военной организации, 6 лиц, расстрелянных за вербовку белогвардейцев на чехословацкий фронт, один правый эсер по делу В. Володарского и 43 человека за систематическую агитацию против Советской власти с целью ее свержения, в том числе 5 священников, 6 офицеров и помещик. Социальный состав остальных 732 жертв «красного» террора в Петрограде неизвестен.

В первую очередь удар был нанесен по офицерству и генералитету бывшей царской армии, а также по лицам, служившим в жандармерии. Вследствие этого офицерство составило значительную часть из взятых по постановлению заложников. В Петрограде из 476 заложников 407 были офицеры.⁶⁶

Коснулся террор отчасти и рабочего класса, и хотя в «Еженедель-

нике ЧК» утверждалось, что террор не затронул рабочих и крестьян, вряд ли это полностью соответствует истине.⁶⁷ В числе заложников, освобожденных по амнистии 6 ноября 1918 г., были как крестьяне, так и рабочие. Наличие рабочих становится объяснимым, учитывая, что меньшевики и частично другие партии имели на них определенное влияние. В первую очередь это касалось рабочей аристократии: лекальщиков, телеграфистов, железнодорожников и т. д. На заседании Петросовета 24 сентября 1918 г. Г.Е. Зиновьев указывал: «Если за этими бандитами идут группы рабочих — у нас нет другого средства, кроме как объявить борьбу не на живот, а на смерть, и тем, которые идут за ними, у нас нет другого выхода».⁶⁸

Следующая социальная группа, которой уделялось много внимания при освещении «красного» террора советской печатью, — преступный элемент. Достаточно значительные были также расстрелы за шпионаж.⁶⁵

В дальнейшем вопрос о возобновлении массового террора еще не раз будет подниматься на собраниях Петросовета. Уже в условиях приближающейся годовщины Октябрьской революции после попытки вооруженного выступления 14 октября 1918 г. группы матросов-левых эсеров Г.Е. Зиновьев вновь потребует возвращения к практике сентябрьских расстрелов. Он заявлял: «То, что было у нас два месяца назад, покажется детской игрушкой по сравнению с тем, что мы сделаем с буржуазией». Это выступление было поддержано долгими аплодисментами собравшейся аудитории.⁷⁰ При этом чекистское руководство, в том числе Н.К. Антипов, оценивали левоэсеровское выступление в Петрограде 14 октября как преждевременное и не представляющее угрозы для Советской России. Таким образом, заявление Г.Е. Зиновьева не имело под собой достаточных обоснований для возобновления прежних масштабов террора.⁷¹ Похожей оказалась и более поздняя реакция Г. Е. Зиновьева на изменение политики меньшевиков к Советской власти. На заседании Петросовета 1 ноября 1918 г. он угрожал: «Меньшевики пусть останутся изолированными, пусть прекратят провокацию, иначе мы посадим их в железную клетку».⁷² Следует отметить, что влияние Г.Е. Зиновьева на карательную политику в Северной коммуне несколько ослабло в октябре 1918 г. после кадровых изменений в Петроградской губчека. В.Н. Яковлева, член коллегии ВЧК, откомандированная в Петроград на должность председателя местной губернской чрезвычайной комиссии, не так зависела от Г.Е. Зиновьева, как Г.И. Бокий. Приезд В.Н. Яковлевой изменил к лучшему положение в городе. Хотя формальное отстранение Г.И. Бокия от руководства ПГЧК состоялось позднее, уже с октября подпись В.Н. Яковлевой стоит под вынесенными

смертными приговорами губчека. Таким образом, в городе ограничивалась карательно-репрессивная политика: контроль над ней приобрел представитель коллегии ВЧК.⁷³ Если в сентябре 1918 г. в Петрограде расстреляно около 800 человек, то в октябре, по опубликованным периодической печатью данным, 21 человек.⁷⁴ Всего же Петроградским губчека за 1918 г. и за первые семь месяцев 1919 г. расстреляно, по данным М.Я. Лациса, 1206 человек, в том числе 800 за сентябрь 1918 г.⁷⁵

Вместе с тем следует отметить, что Петроградской губчека осенью-зимой 1918 г. так и не удалось избавиться от негативной практики огульного подавления контрреволюции. Особенно это проявилось при вынесении приговора по делу уже упомянутого левозсеровского выступления 14 октября 1918 г. Среди 13 приговоренных к смертной казни числился безрукий левый эсер А.Л. Хаскелис, обвиненный в написании манифеста восставших матросов и впоследствии расстрелянный.⁷⁶

Итоги дискуссии о ВЧК и «красном» терроре, состоявшейся осенью-зимой 1918 г., в значительной степени определили деятельность местных чрезвычайных комиссий в последующий период. Критика карательной политики чрезвычайек, злоупотреблений в применении высшей меры наказания к любым политическим противникам режима привела к временному изменению направленности репрессий ЧК. Оказало влияние и общее изменение ситуации в стране, снижение опасности со стороны внутренней и внешней контрреволюции осенью-зимой 1918–1919 гг. Характерным примером в данном случае может служить деятельность ПГЧК зимой-весной 1919 г.

Петроградской ЧК в этот период руководили Н.К. Антипов (с 2 января по 15 января 1919 г.), А.К. Скороходов (с 15 января по 15 марта 1919 г.), С.С. Лобов (с середины марта по 5 мая 1919 г.). Все трое пребывали в своих должностях непродолжительное время и вынуждены были оставить свои посты в силу давления со стороны Г.Е. Зиновьева, стремившего полностью подчинить ПЧК своему влиянию и проводить карательную политику в городе в соответствии со своими представлениями.⁷⁷ Несмотря на это, ПЧК в рассматриваемый период отошла от практики огульных расстрелов, в значительной степени сосредоточившись на борьбе в городе с уголовным элементом.

Количество политических расстрелов в этот период в Петрограде было незначительным, и они имели определенное обоснование. Особняком стоит расстрел четырех великих князей (Павел Александрович, Дмитрий Константинович, Георгий Михайлович и его брат Николай Михайловичи Романовы), произошедший во второй половине января 1919 г. На наш взгляд, он стал возможен как раз в период передачи дел

от прежнего председателя ПГЧК Н.К. Антипова ее новому главе А.К. Скороходову. Определенную роль сыграла также позиция петроградского руководства, прежде всего Г.Е. Зиновьева, сторонника радикальных мер. Существует несколько развернутых обоснований этого январского расстрела.⁷⁸

В начале 1919 г. чрезвычайные комиссии усилили борьбу с бандитизмом и другими уголовными преступлениями. Этому способствовало то обстоятельство, что во время «красного» террора вновь возросло количество налетов и грабежей, в том числе на крупные склады и охраняемые объекты, что было вызвано как ослаблением внимания к уголовникам, так и сложной ситуацией с продовольствием осенью 1918 г.

Характерной была ситуация в Петрограде, где в этот период наблюдался всплеск преступности. В середине сентября, в разгар «красного» террора, были совершены налеты с человеческими жертвами на перевозимые крупные суммы Обуховского завода и Путиловских верфей.⁷⁹ С октября все чаще стали фиксироваться нападения на продовольственные и вещевые склады, порою находившиеся под усиленной охраной, например, Александро-Невские продовольственные склады. К началу 1919 г. ситуация в городе стала еще более угрожающей. Данные обстоятельства обусловили усиление карательных мер в отношении уголовного элемента.

17 января 1919 г. Петроградская ЧК приговорила к высшей мере наказания 21 уголовного, в том числе 5 налетчиков и 16 фальшивомонетчиков.⁸⁰ Это был первый шаг, определивший подход к ряду уголовных преступлений, в первую очередь к фальшивомонетчикам и спекулянтам.

Вооруженный налет банды Кошелькова 19 января в Москве на автомашину В.И. Ленина вызвал новые репрессии против бандитов во всей России. Спустя неделю, 25 января ВЧК Совнаркомом было предписано «принять срочные и беспощадные меры по борьбе с бандитами».⁸¹ В эти дни в Петрограде было расстреляно еще 9 человек за вооруженные грабежи.⁸² Вместе с тем предпринятые меры явно запоздали и не принесли городу необходимого результата. 28 января 1919 г. НКВД СКСО сообщил в Москву, что «...положение Петрограда в последние дни в отношении налетов, грабежей и разгромов продовольственных и иных лавок катастрофическое».⁸³ Подобная ситуация сохранялась в городе и в последующие месяцы. Вновь участились ограбления кассиров и артельщиков при перевозке ими крупных денежных сумм. За февраль и март в Петрограде было совершено 27 таких ограблений на сумму 14 952 000 руб.⁸⁴

В этих условиях была продолжена тактика списочного расстрела бандитов. 9 февраля 1919 г. постановлением Петроградской ЧК было расстреляно 15 налетчиков, 8 фальшивомонетчиков и 7 человек за из-

готовления фальшивых документов для получения денег.⁸⁵ Еще несколько человек было расстреляно за различные должностные преступления. В марте 1919 г. доля уголовников среди расстрелянных в Петрограде также не снизилась, по-прежнему преобладая над политическими расстрелами. Из 57 опубликованных петроградскими газетами случаев расстрелов 45 носили уголовный характер. В том числе было расстреляно 27 налетчиков, 17 фальшивомонетчиков и один за кражу.⁸⁶ Безусловно, влияние на подобный характер репрессий в начале 1919 г. оказала позиция председателя Петроградской ЧК А.К. Скороходова. Лишь в апреле, при новом председателе С.С. Лобове и в новых политических условиях, количество политических смертных приговоров стало сопоставимым с уголовными приговорами.

Иначе дело обстояло в губернии, где в этот период лишь незначительно была снижена репрессивная политика жесткого подавления любого выступления крестьян против Советской власти. Хотя активная деятельность, как это было в Новоладожском и Лужском уездах Петроградской губернии осенью 1918 г., специальных карательных отрядов прекращается, но не изменяются формы подавления крестьянских волнений.⁸⁷

Местные чрезвычайные комиссии не отказывались от пагубной практики запугивания крестьянства. Так, вслед за отказом крестьян села Пулково 22 февраля 1919 г. отдать по очередной мобилизации лошадей последовало распоряжение о насильственной мобилизации, для чего туда 1 марта был послан вооруженный отряд в 15 человек. Вследствие обезоруживания и избиения отряда, в Пулково и ближайшие населенные пункты были введены более крупные подразделения войск и чекистов, до 600 человек. Председателем Детскосельской ЧК И.С. Голышевым был издан приказ, согласно которому «за малейшее уклонение лица будут немедленно утилизированы», последний термин еще дважды был употреблен в отчете и неоднократно доводился до крестьян. После нескольких расстрелов, в том числе за нанесение побоев и попытку к бегству, а также массовых обысков в 22 пунктах с общим населением в 11 тыс. человек, волнение крестьян было подавлено.

«Причем можно сказать с уверенностью, что теперь все постановления центральной власти будут проведены самими же крестьянами немедленно и впредь после такого урока, данного им, вряд ли они посмеют пойти на такую авантюру», — констатировал 4 марта 1919 г. председатель местной ЧК.⁸⁸ Характерно, что Детскосельская ЧК незадолго до этих событий была расформирована за выявленные злоупотребления, среди которых числились незаконные конфискации вещей, пьянство и разврат. В частности, на должности машинисток были набраны

женщины легкого поведения, не только не имевшие навыков машинописи, но и в целом безграмотные. Весь ее состав, включая председателя Деткосельской ЧК (И.С. Гольшева), был абсолютно новым.⁸⁹ 25 марта 1919 г. произошло еще одно восстание в Петроградской губернии, на этот раз в Тихвинской волости, но также быстро подавленное.⁹⁰ Таким образом, можно констатировать, что существенного изменения политика чрезвычайек к крестьянству в рассматриваемый период в Петроградской губернии не претерпела.

Анализируя деятельность чрезвычайных комиссий в губернских центрах в начале 1919 г., необходимо, помимо борьбы с уголовным элементом, рассмотреть акции чекистов, предпринятые в отношении левых эсеров и закончившиеся фактическим разгромом их легальных и нелегальных партийных структур. Это были согласованные действия в рамках всей Советской России, и многие из важнейших событий происходили в Петрограде.

Началу репрессиям против левых эсеров положило их участие в рабочем забастовочном движении, широко развернувшемся с декабря 1918 г.⁹¹ Обыски и аресты в левоэсеровской среде в начале февраля 1919 г., помимо частичной деморализации партии, дали и конкретные антитеррористические результаты. Было выявлено довольно значительное количество взрывчатых веществ, стрелкового и иного оружия, хотя и не все, как показали последующие события.⁹²

Негативное отношение большевиков к мелкобуржуазным - социалистическим партиям усиливалось в связи с убийством в Германии Р. Люксембург и К. Либкнехта, произошедшее при участии немецких социал-демократов и социалистов. Возродившееся в этих условиях недоверие к «социалистическим союзникам» оказало свое влияние на ситуацию, заставляя видеть в меньшевиках и эсерах основных противников на данный момент. «Имя „социал-демократ“, - писала в эти дни «Правда», — должно стать самым ненавистным именем для рабочего класса».⁹³ Схожая позиция была озвучена и на траурном заседании Петросовета 18 января 1919 г. Г.Е. Зиновьевым, Л.Д. Троцким и другими участниками.⁹⁴ Вместе с тем центральные советские органы в этот период ограничивались в основном изоляционистскими мерами, в отличие от спонтанной реакции на местах. Известен, в частности, подобный случай в селе Винаца Лодейнопольского района Петроградской губернии. Член местного исполкома Анисимов 24 января 1919 г. на траурном митинге в связи с указанными событиями добился утверждения резолюции о расстреле буржуазии из местных крестьян. В стрельбе приняли участие все желающие, и в тот же день было расстреляно

4 человека. В результате подобных действий местное население было терроризировано и потребовалось вмешательство не только петроградских, но и московских властей."

10 февраля 1919 г. в Москве была арестована М.А. Спиридонова.⁹⁶ Вскоре после ее ареста подобные меры коснулись и других членов левоэсеровского руководства, находившегося в Москве и Петрограде. При этом аресты затронули и деятелей культуры, сотрудничавших с левыми эсерами. Вечером 15 февраля по ордерам Петроградской ЧК были арестованы А.А. Блок, М.К. Лемке, К.С. Петров-Водкин, А.М. Ремизов и другие деятели культуры. Впоследствии выяснилось, что аресты проводились по списку «Вольной Философской Академии», первоначально организованной лицами, близкими к левым эсерам. Лишь 17 февраля 1919 г., после выяснения непричастности к политической деятельности левых эсеров, последний из указанных лиц (А.А. Блок) покинул здание на Гороховой, 2.⁹⁷ Арестованные же левые эсеры надолго оказались в заключении. Оправдывая подобные меры, «Известия ВЦИК» писала в это время: «ВЧК решила изъять организацию левых эсеров, открыто подготовляющих восстание против советской власти».⁸

Многочисленные аресты лишили партию левых эсеров координационного центра, и в этих условиях целый ряд членов партии решили перейти к открытой конфронтации с Советской властью, не отказываясь от террористических актов. «Надо им силы показать, надо страх смертельный на них нагнать», — так определила позицию своей партии одна из руководителей левых эсеров в Петрограде Азарянец."

Пик рабочего забастовочного движения и политического сопротивления левых эсеров в Петрограде пришелся на середину марта 1919 г. Забастовки охватили более 15 заводов, среди которых был и Путиловский, объявивший забастовку 6 марта 1919 г. Делегация путиловцев, направившаяся в Смольный, была арестована. В ответ путиловцы арестовали приехавшего на завод Г.Е. Зиновьева, вынудив его отдать приказ об освобождении своей делегации. Однако сами требования путиловцев не были выполнены и 13 марта Путиловский завод вновь забастовал. Последовавший за этими событиями митинг путиловцев показал явное сближение рабочих с программными установками «разумных социалистических сил», т.е. с меньшевиками и эсерами.¹⁰⁰

Резолюцию рабочих Путиловского завода поддержали, присоединившись к забастовке многие предприятия города. Среди них: Путиловская верфь, Невский судостроительный и механический завод, фабрика обуви «Скорород» и «Победа», резиновых изделий «Треугольник», вагоностроительный завод Речкина, Главные мастерские Нико-

лаевской железной дороги, фабрика «Паль», Рождественский трамвайный парк и другие предприятия города. Всего в забастовке участвовало около 35 тыс. рабочих и служащих города. «Забастовочная волна разлилась в более широком масштабе, — информировала Г.Е. Зиновья Петроградская ЧК, — захватила 17 предприятий, охватила все районы города. Кроме ранее выставляемых экономических лозунгов, предъявлялись новые требования, как-то „прекращение гражданской войны“, „долой смертную казнь“, „не давать помощь фронту“ и т.д. Огромным толчком послужило к дальнейшему росту забастовок сокращение хлебного пайка до 1/8 фунта. Тогда встали трамваи, забастовали рабочие Николаевской и Северо-Западной железной дорог, в Рождественском трамвайном парке была попытка вооруженного выступления против красноармейцев коммунистического отряда и были попытки взорвать электрическую станцию и городской водопровод... Всего бастующих было 20 000 из 40 000 работающих. При ликвидации арестовано 108 человек».¹⁰¹

Несмотря на все усилия организовать городскую забастовку, планы левых эсеров провалились. Распространение листовок с призывом к забастовке сталкивались с ожесточенным сопротивлением администрации, доступ на заводы был фактически закрыт и прорываться приходилось порою с боем. 13 марта произошли столкновения на заводе «Треугольник», в Рождественском трамвайном парке, в результате которых левозэсеровскими боевиками было ранено 11 рабочих и красноармейцев.¹⁰² 15 марта дружина левых эсеров, угрожая бомбами, сорвала попытку части путиловцев возобновить работу. Ситуация в городе грозила новыми конфликтами. 17 марта СНК дал указание: «Советы должны навсегда покончить с левыми эсерами, выполняющими роль агентов белой гвардии».¹⁰³ Фракция левых эсеров была исключена из состава Петроградского Совета, все ее члены отданы под суд. С 18 до 21 марта на территорию Путиловского завода были введены отряды кронштадтских моряков, красноармейцев и рабочих коммунистов, у ворот была выставлена охрана. Активизировала свою деятельность по выявлению левых эсеров и меньшевиков ПГЧК. До 11 часов вечера 19 марта чекистами было арестовано всего около 200 человек, из них 35 левых эсеров, 15 правых эсеров и эсеров центра. По количеству арестов первое место занимал Путиловский завод, затем «Треугольник», Рождественский трамвайный парк, где было арестовано 3 делегата левозэсеровской фракции Петроградского Совета.¹⁰⁴

Вскоре забастовка пошла на убыль. Сыграло свою роль увеличение в два раза подвоза продовольствия в Петроград, а также превентивные

меры чекистов. Характеризуя свою деятельность в этот период, председатель ПГЧК Лобов в своей автобиографии писал: «...во время работы эсеров — волынка на Путиловском заводе, взрыв водопровода, я провел их арест удачно — взял райкомы, ПК, часть областного комитета... я объехал почти всю область, ликвидировал восстание....»¹⁰, Произведенная чекистами массовая проверка петроградских типографий лишила эсеров, а попутно с ними и фальшивомонетчиков, печатной базы. Уже после смены руководства Петроградской ЧК был расстрелян М.К. Ивановский, владелец типографии, печатавший листовки левых эсеров. В апреле было расстреляно еще несколько левоэсеровских бомбистов. Временная «либерализация в деятельности петроградской ЧК уходила в прошлое.

Примечания

- ¹ *Кутузов В. А. и др.* Чекисты Петрограда на страже революции. Л., 1987. Т. 2. С. 102-106.
- ² ЦГА СПб. Ф. 8098. Оп. 1. Д. 1. Л. 8-9.
- ³ Там же. Отчет о деятельности комиссии от 1 марта по 6 июня 1918 г. Л. 1, 8.
- ⁴ Там же. Л. 1, 6.
- ⁵ Там же. Л. 1, 2.
- ⁶ Наш Век. 1918 24 апр.
- ⁷ Петроградская правда. 1918. 3 мая.
- ⁸ *Канев С.Н.* Петроградские большевики — организаторы борьбы рабочих с анархистской контрреволюцией в 1917-1918 гг. // Питерские рабочие в борьбе с контрреволюцией М., 1986. С. 146-148; Петроградская правда. 1918. 25 апр.
- ⁹ *Владимирова В.* Год службы «социалистов капиталистам»: Очерк по истории контрреволюции в 1918 г.) М.; Л., 1927. С. 186.
- ¹⁰ *Петров М. Н.* ВЧК-ОГПУ: первое десятилетие (на материалах Северо-Запада России). Новгород, 1995. С. 23.
- ¹¹ *Семенов Г.* Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917-1918. М., 1922. С. 27-28.
- ¹² Знамя труда. 1918. 24 июня. № 233; *Семенов Г.* Военная и боевая работа. С. 28-30.
- ¹³ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 50. С. 106.
- ¹⁴ Петроградская правда. 1918. 18 окт.
- ¹⁵ *Корнатовский Н. А.* Разгром контрреволюционных заговоров в Петрограде, в 1918-1919 гг. Л., 1972. С. 25-26.
- ¹⁶ *Мартов Л.* Долой смертную казнь. М., 1918. С. 8, 9.
- ¹⁷ *Петров М. Н.* ВЧК-ОГПУ. С. 39.
- ¹⁸ *Волков Н., Гаврилов Н.* Первый председатель Петроградской ЧК // Звезда. 1967. № 12. С. 150; *Корнатовский Н. А.* Разгром контрреволюционных заговоров. С. 25.

- " Петров М. Н. ВЧК-ОГПУ. С. 39.
- 20 Смолин А. У истоков красного террора // Ленинградская панорама. 1989. № 7. С. 27.
- 21 Петров М. Н. ВЧК-ОГПУ. С. 39; Известия Пензенского совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. 30 авг.
- 22 ЦГА СПб. Ф. 8098. Оп. 1. Д. 1а. Л. 10-12.
- 21 Там же. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 9. Л. 4.
- 24 Там же. Д. 7. Л. 33, 34.
- " Красная газета. Пг., 1918. 22 авг.
2. Более подробно см.: Ратьковский И. С. Индивидуальный террор в годы гражданской войны // Вестник СПбГУ. 1995. Сер. 2. Вып. 1. С. 95-100.
- 27 Известия Пензенского Совета. 1918. 31 августа, 4 сент.
- 28 Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. 3-е изд. М., 1988. С. 154.
- " Красная газета. Веч. вып. Пг., 1918. 29 авг.
- 31 ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 7. Л. 34.
- 31 Известия ВЦИК. 1918. 19 октября; Петроградская правда. 1918. 6 сент.
- 32 Петроградская правда. Веч. вып. 1918. 2 сент.
- 33 Красная газета. Веч. вып. Пг., 1918. 2 сент.
- 14 Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917—1929. Экономические и конфликты и политический протест. Сб. документов. СПб., 2000. С.173.
- 15 ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп.2. Д. 7. Л. 31.
- 36 Еженедельник ЧК. 1918. № 1. С. 11.
- 37 ЦГА СПб. Ф. 8098. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 7, 12-47; 52-56; 58; 117-124; 129-147; 175-190.
- 38 Там же. Л. 72.
- 39 Там же. Л. 69.
- 40 Там же. Л. 171.
- 41 Там же. Л. 162.
- 42 Там же. Л. 164.
- 43 Там же. Л. 72.
- 44 Северная коммуна. Пг., 1918. 12 сент.
- 45 Красная газета. Веч. вып. Пг., 1918. 18 сент.
4. ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 1. Д. 42. Л. 43-44.
- 47 Известия ВЦИК. 1918. 6 сент.
- 48 Правда. 1918. 11 сент.
- 44 Петроградская правда. 1918. 29 окт.
- 51 ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 10. Л. 34.
- 11 Известия ВЦИК. 1918. 6 сент.
- " ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 7. Л. 38; Д. 8. Л. 14-15; Д. 10. Л. 5-9; Д. 11. Л. 1-2; Д. 14. Л. 24.
- " Там же. Д. 7. Л. 3-23; 26-28.
- 54 Большевики после Октябрьской революции. Сб. статей и воспоминаний. Chaliidze Publications, 1990. С. 63.

- " Павлов Д.Б. Большеви́стская диктатура против социалистов и анархистов 1917—середина 1950-х годов. М., 1999. С.33.
- 56 Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917 — 1929. Экономические конфликты и политический протест. Сб. документов. СПб., 2000. С. 173-174.
- 57 ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 10. Л. 3-9.
- 58 Красная газета. Веч. вып. Пг., 1918. 25 сент.
- 59 Еженедельник ЧК. 1918. № 6. С. 18.
- 60 Смолин А. У истоков красного террора. С. 27; *БюффаДж.* История Советского Союза. Т. 1. М., 1994. С. 95.
- 61 Еженедельник ЧК. М., 1918. № 6. С. 19.
- 62 Петроградская правда. 1918. 6, 7, 8, 10 сент.
- 63 Смолин А. У истоков красного террора. С. 27.
- " Красная газета. Веч. вып. Пг., 1918. 19 авг.
- 65 Петроградская правда. 1918. 18 окт.
- 66 Смолин А. У истоков красного террора. С. 27.
- 67 Еженедельник ЧК. М., 1918. № 3. С. 4.
- 68 ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 10. Л. 7.
- " *Лацис М. Я.* Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920. С. 76.
- 70 ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 11. Л. 1-2.
- 71 Там же. Д. 232. Л. 1-2.
- 72 Там же. Д. 14. Л. 24.
- 73 Петроградская правда. 1918. 8 окт.; Северная коммуна. Пг., 1918. 8 окт. и т. д.
- 74 Петроградская правда. 1918.8, 30 окт.; 1 нояб.; Северная коммуна. Пг., 1918. 8, 30 окт., 1 нояб.
- 75 *Лацис М. Я.* Два года борьбы. С. 76.
- 76 *Спиридонова М. А.* Открытое письмо Центральному комитету большевиков // От первого лица. М., 1990. С. 450.
- 77 *Бережков В.И.* Питерские прокураторы. Питерские руководители ВЧК-МГБ. 1918-1954. СПб., 1998. С. 68-78.
- 78 *Иоффе Г.З.* Революция и Судьба Романовых. М., 1992. С.345.; *Бережков В.И.* Питерские прокураторы. С. 71-73.; *Быков А.* Путь на Голгофу. Хроника гибели великих князей Романовых. Вологда, 2000. (Монография полностью посвящена рассматриваемому вопросу).
- 79 ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 150. Л. 337, 384.
- 80 Северная Коммуна, 1919, 31 янв.; Петроградская правда. 1919. 31 янв.
- 81 Известия ВЦИК. 1919. 25 янв.
- 82 Северная Коммуна. 1919. 31 янв.; Петроградская правда. 1919. 31 янв.
- 83 ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 1. Д. 7. Л. 65.
- 84 *Мусаев В.И.* Преступность в Петрограде в 1917-1921 гг. и борьба с нею. СПб., 2001. С. 109.
- 85 Северная Коммуна. 1919. 19 февр.
- 86 Северная Коммуна. 1919. 8 марта, 15 марта, 2 апр.; Красная газета. Петроград. 1919. 2 апр.

- ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 8. Л. 2.
Там же. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 69. Л. 2-14 об.
Там же. Ф. 8098. Оп. 1. Д. 5а. Л. 145.
Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 42. Л. 124.
См. более подробно: *Павлов Д.Б.* Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 — середина 1950-х годов. М., 1999. Глава 3. Правительственная весна. С. 37-51; *Левые эсеры и ВЧК. Сб. документов.* Казань, 1996.
«Известия ВЦИК» в номере от 13 февраля 1919 г. сообщила об изъятии в Москве около 600 гранат, 24 револьверов, большого количества динамита только по нескольким адресам.
Правда. 1919. 22 янв.
ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 9.
Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 28. Л. 35.
Лавров В.М. Мария Спиридонова: террористка и жертва террора. Повествование в документах. М., 1996. С. 175.
Блок А. Собр. соч.: В 6 т. Т.5. Л., 1982. С. 258-259; *Памяти Александра Блока.* Томск, 1996. С. 51-78.
Известия ВЦИК. 1919. 13 февр.
Лацис М.Я. Два года борьбы С. 59.
Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917-1929. Экономические конфликты и политический процесс. Сб. документов. СПб., 2000. С. 177; *Яров С.В.* Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999. С. 38-39.
Бережков В.И. Питерские прокураторы. С. 75-76.
Кутузов В.А. и др. Чекисты Петрограда на страже революции. Т. 2. Л., 1989. С. 36.
Декреты Советской власти. Т. 4. С. 513.
Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 181.
Цит. по: *Бережков В.И.* Питерские прокураторы. С. 76.

Постижение российских и зарубежными исследователями экономической истории периода гражданского противостояния конца 1917 - начала 1921 г. определялось совокупностью социальных, общественных, политических, идеологических, методологических, а также личных факторов. Отсюда вытекает

закономерная градация научных достижений предшественников по хронологическо-тематическому принципу. Происходившие во второй половине 1980-х годов судьбоносные изменения в России, положив начало резкой поляризации и индивидуализации научных мнений, подвели к началу 1990-х годов логическую черту под предшествующей историографической эпохой 1918 — конца 1980-х годов.

Противоречивый и неоднозначный советский период, наряду с насаждением в гуманитарных и естественных науках догматических канонов, изобилуя оригинальными идеями и неординарными фигурами. Уготованная судьбой и временем «социальная принадлежность» к советской науке не позволяла отдельным исследователям реализовать весь свой богатый плюралистический потенциал, суженный до рамок официаль-

Р. А. ХАЗИЕВ
ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЕ
АДМИНИСТРИРОВАНИЕ
ЭКОНОМИКИ И
УРАЛЬСКАЯ
ПЕРИФЕРИЯ В
1917–1921 гг.:
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И
ЗАРУБЕЖНАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ
XX – НАЧАЛА XXI в.

но "разрешенного марксистско-ленинского классового анализа. В этой связи представляется важным умение сочетать критическое осмысление научного наследия предшественников с новыми формами исследовательской работы.

Россия, не придя в себя от продолжавшейся Первой мировой войны, ответила на

новый исторический вызов Октября 1917 г. братоубийственным гражданским противостоянием. Разразившийся общероссийского масштаба «классовый конфликт» определял стиль повествования, подбор фактов, текущие оценки, излагаемые управленцами столичного ранга и провинциального звена в программных работах,¹ но большей частью в статьях-агитках центральных² и региональных³ периодических изданий 1918 — начала 1921г.

Коммунисты и состоящие на советской службе беспартийные демонстрировали мобилизационное мышление, трактуя административное принуждение как единственно действенное орудие обуздания упадка и видя в нем залог успешного экономического строительства социализма. Некоторые различия в способах достижения поставленной цели — утверждение

социалистического производства — принципиально не влияли на суждения авторов статей и малоформатных книг, отстаивавших необходимость планово-распределительной организации советского народного хозяйства.

В небольшом числе работ профессора А.Е. Маковецкого, дипломированных практиков Р. Арского, В.Ф. Панченко, П. Попова, С.Н. Прокоповича, А. Потяева, Е.А. Преображенского, Н. Кутлера, Н. Лейбина, И. Ходоровского⁴ и некоторых других, интегрированных в партийно-хозяйственные структуры специалистов, вскользь давались заслуживающие внимания микроаналитические пояснения к статистическим расчетам. Вдумчивого читателя они могли привести на мысль об уязвимости всепоглощающего государственного администрирования, не способного остановить галопирующую инфляцию, небывалое падение сельскохозяйственного и промышленного производства и уменьшение валового национального продукта.

Перебравшийся в Берлин и свободный от цензуры проживавших в Советской России «спецов», профессор Д. Пестржецкий профессионально доказывал абсурдность игнорирования товарно-денежных отношений, определявших при любой хозяйственной системе стоимостную величину производимого продукта.⁵ Прогнозировал производственный паралич большевистского государства, сбиваясь порой на негодующий антисоветизм, не отличавшийся рыночным радикализмом и признававший регулирующие функции правительства в управлении экономикой, авторитетный эксперт народного хозяйства России А.Д. Билимович.⁶

В подконтрольных Советской власти центральных и уральских изданиях 1918 - начала 1921 г. также приводились отдельные примеры ужасающих хозяйственных невзгод, обрушившихся на страну. Преимущественно они изображались рецидивами прошлого, упорно преодолеваемыми государством, обеспечивавшим рост национального благосостояния пролетариев концентрированием в своих руках хозяйственных ресурсов страны. Посредством атакующей пропаганды, настойчиво формировалась идея о спасительной необходимости внеэкономического администрирования, позволяющего победить обрекающее на кризис капиталистическое наследие и построить социально ориентированную на рабочего человека экономику, защищенную от буржуазной пандемии цикличного подъема и неминуемого затем обвала промышленности, сельского хозяйства и всей экономики в целом.

Политизированные суждения чередовались порой редкими статистическими данными по хозяйствующим субъектам Уральского региона, обработка которых, возмись авторы исполнить эту задачу, выдала

бы результаты, противоречащие сделанным заявлениям. Зафиксированные в некоторых публикациях 1918-1921 гг. разрозненные эпизоды выстраиваемых хозяйственных взаимоотношений между различными категориями провинциального населения и его социального реагирования на внеэкономическое администрирование центральных и местных органов власти, выборочно являются исходным материалом для определения неустойчивых, случайных проявлений и выявления закономерных экономических тенденций.

Открывшаяся в 1921 г. перспектива хозяйственной либерализации России привела к частичной корректировке военно-коммунистических взглядов. Подстраиваясь под заданный партией курс,⁷ ведущие специалисты страны, высокопоставленные управленцы, консультанты финансово-промышленных и аграрных советских ведомств трактовали экономику донэповской эпохи перевернутой страницей «разверсточного прошлого».⁸

Практически все авторы использовали метод сравнительно-сопоставительного анализа двух хозяйственных моделей: ушедшей 1917—1921 гг. старой и дающей на ее фоне «потрясающие» результаты новой. Такой прием был призван утвердить идею эволюционно-поступательного развития народного хозяйства от простых форм к организации социального партнерства в рамках хозяйственной триады: государственные, кооперативные и частные хозяйствующие субъекты. Предыдущим «чрезвычайным» хозяйственным акциям контрастно противопоставлялся новый уровень развития социализма — нэп. Сотворение его в пучине военно-коммунистической экономики «на нашей грешной земле» выводилось «из грехов Октября против капиталистического строя».⁵

Другого плана была опубликованная в сигнальном варианте в 1930 г. и не дошедшая до читателей фундаментальная монография авторитетного экономиста Л.Б. Кафенгауза. Избегая политических оценок, Л.Б. Кафенгауз оперировал обширными статистическими данными, ставившими под сомнение собственный вывод автора, что достигнутый «в первый период революции (1917—1921 гг.)» задел¹⁰ закономерного предопределяет промышленное развитие России.

На изломе нэпа и возврата командного администрирования вышли книги экономистов Я.М. Букшпана и П. Шарова.¹¹ Веление политического времени было таково, что в меньшей степени обращаясь к хозяйственному опыту России 1914-1918 гг., Я.М. Букшпан теоретически обосновывал приемлемость мобилизационного этапа, замещающего рыночное управление административным принятием решений. Смена государственного курса подвигнула П. Шарова проиллюстрировать на исторических примерах возможность забвения эпохи конвертируемо-

сти рубля во имя достижения экономической неуязвимости страны.¹²

Освещение в 1920-е годы узкого спектра проблем по экономике Урала объясняется профессиональной принадлежностью авторов к различным ведомствам, выпускавшим профильные периодические издания, а также отсутствием должного числа научных кадров. Экономические обзоры работников статистических управлений,¹³ публикация сотрудника головного управления ВСНХ инженерно-технического профиля, охватывающая период 1917—1921 гг.,¹⁴ дополнялись краткими историко-экономическими сообщениями о времени «революции и гражданской войны».¹⁵

Общее содержание работ определялось полным принятием историко-партийной интерпретации революционных событий конца 1917 — начала 1921 г. В редких случаях повествование дополнялось эпизодами, позволяющими конкретизировать социальное реагирование населения Урала на государственное администрирование экономики донэповской эпохи.

Иное воздействие феномен нэпа оказал на высланного «философским парходом» профессора Б. Бруцкуса и оказавшегося в начале 1920-х г. за пределами Отечества профессора Г.Г. Швитау. Не находя фундаментальных изменений в нэповском маневрировании, Б. Бруцкус вывел типологию вялотекущей революции, «прогрессирующей» на базе социалистического планово-натурального хозяйства, структурно утвердившегося и оставшегося незыблемым с военно-коммунистических времен.¹⁶ Г.Г. Швитау, увязывая «октябрьский переворот» с национальной трагедией, отвел большевистскому руководству социальную роль крушителя российской экономики. Написанный Г.Г. Швитау катастрофический сценарий стагнационного хозяйственного опустошения России разделял входящий в круги социал-демократической эмиграции экономист А. Югов.¹⁷

Интерпретация событий представителями русского зарубежья не совпадала с мнением ряда европейских интеллектуалов, значительно быстрее своих заокеанских коллег прореагировавших на отход от Европы большевистской России. Использованием широкого круга опубликованных источников и акцентированием внимания на социальной подоплеке, предопределившей планово-административный выбор большевиков, выделяются работы К. Лайтса «Экономическое развитие в России» (Лондон, 1922), М. Фарбмана «Большевизм в отступлении» (Лондон, 1923) и Л. Латена «Экономическая история Советской России» (Лондон, 1923).¹⁸ Наперекор распространявшемуся в западном обществе представлению об опасности дальнейшего «расползания красной угрозы», авторы не только одобряли социально-экономическую

мобилизацию 1917-1921 гг., но, к примеру, М. Фарбман выявлял у большевиков непоследовательность наступательных действий, тормозящих во время гражданской войны формирование атмосферы социалистической идентичности и единства целей.

В целом для большинства изданий 1920-х годов и малочисленных, большей частью марксистского толка, западных публицистов был характерен политически заданный анализ ранней экономической истории Советского государства. Во внеэкономическом принуждении донэповского периода усматривалась положительная черта: устойчивое и динамичное «наращивание» производственной отдачи от национализированного хозяйственного комплекса страны.

Объективным настроем отличались не всегда последовательные в деталях, и поэтому уязвимые для критики, выводы экономистов русского зарубежья, отвергавших порожденную советской диктатурой утопию социалистического монохозяйствования. Зарубежные авторы, ученые-эмигранты и их советские коллеги, раскрывая в 1920-х годах социально-экономическое содержание командно-административного «броска», были далеки от теоретического осмысления первого опыта функционирования раздаточного социализма. Тем не менее в 1920-х годах был создан серьезный задел, востребованный учеными и по сей день. Все шире вводится в научный оборот, требующий скрупулезной систематизации и комплексной обработки, «рассыпанный» статистический материал и распыленные нарративные источники.

Изменение в начале 1930-х годов общественного климата в стране почти на четверть века ввергло отечественных ученых, отлученных от архивов перемещенной в спецхраны литературы, в состояние глубокого научного оцепенения. Во времена начавшейся «охоты на ведьм» величая героизация совершивших трудовой подвиг и добившихся колоссальных экономических достижений на хозяйственных фронтах в 1917-1921 гг.¹⁵ оказалась для 1930-х - середины 1950-х годов единственно разрешенным форматом научно-теоретического изложения материала и пропуском для прохождения цензуры.

Все исследователи были поставлены перед фактом неукоснительного следования официально разработанной концепции: социально идентичный советский народ-труженик, сплотившись с партией в нерушимый военно-политический союз, отбил натиск отдельных классово не подкованных стяжателей из рабочей среды,²⁰ кулачества и подкулачников, вооруженной армады «белогвардейщины» и внешних врагов.²¹

Лишенные права выбора авторы 1930-х — середины 1950-х гг. подвергали убийственной критике саботажников-врагов, восхваляя хозяй-

ственные успехи социалистического строительства. В зависимости от профессиональных навыков и литературных способностей исследователей исторические сюжеты из экономики социализма конца 1917 — начала 1921 г. облекались в доступные для созерцательного восприятия обществом культовые символы: нераздельного существования личного и общественного, партии и народа, рабочих и крестьян, неистово защищавших завоевания Октября и бескорыстно отдававших плоды своего высокопроизводительного труда для защиты революции.

Работы советских авторов 1930-х — середины 1950-х годов не всегда являются объектом изучения историографов. Социально-структурная и культурная детерминация ранней истории народного хозяйства СССР не обходилась, особенно в региональных публикациях, без использования конкретного материала. Закладываемый в работах сверхпозитивизм неутомимых в труде и преданно любящих Советскую власть рабочих и крестьян строился на контрасте вырисовывания зловещего образа «контрреволюционеров всех мастей». Подчас в обрамлении врагов революции всплывали протестные действия пролетарского по происхождению населения, исполненного коммерческой сметливости, жажды благополучия, накопления, торговли и стремления к бездуховному, «подрывавшему» социализм «вещизму».

1930-1940-е годы и первое десятилетие после окончания Второй мировой войны не были плодотворными для журналистов и западных исследователей,²² ранее более активно интересовавшихся экономикой «Красной России».²³ За редким исключением, ученые-эмигранты из России замкнулись на малотиражные и рассчитанные преимущественно на русскоговорящую диаспору художественно-литературные и исторические журналы. Европейская и американская «советология», проходя стадию профессионального становления, выдала оформленные научные результаты по экономике коммунистической России преимущественно к концу 1950-х годов.²⁴

Политизированная советская ветвь европейской истории получила мощный стимул для качественного роста после отказа государства к концу 1950-х годов от абсурдных догм лакировочной канонизации политики, экономики и культуры социализма. В сравнении с предшествующим временем, это был прорыв. Десталинизация, дав простор тематическому разнообразию, по-прежнему сковывала советских историков в выборе методологического инструментария. В лучшем случае, с буржуазным поветрием отождествлялись распространявшаяся на Западе в 1950-е годы школа Анналов, наметившийся отход от применяемой к изучению истории России «теории тоталитаризма», зарождение

альтернативного научного подхода «модернизации» и затронувшая в 1960-е годы социальные науки эпистемологическая революция.

Менявшиеся со второй половины 1950-х годов в отечественных исследованиях приемы изучения экономических процессов донэповского периода и сопричастных к ним социальных групп населения пронизывала, словно намертво застрявший штырь, идея классовой борьбы. Вплоть до 1990-х годов в региональной историографии необычайно велика была частота употребления слова «борьба». В редких случаях использование названного термина означало формальное заимствование исследователями господствовавшего в общественных науках понятийного клише. Рассмотрение в различном тематическом преломлении социально-экономических проблем 1917—1921 гг. осуществлялось преимущественно посредством изучения «актуальных» вопросов социалистической идентичности, «противопоставления общества на друзей и врагов» развивавшегося в ожесточенных боях пролетарского государства.²⁵

Ослабление политического давления на ученых и более широкий доступ к прежде закрытым фондам государственных и партийных архивов положительно повлияли на общее состояние исторической науки в СССР. С конца 1950-х к 1980-м годам она эволюционировала от откровенной апологетики к жизненно реалистическому описанию отдельных сторон советской экономики 1917—1921 гг. Сначала осторожно, а к концу 1980-х годов все чаще приводились факты, позволявшие заметить очевидную несостыковку «мятежей», бурю недовольства «несознательного и обманутого населения» с преисполненным «массовым» военно-коммунистическим энтузиазмом трудовой России. Контурно очерченные алогизмы социалистического хозяйствования революционных времен не нарушали генеральной концепции политкорректного повествования обобщающих²⁶ и специальных работ, рассматривавших в целом и по отдельным отраслям социально-экономическую систему жизнедеятельности Советского государства конца 1917 - начала 1921 г.²⁷

Начавшаяся в конце 1960-х годов научная дискуссия по проблемам нэпа подтолкнула к выяснению исторической роли в становлении Советского государства экономической политики времен революции и гражданской войны. Развернувшаяся по этому вопросу в 1970—1980-х годах полемика стала для советских специалистов своего рода научным взрывом. Тем более что они были административно отлучены от западной историографии и лишены возможности взвешенно оценивать «советологические» подходы социально-психологического анализа причин и закономерностей формирования разверсточного «почина»; экономическое кредо рабочих и крестьян в рамках социалистической

системы координат,²⁸ открыто дискутировать о теоретических воззрениях по актуальным проблемам экономической истории России А. Гершенкрона, С. Кузнецца, П. Грегори, Т. фон Лауэ, Т. Шанина, Ф. Скокпола, М. Манна, Д. Норта, Р. Патнама, Д. Роуни и др.²⁵

Историки, допуская индивидуальную трактовку событий и наследия В.И. Ленина, выдвинули несколько версий (запрограммированных шагов,³⁰ вынужденного введения,³¹ а также складывания суммы разнокачественных обстоятельств³²), определивших «чрезвычайные» хозяйственные мероприятия, трансформировавшиеся в нэп. Не покушаясь на монополию марксизма-ленинизма, авторы в позитивном плане провозгласили историческое сообщество активнее включать механизмы личного научного выбора.

Аргументируя свою точку зрения, П.В. Волобуев, Е.Г. Гимпельсон, В.П. Дмитренко, И.Б. Берхин, В.И. Биллик и ряд других ученых побуждали к выявлению разнообразия суждений. В столкновении мнений задавался поиск междисциплинарных подходов в однотипности положительных оценок, доказывавших добровольное и осознанно-патриотическое принятие «тружениками» худших условий революционной жизни и оправдывавших воинствующее хозяйственное поведение защищавшегося от контрреволюционеров пролетарского государства.³³ Тем не менее, с позиции раскрытия конкретно-исторических фактов, относящихся к непростому на Урале времени конца 1917 - начала 1921 г., нельзя не отметить серьезного академического вклада, достигнутого уральскими исследователями в 1960-х — начале 1990-х годов.

Несколько выбивались из идеологического круга неординарные для конца 1950-х — 1980-х годов работы советских экономистов.³⁴ Подчас откровенно шли в разрез с основным содержанием текста приводимые авторами статистические расчеты. Порой они конкретно указывали на резкое падение годовой выработки валового национального продукта и увеличение себестоимости на единицу производимой в 1917—1921 гг. продукции, разорение «уральского заводского хозяйства», оскудение семейного бюджета профессиональных рабочих и крестьян. Данные исследования, а также плоды многолетних изысканий Д.А. Баевского, А.В. Бенедиктова и Н.Н. Разумовича³⁵ не были вызовом, влекущим потрясение официальных историографических устоев. Тем не менее, сточки зрения большей раскованности суждений и более глубокого тематического погружения в объект исследования, они рождали ощущение нонсенса, особенно в сравнении с публикациями, героизировавшими роль партии, осуществлявшей эффективное руководство народным хозяйством.³⁶

В 1960-1980-х годах самореализация большинства российских ис-

ториков и экономистов была ограничена партийным руководством наукой, обусловлена ритуальными клятвами на верность марксистско-ленинской теории, цитированием высказываний здравствующего партийного лидера, которые не всегда определяли содержание и основные выводы проделанной работы. Вмешательство государства в деятельность отечественных исследователей и методологически ограниченное восприятие многомерного народного хозяйства донэповской России однородным социальным пространством не позволяло ученым всесторонне раскрыть происходившие в первые послереволюционные годы экономические процессы.

Однако развитие научных знаний, находясь в неразрывной связи с общественными процессами, порождало творчество, и не все, что было создано в «эпоху застоя», являлось ортодоксальными трудами. Достаточно часто они строились на принципах разумной достаточности: сосуществования исторической правды и заданного сценария; историзма и обструкции; открытости и умолчания т.д. Степень соотношения этих проявлений, зависела от конкретной ситуации, занятой научным коллективом или отдельным автором позиции. В публикациях 1960—1980-х годов редко ставилась цель бросить вызов властям и, прорвавшись через цензурные рогатки, донести до читателей историческую истину. Имея скромные возможности, исследователи закладывали порой основы развития методологических процессов, оформившихся в 1990-е годы.

В период критики «буржуазной историографии» вызревали идеи, концепции, хаотично и непоследовательно создавалась система, которая предопределила появление нового подхода — объективной и многомерной интерпретации экономической истории советской России. Не разрушение и в то же время не ностальгическая идеализация, а критическое принятие научных разработок недавнего прошлого — залог поступательного развития исторической мысли современников. Безусловно, исследования советской эпохи несли на себе печать производной от партийно-государственной политики,³⁷ не сумевшей выхолостить здравый смысл, способности размышлять и критически оценивать происходящее.³⁸

Распад СССР вызвал в российской и западной историографии определенную переоценку ценностей и полосу разочарований в еще недавно господствовавших концепциях и направлениях. Произошедшие после 1991 г. перемены сопровождались болезнью роста первопроходцев, оперировавших больше эмоциями, чем реальными фактами. Процесс деидеологизации, поляризации мнений и их индивидуализации, приобщения к достижениям зарубежных научных центров, специализировавшихся по России, поиск новых форм исторического познания

шел достаточно скачкообразно, порой через пафосное разоблачение прошлого, лишённого «какого-либо научного содержания и смысла».³⁹

В противоборстве мнений научный поиск российских исследователей очень скоро проявился в иллюстрации отдельных аспектов экономической практики «большевизма» 1917-1921 гг. во взаимосвязи с политологией, демографией, психологией, социологией, географией, философией, этнографией, математической статистикой и другими дисциплинами.⁴⁰

Заимствуя иногда для «углубленного сканирования социально-экономической модели советского государства» витиеватые термины из арсенала политологических, естественных и точных наук, исследователи решали огромной важности задачи. Прежде всего, при явном крене в сторону постмодернизма, структурализма и оперировании порой экзотическими дефинициями, преодолевалась довлевшая много десятилетий историографическая самодостаточность марксизма-ленинизма. Постепенно, путем проб и ошибок, приходило осознание принципиальной невозможности разработки универсальной теории, объясняющей все процессы, происходившие в экономике социалистической России на ранней стадии ее становления в конце 1917 — начале 1921 г.

В новейших публикациях на качественно новый научный уровень была поставлена проблема анализа причинно-следственных связей перерождения товарно-денежной системы в раздаточную социалистическую экономику. В основном на опыте изучения Центрально-промышленной полосы России и отдельных отраслевых субъектов народного хозяйства разрабатывались прежние и новые концепции о вынужденном или преднамеренном введении Советом народных комиссаров режима жесткого администрирования; об исконной исторической и социально-психологической ориентации народных масс на сильную власть и «бурных» ментальных подвижках в революционируемом сознании населения. Ученые уделили также внимание исследованию вопросов распространения бацилл военно-коммунистической чумы, «пожиравшей» экономику страны; заимствования партией большевиков системы государственного управления страной, существовавшей в дореволюционной России и в период Первой мировой войны; частичном копировании западноевропейского опыта милитаризации экономики.⁴¹

Отдельные работы второй половины 1990-х годов (В.П. Булдаков,⁴² С.А. Павлюченков,⁴³ В.А. Шишкин.⁴⁴), получив неоднозначную оценку специалистов, будоражили и даже «взрывали» сложившиеся историографические представления. Они заставляли серьезно задуматься о совокупности политических, социальных, экономических и других фак-

торов, лежавших в основе российских явлений 1917—1921 гг. Время вычленяемого предпочтения, прежде всего с упором на изучение военно-политических аспектов периода гражданского противостояния конца 1917 — начала 1921 г., уступало место развитию исследований в широких методологических и культурных контекстах.⁴⁵

Имея давние научные традиции, отечественная ураловедение пережила во второй половине 1990-х годов достаточно сложный период пересмотра методологических подходов и определения перспективных направлений в изучении советского прошлого одного из ведущих экономических регионов России. Ученые высших учебных заведений и академических учреждений Урала порой болезненно расставались с исследовательскими традициями, с которыми была связана значительная часть их творческой жизни.

Выработка новых концептуальных подходов оказала большое влияние на последующее изучение революции и гражданской войны на Урале, но в тематическом отношении проявился наибольший интерес к исследованию политической истории функционирования советского режима и деятельности противников большевиков. К этому располагала и сложившаяся в стране общественная атмосфера, прагматично побуждая заниматься проблемами военной конфронтации «красных» и «белых», сопротивления «большевизму»,⁴⁶ при меньшей активности в познании того, что скрывается за сложившимся историографическим «фасадом» экономической истории Урала конца 1917 — начала 1921 г.

Продолжил исследование уральской промышленности, положения рабочего класса и его самоорганизации в первые годы революции известный специалист А.П. Абрамовский.⁴⁷ Можно дискутировать с А.П. Абрамовским, изображающим уральского гегемона социально-монархической глыбой, принявшей Октябрь 1917 г. и экономически выигравшим, освободившись от тирании «капитализма».⁴⁸ Однако достойна уважения исследовательская позиция А.П. Абрамовского. Непоколебимо отстаивая классовый анализ в ряду новых методологических подходов, используемых коллегами, ученый оказывает им поддержку, выступая одним из координаторов проводимых научных конференций и соредактором издаваемых сборников научных трудов.⁴⁹

В многообразии социальных проекций ярко и нетривиально высвечивает прежде статично изображаемых персонажей от «станка и сохи», наделенных властью мужей и «маленького человека» в калейдоскопе уральской обывденной повседневности времен революционно-военных катаклизмов, последователь немецкой научной школы — истории ежедневной жизни (Alltagsgeschichte) - И.В. Нарский.⁵⁰

Формулы приоритета политики над экономикой придерживаются М.Г. Лапаева и Л.Б. Полшкова.⁵¹ В обеих работах основное внимание сосредоточено на административно-юридических функциях государства, осуществлявшего посредством «видных большевиков», советских чиновников из Уралкомтруда, командного состава Первой трудовой армии и других ответственных лиц хозяйственное строительство на Южном Урале. Рассуждения, сводящиеся к позитивной характеристике сложившегося в 1917—1921 гг. централизованного администрирования, подтверждаются некритическим использованием документов партийно-хозяйственных учреждений, отражающих официозное видение проблемы.

Новая ситуация в России, когда вслед за финансовым кризисом 1998 г. российская экономика стала подавать признаки возрождения, вполне оправданно побудила молодых историографов к систематизации «богатейшего опыта», накопленного исследователями в изучении уральской промышленности и принципов ее управления в 1917 - первой половине 1920-х годов.⁵² Возможно, что большой разрыв между свершившимися событиями и временем проведения историографических исследований не позволил авторам глубоко выявить все структурные особенности промышленного сектора региональной экономики. Прежде всего сложившийся на Урале управленческий дуализм, который не есть одно и то же, что формирование системы «двойного подчинения» отдельных заводов ВСНХ и параллельно Областному управлению.⁵³

Ретроспективный перенос достигнутого к концу гражданской войны единоначалия на 1917—1918 гг.⁵⁴ не позволяет распознать, что «централизованно-ведомственный» (хозяйствующие субъекты общенационального значения) и местный (промышленные объекты локального уровня) промышленный директорат обладал на этапе, «когда революция шагала по стране», широкой автономией в принятии решений и доведении их постфактум до сведения ВСНХ.

Критически анализируя столкновение личных, групповых и ведомственных интересов архитекторов революции по вопросу о путях руководства национализируемой промышленностью, А.Л. Филоненко подтверждает в проекции уральского региона⁵⁵ поляризацию разнохарактерного сообщества советских управленцев. Автор, не заостряя внимания на этом вопросе, вплотную подводит к выводу о сложившейся на Урале правящей коалиции областных партийных руководителей. Их претензии на хозяйственную самостоятельность и повышенная политическая активность означали неустойчивость государственных институтов и наличие серьезных трений, препятствующих полному овла-

дению Совнаркомом экономическими ресурсами страны.

Исследователи провели значительную работу, выясняя на конкретном материале демографические изменения в крестьянской среде, самоорганизацию, формы выживания и реагирования селян на проводимые диктатурой пролетариата аграрные преобразования, мобилизационные наборы, зарождение после революции социально-политических взаимоотношений между сельхозпроизводителями и государством.⁵⁶ Переосмысливая источники, большинство авторов рассматривали фигуру хлебопашца и социально неоднородный сельский мир в системе политической организации советского общества. Такой подход не позволял полностью отразить разнообразную экономическую жизнедеятельность многонационального уральского крестьянства, не отождествляемого механически с бедняками, середняками и кулаками.

В краеведческой, историко-публицистической и нередко в энциклопедической литературе преимущественно доминируют сюжеты, раскрывающие посредством языка советских документов чаще всего далекую от исторической действительности экономическую стратегию и тактику действия советского правительства на «охваченном» гражданской войной Урале.⁵⁷

Массовое открытие в 1990-е годы для зарубежных исследователей ранее недоступных фондов государственных архивов отозвалось появлением значительного числа публикаций о различных эпохах российской истории. Несмотря на всевозрастающий интерес западных ученых к экономике современной России,⁵⁸ они не обходят вниманием хозяйственную деятельность большевистского государства в 1917—1921 гг.⁵⁵ Однако «россиеведы», традиционно исследуя общегосударственные процессы, почти не анализируют воздействие революций и гражданской войны на локальный хозяйственный архетип. Содержание гражданского противостояния конца 1917 — начала 1921 г. воспринимается в отрыве от промышленного и сельскохозяйственного потенциала российских провинций, «поведение» которых не обуславливалось строго заданной государством экономической линией, а вмещало сложную совокупность централизованно-децентрализованных действий, оказывающих воздействие на Центр.

Экономическая история Урала не нашла надлежащего отражения и в зарубежной уралистике. По Уральскому региону имеется считанное число публикаций, относящихся к первым советским десятилетиям,⁶⁰ в отличие от Поволжья, Сибири, Дальнего Востока и других территорий страны. Если иностранные историки и обращаются к 1917—1921 гг., то в большей степени освещают ход военно-политического противоборства

на Востоке России, «красный террор на Урале», деятельность карательных-административных институтов Советской власти.

В конце XX - начале XXI в. отечественными и зарубежными исследователями было немало написано о революционно-воюющей России, в том числе и Урале. Научная аргументация авторов строилась на привлечении значительного ряда архивных материалов, активном использовании воспоминаний, памфлетов, художественных произведений, периодической печати, текстов афиш, плакатов, объявлений и т.д. Веление времени таково, что в вихре историографических изменений весь этот арсенал источников в основном задействован для выяснения разразившейся в Советской России политической драмы.

Таким образом, с одной стороны, наметился очевидный интерес к локальным сюжетам, историко-антропологическому подходу в объяснении феномена «революция - гражданская война» и постепенный отход от глобализации событий. Но с другой стороны, ураловедами по-прежнему продолжается позиционирование региональной истории по линии от государства к населению. Практически не берется во внимание, а порой и игнорируется, что период конца 1917 - начала 1921 г. имеет, кроме политического, еще и морально-этическое, духовно-нравственное, социальное и, наконец, что очень важно, - экономическое измерение. Без учета требующего глубокого изучения комплекса взаимообусловленных и переплетающихся друг с другом явлений не поддается всестороннему научному пониманию социально-хозяйственная, политическая и культурная природа внеэкономического администрирования донэповской эпохи.

Примечания

¹ *Милютин В.П.* 1) Современное экономическое развитие России и диктатура пролетариата (1914-1918 гг.). М., 1918, 2) Народное хозяйство Советской России. М., 1920; *Осинский Н.* 1) Строительство социализма. Общие задачи. Организация производства. М., 1918, 2) Государственное регулирование крестьянского хозяйства. М., 1920; *Стопаня А.* Две блокады. К экономическому положению РСФСР. Пермь, 1919; *Троицкий Л.Д.* Мобилизация труда. М., 1920; *Бухарин Н.* Экономика переходного периода. Общая теория трансформационного процесса. М., 1920; *Ларин Ю., Крицман Л.* Очерк хозяйственной жизни и организации народного хозяйства Советской России 1 ноября 1917 г. 1 июля 1920 г. М., 1920; *Шлихтер А.Г.* Аграрный вопрос и продовольственная политика в первые годы советской власти. М., 1985 и др.

² *Кактынь А.* Основной недостаток нашей системы управления промышленностью // Народное хозяйство. 1919. № 4. С. 16-19; *Бажанов В.* 1) Освобождение Урала // Народное хозяйство. 1919. № 8. С. 15-19; 2) Каменноу-

гольная промышленность Урала // Народное хозяйство. 1919. № 9-10. С. 21–29; Юон Э.Ф. Перспективы уральской железноталлургической промышленности // Народное хозяйство. 1919. № 8. С. 23-34; Кисельников А. Уральские угли // Народное хозяйство. 1919. № 8. С. 35-38; Прасолов А. Судьбы уральской промышленности // Народное хозяйство. 1920. № 3-4. С. 7-13; Сурожский П. От застоя к возрождению. Очерк промышленной и хозяйственной жизни на Урале // Новый путь. 1920. № 1-2. С. 19-23; № 3-4. С. 17–23; Гартван Р.Я. Перспективы уральской промышленности // Научно-технический вестник. 1920. № 2. Т. 1. С. 62-65 и след.

В одном только издании Реввоенсовета Первой трудовой армии и Уральского промышленного бюро ВСНХ «Серп и молот» напечатано более 40 информативных заметок, статей и отчетов, большая часть которых не описана в справочно-библиографических изданиях. См.: Андроников В. К положению уральской промышленности // Серп и молот. 1920. № 2-3. С. 29–31; Кржеминский К. Наши производственные пути и уральская металлическая промышленность // Серп и молот. 1920. № 4. С. 19-22; Швецова Е. Очередные задачи Народного комиссариата земледелия на Урале // Серп и молот. 1920. № 2-3. С. 47-50; Евзерев Д. Итоги уральского областного совещания губернских комитетов по трудовой повинности // Серп и молот. 1920. № 9. С. 5-6; Юрин П. Продовольственная работа Советской власти // Серп и молот. 1920. № 10-11. С. 22-26; Айдин А. Хлебная монополия // Серп и молот. 1920. № 10-11. С. 27-28; Демченко М. Продовольственная работа на Урале. Характерные черты в продовольственной работе за истекший [1919] год // Серп и молот. 1920. № 14. С. 27-29; Бумажный Е. За год после белых. К вопросу о хозяйственном строительстве на Красном Урале // Серп и молот. 1920. № 14. С. 30-33; Сулимов Д. Работа Южно-Уральского металлургического района // Серп и молот. 1920. № 15-16. С. 19-28; Мясников П. Работа металлургических заводов Екатеринбургского района в 1920 году // Серп и молот. 1921. № 6-7. С. 42-48; Государственная организация посева // Серп и молот. 1921. № 4-5. С. 164-166 и след.

Маковецкий А.Е. Формы и пути организации уральской промышленности // Серп и молот. 1921. № 3. С. 56-80; Панченко В.Ф. Северо-Уральский район и его богатства. М., 1918; Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М., 1918; Потяев А. Финансовая политика Советской власти. Пг., 1919; Ходоровский И. Рынок труда в России в 1918 г. М., 1919; Арский Р. Урал. М., 1920; Кутлер Н. Некоторые данные о потреблении промышленностью топлива и о размерах производства // Труды секции промышленности и товарообмена. М., 1920. С. 167–171; Аейбин А. Важнейшие черты крестьянского хозяйства в Оренбургском уезде, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 и 1919 гг. // Экономическая жизнь Южного Урала. 1920. № 7. С. 8-13; Преображенский Е.А. Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры. Б.м., 1920; Преображенский Е.А. Вопросы финансовой политики. М., 1921; Попов П. Производство хлеба в РСФСР и федерирующих с нею республиках (хлебная продукция). М., 1921 и след.

Пестржецкий Д. Русская промышленность после революции. Берлин, 1921. С. 5-7.

Билмович А.Д. Революция, большевики и хозяйство России. Ростов-на-Дону, 1919. С. 9-17.

Ленин В.И. Доклад о новой экономической политике, 29 октября: VII Московская губернская партконференция, 29-31 октября 1921 г.// Поли. собр. соч. Т. 44. С. 193-213; *Сокольников Г.Я.* Государственный капитализм и новая финансовая политика. М., 1921; *Троцкий А.Д.* Новая экономическая политика Советской России и перспективы мировой революции. М., 1923; *Каменев Л.Б.* Об очередных задачах экономической политики РКП. М., 1924; *Рыков А.И.* Очередные задачи экономической политики. Тверь, 1924; *Бухарин Н.И.* О новой экономической политике и наших задачах. Харьков, 1925 и след.

Первушин С.К. Вольные цены и покупательная сила русского рубля 1917-1921 гг. Пг.; М., 1922; *Струмилин С.Г.* Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913-1922 гг. М., 1922; *Кузовков Д.* Финансовая система в период первоначального социалистического накопления. Задачи и методы. Пг.; М., 1923; *Флеровский И.* Октябрьская революция и новая экономическая политика. М., 1923; *Ларин Ю.* Уроки кризиса и экономическая политика. М., 1924; *Святыцкий Н.В.* Организация российской государственной промышленности. М., 1924; *Вайсберг Р.Е.* Деньги и цены (Подпольный рынок в период «военного коммунизма»). М., 1925; *Устинов В.М.* Эволюция внутренней торговли СССР в 1913-1924 гг. М., 1925; *Голутвин В.А.* Промышленность при «военном коммунизме» и при нэпе. М., 1926; *Крицман А.* Героический период Великой русской революции (Опыт организации т.н. «военного коммунизма»). М.; Л., 1926; *Преображенский Е.А.* Новая экономика (Опыт теоретического анализа советского хозяйства). Т. 1. Ч. 1. М., 1926; *Розенфельд Я.С.* Промышленная политика СССР (1917-1925 гг.). М., 1926; *Сабсович А.* Организация промышленности. М.; Л., 1926; *Сарабьянов В.* Экономика и экономическая политика СССР. М.; Л., 1926; *Айхенвальд А.* Советская экономика. Экономика и экономическая политика СССР. М.; Л., 1927; *Кржижановский Г.М.* Десять лет хозяйственного строительства в СССР 1917-1927. М., 1927; *Милютин В.П.* История экономического развития СССР (1917-1927). М.; Л., 1929 и след. *Вайсберг Р.Е.* Деньги и цены (Подпольный рынок в период «военного коммунизма»). М., 1925. С. 10.

Кафенгауз А.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. - 30-е гг. XX в.): Сборник. М., 1994. С. 214.

Шаров П. Влияние экономики на исход мировой войны 1914-1918. М.; Л., 1928; *Букипан Я.М.* Военно-хозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914-1918 гг. М.; Л., 1929.

Шаров П. Влияние экономики на исход мировой войны 1914-1918. М.; Л., 1928. С. 33-35, 168-169.

Смирнов В. Через годы войны и революции. Статистический очерк сельского хозяйства Екатеринбургской губернии // Крестьянское хозяйство. 1922. № 1. С. 13-19; *Антонов Д.* 1) Питание трудящихся в г. Екатеринбурге за 3 года 1919-1922// Уральский экономический бюллетень. 1922. № 2. С. 5-14; 2) Хлебное потребление Екатеринбургской губернии за три года// Губерния в цифрах. 1922. № 6. С. 3-5; *Образцов В.Г.* Группировка крестьянских хозяйств по экономическим признакам за период 1917-19 гг. и 1920—22 гг. // Губерния в цифрах. 1923. № 4. С. 1-6; *Русских Х.* Промышленность Баш-республики. По данным переписи 1920 года// Сельскохозяйственный листок. 1923. № 2-3. С. 22-24; *Байгузов И.* Изменение основных элементов сельского хозяйства Оренбургской губернии (1918-1925 гг.) // Вестник Среднего Поволжья. 1926. № 2. С. 37-51 и след.

Егоров П.И. Металлургическая промышленность Урала и ее современное состояние // Вестник металлопромышленности. 1922. № 5-9. С. 81-99.

Воробьев А. Сельское хозяйство Урала. Свердловск, 1925. С. 69—70; Ижевск в огне гражданской войны 1917-18 гг. Из истории революционного движения ижевских рабочих. Ижевск, 1927; *Кийков А.* Южный Урал и Приуралье в годы империалистической войны. Пройденный путь. К истории борьбы за диктатуру пролетариата в Приуралье. Уфа, 1927. С. 16—19; *Ослоновский А., Орлов А.* Десять лет борьбы и строительства советов на Урале. Свердловск, 1928. С. 84-85, 95; *Севастьянов И.И.* Народное хозяйство Вотской автономной области за 10 лет// Удмуртское хозяйство к десятилетию Октябрьской революции. Ижевск, 1927. С. 5-48; *Ширяев П.А.* Землеустройство ВАО, его нужды и достижения // Удмуртское хозяйство к десятилетию Октябрьской революции. Ижевск, 1927. С. 49—60; Десять лет советской Башкирии 1919-1929. Уфа, 1929. С. 26-27, 112-113, 157 и след. *Бруцкус Б.* Советская Россия и социализм: статьи. СПб., 1995. С. 15, 114. *Швитау Г.Г.* Революция и народное хозяйство России (1917-1921). Лейпциг, 1922. С. 77; *Югов А.* Народное хозяйство Советской России и его проблемы// НЭп. Взгляд со стороны. М., 1991. С. 300.

Хазиев Р. А., Трумбул Н. Советская и англоязычная историография об эпохе военного коммунизма// Историография социалистического строительства на Урале и в Поволжье. Уфа, 1990. С. 9-10, 15.

Баранов А. К вопросу об изучении экономической политики пролетариата в годы гражданской войны и интервенции// История пролетариата СССР. 1931. № 8. С. 14-46; *Резвушкин Я.* Пролетариат на первом этапе социалистического строительства. От Октября до «военного коммунизма»// История пролетариата СССР. 1932. № 11. С. 59-90; Экономика и экономическая политика Советской власти в годы гражданской войны // Проблемы экономики. 1939. № 1. С. 152-180; *Власов Н.* Сущность политики военного коммунизма // Большевицкая мысль. 1940. № 4, С. 28-35; *Беркевич А.* Петроградские рабочие в борьбе за хлеб 1918-1920 гг. Л., 1941; *Сидоров А.* Значение Великой Октябрьской социалистической революции в экономических судьбах нашей Родины// Исторические записки. М., 1948. Т. 25. С. 3-23;

- Гладков И.А.* Очерки строительства советского планового хозяйства в 1917–1918 гг. М., 1950 и след.
- Макаров Ф.П.* Октябрь и гражданская война в Удмуртии. Ижевск, 1932. С. 117; *Резвушкин Я.* Национализация промышленности на Урале // Проблемы экономики. 1936. № 3. С. 167–183.
- Сигов С.П.* Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. С. 266–276; *Смирнов А.А.* Промышленность // Советская Удмуртия: Сборник посвящен XX-летию Удмуртской автономии (1920–1940). Ижевск, 1940. С. 88–102; *Горовой Ф.С.* Пермская губерния в период военной мобилизации (второй и третий поход Антанты). Молотов, 1950; *Андреев К.Н.* Борьба Пермской большевистской организации за ликвидацию последствий колчаковщины. Пермь, 1951. С. 60–95; *Раимов Р.М.* Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. М., 1952 и след.
- Best H.* The Soviet Experiment. New York, 1941; *Scott J.* Behind the Urals: an American Worker in Russia's City of Steel. Indiana, 1989 (Reprint, 1942); *Zavalani T.* How strong is Russia? Hollis & Carter [1951].
- См.: *Малица М.* Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997. № 5. С. 95–96.
- См.: *Гимпельсон Е.Г.* «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973. С. 277–278.
- Евдокимов А.А.* Борьба большевиков Урала за осуществление ленинского декрета «О земле» (ноябрь 1917 - июль 1918)// Большевистские организации Урала в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1920). Свердловск, 1981. С. 51–63; *Козьмин С.С.* Борьба партийных организаций Урала за становление и укрепление новой трудовой дисциплины рабочих в первые годы Советской власти // Большевистские организации Урала в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1920). Свердловск, 1981. С. 64–75; *Гараев Г.Г.* Борьба за обобществление промышленности на Урале в первые годы Советской власти// История СССР. 1984. № 2. С. 122–129; *Иванов В.П.* Рабочие Урала в борьбе за восстановление народного хозяйства (1919–1925 гг.). Томск, 1985; *Никитин В.Н., Плотников И.Ф.* Борьба коммунистов за уральское крестьянство зимой 1918/19 г. // Урал в годы гражданской войны (1918–1920). Свердловск, 1986. С. 91–105; *Абрамовский А.П.* Борьба большевиков Урала против саботажа горнопромышленников в первые Месяцы Советской власти // Большевистские организации Урала в борьбе за победу социалистической революции. Свердловск, 1987. С. 124–141; *Метельский Н.Н.* Классовая борьба и развитие коллективного земледелия в Зауралье (1919–1921 гг.)// Классовая борьба в Сибири в переходный период. Тюмень, 1987. С. 52–60; *Мамонов В.Ф.* Партийные организации Урала в борьбе за осуществление социалистических преобразований в условиях гражданской войны. Челябинск, 1989; *Дмитриев Н.И.* Крупная промышленность Урала в условиях белогвардейской оккупации (1918–1919) // Строительство социализма на Урале: история, историография. Свердловск, 1989. С. 18–31; *Дмитриев П.Н., Куликов КМ.*

Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992 и след.
История социалистической экономики СССР. Т. I. М., 1976; Экономическая политика переходного периода в СССР. Проблемы методологии и истории. Вып. I. М., 1981; История советского рабочего класса. Т. I. М., 1984; История советского крестьянства. Т. I. М., 1986; Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму. М., 1986; История народного хозяйства Урала (1917-1945). Ч. I. Свердловск, 1988

Гладков И.А. Очерки советской экономики 1917-1920 гг. М., 1956; *Анкудинова Л.Е.* Национализация промышленности в СССР (1917-1920 гг.). Л., 1963; *Самохвалов Ф.В.* Советы народного хозяйства в 1917-1932 гг. М., 1964; *Рубин А.М.* Организация управления промышленностью в СССР (1917-1967 гг.) М., 1969; *Берхин И.Б.* Экономическая политика Советского государства в первые годы Советской власти. М., 1970; *Коваленко А.А.* Оборонная промышленность Советской России в 1918-1920 гг. М., 1970; *Авдаков Ю.К.* Организационно-хозяйственная деятельность ВСНХ в первые годы Советской власти (1917-1919 гг.). М., 1971; *Давыдов М.И.* Борьба за хлеб. Продовольственная политика Коммунистической партии и Советского государства в годы гражданской войны (1917-1920). М., 1971; *Зеленин И.Е.* Совхозы в первое десятилетие Советской власти 1917-1927. М., 1972; *Голубцов В.С.* Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917-1923 гг.). М., 1975; *Гришаев В.В.* Сельскохозяйственные коммуны Советской России в 1917-1929 гг. М., 1976; *Гимпельсон Е.Г.* 1) Великий Октябрь и становление советской системы управления народным хозяйством (ноябрь 1917—1920 гг.). М., 1977; 2) Рабочий класс в управлении Советским государством (ноябрь 1917-1920 гг.) М., 1982; *Аызлов В.Е.* Экономическая политика первых лет Советской власти (1917-1921 гг.). М., 1983; *Соколов Н.Г.* Налоговая политика в деревне в первые годы Советской власти (1917-1920 гг.) // Исторические записки. М., 1986. Т. 113. С. 76-111; *Дмитренко В.П.* Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. Проблемы регулирования рыночных отношений. М., 1986; *Кабанов В.В.* Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988; *Вуханский О.С.* Исторический опыт развития системы управления народным хозяйством СССР. Ч. I. М., 1988.

Remington T. Building Socialism in Bolshevik Russia: Ideology and Industrial Organization, 1917-1921. Pittsburgh, 1985; *Ma Iie S.* The Economic Organization of War Communism, 1918-1921. Cambridge, 1985; *Williams B.* The Russian Revolution, 1917-1921. Oxford; New York, 1987; *Lib L.* Bread and Authority in Russia, 1914-1921. Berkeley, 1990; *Boettke P.* The Political Economy of Soviet Socialism: The Formative Years, 1918-1928. Boston, 1990; *Husband W.* Revolution in the Factory: the Birth of the Soviet Textile Industry, 1917-1920. New York, 1990 и след.

Хазиев Р.А. Экономическая история России 20—30-х гг. XX века: Теоретические подходы российских и западных исследователей// Запад - Россия: исторический опыт взаимодействия и взаимовлияния. Уфа, 1999. С. 56-57.

Биллик В.И. В.И. Ленин о сущности и периодизации советской экономической политики в 1917-1921 гг. и о повороте к нэпу // Исторические записки. М., 1967. Т. 80. С. 139-150.

Гимпельсон Е.Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973.

Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987.

Аминов З.А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917-1919 гг.). Уфа, 1966; *Ефремов С.А.* Экономика сельского хозяйства Удмуртии. Ижевск, 1971; *Суханов А.И.* Рабочий класс Удмуртии (1917-1920). Ижевск, 1979; *Формирование и развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1917-1937).* Свердловск, 1982; *Бакунин А.В., Бедель А.Э.* Планирование промышленного производства Урала в переходный период (1917-1937 гг.) // Актуальные вопросы развития промышленности и рабочего класса Урала в переходный период. Свердловск, 1988. С. 3-29; *Плотников И.Ф.* Средний Урал в годы гражданской войны. Свердловск, 1990; *Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период: История, историография.* Свердловск, 1990; *Метельский Н.Н.* Деревня Урала в условиях военного коммунизма. Свердловск, 1991 и след.

Механик С. Финансово-кредитные проблемы в период национализации промышленности в СССР. М., 1957; *Ривкин Б.* Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957; *Малафеев А.Н.* История ценообразования в СССР (1917-1963 гг.). М., 1964; *Марьяхин Г.А.* Очерки истории налогов с населения в СССР. М., 1964; *Лукьянова Е.Н.* Из истории борьбы Советской власти за ликвидацию продовольственного и финансового кризиса в Пермской губернии в 1917-1918 гг. // Из истории рабочего класса и крестьянства Пермского края. Пермь, 1965. С. 101-116; *Яковлева Г.С.* Проблема товарно-денежных отношений в период «военного коммунизма» // Проблемы политической экономики социализма. Челябинск, 1968. Сб. № 55. С. 95-109; *Савцов Э.Г.* Использование финансово-кредитного механизма в руководстве промышленным производством Урала в первые годы Советской власти (1917-1925 гг.) // Экономическая реформа и финансы. Свердловск, 1971. С. 3-15; *Конская О.Л.* Формирование системы твердых цен в 1917-1920 гг. // Вопросы ценообразования. М., 1977. Вып. 8. С. 97-109; *Дьяченко В.П.* История финансов СССР (1917-1950 гг.). М., 1978; *Фаерман Ю.Л., Парахова Е.М.* Взаимосвязь между производительностью труда, заработной платой и уровнем оптовых и розничных цен (1917-1983 гг.): Обзоры в помощь экономическому образованию специалистов. Вып. 1. М., 1986.

Баевский Д.А. Очерки по истории хозяйственного строительства периода гражданской войны. М., 1957; *Венедиктов А.В.* Организация государственной промышленности в СССР (1917-1920). Т. 1. Л., 1957; *Разумович Н.Н.* Организационно-правовые формы социалистического обобществления промышленности в СССР 1917-1920 гг. М., 1959.

Чеснокова Т.И. Первые коммунистические субботники на Урале (1919-1920 гг.). Челябинск, 1957; *Антонов А.Д.* Коммунисты Урала в борьбе за хлеб в 1918 году // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1967. Вып. 2. С. 48-66; *Плотников И.Ф.* В.И. Ленин о колебаниях и повороте среднего крестьянства Урала и Сибири на сторону Советской власти в период иностранной интервенции и гражданской войны // Классовая борьба на Урале (1917-1932 годы). Свердловск, 1974. С. 20-36; *Коваленко Д.А.* Ленин и социалистические преобразования в промышленности Советской России 1917-1920 гг. М., 1976; *Юрков И.А.* Экономическая политика партии в деревне 1917-1920. М., 1980; *Бакунин А.В.* Индустриальный Урал в трудах В.И. Ленина. М., 1981; *Белоусов Р. А.* Исторический опыт планового управления экономикой СССР. М., 1983; *Абдуллин М.И.* Критика антимарксистского освещения победы Советской власти в Поволжье и на Урале // Революция и народы России. М., 1989. С. 222-236; *Магомедов Р.Р.* Продовольственная политика советского государства в первые годы Советской власти (октябрь 1917 г. - март 1921 г.) (На материалах партийных организаций и продовольственных органов Южного Урала). Автореф. канд. дис. М., 1990; *Дроздов В.В.* Современные буржуазные концепции истории советской экономики. М., 1990 и след.

См.: *Laqueur W.* The Fate of the Revolution: Interpretation of the Soviet History from 1917 to the Present. New York, 1987. P. 153; *ЭнтинДж.* Интеллектуальные предпосылки утверждения сталинизма в советской историографии // Вопросы истории. 1995. № 5-6. С. 151.

В российских научных кругах точка зрения о тотальной зависимости советской исторической мысли от диктата государства вообще, а экономической истории в частности, для которой характерны «подгонка» цифровых данных, неправдоподобность официальной статистики, активно доказывалась Ю.Н. Афанасьевым и его сторонниками (см.: *Афанасьев Ю.Н.* Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996. С. 37; Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996).

См.: *Соколов А.К.* Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 41.

Широкорад А. В.И. Ленин и формирование основ командно-административной системы // Вопросы экономики. 1991. № 12. С. 97-113; Очерки экономических реформ. М., 1993. С. 49-55; *Мау В.А.* Реформы и догмы (1919-1929): Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993; *Абуздин С.Ю.* Эволюция рыночных отношений в России (1700-1930 гг.). СПб., 1994. С. 116-124; *Кондаков В.А., Ханькин В.А.* Эволюция экономической жизни российского общества: социальные утопии и действительность (философско-экономический анализ). Тюмень, 1994. С. 9-10, 18-19; *Коловангин П.М., Рыбаков Ф.Ф.* Экономическое реформирование России в XX веке (политико-экономическое исследование). СПб., 1996. С. 7-8, 50-51; *Кудров В.М.* Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М., 1997. С. 9, 37-41; *Медников В.В., Маховикова*

Г.А. Экономика России: путь реформ (1917-1995 гг.). СПб., 1997. С. 7-8; Халиков М.С. Социолого-экономический анализ становления системы распределительных отношений в России. М., 1997. С. 4-5, 152-158, 172-173; Белихин В.Г. История экономики (факты, даты, цифры, реформы). М., 1998. С. 190-195, 205-207; Рязанов В.Л. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв. СПб., 1998. С. 41-45, 222-223, 376-377; Бессонова О.Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск, 1999. С. 122-124; Аатов Ю.В. Экономика вне закона: очерки по теории и истории теневой экономики. М., 2002. С. 229-238 и след.

Носова Н.П. Управлять или командовать? Государство и крестьянство Советской России (1917-1929). М., 1993; Присяжный Н.С. Экономическая чума: военный коммунизм в России (историко-экономический анализ 1918-1921 гг.). Ростов-на-Дону, 1994; Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму. 1917-1929. М., 1994; Павлюченков С.А. 1) Крестьянский Брест, или предыстория большевистского нэпа. М., 1996; 2) Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997; Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Шишкин В.А. 1) Власть. Политика. Экономика. Послереволуционная Россия (1917-1928 гг.). СПб., 1997; 2) Опыт государственного регулирования хозяйства в царской России и экономическая политика большевиков 1918-1927 гг. // Социально-экономическая и политическая модернизация в России XIX-XX вв. СПб., 2001. С. 131-140; Ильюхов А.А. Политика Советской власти в сфере труда (1917-1922 гг.). Смоленск, 1998; Алексеев В.В. Регионализм в России. Екатеринбург, 1999. С. 100-101; Соколов А.К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 - середина 1930-х годов) // Экономическая история. Обзорение. М., 2000. С. 39-80; Борисова А.В. „Военный коммунизм“: насилие как элемент хозяйственного механизма. М., 2001; Ходяков М.В. Децентрализм в промышленной политике регионов России: 1917-1920 гг. СПб., 2001; Гимпельсон Е.Г. Становление и эволюция советского государственного аппарата управления. 1917-1930. М., 2003 и след.
«Красная смута» на «круглом столе» // Отечественная история. 1998. № 4. С. 139-168.

Телцын В.А. „Военный коммунизм“: новый взгляд на старые проблемы // Отечественная история. 1998. № 4. С. 188-194.

Работа автора являлась составной частью большого научного проекта: «Власть и реформы в России XVI — начале XX в.», осуществленного историками С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН (см.: Материалы «круглого стола», посвященного обсуждению коллективной монографии петербургских историков // Отечественная история 1998. № 2. С. 3-36).

Филоненко А.А. 1) ВСНХ: идея и реальность. Магнитогорск, 1998, 2) Зарождение советской системы управления промышленностью. Магнитогорск, 2000; Чураков Д.О. 1) Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. М., 1998; 2) Революция, государство, рабочий протест: Форма,

динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917-1918 годы. М., 2004; *Яров С.В.* 1) Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. СПб., 1999; 2) Крестьянин как политик. Крестьянство северо-запада России в 1918—1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999; *Андреев В.М.* Российское крестьянство: навстречу судьбе 1917-1921. Коломна, 1999; *Харченко К.В.* Власть-Имущество-Человек: передел собственности в большевистской России 1917 - начале 1921 г. М., 2000; *Поринева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, солдат и крестьян России в период Первой мировой войны (1914 - март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; *Яблочкина И.В.* Рецидивы гражданской войны: Антигосударственные вооруженные выступления и повстанческие движения в Советской России. 1921—1925 гг. М., 2000; *Макаров В.Б.* Советское государственное управление первого десятилетия: эволюция системы. Нижний Новгород, 2002; *Давыдов А.Ю.* Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917—1921 гг.: Мешочники. СПб, 2002; *Телицын В.А.* «Бессмысленный и беспощадный?»: Феномен крестьянского бунтарства 1917-1921 гг. М., 2003 и след.

Обухов А.А. Крестьянство Урала и борьба за власть в 1918 г.//Революция и человек. М., 1996. С. 147—159; *Рубинов М.В.* Концентрационные лагеря ВЧК и НКВД на территории Пермской губернии (1919-1922 гг.) // Пермский край: прошлое и настоящее (К 200-летию образования Пермской губернии). Пермь, 1997. С. 114-116; *Гарипов М.* Крестьянские восстания в Башкортостане в 1918-1921 гг.// Ватандаш. 1999. № 3. С. 162-165; *Дмитриев П.Н.* К вопросу о факторах роста социальной напряженности в промышленных центрах Удмуртии весной-летом 1918 г.// Государство и общество: проблемы федерализма и самоуправления. Ижевск, 1999. С. 86—93; *Кобзов В.С., Сичинский Е.П.* Государственное строительство на Урале в 1917-1921 гг. Челябинск, 1997; *Московкин В.В.* Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и гражданской войны (1917-1921 гг.). Тюмень, 1999; *Сафонов Д.А.* Великая крестьянская война 1920-1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1999; *Суворов Д.В.* Неизвестная гражданская война. Екатеринбург, 1999; *Шумилов Е.Н.* Красный террор на Западном Урале в 1918 г.: его начало и адресная направленность // История и террор. Пермь, 1998. С. 28-31; *Бехтерева А.Н.* Опыт реконструкции психологии рабочих Ижевских заводов Удмуртии 1920-х годов// Отечественная история. 2000.№ 2. С. 170-177; *Кружинов В.М.* Политические конфликты в первое десятилетие Советской власти (На материалах Урала). Тюмень, 2000; *Телицын В.А.* Урал в 1917-1921 гг.: красный террор и общинная самозащита// Право, насилие, культура в России. Региональный аспект (первая четверть XX века). М.; Уфа, 2001. С. 180-209; *Цысь В.В.* 1) Использование труда военнослужащих на Урале и в Зауралье в 1920 году// Проблемы истории России и зарубежных стран. Нижневартовск, 2000. Вып. 1. С. 85-97; 2) Организация проведения всеобщей трудовой повинности на Урале и в Зауралье в период военного коммунизма // Россия и страны Запада: проблемы истории и филологии. Нижневартовск,

2003. Ч. 2. С. 110-119; *Фельдман М.А.* Рабочие Урала в 1914-1922 годах // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 110-120 и след.

Абрамовский А.П. 1) Мелкобуржуазные партии Урала - противники социально-экономических преобразований в горнозаводской промышленности: Октябрь 1917 - май 1918 гг. // Очерки истории горнозаводского Урала. Челябинск, 1996. С. 11-26; 2) Первая областная конференция фабрично-заводских комитетов Урала (Екатеринбург, 1-5 декабря 1917 года) // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII-XX веках. Челябинск, 1997. С. 3-18; 3) Становление системы управления национализированной промышленностью Урала (декабрь 1917 - май 1918 г.) // Урал в событиях 1917-1921 гг.: актуальные проблемы изучения (к 80-летию прекращения регулярных боевых действий на Урале). Челябинск, 1999. С. 119-131 и след.

Причины возрастания радикализма в настроении различных слоев уральских рабочих, недовольных экономическими последствиями Октября 1917 г. анализирует Д.О. Чураков. (см.: *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест: Форма, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917-1918 годы. М., 2004. С. 272-277).

Урал в событиях 1917—1921 гг.: актуальные проблемы изучения (к 80-летию прекращения регулярных боевых действий на Урале). Челябинск, 1999; Промышленность Урала в XIX-XX веках. М., 2002 и след.

Нарский И.В. 1) Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001; 2) Канализация хаоса и хаос в канализации: санитарно-гигиеническое состояние уральских городов в 1917—1922 гг. // Человек и война: Война как явление культуры. М., 2001. С. 238-265; 3) Уральская промышленность в 1917-1922 гг.: социалистический эксперимент или консервация «оригинального строя» // Промышленность Урала в XIX—XX веках. М., 2002. С. 157-185 и след.

Апаева М.Г. Экономика Оренбургской области: опыт, проблемы, решения. Оренбург, 1997. С. 2&~45; *Поликова А.Б.* Экономическая политика Советской власти в годы гражданской войны на Урале. Оренбург, 1998.

Ильченко В.Н. Историография промышленности Урала в годы революции и гражданской войны. Автореф. канд. дис. Екатеринбург, 1998; *Алексеев С.Е.* История создания и функционирования органов управления промышленностью Урала в 1917 — середине 20-х гг. в отечественной историографии. Автореф. канд. дис. Тюмень, 2002.

См.: *Благодатских В.Г.* Управление региональным развитием Урала (Исторический опыт и современность). Екатеринбург, 1999. С. 68—69.

Бакунин А.В. Формирование большевиками управленческих структур в экономике (1917-1920-е гг.) // Уральский исторический вестник. 1996. № 3. С. 153-166; *Запарий В.В.* Основные этапы развития системы управления металлургией Урала (начало XVIII века - 1991 год) // Межвуз. сб. научных трудов. Магнитогорск, 2000. Вып. 2. С. 213-220.

Филоненко А.А. У истоков «военно-коммунистической» экономики: центр и органы хозяйственного управления на Урале: (конец 1917 - первая поло-

вина 1918 г.)// 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 238–249.

Крупина А.Н. Освещение в современной литературе уроков колчаковщины и поворота среднего крестьянства на сторону Советской власти// Уральское село в XX веке. Екатеринбург, 1994. С.4–24; *Назыров П.Ф.* Проведение аграрной реформы в Оренбургском казачьем войске (1917–1919 гг.)// Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск, 1995. Ч. 2. С. 122–125; *Орлов С.П.* Сельская община как институт социальной защиты (1917–1920 гг.)// Политика и экономика Удмуртии советского периода. Ижевск, 1996. Вып. 4. С. 24–33; *Никитина Г.А.* Удмуртская община в советский период: (1917 - нач. 30-х г.). Ижевск, 1998; *Телицын В.А.* Сквозь тернии «военного коммунизма»: крестьянское хозяйство Урала в 1917–1921 гг. М., 1998; *Абрамовский А.П., Кобзов В.С.* Продразверстка в Челябинской губернии (август 1919 г. — март 1921 г.)// Оренбургское казачье войско: Поиски. Находки. Открытия. Челябинск, 1999. С. 38–58; *Давлетшин Р.Ф.* История крестьянства Башкортостана. 1917–1940 годы. Уфа, 2001; *Абузов В.А.* О влиянии событий 1914–1920 годов на состояние сельского хозяйства Оренбуржья // История Отечества на рубеже веков: опыт, проблемы, пути решения. Оренбург, 2001. Ч. 2. С. 39–42; *Бакулин В.И.* Решение продовольственной проблемы в Вятской губернии на завершающем этапе «военного коммунизма»// Россия в XX веке: Реформы и революции. М., 2002. Т.2. С. 33–45; *Иванов А.В., Тертышный А.Т.* Уральское крестьянство и власть в период Гражданской войны (1917–1921 гг.): Опыт осмысления проблемы в отечественной историографии. Екатеринбург, 2002; *Скориков А.И.* К вопросу об организации продовольственного дела в Челябинске в 1917–1919 гг.// Гражданская война на Востоке России. Челябинск, 2002. С. 120–128 и след. *Бакулин В.И.* Соликамский (Усольский) уезд в 1917–1919 годах. Соликамск, 1995; История Оренбуржья. Оренбург, 1996; История развития лесной промышленности Среднего Урала. Екатеринбург, 1997; Пермская область. Из истории промышленного, хозяйственного и культурного развития. Пермь, 1998; Страницы истории Башкортостана XX века. Уфа, 1998; Прикамье. Век XX. Пермь, 1999; Пермь от основания до наших дней: Исторические очерки. Пермь, 2000; Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2000; Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000; Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000; Коми-Пермяцкий округ: век XX. Пермь, 2001; Старый Невьянский завод. Екатеринбург, 2001 и след.

Лантева Е.В. Некоторые характерные тенденции в развитии американского россиеведения 1990-х годов// Отечественная история. 2004. № 2. С. 161–162.

Дэвис Р.У., Гатрелл П. От царизма к нэпу// Вопросы истории. 1992. № 8/9. С. 30–51; *Nove A.* An Economic History of the USSR, 1917–1991. London; New York, 1992; *Gregory P.* Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-Year Plan. Princeton, 1994, *Gregory P.* Russian and Soviet Economic Performance and Structure. Reading: Addison-Wesley,

1998; *Dowlah A., Elliott J.* The Life and Times of Soviet Socialism. Westport; L., 1997; *Мерль Ст.* Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе // Отечественная история. 1998. № 1. С. 97-117; *СанурЖ.* Советская экономика: истоки, развитие, функционирование // Индустриализация: исторический опыт и современность. СПб., 1998. С. 88-138; *Service R.* History of Twentieth-century Russia. Cambridge, 1998; *Banerji A.* Merchants and Markets in Revolutionary Russia, 1917-30. NY., 1997; *Dugarm D.* Local Politics and the Struggle for Crain in Tambov, 1918-21 // Provincial Landscapes: Local Dimensions of Soviet Power, 1917-1953. Pittsburgh, 2001. P. 59-81; *Hessler J.* A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917-1953. Princeton, 2004 и др. *Brovkin V.* Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1918-1922. Princeton, 1994; *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilisation. Berkeley, 1995; *Harris J.* The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. New York, 1999; *Блэнк С.* Борьба за Советскую Башкирию в 1917-1923 годы // Ватандаш. Уфа, 2000. № 4. С. 110-127; *Harris J.* Dual subordination? The Political Police and the Party in the Urals Region 1918-1953 // Cahiers du Monde Russe. P., 2001. Vol. 42. N 2-4. P. 423-446.

вина 1918 г.) // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 238–249.

Крупина А.Н. Освещение в современной литературе уроков колчаковщины и поворота среднего крестьянства на сторону Советской власти // Уральское село в XX веке. Екатеринбург, 1994. С.4–24; *Назыров П.Ф.* Проведение аграрной реформы в Оренбургском казачьем войске (1917–1919 гг.) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск, 1995. Ч. 2. С. 122–125; *Орлов С.П.* Сельская община как институт социальной защиты (1917–1920 гг.) // Политика и экономика Удмуртии советского периода. Ижевск, 1996. Вып. 4. С. 24–33; *Никитина Г.А.* Удмуртская община в советский период: (1917 — нач. 30-х г.). Ижевск, 1998; *Телицын В.А.* Сквозь тернии «военного коммунизма»: крестьянское хозяйство Урала в 1917–1921 гг. М., 1998; *Абрамовский А.П., Кобзов В.С.* Продразверстка в Челябинской губернии (август 1919 г. — март 1921 г.) // Оренбургское казачье войско: Поиски. Находки. Открытия. Челябинск, 1999. С. 38–58; *Давлетшин Р.Ф.* История крестьянства Башкортостана. 1917–1940 годы. Уфа, 2001; *Аабузов В.А.* О влиянии событий 1914–1920 годов на состояние сельского хозяйства Оренбуржья // История Отечества на рубеже веков: опыт, проблемы, пути решения. Оренбург, 2001. Ч. 2. С. 39–42; *Бакулин В.И.* Решение продовольственной проблемы в Вятской губернии на завершающем этапе «военного коммунизма» // Россия в XX веке: Реформы и революции. М., 2002. Т.2. С. 33–45; *Иванов А.В., Тертышный А.Т.* Уральское крестьянство и власть в период Гражданской войны (1917–1921 гг.): Опыт осмысления проблемы в отечественной историографии. Екатеринбург, 2002; *Скориков А.И.* К вопросу об организации продовольственного дела в Челябинске в 1917–1919 гг. // Гражданская война на Востоке России. Челябинск, 2002. С. 120–128 и след. *Бакулин В.И.* Соликамский (Усольский) уезд в 1917–1919 годах. Соликамск, 1995; История Оренбуржья. Оренбург, 1996; История развития лесной промышленности Среднего Урала. Екатеринбург, 1997; Пермская область. Из истории промышленного, хозяйственного и культурного развития. Пермь, 1998; Страницы истории Башкортостана XX века. Уфа, 1998; Прикамье. Век XX. Пермь, 1999; Пермь от основания до наших дней: Исторические очерки. Пермь, 2000; Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2000; Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000; Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000; Коми-Пермяцкий округ: век XX. Пермь, 2001; Старый Невьянский завод. Екатеринбург, 2001 и след.

Лантева Е.В. Некоторые характерные тенденции в развитии американского россиеведения 1990-х годов // Отечественная история. 2004. № 2. С. 161–162.

Дэвис Р.У., Гатрелл П. От царизма к нэпу // Вопросы истории. 1992. № 8/9. С. 30–51; *Nove A.* An Economic History of the USSR, 1917–1991. London; New York, 1992; *Gregory P.* Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-Year Plan. Princeton, 1994, *Gregory P.* Russian and Soviet Economic Performance and Structure. Reading: Addison-Wesley,

1998; *Dowlah A., Elliott J.* The Life and Times of Soviet Socialism. Westport; L., 1997; *Мерль Ст.* Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе // Отечественная история. 1998. № 1. С. 97-117; *Санин Ж.* Советская экономика: истоки, развитие, функционирование // Индустриализация: исторический опыт и современность. СПб., 1998. С. 88-138; *Service R.* History of Twentieth-century Russia. Cambridge, 1998; *Banerji A.* Merchants and Markets in Revolutionary Russia, 1917-30. NY., 1997; *Dugarm D.* Local Politics and the Struggle for Crain in Tambov, 1918-21 // Provincial Landscapes: Local Dimensions of Soviet Power, 1917-1953. Pittsburgh, 2001. P. 59-81; *Hessler J.* A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917-1953. Princeton, 2004 и др. *Brovkin V.* Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1918-1922. Princeton, 1994; *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilisation. Berkeley, 1995; *Harris J.* The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. New York, 1999; *Блэнк С.* Борьба за Советскую Башкирию в 1917-1923 годы // Ватандаш. Уфа, 2000. № 4. С. 110-127; *Harris J.* Dual subordination? The Political Police and the Party in the Urals Region 1918-1953 // Cahiers du Monde Russe. P., 2001. Vol. 42. N 2-4. P. 423-446.

На рубеже XX-XXI вв. отечественная историческая наука сделала немало в изучении истории государственного строительства наций и народов. Появились исследования, в которых с современных позиций анализируются различные аспекты национальных отношений: труды А.И. Вдовина,

М.Н. Губогло, А.М. Дробижевой, К.Н. Санукова и многих других.¹ Приоритетными вопросами стали: национальная политика России до 1917 г., которая рассматривалась в основном как великодержавная; теоретические основы национальной политики советского государства и особенности их практического претворения в первые годы Советской власти; перспективы и формы совместного существования российских народов и этносов России. В результате предположений и выводов, сделанных учеными, особенно актуальным стал третий вопрос, анализирующий возможность существования в России федерализма.

В монографии М.Н. Губогло, на основе постсоветского опыта законотворчества, а также на этносоциологических и этнополитологических исследованиях, проведенных Центром по изучению межнациональных отноше-

ний Института этнологии и антропологии РАН в последние десятилетия XX в., была предпринята попытка обстоятельно разобраться в возможных вариантах дальнейшего существования России.²

Одна из главных задач исторической науки заключается в прогнозировании разви-

тия общества и государства, которое возможно лишь при глубоком изучении прошлого. Выявление положительного опыта в истории страны должно способствовать реализации данной научной цели. Каждый из этапов отечественной истории имел, с точки зрения современного восприятия позитивы и негативы. Не является в этом смысле исключением и советский период. Размышления о будущем народов России и их государственных образований обязывают продолжать изучение исторического опыта первых лет Советской власти.

В марксистско-ленинской концепции возникновение наций связывается, главным образом, с установлением достаточно развитых экономических связей между различными народностями. Поэтому нации, по классикам марксистско-ленинской идеологии, появляются в капиталистической формации в

результате развития буржуазных отношений. Нация, согласно мысли К. Маркса, выступает как более развитая в сравнении с народностью общность людей. И если по отношению к народности и национальности в качестве определяющих признаков рассматриваются язык, территория, культура, образ мышления, то нации характеризуются обязательным обращением к экономическим связям.

Практическое значение для национальной политики СССР 1917–1941 гг. имела интерпретация И.В. Сталиным наследия К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина в теории национального вопроса. В работе «Марксизм и национальный вопрос» он отмечал: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» и далее «...достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией....Только наличие всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию». ³ По приведенному определению практически невозможно разграничить нацию, народ, этнос (экономические связи имеются и у племени, и у народности, и у этноса, которые так же, как нация, являются историческими общностями). Однако нации - не застывшие совокупности каких-то признаков, а - живые организмы. Они были в древности, в средневековье, в новое время. Кроме того, между нацией и этносом имеются явные отличия. Если для этнической общности характерны расовые; языковые, культурные, ментальные признаки, то для нации даже язык не стал универсальным свойством, так как в пределах одного государства у нации могут быть не один, а два языка.

Нация — это особое человеческое сообщество, выражающее специфическое чувство политического, экономического, культурного, духовного единения и монолитности, что явно отличает нацию от любой другой социальной общности. Очень важным для нации является не только историческое прошлое, связывающее народы, но и общая, единая для нее, идея будущего развития, которая поглощает национальные отличия и разногласия и которая становится цементирующей ее единство силой.

Нация существует и развивается внутри государства. Оно представляет собой форму ее политической организации. Другими словами, нация — это общность, которая состоит из различных народов с их разнообразными гражданскими институтами (религиозными, культурными, профессиональными, языковыми и др.), единой исторической судьбой, общим психологическим ощущением своего единства в границах того или иного государственного образования. Вне государства мы можем говорить об этносе, о народности, но не о нации. Внутри себя

нация может быть разделена по многим признакам: политическим, идеологическим, экономическим, национально-этническим, религиозным, профессиональным. Но все ее гражданские институты и общности образуют единый конгломерат, характеризующийся общенациональными интересами. Таким образом, гражданское общество и государство — две главные составляющие нации. Первое выражает интересы отдельного человека в солидарности с интересами всего общества. А второе скрепляет и реализует данное единство посредством внутренней и внешней политики.⁴

В том случае, если у нации нет объединяющей цели, либо она ее исчерпала, начинают нарастать и крепнуть разъединяющие идеи и силы, существующие латентно внутри любой нации, которые могут привести к ее расколу и распаду. Возможна и другая ситуация, когда внутренняя, присущая каждой нации, сегментарность по той или иной причине увеличивается и усиливается, наконец, разрастается до таких масштабов, что подавляет ранее объединявшую нацию идею. Особо широкое распространение на данном этапе получают национально-этнические идеи, иногда находящие выражение в духе радикального национализма.

Национализм не следует рассматривать лишь с точки зрения крайней формы его выражения. Его потенциал может проявляться в двух направлениях: в контексте объединения или консолидации и в устремлениях к разъединению, дезинтеграции. Обе позиции тесно взаимосвязаны между собой. При этом нельзя отождествлять национализм и национальное чувство. Национализм — это резкая вспышка, обострение этнического самосознания вследствие разных социально-экономических, политических, культурных причин, идеология государств, политических партий, других сил и общностей, использующих в своих интересах национальные, патриотические чувства народов. Цели здесь могут быть самыми разнообразными. Одной из них, как показывает история, является политическое самоопределение или создание народом своей государственности. В качестве идеологии он играет важную консолидирующую роль, объединяет силы, создает единую психологию, коллективное сознание, монолитную волю народа в борьбе за отстаивание национальных идей. Так, в Российской империи русский народ долгое время рассматривался как инициатор великодержавного шовинизма. Различные варианты национализма широко проявляются в процессе становления или распада нации.

Большевики использовали этническое самосознание многонациональной России. Еще второй съезд РСДРП в 1903 г. провозгласил свободу, независимость и право наций на самоопределение. Впервые эта

цель была поставлена международной организацией рабочего класса — Интернационалом.

Практическую реализацию она получила в таких документах, как «Декларация прав народов России», «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», а также в первой Конституции РСФСР, принятой в 1918 г., которые стали фундаментом советской национальной политики. «Декларация прав народов России», принятая 2 ноября 1917 г., провозгласила следующие принципы ленинской национальной политики: 1) равенство и суверенность народов России; 2) право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; 3) отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; 4) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.⁵ По «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» от 12 января 1918 г. Советская Российская республика учреждалась «на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик».⁶

Придерживаясь современной трактовки понятия «нация», следует заметить, что Российская империя как унитарное государство, которое в основном инкорпорировало присоединявшиеся к нему новые территории и народы, имела единую нацию, включавшую в себя около 200 этнических групп. Более 165 млн человек, населявших Россию в 1917 г., говорили на 146 языках и наречиях. Только в Поволжье и Приуралье, по переписи 1897 г., проживало 17 млн человек более десяти национальностей.⁷ В ленинской трактовке принцип права наций на самоопределение имел исключительно политический характер, так как государство выступало в качестве цели окончательного самоопределения нации. По этой логике следовало, что нация уже существует и борется за государство. Итак, основной ленинский принцип национальной политики Советской власти выводил государство из признаков нации, а самоопределение предусматривалось как исключительно политическое качество — создание собственной государственности. В итоге произошла переориентация народов от идеи сплоченности и сотрудничества национальностей России в рамках единого государства к их разобщению и образованию множественной национально-территориальной государственности.

Основоположники марксизма отмечали выявленную в качестве объективной закономерности тенденцию в развитии наций, из которой следовало, что с уничтожением частной собственности национальные

черты будут смешиваться до тех пор, пока не исчезнут совсем. По мнению В.И. Ленина, роль социализма в слиянии наций неизбежна.⁸ Рассматривая национально-освободительное движение в качестве союзника пролетариата в его классовой борьбе, он выдвинул тезис о предоставлении нациям свободы и самоопределения. В данной концепции Российская империя и царское самодержавие рассматривались исключительно как угнетатели простого народа и многочисленных, проживавших в стране, национальностей. Осознавая невозможность в одночасье избавить народности от их этнических различий и создать единую, социалистическую, нацию, В.И. Ленин пошел на временный компромисс, который должен был способствовать укреплению позиций большевиков, отдававших себе отчет в том, что они не смогут склонить национальности России лозунгом борьбы за слияние всех наций.

Лозунг права наций на самоопределение привлек на сторону Советской власти большинство этносов России. Новой установкой В.И. Ленина стал призыв: не надо бояться раздробленности России, главное не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранился союз между трудящимися всех стран для борьбы с мировой и национальной буржуазией.

Данные замечания и оценки не имеют целью опорочить или навести критику на национальную политику большевиков. Наоборот, история показала их дальновидность. Они сумели не только организовать и провести первую в мире пролетарскую революцию, но и создать единую нацию. Длительное время советских людей сплачивала общая психология. Ни одно государство в мире не имело ничего подобного в своей истории. Непродуктивно искать в данном уникальном сообществе только негатив, как пытаются делать некоторые критики социализма и поборники псевдодемократии. Любой эксперимент, любая реализация неапробированных теорий и учений осуществляется за счет проб и ошибок, часто — за счет трагических событий, связанных с человеческими жертвами.

При постановке вопроса о политическом самоопределении народов имеется в виду реализация данного процесса в варианте ленинской политики. Большевиков не интересовало число суверенных народов в составе социалистической России. Наоборот, большее число национальностей соответствовало концепции многонационального государства и советского народа. Поэтому в первой советской Конституции подчеркивалось, что основной задачей РСФСР является «установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах».⁹ Основным закон СССР 1924 г. объявлял образование Союза

СССР «новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в мировую социалистическую Советскую Республику».¹⁰

Таким образом, главный теоретический принцип большевиков, ставший программным в национальной политике советского государства, о праве наций на самоопределение рассматривался ими как временный — для привлечения на свою сторону народов и этносов многонациональной России. Конечная же цель, — создание единственной общечеловеческой нации - коммунистического общества - была изначально утопична, и это постепенно стали понимать партийные и государственные деятели, претворявшие национальную политику СССР в жизнь. В 1920-е г. распространялись идеи о дореволюционной России как о тюрьме народов, а также призывы о необходимости помощи всем национальностям со стороны русского народа. Вместе с тем до конца 1920-х годов официальная идеология исходила из лозунга «борьбы с великодержавным русским шовинизмом», т. е. из тотального осуждения дореволюционной истории русского народа, а с начала 1930-х годов отношение к русским национальным чувствам и интересам начало меняться. В сознании общества углублялось значение роли русского народа в достижениях страны. Восстанавливались патриотические страницы российской истории, подтверждающие его героизм, силу, мужество, любовь к Отечеству. На местах осуществлялся постепенный отказ от национальных языков и переход на обязательность преподавания школьных дисциплин на русском языке. В 1930-1940-е годы великодержавный национализм усиливался ради сплочения единой нации советского народа, без чего СССР не смог бы отстоять суверенитет своего государства в Великой Отечественной войне. Таким образом, национальная политика страны закономерно приспособлялась к историческим событиям и обстоятельствам, как внешнего, так и внутреннего характера.

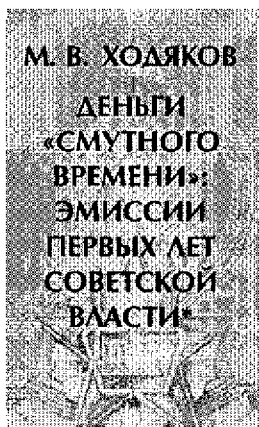
Примечания

- ¹ *Вдовин А.И.* 1) Русский народ в национальной политике XX в. М., 1998 (в соавт.); 2) Российский федерализм и русский вопрос. М., 2001; *Губогло М.Н.* 1) Языки этнической мобилизации. М., 1998; 2) Принудительный лингвизм. Социолингвистические очерки об этнополитической ситуации в СССР в 1920-1930 гг. М., 2000 (в соавт.); *Дробижева А.М.* Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. М., 1995 (в соавт.); *Сапунов К.Н.* 1) Марийцы: прошлое, настоящее, будущее. Йошкар-Ола, 1992, 1996 (на венг. яз.); 2) Проблемы истории и возрождения финно-угорских народов России. Йошкар-Ола, 1994.
- ² *Губогло М.Н.* Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., 2000.

- Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос. М., 1959. С. 10.
- См. об этом: *Поздняков Э.А.* Нация. Национализм. Национальные интересы. М., 1994.
- Политика Советской власти по национальным делам за три года (1917—1920). М., 1920. С. 8.
- Там же.
- Кузнецов И.Д.* Первый этап национального самоопределения Поволжья и Приуралья // Торжество ленинской национальной политики. Чебоксары, 1977. Вып. 73. С. 191.
- См. *Вдовин А.И.* Эволюция национальной политики СССР. 1917-1941 гг. // Вестник Московского университета. Сер. VIII. История. 2002. № 3. С. 4.
- См. *Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И.* Очерк истории Советской Конституции. М., 1987. С. 240.
- Там же. С. 265.

Финансовая политика советского государства на всех этапах его развития неизменно привлекала пристальное внимание историков и экономистов. Обширная литература по этим проблемам появилась уже в 1920-е годы,¹ стимулировав дискуссию 1960- 70-х годов о товарно-денежных отношениях при социализме. Различные подходы и точек зрения исследователей позволило раскрыть многие важные проблемы. Вместе с тем ряд вопросов по-прежнему требует углубленной разработки. Так, до недавнего времени среди специалистов не существовало единого мнения относительно возможности изготовления «царских» или «романовских» денежных знаков в первые годы Советской власти. Привлечение новых источников позволило пролить дополнительный свет на этот вопрос и снять дискуссионную проблему.² Настоящая статья призвана охарактеризовать процесс подготовки и выпуска в обращение первых денежных знаков советской эпохи, далеко не все из которых несли на себе символику нового общественного строя.

Общеизвестно, что финансы

России за годы Первой мировой войны пришли в расстройство. К 1916 г. из обращения исчезла металлическая монета. Денежное обращение стало практически полностью бумажным.³ Начался выпуск разменных марок-денег достоинством от 1 до 20 коп. («листами с зубцов-

кой») и разменных казначейских знаков — бумажных прямоугольников небольшого формата достоинством от 1 до 50 коп.

Вскоре после свержения монархии в России по инициативе М. Горького при комиссаре Временного правительства над бывшим министерством двора было организовано Особое совещание по делам искусств. 13 марта 1917 г. в него влилась аналогичная комиссия Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В состав новой структуры вошла группа известных художников, обсуждавших вопрос о государственном гербе. Член комиссии И.Я. Библин, взяв за основу изображение двуглавого орла на печати Иоанна III, предложил рисунок временного герба России. При этом орел лишился имперской символики — короны, скипетра, державы.⁴

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Прект № 05-01-01486а

Одновременно художники начали разработку так называемого «республиканского кредита» — новых денежных знаков России. Уже 16 марта 1917 г. комиссия по делам искусств выступила с инициативой создания «новых рисунков кредитных билетов», выполнить которые должны были художники, входившие в ее состав. Министр финансов М.И. Терещенко, поблагодарив членов комиссии «за любезное предложение», обратил внимание художников на то, что «рисунки для кредитных билетов должны быть скомпонованы прежде всего таким образом, чтобы гравирование их и затем воспроизведение их на кредитных билетах представлялось вполне удобным. Далее, необходимо, чтобы рисунки по своей выписанности и подробной отделке деталей, могли создавать должную гарантию в смысле защиты билетов от подделок, иной раз весьма искусных и тонких».⁵ М.И. Терещенко рекомендовал художникам при составлении соответствующих новому строю России рисунков денежных знаков ознакомиться «более близко с этой именно стороной дела».⁶ В эту работу вновь активно включился И.Я. Билибин.

В результате по указу Временного правительства от 26 апреля товарищ министра финансов С.А. Шателен уже 3 мая утвердил образец нового государственного кредитного билета достоинством в 1000 руб. Спустя несколько месяцев, 28 августа 1917 г., Управляющий министерством финансов М.В. Бернацкий одобрил образец кредитного билета достоинством в 250 руб., одновременно распорядившись «незамедлительно приступить к печатанию указанных билетов, не ожидая опубликования постановления о них».⁷

В сентябре 1917 г. в обращение были выпущены «керенки» — казначейские знаки достоинством 20 и 40 руб. Они, так же, как и «думские» деньги, эмитированные весной и летом 1917 г., несли на себе «преображенного орла» — новый государственный герб России. Множество и разнообразие денежных знаков той поры объяснялось стремительным ростом цен, который привел не только к недостатку наличности, росту номиналов кредитных билетов, но и стимулировал выпуск в обращение всевозможных суррогатов — купонов, займов, марок и т.п.

Отношение Советской власти к существующей денежной системе четко определилось уже вскоре после октября 1917 г. На заседании Совнаркома 20 января 1918 г. обсуждался вопрос «о выпуске разменных знаков нового образца». В тот момент СНК признал принципиально возможным выпуск мелких купюр «Займа Свободы», в качестве вспомогательных денежных знаков. Декретом от 30 января (12 февраля) СНК допустил «хождение в пределах Российской Советской Федеративной Республики наравне с кредитными билетами» облигаций «Зай-

ма Свободы» достоинством не выше 100 руб. Те, кто отказывался принимать облигации как денежные знаки по номинальной стоимости, подлежали преданию суду и должны были караться «по всей строгости революционных законов».⁸

В мае 1918 г. на I Всероссийском съезде представителей финотделов В.И. Ленин сообщил, что в настоящее время разрабатывается проект замены существующих денег для разоружения буржуазии экономически.⁵ Глава правительства предлагал провести денежную реформу путем замены старых денежных знаков новыми: «Деньги, бумажки - все то, что называется теперь деньгами, — эти свидетельства на общественное благосостояние, действуют разлагающим образом и опасны тем, что буржуазия, храня запасы этих бумажек, остается при экономической власти. Чтобы ослабить это явление, мы должны предпринять строжайший учет имеющихся бумажек для полной замены всех старых денег новыми».¹⁰

Ограничение обмена определенной нормой, по мнению В.И. Ленина, позволило бы аннулировать значительную часть ранее выпущенных денег и привести количество денежной массы в соответствие с потребностями хозяйственного оборота в деньгах. Эмиссия, превышающая сумму обменных операций, дала бы государству дополнительные финансовые ресурсы без ущерба для устойчивости советской валюты.¹¹

Первый Всероссийский съезд Советов народного хозяйства, проходивший в конце мая - начале июня 1918 г., сформулировал директиву, содержащую указание на полное изъятие из обращения всех денежных суррогатов и замену старых денег новыми.

После Октябрьского переворота 1917 г. Экспедиция заготовления государственных бумаг (ЭЗГБ) в Петрограде, осуществлявшая производство денежных знаков, ни на один день не прерывала своей деятельности. Более того, отчет о ее работе за первый год Советской власти свидетельствует о том, что революция «не изменила резко создавшегося в Экспедиции порядка вещей».¹² Вместе с тем денежный голод остро ощущался в отдаленных от Петрограда городах. Главный бухгалтер столичной конторы Госбанка Н.В. Лебедев отмечал, что ЭЗГБ «едва успевала удовлетворять потребности... Выпущенные кредитные билеты в кассы Государственного банка поступали в весьма небольшом количестве, все держалось в то время на печатном станке».¹³

Ощущая острую нехватку средств, финансовое ведомство начало подготовку к выпуску в обращение денежных знаков образца 1918 г., получивших название «пензенок» (по месту их изготовления, куда в феврале-марте 1918 г. была эвакуирована часть Экспедиции - 1400 человек и печатное оборудование) или «пятакоек» (по подписи управляющего

Госбанком Г. Пятакова). 18 мая 1918 г. управляющий ЭЗГБ направил для представления «на утверждение Совета Народных Комиссаров 10 комплектов кредитных билетов 1000 руб., 500 руб., 250 руб., 100 руб. и 1 руб. достоинства образца 1918 года».¹⁴ Ряд комплектов «пятакоек» направлялся в СНК для рассмотрения еще в июне 1918 г. Декреты же о выпуске в обращение кредитных билетов образца 1918 г. различных номиналов были подписаны годом позже - лишь 15 мая и 21 октября 1919 г.¹⁵

Таким образом, в 1918 г. в Экспедиции продолжалось изготовление денежных знаков не только образца 1917 г. — «думок» и «керенок», но и «царских» кредитных билетов дореволюционных образцов (табл. 1).

Табл. 1. Средняя производительность Экспедиции заготовления государственных бумаг в течение осени 1918 г. (с 15 сентября)¹⁶

Достоинство купюр	Количество экземпляров	Общая сумма (в руб.)
1 руб.	500 000	500 000
3 руб.	290 000	870 000
5 руб.	550 000	2 750 000
10 руб.	550 000	5 500 000
25 руб.	55 000	1 375 000
50 руб.	7 000	350 000
100 руб.	20 000	2 000 000
250 руб.	112 000	28 000 000
500 руб.	21 000	11 500 000
1000 руб.	28 000	28 000 000
20 руб. («керенки»)	2 000 000	40 000 000
Всего		120 895 000

Вместе с тем, по воспоминаниям известного советского скульптора С.Т. Коненкова, уже в начале 1918 г. были предприняты попытки создания эскизов новых советских денежных знаков. С этой целью к работе были привлечены лучшие художники страны, организован конкурс, в котором принимали участие В.Д. Фалилеев, Е.В. Орановский, А.В. Шусев, И.В. Жолтовский, С.Т. Коненков и др. Как свидетельствовали современники, подготовленные рисунки сделали бы честь художникам всего советского государства.¹⁷

Осенью 1918 г. группа специалистов ЭЗГБ начала обсуждение задания комиссариата финансов о выпуске в обращение «в кратчайший срок нового, художественного и хорошо защищенного „пролетарского кредита"». Все в тот момент времени сходились в том, что при имевшемся личном составе граверов Экспедиции новый кредит «по защите и худо-

жественности исполнения» не должен уступать «романовскому» по крайней мере около 20 лет. Однако создание новых денег по «добытым путем конкурса рисункам», изготовление по этим рисункам оригинальных штемпелей для разных родов печати, требуемого количества типографских, металлографических и орловских стереотипов было процессом весьма трудоемким. Учитывая спешность задания, ЭЗГБ «за неимением другого запаса форм» смогла предложить лишь использование разработанных в течение предшествующих 15 месяцев форм «республиканского кредита», задуманного еще Временным правительством.

Работа была значительно осложнена тем, что при разработке «пролетарского кредита» комиссар финансов высказал ряд пожеланий, которые непременно следовало учесть. Пожелания наркома требовали переделки почти половины всех готовых штемпелей и изготовления новых стереотипов.

Представляет интерес текст, который предполагалось поместить на лицевой стороне новых денежных знаков: «Государственный кредитный билет... Кредитные билеты размениваются государственным банком на золотую монету без ограничения суммы и обеспечиваются всем достоянием государства». Столь уверенное заявление руководителя финансового ведомства, сделанное осенью 1918 г. в момент резкого падения покупательной способности рубля, вызвало недоумение у работников Экспедиции. В этой связи они мягко заметили, что было бы «желательно выяснить точную новую редакцию прописи».¹⁸

На оборотной стороне «пролетарского кредита» двуглавый орел с «республиканского кредита» Временного правительства должен был быть заменен советским гербом. При этом специалисты ЭЗГБ отмечали: «Весьма желательно было бы выяснить, допустимо ли помещение советского герба без окружающей его подписи: "Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика,.. Эта подпись делает герб тяжелым и вследствие круглой своей формы весьма неудобным для помещения в предназначенные для герба места». По их мнению, герб без надписи, «т.е. щит с гербом и щит с лозунгом («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»- *М.Х.*) и колосья по бокам верхнего щита дал бы более художественной связи с орнаментами на готовых формах». Помещение герба на «пролетарском кредите» и изготовление новых стереотипов требовало в тех условиях около 4 месяцев.

Вопрос вызвал один из элементов герба — солнце. Граверы задавались вопросом: «... следует ли на щите герба поместить солнце. В описании герба говорится о солнце, а на утвержденном рисунке герба нет солнца». Пожелание наркома финансов разместить на всех билетах

«пролетарского кредита» лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» вызвало поиск соответствующего решения. Потребовалось выяснить, на каких языках предполагается сформулировать лозунг, поместить его на лицевой или оборотной стороне билетов «вместо одной из розеток с достоинством». При этом, правда, нарушалась симметричность композиции рисунка и получалось «впечатление насильственной вставки». Выполнение данного пожелания наркома финансов требовало «вырезывания зубчатых розеток для вставки лозунга» и являлось, по общему мнению, «сложной работой», требовавшей изготовления новых стереотипов, на что должно было уйти около 5 месяцев.¹⁹

Среди пожеланий наркомфина для «пролетарского кредита» было размещение на новых денежных знаках эмблемы «фабрика и деревня». Для этого единственным местом признавалась «одна из розеток с достоинством билета». Стремление сделать новые деньги более яркими привело к тому, что в ЭЗГБ всерьез обсуждали пожелание наркома «на всех билетах какую-нибудь часть... отпечатать красною краскою, т.е. или лозунг или эмблему или часть прописи».²⁰ Такого рода эстетические тонкости порождали большие технические сложности. Дело в том, что вся защита и программа исполнения «республиканского кредита» была построена на четырех печатях - двух на лицевой и двух на оборотной стороне. Обязательное включение красной печати не только увеличивало число печатей до пяти, но и приводило к росту количества необходимых стереотипов и, следовательно, задерживало время изготовления денег.

Вопрос о выпуске в обращение «пролетарского кредита», казалось бы, был предрешен. Обсуждались даже такие технические вопросы, как перемена литер и номера после каждого миллиона билетов серии. Уже в 1915 г. в связи с резким увеличением денежных знаков в обращении пришлось отказаться от прежней порядковой шестизначной поштучной нумерации кредитных билетов и перейти к так называемой серийной нумерации. Первоначально это новшество коснулось рублевых кредитных билетов образца 1898 г. На каждом миллионе таких билетов печатали один и тот же очередной номер данной двухлитерной серии с уменьшенным количеством цифр. Эта система серийной нумерации денежных знаков была применена в 1917 г. для выпущенных в обращение 5-рублевых кредитных билетов образца 1909 г. и 250-рублевых образца 1917 г.²¹

В процессе подготовки к выпуску «пролетарского кредита» выяснилось, что переход к серийной нумерации вызывает «простой машины на один день». В этих условиях Экспедиция ради избежания про-

стоев оборудования просила увеличить число билетов в каждой серии нового кредита, а именно: при изготовлении билетов в 1, 3 и 5 руб. - на 5 000 000 в каждой серии; 25, 50 и 100 руб. - на 1 000 000, а при изготовлении билетов высших достоинств - 250, 500 и 1000 руб. - на 500 000 в каждой серии.

Разработчики «пролетарского кредита» стремились обеспечить наилучшую защиту новых денег от подделки. Для изготовления билетов крупных номиналов - от 100 до 1000 руб. - была принята металлографическая печать на лицевой стороне и двойная орловская печать на оборотной стороне. Осенью 1918 г. изготовление основных форм для двойной орловской печати было почти окончено, а гравирование на стали портрета К. Маркса по законченному в тот период времени рисунку требовало при усиленной 12-часовой работе 4 месяца. Изготовление металлографических стереотипов должно было занять около 6 месяцев напряженной работы.

Параллельно с гравированием портрета производились работы по исполнению на купюрах высшего достоинства форм для водяного знака портрета К. Маркса. Эта работа требовала не менее 6 месяцев. Общая оценка ситуации специалистами была не слишком оптимистичной - «выпуск билетов высших достоинств не может состояться раньше 11-13 месяцев». Выпуск средних и мелких купюр мог произойти при сокращении переделок и вставок «в лучшем случае через 6-7 месяцев» при условии отсутствия новых «пожеланий» со стороны руководства наркомата финансов, отсутствия специальных и чрезвычайных²² заказов, а также при наличии необходимых для работы материалов.

Формат новых билетов «пролетарского кредита» должен был соответствовать формату так называемого «Пензенского кредита», изготовление которого начиналось в цехах эвакуированной в Пензу части ЭЗГБ. Исключение составляли билеты достоинством в 100, 250, 500 и 1000 руб., которые «благодаря применению металлографической печати и... увеличению формата купоном с портретным водяным знаком (К. Маркса. — М.Х.)» отличались от тех же номиналов «пензенок» или «пятакоек».

Понимая, что выпуск «пролетарского кредита» может затянуться, руководство наркомата финансов 28 октября 1918 г. провело в Петрограде совещание с участием управляющего ЭЗГБ Августа Зеке, назначенного на эту должность неделей ранее. На совещании еще раз была подчеркнута необходимость активизации работ в направлении подготовки «пролетарского кредита» и указано на возможность «использовать частью готовые формы республиканского кредита». Вопрос же об изготовлении «высших купюр кредита с купонами» решено было обсудить в

коллегии наркомфина с приглашением на совещание техников ЭЗГБ.²³

Для ускорения работы по «пролетарскому кредиту» из Пензы должны были быть откомандированы «наиболее нужные работающие Петроградской Экспедиции». Заинтересованным лицам предлагалось представить члену коллегии наркомфина С. Заку список тех, кто подлежал «обратному возвращению». Тогда же обсуждался вопрос о перевозе из Пензы в Петроград резательных машин. Для ускорения дела постановили «реквизировать нужные машины в частных предприятиях Москвы».

Не ограничиваясь этим, совещание приняло решение «О возвращении кредитной бумаги, отправленной из Петрограда в Москву». Заслушав сообщение о типографских красках, которые были заказаны для нужд ЭЗГБ в Германии через генерального консула РСФСР в Берлине В.Р. Менжинского, участники заседания единодушно постановили: «Ожидать прибытия... красок из Германии».²⁴

Столкнувшись при подготовке к выпуску «пролетарского кредита» с многочисленными сложностями технического характера, Коллегия по управлению Народным банком РСФСР осенью 1918 г. попыталась изыскать возможность для изготовления хотя бы разменных марок. В докладной записке технического советника при комиссариате Народного Банка П.М. Богданова от 24 октября 1918 г. анализировались возможности ЭЗГБ по выпуску марок-денег. Богданов отмечал, что они «весьма удовлетворительно (гораздо лучше, чем „керенки“ или „пензенки“) защищены от подделок воспроизведением на оборотной стороне их посредством тоновой орловско-стружковской печати сложного узора цифр, розетки и предохранительной сети». Ежедневное производство марок-денег выражалось значительной по тем временам суммой в 15–18 млн руб. «в зависимости от комбинирования машин».

Предполагалось, что марки-деньги будут печататься по 150 штук на листе, а сдавать их Экспедиция предполагала как «керенки» в неразрезанных листах по 25 или 50 экземпляров. Один из вариантов предусматривал печать марок на больших машинах Стружкова «по 250 экземпляров на листе».²⁵ В начале ноября 1918 г. Г. Пятаков обратился с официальным письмом в адрес ЭЗГБ, в котором указывал на необходимость изготовления марок-денег достоинством в 1, 2 и 3 руб.

Наименование новых денежных знаков отразило теоретические споры о судьбе денег в социалистическом обществе. В январе 1919 г. Экспедиция подготовила для отправки в Москву проект документа «о технической осуществимости изготовления разменных марок», отмечая при этом, что «печатание указанных ниже марок, наименованных, согласно предложению Главного комиссара Управляющего Народным

Банком Г. Пятакова - расчетными знаками, предполагается производить за счет совершенного прекращения печатания кредитных билетов 3 руб. достоинства и сокращения до 50 % билетов 1 руб. достоинства, листами по 150 экземпляров со сдачей их Народному Банку неразрезанными листами по 25 или 50 экземпляров, ежедневно на сумму 18 000 000 рублей». ²⁶ Первая партия этих денег, прозванных в народе «мотыльками» за малый размер (38x47 мм) и пестрые цвета, была передана Народному банку в начале февраля 1919 г., а полная сдача заказа началась уже в апреле. ²⁷

Весной 1919 г. наконец были завершены затянувшиеся подготовительные работы по выпуску кредитных билетов образца 1918 г. - «пензенок». В декрете СНК от 15 мая 1919 г. отмечалось, что новые денежные знаки достоинством от 1 до 1000 руб. выпускаются «в целях постепенной замены имеющихся в обращении кредитных билетов ныне существующего образца, как совершенно не соответствующих по своей форме началам нового государственного строя России, а также для извлечения из оборота разного рода денежных суррогатов...». ²⁸ Выпуск в обращение новых кредитных билетов первоначально предполагалось начать 1 июня 1919 г. Однако катастрофическая нехватка денежной массы заставила перенести этот срок на 20 мая. ²⁹

В принятом тогда же постановлении, которое не подлежало публикации, наркомату финансов поручалось с 1 августа 1919 г. «... производить выпуск кредитных билетов только нового образца». Порядок и сроки изъятия денежных знаков старых образцов наркомат должен был определить «после предварительного утверждения их СНК». Декрет СНК от 15 мая 1919 г. содержал важное указание, предоставлявшее Народному банку право выпускать кредитные билеты «в пределах действительной потребности народного хозяйства в денежных знаках», ³⁰ т.е. по сути дела правительство узаконивало неограниченную эмиссию.

Но и это обстоятельство не спасало ситуации. Уже 21 октября 1919 г. последовал очередной декрет СНК о выпуске в обращение расчетных знаков РСФСР 15-, 30- и 60-рублевого достоинства образца 1919 г., а также кредитных билетов достоинством в 5 000 и 10 000 руб. Декрет содержал указание на то, что данный выпуск осуществлен «в целях увеличения в обращении количества денежных знаков мелких достоинств и для облегчения крупных расчетов...». ³¹ Примечателен тот факт, что прилагательное «денежный» на этих купюрах, как и на «мотыльках», было заменено словом «расчетный». Новые «деньги» выпускались листами по 10 штук (2x5). ³² На лицевой стороне расчетных знаков был помещен герб РСФСР в упрощенном исполнении, а также строгое ука-

знание на то, что государство не прекращает борьбы с фальшивомонетчиками: «подделка расчетных знаков преследуется по закону». На этих выпусках впервые была выполнена надпись: «Обеспечивается всем достоинством республики», что должно было повысить авторитет расчетных знаков среди населения.

В начале марта 1920 г. в соответствии с декретом СНК в обращении появились расчетные знаки достоинством от 100 до 1000 руб.³³ (несколько позже эмитируют знаки достоинством 5 000 и 10 000 тыс. руб.). В целом они были аналогичны выпускам осени 1919 г. Их важной отличительной особенностью стало появление надписи «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на шести иностранных языках (английском, немецком, французском, итальянском, китайском и арабском). Расчетные знаки, таким образом, начинали играть роль своеобразных агитационных материалов, поскольку их реальная покупательная способность в тот момент была чрезвычайно низка. Подтверждением тому стало подписанное 29 ноября 1920 г. В.И. Лениным постановление СНК «Об упрощении денежных расчетов», в котором предписывалось при проведении финансовых операций «копейки исключить». Все «суммы копеек до 50» должны были отбрасываться, а свыше 50 коп. — округляться до полного рубля.³⁴

Нельзя не согласиться с современником тех событий, отмечавшим, что графика дензнаков «смутного времени», переходящая «от милитаристическо-империалистических форм» царского правительства «к трудовым и революционным формам советских республик, дает интереснейшую картину нашего исключительного времени, отражая в себе, как в зеркале, его отдельные моменты».³⁵

Общая же характеристика финансовой политики первых лет Советской власти свидетельствует о том, что значительная часть большевистского руководства не исключала в будущем отмену денег. Это выразилось как в снятии эмиссионных ограничений, так и в упразднении в январе 1920 г. самого Народного банка. Тем не менее повседневная практика хозяйствования приводила к тому, что в обращение по-прежнему выпускались «царские» денежные знаки, марки-деньги, кредитные билеты Временного правительства, «керенки». Не ограничиваясь этим, наркомат финансов в 1918 г. начал подготовку к выпуску «пролетарского кредита», неосуществленного по ряду причин технического характера. Наконец, весной 1919 г. население столкнулось с «мотыльками» — первыми расчетными знаками с советской символикой. За ними появились «пензенки», разработка которых производилась еще в 1917 г., вслед за этим последовал выпуск новых модификаций расчетных знаков образца 1919 г. (табл.2).

Табл.2. Денежная масса в обращении по видам денег (в млрд руб.)¹

	на 1.1.1918	на 1.1.1919	на 1.1.1920	на 1.1.1921
Кредитные билеты дореволюционных образцов	18,0	23,1	27,0	27,9
«Думские »	5,9	22,9	33,7	37,3
«Керенки»	3,4	14,7	37,9	38,7
Кредитные билеты образца 1918 г.			123,1	462,5
Расчетные знаки образца 1919 г.	—	—	3,3	602,2
Разменные марки	0,2	0,4	—	—
Разменные казначейские знаки	0,1	0,2	—	—
Всего	27,6	61,3	225,0	1168,6

Изъятие из обращения «царских» денежных знаков, «керенок», многочисленных выпусков первых лет Советской власти произошло только осенью 1922 г. В условиях перехода к НЭПу советская власть взяла курс на возврат к товарно-денежным отношениям. Однако и в годы «военного коммунизма» деньги были вытеснены лишь из сферы государственной промышленности. Полностью отказаться от них государство не смогло даже в тяжелейших условиях гражданской войны.

Примечания

- ¹ Трахтенберг И.А. Бумажные деньги: очерк теории денег и денежного обращения. М., 1922; Боголепов М.И. Бумажные деньги. Пг.; М., 1922; Денежное обращение и кредит. Т. 1. Пг., 1922; Железной В.Я., Каценеленбаум З.С., Соколов А.А., Шмелев К.Ф. К теории денег и учета. Пг.; М., 1922; Юровский А.Н. На путях к денежной реформе. М., 1924; Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции (1914-1924). Харбин, 1924; Евзлин 3.77. Деньги (Бумажные деньги в теории и жизни). Ч. 2. Л., 1924; Вайсберг Р.Е. Деньги и цены (Подпольный рынок в период «военного коммунизма»). М., 1925; Наше денежное обращение. Сб. материалов по истории денежного обращения в 1914—1925 гг. / Под ред. проф. Л.Н. Юровского. М., 1926 и след.
- ² См. об этом: Ходяков М.В. 1) «Царские деньги» для диктатуры пролетариата // Новый часовой. 1999. № 8-9. С. 53-62; 2) Эмиссия «романовских» кредитных билетов в годы гражданской войны. 1918-1922 гг.// Мавродинские чтения. Сб. статей / Под ред. Ю.В. Кривошеева, М.В. Ходякова. СПб., 2002. С. 358-365.
- ³ Чеканка русской монеты была остановлена в 1917 г. Исключение составила чеканка меди и серебра, осуществленная, как считается некоторыми ну-

- мизматами, в феврале 1918 г. с целью удержания войск на линии фронта (см.: *Смирнов М.* 1917 год в русской нумизматике // Коллекционер. Сборник/ Гл. ред. Л.Я. Мельников. М., 1995. С. 83-85).
- 4 Подробнее см.: *Колоницкий В.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. С. 84–85.
- 5 РГИА. Ф. 1682. Оп. 1. Д. 101. Л. 6; ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.
- 6 РГИА. Ф. 1682. Оп. 1. Д. 101. Л. 6 об.
- 7 ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 13. Л. 17, 32; Архив новейшей истории России. Т. VII. Журналы заседаний Временного правительства: Март - октябрь 1917 года. В 4 т. Т. 1. Март - апрель 1917 года / Отв. ред. Б.Ф. Додонов. М., 2001. С. 354.
- 8 ДСВ. Т. 1. С. 449-450.
- 5 Народное хозяйство. 1918. № 5. С. 43.
- 10 *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 36. С. 354.
- 11 *Дьяченко В.П.* История финансов СССР (1917-1950 гг.). М., 1978. С. 41.
- 12 ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 4. Д. 1. Л. 48 об.
- 13 *Лебедев Н.В.* События в Государственном банке в дни Октябрьской революции // Красная летопись. 1923. № 6. С. 340.
- 14 ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 390. Л. 14.
- 15 ДСВ. Т. V. С. 189-190; Т. VI. С. 214-215.
- " ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 451. Л. 8 об.
- 17 *Коненков С.Т.* Мой век. М., 1972. С. 212-213.
- 18 ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 451. Л. 25.
- 19 Там же. Л. 25 об.
- 20 Там же. Л. 26.
- 21 Бумажные денежные знаки России и СССР / Сост. А.И. Васюков, В.В. Горшков, В.И. Колесников, М.М. Чистяков. СПб., 1993. С. 34-35.
- 22 ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 451. Л. 26.
- 23 Там же. Д. 411. Л. 47.
- 24 Там же. Л. 47 об.
- 25 Там же. Д. 451. Л. 4 об. - 5 об.
- 26 Там же. Л. 36.
- 27 *Глейзер М.* История эмиссий расчетных знаков РСФСР образца 1919 г. // Советский коллекционер. 1980. № 18. С. 133–134.
- 28 ДСВ. Т. V. С. 189.
- 29 Там же. С. 200.
- 30 Там же. С. 190.
- 31 Там же. Т. VI. С. 214-215.
- 32 Советский бонист. 1923. № 6-8. С. 5.
- 33 ДСВ. Т VII. С 298-299.
- 34 СУ. 1920. № 93. Ст. 504. С. 497.
- 35 *Л.И.* Зеркало революции // Советский бонист. 1923. № 1-2. С. 1.
- 36 Наше денежное обращение. Сб. материалов по истории денежного обращения в 1914-1925 гг. С. 13.

СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО В 1920-1980-е годы

Рост предпринимательской активности граждан в ходе радикальных экономических трансформаций 1990-х годов, стремительное формирование нового социального слоя коммерсантов, продолжающаяся ориентация российской государственной политики на развитие рыночных регуляторов хозяйственной деятельности обусловили устойчивый интерес общества к различным сторонам бизнеса, в том числе к его истории. Исследовательский «бум», отчасти вызванный и тем, что в советской историографии история буржуазии не относилась к числу приветствуемых цензурой тем, привел к появлению множества научных публикаций по истории предпринимательства.¹ Не остался в стороне от исследовательского поиска и весьма специфический период развития российского бизнеса — 1920-е годы, когда в рамках новой экономической политики на короткое время и на определенных условиях в экономику был допущен частный капитал.² Несмотря на обилие публикаций, ряд проблем не стал предметом специальных исследований. В их числе — деятельность организаций предпринимателей 1920-х годов по отстаиванию своих интересов перед госу-

Е. В. ДЕМЧИК
ОРГАНИЗАЦИИ
ПРЕДПРИИМАТЕЛЕЙ
ПЕРИОДА НЭПА:
ОПЫТ ЗАЩИТЫ
КОРПОРАТИВНЫХ
ИНТЕРЕСОВ (НА
МАТЕРИАЛАХ
СИБИРИ)

дарственными структурами, взаимной поддержке и дальнейшему развитию собственного дела. Конкретно-историческое изучение этой темы может не только восполнить осязаемый пробел в воссоздании общей картины истории предпринимательства периода нэпа, но и, как минимум, предоста-

вить почву для размышлений многочисленным современным объединениям и ассоциациям поддержки предпринимательства, работа которых абсолютным большинством бизнес-сообщества оценивается как по существу формальная и малоэффективная.

Особенности источниковой основы изучения данной проблемы заключаются в распыленности, фрагментарности и противоречивости информации о частных предпринимателях 1920-х годов, которые, как правило, не представляли материалы о своей деятельности в государственные архивы. Поэтому сведения об организациях сибирских коммерсантов периода нэпа рассредоточены по фондам различных государственных структур — наркоматов торговли, финансов, Госбанка, ВСНХ, РКИ и их местных подразделений, исполкомов, судов, плановых комиссий, органов статис-

тики, отложившихся в Российском государственном архиве экономики, государственных архивах Алтайского и Красноярского краев, Омской, Томской, Новосибирской и Иркутской областей. Тем более ценными представляются редкие документы организаций предпринимателей: анкеты и состав участников, переписка, отчеты о деятельности, случайно попавшие в фонды государственных организаций или сохранившиеся в фондах товарных бирж и рыночных комитетов. В целом же совокупность изученных материалов позволяет с достаточной степенью достоверности оценить деятельность организаций сибирских предпринимателей периода нэпа.

Лишение, согласно действовавшему законодательству, частных торговцев, промышленников и других граждан, живших «на нетрудовые доходы», многих социальных и политических прав, а также то демонстративная, то скрытая враждебность государственных структур по отношению к частному капиталу в годы нэпа вынуждали предпринимателей использовать собственные хозяйственные организации и объединения для отстаивания своих и так ограниченных прав и для защиты собственных интересов. Такими организациями являлись рыночные комитеты, общества взаимного кредита, «Кредит-бюро» и секции частной промышленности и торговли при товарных биржах.

Рыночные комитеты первоначально создавались для координации усилий торговцев по наведению порядка и поддержанию соответствовавшего санитарным нормам состояния торговых площадей при рынках городов. В их задачи входило также наблюдение за тем, чтобы в пределах города не производилась торговля без патентов или торговля, закрытая за неуплату налогов; оказание содействия налоговым органам в выяснении оборотов торговцев города; учет всех торговцев, объединяемых комитетом, и ведение их точных списков.³

На практике от рыночных комитетов зависело многое в повседневной жизни базаров с их разнообразными проблемами: распределение мест для торгующих, согласование размера арендной платы за то или иное место на рынке и т.п. Постоянно ощущая, как и чем живет частный сектор, рыночные комитеты, как, пожалуй, никакая другая структура, видели реальные проблемы, мешавшие развитию частной торговли. Это побудило, в частности, Красноярский комитет рыночных торговцев предпринять активные меры к созыву всесоюзного съезда частной торговли для «выявления перед властью вопросов практической деятельности частного капитала».⁴ С этой целью Красноярский рыночный комитет обратился в мае 1925 г. за поддержкой к руководству Новосибирской товарной биржи. Получив отрицательный ответ, коми-

тет командировал своего представителя в Москву для выяснения возможности созыва съезда и разослал более 30 писем рыночным комитетам городов Сибири, а также в Москву, Пермь, Самару и другие города. И хотя съезд так и не состоялся, наркоматы торговли и финансов через «Торгово-промышленную газету» организовали анкетирование частных предпринимателей с целью выяснения их предложений по улучшению условий работы и сотрудничеству с властью.

Рыночные комитеты пытались протестовать против высоких налогов и непомерной арендной платы, против навязываемых некоторыми представителями региональной власти унификации режима работы частных, кооперативных и государственных магазинов.⁵ Так, попытка отдела местного хозяйства Иркутска в мае 1925 г. установить обязательный двухчасовой обеденный перерыв в частных магазинах под предлогом защиты прав наемных торговых служащих вызвала целую бурю возмущений местных торговцев.⁶ В результате в частных лавках города был сохранен удобный для потребителей режим работы без выходных дней и перерывов.

Правда, иногда, не желая идти на дополнительные траты, рыночные комитеты за сиюминутной выгодой не видели перспектив. Так, при сдаче в аренду Новосибирским отделом местного хозяйства мест для застройки новых торговых корпусов торговцы, под руководством рыночного комитета, недовольные размером арендной платы, бойкотировали торги. И только под угрозой отдела местного хозяйства с помощью пожарной дружины снести старые торговые ряды и самому приступить к строительству новых торговцы приняли участие в торгах.⁷

Фигура председателя рыночного комитета зачастую становилась ключевой в решении жизненно важных для частных предпринимателей вопросов. В комитетах шла борьба между различными группами торговцев за преобладающее влияние на председателя, который, в свою очередь, далеко не всегда в своих действиях руководствовался заботой об улучшении условий торговой деятельности коллег. Так, председатель Томского рыночного комитета владелец крупного кожевенного завода М.И. Шкундин, действуя в интересах крупного торгового капитала, имевшиеся в распоряжении комитета 9000 руб. предпочел не вкладывать в благоустройство рынка, а использовать в виде кредита крупным предпринимателям, хотя подобные действия не предусматривались уставом комитета.⁸ В свою очередь государственные организации стремились «посадить» на место председателя «своего» человека, чтобы через него сделать рыночные комитеты более управляемыми с точки зрения подчинения государственным интересам. В Красноярске эти

попытки увенчались успехом. На одном из собраний, проходившем с заведомым нарушением регламента (в голосовании принимали участие кустари и служащие), председателем рыночного комитета был избран государственный служащий, а в члены правления - кустари.⁹ Это вызвало бурную негативную реакцию местных торговцев, и решением внеочередного собрания результаты выборов были признаны недействительными.

В то же время государственные и кооперативные торговые организации отнюдь не стремились принимать активное участие в разделении с частными торговцами затрат по строительству новых корпусов, благоустройству и облагораживанию базарных площадей. Дело доходило до того, что предприниматели, обращаясь в биржевой комитет и другие инстанции, ссылаясь на распоряжения правительства, пытались напомнить государственным и кооперативным структурам их обязанности по поддержанию рыночных площадей в соответствовавшем санитарно-гигиеническом нормам порядке.¹⁰ Но и после этих обращений мало что менялось.

Хотя по своему назначению рыночные комитеты задумывались государственной властью как структуры, выполнявшие большей частью техническую работу и помогавшие государству осуществлять контроль за деятельностью частного капитала, на деле они превратились в самостоятельные организации, отстаивавшие интересы городской частной торговли.

Другим объединением частных, преимущественно финансовых, интересов предпринимателей стали общества взаимного кредита (ОВК). Такие общества активно работали в России до революционных событий: в 1913 г. их насчитывалось 932 с общим балансом более 1 млрд руб. В середине 1920-х годов в СССР работало 276 обществ с общим балансом 99,1 млн руб.¹¹ Несмотря на то, что масштабы деятельности ОВК в период нэпа по сравнению с предыдущим были весьма скромными, и то, что удельный вес сводного баланса сибирских ОВК составлял всего 1% общего баланса банковских учреждений Сибири,¹² в абсолютных размерах суммы кредитования частного сектора государством и через ОВК были примерно равными, что свидетельствовало о важной роли обществ взаимного кредита в развитии частного капитала.

Создание обществ осуществлялось под влиянием общей хозяйственной конъюнктуры, частичной либерализации государственных мер регулирования частного капитала и благодаря личной инициативе сибирских и московских предпринимателей.

В конце 1922 - начале 1923 г. созданное крупными предпринимателями Москвы бюро по организации региональной сети ОВК под председательством А.К. Парамонова направило письма и соответствующие

пакеты документов (примерный устав общества, пропагандистские материалы) во многие наиболее крупные и экономически мощные центры республики.¹³ В Омске идея создания общества, возникая у местных коммерсантов еще летом 1922 г., получила дополнительный импульс после того, как один из омских предпринимателей Теплов во время поездки в Петроград познакомился с деятельностью Петроградского ОВК и привез оттуда устав общества.¹⁴ В Барнауле ОВК было создано по инициативе базарного комитета.¹⁵ Иногда образованию общества предшествовала длительная бумажная эпопея. Так, иркутским предпринимателям потребовалось около года для того, чтобы зарегистрировать свое общество и приступить к работе.¹⁶ Тем не менее в 1925/26 году во всех крупных и средних по численности населения городах Сибири — Барнауле, Бийске, Благовещенске, Верхнеудинске, Иркутске, Канске, Кузнецке, Красноярске, Новониколаевске, Омске, Томске — были созданы ОВК.

Заинтересованность коммерсантов в получении кредитов на приемлемых условиях привела к быстрому росту обществ: в течение первого года работы численный состав сибирских ОВК вырос в 9 раз; в 19,3 раза увеличились их денежные средства. К концу 1926 г. членами ОВК в городах Сибири являлись около 40% частных торговцев и промышленников.¹⁷

Каждый предприниматель, пожелавший вступить в общество взаимного кредита, обязан был внести в кассу ОВК наличными деньгами 10% от суммы, которую он рассчитывал получить в будущем в кредит, и представить обязательство в том, что помимо ответственности по своим личным долгам обществу он принимает на себя также ответственность по операциям общества в размере, равном сумме открытого ему кредита. При этом минимальный размер допускаемого отдельному лицу кредита устанавливался в 100 руб., а максимальный - в 7250 руб. В зависимости от развития дел в обществе, в виде исключения, размер кредита мог быть увеличен до 15 000-25 000 руб. Наиболее распространенным размером кредита была сумма в 445-550 руб., выдаваемая на 1-2 месяца в среднем под 2-3% в месяц.¹⁸ Размеры процентных ставок в различных обществах во многом зависели от общего состояния дел и зачастую отличались друг от друга, но всегда были ниже ростовщического процента «черного» рынка, который составлял от 6 до 36% в месяц.

Повседневной работой ОВК руководило правление общества, как правило, работавшее на постоянной основе и состоявшее из наиболее опытных в прошлом коммерсантов. В структуру ОВК входили также совет общества, ревизионная комиссия и приемный комитет. Совет общества производил ежемесячные проверки наличности кассы, ценностей и векселей в портфеле общества на первое число каждого месяца и

принимал активное участие в выяснении кредитоспособности членов общества. Ревизионная комиссия осуществляла регулярные проверки производимых обществом операций и докладывала членам ОВК о результатах деятельности правления. Приемный комитет осуществлял прием новых членов и их кредитование. Все наиболее важные вопросы деятельности ОВК выносились на общие собрания.

Члены обществ взаимного кредита дорожили «лицом» своих организаций, поэтому особенно пристально следили за репутацией руководящих работников обществ. Одного из членов правления Красноярского ОВК Г.И. Соловьева исключили из его состава лишь за то, что его брат был осужден за растрату, хотя сам Соловьев никакого отношения к данному преступлению не имел. Общее собрание членов Красноярского ОВК единогласно высказалось за то, что для такого лица, как член правления, должна быть меркой пословица: «Жена Цезаря - вне всяких подозрений».¹⁹ Правда, бывали случаи, когда руководство обществ действительно оказывалось замешано в разного рода махинациях. Так, член правления Новониколаевского ОВК Беляков приобрел в госторге на имя своего родственника Кислицина большую партию амурской кеты на сумму 40 тыс. руб. под векселя, забланкированные ОВК. После наступления срока платежа денег у Кислицина не оказалось, и выкупать векселя пришлось обществу, в то время как рядовым членам ОВК было отказано в кредитах даже на суммы в 100-200 руб. За мошенничество 8 членов совета, 2 члена правления и 2 члена приемного комитета Новониколаевского ОВК были арестованы.²⁰

Социальный состав и соотношение паев в уставном капитале ОВК в целом соответствовали структуре самого частного капитала, преобладавшая часть которого была сосредоточена у розничных торговцев.

Средства, которыми располагали общества взаимного кредита, складывались из собственных финансов (членские взносы и страховой капитал, складывавшийся из отчислений с сумм активных операций членов обществ) и так называемых привлеченных капиталов (вклады и текущие счета, заемные средства). Увеличение год от года собственных капиталов, составивших в 1926 г. около 1/4 всех пассивных средств ОВК, и устойчивый рост текущих счетов и вкладов, на долю которых приходилось в том же году около 30% денежных средств обществ при соответственном снижении удельного веса заемных средств, представлявших по преимуществу кредиты Государственного банка,²¹ свидетельствовали об укреплении общего положения ОВК, росте доверия к этому учреждению частных лиц и уменьшении его зависимости от государственных кредитных учреждений.

На состоявшемся в Новониколаевске в апреле 1925 г. первом совещании ОВК Сибири, проходившем в преддверии первого всесоюзного совещания ОВК, перед обществами в качестве важнейшей задачи была определена* организация частного розничного рынка, финансирование розничной товаропроводящей сети.²² Помимо решения проблем объединения и организации частных капиталов для финансирования частного бизнеса ОВК содействовали и налаживанию отношений между государственными учреждениями и частными торговцами. Зачастую в ОВК, помимо частных предпринимателей, входили в качестве учредителей государственные и кооперативные организации. Это отчасти помогало правлениям ОВК играть роль промежуточной инстанции между государственными кредитными органами и частными лицами, быть поручителями последних. С ростом и расширением деятельности ОВК государственные кредитные организации все чаще предпочитали предоставлять кредиты не напрямую частным предпринимателям, а ОВК, членами которых те являлись.

Поскольку ОВК, выдавая кредиты, рисковали совокупным капиталом своих членов, правление обществ проявляло прямую заинтересованность в получении исчерпывающей информации о клиентах. С целью сбора информации о кредитоспособности частных лиц и фирм было создано специальное учреждение - «Кредит-бюро». Эта организация была зарегистрирована в Москве в декабре 1922 г. под названием «Первое российское товарищество по выдаче справок о кредитоспособности». Первоначально в его состав входили всего пять человек: С.Л. Белевицкий, М.Д. Гольдштейн, А.Я. Длугаг, Г.В. Клячкин и Б.Г. Молдавский.²³ В мае 1924 г. товарищество было преобразовано в акционерное общество с уставным капиталом в 300 тыс. руб. Контрольным пакетом акций владел Народный комиссариат внутренней торговли. Крупными акционерами являлись Российский торгово-промышленный банк, Московский городской банк и Бюро съездов представителей биржевой торговли²⁴. Сфера деятельности товарищества существенно расширилась: фактически «Кредит-бюро» стало, по определению одного из его руководителей, «учреждением коммерческого сыска»²⁵ с широкой агентурной сетью по всей России. К началу 1926 г. эта организация имела 15 филиалов, более 500 сотрудников, работавших на постоянной основе, и около 15 тыс. корреспондентов-осведомителей. Только в течение 1925/26 года «Кредит-бюро» подготовило 104 770 справок о кредитоспособности физических лиц и организаций.²⁶ К середине 20-х годов в «Кредит-бюро» сосредоточился обширный банк данных о большинстве коммерческих предприятий, действовавших на российской территории.

Информация, предоставляемая «Кредит-бюро» о потенциальных клиентах кредитным организациям, обладала, по отзывам последних, высокой степенью достоверности. На основе получаемых в «Кредит-бюро» сведений государственные и коммерческие банки, общества взаимного кредита решали вопросы о возможности предоставления кредита конкретному бизнесмену или предприятию, определяли приемлемые размеры и сроки кредитования.

Сбором информации о кредитоспособности коммерческих структур на территории Сибири первоначально занималась Урало-Сибирская контора «Кредит-бюро», организованная в декабре 1924 г. в г. Свердловске. В начале 1926 г. резиденция Сибирской конторы переместилась в г. Новосибирск. Здесь она располагалась на центральном в городе Красном проспекте. Сибирскую контору обслуживало 16 человек. Возглавили сибирский филиал «Кредит-бюро» В.Ф. Клопов и его заместитель Д.И. Рафалович.²⁷

Получение достоверной информации о коммерческой организации являлось делом чрезвычайно сложным, поскольку зачастую, кроме самого владельца, никто не мог судить об истинном положении дел на предприятии. Первоначально «Кредит-бюро», особенно его центральные отделения, для выяснения «истинного лица» коммерсантов пытались опираться на частично сохранившиеся архивы старых фирм, подобных «Кредит-бюро», действовавших в России до 1915—1916 гг. Однако очень скоро от подобной практики пришлось отказаться, так как выяснилось, что контингент действовавших в 20-е годы предпринимателей по своему составу коренным образом отличался от дореволюционных купцов и фабрикантов. Поэтому «Кредит-бюро» пришлось создавать свои банки данных заново.

Приступая к выяснению коммерческой состоятельности клиента, на которого поступил запрос от кредитного учреждения, «Кредит-бюро» высылало предпринимателю специальную анкету с предложением предоставить точные сведения об активах и пассивах предприятия, состоянии на нем дел в целом. Кроме этого в своем письме «Кредит-бюро» просило предпринимателя указать несколько фамилий знакомых ему граждан, которые могли бы предоставить справки о нем.

После получения первоначальной информации в виде заполненной анкеты и свидетельств знакомых в действие вступали специальные корреспонденты «Кредит-бюро», которые по сути своей деятельности являлись секретными осведомителями. С помощью таких агентов первоначально полученная информация проверялась, дополнялась и корректировалась. Методы работы агентов «Кредит-бюро» не афишировались

и составляли, по словам руководства «Кредит-бюро», коммерческую тайну.²⁸ В результате проделанной работы сотрудники «Кредит-бюро» составляли на каждого клиента обширное досье, содержащее подробный адрес, сведения об ассортименте осуществляемой торговли, времени существования предприятия, прежних занятиях владельца, приблизительном обороте и стоимости имевшихся товаров и другие, в том числе — характеристики личных качеств предпринимателя.

На основе этой информации делался вывод о том, можно ли давать кредит этому предпринимателю и на каких условиях. Например, на том основании, что у гражданки М. Доровиной, занимавшейся оптово-розничной торговлей галантереей в Барнауле, оказался «характер беспокойный и образ жизни сомнительный», «Кредит-бюро» рекомендовало ограничить ей выдачу кредита.²⁹ В общей сложности сибирским филиалом «Кредит-бюро» в течение 1926/27 года было подготовлено 725 справок о кредитоспособности клиентов,³⁰ примерно в 30% случаев работники «Кредит-бюро» рекомендовали воздержаться от предоставления кредитов по разным причинам: уже имевшейся большой задолженности предприятия, недостаточных навыков коммерческой деятельности владельца, его необязательности в расчетах и т.п.

Таким образом, деятельность «Кредит-бюро» способствовала выявлению, дискредитации и удалению с рынка недобросовестных клиентов, оказывая тем самым неоценимую помощь кредитным организациям в рациональном размещении кредитов. В целом работа «Кредит-бюро» способствовала оздоровлению коммерческой деятельности.

Получив рекомендации «Кредит-бюро», правления ОВК направляли более аргументированные ходатайства в сибирские отделения Государственного банка о предоставлении кредитов частным лицам. На основе полученной от «Кредит-бюро» информации местные исполкомы, отделы внутренней торговли и отделения Госбанка приняли целый ряд решений об увеличении государственного кредита непосредственно ОВК, а также — банковского и товарного кредита частному торговому аппарату.³¹ В результате задолженность сибирских ОВК государству в течение 1925/26 года возросла в 2,6 раза.³²

В целях дальнейшего развития и оздоровления государственного кредитования частного бизнеса сибирские ОВК разработали целую программу действий. Предлагалось вовлечь в сферу взаимно-кредитного дела максимум средств частных предпринимателей, которые в распыленном и разрозненном состоянии своей дезорганизованностью оказывали вредное влияние на общий торгово-промышленный оборот, а также извлечь из нелегального скрытого оборота значительные сред-

ства частного капитала, оказывавшие самое неблагоприятное влияние на денежное обращение вообще и валютно-фондовый рынок в особенности.³³ Планировалось также создать единый всесоюзный Центральный банк взаимного кредита, 51% акций которого должен был бы принадлежать региональным обществам, а оставшиеся — государственным и кооперативным организациям. По поводу создания этого банка сибирские предприниматели вели обширную и активную переписку с представителями Краснохолмского ОВК Тверской губернии, Луганским и другими обществами.³⁴ По мнению предпринимателей, этот акционерный банк, правление которого действовало бы в интересах частного капитала, позволил хотя бы отчасти решить проблемы финансирования частного бизнеса или, по крайней мере, сделал бы этот процесс более предсказуемым и устойчивым.

Однако эти планы не были реализованы. Как и другие формы предпринимательской активности, в конце 20-х годов ОВК прекратили свою работу в соответствии с государственной политикой ликвидации рыночных начал в экономике.

Специфическими формами организации частного капитала для объединения стремлений его представителей, выражения мнения перед государственными торговыми и финансовыми структурами, отстаивания своих интересов являлись также секции частной промышленности и торговли при товарных биржах. Идея создания таких секций возникла у частных предпринимателей Сибири еще в 1922 г. В частности, вопрос об организации секции обсуждался 18 августа 1922 г. на заседании биржевого комитета Новониколаевской товарной биржи.³⁵ Члены комитета видели в секции организацию, с помощью которой удастся вовлечь частный капитал в сферу влияния биржи, которая собирала бы различные сведения о частном капитале, выясняла бы его нужды и сообщала о них через биржевой комитет государственным хозяйственным организациям, участвовала в устранении и разрешении разного рода споров и конфликтов. Однако планы сибирских предпринимателей встретили поддержку в Москве лишь в 1924 г.³⁶ Согласившись на создание подобных структур, государство преследовало вполне конкретную цель - поставить под свой контроль стремление предпринимателей к самоорганизации и защите прав и интересов бизнеса в рамках деятельности товарных бирж, которые в условиях советской действительности выполняли преимущественно не посреднические, а контрольно-учетные функции.

В Сибири секции начали возникать с февраля 1925 г. и активно работали при всех товарных биржах региона в течение второй половины

1925 г. и весь 1926 г. При организации секций сибирские предприниматели руководствовались российским типовым «Положением о секциях частной промышленности и торговли при товарных биржах» от 19 декабря 1924 г., согласно которому главная их цель должна была заключаться в регулировании и вовлечении в биржевой оборот местной торговли, направлении ее в русло, отвечающее интересам государства, и выявлении ее нужд и интересов. На основании этого документа силами местных предпринимателей с помощью биржевых комитетов были разработаны положения о секциях частной торговли и промышленности при всех сибирских биржах.

Изначально заданное государственным стандартом двойственное положение секций частной промышленности и торговли при товарных биржах, с одной стороны, подконтрольных и подведомственных государственным чиновникам и интересам государства, с другой - объединявших и отражавших частные коммерческие интересы предпринимателей, определили специфику и приоритеты их работы. Являясь продуктом своеобразного и шаткого компромисса государственной власти и частного капитала, секции были изначально обречены, поскольку уже с первых дней их существования стало очевидно, что содержание их работы мало соответствовало государственным запросам.

С первых дней работы секций возникли разногласия по поводу их персонального состава. Пользуясь предоставленным правом ходатайствовать о снижении ценза для вступления в члены секции, секция частной промышленности и торговли при Новониколаевской товарной бирже в одном из первых писем, направленных в Москву, просила Всесоюзный биржевой комитет снизить имущественный ценз для членов не только Новониколаевской, но и секций при биржах других городов Сибири, с третьего до второго разряда, объясняя это стремлением сосредоточить в секциях жизнеспособные элементы, здоровые коммерческие силы, каковыми, как считали местные предприниматели, в экономических условиях сибирского региона являлись и торговые предприятия второго разряда. Отсечение же этих предприятий привело бы к снижению потенциальной энергии секций почти на 50%.³⁷ В этом мнении представителей сибирской частной промышленности и торговли разошлись с точкой зрения Всесоюзного совета съездов биржевой торговли, который в ответной корреспонденции указал, что снижение ценза для частных торговцев ниже третьего разряда лишит секцию характера биржевого института, превратит последнюю в орган, представляющий частный капитал в целом, с преобладанием интересов розничной торговли.³⁸ Однако на практике это решение совета съездов биржевой

торговли было проигнорировано. Иркутский и Красноярский биржевые комитеты под давлением местных предпринимателей приняли решения о понижении имущественного ценза уже в течение первых месяцев работы секций.³¹ В секциях при товарных биржах других городов Сибири имущественный ценз был снижен без получения соответствующих санкций, явочным порядком.

Рассматривая секции частной промышленности и торговли не только как чисто хозяйственные коммерческие организации, но и как своего рода оплот частного бизнеса, местные предприниматели стремились, чтобы членами секций не становились нечестные дельцы и разного рода мошенники. Поэтому исполком секции частной промышленности и торговли при Омской товарной бирже, например, неуклонно следовал принципу приема в члены секции только предпринимателей, представивших соответствующие рекомендации комитета рыночных торговцев или личные рекомендации известных в регионе предпринимателей.⁴⁰ Подобным негласным правилам следовало руководство секций и при других биржах.

За год работы секций их численность возросла с 20—40 человек, присутствовавших на первых организационных собраниях, до 200-400 членов секций при каждой из сибирских товарных бирж, что составляло в среднем около 12% к общему числу частных предприятий по регионам.⁴¹ Правда, подобный рост на 50% осуществлялся вопреки общепринятому биржевому цензу за счет привлечения в члены секций розничных торговцев.

На первый план в деятельности секций вышло не вовлечение предпринимателей в биржевую оперативную работу, к чему стремилось государство, а защита интересов коммерсантов. Так, президиум секции частной торговли и промышленности при Новониколаевской товарной бирже на одном из первых своих заседаний рассмотрел результаты проведенного среди предпринимателей анкетирования по вопросам условий отпуска товаров государственной промышленностью и торговлей частным лицам и банковского кредитования частной торговли.⁴² В дальнейшем секции удалось решить выявленные в ходе опроса проблемы. Члены секции вошли в состав кредитного совещания городского агентства краевой конторы Госбанка, правления общества взаимного кредита, получив тем самым возможность оказывать действительное влияние на решение вопросов о выдаче кредитов частным предпринимателям. Путем длительных переговоров членам секции удалось добиться и организованного снабжения частных фирм товарами местных отделений Текстильсиндиката и Сибторга.⁴³

Активные действия секции частной промышленности и торговли при

Томской товарной бирже помогли преодолеть кризисное положение в частной торговле, создавшееся в результате внезапного и резкого сокращения товарного снабжения частных предприятий, отпуска товаров госторгам и кооперацией частным розничникам с большой нагрузкой неходовыми товарами. Обращения членов секции к Резинтресту, Бумтресту, Текстильсиндикату, Уралмеду с предложениями об отпуске товаров и фабрикатов торговцам и кустарям, состоявшим членами секции, на началах свободного ассортимента и на равных условиях с кооперативными организациями увенчались успехом.⁴⁴

Повсеместно практикуемое государственными и кооперативными торговыми организациями снабжение частных розничников на 50% от поставки неходовыми товарами заставляло частных торговцев взвинчивать цены, что вызывало, в свою очередь, недовольство населения. Публичные разъяснения членами секции частной торговли и промышленности при Барнаульской товарной бирже такого механизма образования высоких наценок в частной торговле помогли остановить рост массового недовольства частной торговлей и отчасти добиться изменений в условиях снабжения ее товарами.⁴⁵

Руководство секций проводило большую работу по сбору и систематизации сведений о работе частных предприятий. Так, в июле 1925 г. Новониколаевская секция разработала анкету по учету и обследованию частных торговцев и промышленников Новониколаевского района. В результате анкетирования в архиве секции был сосредоточен обширный материал о численности занятых в коммерческих предприятиях лиц, профиле предпринимательской деятельности, наличии или отсутствии складских помещений, размере собственной или арендуемой производственной площади, суммах основного капитала, оборота и валового дохода, структуре расходов, размере выплачиваемых налогов и сборов.⁴⁶ Имея подобную информацию, руководство секций смогло с цифрами в руках доказывать местным налоговым органам необоснованность взимания в ряде случаев завышенных налогов с частных предприятий.

Непосредственное участие представителей секций в работе налоговых комиссий по промысловому, подоходному и рентному обложению значительно облегчало регулирование налоговой практики. Благодаря кропотливой работе по выработке процентов средней прибыльности для всех видов и родов торговых и промышленных предприятий руководству секции частной промышленности и торговли при Иркутской товарной бирже, например, удалось путем согласования с паритетной комиссией из представителей государственных, кооперативных и час-

тных торговых организаций через биржевой комитет представить установленные проценты в губфинотдел и настоять на их утверждении.⁴⁷ В результате определяемый губфинотделом размер подоходного налога удалось заметно снизить.

Секции частной промышленности и торговли направляли ходатайства об уменьшении арендной платы, которая в отдельных случаях составляла до 300—400% довоенных тарифов, изменении правил и времени торговли, отмене обязательного и невыгодного для предпринимателей обязательного страхования покупаемых товаров.⁴⁸ В отдельных случаях руководство секций ходатайствовало перед судебными органами об изменении меры пресечения в отношении своих членов, беря их на поруки, если те имели в прошлом безупречную репутацию.⁴⁵

Особенно болезненно реагировали члены секций на многочисленные случаи произвола и грубого поведения в отношении своих представителей со стороны государственных чиновников, некоторые из которых с неприязнью относились к частному предпринимательству и зачастую искали лишь повод ее продемонстрировать. Так, заместитель начальника одного из отделений Красноярской городской милиции Киселев, явившись 25 июля 1925 г. на заседание секции в сопровождении двух милиционеров, в резкой форме потребовал заставить местных торговцев мясом продавать покупателям мясную вырезку по той же цене, что и несортовое мясо. Пытаясь урезонить милиционеров, торговец Кузнецов, ссылаясь на свой двадцатилетний опыт, пробовал объяснить разницу между сортовыми и весовыми долями при разрубке мяса и соответственной разницей в ценах на них, но был остановлен окриком: «Таким, как ты, место с Колчаком в Байкале. Скоро и тебя туда спустим»,⁵⁰ после чего торговец был взят по стражу и вызволен из тюрьмы только через несколько дней благодаря усилиям членов секции.

Близкий по содержанию эпизод произошел в Иркутске также летом 1925 г. Местный торговец мануфактурой Марецкий вместе с другими торговцами зашел в магазин Сибторга за товаром. Контролер Сибторга Куткин на вопрос, будут ли отпускать мануфактуру частным торговцам, заломил руки Марецкому и с помощью милиционера вытолкнул его из магазина.⁵¹ Только вмешательство членов секции с привлечением свидетелей помогло Марецкому избежать уголовного преследования.

Далеко не всегда действия секций приводили к ожидаемым результатам, но, безусловно, работа этих организаций способствовала упрочению положения частных предпринимателей, отчасти стабилизировала отношения между частнокапиталистическими организациями, го-

сударственными органами и кооперацией. Основную же задачу, поставленную перед секциями правительством и региональной властью - втягивание частного капитала в биржевую торговлю и тем самым подчинение его работы государственным интересам — секциям, выполнить не удалось, несмотря на незначительный рост процента участия частного капитала в биржевых сделках. За 1925/26 год удельный вес частного капитала в общесибирском биржевом обороте по покупке товаров вырос с 6,8 до 9,1%, по продаже - с 2,6 до 5,9%.⁵² Показательно при этом, что, во-первых, участие частного капитала в покупке товаров на бирже более чем в 2,5 раза превышало, как в абсолютных, так и в относительных величинах, его участие в продаже товаров. Во-вторых, выступая на бирже в качестве продавцов товаров, частные предприниматели предпочитали иметь дело с государственными и кооперативными организациями, и только 3,3% от сделок по продаже приходилось на частный сектор. Таким образом, представители частного капитала чрезвычайно редко прибегали к услугам бирж при заключении сделок друг с другом. Все это свидетельствовало о том, что попытка вовлечь частный капитал в биржевую торговлю не увенчалась успехом.

Нежелание, или, точнее, невозможность участия частного капитала в биржевом обороте объяснялось целым комплексом причин как объективного, так и субъективного характера. Средний размер зарегистрированной на бирже коммерческой сделки, проводимой частными предпринимателями, как правило, был в 2-3 и более раз меньшим, чем размер сделок, осуществляемых государственными и кооперативными организациями. Постоянно испытывавший недостаток оборотных средств сибирский предприниматель материально был не готов делать регулярные отчисления биржевому комитету, да еще выплачивать комиссионные маклеру. Постоянное невыполнение заявок частных торговцев на ходовые товары, необходимость принятия на себя обязательств следовать фиксированным торговым наценкам в случае приобретения товара на бирже также не способствовали созданию благоприятного для частного капитала микроклимата на биржах.

Общее нестабильное положение частного капитала, крайне неровная и непрогнозируемая государственная политика в отношении частнопредпринимательской деятельности в целом являлись главными препятствиями для частных торговцев и промышленников на пути к обнародованию скопленных ими сравнительно небольших капиталов. Частные предприниматели не без оснований видели в биржах своеобразный очередной орган фиска, поскольку те, не соблюдая зачастую коммерческой тайны биржевых сделок, сообщали об их размерах налого-

вым организациям, которые использовали эту информацию для увеличения размеров налогов.

Поскольку работа секций привела к неожиданным и неприятным для государственной власти результатам — укреплению положения частной торговли и промышленности, проработав немногим больше года, эти организации были расформированы.⁵³ Их имущество частично передавалось рыночным комитетам, а функции — специально организованным товарным секциям бирж: пушной, сырьевой, промтоварной, хлебной и другим.

Созданные предпринимателями в годы нэпа организации являлись, таким образом, весьма специфическими по своему характеру структурами, действовавшими в условиях переходной экономики, не имевшей прецедентов в мировой практике. Власть, допустившая предпринимательскую деятельность в жестко очерченных границах и на строго контролируемых условиях, определенное время была заинтересована в развитии этой деятельности. Поэтому, стремясь направить частнокапиталистическую стихию в более цивилизованные рамки, благосклонно разрешала создание различных организаций предпринимателей, через которые надеялась контролировать частный сектор. Коммерсанты же, лишенные всех политических прав, пытались использовать эти организации в качестве проводника своих идей для защиты корпоративных интересов. И даже в условиях, когда в качестве магистральной цели дальнейшего развития страны провозглашалось уничтожение частной собственности и социального неравенства, организациям предпринимателей удавалось решать многие вопросы с учетом своих интересов. Это касалось снижения налоговых ставок, улучшения условий аренды и отпуска товаров, увеличения кредитования частного сектора. Организации предпринимателей, опираясь на существовавшее законодательство, пытались заставить власть следовать закону, а не политической конъюнктуре и идеологическим ориентирам.

Конечно, сами предприниматели 1920-х годов не являлись эталонами честности и порядочности. Не стоит идеализировать и их конкретную деятельность, по своим видам и формам зачастую носившую явно хищнический характер, когда не были редкостью прямой обман граждан, а «трудные» проблемы решались с помощью подкупа государственных чиновников. Вместе с тем современным организационным структурам по поддержке бизнеса, различным ассоциациям предпринимателей стоило бы принять к сведению и учитывать в своей работе позитивный опыт нахождения компромиссных решений, настойчивость и профессионализм в отстаивании перед государственными структура-

ми интересов коммерческих кругов и их деятельность по консолидации предпринимательства.

Примечания

- ¹ *Галаган А.А.* История российского предпринимательства. М., 1993; *Мартьянов С.Д., Павлова О.К.* История российского предпринимательства. СПб., 1996; *Купечество в России. XV — первая половина XIX в.* М., 1997; *Никифоров О.А.* Предприниматели Западной Сибири в общественно-политической жизни страны и региона в 1990-е годы. Томск, 2003 и др.
- ² *Аютов А.Н.* Частная промышленность в годы нэпа. Саратов, 1994; *Килин А.П.* Частное торговое предпринимательство на Урале в 1920-е годы. Екатеринбург, 1995; *Демчик Е.В.* Частный капитал в городах Сибири в 1920-е годы: от возрождения к ликвидации / Под ред. Г.Л. Соболева. Барнаул, 1998 и др.
- ³ *Канторович Я. А.* Частная торговля и промышленность в СССР по действующему законодательству. Л., 1925. С. 70.
- ⁴ Государственный архив Новосибирской области (далее - ГАНО). Ф. Р-725. Оп. 1. Д. 39. Л. 26-26 об.
- ⁵ Центр хранения архивных фондов Алтайского края (далее - ЦХАФ АК). Ф. Р-16. Оп. 3. Д. 30. Л. 296-296 об.; Государственный архив Омской области (далее - ГАОО). Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 14. Л. 12-12 об.; и др.
- ⁶ Государственный архив Иркутской области (далее - ГАИО). Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 5. Л. 15-16; Д. 21. Л. 47.
- ⁷ ГАНО. Ф. Р-725. Оп. 1. Д. 39. Л. 25 об.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Государственный архив Красноярского края (далее - ГАКК). Ф. Р-822. Оп. 1. Д. 8. Л. 99.
- ¹⁰ ГАИО. Ф. Р-806. Оп. 1. Д. 81. Л. 6-6 об.
- ¹¹ *Сокольский А.* Банковское кредитование частной торговли // Частная торговля Союза ССР: сб. статей. М., 1927. С. 83, 84, 99; Российский государственный архив экономики (далее - РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 4. Д. 899. Л. 9, 15.
- ¹² ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 1914. Л. 333.
- ¹³ Государственный архив Томской области (далее — ГАТО). Ф. Р-212. Оп. 1. Д. 33. Л. 49.
- ¹⁴ ГАОО. Ф. Р-593. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.
- ¹⁵ Отчет о деятельности Барнаульского общества взаимного кредита за время с 1 сентября 1925 г. по 1 октября 1926 г. Барнаул, 1927. С. 6-7.
- ¹⁶ ГАИО. Ф. Р-516. Оп. 1. Д. 13. Л. 18-21.
- ¹⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXIII. Отдел II. М. 1929. С. 136—141; *Демчик Е.В.* Частный капитал в городах Сибири. С. 138.
- ¹⁸ ГАКК. Ф. Р-822. Оп. 1. Д. 136-136; ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 1918. Л. 37; Ф. Р-1073. Оп. 1а. Д. 46. Л. 61; ГАТО. Ф. Р-212. Оп. 1. Д. 33. Л. 2; ГАИО. Ф. Р-806. Оп. 1. Д. 109. Л. 109-109 об.; ЦХАФ АК. Ф. Р-127. Оп. 1. Д. 14. Л. 43-46 и др.
- ¹⁵ ГАКК. Ф. Р-606. Оп. 1. Д. 13. Л. 43-44.
- ²⁰ ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 1447. Л. 4; Ф. Р-725. Оп. 1. Д. 39. Л. 23.

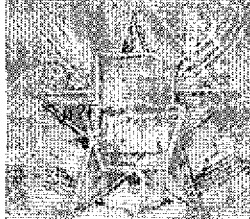
- 21 Там же. Д. 1914. Л. 334 об. -335.
- 22 Там же. Д. 909. Л. 8, 11, 12.
- 23 РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.
- 24 Там же. Д. 18. Л. 1; Д. 86. Л. 8.
- 25 Там же. Д. 14. Л. 20.
- 26 Там же. Д. 72. Л. 14; Д. 86. Л. 18.
- 27 ГАНО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 112. Л. 9 об.; РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 1. Д. 23. Л. 16об.; Д. 23а. Л. 2 об.; Д. 72. Л. 14.
- 28 РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 1. Д. 14. Л. 20.
- 29 Там же. Оп. 4. Д. 899. Л. 9, 15.
- 30 Там же. Оп. 1. Д. 23а. Л. 21об.
- 31 ЦХАФ АК. Ф. Р-127. Оп. 1. Д. 14. Л. 154; Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 418. Л. 113, 115, Пбоб.; ГАОО. Ф. Р-1180. Оп. 1. Д. 8. Л. 6-6 об.; ГАНО. Ф. Р-1132. Оп. 2. Д. 74. Л. 1.
- 32 *Сокольский А.* Банковское кредитование... С. 98, 99; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6987. Л. 247; Оп. 4. Д. 675. Л. 61; ГАНО. Ф. Р-725. Оп. 1. Д. 39. Л. 22 об.
- 33 ГАИО. Ф. Р-516. Оп. 1. Д. 22. Л. 1-3.
- 34 ГАНО. Ф. Р-725. Оп. 1. Д. 39. Л. 26-26 об.
- 35 Там же. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 4. Л. 31-32.
- 36 Советская Сибирь. 1925. 28 апр.
- 37 ГАНО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 52. Л. 335.
- 38 Там же. Ф. Р-1180. Оп. 1. Д. 651а. Л. 12-14.
- 39 ГАИО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 8. Л. 82; ГАКК. Ф. Р-530. Оп. 1. Д. 9. Л. 63-64, 78.
- 40 ГАОО. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 16. Л. 13-13 об.
- 41 ГАНО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 40. Л. 51 об.
- 42 Там же. Д. 37. Л. 108-109.
- 43 Там же. Д. 112. Л. 5-6.
- 44 Там же. Д. 59. Л. 109, 137-139.
- 45 Там же. Л. 17-17 об.
- 46 Там же. Д. 69. Л. 207; Д. 114. Л. 1-128.
- 47 ГАИО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 8. Л. 81-81об.
- 48 Там же. Ф. Р-806. Оп. 1. Д. 81. Л. 26; Д. 109. Л. 808 об.
- 49 Там же. Д. 101. Л. 14; Д. 109. Л. 76.
- 50 ГАКК. Ф. Р-530. Оп. 1. Д. 9. Л. 119 об.
- 51 ГАИО. Ф. Р-806. Оп. 1. Д. 109. Л. 17-17 об.
- 52 *Болдырев В.* Конъюнктура сибирского народного хозяйства за июнь и III квартал 1926 г. // Жизнь Сибири. 1926. № 7/8. С. 147; ГАНО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 128. Л. 3; Д. 175. Л. 22.
- 53 ГАТО. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 33. Л. 8; ГАНО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 74. Л. 1, 7, 47-48.

После окружения Ленинграда немецкими войсками положение блокированного города стало очень тяжелым. На южных подступах к нему фронт проходил по линии Урицк — Пулковские высоты — подступы к Колпино и далее от устья р. Тосно по левому берегу Невы до Шлиссельбурга. На севере финские войска находились на линии государственной границы 1939 г. На востоке от Ладожского озера линия фронта шла, примерно, по р. Свирь и выходила на побережье Онежского озера.

Если на севере фронт в отдельных местах проходил в 45-50 км от города, то на юге передний край находился всего в нескольких километрах от городской черты. Кировский завод отделяли от линии фронта всего 6 км. В осаде оказались войска 42, 55 и 23-й армий, корабли и части Балтийского флота, которым стало очень трудно оборонять город, так как связь с ними могла поддерживаться только по Ладожскому озеру и по воздуху. На Приморском плацдарме, отрезанном противником от Ленинграда, оборонялись войска 8-й армии и части береговой обороны Балтийского флота. 54-я армия, включенная 26 сентября 1941 г. в состав

В. М. КОВАЛЬЧУК

ПОПЫТКИ ПРОРЫВА БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Ленинградского фронта, находилась за пределами блокадного кольца восточнее Шлиссельбурга.

Тяжесть положения Ленинграда хорошо понимала Ставка Верховного Главнокомандования, и, естественно, ее первой реакцией было стремление разорвать кольцо блокады. «Учитывая

исключительно тяжелое положение, в котором находились войска и население Ленинграда, — пишет маршал Советского Союза А.М. Василевский, — Верховное Главнокомандование принимало все меры к тому, чтобы как можно быстрее снять блокаду с осажденного города». ¹ А в конце 1941 г., когда И.В. Сталин давал разрешение на открытие Ледовой дороги через Ладожское озеро, он написал М.С. Хозину и А.А. Жданову: «Вы не должны забывать, что единственное средство добиться надежного и регулярного снабжения Ленинградского фронта и г. Ленинграда заключается в том, чтобы поскорее, не теряя ни часа, прорвать кольцо противника и пробить себе дорогу». ²

Первая попытка прорвать кольцо блокады была предпринята в конце сентября. 54-я армия и соединения Ленинградского фронта, вошедшие затем в состав Невской

оперативной группы, по указанию Ставки Верховного Главнокомандования перешли в наступление в направлении Синявина и Мги. Но, как писал потом Г.К. Жуков, «условия деблокирования Ленинграда в сентябре 1941 года требовали, чтобы 54-я армия действовала более энергично и в полном взаимодействии с частями Ленинградского фронта. Однако нам не удалось решить вопросы совместных действий так, как этого требовала обстановка».³ Прорвать блокаду им не удалось, но их действия способствовали успеху оборонительных боев наших войск на южных подступах к Ленинграду. Во время этих сентябрьских боев войска Ленинградского фронта захватили небольшой плацдарм на левом берегу Невы в районе Московской Дубровки, где, неся страшные потери, перемололи несколько фашистских дивизий. Этот знаменитый плацдарм, получивший название «Невский пятачок» и ставший символом мужества и массового героизма советских воинов, наши части удерживали до конца апреля 1942 г.

В условиях, когда войска противника находились в непосредственной близости от Ленинграда, перед командованием Ленинградского фронта встала неотложная задача усиления обороны города. Прежде всего был приложен максимум усилий для пополнения войск людскими резервами. Это было особенно необходимо, так как войска фронта, остановившие врага, сами понесли тяжелые потери и имели большой некомплект личного состава.

С сентября по декабрь 1941 г. население Ленинграда и войска фронта продолжали огромную работу по созданию глубокоэшелонированной обороны города. Укреплена была главная полоса обороны, на которой располагались советские войска. Особое внимание обращалось на укрепление района Урицк - Пулковое - Колпино. Коллективы ленинградских заводов оснастили главную полосу значительным количеством артиллерии и укреплениями из стали и железобетона. По внутренней окружной железной дороге оборудовалась вторая линия обороны, которая состояла из стрелковых окопов, пулеметных и артиллерийских дотов и других сооружений, прикрытых проволочными заграждениями, минными полями, железобетонными и металлическими надолбами. Была также создана и третья линия обороны, проходившая по южным окраинам Ленинграда через Угольный порт, Алексеевку, Автово, Слободку, Александровскую, пос. Николаевский, ст. Фарфоровскую, завод им. М.В. Ломоносова.

Сильные оборонительные сооружения возникли по правому берегу Невы до Ладожского озера. С севера Ленинград прикрывался укреплениями, расположенными между Финским заливом и Ладожским озе-

ром по линии государственной границы 1939 г. Морские подступы Ленинграда защищались силами и средствами Балтийского флота. Восточная часть Финского залива от о-ва Гогланд была заминирована.

Большие работы проводились по созданию укреплений и в самом Ленинграде. В 110 узлах обороны, созданных в городе, имелось 570 артиллерийских дотов, около 3600 пулеметных дотов, 17 тыс. амбразур в зданиях, более 25 км баррикад, около 12 тыс. стрелковых ячеек, свыше 300 наблюдательных пунктов и большое количество других инженерных сооружений/

Наиболее угрожаемые южные районы Ленинграда были разделены на три сектора — Кировский, Московский и Володарский, имевшие по несколько оборонительных позиций. Первая позиция проходила от Кировского завода через станции Броневая и Товарная, пос. им. С.Г. Шаумяна к Неве; вторая — по Обводному каналу; третья — по р. Фонтанке и четвертая — по Неве от Галерной гавани до Уткиной Заводи. В случае необходимости эти позиции должны были оборонять воинские части Ленинградского гарнизона, войска НКВД, специально сформированные 12 батальонов милиции, дивизия военизированной пожарной охраны, 79 рабочих батальонов, сведенных в 5 стрелковых бригад, а также 24 батальона моряков, сформированных из экипажей кораблей Балтийского флота. Руководство всеми этими силами было возложено на специально созданное Управление внутренней обороны города (ВОГ) во главе с начальником гарнизона генералом А.П. Ивановым.⁵ С началом ледостава на Финском заливе перед внутренней обороной встала задача защиты Ленинграда и с моря.

Город был превращен в неприступную крепость. Осенью 1941 г. в частях Ленинградского фронта, находившихся в блокадном кольце, зародилось снайперское движение по истреблению немецко-фашистских захватчиков. Под руководством командования фронта оно вскоре приобрело массовый характер. В начале 1942 г. 216 снайперов были награждены орденами и медалями, а Ф.А. Смолячкову, И.Д. Вежливцеву, П.И. Голиченкову, А.А. Калинин, Н.А. Козлову, С.П. Лоскутову, В.Н. Пчелинцеву, Ф.Ф. Синявину, Ф.Ф. Фомину, М.И. Яковлеву было присвоено звание Героя Советского Союза.⁶

И хотя положение Ленинграда продолжало оставаться тяжелым, войска Ленинградского фронта вели активные боевые действия. В первых числах октября 1941 г. в интересах 42-й и 8-й армий по приказу Г.К. Жукова в тылу немцев были высажены пять небольших десантов — четыре в районе Стрельны и один в районе Петергофа. Но соединиться с войсками армий им не удалось. «За семь дней флотом было высажено

1832 солдата и матроса, — писал адмирал Ю.А. Пантелеев, бывший тогда командиром Ленинградской военно-морской базы. — Однако эта небольшая сила была распылена. Высадка производилась отдельными частями, да еще вблизи фронта противника. Совершенно очевидно, что если бы мы одновременно высадили в ближайший тыл врага сразу почти 2 тыс. человек, то вправе были бы ожидать положительных результатов. Конечно, и в этом случае высадку следовало начинать лишь после обозначившегося успешного начала наступления 42-й и 8-й армий».⁷

В октябре 1941 г. была предпринята вторая попытка прорыва блокады. Встречными ударами 54-й, 55-й армий и Невской оперативной группы намечалось уничтожить шлиссельбургско-синявинскую группировку противника и восстановить сухопутную связь Ленинграда со страной. Ленинградским фронтом в это время командовал генерал И.И. Федюнинский, а с 26 октября генерал М.С. Хозин. Но 16 октября 1941 г., когда подготовка операции еще не была завершена, немецко-фашистское командование начало наступление на тихвинском направлении. Цель наступления немцев состояла в том, чтобы перерезать сухопутные коммуникации, подводящие к Ладожскому озеру, соединиться с финскими войсками на р. Свирь и тем самым полностью заблокировать Ленинград.

Бои развивались неблагоприятно для советских войск. 20 октября оборона 4-й и 52-й армий была прорвана, а через два дня немцы захватили Будогощь и создали непосредственную угрозу Тихвину. События под Ленинградом все время находились под пристальным вниманием Ставки Верховного Главнокомандования, но прорыв немцами обороны 4-й и 52-й армий вызвал у нее особую тревогу за судьбу Ленинграда. И.В. Сталин неоднократно связывался с командованием Ленинградского фронта и не только выяснял обстановку, но и давал довольно конкретные указания, как надо действовать.

23 октября в 2 ч 30 мин А.М. Василевский по прямому проводу передал И.И. Федюнинскому: «Верховный Главнокомандующий приказал мне передать вам следующее: противник наступлением от Чудово через Волхов на Будогощь и Тихвин стремится сорвать вашу операцию. Поэтому необходимо принять все меры к быстрейшему соединению с Хозиным с тем, чтобы немедленно вслед за этим прочно обеспечить себя с юга. Выбросить четыре-пять дивизий с танками на р. Волхов и далее на Тихвин, и тем обезопасить себя с востока и окончательно закрепить за собой свободу сообщений для того, чтобы обеспечить быстрый успех прорыва. Необходимо взять с других участков все, что возможно, и прежде всего сосредоточить здесь большую часть всей артиллерии фронта, РС». Федюнинский доложил, какие меры принимаются для

усиления войск на восточном берегу р. Волхов, и сказал, что «приказ Главнокомандующего мне ясен. Будем принимать все меры к тому, чтобы как можно быстрее связаться с Хозиным».⁸

Через два часа, в 4 ч 25 мин 23 октября А.М. Василевский по прямому проводу передал Военному Совету Ленинградского фронта новое, очень тревожное указание Сталина: «Судя по вашим медлительным действиям, можно прийти к выводу, что вы еще не осознали критического положения, в котором находятся войска Ленфронта. Если вы в течение нескольких ближайших дней не прорвете фронта и не восстановите прочной связи с 54-й армией, которая вас связывает с тылом страны, все ваши войска будут взяты в плен. Восстановление этой связи необходимо не только для того, чтобы снабжать войска Ленфронта, но и, особенно, для того, чтобы дать выход войскам Ленфронта для отхода на восток — для избежания плена в случае, если необходимость заставит сдать Ленинград. Имейте в виду, что Москва находится в критическом положении, и она не в состоянии помочь вам новыми силами. Либо вы в эти два-три дня прорвете фронт и дадите возможность вашим войскам отойти на восток в случае невозможности удержать Ленинград, либо вы попадете в плен. Мы требуем от вас решительных и быстрых действий. Сосредоточьте дивизий восемь или десять и прорвитесь на восток. Это необходимо и на тот случай, если Ленинград будет удержан, и на случай сдачи Ленинграда. Для нас армия важнее...»⁹

То же самое в тот же день подтвердил А.М. Василевский в разговоре по прямому проводу с командующим 54-й армией М.С. Хозиным. «Прошу учесть, — говорил он, — что в данном случае идет речь не столько о спасении Ленинграда, сколько о спасении и выводе армий Ленфронта... Еще раз прошу принять все возможное для того, чтобы всемерно помочь ленинградцам, иначе в ближайшее время может случиться, что уже будет поздно...»¹⁰

Через день, 25 октября, А.М. Василевский передал И.И. Федюнинскому и А.А. Кузнецову новое указание И.В. Сталина. «Товарищ Сталин приказал мне передать Военному Совету фронта его категорическое требование — ускорить наступление и прорыв на восток. Только в этом он видит единственное спасение Ленинграда и, прежде всего, армии Ленфронта. Он категорически требует усилить восточную группу войск, предназначенную для прорыва до минимума и сосредоточить здесь не менее 10 или даже 12 стрелковых дивизий за счет других участков фронта, прежде всего за счет 8-й армии. Он также требует подготовить для переброски вслед за 191 сд водой и воздухом еще одну сд и быстро организовать ее переброску в район Тихвина. Все это он прика-

зывает принять немедленно к исполнению, так как время не ждет. Через несколько дней прорыв может оказаться неосуществимым». ¹¹

Однако, несмотря на принятые меры по усилению советских войск, наступление немцев продолжалось. 8 ноября И.В. Сталин по прямому проводу сказал А.А. Жданову и М.С. Хозину (он теперь стал командующим Ленинградским фронтом): «Нас очень тревожит ваша медлительность в деле проведения известной вам операции. Вам дан срок в несколько дней. Если в течение нескольких дней не прорветесь на восток, вы загубите Ленинградский фронт и население Ленинграда. Нам говорят, что после артиллерийской подготовки пехота не решается идти вперед. Но вы должны знать, что пехота без танков не пойдет. После артиллерийской подготовки нужно пустить танки, и только после танков и за ними нужно пустить пехоту, дав артиллерии задачу бить по противнику километра на 3-4 к востоку от линии фронта впереди наших танков. Чтобы танки и пехота могли продвигаться свободнее, а противник не мог подвести свежие силы, и вообще, по мере продвижения наших танков и пехоты огонь надо переносить дальше на восток. Без такой организации наступления у вас ничего не выйдет. Понятно, авиация и РС должны делать свое дело... Надо выбирать между пленом, с одной стороны, и тем, чтобы пожертвовать несколькими дивизиями. Повторяю, пожертвовать и пробить себе дорогу на восток, чтобы спасти ваш фронт и Ленинград. Как только пробьете дорогу, железная дорога> будет. Без танков пехота не пойдет. Примите меры к переброске танков КВ на левый берег. Если танки слишком тяжелы, пусть облегчат их броню тонн на 10-20. Если есть другие танки поменьше весом — переправьте. Если 55-я армия может ударить с юга на север в тыл противнику, стоящему у Невы, пусть ударит.

Повторяю, времени осталось мало, сидеть и ждать у моря погоды неразумно. Заставьте артиллерию работать ночью по площадям. Выберите площадку в один-два километра и сосредоточьте весь огонь артиллерии и РСов. Повторяю, времени осталось у вас очень мало, скоро без хлеба останетесь. Попробуйте из разных дивизий выделить группы охотников, наиболее смелых людей, составить один или два сводных полка. Объясните великое значение того подвига, который требуется от них, чтобы пробить дорогу. Возможно, что эти сводные полки смелых людей потянут за собой и остальную пехоту... Если не согласны или если есть какие сомнения, скажите прямо. Вы плохо расходуете ваши силы. Если у вас такие хорошие дивизии на фронте, то тем печальнее, что вы их неправильно использовали. Не может пехотная дивизия с ее винтовками и пулеметами справиться с укрепленными райо-

нами противника. Надо сначала уничтожить укрепрайоны артиллерией, минометами, пустить после этого в ход танки, и только вслед за танками пехотная дивизия может показать себя как настоящая сила. Без танков пехота беспомощна перед лицом укрепленных районов противника».¹²

9 ноября Сталин снова разговаривал с командованием Ленинградского фронта по прямому проводу. Разговор прерывался в связи с тем, что Сталину стало известно о занятии противником Тихвина. «Приостановите передачу, — сказал Сталин. — Тихвин занят противником. Выясняем положение. Если будет возможно, соединимся с вами по проводу. Этот провод идет через Тихвин... Ждите у аппарата». После перерыва Сталин сказал: «Для ликвидации противника мы перебросили в район Тихвина Мерецкова с некоторыми войсковыми частями из 7-й армии. Направляем туда же танки и одну полнокровную дивизию. Думаю, что 54-я армия могла бы ограничиться выдвиганием одной своей дивизии для заслона своего тыла. Как видите, противник хочет создать вторую линию окружения против Ленинграда и вовсе прервать связь Ленинграда со страной. Медлить дальше опасно. Торопитесь создать большую группу частей, сосредоточить на большом участке всю силу огня артиллерии, авиации, 120-мм минометов, РС и пробить дорогу на восток, пока не поздно. А тихвинскую группу противника, я думаю, мы ликвидируем своими силами».¹³

Тихвин был занят немцами 8 ноября, а на следующий день, 9 ноября, в дневниковых заметках Лееба записано: «Благодаря взятию Тихвина перерезана также водная коммуникация, ведущая к Ленинграду через Ладожское озеро. Теперь противник имеет возможность связываться с внешним миром только воздушным путем или по радиосредствам. Во всяком случае, дальнейшая доставка предметов снабжения в больших объемах уже больше невозможна. Тихвин взят спустя два месяца после падения Шлиссельбурга. Это значит, что после достигнутого окружения по суше теперь последует блокада всех его средств доставки и через Ладожское озеро».¹⁴

Действительно, с потерей Тихвина Ленинград оказался в исключительно тяжелом положении. Военный совет Ленинградского фронта, как предлагал Сталин, сформировал ударные добровольческие полки из лучших, наиболее мужественных воинов фронта, задача которых состояла в том, чтобы, встав в первые ряды наступающих дивизий, первыми пробить брешь в кольце вражеских орд, окружающих Ленинград, и обеспечить наступление других войск фронта. «Самой жизнью вопрос поставлен так: либо мы пробьем кольцо вражеской блокады под Ленинградом и прорвемся на восток для соединения со страной, - го-

ворилось в обращении Военного совета к личному составу полков 10 ноября, — либо Ленинград и армии попадут в ненавистное ярмо гитлеровского крепостного рабства... От каждого из вас потребуются особое мужество, бесстрашие, смелость, готовность отдать все силы и саму жизнь за наш народ, за родину, за Ленинград. Помните, что с вами весь Ленинград, вся наша страна, наш любимый Сталин. Пусть это сознание умножит ваши силы для нанесения беспощадного удара врагу, вдохновляет вас на великий подвиг».¹⁵

И уже 20 ноября в дневниковых заметках Лееба появилась запись, что «противник не прекращает попыток прорвать кольцо окружения Ленинграда. В целом следует сказать об обстановке под Ленинградом то, что противник не имеет возможности улучшить свое снабжение, кроме как сделать это воздушным путем. Но этого недостаточно. Впрочем, он может еще ослабить кронштадтский район путем вывоза оттуда в Ленинград скота и продуктов. Кроме того, доставка в город возможна из незанятого нами района между финским фронтом на Свири и нашими позициями. Но и этого едва ли хватит, чтобы организовать бесперебойный подвоз запасов». Через три дня 24 ноября в дневниковых заметках Лееба записано: «Следует учитывать то, что противник после того, как замерзло Ладожское озеро, может доставлять любое количество подкреплений».¹⁶

Действительно, по ледовой дороге для усиления войск на тихвинском и волховском направлениях из Ленинграда на восточный берег было перевезено шесть стрелковых дивизий. А еще раньше, в осеннюю навигацию 1941 г. на восточный берег озера были перевезены две стрелковые дивизии и одна морская бригада. 9 ноября Ставка назначила К.А. Мерецкова командующим 4-й армии. Усилив свои войска на тихвинском направлении, они в середине ноября остановили наступление противника и сами перешли в контрнаступление.

9 декабря Тихвин был освобожден, а к концу декабря немецкие войска были отброшены за реку Волхов, на рубеж, с которого они в октябре начали свое наступление. И хотя завершить операцию по прорыву блокады не удалось, контрнаступление под Тихвином сорвало план гитлеровского командования замкнуть второе кольцо блокады вокруг Ленинграда и полностью изолировать город.

Это была великая победа советских войск, спасшая ленинградцев и их защитников от нависшей над ними страшной опасности. По словам бывшего гитлеровского генерала Дитмара, отступление немецких войск от Тихвина «явилось началом первого сильного кризиса, охватившего всю немецкую Восточную армию. Как и на всем Восточном фронте, на-

ступательные возможности северного крыла немецких войск иссякли. Мечты о быстрой победе рассеялись, как дым».¹⁷

В тихвинских оборонительной и наступательной операциях советские войска понесли большие потери. Только безвозвратные потери составили 40 667 человек.¹⁸

11 декабря, в разгар контрнаступления, в целях объединения армий, действовавших к востоку от реки Волхов, Ставка приняла решение образовать Волховский фронт во главе с генералом К.А. Мерецковым.

Третья попытка прорыва блокады Ленинграда была предпринята в январе 1942 г. и являлась составной частью общего наступления Советской армии, которое Ставка запланировала для развития успеха, достигнутого в контрнаступлениях под Москвой, Ростовом и Тихвином. Войска Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронтов при содействии Балтийского флота должны были разгромить группу армий «Север» и снять блокаду Ленинграда. Решающая роль отводилась Волховскому фронту. Сталин, придавая большое значение предстоящим действиям, 29 декабря 1941 г. писал в личной записке командующему Волховским фронтом К.А. Мерецкову: «Уважаемый Кирилл Афанасьевич! Дело, которое поручено Вам, является историческим делом. Освобождение Ленинграда, сами понимаете, великое дело. Я бы хотел, чтобы предстоящее наступление Волховского фронта не разменивалось на мелкие стычки, а вылилось бы в единый мощный удар по врагу. Я не сомневаюсь, что Вы постараетесь превратить это наступление именно в единый и общий удар по врагу, опрокидывающий все расчеты немецких захватчиков. Жму руку и желаю Вам успеха. И. Сталин».¹⁵

Особенностью планируемой Ставкой операции являлось то, что наступление Волховского фронта должно было явиться продолжением контрнаступления, начатого под Тихвином. Однако этого не получилось. Практическое осуществление намеченного Ставкой плана деблокады Ленинграда нашло свое выражение в проведении войсками Волховского фронта и 54-й армии Ленинградского фронта Любанской наступательной операции с 7 января по 30 апреля 1942 г.²⁰

В связи с тяжелым положением Ленинграда, где к жертвам артиллерийских обстрелов и бомбардировок с воздуха прибавились жертвы голода и холода, и Ставка и командование Волховского фронта торопились с наступлением. Однако, как признавал К.А. Мерецков, «к назначенному сроку фронт не был готов к наступлению». В 59-й армии прибыли и успели развернуться только пять дивизий, остальные три находились в пути. Во 2-й ударной армии исходные для наступления

позиции заняли только немногим более половины соединений, не прибыла армейская артиллерия, не сосредоточилась авиация, не были накоплены боеприпасы, продовольствие и горючее. Фронт, по существу, не имел своего тыла.²¹ Причинами медленного сосредоточения войск и техники были и большие растяжки путей подвоза, слабо развитые сети автомобильных и железных дорог, недостаток автотранспорта и его изношенность, сильные морозы и снежные заносы, нарушившие график движения транспорта. Но Мерецков приказал начать наступление 7 января. Он это сделал даже, несмотря на предложение Сталина отложить наступление, если 2-я ударная армия к нему не готова.²²

Завязавшиеся бои носили ожесточенный характер. Но наступление успеха не имело. Советские части, встреченные сильным минометным и пулеметным огнем противника, отошли в исходное положение. К.А. Мерецков вынужден был признать, что «...боевые действия показали неудовлетворительную подготовку войск и штабов. Командиры и штабы теряли управление, взаимодействие отсутствовало, атака началась неодновременно и неорганизованно».²³

Не дало результатов и наступление в начале января войск 54-й армии Ленинградского фронта, которой в это время командовал генерал И.И. Федюнинский. Продвинувшись на 4-5 км, они под нажимом противника отошли в исходное положение. И 10 января командование Волховского фронта с разрешения Ставки приостановило наступление.

Судя по переговорам по прямому проводу Сталина с Мерецковым, Запорожцем и Мехлисом 10 января, наступление предполагалось возобновить на следующий день, 11 января. «По всем данным у вас не готово дело наступления к 11 числу, - говорил Сталин. - Если это верно, надо отложить еще на один или на два дня... у русских говорится поспешись — насмешишь. У вас так и вышло. Поспешили с наступлением, не подготовив его, и насмешили людей. Если помните, я вам предлагал отложить наступление, если ударная армия Соколова (2-я ударная армия. - В.К.) не готова. Вы отказались отложить, а теперь пожинаете плоды своей поспешности». Мерецков предложил наступление 2-й ударной, 4-й и 59-й армий начать 12 января, а 52-й армии - 13 января. Сталин согласился с этим предложением, но заметил: «Обдумайте хорошенько, может быть, отложить еще на день, то есть на 13 с тем, чтобы все армии выступили вместе с 52-й армией. Не нужно хорохориться, а нужно сказать честно - готовы будете к 12 или нет».²⁴

Наступление Волховского фронта после полуторачасовой артиллерийской подготовки возобновилось 13 января, хотя за три дня мало что удалось исправить. Войска фронта, имевшие над противником превос-

ходство в людях в 1,5 раза, в орудиях и минометах в 1,6 раза, в самолетах в 1,3 раза,²⁵ продолжали уступать ему в обеспечении боеприпасами, всеми видами снабжения. Части 59-й и 2-й ударной армий не имели опыта ведения боевых действий.

Наступление проходило на местности, покрытой громадными лесными массивами, заболоченность которой, благодаря обилию малых рек и озер, доходила до 60%. Почти полное бездорожье, так как дороги мирного времени были выведены из строя еще осенью 1941 г., глубокий снег сильно затрудняли маневрирование войск. Противник, знавший о предстоящем наступлении советских войск, приготовился к нему и оказывал сильное сопротивление.

Войска 4-й армии (командующий генерал П.А. Иванов), наступавшие в направлении Кириши, Тосно и 52-й армии (командующий генерал В.Ф. Яковлев), наступавшие в направлении Новгород, Сольцы, уже 14-15 января перешли к обороне. Причиной этого было не только сильное сопротивление противника, но и просчеты командования фронта в подготовке наступления. В войсках ощущался недостаток боеприпасов и продовольствия. В 52-й армии, например, во второй половине января не было хлеба, муки, соли и фуража. В качестве фуража были использованы даже соломенные крыши всех домов в ближайших населенных пунктах. Происходил падеж лошадей. Только с 12 по 25 января пало 120 лошадей.²⁶ Причиной неудач в действиях 4-й и 52-й армий являлись также недочеты в организации наступления, выразившиеся в равномерном распределении сил на всем фронте наступления.

Советские воины, несмотря на тяжелейшие условия, в которых им пришлось вести борьбу с врагом, проявляли исключительное упорство и массовый героизм. Одним из ярких образцов мужества и самопожертвования явился групповой подвиг, который совершили 29 января на западном берегу р. Волхов воины 229 стрелкового полка 225-й стрелковой дивизии 52-й армии сержант И.С. Герасименко и рядовые А.С. Красилов и А.А. Черемнов. Израсходовав свои гранаты, они одновременно бросились на амбразуры вражеских огневых точек и закрыли их своими телами. Их подвиг позволил уничтожить вражеское гнездо, мешавшее продвижению наших войск. И.С. Герасименко, А.С. Красилову и А.А. Черемнову посмертно было присвоено звание Героев Советского Союза.²⁷

Успех обозначился в полосе наступления 2-й ударной армии (командующий генерал Н.К. Клыков) и левого фланга 59-й армии (командующий генерал И.В. Галанин). Ударные группировки этих армий уже на второй день наступления пересекли р. Волхов и на ее левом берегу ов-

ладели несколькими населенными пунктами.

К концу января 2-я ударная армия и введенный в прорыв входивший в состав армии 13-й кавалерийский корпус (командир генерал Н.И. Гусев) углубились в расположение противника на 40-45 км.²⁸ В феврале, продвинувшись на 75 км, советские войска с юга и юго-запада охватили Любанско-Киришскую группировку врага, насчитывавшую 7 дивизий. Однако дальнейшие попытки 2-й ударной армии наступления с целью овладеть Любанью успеха не имели.

Наступление 54-й армии Ленинградского фронта, начавшееся одновременно с войсками Волховского фронта, противник встретил упорным сопротивлением, и оно не дало существенных результатов. Только к 17 января ей удалось захватить лишь населенный пункт Погостье. Главной причиной неуспеха действий армии явилось равномерное распределение сил на всем 30-километровом фронте наступления. В феврале наступление войск 54-й армии продолжалось. Вместе с ней, на ее правом фланге на фронте Ладожское озеро - ст. Малукса вела борьбу с противником 8-я армия (командующий генерал А.В. Сухомлин). Она была создана приказом Ставки 26 января в основном за счет соединений 54-й армии, а также переброшенных из Ленинграда управления и армейских частей 8-й армии.²⁵

Прорвать оборону противника и выйти к Любани с севера соединениям 54-й и 8-й армиям не удалось. Однако их действия заставили немецкое командование перебросить сюда с других участков фронта две пехотные дивизии, что способствовало наступлению войск Волховского фронта.

В феврале на Волховский фронт был командирован в качестве представителя Ставки маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов. Однако, как записано в постановлении политбюро ЦК ВКП(б) от 1 апреля 1942 г., «... пребывание товарища Ворошилова на Волховском фронте не дало желаемых результатов. Желая еще раз дать возможность товарищу Ворошилову использовать свой опыт на фронтовой работе ЦК ВКП(б) предложил товарищу Ворошилову взять на себя непосредственное командование Волховским фронтом. Но товарищ Ворошилов отнесся к этому предложению отрицательно, и не захотел взять на себя ответственность за Волховский фронт, несмотря на то, что этот фронт имеет сейчас решающее значение для обороны Ленинграда, сославшись на то, что Волховский фронт является трудным фронтом, и он не хочет проваливаться на этом деле».³⁰

Ставка Верховного Главнокомандования, несмотря на неудачу наступления с целью овладеть Любанью, но, считая, что глубокий прорыв

2-й ударной армии в оборону противника дает возможность полностью ликвидировать немецкую любань-чудовскую группировку, 28 февраля приказала командующему Волховским фронтом главные усилия сосредоточить на наступлении на любанском направлении и «станцией и городом Любань безусловно овладеть и прочно закрепиться не позднее 4-5 марта».³¹

Ленинградский фронт, согласно директивы Ставки от 26 февраля, должен был содействовать Волховскому фронту наступлением 54-й армии на Любань.³² 54-я армия, усиленная 4-м гвардейским стрелковым корпусом, прорвала оборону противника, продвинулась на 22 км, выйдя на рубеж Погостье, Кородыня, Посадников Остров. Но из-за возросшего сопротивления противника прорваться к Любани не смогла.

Войска 2-й ударной армии вели бои на всем фронте. Они действовали стойко и мужественно, проявляли массовый героизм. Однако, как докладывал Мерецков в Ставку 30 марта, «наступление 2-й ударной армии на Любань... развития не получило. Многодневные наступательные бои в исключительно трудных условиях бездорожья, лесистой местности положительных результатов не принесли. На этом направлении противник успел создать сильную систему опорных пунктов в лесу и дальнейшие попытки прорвать оборону противника повлекли за собой еще большее истощение войск».³³ Лишь 15 км отделяло 2-ю ударную армию от Любани и 30 км от войск 54-й армии.

Неудача советских войск объяснялась и тем, что гитлеровское командование за счет перегруппировки своих войск под Ленинградом и переброски из Западной Европы в период января-марта усилило 18 армию семью дивизиями и одной бригадой.³⁴

Завязывавшиеся у основания прорыва 2-й ударной армии бои с перешедшим в наступление противником носили ожесточенный характер. Воины 52-й и 59-й армий Волховского фронта мужественно отбивали атаки врага, но противостоять ему не смогли. 19 марта противнику удалось закрыть горловину прорыва 2-й ударной армии западнее Мясного Бора и тем самым перерезать ее коммуникации. Это очень осложнило положение армии, оказавшейся в окружении. Снабжение армии всем необходимым теперь было возможно только самолетами. Направленный К.А. Мерецковым во 2-ю ударную армию генерал А.А. Власов³⁵ 23 марта доносил: «... подача армии и эвакуация из нее полностью прекращены... Армия имеет запасы: хлеба по 25 марта 1942 г., жиров, сала, овса, сена, сахара, соли нет. Начался падеж конского состава. Боеприпасы на исходе. Особенно нужны патроны к ППШ. Приняты меры для сокращения норм потребления и ограничения огнепри-

пасов и зернофуража до доставки авиацией. В ночь на 23 марта прибыло во Вдицко 8 самолетов „У-2" с продовольствием и медикаментами. В армии скопилось до 3 000 раненых».³⁷

«В предвидении длительной борьбы в условиях окружения, — вспоминал командующий 2-й ударной армии генерал Н.К. Клыков, — мы приняли меры по заготовке продовольствия: порезали на колбасу лошадей, убавили выдачу хлеба, заложили в неприкосновенный запас сухари. Авиация помогла нам боеприпасами и небольшим количеством продовольствия».³⁷

Командование Волховского фронта особое внимание обратило на участок прорыва. Сюда были подтянуты все возможные резервы. «Мы вынуждены были, — писал К.А. Мерецков, — ввести в бой все, что было под рукой: весь состав курсов младших лейтенантов и учебную роту младших командиров».³⁸

В результате тяжелых боев, руководством которыми по указанию Ставки осуществлял К.А. Мерецков, советским войскам удалось 27 марта очистить от противника горловину, связывавшую 2-ю ударную армию с фронтом. По ней снова пошли транспорты с продовольствием, фуражом и боеприпасами.

Однако положение армии продолжало оставаться тяжелым, так как горловина, по которой осуществлялось ее снабжение, не превышавшая 3-5 км, насквозь простреливалась огнем врага. Попытки уничтожить противника в этих районах, предпринимавшиеся авиацией, не дали результатов. Авиация Волховского фронта в марте месяце произвела всего 7600 самолетовылетов.³⁹

В середине апреля командование группы армий «Север» решило провести новое наступление против 2-й ударной армии. Командующий группой Кюхлер, докладывая 13 апреля Гитлеру общую обстановку, просил его выделить для этого новые силы, так как не считал, «что противник сам погибнет в своих плохо снабжаемых районах». Однако, как записано в дневнике верховного главнокомандования вермахта, Гитлер заявил, что рассчитывать на выделение новых сил ни в коем случае не следует, так как они необходимы для решения других важных задач на юге Восточного фронта (нефтяные районы Кавказа). Поэтому группе армий необходимо отказаться от планируемых наступательных действий с целью ликвидации котлов и ограничиться медленным изматыванием противника, постепенно выбивая его с командных высот, расположенных в котлах, «выкуривая его из убежищ и все более лишая противника возможности снабжения путем недопущения наводки мостов через Волхов». Он приказал авиации беспокоить противника сбрас-

^съгванием бомб замедленного действия на его коммуникации и дал согласие на выделение группе армий дополнительных противотанковых средств». ⁴⁰

Положение войск Волховского фронта, особенно 52-й и 59-й армий, стало еще более тяжелым, когда в результате наступившего в конце марта потепления раскисли проложенные по болотам дороги. О строительстве новых дорог в этих условиях не могло быть речи. Поэтому чтобы обеспечить войскам грузовые и эвакуационные перевозки, дорожники занимались в основном постройкой гатей на болотах и укреплением разбитых грунтовых участков земель и хворостом. Перебои в снабжении войск, острый недостаток боеприпасов и продовольствия, возросшее сопротивление противника явилось причиной временного затишья, наступившего на всех участках Волховского фронта. То же самое имело место и в полосе наступления 54-й армии Ленинградского фронта.

Положение 2-й ударной армии не могла не осложнить и происшедшая в это время смена командующего армией. 17 апреля Военный Совет Волховского фронта в связи с тяжелой болезнью генерала Н.К. Клыкова допустил к командованию армией генерала А.А. Власова. ⁴¹

Командование Волховского фронта приступило к подготовке нового наступления на Любань. Но нового наступления не произошло «В конце апреля в Ставку прибыл командующий Ленинградским фронтом М.С. Хозин, — пишет А. М. Василевский, — и доложил, что неудача Любанской операции произошла вследствие отсутствия единого командования войсками, защищавшими Ленинград. Он предложил объединить войска Ленинградского и Волховского фронтов, а командование объединенным фронтом возложить на него. Б.М. Шапошников сразу выступил против такого предложения, И.В. Сталин, напротив, встал на позицию Хозина». ⁴²

21 апреля СВГК приняла решение с 24 апреля объединить Ленинградский и Волховский фронты в единый Ленинградский фронт в составе двух групп: группы войск Ленинградского направления и группы войск Волховского направления. ⁴³ Командующим Ленинградским фронтом и командующим группой войск Волховского направления был назначен М.С. Хозин, командующим группой войск Ленинградского направления — генерал Л.А. Говоров. ⁴⁴

В мае 1942 г. советские воины продолжали бои на Любанском плацдарме, но развить наступление на Любань не удалось. «С середины марта 2-я ударная армия и войска 59-й и 52-й армий, расположенные западнее р. Глушица, — писал Хозин Сталину 11 мая 1942 г., — испытыва-

ют большие трудности в продовольственном и материально-техническом обеспечении. Вся эта группировка общей численностью до 62 382 человек базируется на единственную дорогу, проходившую в узком коридоре шириной 3 км... Этот коридор находится под постоянным минометным обстрелом и ударами авиации противника. Постройка в этом коридоре узкоколейки Мясной Бор - Новая Кереть не обеспечивает устойчивого подвоза, так как узкоколейка регулярно выводится из строя наземным огнем и бомбометанием с воздуха».⁴⁵

Немецкое командование, сосредоточив крупные силы у путей подвоза 2-й ударной армии, поставило ее под угрозу полного окружения. В связи с этим Ставка приказала генералу М.С. Хозину вывести 2-ю ударную армию из занимаемого ею плацдарма. Однако приказ не был выполнен. Ее воинам пришлось с боями пробиваться через узкую горловину у основания прорыва. Сталин признал, что «мы допустили большую ошибку, объединив Волховский фронт с Ленинградским. Генерал Хозин, хотя и сидел на Волховском направлении, дело вел плохо. Он не выполнил директивы Ставки об отводе 2-й ударной армии. В результате немцам удалось перехватить коммуникации армии и окружить ее».

8 июня 1942 г. Сталин и Василевский подписали следующий приказ Ставки Верховного Главнокомандования: «Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Разделить войска Ленинградского фронта на два самостоятельных фронта: а) Ленинградский фронт в составе войск ныне существующей Ленинградской группы войск; б) Волховский фронт в составе существующей Волховской группы.

2. Ленинградскую и Волховскую группы упразднить.

3. Разграничительной линией между Ленинградским и Волховским фронтами оставить существующую линию между Ленинградской и Волховской группами войск.

4. За невыполнение приказа Ставки о своевременном и быстром отводе войск 2-й ударной армии, за бумажно-бюрократические методы управления войсками, за отрыв от войск, в результате чего противник перерезал коммуникации 2-й ударной армии и последняя была поставлена в исключительно тяжелое положение, снять генерал-лейтенанта Хозина с должности командующего войсками Ленинградского фронта и назначить его командующим 33-й армией Западного фронта.

5. Отстранить от должности члена Военного совета Ленинградского фронта тов. Тюркина как не справившегося с работой и передать его в распоряжение Военного совета Ленинградского фронта.

6. Назначить командующим войсками Волховского фронта генера-

ла армии тов. Мерецкова, освободив его от командования 33-й армией.

7. Утвердить в должности командующего войсками вновь выделенного Ленинградского фронта командующего Ленинградской группой генерал-лейтенанта тов. Говорова».¹⁶

Командование Волховского фронта принимало все меры для вывода из окружения 2-й ударной армии, в результате чего был пробит коридор шириной 2-3 км, через который выходили остатки армии. Положение 2-й ударной армии еще более осложнялось поведением Власова, который, по словам А.М. Василевского, «по натуре крайне неустойчивый и трусливый, совершенно бездействовал. Создавшаяся для армии сложная обстановка еще более деморализовала его, он не предпринял никаких попыток к быстрому и скрытому отводу войск». Находившийся в одной группе с Власовым начальник связи 2-й ударной армии генерал-майор А.В. Афанасьев, вывезенный из окружения на самолете, в докладе Военному Совету Волховского фронта, характеризуя Власова, писал, что у него «чувствовалась какая-то растерянность или забывчивость... заметно было потрясение чувств... Власов был безразличен...».⁴⁷

11 июля Власов добровольно сдался гитлеровцам в плен и перешел на черный путь измены Родине. Член Военного совета 2-й ударной армии дивизионный комиссар К.В. Зуев погиб при выходе из окружения. Он выстрелил в себя, когда, отстреливаясь от фашистов, у него оставался один патрон. Советские войска потеряли в Любанской операции 308 367 человек, из которых безвозвратные потери составили 95 064 человека.⁴⁸

Таким образом, операция советских войск на северо-западном направлении зимой 1941/42 года не привела к разгрому немецкой группы армий «Север» и к деблокаде Ленинграда. Одной из причин этого явились просчеты Ставки Верховного Главнокомандования в планировании боевых действий. Для общего наступления страна еще не имела достаточных стратегических резервов и боевых средств, а развернувшееся наступление на всем советско-германском фронте привело к распылению имевшихся сил. Отрицательно сказались на развитии операции также длительный, больше месяца, без достаточной маскировки период подготовки войск Волховского фронта и начало операции до завершения сосредоточения войск, предназначенных для наступления. Это привело к потере оперативной внезапности и удару слабыми силами. Противник раскрыл намерение советского командования и усилил свою группировку, что заставило армии Волховского фронта вместо продолжения наступательных действий, которые они вели в декабре 1941 г., прорывать немецкие оборонительные полосы. Затягивали развитие операции и ввод в бой сил по частям и частые перегруппировки в

ходе наступления. В результате операция фронта превратилась в наступательную операцию только 2-й ударной армии, правда, значительно усиленной. Но и эта операция, как писал Сталину 3 марта 1942 г. Ворошилов, побывавший в районе действия 2-й ударной армии, «была совершенно неподготовлена и это сказывается до сих пор. Большинство сил 2-й ударной армии по мере продвижения вперед растягивались и отвлекались на сковывание противника на большом пространстве и для Любанской оставалась слабая, наскоро собранная, а главное, плохо организованная и слабо материально обеспеченная группа».⁴¹

На действиях 2-й ударной армии отрицательно сказалось и отсутствие четкого и твердого руководства войсками. Распоряжения командования доходили до частей с опозданием. Начальник оперативного отдела 2-й ударной армии неправильной информацией вводил в заблуждение штабы армии и фронта. Практически отсутствовал учет убитых и раненых. Некоторые подразделения пропадали из виду и не обеспечивались продовольствием и боеприпасами. В результате Ставке пришлось 5 марта 1942 г. отстранить от обязанностей начальника штаба 2-й ударной армии генерала В.А. Визжилина и начальника оперативного отдела полковника Пахомова.⁵⁰

Серьезной причиной неуспеха наших войск являлись перебои в снабжении войск в ходе операции основными видами материального обеспечения. «Положение с боеприпасами в армиях фронта из-за несвоевременности прибытия транспортов создалось угрожающее, — доносил 20 февраля в Главное артиллерийское управление начальник штаба Волховского фронта Г.Д. Стельмах. — По 19 февраля из 70 транспортов, запланированных на февраль, было получено только 24. Минометы и артиллерия на 18 февраля имели боеприпасов всего 0,2-0,9 боекомплекта».⁵¹ Для налаживания снабжения на Волховский фронт в конце января 1942 г. прибыл заместитель наркома обороны, начальник тыла Красной армии генерал А.В. Хрулев.

Перебои в снабжении были связаны и с объективными трудностями. Железная и автомобильная дороги, по которым двигались транспорты, были слишком перегружены. По ним одновременно шло снабжение для Ленинграда и для севера страны. Вследствие понесенных потерь и несвоевременного их восполнения как в людях, так и в вооружении и особенно в автоматическом оружии, советские силы уменьшились, а противника значительно возросли.

Одной из причин неудачи советских войск было и то, что между Ленинградским и Волховским фронтами не было настоящего взаимодействия, что позволяло фашистскому командованию с помощью ма-

ражения советского наступления силы, предназначенные для штурма Ленинграда, и благодаря этому ему удалось остановить советское наступление. Введенная в бой 2-я ударная армия не изменила положение.

Чтобы избежать излишних потерь, советское Верховное командование приказало прекратить бои и отвести войска в исходное положение. К 1 октября 1942 г. войска Волховского фронта отошли на правый берег р. Черной. На левом берегу Невы бои продолжались до 7 октября. Когда все войска были эвакуированы, разведка, высланная с рассвета 9 октября в район Московской Дубровки, противника не обнаружила. В связи с этим на левый берег Невы была переправлена усиленная стрелковая рота 70-й стрелковой дивизии, которая заняла плацдарм в районе Арбузове — Московская Дубровка, использованный затем в операциях при прорыве блокады в январе 1943 г.

Синявинская операция не привела к прорыву блокады. Однако она оказала большое влияние на обстановку под Ленинградом. Главным положительным результатом был срыв немецкого плана очередного штурма города, так как предназначенные для этого силы немецкое командование было вынуждено использовать для отражения советского наступления. «Дивизии нашей армии понесли значительные потери, — писал Манштейн. — Вместе с тем была израсходована значительная часть боеприпасов, предназначавшихся для наступления на Ленинград. Поэтому о скором проведении наступления не могло быть и речи».⁵⁷ В ходе боев на синявинском направлении немцы потеряли убитыми и пленными около 60 тыс. человек, 200 танков, более 200 орудий, 400 минометов, 710 пулеметов, 200 самолетов.⁵⁸

В период синявинской операции в тылу противника развертывалась борьба ленинградских партизан с карательной экспедицией немцев против Ленинградского партизанского края. Они нанесли им ощутимые потери, чем облегчили действия наших войск в синявинской операции.

В результате этой операции на северо-западном направлении были также скованы значительные немецкие силы, что не позволило гитлеровскому командованию перебрасывать их на юг, в частности, под Сталинград. Как и в период Любанской операции, противник вынужден был усилить группу армий «Север» частями, перебрасываемыми из Западной Европы и с других участков советско-германского фронта.

Основными причинами неудач предпринимавшихся до сих пор попыток прорыва блокады Ленинграда являлись недостаток сил и средств и отсутствие у советских войск опыта в подготовке и проведении крупных наступательных операций — советское командование еще не умело как следует организовать взаимодействие сил — войска фронтов и ар-

мий действовали разрозненно, имелись недостатки в управлении войсками и в использовании родов войск.

Примечания

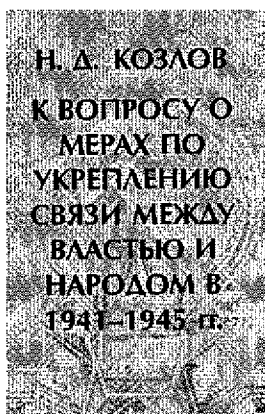
- ¹ *Василевский А.М.* Дело всей жизни. Изд. 7. Кн. 1. М., 1990. С. 182.
- ² Военно-исторический журнал. 1977. № 2. С. 50.
- ³ *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1995. С. 181.
- ⁴ *Сирота Ф.И.* Ленинград - город-герой. Л., 1960. С. 51.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Барбашин И.П. и др.* Битва за Ленинград 1941-1944. С. 145.
- ⁷ Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне советского народа. 1941-1945. В четырех книгах. Кн. 3. Ленинград и обеспечение боевой деятельности флота. 1941-1945. М., 1992. С. 36; *Пантелеев Ю.А.* Морской фронт. М., 1965. С. 250-252.
- * Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М., 2004. С. 54, 55.
- ⁸ Русский архив. 16/5(2). Великая Отечественная война. 5(1). Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. М., 1996. С. 259.
- ¹⁰ Там же. С. 261.
- ¹¹ Там же. С. 263.
- ¹² Там же. С. 277-279.
- ¹³ Там же. С. 284.
- ¹⁴ *Generalfeldmarschall Wilhelm Ritter von Leeb. Tagebuchaufzeichnungen und Lagebeurteilungen aus zwei Weltkriegen.* S. 388, 389.
- ¹⁵ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 227.
- ¹⁶ *Generalfeldmarschall Wilhelm Ritter von Leeb. Tagebuchaufzeichnungen und Lagebeurteilungen aus zwei Weltkriegen.* S. 396.
- ¹⁷ Мировая война 1939-1945. Сб. статей. М., 1957. С. 141.
- ¹⁸ Гриф секретности снят. М., 1993. С. 172, 224.
- ¹⁹ *Дулиц М.* В огне четырех войн. М., 1972. С. 47.
- ²⁰ См. *Олейников Г.А.* Героические страницы битвы за Ленинград. СПб., 2000. С. 201-232.
- ²¹ *Мерецков К.А.* На службе народу. М., 1988. С. 248, 249.
- ²² Русский архив. 16/5(2). Великая Отечественная война. (5/2). Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. М., 1996. С. 36.
- ²³ Оборона Ленинграда. 1941-1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968. С.190.
- ²⁴ ЦАМО РФ. Ф. 96-Ф. Оп. 2011. Д. 26. Л. 22-24.
- ²⁵ Оборона Ленинграда. 1941—1944. Воспоминания и дневники участников. С. 190.
- ²⁶ ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 140. Л. 109.
- ²⁷ *Барбашин И.П. и др.* Битва за Ленинград в 1941-1944. С. 140, 141.
- ²⁸ ЦАМО РФ. Ф. 204. Оп. 89. Д. 98. Л. 13-16.
- ²⁹ Там же. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 32. Л. 15, 16.
- ³⁰ Там же. Д. 283. Л. 286.
- ³¹ Там же. Д. 95. Л. 29-31.
- ³² ИМЛ. Документы и материалы отдела истории Великой Отечественной вой-

- ны, инв. № 9484. Л. 368.
- 33 ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 141. Л. 111.
- 34 Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за период 1941-1945 гг. Вып. 2. С. 9, 19, 35.
- 35 Генерал-лейтенант А.А. Власов 8 марта 1942 г. был назначен Ставкой заместителем командующего Волховским фронтом.
- 16 ЦАМО РФ. Ф. 204. Оп. 97. Д. 89. Л. 12-14.
- 37 Вторая ударная армия в битве за Ленинград. Воспоминания, документы. Л., 1983. С.20.
- 38 *Мерецков К.А.* На службе народу. С. 261.
- 38 Операции советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941-1945. Т. 1.С. 485.
- 40 Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstoss). Bd. II. Ester Halband. Frankfurt am Main. 1963. S. 500.
- 41 ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 141. Л. 537. - 20 апреля 1942 г. СВГК утвердила назначение заместителя командующего Волховским фронтом генерал-лейтенанта А.А. Власова командующим 2-й ударной армией по совместительству (ИМЛ. Документы и материалы отдела истории Великой Отечественной войны. Инв. № 9485. Л. 201).
- 42 *Василевский А.М.* Дело всей жизни. Кн. 1. М., 1988, С. 183.
- 43 С 3 мая 1942 г. группы стали именоваться: Волховской группой войск и Ленинградской группой войск Ленинградского фронта (ЦАМО РФ. Ф. 48-А. Оп. 1640. Д. 179. Л. 215).
- 44 ЦАМО РФ. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 41. Л. 122,123.
- 45 Там же. Ф. 204. Оп. 97. Д. 91. Л. 7-11.
- 46 *Мерецков К.А.* На службе народу. С. 279; Русский архив. 16/5(2). Великая Отечественная война. 5(2). Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942. С. 244.
- 47 *Василевский А.М.* Дело всей жизни Книга первая. С. 184; ЦАМО РФ. Ф. 19. Оп. 279. Д. 5. Л. 301.
- 48 Гриф секретности снят. С. 224.
- 45 ЦАМО РФ. Ф. 19. Оп. 279. Д. 5. Л. 62,63.
- 50 *Мерецков К.А.* На службе народу. С. 256; *Аынин И.* Мерецков // Коммунист вооруженных сил. 1990. № 2. С. 71.
- 51 ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 140. Л. 372.
- 52 Там же. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 46. Л. 111-112.
- 53 Kriegstagebuch des Oberkommandos des Wehrmacht. Frankfurt am Main. 1963. Bd. II. S. 77.
- 54 Позже операция получила наименование «Нордлихт» («Северное сияние»).
- 55 Совершенно секретно! С. 390.
- 56 Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 302.
- 57 *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 267.
- 58 История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1963. Т. 2. С. 471.

Исторический опыт взаимодействия народа и власти представляет интерес в современных условиях. Одной из страниц подобного опыта являются меры советско-партийной системы по укреплению связи власти и народа в годы Великой Отечественной войны.

Война внесла коррективы во все сферы жизни страны и народа. Общая цель объединила и сплотила народ, сформировала единую и общепризнанную всеми его слоями доминанту общественного сознания, смысл которой выражался в лозунге «Все для фронта, все для Победы!». В то же время отрешение к происходящему, действиям власти и ее оценки не были одномерными. Наряду с патриотическими устремлениями и единением имели место антисоциальные проявления, неприкрытый антисоветизм, предательство.¹

Опасность еще больше усилила централизм, роль административно-приказных методов руководства, умножились распорядительные функции партийных и государственных органов. Одновременно повседневная обстановка побуждала кадры проявлять инициативу, брать на себя ответственность, подвергала проверке прин-

ципы и нормы руководства, которые сформировались и были определяющими в предшествующий период.

В период испытаний чрезвычайно важным стало укрепление связей руководства с народом. Неизмеримо выросло значение авторитета руководящих кадров. «Без настоящего укрепления связей с массами, без умения прислушаться к голосу масс и понимать их наболевшие нужды, готовности не только учить массы, но и учиться у масс, — подчеркивал журнал «Партийное строительство», — мы лишились бы способности вести за собой трудящихся».² Выполнить эту задачу было невозможно без усиления морального влияния руководителей, без доверия к ним народа.

Это было тем более важно, что в 1930-е годы в кадровом составе партийно-советской системы произошли серьезные количественные и качественные изменения. В условиях режима личной власти и массовых репрессий она лишилась значительной части своих опытных кадров. Кинорежиссер А. Довженко утверждал, что среди партийных работников появились руководители, «лишенные чувства реальности, знания живых

простых людей, взаимоотношений, трудностей», оторванные, не знающие и не чувствующие народа.³ К началу 40-х годов более 70% секретарей горкомов и райкомов партии имели лишь начальное образование. Среди секретарей обкомов и крайкомов, ЦК компартий союзных республик таких было 40%.⁴ Среди принятых в партию в этот период лишь 5,6% имели высшее образование, 22,7 - среднее, остальные — начальное.⁵ В результате всего этого, отмечал академик В.И. Вернадский, произошло «понижение морального и умственного уровня партии».⁶

Динамичные изменения в составе партийно-советских и хозяйственных кадров происходили и в годы войны. За 4 года в партию вступило почти столько же, сколько было принято за 12 предвоенных лет. Сменились почти все секретари, заведующие отделами и инструкторы райкомов.

Нередко такая смена происходила несколько раз. В Новосибирской области за 2,5 года войны состав руководящих кадров обновился на 85%, что побудило пленум обкома осудить «путь максимальных репрессий».⁷ В Куйбышевской области за 1942-1943 гг. сменилось свыше 5 тыс. руководящих работников. Важнейшей причиной высокой сменяемости кадров было то, что подбор по деловым, моральным и политическим качествам здесь был сведен к простому замещению вакантных должностей, а вместо помощи и воспитания работников вышестоящие органы и руководители использовали приемы грубого администрирования, «накачки», массовое наложение взысканий, произвол и отдачу под суд. Пленум обкома осудил такую практику, потребовал изучать и знать, «ценить, уважать и дорожить» кадры, расставлять их в соответствии со способностями. Он разработал целую систему мер по улучшению работы с ними.⁸

Такая же картина с кадрами была в других областях и общественно-политических организациях. За 7 месяцев 1943 г. в Тамбовской области сменилось 50 секретарей райкомов. В течение года полностью сменилось руководство в 18 районах. На одном лишь заседании обкома 22 июня 1943 г. были сняты один первый, 3 вторых секретаря и 4 секретаря по кадрам.⁹ По данным на декабрь 1943 г., из 508 секретарей комсомольских организаций Свердловска - 473 приступили к этой работе в дни войны. Из них 350 человек работали секретарями менее одного года.¹⁰

Подобная «кадровая политика» свидетельствовала не только о недостатках работы. Она также являлась следствием порочных методов руководства административно-командной системы и их ярким проявлением, жестоких требований времени, отсутствия необходимых знаний и опыта, стремления перестраховаться.

Тем не менее невиданная опасность, нависшая над Отечеством, объединила большинство народа и руководство. Современники и очевидцы

отмечают единство цели правительства и народа в период тяжелых испытаний. Они подчеркивают, что, несмотря на просчеты и ошибки, репрессивные действия руководства в предшествующий период «население в высшей степени доверяло руководству, преданность народа была почти непоколебимой».¹¹ Американский писатель Э. Колдуэлл, бывавший на фронтах в 1941 г., в своей документальной книге, проникнутой глубоким уважением к подвигу советского народа, пришел к выводу о том, что «народ безоговорочно доверял своему правительству».¹² «Советские люди ...склоняются к тому, что их успехи зависят от мудрого руководства, — подчеркивал в период войны американский журнал «Советская Россия сегодня», — и стараются как можно лучше выполнить наказ полученный „сверху“».¹³

Партийно-советские и хозяйственные кадры на местах, которые повседневно общались с народом, остро чувствовали и понимали, что общественно-психологическая атмосфера, доверие народа во многом зависели от их стиля и методов руководства, поведения и характера отношений с людьми, нравственного облика и других факторов. Взаимосвязь и доверие народа и руководства во многом зависели от того, как руководящие работники вели себя в трудное время, от честного и добросовестного выполнения долга, принципиальности и порядочности, знания интересов и настроений народа, умения прислушаться к его мнению. Местные партийно-советские и хозяйственные органы старались авторитет руководящих кадров поддержать и укрепить силой их морального авторитета.

В блокадном Ленинграде эти вопросы неоднократно поднимались и обсуждались на бюро городского и районных комитетов партии, постоянно были в центре внимания трудовых коллективов. В декабре 1941 г. горком рассмотрел вопрос «О некоторых недостатках в Кировском райкоме ВКП(б) и Петроградском райсовете депутатов трудящихся» и подверг резкой критике работников районного административного и партийного аппарата. Ряд руководителей района, включая первых лиц, были освобождены от занимаемых должностей за ослабление требовательности к себе, панибратство и семейственность, за нравственные отклонения.¹⁴ В апреле 1942 г. городской комитет партии вновь обратился к этому вопросу и обязал актив вести решительную борьбу с проявлениями отсталых настроений и аморальных поступков, проявлять инициативу и деловитость.¹⁵ В марте 1943 г. на одном из заседаний бюро секретарь горкома А.А. Кузнецов еще раз подчеркнул, что нравственный облик руководителей имеет большое значение для народа и «наш актив должен быть безупречным».¹⁶ В постановлении, принятом по об-

рой и страх, стремление не выделяться, действовать по указанию сверху. Вследствие этого в постановке критики и самокритики имели место кампанейщина, исполнительский подход, формализм и односторонняя направленность. На пленуме Ярославского обкома партии в 1943 г. отмечалось, что секретари сельских райкомов отвыкли от критики или понимали ее односторонне. Они воспринимали ее как возможность критиковать по принципу «сверху вниз». В свой же адрес критики снизу не терпели, не воспринимали никаких замечаний. В отношении вышестоящих органов и руководителей они критики избегали или критиковали с оговорками, предпочитали славословия в их адрес.²⁴

В повседневной практике чаще сего преобладала критика сверху вниз, которая нередко сопровождалась угрозами - «мы тебя за это осудим, накажем, с должности снимем». В ряде районов Пензенской области в 1942—1943 гг., вопреки рекомендациям обкома, из списков для тайного голосования на отчетно-выборных конференциях были исключены секретари ряда районов. Среди главных претензий, высказанных в их адрес, было то, что вместо помощи и товарищеской критики они «умеют только ругать, накричать», «вызовут, отхлещут, кадры свои не знают».²⁵ Доминирование администрирования над организаторскими и воспитательными усилиями было характерно для многих кадровых работников Рязанской области. В 1942 г. такие методы были подвергнуты осуждению. Совещание признало, что руководитель должен быть готов психологически к критике не только сверху, но и снизу. Его могут и должны критиковать не только за состояние сельского хозяйства, промышленности и транспорта, но и за то, как он связан с подчиненными, как он работает с людьми и учитывает их мнения и интересы, чувствует свою ответственность перед народом.²⁶

Администрирование, нажим и угрозы руководящих работников, их равнодушие к мнению народа подвергались порицанию и осуждению руководящими органами разного уровня. В начале 1943 г. редакция журнала «Партийное строительство» осудила шаблон и казенщину в деятельности руководителей и подвергла критике тех из них, которые выезжали в районы и на предприятия лишь для того, чтобы «поднажать, пригрозить, а то и снять с работы». Журнал рекомендовал ответственным работникам глубоко знакомиться с положением дел и людьми на местах, советоваться с ними, вести живую работу с кадрами. Редакция издания справедливо считала, что методы работы руководителя в значительной мере предопределяют методы работы всего аппарата.²⁷ На страницах этого журнала регулярно печатались призывы укреплять связи с народом, не отгораживаться от людей, не заниматься

администрированием, быть в гуще масс, чутко улавливать их настроения и предложения.²⁸

Показательна в этом отношении опубликованная на страницах журнала памятка руководителям подразделений. В ней, как и в других подобных документах, говорилось о необходимости руководителю и активисту обладать такими качествами, как честность и скромность, сознательность и ответственность, чистоплотность и бескорыстие, искренность и самоотверженность. Моральный облик, поведение в быту должны быть безупречны. «Самое сильное твое оружие как руководителя — личный пример, — подчеркивалось в памятке. — Меньше поучай, а больше советуйся и прислушивайся к голосу рабочих».²⁹ Это же издание рекомендовало в процессе подбора и расстановки кадров обращать внимание на деловые качества и моральный облик, учитывать мнения о будущих руководителях их подчиненных.³⁰

Директивные документы Рязанского, Куйбышевского, Томского, Московского и других обкомов и горкомов, принятые в 1942—1944 гг., резко осуждали декларативно-заседательские методы руководства, формально-бюрократическое отношение к подчиненным.³¹ Пленум Новосибирского ГК ВКП(б) в начале 1943 г. резко осудил партийных руководителей, которые дублировали и подменяли хозяйственников, предложил искоренить канцелярско-бюрократические методы руководства, установить тесную связь с подчиненными.³² Вслед за этим в феврале 1944 г. пленум того же обкома партии признал порочной практику подмены партийными организациями и кадрами советских, хозяйственных и других органов, репрессивно-административные методы руководства и взаимоотношения с подчиненными.

Выступавшие на пленуме называли партийных руководителей «генералами». В связи с этим секретарь обкома партии М.В. Кулагин заметил, что будет правильным, если руководители не будут присваивать себе это воинское звание. «Многие серьезные недостатки в нашей работе именно потому и были, — заявил он, — что мы много командовали, а не руководили».³³

Многие партийные, советские и административные органы одной из причин издержек в работе кадров, забвения нравственных принципов и норм считали недостаточный уровень их профессиональной подготовки и общей культуры. Вследствие этого, наряду с постоянным вниманием, которое уделялось совершенствованию профессионального и политического уровня, руководящие органы проявляли интерес и к вопросам культуры в работе кадров. Пленум Ярославского обкома партии подверг критике и осудил тех руководителей, которые употребляли выражения «отшлепать», «дать трепку», «ободрать» и подобные им,

потребовал, чтобы каждый руководящий работник был образцом культурности, выдержанности, тактичности.^{3,1}

Директивные документы центральных органов требовали от руководящих работников доходить до всего, «следить за культурой помещений и за тем, как разговаривают работники с посетителями, как отвечают на телефонные звонки и т.д.», обязывали «быть культурным аппаратом и являть достойный пример для всех организаций и учреждений».³⁵

Результаты усилий, применявшихся с целью повышения авторитета актива, не могут оцениваться однозначно. Осуждение и критика, предостережение и напоминание, призывы к укреплению нравственных начал, повышение требовательности к руководителям в определенной мере способствовали преодолению недостатков, повышению уровня взаимодействия с подчиненными. Это способствовало установлению связи с народом, основанной не только на страхе, силе приказа и подчинения, но и на доверии и уважении. В результате многие распоряжения и указания руководителей воспринимались исполнителями не как приказы и команды, а как глубоко осознанная жизненная необходимость. Такое отношение способствовало укреплению морально-психологической атмосферы, чувства гражданской ответственности, придавало силы.

Вместе с тем среди руководителей имели место расхождения между словом и делом, несоответствие норм поведения и взаимоотношений принципам нравственности и требованиям момента, нередко переходившие в прямые злоупотребления.

Информационные сообщения, поступавшие в руководящие органы с мест, письма, записки и дневники, отражавшие подлинные настроения народа, свидетельствуют, что для стиля и методов руководства немалого числа ответственных работников были характерны различные угрозы вплоть до расстрела, ругань, ненужное дерганье по мелочам. Неумение работать с людьми возмещалось грубым администрированием, различного рода злоупотреблениями властью.

В некоторых случаях, когда администрирование и злоупотребления заходили далеко, виновных одергивали и наказывали, пытались вразумить. В августе 1941 г. прокурор Горьковской области информировал обком партии о злоупотреблениях на местах. Секретарь Вознесенского райкома партии и председатель райсовета вместо проведения разъяснительной работы запугивали людей арестом и судом, обязали прокуратуру заводить дела на лиц, отказавшихся вербоваться на работу в промышленности. Председатель Илевского сельсовета направил в прокуратуру гражданина за то, что он не выполнил наряд бригадира. Практика нажима и администрирования продолжалась и в дальней-

шем. В 1944 г. общее собрание колхоза «Красная Нива» Б. Маресьевского района потребовало снять председателя колхоза Судакову за грубость, семейственность и злоупотребления. Руководители района добились объявления настроений колхозников отсталыми и оставили Судакову у руководства, которая была смещена лишь в результате вмешательства руководства области. Администрированием увлекались уполномоченные райкомов этой области, которые действовали по принципу: «Чикаться не буду. Соберу людей в сельсовете, продержу ночь и ...»³⁶

В 1944 г. на собрании актива Башкирии было признано, что в годы войны многие председатели колхозов допускали в отношении колхозников произвол и беззаконие - производили у них самовольные обыски, грубо угрожали, избивали их.³⁷ Для проведения конференции в Ворошиловском районе Саратовской области районное руководство организовало незаконные поборы денег и продуктов в колхозах района. Бюро Саратовского обкома объявило в связи с этим секретарю райкома выговор и обязало возвратить незаконно взятые деньги и продукты.³⁸ Пленум этого же обкома партии вынужден был осудить многие районные комитеты за то, что воспитательную работу с кадрами они заменили администрированием, наложением взысканий.³⁹

Среди руководителей были люди, которых секретарь Ленинградского горкома комсомола в 1943 г. назвал фарисеями. Он имел в виду тех, кто призывал активистов быть примером моральной чистоты, честности и непогрешимости, но сами не придерживались этих требований.⁴⁰

Проявлялось это по-разному. В Куйбышевской области, как отмечал секретарь обкома Ф. Муратов, в колхозах вечером на поля учитывать объем выполненных работ приходили уполномоченный, председатели сельского совета и колхоза. Трое мужчин принимали то, что за день сделали пять женщин. Для себя и членов своей семьи такие руководители считали зазорным работать в поле.⁴¹

В сложных условиях войны не все руководители оправдывали возлагавшиеся на них требования. А.А. Жданов в январе 1942 г. признал, что в ходе войны среди руководителей, коммунистов и беспартийных, выявились «упадники, упавшие духом, неуверенные в своих силах, колеблющиеся и сомневающиеся во всем и всегда». Выявилась группа людей, которые стремились уйти от ответственности. Были и такие руководители, которые оказались неспособными работать в военных условиях.⁴²

Бюро Ивановского ОК ВКП(б) в октябре 1941 г. сняло с работы и исключило из партии директора Меланжевого комбината, наказало ряд других руководителей «за отрыв от рабочих». За этой формулировкой постановления скрывалось недовольство рабочих увлечением руково-

дителей самоснабжением, состоянием торговли, поспешным бегством отдельных руководящих работников и их семей в советский тыл.⁴³ Из 2200 рабочих из Узбекистана, прибывших в мае 1943 г. по трудовой мобилизации на Верхне-Тавдинский лесокombинат Свердловской области, к концу того же года осталось 662 человека. Из них трудоспособными были только 205 человек. За 4 месяца с лесокombината дезертировали 580 рабочих, было отпущено по болезни 743 и 215 человек умерло. Наряду с суровыми климатическими условиями и непривычным для узбеков родом занятий, одной из главных причин их трагического положения были тяжелые бытовые условия - проживание в сырых, холодных землянках, скудное питание и плохая одежда. Все это было следствием не столько общих трудностей, которые переживала вся страна, как результатом бездеятельности, пьянства и воровства заместителя управляющего предприятия по быту. В результате проверки он был снят с работы и осужден. Получили строгие взыскания и другие руководящие работники лесокombината.⁴⁴

Подобное поведение руководителей вызывало у людей неприятие и осуждение, недовольство и возмущение. В обстановке того времени публично они выражались чаще всего в предельно осторожной форме или полускрытых вопросах. Нередко мысли и высказывания были более конкретны и определены. В них проявлялось как моральное неприятие и скрытое осуждение, так и открытая ненависть к руководителям и членам партии, которая зачастую распространялась и на их семьи, прямое осуждение социально-экономической политики и действий руководства страны.⁴⁵ Встречались и заявления типа «Не слушайте их, они ничего не знают, они обманывают нас уже 23 года!» и подобные им.⁴⁶

Однако не они определяли общую атмосферу, общий настрой и направленность сознания. Такие настроения и заявления были характерны для критических моментов, состояния предельного напряжения и неопределенности. В относительно стабильных условиях, а тем более при наличии успехов в тылу и на фронтах, настроения и оценки были принципиально иные.

Критическое отношение, порой несогласие с руководством, его оценками и установками, свои мысли и соображения чаще всего проявляли граждане и группы людей, которые перенесли морально-психологические потрясения. Как правило, это прежде всего те, кто повседневно сталкивался с трудностями и опасностями, пережил критические ситуации, пострадал от репрессивных или неправомερных действий властей. В ряде случаев несогласие было результатом идейного неприятия, мировоззренческой несовместимости личной позиции

отдельных людей и ценностей системы.

В годы войны произошло сближение интересов народа и руководства. Угроза существованию народа и системы объективно создала основу для преодоления недовольства предшествующими ошибочными действиями руководства, достижения в это трудное время согласия всех сил общества, притупления негативных настроений. В условиях смертельной опасности сложившаяся система воспринималась большинством народа как сила, которая способна защитить Отечество, предотвратить захват и порабощение. Она старалась вносить коррективы в свою политику под действием реалий войны и общественных настроений, стремилась учитывать настроения масс и духовную атмосферу в обществе и воздействовать на нее как административно-правовыми и организационными, так и политическими, нравственными мерами.

Доверие и уважение народа к руководству во многом зависело от того, как руководящие кадры вели себя в трудное время, от их честного и добросовестного служения общему делу, порядочности, принципиальности, связи с народом. Там, где авторитет руководящих кадров был высок, их влияние основывалось не на страхе и силе власти, а на уважении, доверии, сознательной и добровольной поддержке, на силе общественного мнения.

Опыт войны показал, что нельзя победить и преодолеть трудности, не достигнув единения народа и руководства, народных и государственных интересов. Деление же общества по разным принципам и критериям, внедряемое в массовое сознание средствами информации и различными общественно-политическими деятелями, не может способствовать преодолению глубокого социокультурного, экономического и структурно-системного кризиса, предотвращению национальной катастрофы.

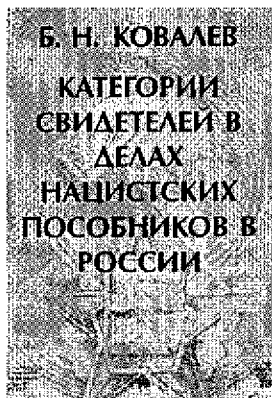
Примечания

- ¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 204-205; № 7. С. 194-195; 1991. № 1. С. 216-217. История СССР. 1991. № 6. С. 106.
- ² Вопросы партийного строительства. Сб. материалов и документов. М., 1945. С. 291.
- ³ Правда. 1989. 11 сент.
- ⁴ Борисов Ю.С. Эти трудные 20-30-е годы // Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 148.
- ⁵ Правда. 1989. 13 окт.
- ⁶ Литературная газета. 1988. № 11. С. 13.
- ⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 1020. Л. 39-40.
- ⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 44. Д. 767. Л. 22-27.
- ⁹ Вопросы партийного строительства. С. 117.

- 10 ЦХДООСО. Ф. 61. Оп. 5. Д. 83. Л. 6.
- 11 *Барбер Дж.* Роль патриотизма в Великой Отечественной войне // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 449.
- 12 За рубежом. 1984. № 43. С. 17.
- 13 Soviet Russia Today. 1943. January. P. 24.
- 14 ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4408. Л. 9.
- 15 Там же. Д. 4462. Л. 7.
- 16 Там же. Д. 4703. Л. 9.
- 17 Там же. Д. 4702. Д. 41-42.
- 18 Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сб. документов и материалов. Т. 1. Л., 1994. С. 190, 192.
- 15 Ленинградская правда. 1942. 22 янв.
- 20 РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 153. Л. 1-4 об.
- 21 Там же. Оп. 22. Д. 1985. Л. 42-44; Д. 2319, Л. 190-191.
- 22 Там же. Оп. 88. Д. 597. Л. 54; Оп.43. Д. 996. Л. 10; Д. 48. Л. 23, 288.
- 23 Там же. Оп. 43. Д. 153. Л. 5.
- 24 Партийное строительство. 1943. № 24. С. 25.
- 25 Там же. № 4. С. 27-28.
- 26 Там же. 1942. № 22. С. 24-25.
- 27 Там же. № 7. С. 2-4.
- 28 Там же. № 5. С.32; № 6. С. 38-40; № 17-18. С. 37-39.
- " Там же. 1943. № 9-10. С. 29.
- 30 Вопросы партийного строительства. С. 128-129.
- 31 Партийное строительство. 1942. № 5. С. 17-18; № 14. С. 48; № 22. С. 24; 1943. № 21-22. С. 41-42.
- 32 Там же. 1942. № 4. С. 42.
- 33 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 993. Л. 25, 27; Оп. 44. Д. 767. Л. 23; Д. 1020. Л. 32.
- 34 Партийное строительство. 1943. № 9-10. С. 29.
- 31 Вопросы партийного строительства. С. 172.
- 36 Забвению не подлежит. 1941-1945. Страницы нижегородской истории. Кн. 3. Нижний Новгород, 1995. С. 444-448.
- 37 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 124. Л. 19-20.
- 38 Там же. Д. 1190. Л. 17.
- 39 Там же. Д. 1179. Л. 14.
- 40 Там же. Ф. 1. Оп. 16. Д. 668. Л. 8.
- 41 Партийное строительство. 1942. № 22. С. 28-30.
- 42 РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 936. Л. 11.
- 43 Там же. Ф. 17. Оп. 22. Д. 667. Л. 7.
- 44 ЦХДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 128. Л. 82-85.
- 41 См.: История СССР. 1991. № 6. С. 102-122; Литературный Киргизстан. 1988. № 11. С. 84-88; 1990. № 4. С. 118; Знамя. 1990. № 10. С. 37, 39; Простор. 1989. № 2. С. 85-88, 92-93; Родина. 1991. № 6-7. С. 36-37, 46, 52-56.
- 46 История Отечества: люди, идеи, решения. М., 1991. С. 259, 261, 264.

Суды над немецкими военными преступниками и их пособниками начались в СССР еще в годы Великой Отечественной войны. Они проходили и в первые послевоенные годы. К уголовной ответственности привлекались все категории советских граждан, в той или иной степени сотрудничавших с нацистскими оккупантами. Но 17 сентября 1955 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.». Согласно ему, применялась амнистия «... в отношении тех советских граждан, которые в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. по малодушию или неосознанности оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами».¹ Четвертая статья данного указа гласила, что амнистия не применяется «к карателям, осужденным за убийства и истязания советских граждан».²

Советские органы государственной безопасности в течение десятилетий занимались розыском и привлечением к уголовной ответственности гитлеровских пособников из числа местного населения - коллаборационистов.

Свидетельские показания — основа всех доказательств в уголовном процессе. А.Я. Вышинский писал: «Свидетельские показания — один из наиболее древних и распространенных видов судебных доказательств. И это вполне понятно, так как живое слово непосредственного очевидца события, спокойно и объективно повествующего следствию и суду об обстоятельствах этого события, о преступнике, об обстановке преступления и т. д., не может иметь громадного значения для судебного решения».³

Получив сведения о событии преступления и проведя необходимые действия по их закреплению, оперативные службы и следователи прилагали максимум усилий по поиску информированных источников — свидетелей. На основе накопленного советскими органами государственной безопасности опыта свидетелей по делам гитлеровских пособников можно разделить на несколько групп по отношению к человеку, совершившему тяжкое преступление.

К первой группе относятся свидетели, ставшие жертвами или пострадавшие от изменников Родины. Они ранее не знали обвиняемых, никогда с ними не встреча-

лись до момента совершения преступления. Эти свидетели только описывают картину события: расстрел, казнь, издевательства, поведение преступников и результат их преступного действия. К таким свидетелям относятся, как правило, чудом спасшиеся жертвы карательных акций.

667-й карательный батальон «Шелонь», действовавший в 1942—43 гг. в южном Приильменье, уничтожил около 40 населенных пунктов. Каратели принимали непосредственное участие в расстреле мирных жителей деревень: Бычково, Починок, Заходы, Петрово, Нивки, Пособляево, Пустошка. Розыск карателей, начавшийся еще в годы Великой Отечественной войны, продолжался вплоть до начала 1980-х годов. Последний судебный процесс прошел в 1982 г.

В конце октября 1960 г. начальник Управления КГБ СССР по Новгородской области В.А. Аллаберт утвердил план оперативных и следственных мероприятий по розыску карателей, участвовавших в массовом расстреле 19 декабря 1942 г. жителей деревень Бычково и Починок.⁴ Одной из важнейших задач, стоящих перед чекистами, было выявление свидетелей этого страшного преступления.

Ценные показания смогли предоставить немногие оставшиеся в живых свидетели: Т.П. Иванова, А.И. Зверева, А.И. Иванов, Е.С. Семёнова, А.Н. Савченко, Н.И. Паклин. При допросах этих свидетелей, видевших смерть своих ближайших родственников, следователю приходилось очень осторожно интересоваться их прошлым и настоящим. У них часто случались нервные срывы и истерики, навеянные кошмарными воспоминаниями.

Еще в 1944 г. И.И. Паклин и А.И. Иванов показали: «16 декабря 1942 г. в районе деревень Починок и Бычково между партизанами и карательным отрядом произошел бой, в результате которого было убито 17 немцев и полицейских.

19 декабря 1942 г. в эти деревни ворвался карательный отряд с двумя танками и одной бронемашинной. Населению было предложено в течение 30 минут приготовиться к выселению.

По приказу начальника карательного отряда всех людей около 300 человек согнали на реку Полисть и открыли по ним огонь из пулеметов, автоматов и минометов. Лед на реке проваливался от разрывов мин. Убитые и раненные тонули и их уносило под лед. Немцы не разрешили убирать весной 1943 г. оставшиеся на льду трупы, их унесло в озеро Ильмень».⁵

Иванова Тамара Павловна, 1924 г. р., уроженка деревни Починок Белебелковского, (ныне Поддорского района) Новгородской области 19 декабря 1942 г. была тяжело ранена карателями во время расстрела

жителей деревень Бычково и Починок. Одиннадцать ее родственников были убиты. Ее рассказ о трагедии на реке Полисть в судебном заседании взволновал не только присутствующих в зале, но и состав суда. Простые, незамысловатые стихи, написанные свидетельницей Ивановой, показали весь трагизм ситуации, роль нацистских пособников в уничтожении мирного населения:

«Мы шли на смерть, и
Друг с другом прощались,
Мы друг за другом тихонько брели,
А дети ласково так улыбались,
И не знали, куда нас вели.
Нас вывели на речку, на лед,
Велели на месте строем стоять,
Наставил враг напротив нас пулемет,
Стал свинцовым дождем поливать...»⁶

Она выступала в качестве свидетеля по уголовным делам по обвинению Гуревича (Гурвича) Григория, Иванова Николая, Григорьева Константина, Бурова Павла, Тимофеева Егора, Захаревича Константина. Ее личная трагедия в годы войны была позднее отражена в документальном фильме «Дело № 21».

Вторая группа свидетелей по уголовным делам на карателей, полицейских и других изменников Родины состояла из лиц, знавших преступников по совместной службе в различных фашистских формированиях. Как правило, они уже отбыли наказание за службу у оккупантов, но у них всегда проявлялась настороженность и боязнь, велико было нервное напряжение. Немало требовалось усилий следователя, чтобы добиться у них объективных и достоверных показаний в отношении обвиняемых.

Калистов Алексей, житель Псковской области, один из участников батальона «Шелонь», был осужден за службу у немцев, досрочно освобожден из лагеря по амнистии 1955 г. Советские органы государственной безопасности получили достоверные сведения, что Калистов в составе 2-й роты (он был рядовым солдатом) находился в оцеплении на реке Полисть и мог видеть всю картину расстрела жителей деревень Бычково и Починок. Долго и упорно он отрицал свое участие в этой карательной акции. На допросах вел себя истерично, плакал, заявлял, что он ни в чем не виноват, о действиях сослуживцев ему ничего не известно. Следователю пришлось применить ряд тактических приемов, которые способствовали получению от Калистова фактических данных о событиях на реке Полисть и конкретных виновников преступных дей-

ствий. Для этого потребовались очные ставки Калистова с другими свидетелями, проведение следственного эксперимента на месте расстрела. Эти приемы ведения следствия оказались эффективными и полезными, они воздействовали на психологическое состояние свидетеля в положительную сторону.⁷

Одним из первых добровольцев батальона «Шелонь» был Г.М. Гурвич. Еврей по национальности, он изменил имя Григория Моисеевича Гурвича на Григория Матвеевича Гуревича. Отличался особой жестокостью: следствие установило его участие в расстреле не менее 25 человек. На следствии упорно отрицал вину — «в истязаниях и расстрелах не участвовал» — и лишь после восемнадцатой очной ставки с сослуживцами признал участие в пяти расстрелах.⁸

Особый интерес для следствия представляли сотрудники различных коллаборационистских органов, не совершившие военных преступлений. Так, в деле начальника Старорусской полиции периода нацистской оккупации Александра Кютта есть различные показания его бывших подчиненных, выполнявших «бумажную» работу. Они достаточно легко шли на контакт со следователем, рассчитывая на то, что их помощь органам государственной безопасности будет им зачтена. Эти показания пролили свет на многие преступления гитлеровских пособников.

Так, из допроса бывшей сотрудницы Старорусской полиции Тамары Финагиной следует: «Мне также известно, что под руководством Кютт, полицией в декабре месяце 1941 года было арестовано до тридцати человек евреев, которые в начале прихода немцев были оставлены, так как у них были жены или мужья русские. В августе и сентябре 1941 г. были уничтожены немцами еврейские семьи, где не было русских. Все эти евреи сгонялись полицией и жандармами в монастырь и в разбитых стенах расстреливались немцами и жандармерией. Это говорили мне полицейские, фамилий которых я не помню».⁹

Отдельную подгруппу свидетелей представляли родственники и близкие знакомые лиц, совершивших преступление. Они часто ни в чем не были виновны, но хорошо владели информацией. Так, будучи допрошенной в качестве свидетеля, вдова бургомистра Новгорода Морозова, убитого испанским солдатом в ноябре 1941 г., Раиса Морозова 15 ноября 1947 г. рассказала о деятельности начальника новгородской полиции Никиты Расторгуева: «В октябре 1941 года, числа 11-12, Расторгуев пришел к нам на квартиру и говорит: „Нужно организовать арест Силантьева Василия“. На второй день после этого Силантьев был арестован и в деревне Григорово расстрелян. Кроме того, Расторгуев при немцах был резко антисоветски настроен. Он заявлял, что, нако-

нец, он дожил до времени, когда можно жить по-настоящему и есть возможность лично, собственными руками отомстить большевикам-паразитам. Мне также известно, что он обирал советских граждан и их вещи обращал в личное пользование».¹⁰

Третья группа свидетелей по делам нацистских пособников наиболее многочисленна. По своим субъективным признакам она неоднородна как по характеру, так и по восприятию событий. Эти свидетели были непричастны к преступлениям, они являлись наблюдателями за действиями виновных в силу сложившихся обстоятельств или из любопытства. Среди них встречались и такие, которые по разным причинам уклонялись от дачи показаний, боясь мести преступников и их родственников, а также нежелания «ходить по судам».

Из показаний Лапшиной Ираиды Ермиловны: «Оставшись проживать на оккупированной территории в гор. Старая Русса, я была очевидцем нижеизложенных фактов преступлений немецких захватчиков и их пособников.

В октябре 1941 г. на территории военного городка в полку около собора происходили массовые расстрелы русских военнопленных. Почти ежедневно расстреливались большими партиями, так что учесть количество расстрелянных не представляется возможным. Трупы расстрелянных хоронили на берегу реки Полисть против улицы Бетховена, где и по настоящее время есть большие ямы-могилы, которые я могу показать. Изложенные мною факты я лично видела сама, так как жила по соседству».¹¹

В период оккупации нацисты старались взять на учет все население. Иногда люди становились случайными свидетелями преступлений коллаборационистов. Так, Зинаида Ефремова вообще не знала активного пособника нацистов Ивана Скорина. Но на допросе 15 октября 1949 г. она показала: «В 1941 году в сентябре или октябре месяце я, как и все граждане, проходила регистрацию паспорта в здании бывшей городской аптеки. На улице около аптеки была очередь жителей города Старая Русса, которые пришли пройти перерегистрацию паспортов, всего было человек триста. Находясь в очереди, я встретила своего хорошего знакомого, который тоже стоял в очереди, Богданова Ивана Ивановича. Спустя некоторое время, я заметила, что среди граждан выделился один пожилой мужчина лет 50-55 с маленькой бородкой, высокий, худощавый, фамилию его я не знаю. Этот мужчина некоторое время ходил около стоявшей очереди, потом подошел к жандарму... Вскоре жандарм по указанию этого мужчины вывел из очереди Богданова И.И. и повел его по направлению к жандармерии.

Богданов был арестован жандармерией по доносу неизвестного для меня мужчины, лицо которого я опознала на фотокарточке под № 2. Как мне позднее стало известно, Богданов был арестован как советский патриот, коммунист и партизан».¹²

На протяжении десятилетий советские чекисты занимались розыском и документацией преступных деяний латышских легионеров, служивших в СС и СД. В 1942—1943 гг. команда латышских карателей дислоцировалась в деревне Жестяная горка Батецкого района Новгородской области. Ими было уничтожено более 2500 советских граждан: русских, евреев, цыган. Для выяснения всех обстоятельств, связанных с преступными деяниями этих карателей, были установлены и допрошены в качестве свидетелей местные жители Клочков И.В., Быкова П.И. и др. В своих показаниях они внесли дополнительные данные о Цирулисе, Жальгерисе, Удровскисе, Бруно и других, а также бывших белоэмигрантах Беляеве и Климове. Большинство из этих военных преступников после войны проживало за границей: в США, Канаде и Австралии.

Чекистам было известно, что Клочков, проживая во время оккупации около деревни Жестяная горка, имел общение с некоторыми карателями. Он развлекал их игрой на гармошке. Из ряда источников, в том числе агентурных, были получены сведения, что он неоднократно наблюдал за действиями карателей.

Несмотря на неискренность Клочкова, его «забывчивость», следователям все же удалось собрать нужные сведения о действиях этих карателей и объявить их в розыск.¹³ Откровенно и доброжелательно вела себя на допросах Бычкова, она подробно рассказала об известных ей фактах злодеяний фашистов и их пособников над мирными гражданами.¹⁴

К четвертой группе свидетелей можно отнести людей, которые давали произвольные показания в отношении обвиняемых. В таких случаях свидетели сообщали сведения, ссылаясь на других лиц или на содержание каких-либо документов, которые они читали или содержание которых им пересказали.

В процессе розыска гитлеровских пособников, для установления истины, следователи допрашивали сотни людей. Далеко не все из них легко шли на контакт с сотрудниками органов государственной безопасности. Полковник КГБ В.П. Михеев писал: «Эмпирически каждый достаточно опытный следователь знает, что общение с недоверчивыми и подозрительными людьми требует терпения и осторожности. С капризными целесообразен спокойный тон, при полном игнорировании их капризов. Самодовольных и хвастливых останавливает ирония, но пользоваться ею надо умело.

Как найти необходимую линию поведения в общении с обвиняемым, свидетелем, потерпевшим в различных ситуациях, все зависит от процессуального мастерства следователя».¹⁵

Способы воздействия, которые мог применить следователь, были регламентированы уголовно-процессуальным законодательством лишь в общем плане. Поэтому в каждом конкретном случае чекисты в своей практике строго определяли их допустимость и правомерность, исключая всякие элементы психологического насилия в отношении участников уголовного процесса. Поэтому к ним после 1955 г. по делам активных нацистских пособников не было каких-либо серьезных претензий, как со стороны судебных органов, так и от лиц, проходивших по делам в стадии предварительно следствия.

Примечания

- ¹ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу. 1955—1991 гг.: Сб. правовых актов. М., 1997. С. 89.
- ² Там же. С. 90.
- ³ *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1945. С. 213.
- ⁴ Архив Управления ФСБ по Новгородской области (далее АУФСБНО), Д. 56. Т. 1.Л. 1-2.
- ⁵ Там же. Ф. 7. Д. 33. Л. 12.
- ⁶ Там же. Д. 56. Т. 3. Л. 65.
- ⁷ Там же. Воспоминания полковника КГБ В.П. Михеева. Рукопись. Л. 28.
- ⁸ *Петров М.Н.* Каратели (новые источники по истории Великой Отечественной войны)// Как началась война. Новгород, 1995. С. 48.
- ⁹ АУФСБНО. Д. 1/6995, Т. 1. Л. 23.
- ¹⁰ Там же. Л. 87.
- ¹¹ Государственный исторический архив Новгородской области. Ф. Р-1793. Оп. 1.Д. 28. Л. 71.
- ¹² АУФСБНО. Д. 1/6995, Т. 2. Л. 65.
- ¹³ Там же. Воспоминания полковника КГБ В.П. Михеева. Рукопись. Л. 30.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. Л. 31.

Геннадия Леонтьевича Соболева многое связывает с Казанским университетом. Но, как оказалось, это не только узы тесной дружбы и сотрудничества с казанскими коллегами. В годы Великой Отечественной войны маленькая Леночка - ныне супруга Геннадия Леонтьевича, доктор исторических наук Елена Владимировна Соболева, — жила в Казани в эвакуации вместе со своими родителями, сотрудниками одного из академических институтов. Ее семья была среди тех, кого на первых порах приютил Казанский университет. Об этом она с теплотой и легкой грустью вспоминала во время своего недавнего приезда в Казань в ноябре 2003 г., стоя на том самом месте, где когда-то в помещении бывшей университетской церкви размещались эвакуированные.

Великая Отечественная война властно вторглась в жизнь университетского человека, разрушив привычный уклад и порядок его повседневного существования. Перемены коснулись всех аспектов бытия университета. Изменился как его внешний облик, так и внешний вид его преподавателей и студентов. Отныне университет жил в ином временном ритме, что сказалось на организа-

**С. Ю. МАЛЫШЕВА,
А. А. САЛЫНИКОВА**
**КАЗАНСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ В
ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ:
ПОВСЕДНЕВНЫЕ
ПРАКТИКИ
ВЫЖИВАНИЯ**

ции учебной повседневности, бытовых и досуговых практиках, частной жизни университетских людей.

Реформирование внешнего и внутреннего облика в период войны было наглядным образцом преобразования пространства высшего учебного заведения в экстремальных условиях. По свидетельству современника, все боялись, что вот-вот немцы доберутся до Казани, к этому готовились. В садах и парках города, в том числе и в университетском дворе, рылись бомбоубежища. От его былой ухоженности не осталось и следа. Те, кто его видел тогда, вспоминали, что он был крайне неблагоустроен, а в непогоду — просто непроходим. Окна научных зданий были оклеены крест-накрест бумажными лентами. По вечерам их «затемняли» ради «светомаскировки». Сам же университет с наступлением вечера погружался во тьму: были введены ограничения на пользование электричеством до пяти киловатт-часов в месяц на человека. Потухли фонари на улице перед главным корпусом.

В связи с эвакуацией предприятий из фронтовой зоны на территории Казанского университета предполагалось разместить ряд

промышленных объектов военного назначения. Б.Е. Арбузов вспоминал: «Как сейчас помню - это было 19 или 20 июля 1941 г., я находился в лаборатории, когда меня вызвал к себе ректор К.П. Ситников и объявил приказ И.В. Сталина — старый химический корпус университета отдается под завод. Надлежит в течение суток вынести в библиотечное здание КГУ все ценное, включая мебель из помещений лаборатории. С тяжелым сердцем мы хотели приступить к выполнению распоряжения ректора.¹

Но уже буквально через час, — сообщал он далее, - положение изменилось: из Москвы был получен приказ Эвакуационного совета при СНК СССР о размещении в Казанском университете эвакуируемых из Москвы и Ленинграда институтов Академии наук.

В Казань приехали 33 из 85 академических учреждений. 19 из них, в том числе Физический институт им. П.Н. Лебедева (ФИАН), Институт физических проблем, Физико-технический институт, Институт химической физики, Институт органической химии, Институт общей и неорганической химии, Коллоидно-электрохимический институт, Радиевый институт, Математический институт им. В.А. Стеклова, Институт горючих ископаемых, Институт механики, Институт машиноведения, Энергетический институт им. Г.М. Кржижановского, Институт теоретической геофизики, Физиологический институт им. И. Павлова, Институт эволюционной физиологии, Ботанический институт, Институт русской литературы («Пушкинский Дом»), Институт теоретической астрономии, а также Президиум АН СССР работали в годы войны в Казанском университете. Все вместе они насчитывали 1889 научных сотрудника, а с семьями это составляло около 5 тыс. человек. Из них 39 имели звание академиков и 44 члена-корреспондента Академии наук.

Чтобы разместить всю эту массу людей и оборудования, нужно было как-то реструктурировать и без того тесное пространство. После прибытия эвакуированных институтов университет стал казаться крошечным. Академик И.М. Франк, в то время сотрудник одной из лабораторий ФИАН, вспоминал, что научное оборудование разместить было негде — из Москвы вывезли почти все, а в Казани под лабораторию выделили всего одну комнату. Большая часть оборудования пролежала в ящиках всю войну. Они загромождали все университетские коридоры, а когда требовалось достать какой-нибудь прибор, приходилось снимать множество тяжелых ящиков, а затем вновь водружать их друг на друга.²

Городскую астрономическую лабораторию заняли геофизики, причем «великолепные шкафы с книгами были опустошены для гостей от книг, а книги в изрядном беспорядке были вынесены по настоянию про-

ректора И.А. Дюкова в фундаментальную библиотеку университета, свалены там без тенденции к обработке... Многое исчезло безвозвратно».³

Физико-технический институт разместился в помещении этнографического музея. По воспоминаниям академика И.Е. Тамма, один из сотрудников использовал экспонаты музея по прямому назначению: добытую где-то горстку ржи он смолот с помощью примитивных жерновов, принадлежавших индейскому племени.⁴ В старом химическом корпусе поселился Институт органической химии. Студенты и преподаватели химфака полностью лишились аудиторий и лабораторий и вынуждены были заниматься в двух комнатах биофака.⁵ В таком же положении оказались и другие факультеты. К декабрю 1941 г. в университете осталось лишь 25 учебных аудиторий.⁶ По воспоминаниям студентки биофака тех лет, «мы слушали лекции в каких-то закутках, чаще всего в темном коридоре на третьем этаже, на территории бывшей кафедры систематики растений».⁷ Потесниться пришлось и административным службам — например, деканаты историко-филологического, химического и биолого-почвенного факультетов находились в одном помещении.⁸

Ряд университетских помещений был занят под производственные нужды. Например, в вестибюле, выходящем во двор главного здания к университетской библиотеке, была размещена установка, вырабатывавшая жидкий кислород для оборонных заводов Казани. «Эта установка работала почти круглосуточно, сотрясая весь первый этаж того крыла здания. Со двора подъезжали подводы, которые увозили жидкий кислород».⁵

Жилищным размещением эвакуированных руководил вице-президент АН СССР О.Ю. Шмидт. Он закупил все имевшиеся в магазинах и на складах Казани подушки и кровати с матрасами. По его приказу они были расставлены в актовом, редактовом, спортивном и читальных залах университета. В помещении бывшей университетской церкви стояло 150 кроватей, отгороженных друг от друга простынями и картонками. Проходов между ними не было, и раздеваться можно было только присев на корточки. В зале был полумрак и несмолкающий шум голосов и примусов. По университетским коридорам бегали дети, играли, катались на велосипедах. В считанные дни университет превратился в огромную коммуналку.

О.Ю. Шмидт и А.Ф. Иоффе жили в здании астрономической лаборатории. Вице-президент АН СССР А.А. Орбели и академик Е.А. Чудаков с семьями были поселены в «ректорском флигеле». Там же во дворе были квартиры академиков А.Н. Крылова и П.А. Капицы.

Многие эвакуированные поселились в семьях сотрудников университета. Академики А.Е. Ферсман и А.Н. Фрумкин с семьями жили в доме Арбузовых в Школьном переулке. Академик В.И. Гольданский впоследствии писал: «Братское гостеприимство хозяев дома прекрасно гармонировало с деликатностью жильцов - позднее я узнал от Бориса Александровича Арбузова, как смущен бывал Александр Наумович Фрумкин, когда требовалось сгонять кошку с ее привычного места на кровати, как старался он избежать этой необходимости».¹⁰ К Чеботаревым подселили Ландсбергов, к Широковым — Делоне и т.д. Известный математик А.И. Плеснер с женой были вселены в комнату казанского доцента В.В. Морозова и отделены от него шкафами. Морозов шутил, что они «ведут позиционную войну, передвигая шкафы в свою пользу в отсутствие противника».¹¹ В квартирах сотрудников университета жили и студенты, поскольку студенческие общежития были заняты эвакуированными.¹²

В воспоминаниях, написанных через много лет после войны, академики, членкоры и рядовые сотрудники АН с большой теплотой писали о приютившем их Казанском университете, о его сотрудниках, о простых казанцах, ставших для них родными. Университет открыл эвакуированным не только свои двери, но и сердце, и они об этом не забыли.

В годы войны в Казани было очень тяжело с продовольствием. Каждый день сокращалась подача топлива, воды, электричества.¹³ Люди не жаловались: беда была общей. Казанцы помогали эвакуированным, делились с ними нехитрой утварью, продуктами. Поскольку в городе не ходил трамвай, «пешеходный» способ передвижения стал практически единственным. Собственный автомобиль был неслыханной роскошью (их в городе были считанные единицы). В те годы на территории университетского городка можно было увидеть лишь одну старую машину, принадлежавшую вице-президенту АН О.Ю. Шмидту¹⁴. Ректор К.П. Ситников передвигался по городу в ректорской пролетке с дутыми шинами, запряженной серой в яблоках лошадей.¹⁵

Новости Совинформбюро люди узнавали по «радиоточкам», установленным в квартирах и на уличных столбах. Радиоприемники с началом войны было приказано сдать. С наступлением осени улицы Казани погрузились в кромешную тьму: уличные фонари потухли, окна закрыты светомаскировкой, нарушителей которой дружинники безжалостно штрафовали. В городе был введен комендантский час, и у прохожих проверяли документы.¹⁶ Впрочем, горожане и сами боялись выходить на улицу, говорили, что хулиганы нападают на людей, несущих поклажу, срезают груз бритвой и исчезают.¹⁷

Вскоре в здании университета перевели еще и пединститут: в его помещении расположился госпиталь Начавшиеся осенью 1941 г. занятия вскоре были прерваны, поскольку студенты, преподаватели и сотрудники отправились на строительство защитных рубежей за Волгой в Кайбицкий район. Профессора провели «на окопах» две недели, а остальные работали там до конца февраля 1942 г.¹⁸ Рабочий день тогда составлял 16-17 часов, к тому же приходилось преодолевать по 16 км в день до окопов и обратно. В день работающие получали сначала по килограмму хлеба, а позже норму сократили до 800 г. Крестьяне тех деревень, где они жили, подкармливали измученных, студентов картошкой, чечевичной кашей или супом.¹⁵ В тот год зима выдалась лютая и на работу приходилось выходить в открытое поле при температуре до минус 50 градусов. Во время метели, когда не было видно впереди идущего человека, ректор Ситников брал в руки веревку, и остальные шли за ним, держась за нее, след в след. Студенты и преподаватели получали обморожения. Согреться можно было лишь укрывшись на несколько минут в единственной палатке.²⁰ И поскольку многие студенты и преподаватели приехали в легкой одежде (зимней не было), то для «утепления» люди привязывали сверху одеяла и повязывали поверх шапки платки. Их буквально спас присланный университетом воз лаптей с онучами, изготовленными из красных шторм, снятых с аудиторных окон.

Нелегкий быт университетского человека периода Великой Отечественной ярко отразил фольклор студентов и преподавателей, трудившихся осенью и зимой 1941/42 года на строительстве оборонительных сооружений (так называемого «Казанского обвода») — «на трассе». На мотив песни «Вдоль по улице метелица метет» студенты положили новые стихи:

Вдоль по трассе метелица метет,
За метелицей наш Ситников идет.
Ты постой, постой, начальник наш родной,
Отпусти, начальник, нас скорей домой.
Бессердечность Ваша нас с ума свела,
От мороза всех в палатки загнала (...).²¹

Занятия возобновились в начале 1942 г. Но и тогда параллельно с учебной студентки проходили подготовку по программе медсестер запаса, работали в госпиталях. А для немногих оставшихся университетских мужчин утро начиналось в 5 часов утра с военной подготовки на площадке за астрономической обсерваторией.²² Поскольку в аудиториях было страшно холодно, то профессора читали лекции в пальто

или шубах, шапках, валенках и рукавицах. В.И. Баранов вел занятия, держа в озябших руках колбу с горячей водой. В то время страшным дефицитом стали лампочки. На лекцию слушатели приходили со своей лампочкой в кармане, а потом уносили ее с собой. Нередко во время занятий свет неожиданно гас, и тогда зажигали стеариновые свечи.²³ Студенты записывали лекции в варежках, и чернила стыли в чернильницах. В те годы достать новые карандаши, ручки, перья, тетради было невероятно трудно, и потому учащиеся записывали речи своих учителей на старых плакатах, оберточной бумаге, между строк и на полях старых газет.

Шафы, столы, стулья также стали дефицитом. Значительную часть своей мебели университет передал эвакуированным учреждениям. Вместо инвентарных номеров на стульях красовались полушутливые надписи: «Украдено у ...». В городе вновь появились печки-«буржуйки»: они согревали, на них готовили еду. При этом на дрова разбирали лестницы, уносили из городских садов скамейки, распиливали сараи, рубили заборы. Все военные годы студенты и преподаватели университета (в том числе, профессора А.М. Миропольский, Б.А. Арбузов, М.В. Марков, ректор К.П. Ситников) занимались выгрузкой дров на железнодорожном вокзале и на пристани. Добытое таким образом топливо шло на нужды университета, детских учреждений и госпиталей, а выполнивший норму (4 кубометра леса) получал к тому же 200 гр хлеба или те же дрова, бывшие «предметом роскоши». Студентов постоянно «мобилизовывали» на различные работы: расчистку железнодорожных и трамвайных путей, аэродромов, выгрузку раненых из санитарных вагонов, на дежурство в противовоздушных отрядах, на подмогу на заводах и в госпиталях (в том числе в подшефном госпитале на улице Маяковского²⁴). Случалось и так, что преподаватель читал лекцию одному-двум студентам, которые были обязаны все записать и довести содержание лекционного материала до отсутствовавших товарищей.²⁵ Удивительно, но университетские педагоги умудрялись в этих условиях заниматься наукой. Так, В.В. Морозов в 1943 г. защитил докторскую диссертацию, а Е.И. Тихвинская, по свидетельству коллег, писала свое исследование даже во время работы на картофельном поле.

Осенью 1941 г. была вновь введена продуктовая карточная система. Служащие университета получали по 400 гр хлеба, 300 гр сахара или кондитерских изделий, 1200 гр мяса и рыбы, 300 гр жиров и 800 гр круп и макарон. Не работавшим членам их семей полагалось по 400 г хлеба, 200 гр сахара, 500 гр мяса и рыбы, 200 гр жиров, 600 гр круп. Столько же получали студенты. Детям преподавателей в возрасте до 12 лет вы-

давали по 400 гр хлеба, 300 гр сахара, 400 гр мяса и рыбы, 300 гр жиров, 800 гр круп и макарон. Люди ночами стояли в очереди, чтобы получить свою пайку. Продукты продавались и на базаре, но рыночные цены были непосильны для преподавателей. Как вспоминала дочь Е.К. Завойского, мама могла купить там только маленький кусочек масла или немного молока.²⁶

Сокровищница университетского фольклора сохранила портрет супруги преподавателя, отправляющейся на рынок обменивать вещи на продукты. Это почти «блоковское» стихотворение, посвященное жене математика А.И. Плеснера, пронзительно точно воспроизводит казанскую повседневность тех лет:

Пустынны зимы над Казанкою,
В колхозном рынке толкотня.
Унылые фигуры с санками
В мерцаньи пасмурного дня.
Дыша махоркою и водкою,
Брезгливо щупают товар.
Пройдут нетвердою походкою
И вновь скрывает их базар.
Не торопясь, дорогой скользкою
Среди базарной суеты
Она идет одна с авоською,
Храня забытые мечты.
Все продается в дни пустынные —
И шелк упругий, и чулки,
И перья страуса старинные,
И кольца, снятые с руки.
Потом знакомою дорожкой
На оснеженной мостовой
Она с бесценною картошкой
Вновь возвращается домой.²⁷

Автором шедевра был эвакуированный сотрудник одного из академических институтов, известный математик А.А. Люстерник, которого современники называли «лучшим математиком среди поэтов и лучшим поэтом среди математиков».²⁸

В выходные дни казанские преподаватели ездили в чувашские деревни менять вещи на картошку.²⁹ И совершенно нереальными рыночные цены были для студентов. Первое время их выручали мука и горох,

заработанные в колхозах и совхозах. А дальше приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы из одних и тех же круп приготовить разные блюда. Один из воспитанников вспоминал: «Наша хозяйка все удивлялась, как это мы умудрялись печь на сковороде лепешки без масла». Случалось, что студенческий завтрак и ужин состояли из пайкового хлеба (400 гр) и добавки к нему 200 гр, что распределялись в университете по карточкам «усиленного дополнительного питания» (УДП местные остряки расшифровывали как «Умрешь днем позже»).

В начале войны учащиеся питались в университетской столовой. За тарелку супа из мороженой капусты и картошки с парой «звездочек» растительного масла и за несладкий чай от продовольственной карточки отрезали талоны на крупу, сахар и жиры, а если обед был пообильнее (например, с кусочком селедки, ложкой гарнира, компотом или киселем), то отрывали сразу два-три талона. И поскольку в столовой не хватало тарелок и ложек, обедающим приходилось подолгу ждать своей очереди. На входе швейцар выдавал ложку, которую следовало вернуть при выходе. Студентов в столовую запускали партиями по 5-10 «ложек».³⁰

По карточкам и дополнительным пайкам распределяли и поступавшую в 1943 г. американскую «гуманитарную помощь»: кукурузную муку, яичный порошок, свиное сало, колбасу в консервных банках, крабы.³¹ Яичный порошок в парафиновых коробочках (ехидно прозванный в Казани «яйца. Рузвельта») включили в пайки научных работников лишь в конце войны. Не раз случалось, что зарплату преподавателям выдавали водкой, которую те меняли на что-либо съестное на базаре.³²

Одежда и обувь в годы войны распределялись по ордерам (купонам). Ежегодно студентки получали один ордер на грубые хлопчатобумажные чулки, а потом весь год их штопали, так что «на чулках было больше штопки, чем самих чулок». В основном же люди донашивали старую одежду. И когда к ней уже невозможно было пришить новую заплатку, то ее прилаживали с помощью картофельного «клея» и угольного утюга. На смену довоенной изношенной обуви молодежь покупала на рынке матерчатые «туфли» на деревянной подошве. А зимой, если не было валенок, на ноги надевали «стеганки» или «меховушки» (стеганый или меховой рукав) и сверху калоши. В те годы за хорошую работу премировали кирзовыми сапогами или грубыми ботинками. Это было скудное существование, но оно было тотальным, распространялось на всех, а потому не рождало протеста. Более того, преподаватели, сотрудники, студенты жертвовали одежду и обувь на нужды фронта. В конце 1943 г. университет отправил сражавшимся 85 полушубков, 100 тело-

грек, 25 пар валенок, 300 пар теплых носок, 250 пар рукавиц и варежек.

Бедными были все, но все были бедными по-разному. Существовала иерархичность распределения продуктов и товаров, которая отражала социальную сегрегацию советского общества. В этом отношении показательно объявление, вывешенное зимой 1941/42 года на дверях университетской библиотеки: «Скоро центральный местком начнет распределять ромовые бабы и тапочки, — гласило оно. Доктора приравниваются к членам-корреспондентам (1/2 пая), а жены кандидатов - к тещам докторов (1/3 пая)». Переписавший это сообщение современник вспоминал: «У объявления шла оживленная дискуссия на тему о том, сколько паев причиталось бы дочери членкора, имеющей степень кандидата и являющейся одновременно женой доктора».³³

Слава Богу, что в этих условиях люди не утратили способности шутить, а интеллект повышал витальные способности. По инициативе академика Л.А. Орбели, на Волге был организован сбор двустворчатых моллюсков, восполнявших отсутствие в рационе питания белковой пищи. В университете из них готовили супы, делали фарш. Моллюски использовали и как лечебное питание для раненых в госпиталях. Современница вспоминала, что «несколько раз во двор Дворца Труда въезжал грузовик с живыми двустворчатыми моллюсками с Волги. Их вываливали на землю, и тут же начинался «пир»: на примитивных очагах из двух кирпичей все усердно жарили на сковородах без масла беззубок и жемчужниц».³⁴ А член-корреспондент А.А. Галин написал в честь них шутовскую оду. Вот отрывок из нее:

Вслед Господу начнем мы песню о скользких моллюсках,
Тех, что питаьем служили мужам благодарной науки.
Много моллюсков живет в морях, Посейдону подвластных,
В странах заморских они доставляют блистательный жемчуг.
Также другие известны, из коих божественный пурпур
Раньше могли добывать для окраски порфир венценосцев.
Но не о них наша песнь. Во владениях бога Нерее,
Коему тоже подвластны в долинах текущие реки,
Племя иное живет. Ни жемчугом ярким не славны,
Не доставляют и пурпур они, но в пищу однако пригодны.
Ясно для каждого, как их готовить. Описывать это не будем;
Скажем лишь только, что из моллюсков съедобных котлеты
Ели и ими остались довольны и всякого есть призываем.
В реке сарматской Казанке мы много моллюсков ловили.

Очень больших и превкусных. Но так ли в Москве это будет?
То мы не знаем, и ныне мольбу посылаем Нереею,
Дабы и там он снабдил нас моллюсками этими вволю.³⁵

Спасали не только «продукты реки». Например, котлеты жарили из мяса грачей. А вообще ели все, что съедобно или условно съедобно. Дочь Е.К. Завойского с содроганием вспоминала обед накануне Победы: полусгнившие капустные листья, жареные на касторовом масле.³⁶ В стремлении выжить ученые спасали не только себя, но и горожан. Так, в годы войны на биологической станции у платформы «774-й километр» университет выращивал мало распространенные тогда пряные растения (петрушку, укроп, сельдерей), которые стали важным дополнением к бедному витаминами рациону горожан. При деятельном участии академиков А.А. Орбели и Б.К. Шишкина, профессоров В.И. Баранова, Н.А. Ливанова, С.В. Жданова, Ю.А. Васильева, Вацура, доцентов З.И. Забусова, В.А. Попова, Т.М. Кулаева в университете устраивались показательные практикумы по приготовлению блюд из дикорастущих растений, двустворчатых моллюсков, улиток, ежей, ворон, лягушек, яиц муравьев, пчел, шершей.³⁷

Во время войны пределы допустимого в сознании людей становятся шире и борьба за существование нередко толкает их на поступки, которые в обычной жизни являются табуированными. Мемуары сохранили рассказ о доценте биофака, который украл из музея чучело редкой лисы, выпотрошил его, смазал касторкой и обменял «шанхайского барса» на продукты у какого-то заведующего продуктовой базой. Вскоре покупатель был арестован за растрату, и при обыске у него обнаружили музейную лису. В другой истории фигурирует химик, который организовал в университете подпольное производство мыла. А сбывал его студент по прозвищу «Зон» (впоследствии преподаватель КГУ). Как видно, молодой человек обладал редкими менеджерскими качествами, которые, разумеется, не могли найти легального применения в то время. Несмотря на разразившийся вокруг него скандал и «проработку» со стороны руководства факультета, «великий комбинатор» получил поддержку товарищей. Даже секретарь комсомольской организации утверждала, что «на Зоне весь натуральный товарообмен в КГУ держится», и признавалась, что ей он выменял «Трех мушкетеров» А. Дюма на овощи: по кило картошки «за каждого мушкетера, одну кормовую свеклу за Д'Артаньяна, пучок морковки за гвардейцев кардинала и одну редьку за леди Винтер. Больше не дали».³⁸

С начала 1942 г. горожанам стали выделять участки земли под кол-

лективные и индивидуальные огороды. Воспользовавшись этим, университет завел подсобное хозяйство в деревне Лесные Моркваши. Кроме того, преподаватели получили индивидуальные огородные участки на берегу Казанки под Кремлем. Люди выращивали картошку, помидоры, огурцы, тыкву, кабачки, морковь, капусту, турнепс. А из свеклы некоторые даже пытались изготавливать сахар. Чтобы поднять урожайность земли, преподаватели удобряли ее голубиным пометом, лежавшим вековым слоем на чердаке главного здания. Огороды, действительно, спасли от голода. Университет не расставался с ними еще несколько лет по окончании войны.

Самым голодным годом для Казани был 1944-й. В начале 1945 года жизнь потихоньку стала налаживаться: с окон сняли светомаскировку, кое-где загорелись уличные фонари, заработал трамвай (обитый фанерой вместо стекол), эвакуированные учреждения вернулись домой. И университетским людям пришлось вновь обустроиваться и наводить порядок в родной alma mater. К сожалению, они стали свидетелями того, как почти дословно сбылась фраза К.П. Ситникова, оброненная им в доверительной беседе в дни размещения эвакуированных летом 1941 г.: «Придется теперь оберегать университет, ведь он им не дорог».³ В университетской среде до сих пор живут устные рассказы, сюжет которых связан пребыванием Академии наук в Казани. Одна из баек гласит, что вернувшийся с фронта аспирант физфака не обнаружил на месте компрессорной установки, на которой проводил исследования. Коллеги подсказали, что в голодную зиму академик Капица обменял препарат на два бочонка патоки. Разгневанный фронтовик якобы явился на прием к провинившемуся ученому и выразил ему свое возмущение. Дабы загладить инцидент Капица рекомендовал правительству основать планируемый компрессорный завод в Казани.

Возможно, эти истории вымышленные, но в них явно присутствуют следы травмированной университетской памяти.

Весна 1945 г. была связана для университетских людей, как и для всех советских граждан, с большими надеждами и ожиданиями. Близость Победы ощущалась всеми и наполняла особым оптимизмом университетские праздники. Особенно широко и весело прошел в университете первомайский вечер 1945 г. Как свидетельствовал дежуривший по главному зданию преподаватель, в Актовый зал, где шли танцы, было «протиснуться невозможно. В зале такая толпа, что он выглядел, как вагон трамвая в часы пик. Уму непостижимо, как тут еще танцевать ухитряются». В тот вечер Актовый зал, как магнитом, притягивал молодежь города. Кавалеры, не попавшие в здание (в основном молодые лейте-

нанты и курсанты), после безуспешного штурма главного входа, вышибли дверь со стороны двора у физико-математического факультета и пробрались-таки в здание. Дежурному пришлось «прореживать» зал с помощью вызванной патрульной команды.⁴⁰

Окончание Великой Отечественной войны дало жизнь новому, любимому и священному для многих поколений университетских людей празднику - Дню Победы. 9 мая 1945 г. был незабываемым днем. Накануне казанцы несколько дней не выключали радиоточки. В ночь со вторника 8 мая на среду 9 мая по радио передали сообщение о капитуляции фашистской Германии. Услышав это, весь город высыпал на ночные улицы. Военные на радостях стреляли в воздух, раненые выходили на костылях из госпиталей. На площади Свободы и у Кремля, на улицах колыхалось народное море. Игнали оркестры, звучали песни, люди танцевали, фронтовиков поднимали на руки и качали, женщины вручали им цветы. Незнакомые люди обнимались и целовались.

Утро застало людей на улицах, танцы и песни продолжались.⁴¹ В тот день студенты, преподаватели и сотрудники собрались в университете на стихийный митинг. Его открыл ректор К.П. Ситников. Сердечные, прочувствованные речи произносили члены-корреспонденты Академии Наук, профессора, учащиеся. В завершение ректор объявил, что, по случаю Победы, вечером в Актовом зале будут устроены танцы.⁴² Потом университетский народ отправился гулять на улицу Баумана.⁴³ С балконов Дома печати, как стаи белых голубей, разлетались листовки с последними информационными сводками. Из раскрытых окон кинотеатра «Электро» слышались духовые залпы победного марша.⁴⁴ А в это время над площадью Свободы спускались и вновь взмывали в небо два самолета «Пе-2», рассыпая над толпой листовки «С победой, товарищи!». Такие же листовки бросали из окон Дома офицеров и с крыш. А потом, вспоминал мемуарист, «над площадью чистым серебром запели фанфары и мы увидели слона. Огромный серый лоб и спина слона плыли над толпой, а на спине стоял мальчик — униформист с трубой. А за слоном горделиво шествовал ученый верблюд. Это был цирк Дурова, гастролировавший тогда в Казани. В полном составе он вышел на улицы, чтобы поздравить горожан. И вся эта немыслимая кавалькада прошла через площадь Свободы, потом по улице Лобачевского, мимо Черного озера, потом по Чернышевского к нашему белому Кремлю, потом спустилась на улицу Баумана и докатилась до Кольца и снова вверх по улице Куйбышева к площади Свободы, и все это в серебряном пении фанфар, в мелькании самых ярких красок под абсолютно голубым небом, и так они топали, цокали, бренчали, трубили, слов-

но отделяя этим своим шествием для всех ребят военные, прошлые годы от будущих — мирных».⁴⁵

Воспоминания об этом дне до сих пор порождают слезы на глазах тех, кто его пережил. «Я много бы дал, чтобы вернуть тот день»⁴⁶, — говорил нам один из университетских профессоров. Никогда в университете День Победы не воспринимали как советский праздник. Почти для каждого университетского человека он был национальным праздником скорби и радости — днем поминовения памяти погибших родственников, коллег, соотечественников.

Память университетской корпорации редко проявляет единодушие в оценке отдельных этапов, отдельных персонажей и событий университетской истории. Как показывает анализ источников личного происхождения, период Великой Отечественной войны — это, пожалуй, единственный период советской истории, образ которого в сознании университетских людей не замутнен, целостен и непротиворечив. Этот образ отражает особенности восприятия и осмысления военной реальности и представлений о своем месте и долге в этих условиях, которые разделялись практически всеми членами университетской корпорации.

«В полную меру сил работали — учили и учились, — вспоминают современники. — Вместе радовались победе, наступившему миру. Такой духовной близости во всем — от науки до повседневного быта — между студентами и преподавателями никогда больше не было и нет».⁴⁷

Война способствовала стабилизации новой советской университетской идентичности, с трудом формировавшейся на протяжении предыдущих десятилетий.

Примечания

- ¹ *Арбузов Б.* С внуками Марковникова. Из воспоминаний о Казанском университете // Казань, 1999. № 7-8. С. 53.
- ² *Писарева С.* Линия научной обороны. Спустя десятилетия // Там же. С. 68.
- ³ *Мартынов Д.* Непогашенные звезды // Там же. С. 50.
- ⁴ *Писарева С.* Линия научной обороны. С. 68.
- ⁵ *Арбузов Б.* С внуками Морковникова. С. 54.
- ⁶ См.: *Телишев В.Ф.* Военное лихолетье: 1941-1945 гг. // Очерки истории Казанского университета. Казань, 2002. С. 225.
- ⁷ *Иванова Р.Г.* Студенческая жизнь в годы Великой Отечественной войны // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета (далее — ОРК НБЛ КГУ). Ед. хр. 10078. Л. 3.
- ⁸ Там же. Л. 2.
- ⁹ *Герасимов М.В.* Так закалялось мое поколение // ОРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 90091/2. Л. 5.

- ¹¹¹ *Гольданский В.* Афродита Александра Наумовича. Каким помню А.Н. Фрумкина// Казань, 1999. № 7-8. С. 57.
- ¹¹ *Чеботарев Г.* Зимы над Казанкою. Невыдуманные рассказы// Там же. С. 64.
- ¹² *Габбасова М.А.* Незабываемое // ОРРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 10076. Л. 7.
- ¹³ *Дьяконов В.М.* В годы Великой Отечественной. Главы из неизданной книги // Казань., 2001. № 6. С. 51.
- ¹⁴ *Герасимов М.В.* Из жизни Казанского университета в начале Великой Отечественной войны// ОРРК НБЛ КГУ. Ед.хр. 10077. Л. 4.
- " *Богоявленский А.Ф.* Воспоминания о химфаке КГУ // ОРРК НБЛ. Ед. хр. 10097/1. Л. 9.
- ^u *Наумов В.* Три Казани// Казань, 1998. № 9-10. С. 39.
- ¹⁷ *Лихачев Д.* Незамерзающие чернила// Там же. № 7-8. С. 59.
- ¹⁸ *Иванова Р.Г.* Студенческая жизнь в годы Великой Отечественной войны. Л. 9, 13.
- " *Вульфсон Г.Н., Муньков Н.П.* Страницы памяти //Во имя Отчизны. Казанский университет в годы Великой Отечественной войны. Казань, 1975. С. 52.
- ²⁰ *Иванова Р.Г.* Студенческая жизнь в годы Великой Отечественной войны. Л. 10.
- ²¹ Там же. Л. 17-18.
- ²² *Ишмаев Ф.М.* Будничные заботы военных лет // ОРРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 10101/1. Л. 1; *Арбузов Б.А.* Из воспоминаний о Казанском университете// ОРРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 1099/1. Л. 14-15.
- ²³ *Иванова Р.Г.* Студенческая жизнь в годы Великой Отечественной войны. Л. 3.
- ²⁴ *Тэфанов'а Т.А.* А путь и далек, и долог// ОРРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 10095. Л. 7.
- ²⁵ *Иванова Р.Г.* Студенческая жизнь в годы Великой Отечественной войны. Л. 14, 21.
- " *Завойская Н.* Родительский дом// Казань, 1999. № 7-8. С. 101.
- ²⁷ *Чеботарев Г.* Зимы над Казанкою. С. 64.
- ²⁸ Люстерник оставил целый цикл сатирических стихов на снятие с должности вице-президента АН СССР О.Ю.Шмидта, написанных в подражание Гомеру, Некрасову, Блоку, Северянину, Маяковскому. См.: *Чеботарев Г.* Зимы над Казанкою. С. 63-64.
- ²⁴ *Тэфанова Т.А.* А путь и далек, и долог. Л. 15.
- ³⁰ *Иванова Р.Г.* Студенческая жизнь в годы Великой Отечественной войны. Л. 11-12.
- ³¹ *Наумов В.* Три Казани. С. 42.
- ³² *Завойская Н.* Родительский дом. С. 101.
- ³³ Из Казанского дневника// Казань. 1999. № 7-8. С. 65.
- ³⁴ *Писарева С.* Линия научной обороны. С. 68-69.
- ³⁵ *Шехтер А.* «Грелки» душевной теплоты//Казань. 1999. № 7-8. С. 60-61.
- ³⁶ *Завойская Н.* Родительский дом. С. 101.
- ³⁷ *Иванова Р.Г.* Студенческая жизнь в годы Великой Отечественной войны. Л. 23-24.

- 38 *Романов И.М.* Физмат КГУ в последний военный год (воспоминания) // Музей истории КГУ. Ф. «Романов». Л. 8, 12.
- 39 *Ключевин А.С.* Воспоминания химика - выпускника КГУ. Казань, 2002. С. 32.
- 40 *Ишмаев Ф.М.* Будничные заботы военных лет. Л. 11-12.
- 41 *Дьяконов В.М.* В годы Великой Отечественной. С. 60-61; *Носов Н.* Версты любви // Казань. 1994. № 9-10. С. 24-25.
- 42 *Муньков Н.П.* Вспоминая прошлое // Жить историей. Казань, 1999. С. 173; *Иванова Р.Г.* Студенческая жизнь в годы Великой Отечественной войны. Л. 24.
- 43 *Муньков Н.П.* Вспоминая прошлое. С. 173.
- 44 *Калинин Н.Ф.* Казань. Казань, 1955. С. 337; *Носов Н.* Версты любви. С. 24-25.
- 45 *Аксенов В.* На площади и за рекой // Казанский университет. 2002. Май. № 7; см. также воспоминания об этом: *Носов Н.* Версты любви. С. 24-25.
- 46 *Аксенов В.* На площади и за рекой.
- 47 Интервью с Л.С. Ачкасовой. Март 2003 г. Архив кафедры историографии и источниковедения КГУ.

Революция 1917 г. и последовавшая затем гражданская война раскололи российское общество и вызвали небывалую по своим масштабам эмиграцию. Феноменальность российской послереволюционной эмиграции не вызывает сомнения. Этим, видимо, можно объяснить усилившийся интерес к проблемам

российского зарубежья, особенно наглядно проявившийся в нашей стране в последние годы. В то же время приходится констатировать достаточно ограниченный круг вопросов, рассматриваемых в современных публикациях по данному вопросу. Сожаление вызывает и явная идеологизация, публицистичность значительной части материалов, посвященных размышлениям о судьбах российской диаспоры, оказавшейся за границами России. Заданность выводов и оценок, возникающая вследствие такого подхода к сложной научной проблеме, приводит к определенному искажению фактов.

Так, в большинстве историографических обзоров, предворяющих современные исследования по истории российского зарубежья, безапелляционно заявляется, что в советский период тема эмигра-

**Н.С. ЗЕЛИКИНА
РОССИЙСКОЕ
ЗАРУБЕЖЬЕ НА
СТРАНИЦАХ
СОВЕТСКИХ
ПЕРИОДИЧЕСКИХ
ИЗДАНИЙ 1920–
1960-х годов
(ПОПЫТКА
ИСТОЧНИКОВЕД-
ЧЕСКОГО
АНАЛИЗА)**

ции практически не рассматривалась или же указывается, что широкому кругу советских читателей сведения об эмигрантах стали доступны в лучшем случае со второй половины 1970-х годов. Такие утверждения абсолютно не соответствуют действительности: публикации об эмиграции появлялись на страницах советской периоди-

ческой печати, начиная с первых дней ее существования. Так, в 1920-е годы различным сторонам деятельности российского зарубежья, именуемого в те годы «белой эмиграцией», отводилось около 20% всего объема информации по политической тематике ведущих советских газет. Конечно, целью советской публицистики было не просто информирование о тех или иных сторонах жизни россиян, оказавшихся за границей. Логика победителя в гражданской войне и развернувшаяся в первые годы новой экономической политики серьезная идеологическая борьба (активно ведшаяся с обеих сторон и являвшаяся продолжением военных столкновений) не способствовала «академической беспристрастности» при анализе эмигрантской деятельности.

Один из исследователей отме-

чал: «Русскую эмиграцию ни качественно, ни количественно нельзя сравнивать ни с одной из тех, что было до нее. Она представляет собой явление, исторически не имеющее прецедента. Белая армия, составляющая основную ее часть, первой подняла меч против международного коммунизма».¹ Она шла в авангарде борьбы против Советской республики, в которой участвовали тогда все ведущие мировые державы. Публицистика не могла оставлять без внимания пропагандистские кампании, которые велись многочисленными эмигрантскими изданиями. Необходимо подчеркнуть, что опасность для Советской власти идеологической деятельности эмиграции предопределялась тем, что велась она виднейшими теоретиками дореволюционных российских партий, имевшими значительный политический вес на мировой арене. К мнению лидеров русского зарубежья прислушивались правительственные круги западных государств. В то время их периодическая печать и другие издания были одним из основных источников информации о Советской стране за рубежом. Естественно, что официальная пропаганда не могла обходить молчанием выступления столь непримиримых идейных и политических врагов Советской власти. Poleмика с ними была важна для власти и с точки зрения борьбы за умы массы населения внутри России. Значительное количество покинувших Россию людей состояло из представителей верхов интеллигенции, которые, безусловно, имели влияние на оставшихся в стране работников умственного труда.

Тема борьбы с «контрреволюцией» и, особенно, разоблачения антипатриотической роли эмиграции неизменно была одной из основных для партийно-советской публицистики. Для ее освещения было характерно привлечение широкого круга эмигрантских источников, среди которого особенно важную роль играли различные периодические издания, мемуары и другая печатная продукция враждебной Советской власти стороны. Это позволяет утверждать, что для советских публицистов того периода критика теоретических рассуждений эмигрантских лидеров, которая велась со страниц газет и журналов, носила не только пропагандистский, но и, в значительной степени, научный характер.

Изучение комплекса наиболее распространенных в Советской России 1920-х годов общественно-политических, научных, литературных журналов дает представление о значимости темы и ее направлениях. Прежде всего надо отметить стабильность появлений статей, очерков, рецензии, посвященных организационной и идеологической деятельности эмиграции. Важно указать и на устойчивое внимание к этой теме: полемика с эмигрантскими организациями продолжалась до начала 1930-х годов. При этом надо подчеркнуть серьезность подхода к этой

теме. Советскому читателю предлагаются научные статьи в таких теоретических изданиях правящей партии, как «Большевик», Вестник Коммунистической академии, «Под знаменем марксизма», объемные очерки в литературно-художественных журналах «Новый мир» и «Красная новь», обзоры эмигрантской прессы и критические рецензии на выход новых книг известных в России авторов. Следует указать, что и в теоретических статьях, и в работах более публицистичных жанров оценки политически ангажированы. В то же время существовали определенные нюансы в освещении проблемы. Так, если в начале рассматриваемого периода больше внимания уделяется террористической деятельности эмиграции, организациям, создаваемым бывшими руководителями «белых» армий, то, начиная с 1923 г., основным содержанием публикаций стали новые тактические лозунги, идеологическая деятельность (пресса, научные издания и т.п.) и т.п. К теме терроризма эмиграции, ее связям с иностранными разведками публицистика вновь обращается после 1927 г. - в период обострения международной обстановки и нарастания кризиса нэпа в СССР. К этому времени публицистика уже откровенно была нацелена на манипулирование читателем, навязывание ему определенных стереотипов. Если в середине 20-х годов полемика с эмигрантскими изданиями еще велась на страницах научных журналов («Под знаменем марксизма», «Историк-марксист» и др.), то к концу десятилетия ни о какой научной дискуссии не могла идти речь: деятелям эмиграции было отказано даже в признании их интеллектуальных способностей. Ожесточенная идеологическая борьба, ведшаяся обеими сторонами, сделала в конце концов невозможным объективное рассмотрение взглядов друг друга. Сыграла свою роль и смена кадров: новое поколение советских и партийных руководителей не имело ни возможности, ни желания серьезной теоретической полемики с «зарубежной Россией». После завершения «борьбы с правой опасностью», которая привела к установлению полного «единомыслия» в общественных науках, такое же положение установилось и в теоретических учреждениях и организациях. Самую негативную роль сыграло здесь так называемое «дело бухаринской школы»,² которое к 1932-1933 годам, пользуясь словами М. Рютина, завершило «теоретическое опустошение партии».³

Значима рассматриваемая тема была и для советской газетной периодики. Это доказывается не только количественными показателями, хотя, как правило, материал по интересующей нас тематике занимал в среднем 8% газетной площади (максимум — 40%, в периоды крупных политических кампаний, таких, например, как процесс над «правыми

эсерами» 1922 г.). Публикации, посвященные российскому зарубежью, несли большую смысловую нагрузку, так как обычно состояли из передовых статей, подробных обзоров и пр. Работники корреспондентских пунктов «Известий» в Берлине и Париже регулярно публиковали репортажи о деятельности эмигрантских организаций. Освещение рассматриваемой темы в большинстве центральных газетах в первой половине 1920-х годов было постоянным. В частности, обращает на себя внимание большое количество — от 21% в 1921 г. до 3% в 1925 г. — посвященных ей передовых статей. После 1925 г. тема «белой эмиграции» практически исчезает со страниц газет (за исключением упоминания о ней в полемике по вопросам внутрипартийной борьбы), чтобы вновь появиться в 1928/29 году для подготовки общественного мнения к «шахтинскому» процессу, «делу Союзного бюро меньшевиков» и подобных организованных в ходе борьбы за личную власть Сталина мероприятий. Эти материалы и основывающиеся на этих и т.п. данных фальсифицированные процессы могут быть отнесены лишь к феномену общественного сознания и не представляют собой никакой историографической ценности. Тем не менее необходимо отметить, что подобные работы в течение длительного времени использовались в качестве источника для некоторых трудов по истории страны этого периода (в первую очередь для учебной и популярной литературы 1940—1980-х годов).

Говорить о полной объективности изложения на страницах официальных периодических изданий первого десятилетия существования Советской власти той или иной проблемы существования российского зарубежья не приходится. В то же время положительным моментом следует считать внимание к публикациям эмигрантских авторов, анализ выступлений последних. Появление на страницах советской печати цитат из критикуемых работ знакомило советского читателя с содержанием эмигрантской литературы, что было весьма существенным моментом формирования общественного мнения: ведь именно выступлениям лидеров российского зарубежья было посвящено наибольшее количество теоретико-пропагандистских материалов, статей, очерков в журнальной публицистике. Следует указать, что и в теоретических статьях, и в работах публицистических жанров (очерках, эссе, фельетонах) выводы отличались острой политической злободневностью.

В первой половине 1920-х годов советскую публицистику отличало разнообразие жанров по интересующей нас тематике: академический анализ наиболее опасных для советской идеологии новинок эмигрантской тактики сочетался с комментированным цитированием образцов эмигрантской публицистики кадетов и агитационным высмеиванием в

газетных фельетонах монархистов и эсеров. Большое распространение получил в те годы публицистический политический портрет. Перед читателями советских газет прошел целый ряд обличений таких известных политических деятелей, как П.Н. Милюков, А.И. Гучков, А.Ф. Керенский, Б.А. Савинков, В.М. Чернов и др. Интересно отметить применение и здесь разнообразных публицистических приемов: так, углубленный анализ с позиций марксистской теории новых антисоветских рассуждений кадетов, и особенно их лидера П.Н. Милюкова, носил, в известной степени, академический характер. Этому посвящались пропагандистские статьи в общественно-политических журналах и на страницах газет. При освещении монархических выступлений особенно характерен фельетон, перепечатка наиболее ярких образцов ненависти монархистов к Советской России, зачастую даже без комментариев (для таких перепечаток характерны яркие, броские заголовки). К эсеровским выступлениям советские публицисты применяли иные приемы «разоблачения». Неустанно подчеркивалось лицемерие их попыток прикрыть «революционной фразой» антисоветскую направленность своей деятельности, высмеивалось стремление эсеровских лидеров представить себя выразителями интересов трудящегося крестьянства. Следует отметить, что различие форм, стилей выступлений советских публицистов всегда подчинялось решению задач пропаганды коммунистической идеологии.

Обращают на себя внимание стилистические особенности публикаций в различных типах газет и журналов, в зависимости от того слоя читателя, к которому обращались публицисты. Так, передовые статьи Н.Н. Кузьмина, опубликованные в «Красной газете» (которая была обращена к массовому читателю), как правило, были немногословны и по стилю напоминали листовки. Передовые статьи В.А. Быстрянского в «Петроградской правде» были рассчитаны на более высокий теоретический уровень (поскольку были обращены в первую очередь к коммунистам, которые считались тогда политически более грамотными). Ряд этих статей может быть отнесен к попыткам первого теоретического осмысления тех или иных событий, изменений в тактике контрреволюции и т.п. Особое место занимают передовые статьи Ю.М. Стеклова, который не оставлял без внимания ни одного серьезного выступления идейно-политических движений, существующих в российском зарубежье. По нашему мнению, статьи Ю. Стеклова являются одним из наиболее ярких социально-психологических исследований политических процессов тех дней. По ним также можно судить об уровне развития публицистических жанров, о восприимчивости читателя того

периода к данному виду обращенной к нему политической мысли (необходимо при этом учитывать, что «Известия ВЦИК» были одной из наиболее читаемых газет, имели самый большой тираж среди газет Советской России). По воспоминаниям академика С.Г. Струмилина, статьи Ю. Стеклова «метко били в цель».⁴ Передовицы, отличавшиеся глубокой эрудицией, менялись в зависимости от круга читателей и своей направленности. Так, при обращении к рабочим Ю. Стеклов избегает сложных по конструкции предложений, иностранных слов, латинских выражений (хотя, вообще, весьма тяготел к ним, особенно в печатных выступлениях, посвященных вопросам международной политики, критике лидеров «белоэмиграции»). В статьях, посвященных сменевховству, обращенных преимущественно к интеллигенции, больше теоретических обобщений, часты обращения к истории культуры, мифологическим образам и пр.

Самым многочисленным и, пожалуй, наиболее доходчивым для широчайших слоев читателей жанром были различные обзоры эмигрантской литературы и периодики, к которым примыкал фельетон. Это объясняется причастностью данного жанра к литературно-художественной публицистике, которая прежде всего обращена к эмоциям человека. Малый объем публикации, иногда 2-3 строчки, яркие, «бьющие врага наотмашь» и потому запоминающиеся заголовки, нередкое сопровождение текста яркой иллюстрацией или политическими карикатурами выдающихся мастеров этого своеобразного жанра публицистического искусства — Дени, Моора, Б. Ефимова и других, все это облегчало решение ближайших задач политической агитации даже среди малограмотных читателей. Фельетон, пародия, памфлет именно тогда утвердились как оперативные средства борьбы Советской власти против своих идеологических противников. Авторами обзоров и фельетонов выступали А. Воронский, Н. Мещеряков, А. Усагин, М. Кольцов, И. Оршер (О.Л. Дор) и др.

Основной темой фельетонов было идейно-политическое и нравственное состояние эмиграции. Советские публицисты стремились убедить российского читателя в ее «разложении», «мертвечине». В этом жанре прежде всего выделялось в тот период творчество М. Кольцова. Фельетоны М. Кольцова по истории белой эмиграции ценны тем, что они отражают сознание эпохи. Не случайно современники подчеркивали, что М. Кольцов — «один из наиболее читаемых журналистов в Союзе. Аудитория Кольцова - самая многочисленная».⁵ Уже в первых выступлениях публициста периода гражданской войны приводятся яркие сатирические оценки органов эмигрантской прессы. Основное

оружие М.Кольцова - умение подметить смешное и уродливое у идейных врагов. Вообще для публициста было характерно предоставлять слово самим эмигрантам. Но этот прием искусно сочетался в фельетонах с достаточно серьезным анализом положения «белой» прессы, который служил доказательством ее «затухания». В фельетонах М. Кольцова содержались яркие, агитационно-заостренные характеристики политических лидеров российского зарубежья. Михаил Кольцов характеризовал белоэмигрантские газеты как «добровольную литературную контрразведку, водворившуюся за границей со злым шипом и яростью».⁶ Выступал он и автором литературных рецензий, характеризуя книги эмигрантов как «талантливый, объективный и исчерпывающий портрет эмиграции».⁷

Одним из немногочисленных примеров привлечения дореволюционных (а значит, используя терминологию того времени, «идейно чуждых») журналистов к разработке проблем борьбы с политическими и идейными противниками может служить деятельность И.Д. Оршера, публиковавшего свои произведения под псевдонимом О.Л. Д'Ор. Сотрудничая до революции в либеральных изданиях («Речь», «Русское слово», «День» и др.), после революции он активно трудился в советской печати: в 1919 г. был корреспондентом Петроградского бюро ЮСТа, а в начале 1920-х годов его фельетоны появлялись в «Петроградской правде». В 1922 г. на страницах этой газеты был опубликован его «Политический альбом», содержащий шаржевые портреты видных идеологов и руководителей эмигрантской России.⁸ С 1923 г. он сотрудничает в «Правде», где совместно с М. Кольцовым ведет рубрику «Из белой прессы» и публикует фельетоны.⁹ Сравнивая творчество двух мастеров фельетона, можно отметить их своеобразное «разделение труда»: так, для И. Оршера более характерны материалы, посвященные крупным изданиям эмигрантской печати, литературным выступлениям российского зарубежья, в то время как М. Кольцов освещал публикации эмигрантских газетчиков «на злобу дня». К «политическим портретам» М. Кольцов начал обращаться позже И. Оршера, хотя приоритет в советской журналистике в этом жанре принадлежит ему - еще в 1920 г. на страницах «Красной газеты» им был опубликован политический памфлет «Дан».

Нетипичным для советской публицистики можно считать привлечение читателя с обсуждению проблем идеологической борьбы. Скорее, материалы, публикуемые по данной тематике, воспринимались как директивные. Тем более интересно отметить появление на страницах газеты «Известия» рубрики «Загадки и отгадки», целиком посвященной «эмигрантской» периодике. Вопросы, состоявшие из цитат различ-

ных эмигрантских изданий, публиковались летом 1923 г. на второй и третьей страницах газеты. Читателям предлагалось отгадать название газет, которые послужили источниками для рубрики. Ответы-«отгадки» увидели свет тогда же.¹⁰ Публикация подобных материалов, безусловно, была рассчитана на рабочих и крестьян, т.е. массового читателя. Поэтому стиль и вопросов, и ответов примерно одинаков: используется стиль «агиток» периода гражданской войны, язык улицы, доходящий до прямой грубости. Так, цитаты из зарубежной прессы оценивались не иначе как «мерзость» и «гнузность». Часто используется прием переименования изданий — «Социалистический Вестник» именуется «Социалистическим сплетником», газета «Дни» неизменно называется «Дном», а издание В. Бурцева «Новое время» — «Подлым временем» и т.п. Своеобразным итогом рубрики можно считать «письмо крестьянина Щербакова», который заявлял: «В эмиграции нет защитников трудящихся, одни изменники и предатели!!!»¹¹ Попытки автора отыскать в архиве редакции газеты¹² цитированные на ее страницах это и другие письма данной рубрики пока не увенчались успехом, поэтому достаточно трудно судить об их достоверности. Более того, косвенные свидетельства современников позволяют усомниться в последней. Так, в 1924 г. была опубликована брошюра одного из работников аппарата ЦК коммунистической партии Я. Шафира, посвященная проблемам распространения прессы в деревне и ее восприятия крестьянами.¹³ На примере Воронежской губернии автор, во-первых, подчеркнул практическую недоступность для большинства крестьян центральных газет, и, во-вторых, отметил незнание жителями деревень политической лексики (или же ее полное непонимание).¹⁴ Поэтому вполне допустимо предположение, что все материалы рубрики являлись творчеством советских газетчиков (которые не могли не учитывать сложившиеся стереотипы массового сознания и в то же время способствовали созданию новых идеологем). Однако и в этом случае рубрика представляет определенный интерес с точки зрения изучения советского политического дискурса 1920-х годов, поскольку показывает стремление официальной прессы продемонстрировать как свою эффективность, так и активность читателя-трудящегося. Кроме того, подобная манера рассмотрения того или иного вопроса решала и проблемы своеобразного политического воспитания советских читателей, прежде всего, конечно, представителей маргинальных групп (например, молодых рабочих, среди которых немалое количество составляли крестьяне, покинувшие деревню в поисках улучшения жизни или привлекаемые в город развивающимися процессами модернизации).

Интеллигентному читателю был адресован другой жанр публицистики - рецензия. Подобные публикации должны были способствовать «вживанию» так называемых старых специалистов в послереволюционную идейно-политическую обстановку. Документы первого послереволюционного десятилетия наполнены упоминаниями о «спешестве». Косвенным доказательством широкого распространения недоверия к «бывшим» могут служить многочисленные постановления, циркуляры и другие руководящие документы Советского правительства, предостерегающие от враждебного отношения к «буржуазной» интеллигенции. Находясь в столь непростом окружении, интеллигенты, оставшиеся в России, в то же время не могли не видеть, что новая власть, идя методом проб и ошибок, решает вековые проблемы модернизации страны и общества. Поэтому большинство из них, не становясь «советской» по своему мировоззрению, сотрудничали с властью и способствовали тем самым развитию России. Однако мировоззренческие вопросы для этого слоя оставались не менее болезненными, чем для эмигрантов. Свидетельством может служить, например, так называемые «сменовеховские» издания, например выходивший в СССР в 1922—1926 гг. журнал «Россия»/«Новая Россия». «Сменовеховские» идеи, получившие распространение как среди эмигрантов, так и внутри страны, базировались на признании неизбежности революции 1917 г., успехов Советской власти в решении ряда экономических задач, отмечали прочность нового строя и потому содержали призыв к интеллигенции пересмотреть отношение к Советской власти и к идеологии большевизма, и пойти на службу к новой власти. Говоря о неизбежном перерождении Советской власти и превращении ее в «нормальное политическое явление», «сменовеховцы» подчеркивали при этом особую роль в этом интеллигенции: «Интеллигенция отчеканит и оформит новую этику и новую идеологию революции».¹⁵ Это движение, насколько позволяют судить источники, пользовалось достаточно большой поддержкой среди интеллигенции, оставшейся в стране, и подвергалось достаточно серьезной критике среди эмигрантов. Публикуемые в советских периодических изданиях обзоры «эмигрантской» литературы и рецензии на наиболее интересные произведения российских зарубежных авторов представляют определенный интерес не только для истории идеологической борьбы, публицистики 20-х годов, но и для изучения того, как образованные читатели советской периодики узнавали о своих коллегах, оказавшихся за границей. Среди авторов этого публицистического жанра необходимо выделить А.К. Воронского, Н.Л. Мещерякова, В.П. Полонского. Для их творчества был характерен пристальный интеле-

рес к эмигрантским периодическим изданиям, в которых они видели не только источник сведения о новых настроениях в лагере контрреволюции, но и свидетельство утверждения социалистических идей в сознании трудящихся нашей страны, что, конечно, было преждевременным.

Обзоры и рецензии белоэмигрантской литературы занимали большое место в творчестве партийного публициста, литературного критика и прозаика А.К. Воронского. Работы одного из видных руководителей советских идеологических учреждений были острополюемичны и отличались умелым использованием литературных материалов для усиления эффективности политической агитации и пропаганды.

Автором большинства серьезных рецензий на книги лидеров «белого» движения, мемуары эмигрантов, опубликованных на страницах критико-библиографического журнала «Печать и революция», был его главный редактор В.П. Полонский. Исходя из задач, стоящих перед журналом - познакомить читателя с наиболее крупными работами, выходящими в стране, а также вести полемику с эмигрантскими изданиями, рецензии В.П. Полонского не только имели определенную идейную направленность, но и явились первыми научными рецензиями на книги эмигрантов из Советской России. Для В.П. Полонского был характерен и постоянный интерес к эмигрантской периодике. Находясь в 1925 г. в научной командировке за границей, он вел постоянные дневники. Эти документы служат прекрасным подтверждением значимости, которую придавал публицист идейной борьбе с эмигрантской прессой. Дневники содержат не только записи об эмигрантских газетах, вырезки из этих изданий, но и развернутые к ним комментарии, которые позволяют проникнуть в творческую лабораторию публициста.¹⁶

Как уже отмечалось, упоминания о «белой эмиграции» исчезают со страниц советской периодической печати к середине 1930-х годов. Казалось, что судьбы десятков тысяч россиян, оказавшихся вне родины, перестали волновать не только властные структуры, посчитавшие задачу развенчания в глазах советских трудящихся «предательства» всех, кто не согласился с идейными установками коммунизма, выполненной, но и все советское общество (т.е. тех самых советских трудящихся, которые еще совсем недавно с большим интересом знакомились не только с материалами о российском зарубежье, да и с изданиями эмигрантов, нелегально распространявшимися в СССР до рубежа 1920—1930-х годов). В СССР выросли новые поколения, официальные издания были наполнены заявлениями о создании в нашей стране «идейно-монолитного общества».

Однако в середине 1950-х годов интерес к российскому зарубежью

вспыхивает снова. Этому способствовало возвращение в СССР многих эмигрантов, которые после 1945 г. получили возможность вновь увидеть родную землю. Большинство из тех, кто вернулся во второй половине 1940-х годов на родину, находились в ГУЛАГе до середины 1950-х годов, а затем оставались - в основном на севере СССР — уже на положении свободных советских граждан (многие из них были реабилитированы лишь во второй половине 1980-х годов). Их появление в стране не могло не возродить интереса к российскому зарубежью, тем более что годы II мировой войны породили феномен «второй волны» российской эмиграции XX века. На возвращение к теме российской после-революционной эмиграции, безусловно, оказали влияние известные изменения в политической жизни СССР второй половины 1950-х - середины 1960-х годов. Начавшаяся «оттепель» проявлялась, в том числе, на страницах советской периодической печати. Свидетельство определенных идейно-политических изменений в советском обществе (в том числе, и изменения отношения к эмигрантам) можно считать публикацию мемуаров ряда эмигрантов.¹⁷ При этом следует отметить, что тема российского зарубежья прежде всего появляется на страницах советских периодических изданий (что особенно важно в связи с их достаточно широким распространением в стране). Так, воспоминания одного из видных зарубежных российских публицистов Льва Любимова «На чужбине» увидели свет сначала в журнале «Новый мир».¹⁸ Значительный интерес для оценки влияния этого события на советских читателей представляют их письма, отложившиеся в личном архиве Л.Д. Любимова, который хранится в фондах РГАЛИ. Прежде всего обращает на себя внимание многочисленность откликов: в фонде Л.Д. Любимова сохранилось свыше 200 листов писем читателей - бывших эмигрантов, мемуаристов, простых советских людей, многие из которых впервые узнали об эмиграции или же вспомнили о первых публикациях советской печати 1920-х годов. Различно как содержание, так и настроение этих писем.

Письма достаточно широко отражают реакцию широкой массы на публикацию мемуаров: советский читатель достаточно активно воспринимает получаемую информацию, самостоятельно анализирует ее, предлагает дальнейшие направления творчества автора. Во многих письмах содержатся просьбы помочь в поисках родственников или друзей, связь с которыми прервалась в 1920-е годы. Часты обращения литераторов, журналистов, официальных издательств с просьбой разъяснить то или иное противоречие, установить судьбу видных представителей эмиграции. Во многих письмах содержатся размышления о влиянии

революции 1917 г. на судьбы русской культуры. Прежде всего следует отметить, что в большинстве откликов отмечается огромный интерес читателей к истории российских послереволюционных эмигрантов. В одном из писем учительница из Новосибирска пишет, что номера журнала, в котором опубликованы воспоминания Л. Любимова, «добыть — дело сложное. Читатели буквально не могут дождаться своей очереди».¹ Характерно, что для советского читателя середины 1950-х годов социальный состав российского зарубежья идентифицируется лишь со «старой» интеллигенцией, деятелями искусства, представителями творческих профессий. В письмах практически не упоминаются участники «белого» движения, что может быть объяснено двумя причинами: во-первых, содержанием мемуаров, в которых большее внимание уделено именно писателям, журналистам и другим представителям творческих кругов, во-вторых, восприятием белогвардейцев ярыми врагами и пособниками фашизма, которые не заслуживают никакого внимания.

Стиль многих откликов — «казенно-советский», что свидетельствует о достаточной эффективности советской пропаганды, по крайней мере в отношении малограмотной части населения страны (или же получившей образование уже в годы Советской власти - после утверждения марксистско-ленинской идеологии и соответствующей фразеологии). Одним из наиболее характерных откликов в этом отношении является письмо А.Р. Богуславского, которое содержит изложение официальной историографии возникновения «белой эмиграции», «вложенной» в умы советских обывателей. Так, он пишет: «Октябрьская революция и гражданская война лишила Россию интеллигенции. Привязанная тысячами нитей к правящим классам, старая интеллигенция бежала от большевиков за границу». Отмечая «могучую силу старой интеллигенции», автор письма восклицает: «Какие прекрасные вещи создали на чужбине российские музыканты, писатели!» и бесхитростно отмечает: «Характер советского человека незлобив. Он испытывает гордость за все эти дела». Эти строки показывают, что для рядового советского читателя явно противопоставление россиян советских и тех, кто оказался на чужбине. Вывод письма подтверждает это: «Но что самое главное? — задает риторический вопрос А.Р. Богуславский и верноподданнически отмечает — ... мы неизбежно при этом оцениваем деятельность КПСС и нашего правительства, во всей неисчерпаемой мудрости, направленной на воспитание и выращивание нашей Советской интеллигенции».²⁰ Патриотические мотивы звучат в отклике М. Гореставой. Начав свое письмо с биографических подробностей (с 18 лет воевала в партизанском отряде, после войны работала художником на

текстильном комбинате в Сталинграде), она затем переходит на эмоционально-патетический тон: «Как хорошо быть русским! Душа русского эмигранта принимает эту похвалу и вместе с тем сознает, что он не разделял до сих пор идеологию тех своих соотечественников, которые привели Родину к такой славе! Это же коллизия...»²¹

Однако среди многочисленных откликов, демонстрирующих верность советскому официозу, встречаются и письма, поражающие своей интеллигентностью, сопереживанием жизненным коллизиям россиян, оказавшихся в эмиграции. Наиболее ярким примером может служить письмо бывшего военного М.Д. Абуева. Прежде всего следует отметить, что автор письма оказывался знаком с творчеством не только А. Куприна и А. Толстого, чьи произведения были доступны широкой читательской аудитории, но и с работами Н. Тэффи и А. Аверченко (и это несмотря на запреты громких литературных имен начала XX в., существовавшие в СССР 1930-х годов). При этом он сам объясняет это тем, что о судьбе «русских людей, волею судеб оказавшихся вдали от Родины... в первые годы после революции у нас печатались произведения». ²² Впрочем, продолжает читатель, «впоследствии о людях, покинувших Родину, мы знали все меньше и меньше. Возможно, это объясняется тем, что какая-то часть эмигрантов не только не только враждебно относилась к новой России, но в той или иной степени делала что-то против нас. Несомненно, таких было меньше». Причем М.Д. Абуев обосновывает свое мнение личным опытом: «Для меня первым доказательством того, что эмигранты остались патриотами, явился приход в Харбин наших войск». Интересен и вывод автора, который отмечает, что воспоминания Л.Д. Любимова важны прежде всего «нашей молодежи. Пока мы живы, мы можем объяснить им многое из прошлого, что поможет им ... в правильной оценке душевных качеств нашего русского человека». ²³

Цитируемый документ интересен тем, что позволяет отметить неоднозначность результатов длительной пропагандистской деятельности официальной советской публицистики. Несмотря на активное навязывание стереотипа врага и попытки превратить все российское зарубежье в единую антисоветскую и, следовательно, антироссийскую массу, думающие люди в СССР не переставали интересоваться судьбой соотечественников, воспринимая эмиграцию как часть единой российской культуры, а ее представителей может быть и ошибавшимися, не понявшими «величие» революции, советских преобразований, но искренними, а главное, любящими Россию людьми. Интересно, что ряд писем бывших эмигрантов подтверждают это мнение. В архиве

/Любимова отложилось письмо И.К. Ковальчук-Ковальского. Уже ратный адрес этого письма позволяет предположить, к какому социальному слою относится автор — отзыв пришел из Инты (северного *^>рода, возникшего в Печорском угольном бассейне и известного одним из наиболее страшных «островов» ГУЛАГа — каторжным *Миллагом*). К середине 1950-х годов его жители состояли из двух категорий — заключенных (бывших или настоящих) или работников МВД. Среди масс, пополнявших контингент высланных туда после Великой Отечественной войны, были и русские, оказавшиеся за границей не только в результате эмиграции, но и волею судеб, например служащие КВЖД. Автор письма называет себя «харбинцем» и, сравнивая две книги — мемуары Н. Ильиной и Л. Любимова, отмечает, что работа последнего «любопытна своей объективностью». Судя по отклику, книга заставила читателя вспомнить о пережитом. Для нашего анализа весьма интересно замечание в конце письма: «Годы с 1945 по 55 были для меня очень трудны. Но не жалею об этом. В жизни бывают встречи, стоящие страданий многих лет человека».²⁴

Рассмотренные нами документы являются одним из немногочисленных свидетельств заинтересованного отношения советских граждан к жизни российских эмигрантов. Они достаточно наглядно демонстрируют активное восприятие советским читателем информации о российском зарубежье. Конечно, не следует забывать, что советские публикации о российском зарубежье носили ярко выраженный идеологический характер. В то же время надо заметить, что интерес к этой проблеме особенно ярко проявлялся в годы реформирования советской политической системы (НЭП, «оттепель», «перестройка»). Предлагаемые эмигрантами анализ официальной политики и варианты развития страны вызывали интерес не только властных структур, но и всех политически и идейно активных советских людей, что, несомненно, подтверждает единство российской культуры, творцы которой оказались разобщены территориально, но не духовно. Это позволяет отнести рассмотренные выше публикации к источникам для изучения не только советского политического дискурса, но и российской историографии.

Примечания

¹ Ал. Гэрен. Коммандос «холодной войны». М., 1972. С. 8

² Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 32-48.

³ Там же. № 12. С. 180.

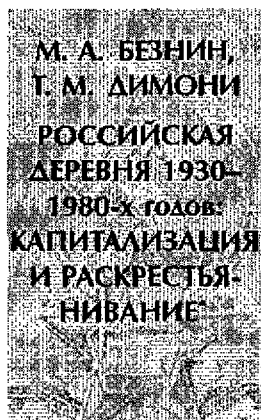
⁴ Струмилин С.Г. Революционер, ученый, редактор// Известия. 1963.26 авг.

⁵ Литературная газета. 1930. 11 авг.

- ^.
- " Красная газета. 1921. 12 окт.
- 7 Кольцов М. Ответ кое-кому// Журналист. 1922. № 2. С. 15.
- " Петроградская правда. 1922. № 73, 81, 86, 94 и след.
- " Правда. 1923. 7 сент., 14 сент. и др.
- III Известия. 1923, 8 июля, 13 июля, 15 июля, 19 июля и след.
- " Там же, 1923, 19 июля.
- 12 ГАРФ. Ф. Р-1244. Оп. 1, 2.
- 13 Шафир Я. Газета и деревня М.; Л., 1924.
- 14 Там же. С. 5, 71-73.
- " Новая Россия. 1922. № 1. С. 38.
- 16 РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Д. 98, 99.
- 17 Александровский Б.Н. Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта М., 1969; Ильина Н.; Любимов А. На чужбине М., 1963; Мейснер А.И. 1) Исповедь эмигранта. М., 1963; 2) Миражи и действительность. Записки эмигранта. М., 1966; Шульгин В.В. Письма к русским эмигрантам М., 1961 и др.
- Новый мир. 1957. № 2-4.
- " РГАЛИ. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 24. Л. 11.
- 20 Там же. Л. 10.
- 71 Там же. Л. 32 об.
- 11 Там же. Л. 4.
- 23 Там же. Л. 4 об.
- 24 Там же. Л. 54.

Советская историография сделала большой шаг вперед в изучении аграрной истории страны. Были собраны и обобщены богатейшие статистические данные о состоянии сельского хозяйства: уровне производства, механизации, истории коллективизации, аграрных технологиях и другие.

Исследования В.П. Данилова, И.Е. Зеленина, Н.А. Ивницкого, Ю.А. Мошкова, И.М. Волкова, М.А. Вылцана, А.П. Тюриной и других историков вошли в золотой фонд советской отечественной науки.¹ Тем не менее, вполне понятная в 1950—1980-е годы идеологическая ортодоксальность исследований не позволяла выйти в характеристике аграрного строя за рамки определения сельского хозяйства как «социалистического». В конце 1980-1990-х годов в СССР и России произошли перемены, которые становятся необъяснимыми в концептуальных рамках «совершенствования социализма». Оказалось, что уже к началу 1990-х годов в стране существовала вполне сложившаяся земельная аристократия, готовая осуществить свои приватизаторские потенции, земля во многом втя-

нута в товарный оборот, а «крестьяне» (как продолжали называть деревенских жителей) вовсе не желают крестьянствовать. Все это потребовало новых исследований о характере аграрного строя России 1930-1980-х гг.

Предпосылки переоценки базовых характеристик аграрного устройства России

1930—1980-х годов складывались постепенно. Еще в конце 1950-х - 1960-х годов в западной советологии обсуждалась концепция «аграрной колонизации» в СССР, в ходе которой в 1930-1940-е годы осуществлялась беспрецедентная эксплуатация крестьянства, в то время как советское сельское хозяйство оставалось отсталым, архаичным, полуфеодальным. В то же время эти исследователи обращали внимание на значительные перемены в экономическом строе советского сельского хозяйства, произошедшие после 1953 г.² Советская историография, и особенно экономическая наука конца 1950-1960-х годов, отмечали разность процессов и экономических механизмов, действовавших в аграрной подсистеме до 1950-х годов и в так называемый «послесталин-

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 04-01-00411а

ский» период. Фактически о господстве базовых элементов аграрного общества к концу 1920-х годов писал В.П. Данилов.³ В книге В.Б. Островского были приведены сведения об изменениях в материально-технической базе колхозов, росте профессиональной специализации в деревне, комментировались изменения в быту и духовном облике колхозного крестьянства.⁴ В работах экономистов обращалось внимание на медленный процесс накопления в колхозах, натуральность отношений на селе 1930-х начала 1950-х годов, сохранение в этот период большой роли ЛПХ в аграрной экономике.⁵ Традиционность отношений крестьянства с властью в первой половине XX в. подчеркивали М. Левин, III. Фитцпатрик и другие историки.⁶ Крупные социальные перемены в деревне 1960—1970-х годов зафиксировала художественная литература, деревенская проза (В. Белов, Ф. Абрамов, В. Распутин, А. Яшин и др.).

В 1990-е годы российские и зарубежные историки исследовали многие процессы, происходящие в российской деревне до 1960-х годов (В.П. Попов, О.М. Вербицкая, В.Ф. Зима, М.А. Безнин и др.).⁷ Они также пришли к выводам об архаичности многих явлений в деревне 1930-х - начала 1950-х годов: существовании крестьянских повинностей, традиционности форм крестьянского протеста 1930-1950-х годов, структуры бюджетов крестьянских хозяйств и т.д. Близость России 1930—1950-х годов к аграрному обществу подтверждается и сохранением «полуфеодальной» терминологии в практике сельскохозяйственной и партийно-Государственной деятельности, где шла речь о «недоимках», «повинностях», «отработках», «земельных отрезках», «разбазариваниях», «кумовстве» и т.д.

Полученные эмпирические данные и определенная концентрация выводов привели к возможности разработки новой концепции аграрного развития России колхозного времени. Прежде всего потребовалось определиться с методиками анализа. Они состояли в том, что исторические процессы изучались на больших хронологических отрезках. Важной задачей являлось использование в исследовании классических историографических подходов, в том числе и советской историографии, применяемых для описания дореволюционных периодов истории. Ключевое значение для историографического продвижения имеет реанимация понятия «капитализация», введенного в научный оборот историками и экономистами конца XIX — первой трети XX в. и рассмотрение процессов под этим углом зрения.⁸ Капитализация — сложный процесс качественных изменений. Он характеризуется радикальным переустройством производства, при котором «прошлый труд» (капитал) становится решающим фактором экономики; в себестоимос-

ти аграрного продукта основное место занимает промышленная составляющая; товаризация охватывает средства производства, рабочие руки и продукт труда. В результате капитализации разрушается замкнутость аграрной подсистемы.

Важно реанимировать еще один подход, применявшийся в советской историографии для изучения дореволюционного периода: вернуться к теории укладов. В советской историографии колхозы, совхозы, крестьянские дворы рассматривались как секторы однородного социалистического сельского хозяйства. В предлагаемом подходе колхозы, совхозы, приусадебные участки — не сектора однородного порядка, а разные по происхождению и перспективам эволюции уклады. В 1930—1980-е годы сохранявшийся в рамках «колхозного» крестьянский уклад претерпевал постепенную эволюцию, но, в то же время, внедрение «совхозного» уклада означало форсированное формирование «индустриального» образа хозяйствования, а затем и жизненного стиля. Вышеуказанные подходы к пониманию изменений, происходивших в российской деревне 1930-1980-х годов, конечно, лишь некоторые из возможных ракурсов изучения проблемы, но они позволяют сделать очень важные выводы.

В сельской подсистеме в конце 1920-х годов важнейшие конструкции аграрного общества сохранялись в достаточно устойчивом виде. По данным переписи населения 1926 г., 83% населения России проживали в деревне и почти целиком были заняты сельским хозяйством как постоянным и главным источником средств существования. К началу коллективизации в России существовало 17 млн крестьянских дворов, в которых проживали 88,6 млн душ. Полномасштабные исследования советской доколхозной деревни, выполненные В.П. Даниловым, показали, что мелкое крестьянское хозяйство того времени почти полностью базировалось на применении ручного труда членов семьи, живой тягловой силы и примитивной техники — сохи и плуга. Традиционная структура производительных сил и возможность их воспроизводства внутри крестьянского двора поддерживала натурально-потребительский характер крестьянского хозяйства, его автаркизм.'

Один из исходных моментов характеристики процесса капитализации — изменение количества капитала, сосредоточенного в сельском хозяйстве, особенно того, что работает непосредственно в производстве. Подсчеты стоимостных объемов так называемых основных производственных фондов в сельском хозяйстве показывают, что количество аграрного капитала с конца 1920-х годов до начала 1950-х годов увеличивалось очень медленно (в сопоставимых ценах в 1928 г. в СССР

- 18 млрд руб., в 1940 г. и 1950 г. — 21 млрд руб.). Нарастание массы капитала в сельском хозяйстве начинается в 1950-е годы. В 1960 г. основные производственные фонды сельского хозяйства удвоились в стоимостных показателях по сравнению с 1940 и 1950 гг. (до 45 млрд руб. в сопоставимых ценах), в 1970 г. возросли по сравнению с 1940 и 1950 г. более чем в 4 раза (до 90 млрд руб. в сопоставимых ценах).¹⁰ На эти процессы обращали внимание многие советские экономисты, не заостряя, впрочем, внимания на качественных изменениях, новых отношениях в аграрной подсистеме общества, вызванных процессами накопления капитала.

Важнейший вопрос, характеризующий капитализацию аграрной экономики России в колхозное время, — динамика капиталовложений государства и колхозов в сельское хозяйство, ибо, по сути дела, речь идет об источниках капитализации сельского хозяйства. За период с 1938 по 1960 г. доля государства в формировании аграрного капитала была значительно меньшей, чем колхозов: в 1938-м — начале 1941 г. - 38%, в период Великой Отечественной войны - 15, в 1946-1950 - 41, в 1951-1955 — 50, в 1956-1960 - 46%. Лишь в начале создания колхозного строя, когда необходимо было обеспечить перелом в соотношении укладов, и после завершения промышленной индустриализации, что, на наш взгляд, относится к 1950-м годам, доля государственных капиталовложений в сельское хозяйство превышала колхозные (в 1929-1932 гг. она составляла -79%, в 1933-1937 гг. - 60, в 1961-1970 гг. - 57, в 1970-1975 гг. - 67% всех капиталовложений).¹¹ Полномасштабное исследование места неаграрного капитала в сельской экономике колхозного периода еще предстоит сделать, однако тенденция возрастания его роли налицо. Данные балансовой части сводных годовых отчетов колхозов РСФСР позволяют рассчитать, что доля «заемных» капиталов (непогашенных банковских кредитов, задолженности колхозов разным лицам и учреждениям) в наличных средствах колхозов была равна в 1935 г. - 18%, в 1945 г. - 14, в 1950 г. — 23% от всех средств, в 1955 г. составляла 31%, в 1960 г. — 24% средств колхоза. В начале 1980-х годов она равнялась 40% всех средств, находящихся в распоряжении колхозов РСФСР.¹²

Выяснить, как происходили процессы капитализации в российской деревне 1930—1980-х годов, помогает подход, признающий существование разных укладов в аграрной подсистеме России. Речь идет о том, что капитализация по-разному происходила в государственно-капиталистическом (совхозы, МТС), колхозном и крестьянском укладах.

Капитал локализовался прежде всего в структурах, имеющих товар-

ную направленность производства. Наиболее массированно процесс капитализации развивался в совхозном укладе, являвшемся форпостом этого процесса, его своеобразной экспериментальной базой. Этот уклад сформировался за счет крупных государственных вложений капитала и сосредоточивал в 1935 г. 23% основных производственных фондов сельского хозяйства в стоимостных показателях, в 1960 г. — 32%. При этом государственные хозяйства давали перед войной 10%, а в 1960 г. — 21% валовой продукции сельского хозяйства РСФСР.¹³ Государственно-капитализированный уклад становится господствующим в сельском хозяйстве в конце 1960-х — начале 1970-х годов. В 1975 г. он сосредоточивает около половины стоимости основных производственных фондов сельского хозяйства, производя более 40% сельхозпродукции.¹⁴

Колхозный уклад был сформирован в начале 1930-х годов на базе сложения потенциала крестьянских хозяйств. До 1960-х годов процесс накопления капитала в нем происходил крайне медленно. В первой половине 1930-х годов произошло даже сокращение капиталов, накопленных крестьянским укладом к 1928 г. (в СССР в 1935 г. примерно на 25%, если суммировать то, что находилось в этот период в основных фондах колхозов, единоличных хозяйств и приусадебных хозяйств колхозников).¹⁵ Доля основных фондов колхозов во всех основных фондах сельского хозяйства СССР в 1940 г. составляла 33%.¹⁶ В этом укладе производилось в РСФСР в 1941 г. 70%¹⁷ в 1950 г. - 64% валовой продукции сельского хозяйства.¹⁷ Исходно низкое обеспечение колхозов основным экономическим ресурсом, отсутствие внутренних возможностей накопления и внешнего притока капитала в 1930-е — начале 1950-х годов консервировали характер аграрного строя страны в рамках традиционного общества. Только с 1966 г. начался переход колхозов на прямое банковское кредитование, а в 1970-е годы многие затраты в колхозах, прежде всего, на «улучшение земель» осуществлялись за счет прямых государственных вложений капитала.

Массированное нарастание колхозных капиталов начинается в 1960-е года. В 1970-1980-е годы доля колхозов в стоимости основного сельскохозяйственного капитала страны была на уровне примерно 40%. Доля продукции колхозов в валовой продукции сельского хозяйства РСФСР составляла: в 1960 г. - 40%, в 1970 г. - 35, 1980 г. - около 30%.¹⁸ Масштабы работы нарастающего капитала четко прослеживаются через изменение численности колхозников, занятых в общественном хозяйстве. Если с 1940 по 1950 г. сокращение занятых в производстве колхозников РСФСР было незначительным (с 17 млн человек до 14 млн человек при примерно равных объемах производства), то далее процесс идет нарастанием.

тающими темпами: в 1960 г. в колхозах было занято 9 млн, 1980 г. — 5 млн, 1987 г. — 4 млн человек при увеличивающихся объемах производства.¹⁹

Выделяются два крупных периода эволюции колхозной системы. Первый охватывает 1930-е — начало 1950-х годов. Это время массового колхозного строительства, формирования несущих конструкций колхозного устройства (складываются погектарные нормы обложения, происходит увязывание наделения приусадебным участком с работой в колхозе), существования колхозной системы в классическом виде, когда создавались условия для торжества капитала в аграрной сфере. Второй этап — с середины 1950-х до конца 1980-х гг. — свертывания классической колхозной системы. Он характеризуется отменой обязательных поставок сельхозпродукции государству, ударами по личному приусадебному хозяйству, преобразованием колхозов в совхозы, крупномасштабным перемещением рабочих рук в промышленность, введением гарантированной оплаты труда и распространением на колхозников пенсионной системы, резким возрастанием притока в деревню промышленного капитала. В 1950—1960-е года колхозная система заметно трансформировалась в индустриально функционирующее экономическое пространство, а затем окончательно переродилась в государственный аграрно-капитализированный механизм.

Роль колхозной системы в процессе капитализации вполне вписывается в механизмы, давно уже зафиксированные историографией в становлении капитализированного хозяйства. Колхозы первого двадцатилетия, разрушив натурально-хозяйственный уклад, в специфической форме товарищизировали производство. А на втором этапе существования этой системы массированный приток капитала обеспечил завершение разрушения устоев аграрного общества.

«Крестьянский» уклад был представлен прежде всего приусадебными хозяйствами колхозников, а также единоличными дворами. До 1933 г. в этом укладе было сосредоточено абсолютное большинство капиталов сельского хозяйства (в СССР в 1928 г. — 98%, в 1931 г. — 79%). С 1933 г. капиталы крестьянского уклада стремительно сокращаются — в 1933 г. в нем осталось 44% всех основных средств производства сельского хозяйства СССР, в 1937 г. — 22%.²⁰ Экономисты, изучавшие развитие крестьянского уклада (согласно прежней терминологии — личного подсобного хозяйства), отметили, что после окончательного сложения колхозного строя он (с небольшими колебаниями) оставался примерно на одном уровне объема в стоимостных показателях до конца 1960-х годов: в 1940 г. в СССР он сосредотачивал 9 млрд руб. основного капита-

ла, в 1950 г. - 8 млрд руб., в 1960 г. - 10 млрд руб.²¹ Этот уклад играл довольно значительную роль в производстве валовой аграрной продукции. Колхозные дворы РСФСР давали в начале 1940-х годов 16% сельхозпродукции РСФСР, в 1950 г. - 18%, в 1960 г. - 23% валовой сельскохозяйственной продукции.²²

Крестьянский уклад достаточно долго сохранял устойчивую и значимую роль в аграрной подсистеме страны. Являясь амортизатором процесса первоначального накопления, он последовательно сохранялся и поддерживался на уровне государственной политики 1930-х-начала 1950-х годов. В то же время традиционное отсутствие внутренней мотивации накопления в рамках этого уклада, его существование в условиях жесточайшей государственной эксплуатации подрывало устой этого типа хозяйствования.

Важнейшим критерием для определения уровня капитализации сельского хозяйства является, на наш взгляд, структура себестоимости аграрного продукта, т.е. соотношение в ней «живого» и «овеществленного» труда (капитала).

Историки практически не обращались к изучению вопросов соотношения «живого» труда и капитала в структуре себестоимости сельхозпродукции. Исключение составляют работы В.П. Данилова. Анализируя производство в советской доколхозной деревне, он обратил внимание на то, что структура издержек производства дает суммарную характеристику производительных сил с точки зрения места и роли их отдельных элементов. В этой структуре, по его мнению, фиксируется соотношение факторов создания продукта, стоимость которых переносится на этот продукт. По расчетам В.П. Данилова удельный вес стоимости рабочей силы («живого» труда) в общей себестоимости продуктов крестьянского хозяйства в 1925 г. (в среднем по стране) составлял по зерновым — около 60%, по картофелю — 57, по льну — 75%. Он пришел к выводу о том, что затраты живого труда намного превышали затраты капитала.²³

Для колхозного периода расчет соотношения затрат живого труда и капитала имеет свою специфику. Соотношение материальных издержек может быть сопоставимо лишь с затратами на оплату труда и поэтому имеет смысл только с того момента, когда затраты на эту оплату стали исчисляться на уровне расценок работников совхозов. Судя по расчетам структуры себестоимости колхозов РСФСР, сделанным ВНИЭСХ по материалам сводных годовых отчетов колхозов за 1953—1956 гг., затраты на оплату труда от 50 до 75% в общей себестоимости сельхозпродукции в это время занимали в производстве овощей и кормовых куль-

тур, льна. В пределах 40-45% затраты на оплату труда были в производстве молока и 35—40% — в производстве зерна, картофеля, мяса.²⁴ В 1958 и 1960 гг. расходы на оплату труда («затраты всего труда») в структуре себестоимости производства сельхозпродукции в колхозах РСФСР составляли по зерну 46 и 45% соответственно, по картофелю 41 и 45%, по молоку 47 и 47%, привесу КРС 44 и 39% и лишь в производстве овощей превышали 60% за оба года.²⁵ По расчетам отдела аграрных проблем Института экономики АН СССР удельный вес материальных затрат во всех производственных затратах колхозов РСФСР в 1964 г. составлял 52%, в 1965 г. - 57%," при этом следует иметь в виду, что к этому времени оплата труда существенно возросла по сравнению со второй половиной 1950-х годов. Несмотря на то что оплата труда и в дальнейшем росла, причем значительно более высокими темпами, чем в предшествующий период, удельный вес ее в структуре себестоимости сельхозпродукции постоянно и неуклонно сокращался: до 30% во второй половине 1960-х годов, 25 в 1975 г. и до 19% в 1980 г.²⁷ Иными словами, колхозы из генетически близких по структуре элементов производительных сил к экономике аграрного общества превращаются во вполне капитализированную хозяйственную структуру.

О *качественном* изменении роли капитала (капитализации) говорит степень охвата сельского хозяйства формами товарного производства, расширение рыночного сегмента аграрной подсистемы. До второй половины 1950-х годов движение аграрного продукта, средств труда, рабочих рук осуществлялось вне классических рыночных механизмов, хотя «вынужденная» товарность нарастала. Основное место в этом процессе занимали натуроплата за работы МТС, обязательные поставки сельхозпродукции государству. В так называемой «товарной» продукции зерноводства колхозов РСФСР (под товарностью тогда понималось отчуждение продукции у сельхозпроизводителя «вовне» независимо от механизмов изъятия) в 1937 г. 37% занимали обязательные поставки, 48% — натуроплата МТС; в 1945 г. обязательные поставки возросли до 57%, натуроплата МТС составляла 32%; в 1954 г. через обязательные поставки ушло 24% отчужденного у российских колхозов зерна, натуроплату МТС - 49%. Таким образом, до середины 1950-х годов 70-80% важнейшего аграрного продукта - зерна - изымалось вне рыночных механизмов.²⁸

В то же время и в этот период нельзя отрицать существования продуктового товарооборота и сегментарных явлений, приближающихся к рыночным характеристикам движения компонентов сельхозпроизводства - контрактации, заработной платы механизаторов, существова-

ния найма рабочей силы в колхозах. Судя по статистике распределения денежных доходов российских колхозов в 1940—1960-е годы на оплату труда наемных рабочих расходовалось около 1% денежных доходов.²⁹ Одновременно укажем, что сохранение крестьянской базарной торговли было все же классическим элементом «старого» типа экономики.

Экспансия капитала в аграрный сектор во второй половине 1950-1980-е годы не принесла крупных изменений в долю отчуждаемого продукта, но коренным образом изменила феномен товарности. С 1958 г. вместе с реорганизацией МТС, отменой обязательных поставок, а затем введением заработной платы колхозникам (1966) идет становление аграрного рынка на продукты сельского хозяйства, средства труда, рабочие руки.

Новый формирующийся в 1960-1980-е годы параллельно со становлением капитализированного общества механизм движения основных компонентов производства связан с расширением действия рыночных механизмов. Цены продаж аграрной продукции постепенно сближались с эквивалентными ценам производства показателями. Рабочая сила колхозников, вместе с «освобождением» крестьян, превращается в товар. Оплата труда, превращаясь в заработную плату, монетизируется. Если в 1953 г. доля денежных поступлений в семью российского колхозника составляла 21% от общего объема натуральных и денежных выплат, производимых колхозом, то в 1960 г. она равнялась 62%, а в 1970 г. - 95% поступлений от колхоза.³⁰ В российском сельском хозяйстве увеличивается использование рабочей силы по найму. Если в 1970 г. колхозы и совхозы РСФСР использовали 180 тыс. среднегодовых работников «со стороны», то в 1975 г. - 319 тыс., а в 1980 г. — 469 тыс. человек.³¹ Одновременно увеличивается доля денежных расходов на оплату «стороннего» наемного труда: в 1975 г. в РСФСР она составляет 14% валового дохода колхоза, а в 1980 г. достигает 44% денежного дохода колхозов.³² Колхозы полностью включаются в систему купли-продажи рабочей силы, сельскохозяйственной продукции, а также средств труда.

Проанализировать последнее из названных явлений возможно исходя из расчета соотношения в материальных затратах колхозов доли аграрного и неаграрного капитала. В 1930 г. сельское хозяйство колхозов СССР на 81% основывалось на средствах производства внутриотраслевого (сельскохозяйственного) происхождения. В последующие годы доля произведенных внутри сельского хозяйства средств производства в материальных затратах постепенно снижалась, хотя оставалась значительной (в 1940 г. в колхозах СССР — 75%, в 1950 г. — 72, в 1960 г. в колхозах РСФСР - 63, в 1970 г. — 54%). Только в первой поло-

вине 1970-х годов происходят кардинальные перемены. В 1975 г. в колхозах РСФСР доля «промышленных» средств производства в материальных затратах достигла 55%, а в первой половине 1980-х годов составила 2/3 всех производственных затрат.³³

Капитализация в аграрном секторе неизбежно вела к соответствующим *социальным* последствиям: раскрестьяниванию, пролетаризации, формированию протобуржуазии. Проблема раскрестьянивания является одной из наиболее дискуссионных в современной историографии. Разные мнения высказываются о длительности процесса раскрестьянивания в России, этапах и степени завершенности процесса. Одна из причин неоднозначности мнений кроется в несогласованности понимания дефиниции «крестьянство». По определению крестьянства, сформулированному Т. Шаниным, крестьяне — это мелкие сельскохозяйственные производители, которые трудом своих семей, используя простое оборудование, производят главным образом для собственного потребления и для того, чтобы исполнять свои обязанности по отношению к обладателям политической и экономической власти.³⁴ Некоторые историки главным признаком этой социальной категории считают труд на земле или ведение личного приусадебного хозяйства.³⁵ Заметим, что сельскохозяйственный труд мог быть главным занятием и других социальных категорий - рабов, наемных рабочих. Но эти группы не подпадают под определение крестьянства, которое было совершенно особым способом интегрировано в аграрное производство. В отличие от рабов, лишенных основных средств производства, и рабочих, продающих свои рабочие руки, крестьянин являлся собственником основных орудий труда, владел или пользовался землей и вел хозяйство в достаточно автономном режиме, составляя основу общественного производства и населения аграрного общества. По нашему мнению, завершенность раскрестьянивания - это радикальное сокращение доли «крестьян» в социальной структуре общества, утрата функций по преимуществу натурального хозяйственника, соответствующие социально-психологические подвижки. Преодоление в основном крестьянских черт и означает завершение раскрестьянивания, хотя еще длительное время у носителей признаков этого слоя могут сохраняться остатки прежних экономических, социальных, психологических характеристик.

В процессе раскрестьянивания явно выделяются «внешнее» и «внутреннее» его проявления. Под первым понимается миграция — прямое выталкивание из крестьянской среды, из деревни в результате подрыва воспроизводства двора, второе - характеризуется как процесс внутреннего перерождения крестьянства, приобретения новых черт остаю-

шимися жить в деревне.³⁶ Население сельской местности до 1960-х годов численно преобладало над горожанами. В 1939 г. в деревнях проживало 67% населения России, причем половина жителей страны в качестве основного занятия называла сельское хозяйство (в промышленности и строительстве работали тогда же 26% населения России). Переход половинного рубежа в долевым соотношении горожан и селян зафиксировала перепись 1959 г., когда доля сельского населения сократилась до 48%, а доля занятых в сельском хозяйстве - до 32% (в промышленности работали 37% населения России). В начале 1990-х годов селяне составляли лишь 26% в общей численности населения России.³⁷ Таким образом, за шесть десятилетий существования колхозов раскрестьянивание сократило сельскую часть населения страны с 80% до примерно трети всех жителей государства. А оставшаяся часть колхозников постепенно социально переродилась.

Наиболее интенсивным периодом раскрестьянивания России являются 1930-1960-е годы. Здесь мы сталкиваемся с видимым противоречием: почему в условиях «феодальной» реставрации начинается сокращение и перерождение основной категории населения, свойственной аграрному обществу? Причина в том, что эта реставрация решала задачу перехода от аграрного общества к индустриальному. Проникновение в деревню государственно-организованного капитала уже в 1930—1950-е годы отчасти денатурализовывало крестьянский труд и его продукт. Таким образом, в условиях «феодальной» реставрации готовилась почва для трансформации крестьянина в рабочего. Обезземеливание крестьян, разрушение воспроизводственного механизма их демографического и хозяйственного статуса также вписываются в этот процесс.

В 1960-е года «раскрестьянивание» России в основном завершается. Незавершенность пролетаризации колхозников и других сельских тружеников обуславливалась лишь сохранением многих черт крестьянского мировосприятия, а также института личного подворья. С конца 1960-х годов колхозник (как и совхозный рабочий) становится наемным рабочим государственного предприятия, хотя и сохраняет некоторые крестьянские черты, в том числе небольшое личное хозяйство, ориентацию на продовольственное самообеспечение, социально-психологические особенности. «Раскрестьяненные колхозники» в это время, несмотря на некоторое снижение уровня эксплуатации, пребывают в очень некомфортной социальной ситуации. Их прежняя идентичность крестьянина, пусть и сверхэксплуатируемого, была окончательно разрушена. Они оказались в «рабочих», но самого бездоленного и униженного сорта. Естественной реакцией на потерю идентичности стало,

с одной стороны, нарастание негативных явлений социальной жизни: пьянство, социальная деградация. С другой стороны, форсированный уход крестьянства вызвал всенародный надлом и ностальгию по деревне, проявившиеся в трагичной и яркой литературе русских «деревенщиков».

Российское крестьянство неравнодушно воспринимало свое разрушение, к тому же происходящее практически на глазах одного поколения. Естественной реакцией крестьянского социума на сверхэксплуатацию деревни в 1930—1950-е годы был социальный протест. Крестьянский протест эпохи раскрестьянивания выливался в традиционные для деревенского мира в основном пассивные и ненасильственные формы (исход из деревни, уклонение от государственных повинностей, борьба за сохранение и расширение приусадебного землепользования, протест против утраты деревней культурной самостоятельности и самобытности и т.д.).³⁸ Выдержав борьбу за выживание двора в 1930-1950-е годы, крестьянский мир подорвал свои силы. В какой-то момент на рубеже 1950—1960-х годов был превышен предел возможностей крестьянского противостояния разрушительным действиям капитализации. Вместе с ним уходила в прошлое многовековая традиция пассивных, ненасильственных форм противостояния политике государства.

Социальное перерождение крестьянства четко прослеживается в этапах развития крестьянского двора колхозной эпохи. До 1960-х годов он сохранял архаичные черты аграрного общества, не только во вполне самостоятельном, натурально-потребительском воспроизводстве средств труда, но и в продовольственном, а также бытовом обеспечении. Основой сохранения крестьянского статуса колхозного двора являлось приусадебное хозяйство, которое велось за счет семейной кооперации, с разделением труда по полу и возрасту. Работы по уходу за садом и огородом, скотом и птицей в основном осуществлялись женщинами, а труд мужчин преобладал на работах по возведению и ремонту хозяйственных построек и инвентаря, на заготовке продуктов леса, кустарно-ремесленных работах. Воспроизводство хозяйства двора также в основном было натуральным: семена, корм, некоторые орудия труда, скот и молодняк воспроизводились внутри хозяйства. Внутри двора воспроизводилась и значительная часть несельскохозяйственной продукции, до 1960-х годов сильны были кустарно-ремесленные традиции в хозяйстве. Лишь производство одежды и обуви с 1930-х годов постепенно вытесняется из крестьянского хозяйства, а изготовление мебели, предметов быта во многом сохранялось внутри двора и в 1950-е годы. В 1930-1950-е годы натуральность сохранялась и в воспроизводстве рабочей силы колхозной деревни - продовольственные потребно-

сти колхозника в основных сельхозпродуктах удовлетворялись за счет хозяйства двора, происходила внутрисемейная «профессиональная» подготовка к сельхозтруду.

Колхозная система «стерилизовала» крестьянство, но не уничтожила его окончательно. Индивидуальный хозяйственный уклад, несмотря на беспрецедентные ограничения, в течение десятилетий не был подсобным. Мясо, молоко, картофель, яйца еще долго производил в значительной степени и по преимуществу двор. В некоторых регионах и областях России это наблюдается даже в конце 1950-х — начале 1960-х годов. Тем более велика была его роль в формировании бюджета колхозного двора. По бюджетным обследованиям конца 1930-х годов, проведенным в черноземных областях России, доля личного хозяйства во многих семьях превышала половину, а в некоторых семьях — 70% совокупных доходов семей колхозников (исчисление производилось в ценах колхозного рынка). К 1953 г. доля личного хозяйства в доходах российских колхозников возросла и во многих районах превышала 90%. В большинстве областей Нечерноземья около половины совокупных доходов колхозной семьи даже в начале 1960-х годов формировалось за счет личного хозяйства.³⁹

Сохранение до середины 1960-х годов крестьянской базарной торговли было своеобразным показателем натуральности хозяйства двора, ибо доля отчуждаемого продукта не дает возможности говорить о сколько-либо высокой товарности личных приусадебных хозяйств (в 1940—1950-е годы доля проданного на рынке зерна составляла от 2 до 6% от произведенных в хозяйстве, картофеля от 4 до 7%, мяса от 9 до 21%, молока около 4%, яиц от 10 до 18%). Нередко такая «торговля», по наблюдениям В.Б. Островского, принимала форму прямого продуктообмена. Состояние торговли было предопределено недостаточным развитием товарно-денежных отношений и рыночной инфраструктуры, и в то же время стимулировалось потребностями покупки самых необходимых изделий промышленности, получения денег для уплаты налогов. Нетоварный характер хозяйства двора сохранялся и в более поздний период: в 1964 г. 89% чистой продукции двора составлял фонд потребления.⁴⁰

Колхозный двор 1970—1980-х годов в основном выходит за рамки экономики традиционного общества, перестав существовать как самовоспроизводящаяся единица. К началу 1970-х годов личные приусадебные хозяйства являлись активными потребителями средств производства колхоза. По подсчетам экономистов, не менее 70% кормов, используемых в ЛПХ, строительные материалы, часть семян, саженцев, мо-

лодняка являлись продукцией обобщественного производства.⁴¹ Использовались в приусадебных хозяйствах и некоторые средства механизации колхоза. Последний оплот крестьянского состояния — формирование бюджета за счет своего хозяйства — пятидесятипроцентную грань переходит в большинстве областей Центральной России в первой половине 1960-х годов и уменьшается к концу 1980-х годов до пятой части совокупного дохода семьи колхозника.⁴² Уходит в прошлое традиция крестьянской базарной торговли. Основные денежные средства колхозной семьи формируются за счет оплаты труда в колхозе, заработной платы, социальных выплат от государства. Денатурализация двора, разрушение его натурально-потребительского характера находит отражение в структуре расходной части бюджета. К началу 1980-х годов расходы на питание, где теперь присутствовала большая доля продукции, подвергшейся промышленной переработке, составляли около 40% всех расходов, примерно такой же была доля затрат на непродовольственные промышленные товары и оплату культурно-бытовых услуг.⁴³ Практически полностью изготовленными вне крестьянского двора становятся предметы домашнего обихода (мебель, посуда, одежда и обувь, другие хозяйственно-бытовые товары). По структуре бюджета колхозный двор все сильнее сближается с семьями рабочих и служащих, особенно в расходной части.

Выход приусадебного хозяйства колхозного двора из «аграрного» состояния проходит ряд этапов. Начало этого процесса связано с 1930-ми годами, когда двор был лишен лошади, происходило быстрое сокращение доли технических культур в структуре посевных площадей приусадебных участков колхозников. Даже в начале 1930-х годов они занимали около 7% посевных площадей приусадебных участков, а к 1960-м годам их доля не превышала 1%. Хлебный клин до минимума сокращается в структуре посевов двора к 1970-м годам (с 16% в 1940 г. до 7% в 1970 г.).⁴⁴ Одновременно происходит падение агротехнической культуры приусадебного хозяйства, деградирует правильный севооборот и т.д. Параллельно этим процессам исчезает интерес колхозников к расширению и даже сохранению приусадебного участка. В конце 1940-х - начале 1950-х годов доля дворов, не имеющих земли, с землей только иод постройками или с малым (до 10 соток) количеством земли не превышала в большинстве областей Нечерноземья РСФСР 1-3%. Зато доля дворов с максимально возможным для данного региона земельным участком, как правило, была на уровне 30 %, а чаще 40-50%. Серьезные перемены начали происходить лишь в 1960-х годах, усугубляясь в течение 1970-1980-х годов. На Европейском Севере, например, в середине

1980-х годов свыше 10% колхозных семей вообще не имели приусадебного участка, а доля семей с максимальными земельными участками сократилась по сравнению с 1950-ми годами в 2-3 раза.⁴⁵ И, наконец, последним этапом перерождения хозяйства двора можно считать отказ от содержания коровы. Уже в начале 1960-х годов в России лишились коров около трети крестьянских семей, а во второй половине 1980-х годов доля таковых приблизилась к 50% дворов. По областям Европейской России в 1987 г. доля семей, содержащих корову, колеблется от 14 до 35% от общего числа колхозных дворов.⁴⁶

Важным показателем выхода из аграрного общества являлось распадение крестьянствования как рода занятия на группы профессиональной специализации. Первоначально труд в колхозах в основном не был специализированным, колхозники сохраняли статус многофункциональных работников, утвердившийся внутри крестьянского двора. Уже в 1950-е годы становится явно заметно, что занятие сельским хозяйством из образа жизни постепенно становится профессией, происходит выход за пределы села системы профессиональной подготовки. Если в 1939 г. было зафиксировано 12-13 сельскохозяйственных специальностей, то в 1959 г. — 25, а к 1974 г. их число увеличилось до 159.⁴⁷ Доля лиц без обозначения профессий снизилась с 80% в 1939 г. до 69% в 1959 г. и 47% в 1970 г.⁴⁸ Происходит «индустриализация» сельских профессий, увеличение доли людей, связанных по характеру работы с машинами и механизмами. В 1939 г. кадры механизаторов составляли не более 4% общей численности занятых в сельском хозяйстве, в 1960 г. эта доля возросла до 9%, в 1970 г. составила 14%, а в 1980 г. — 45% работников колхозов.⁴⁹ Своеобразную «индустриализацию» переживала и колхозная элита — предпринятая в середине 1950-х годов акция по посылке на руководящие посты в колхозах 30 тыс. рабочих была одной из важнейших составляющих этого процесса.

Складывание в аграрной сфере слоя будущих «приватизаторов» как социальной группы начинается в конце 1950-х — начале 1960-х годов, на что указывают и данные социологов, изучавших морфологию процессов, произошедших в 1990-х годах, в частности группы В.И. Старовойта.⁵⁰ Условия формирования будущей деревенской элиты, как правило, сочетали верхушечное положение в системе колхозной иерархии и соответствующий материальный статус, а также более благоприятные условия личного хозяйствования. Руководители постепенно сконцентрировали права владения и пользования средствами производства, от которых до полной собственности был буквально один шаг. В скрытой форме в течение 1960—1980-х годов осуществлялись и попытки, по

сути, приватизации колхозной собственности, средств производства, произведенного продукта. Еще одной группой потенциальных приватизаторов были высококвалифицированные работники колхозов, в частности механизаторы. Использование колхозной техники для своих нужд становилось распространенным явлением. Нарастание актуальности приватизации для протобуржуазных элементов наблюдается в 1970-1980-е годы и связано с тем, что наступает время передачи статуса и места в иерархии следующим поколениям, чего нельзя было сделать в рамках государственного владения собственностью и распоряжения продуктом.

В 1930-1980-е годы достаточно типичное аграрное общество России трансформируется в специфический российский аграрный капитализм. Особенностью этой трансформации является полномасштабное использование реставрационных механизмов. Гранью ухода традиционного общества являются 1960-е годы, когда в основном разрушается присущий аграрному обществу экономический, социальный, бытовой, духовный уклад, большая часть крестьян перемещается в промышленность, а остальные пролетаризируются, лишаясь необходимого пространства крестьянского типа хозяйствования, деревню постепенно осваивает капитал. В 1970—1980-е годы мы видим качественно новое состояние аграрной подсистемы России, предопределившее приватизацию 1990-х годов. То, что в прежней историографии характеризовалось как социалистическое колхозное устройство, выступает в этой системе координат анализа аграрного строя в качестве специфического российского механизма капитализации и раскрестьянивания деревни.

Примечания

- ¹ *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996; *Вылцан М.А.* Завершающий этап создания колхозного строя (1935–1937). М., 1978; *Вылцан М.А.* Советская деревня накануне Великой Отечественной войны (1938–1941 гг.); *Волков И.М.* Трудовой подвиг колхозного крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг. М., 1972; *Вылцан М.А.* Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя. 1945–1958. М., 1976; *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970; *Тюрина А.П.* Социально-экономическое развитие советской деревни 1965–1980. М., 1982; *Денисова А.Н.* Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960-1980-е годы. М., 1996; *Зеленин И.Е.* Зерновые совхозы СССР (1933–1941). М., 1966; *Зеленин И.Е.* Совхозы СССР. 1941–1950. М., 1969; *Богденко М.А.* Совхозы СССР. 1951–1958. М., 1972; *Мошков Ю.А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства в СССР (1929–1932). М., 1966; *Данилов В.П.* Создание материально-технических предпосылок коллекти-

визации сельского хозяйства в СССР. М., 1957; *Островский В.Б.* Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967 и др.

Schapiro L. The Communist Party of Soviet Union. New York, 1960; *Bergson A.* The Economics of Soviet Planning. L., 1964; *Nove A.* The Soviet Economy. An Introduction. L., 1961; *Дюмон Рене.* Колхозы, совхозы или проблематичный коммунизм. Вып.1. М., 1964; *Марченко В.П.* Основные черты хозяйства послесталинской эпохи. Мюнхен, 1959; *Гароди Р.* Большой поворот социализма. М., 1970; *Спасибер Н.* Советская стратегия экономического роста. М., 1965; *Билимович А.Д.* Экономический строй освобожденной России. Мюнхен, 1960 и др.

Данилов В.П. 1) Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; 2) Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М., 1979.

Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР.

Издержки производства и себестоимость продукции в колхозах. М., 1960; *Суслов И.Ф.* Экономические проблемы развития колхозов. М., 1967; Эффективность сельскохозяйственного производства. М., 1967; *Емельянов - А.М.* Методологические проблемы накопления и рентабельности в колхозах. М., 1965; *Котов Г.Г.* Расширенное воспроизводство социалистического сельского хозяйства. М., 1969; Материальное стимулирование развития колхозного производства. М., 1963; *Белянов В.А.* Личное подсобное хозяйство при социализме. М., 1970; *Шмелев Г.И.* Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. М., 1971 и др.

Levin M. Russian Peasants and Soviet Power. L., 1968; *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001.

Зима В.Ф. Голод в СССР 1946-1947 гг.: происхождение и последствия. М., 1996; *Попов В.П.* Российская деревня после войны (июнь 1945 - март 1953). М., 1993; *Вербицкая О.М.* 1) Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х - начало 60-х гг. М., 1992; 2) Население российской деревни в 1939-1959 гг.: проблемы демографического развития. М., 2002; *Безнин М.А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950-1965 гг. М.; Вологда, 1991; *Безнин М.А.* Раскрестьянивание России// Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции. Вологда, 1992.4.1. С. 103-110; *Безнин М.А., Димони Т.М.* Зажиточное крестьянство России во второй половине XX века// Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 5-15; *Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова А.В.* Повинности российского крестьянства в 1930-1960-х годах. Вологда, 2001; *Безнин М.А., Димони Т.М.* Повинности российских колхозников в 1930-1960-е годы// Отечественная история. 2002. № 2. С. 96-111; *Безнин М.А., Димони Т.М.* Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х - 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 81-99 и след.

Аяценко П.И. Очерки аграрной эволюции России. Т.1. Б/м., 1923. С. 21;
Маслов С. Крестьянское хозяйство. Очерки экономики мелкого земледелия. М., 1915. С. 124; *Шестаков А.* Капитализация сельского хозяйства России (от реформы 1861 г. до войны 1914 г.). М., 1924 и др.

Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 30, 44, 213, 215, 268.

Сельское хозяйство СССР. Статистический сб. М., 1971. С. 12.

Рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. Стат. ежегодник. М., 1971. С. 321; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. Стат. ежегодник. М., 1976. С. 332—333; Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1981. С. 232—233.

Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп.79. Д. 261. Л. 24; Оп. 324. Д. 1378. Л. 231—235; Д. 3606. Л. 29, 32, 35; Д. 5724. Л. 25-29; Оп. 44. Д. 1703. Л. 45-63; ГАРФ. Ф. А-374. Оп.31. Д. 7097. Л. 177-213; Ф. А-616. Оп.9. Д. 4054. Л. 40-52.

Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 80. Д. 63а. Л. 50-63; Основные показатели развития сельского хозяйства СССР. М., 1974. С. 43; *Белянов В.А.* Личное подсобное хозяйство при социализме. С. 59; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 253. Л. 3-45; Д. 1492. Л. 26-28; Д. 3752. Л. 24-26.

Рассчитано по: Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М., 1981. С. 23-28.

Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 80. Д. 63а. Л. 50, 52, 54, 56, 63.

Рассчитано по: *Белянов В.А.* Личное подсобное хозяйство при социализме. С. 59; Основные показатели развития сельского хозяйства СССР. М., 1974. С. 43.

Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 253. Л. 3-45; Д. 1492. Л. 26-28; Д. 3752. Л. 24-26.

Рассчитано по: Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 31. Д. 8254. Л. 1; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. М., 1976. С. 149, 274, 283; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1981. С. 23-28.

Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1988. С. 76.

Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 80. Д. 63(а). Л. 50, 52, 54, 56, 63.

См. подсчеты В.А. Белянова. Личное подсобное хозяйство при социализме. С. 59.

Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 253. Л. 3-45; Д. 3752. Л. 24-26; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 8254. Л. 1; Сельское хозяйство СССР. Статистический сб. М., 1981. С. 23-28.

Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 265, 266.

РГАЭ. Ф. 7486. Оп.7. Д. 1593. Л. 3-66.

Рассчитано по: О себестоимости производства сельскохозяйственных продуктов в колхозах в 1958 г. М., 1959. С. 32—49; О себестоимости производства сельскохозяйственных продуктов в колхозах и совхозах СССР. Б/м. С. 46-53.

Хозрасчет и цены в социалистическом сельском хозяйстве. М., 1969. С. 256.

Рассчитано по: Уровень и структура себестоимости сельскохозяйственной продукции колхозов и совхозов. М., 1975. С. 10, 26, 42; Уровень и состав

затрат на производство валовой продукции колхозов и совхозов и продукции растениеводства совхозов за 1966-1980 гг. М., 1983. С. 8, 9.
Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 398. Л. 4; Д. 1372. Л. 83, 85; Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1308. Л. 138.
Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1377. Л. 202-205; Д. 3593. Л. 9; Д. 5722. Л. 24-28; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 3. Д. 7096. Л. 29-53.
Рассчитано по: Совокупный доход семей рабочих промышленности, рабочих совхозов и колхозников РСФСР. М., 1962. С. 29; Совокупный доход семей колхозников РСФСР в 1971 г. М., 1972. С. 10.
Производительность труда в колхозах и совхозах МСХ РСФСР в 1981-1983 гг. М., 1984. С. 54.
Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-616. Оп. 3. Д. 9186. Л. 13,19; Д. 4054. Л. 74-79.
Рассчитано по: Материалы по балансу народного хозяйства СССР за 1928, 1929 и 1930 гг. М., 1932. С. 111; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 694. Л. 3; Д. 1196. Л. 22; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 1074. Л. 93; Затраты и цены на сельскохозяйственную продукцию. М., 1986. С П.
Шанин Т. Определяя крестьянство. Очерки касательно сельских обществ, эксклюзивных форм экономики и выводы из них для современного мира. Оксфорд, 1990. С. 23-24.
См., напр., выступление И.Е. Зеленина на теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития» // Отечественная история. 1994. № 2.
См. подробнее: *Безнин М.А.* Раскрестьянивание России // Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. 1. Вологда, 1992. С. 103-110.
Рассчитано по: Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 8-9; Россия в цифрах. Краткий статистический сб. М., 1996. С. 16; Народное хозяйство СССР в 1965 г. М., 1966. С. 11; РСФСР за 50 лет. Статистический сб. М., 1967. С. 131; Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. Статистический ежегодник. М., 1971. С. 337.
См. подробнее: *Безнин М.А., Димони Т.М.* Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х — 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 86.
Белянов В.А. Личное подсобное хозяйство при социализме. С. 122; *Безнин М.А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950-1965 гг. С. 111. *Островский В.Б.* Колхозное крестьянство СССР. С. 81; *Белянов В.А.* Личное подсобное хозяйство при социализме. С. 43.
Белянов В.А. Личное подсобное хозяйство при социализме. С. 78.
Совокупный доход семей колхозников и его распределение. Статистические материалы. Приложение к бюллетеню ЦСУ РСФСР № 1. М., 1962. С. 15; Бюджеты семей рабочих, служащих и колхозников за 1980, 1985-1988 гг. М., 1989. С. 205.
Бюджеты рабочих, служащих и колхозников за 1970, 1975-1979 гг. М., 1980. С. 100.
Рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР. Статистический сб. М., 1957. С. 131-132; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. Статистический ежегодник. М., 1976. С. 166-167.

Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950-1965 гг. С. 86–90; *Тулин К.А.* Материальное положение колхозного крестьянства на Европейском Севере России в 1965–1985 гг. Автореф. канд. дис. Вологда, 1999. С. 172-173.

Численность скота в РСФСР. Статистический сб. М., 1961. С. 174; РГАЭ. Ф. 650. Оп. 1.Д. 1650. Л. 18.

История крестьянства СССР. Т.4. С. 296; *Староверов В.И.* Советская деревня на этапе развитого социализма. М., 1976. С. 14.

Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 280; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 6. М., 1973. С. 27, 28.

Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. С. 163; Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. М., 1971. С. 289, 294; Сельское хозяйство СССР. М., 1981. С. 345; 369.

Староверов В.И. Новое качество социостратификационной структуры современной России и проблемы ее анализа // Россия накануне XXI века. Вып. II. М., 1995. С. 147-178.

Образ «чужого» государства, «чужой» страны, складывающийся в общественном сознании, всегда интересен, однако, порой, достаточно трудно найти адекватные средства его представления. Особенно сложно это сделать по отношению к общественному сознанию в СССР, где в силу особенностей политической ситуации в стране было почти невозможно открытое выражение мнений и взглядов, отличных от официальных.

Наиболее отчетливо это проявляется во взглядах на те государства, которые традиционно рассматривались в советской идеологической схеме как принадлежащие к враждебному социализму капиталистическому миру, а потому возможность непосредственной информации, полученной по неофициальным каналам, была более чем ограничена.

Отсюда вполне естественным выглядит стремление выявить складывающийся образ окружающего советского человека мира на примере конкретных стран. Значительный интерес в этом плане вызывают Скандинавские государства как ближайшие соседи СССР, отношения с которыми самым непосредственным образом затрагивали интересы СССР. Прежде все-

го это относится к Норвегии и Швеции. Для нашего сознания представление о единстве образа скандинавских стран стало вполне традиционным. Действительно, общность географическая, историческая и т.п. создает немало оснований для этого. Но с точки зрения

стандартной советской идеологической схемы в них еще больше общего: и прежде всего, — капитализм как ведущая система отношений. Если добавить к этому сохранение монархического строя — то налицо, казалось бы, почти неотличимость этих государств друг от друга.

Однако даже советская идеология не могла игнорировать весьма существенные отличия между ними. К ним относятся такие, например, как различное отношение к НАТО, особенности экономической системы, степень близости к СССР и др. Поэтому весьма важно понять, что преобладало в советских подходах (а соответственно, и образах, ими создаваемых) — единство или разнообразие.

Значительная степень закрытости страны вела к тому, что представления людей формировались в первую очередь под влиянием средств массовой информации. Поэтому исследование тех обра-

зов иных государств и народов, которые создавались последними в сознании советского человека, может помочь и в оценке уровня развития его сознания. Понятно, что полного соответствия здесь быть не могло и следует весьма осторожно относиться к подобного рода корреляциям, однако существенное воздействие СМИ на сознание человека в советскую эпоху невозможно отрицать.

При выявлении стандартных представлений традиционные средства качественного анализа нередко оказываются бессильными, рисуя очень приблизительную нечеткую картину. Поэтому возникает потребность в применении методов, позволяющих более объективно решить задачу исследования имиджа.

В частности, неплохую помощь могут оказать малоприменяемые пока средства количественного анализа - так называемого, контент-анализа. «...Этот метод надежен, сравнительно прост в обращении и эффективен», — как совершенно справедливо утверждает Б.Н. Миронов.¹

Применение контент-анализа требует прежде всего выделения группы документов, удовлетворяющие трем главным требованиям: пригодность материалов с точки зрения объема информации, непрерывность информационного потока и, наконец, репрезентативность.

Лучше всего этим требованиям отвечает такой источник, как печатные средства массовой информации. Во-первых, в силу того, что выходявшие в СССР периодические издания в середине 1980-х годов представляли официальную трактовку событий в стране и в мире. Во-вторых, поставляя читателю однородный по фактуре материал, различные издания давали ему весьма различающиеся порой оценки. В-третьих, по своему характеру эти материалы практически идентичны во всех отношениях: и по содержанию, и по формальным признакам.

Естественно, что отнюдь не все печатные органы СССР помещали на своих страницах международную информацию в достаточном объеме, тем более — материалы, касающиеся Норвегии. Поэтому в качестве основного объекта исследования отбирались лишь те издания, которые отводили таким материалам значительное место. С другой стороны, значимым фактором для отбора изданий являлась их распространенность среди населения. Все это делает понятным выбор таких газет, как «Труд» (тираж в 1986 г. — 18 млн экземпляров), «Правда» (11 млн), «Известия» (около 7 млн) и «Советская Россия» (4 млн).

Конечно, здесь требовался определенный отбор: в подсчеты включались лишь та информация, в которой скандинавские страны рассматривались как самостоятельный объект. В то же время те материалы, где эти страны упоминаются, но в перечислении, где они не рассматрива-

ются как самостоятельное явление, из подсчетов исключались.

Прежде всего, вся информация была разделена на внешнюю и внутреннюю по отношению к Скандинавии, что позволяло определить, в каком качестве она представляла наибольший интерес для прессы и эволюцию этого внимания.

Кроме того, в качестве смысловых единиц рассматривались такие, например, категории, как «отношения с СССР», «политическая жизнь», «социальные конфликты», «культура», «преступность», «взаимоотношения с НАТО» и ряд других.

Все материалы, помещаемые в газетах, о странах Скандинавии оценивались с точки зрения того, какой образ они стремились создать в представлении читателя: положительный или отрицательный. В соответствии с этим информация была разделена на позитивную, негативную или нейтральную. Не вдаваясь в излишнюю детализацию определения индикаторов, следует отметить, что позитивными, с точки зрения автора, являются те материалы, где исследуемые страны рассматриваются как вполне самостоятельная во внешней политике, выступающие за мир и сотрудничество между государствами, обеспечивающие высокий уровень жизни, образования и культуры населения, заботящиеся об экологической безопасности и т.д. Напротив, к негативной относится прежде всего та информация, в которой страны предстают зависимыми (от НАТО, США), участвующими в обострении международной напряженности, социально конфликтными, с растущей преступностью и т.п.

Распределение документов по трем группам позволяет определить степень позитивности образа стран в средствах массовой информации. Выявление же соотношения между этими группами, взятое на протяжении всего периода, дает возможность проследить изменения, происходящие в сознании людей.

Причем, надо отметить, что значение здесь имеют не столько абсолютные цифры, сколько относительные показатели: поэтому количество вышеуказанным образом разделенной информации сопоставлялось с общим ее объемом за избранный отрезок времени (основным информационно-временным интервалом, как правило, избирается один год).² Естественно, что при подобного рода формализации материала исчезают порой немаловажные нюансы, однако это компенсируется возможностью выделить основные, наиболее существенные тенденции в развитии образа. Тем более что детали могут быть обнаружены при использовании традиционных средств качественного анализа.

Использование данного метода позволяет, во-первых, выявить образ скандинавских стран, отражающийся на страницах советских га-

зет, во-вторых, выделить самые характерные черты их имиджа в средствах массовой информации СССР, в-третьих, выявить различия в образах, создаваемых различными изданиями, и, в-четвертых, обнаружить особенности в отношении к отдельным странам региона со стороны СМИ. При этом в качестве основного объекта исследования будут рассмотрены две страны - Норвегия и Швеция.

К 1985 г. сложилась достаточно стабильная структура подачи международной информации различными изданиями: тогда как «Правда» и «Известия» порой отводили ей до половины своей газетной площади, «Труд» и «Советская Россия» львиную долю материалов посвящали внутренним событиям в СССР. Не удивительно поэтому, что последние поместили на своих страницах сравнительно мало информации относительно Швеции («Труд» - 21 статья, «Советская Россия» - 11) и Норвегии (соответственно 2 и 3). Намного более информативными в этом отношении выглядят «Правда» (31 и 32 материала) и «Известия» (36 и 88). Сразу бросается в глаза, что, первые два издания явно более интересуются Швецией, тогда как два других, напротив, — Норвегией.

В исходном состоянии к началу «перестройки» советская пресса при освещении скандинавских проблем рисует вполне обычную картину для «буржуазных государств»,³ каким традиционно считалась Норвегия и Швеция. Их образ складывается в основном в рамках общего образа стран западного мира. Это капиталистические государства с присущими всякому, такому государству пороками — безработицей, постоянно растущей преступностью, экологическим неблагополучием, погоней корпораций за прибылями в ущерб населению. Так, для «Известий» важно обратить внимание на сокращение торгового флота в Норвегии⁴ и разорение фермеров в Швеции,⁵ «кислотные дожди», поразившие обе страны,⁶ и скандалы по поводу незаконной торговли (будь то поставки нефти в ЮАР из Норвегии, или оружия военно-промышленного концерна «Бофорс» в страны Ближнего Востока⁷). Практически около половины всей внутренней информации о жизни Скандинавии рисуют и 1985 г. неблагополучную картину. Из этого ряда несколько выбивается лишь «Советская Россия», либо не публикующая «внутренней» информации (о Норвегии⁸), либо подающая ее в сравнительно благоприятных тонах (о Швеции). При этом заметно, что Швеция в целом выглядит заметно более негативно. Если индекс позитивности по Норвегии составляет 0,13, то в отношении Швеции оно равно 0,49. Это объясняется, в частности, тем фактом, что центральное место в освещении ее внутренней жизни занимают социальные конфликты (25% всей информации) и безработица (20%)' (табл.1).

Табл. 1. Соотношение «положительной» и «отрицательной» внутренней информации (1985 г.)

Газета	Страна	Позитив	Нейтр.	Негатив	i_p
«Труд»	Норвегия	50%	0%	50%	0
«Советская Россия»		0%	0%	0%	0
«Правда»		25%	12%	63%	-0,38
«Известия»		34%	16%	50%	-0,16
<i>Среднее</i>		15	32%	28%	-0,13
i_p		-0,13			
«Труд»	Швеция	13%	17%	70%	-0,57
«Советская Россия»		40%	20%	40%	0
«Правда»		18%	0%	82%	-0,64
«Известия»		13%	0%	87%	-0,74
<i>Среднее</i>		21%	9%	70%	-0,49
$i_{\text{информативности}}$		-0,49			
<i>Среднее</i>		18%	21%	50%	-0,34
i_p	По двум странам	-0,34			

Особенно значителен интерес советских СМИ к внутриполитической ситуации в странах: 38% «внутренней» информации по Норвегии и 53% — по Швеции (по всем газетам). Как правило, это сюжеты, связанные с выборами (предвыборные кампании, съезды, программные заявления, результаты выборов¹⁰). Чаще всего среди политических партий уделяется внимание левым — социал-демократам¹¹ и коммунистам.¹² Из остальных партий более всего заметны неонацисты.¹³ Среди политических деятелей Скандинавии выделяется лишь У. Пальме (9% по всем газетам за год) и Б.Х. Брунтланд (2 упоминания по всем газетам за год). В то же время их имена по преимуществу связываются не с внутренней, а с внешней политикой, а в ее рамках — с борьбой за мир и разоружение.

Довольно значительное место среди норвежских материалов занимает наука (19% «внутренней» информации), а вот шведская наука не привлекла внимание СМИ (4%).

Крайне редки сюжеты о культурной жизни Скандинавии: пожалуй, лишь «Известия» сравнительно регулярно помещают на своих страницах некоторую информацию.¹⁴

Мало в газетах и сведений о событиях повседневной жизни. Опять же лишь в «Известиях» встречаются подобные сюжеты, да и то только о Норвегии: извержение вулкана, образ жизни среднестатистического норвежца, предполагаемая экспедиция Т. Хейердала на о. Пасхи и др.¹⁵ Порой сюжеты о внутренней жизни проходят под рубриками «Это ин-

тересно» или «Курьезы» («Известия», «Советская Россия»),¹⁶ что создает впечатление о незначительности этих стран.

Впрочем, внутреннее положение Скандинавских стран в 1985 г. занимало сравнительно небольшое место на страницах газет (34% по все газетам). Лишь «Советская Россия» посвящает ему 50% своих сообщений, тогда как остальные меньше («Труд» - 39%, «Известия» - 34%, «Правда» — 30%). При этом внутренней ситуации в Швеции внимания уделяется почти в два раза больше (41 против 22%) (табл.2).

Табл. 2. Доля материалов, посвященных внутреннему положению скандинавских стран в 1985 г.

Газета	Норвегия	Швеция
«Труд»	33%	36%
«Советская Россия»	0%	58%
«Правда»	25%	33%
«Известия»	31%	38%
По четырем газетам	22%	41%
<i>Среднее</i>	<i>32%</i>	

Основное же внимание в этом году уделяется событиям, связанным с внешнеполитическим курсом Скандинавских стран («Правда» — 70%, «Известия» - 66%, «Труд» - 61%, «Советская Россия» - 50%). Видимо, это естественно, поскольку они являлись близкими соседями СССР, а следовательно, их внешняя политика напрямую затрагивала (и затрагивает) его интересы. Особенно очевидно это, если сравнить внимание к отношениям СССР с Норвегией, имеющей непосредственную границу с ним, и Швецией. Если советско-норвежским отношениям посвящено 40% всех внешнеполитических материалов по четырем газетам, то советско-шведским — 30% (табл.3).

Табл. 3. Доля информации о советско-скандинавских отношениях в 1985 г. (в % от общего количества информации)

Газета	Норвегия	Швеция	Нидерланды ¹⁷
«Труд»	50%	14%	0%
«Правда»	47%	19%	20%
«Известия»	22%	25%	43%
«Советская Россия»	0%	18%	6%
<i>Среднее</i>	<i>30%</i>	<i>19%</i>	<i>17%</i>

Вся информация этого рода, как минимум, нейтральна, а в большинстве - положительна. Всего лишь в трех заметках можно обнаружить негативные мотивы (табл. 4).

Таб. 4. Соотношение «положительной» и «отрицательной» информации о советско-скандинавских отношениях (1985 г.)

Газета	Страна	Позитив	Нейтр.	Негатив	i_p
«Труд»	Норвегия	50%	0%	50%	0
«Советская Россия»		0%	0%	0%	0
«Правда»		60%	33%	7%	0,53
«Известия»		75%	25%	0%	0,75
<i>Среднее</i>		62%	20%	18%	0,44
i_p		0,44			
«Труд»	Швеция	100%	0%	0%	1,00
«Советская Россия»		100%	0%	0%	1,00
«Правда»		100%	0%	0%	1,00
«Известия»		89%	0%	11%	0,78
<i>Среднее</i>		97%	0%	3%	0,94
$i_{\text{позитивности}}$		0,94			
<i>Среднее</i>		80%	16%	4%	0,76
i_p	По двум странам	0,76			

Интенсивность информационного потока создает впечатление развитости сотрудничества между нашими странами, активности межгосударственных контактов. С другой стороны, по преимуществу эта информация носит официальный характер: соболезнования по поводу кончины Генерального секретаря ЦК КПСС К.У. Черненко, сообщения о встречах и консультациях в Министерстве иностранных дел, приезде послов в СССР, поздравлениях и приемах в посольствах СССР по случаю празднования 7 ноября и 9 мая и др.¹⁸ А вот неофициальные связи выглядят весьма незначительными и касаются лишь нескольких сюжетов: откликов на инициативы советского руководства (в частности, реакции на мирные предложения К.У. Черненко) и мероприятий, связанных с сохранением памяти о вкладе СССР во Вторую мировую войну (возложение венков к памятникам), обмене негосударственными делегациями." Информация этого рода крайне скудна и мало чем отличается от протокольной.²⁰

Впрочем, взаимоотношения с СССР являются не единственным аспектом внешней политики Скандинавских государств, который привлекает печать. Заметный интерес проявляется и к другим внешнеполитическим сюжетам. На первый взгляд, они достаточно случайны, однако характер отбора в конечном итоге оказывается вполне целенаправленным: подбирается информация, подчеркивающая особый курс Скандинавских стран, выделяющий их из общего «западного» контекста.

Вполне благожелательно, например, подается газетами отказ Норвегии от участия в программе стратегической оборонной инициативы (СОИ), предложенной США («Правда» дважды, а «Известия» - четырежды в течение года обращается к этой теме),²¹ усиленно подчеркивается активная борьба населения и различных политических сил этих государств за создание безъядерных зон на Севере (8% всей внешнеполитической информации)²², неоднократно сообщается об особой позиции стран по проблемам политики США в Никарагуа (5% всей внешнеполитической информации),²³ об осуждении в Скандинавии апартеида в ЮАР (6% внешнеполитической информации).^{2,1} Характерно, что точно такую же линию (вплоть до конкретных сюжетов, связанных с Никарагуа и ЮАР) проводят эти издания и в отношении Нидерландов.

Довольно заметную долю материалов составляет информация о межскандинавских отношениях - 13% всей «внешней» информации. Однако при сравнении стран можно заметить, что степень участия в них, в соответствии с этой информацией, весьма различна. Степень вовлеченности Норвегии выглядит явно более высокой (10% внешнеполитической информации против 3% по Швеции).

Но особенно заметны отличия между исследуемыми странами в освещении их отношений с третьими странами.

Так, в отношении Швеции информация о взаимоотношениях с США опять же создает представление о высокой степени самостоятельности ее внешней политики: «Труд», например, обращает внимание на тот факт, что премьер-министр У. Пальме выступает «с критикой «звездных войн» Рейгана».²⁵ «Правда» и «Известия», подчеркивая особый курс внешней политики Швеции, видят в ней результат политики нейтралитета, проводимой ею. Все это создает высокий уровень позитивности внешнеполитического имиджа страны.

А вот внешнеполитическая информация о Норвегии рисует ее образ в менее позитивных тонах. И «Правда», и «Известия» постоянно подчеркивают, что Норвегия — член НАТО (10 и 14% всей внешнеполитической информации соответственно),²⁶ что здесь, а значит вблизи границ с СССР, регулярно проводятся военные маневры и размещены американские войска,²⁷ в норвежские порты заходят суда с ядерным оружием на борту (хотя при этом обращается внимание на протесты общественности), а сама Норвегия производит закупки оружия (ракет) в США.²⁸ Но, несмотря на это, большая часть внешнеполитической информации, помещенная во всех газетах, носит явно позитивный характер. Причем, что любопытно, эта тенденция характерна даже для изданий, не отличающиеся лояльностью к ка-

питалистическому миру». Скажем, когда речь идет о Нидерландах, общая направленность статей на эту тему в «Советской России» и «Труде» за 1985 г. отчетливо негативна. А вот о Норвегии «Труд» сообщает лишь то, что там возлагаются цветы к памятнику советским воинам,²⁹ да борются на митингах за разрядку международной напряженности (безъядерные зоны). Исключительно о борьбе за мир сообщает и «Советская Россия».³⁰

Однако, если сравнить отношение к внешней политике Норвегии со Швецией, то последняя выглядит в советских СМИ заметно более позитивной (табл.5).

Табл. 5. Соотношение «позитивной» и «негативной» информации о внешней политике Скандинавских стран (1985 г.)

Газета	Страна	Позитив	Нейтр.	Негатив	i_p
«Труд»	Норвегия	67%	0%	33%	0,34
«Советская Россия»		67%	33%	0%	0,67
«Правда»		60%	24%	16%	0,44
«Известия»		63%	9%	28%	0,35
<i>Среднее</i>		64%	17%	19%	0,45
i_p		0,45			
«Труд»	Швеция	86%	7%	7%	0,79
«Советская Россия»		100%	0%	0%	1,00
«Правда»		81%	14%	5%	0,76
«Известия»		76%	4%	20%	0,56
<i>Среднее</i>		86%	6%	8%	0,78
i_p		0,78			
$i_{\text{политичности}}$		0,78			
<i>Среднее</i>		75%	12%	13%	0,62
i_p	По двум странам		0,62		

Подобное отношение к внешнеполитическим шагам скандинавских стран как на государственном, так и на неофициальном уровнях накладывает отпечаток на имидж страны в советской прессе в целом. Ранее было замечено, что на начальном этапе перестройки существует довольно отчетливая зависимость между соотношением «внутренней» и «внешней» информации и позитивностью образа: чем меньше внутренних материалов, тем более позитивен образ, и наоборот.³¹ Это подтверждается и на примере Норвегии и Швеции (табл.6).

Табл. 6. Соотношение «позитивной» и «негативной» информации о Скандинавских странах (1985 г.)

Газета	Страна	Позитив	Нейтр.	Негатив	i_p
«Труд»	Норвегия	67	0	33	0,34
«Советская Россия»		67	34	0	0,67
«Правда»		51	22	27	0,24
«Известия»		50	12	38	0,12
Среднее		59	17	24	0,35
i_p		0,35			
«Труд»	Швеция	59	9	32	0,27
«Советская Россия»		57	14	29	0,28
«Известия»		58	3	39	0,19
«Правда»		59	9	32	0,27
Среднее		58	9	33	0,25
i_p		0,25			
$i_{\text{по позитивности}}$		58,5	13	28,5	0,30
Среднее					
i_p	По двум странам	0,30			

Замечательна при всей разности отношения к Норвегии и Швеции по тем или иным аспектам их политики довольно высокая степень совпадения позитивности образа, что может служить определенным подтверждением единства имиджа Скандинавских стран в общественном сознании СССР к началу перестройки.

С другой стороны, обращает на себя внимание определенная специфика этого имиджа в средствах массовой информации СССР в 1985 г. по сравнению с большинством других стран Запада, что, очевидно, связано с теми особенностями позиции, которые присутствовали в политике страны в этот период.

Впрочем, Скандинавские страны не одиноки. Близкую, хотя и менее позитивную картину можно обнаружить и в отношении Нидерландов. Если индекс позитивности образа Норвегии составляет 0,35, а Швеции - 0,25, то Нидерландов - 0,15 (табл.7).

Табл. 7. Соотношение «позитивной» и «негативной» информации о Нидерландах (1985 г.)

«Правда»	69%	4%	27%	0,42
«Известия»	60%	20%	20%	0,4
«Труд»	53%	0%	47%	0,6
«Советская Россия»	29%	19%	53%	-0,22
Среднее	52%	11%	37%	0,15
$i_{\text{по позитивности}}$	0,15			

Таким образом, подводя итоги, можно достаточно определенно утверждать, что помещенная в исследуемых изданиях информация является не столько отражением реальной картины происходящего в стране, сколько проявлением политико-идеологической позиции, занимаемой изданиями.³²

Примечания

- ¹ *Миронов Б.Н.* История в цифрах: Математика в исторических исследованиях. Л., 1991. С.14.
- ² Этот уровень позитивности может быть рассчитан как разница между объемом позитивных и негативных материалов, выраженных в процентах к общему количеству статей: $(+n) - (-n) = i^{\wedge}: 100$.
- ³ Поскольку подобная работа была проделана ранее на материале Нидерландов, то было бы неправомерно не использовать в настоящем исследовании имеющиеся выводы. Поэтому, естественно, образ Скандинавии будет время от времени сравниваться с имиджем этой страны.
- ⁴ Известия. 1985. 10 февр.
- ⁵ Там же. 2 июня.
- ⁶ Там же. 8 марта.
- ⁷ Там же. 10 февр.; 10 ноября.
- ⁸ Это действительно странно, поскольку в отношении Нидерландов, например в «Советской России», преобладала «внутренняя» тематика (66%).
- ⁹ Подсчитано по трем газетам, так как в «Советской России» этим темам не уделено ни одной статьи. Поэтому, кстати, она и выглядит наиболее позитивно среди всех остальных.
- ¹⁰ Труд. 1985. 5 сент.; Известия. 1985. 14 сент.; 8 июня; 5 сент. и др.
- ¹¹ Советская Россия. 1985.20 сент.; Труд. 1985. 5 сент.; Известия. 1985.14 сент. и др.
- ¹² Правда. 1985. 2,4 янв. и др.
- ¹³ Советская Россия. 1985. 2 апр.; Известия. 1985. 16 окт. и др.
- ¹⁴ Известия. 1985. 13 окт.; 18 сент.; 28 дек.; 23 февр.
- ¹⁵ Там же. 31 мая; 17 июня; 12 янв.; 1 апр..
- ¹⁶ Известия. 1985. 30 сент.; Советская Россия. 1985. 16 окт.; 24 дек.
- ¹⁷ Справочно.
- ¹⁸ Правда. 1985. 2, 14 февр.; 16 марта; 2,10 мая; 22 июня; 3 авг.; 10 нояб. Известия. 1985. 30 янв.; 17 февр.; 14, 29 марта; 29 мая; Труд. 1985. 24 дек. и др.
- ¹⁵ Известия. 1985. 16 дек.; Правда. 1985. 16 дек.; Труд. 1985. 24 мая и др.
- ²⁰ Например, в «Известиях»: «по приглашению Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира (СИПРИ) с 22 по 29 января в Швеции находился с визитом директор Института Африки АН СССР, член-корр. АН СССР Ан. А. Громько». (Известия. 1985. 30 дек.).
- ²¹ Правда. 1985. 20 апр.; 23 мая; Известия. 1985. 23 февр.; 20 марта; 17 апр.; 13 июня.

Советская Россия. 1985. 5 янв.; Правда. 1985. 19 янв.; Известия. 1985. 21 янв.; 3, 7, 11, 19, 29 марта; 2 мая; 31 окт.; 1 дек.
Труд. 1985. 5 марта; Известия. 1985. 13, 26 февр.; 5 марта; 4, 19, 22 мая; 14 июля.
Труд. 1985. 15 сент; Правда. 1985. 3, 22 авг; Известия. 1985. 4, 9 февр.; 6, 16, 22 авг.; 21 дек.
Труд. 1985. 19 марта.
Правда. 1985. 9, 20 апр.; 23 мая; Известия. 1985. 16 янв.; 23 февр.; 16, 19, 22, 25 марта; 9, 17 апр.; 2 мая; 8, 13, 28 июня; 5 сент.; 15 ноября; 13 дек..
Правда. 1985. 9 апр.; Известия. 1985. 25 марта, 16 янв..
Известия. 1985. 22 сент., 8 окт., 15 нояб.

Хотя и упоминается о попытке нацистов помешать этому.

Возможно, столь благожелательное отношение этих газет к Норвегии объясняется слабостью внимания: «Труд» поместил на своих страницах всего две, а «Советская Россия» - три заметки. Правда, в противоположность информации о Нидерландах, по поводу которых в «Советской России» и «Труде» преобладала «внутренняя» тематика (первая - 66%, вторая - 50%), здесь 100 и 67% материалов соответственно посвящены «внешним».

См.: *Воронин А.В.* Имидж Нидерландов в зеркале советской прессы (1985–1991 гг.)// Россия и Нидерланды: контакты и взаимное видение. Мурманск, 1995. С. 203.

Настоящая статья является частью исследования, посвященного эволюции имиджа Скандинавских стран в средствах массовой информации СССР в 1985-1991 гг.

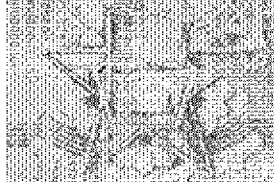
ИСТОРИК И ИСТОРИЯ

Научная работа Владимира Исааковича Биллика началась, когда ему было уже около сорока лет. Сначала он получил инженерное образование и лишь затем поступил в качестве экстерна на исторический факультет ЛГУ. По окончании войны В.И. Биллик был демобилизован только в 1947 г., но и

после этого, проработав два года в качестве преподавателя марксизма-ленинизма, вынужден был еще на два года вернуться в промышленность. Первая кампания в защиту правильных, как ему представлялось, теоретических представлений, была им открыта еще при жизни Сталина, но продолжалась, как и другая, позже начатая, в течение ряда лет послесталинского периода в развитии советской общественной мысли. Разумеется, именно с этим развитием, в первую очередь, связан тот интерес, который представляет теперь все относящееся к жизни и борьбе людей типа В.И. Биллика. Однако дело было не столько в чистом теоретизировании, сколько (во всяком случае, это относится ко второй из проведенных В.И. Билликом кампаний) в установлении истинных взглядов В.И. Ленина по важнейшему вопросу революции.

Читателю предстоит, как я наде-

Р. Ш. ГАНЕЛИН
ПАРТИЙНАЯ
ПРИНЦИПАЛЬНОСТЬ
ИСТОРИКА:
В.И. БИЛЛИК
(1910-2003)

юсь, самому убедиться в том, что в отстаивавшихся В. И. Билликом позициях ничего опасного или даже только вредного для марксистско-ленинской теории, даже в партийно-аппаратной ее интерпретации, не было. Но прочно утвердившиеся традиции и иерархические нормы аппаратной этики требова-

ли, чтобы обновленческий голос звучал если не прямо с небес, то из уст высокопоставленных лиц, а не рядового пытливого и въедливого начетчика-правдоискателя. При этом правота такого лица, если ему удавалось показать ее очевидный характер, приносила ему самому не пользу, а вред. Но перехожу к жизнеописанию В.И. Биллика, пользуясь материалами его личного дела в отделе кадров Санкт-Петербургского института истории РАН и его личного архива, ныне переданного в архив института, а также своими воспоминаниями о нем и его рассказах, в которых он знакомил меня с некоторыми документами, ныне оказавшимися в архиве.

В.И. Биллик родился в 1910 г. в Киеве, выращен был матерью без отца, так как родители его расстались в 1914 г. По-видимому, идейность как ведущая черта характера была в нем воспитана матерью.

По его словам, она вела дневник в какой-то мере политического содержания. Придавая дневнику сокровенный характер, она с ним не расставалась. Но однажды она лишилась его, лежавшего в украденной на рынке кошелке. Через некоторое время она была приглашена в ГПУ, где ей сказали, что дневник у них, прочитан и характеризует ее как человека, столь преданного Советской власти, что ей предлагается служба в том учреждении, где шла эта беседа. Окончив в 1933 г. Ленинградский политехнический институт, В.И. Биллик до 1940 г. работал в качестве инженера, учась с 1937 до 1940 г. экстерном на истфаке ЛГУ, а затем в аспирантуре. С 1942 до 1947 г. служил в военно-морском флоте, с 1944 г. — член Коммунистической партии. После демобилизации преподавал основы марксизма-ленинизма, а затем новую историю в различных учебных заведениях Ленинграда, Костромы и Великих Лук. Как указывается в его биографии в справочнике «Историки России XX века» (Т. 1. Саратов, 2005. С. 106) из института им. Герцена он был уволен в связи с «Ленинградским делом».

Выбор темы кандидатской диссертации он обосновал много лет спустя в письме Ю.А. Красину, помощнику секретаря ЦК КПСС Б.Н. Пономарева, 16 марта 1974 г. следующим образом: «По-видимому, мое техническое прошлое влияло в том плане, что как историк я стремился исегда к тематике с „выходом в практику“. Усилия сосредоточивал на обосновании идей для этого по-моему наиболее важных. Начавшееся с 1945 г. восстановление германской армии подсказало тему диссертации: „Германская социал-демократия и восстановление германской армии в период революции 1918—1919 гг.“ (опубликована полностью статьями). В 1956 г. я был одним из зачинателей дискуссии об этой революции на страницах „Вопросов истории“ и опубликовал о ее сущности статью в теоретическом органе ЦК СЕПГ „Einheit“ (1958, № 8). Этому предшествовали посланные мною М.А. Сулову и, с его одобрения, в ЦК СЕПГ мои критические замечания на тезисы ЦК СЕПГ о Ноябрьской революции».

Это сообщение В.И. Биллика нуждается в дополнении. Полемику по поводу характера германской революции он пытался открыть еще в 1951 г., предложив в октябре этого года «Вопросам истории» статью: «В.И. Ленин и И.В. Сталин о характере и движущих силах ноябрьской революции в Германии». В ней он вопреки господствовавшему тогда взгляду на эту революцию как буржуазную доказывал, что она была буржуазно-демократической. Не так легко объяснить современному читателю сакраментальный характер этой разницы, на которой настаивал и Биллик, смягчавший, впрочем, дело в своем письме Ю.А. Красину логически непреодолимым аргументом: «Казалось бы, аксиомой

марксизма является то, что буржуазно-демократическая революция есть частный случай революции буржуазной и поэтому сказать: „революция буржуазная" вовсе не означает сказать: „революция не буржуазно-демократическая" ».

Но в редакции «Вопросов истории» буржуазно-демократический характер не признавали, исходя из того, что в Кратком курсе истории ВКП(б), автором которого в те годы считался Сталин, на с. 21 было сказано, что: «революция в Германии была буржуазная, а не социалистическая». Ссылки В.И. Биллика на то, что во втором томе сочинений Сталина на с. 2 революция 1905 г. в России названа «буржуазной», а на с. 3 «буржуазно-демократической», как и на трактовку Сталиным еще в 1927 г. германской революции как буржуазно-демократической (Т. 9. С. 301), ему, конечно, не помогли (хорошо, что не имели вовсе худых для него последствий).

Тогда он написал самому Сталину, приложив к письму свою статью, отвергнутую в «Вопросах истории» с редакторскими пометами. Письмо его попало в Отдел науки ЦК, откуда позвонили в Костромской обком (Биллик преподавал тогда в костромском пединституте) и сказали, что считают точку зрения «Вопросов истории» правильной.

Получив этот ответ, В. И. Биллик обратился с письмом к своему школьному товарищу Б.Ф. Подцеробу, дипломату, близкому к В.М. Молотову, это было не позже августа 1952 г. Изложив суть дела как важного для «правильной оценки демократических традиций и возможностей германского народа», В. И. писал: «Если ты согласишься со мной, что вопрос интересен и важен, — то, как я себе представляю, тебе нетрудно было бы спросить тов. Молотова о его мнении о характере революции в Германии. Причем, если моя точка зрения верна, то внесение ясности в этот вопрос не составило бы затруднения». Конечно, попытка обойти Сталина при помощи Молотова была и наивна и опасна. При этом об обращении к Сталину и его результате в письме Б.Ф. Подцеробу было открыто сказано. Мало того. Как будто не представляя себе неуклюжести этого поступка, В. И. Биллик обнаружил ясное понимание того, что выше было отнесено к нормам аппаратной этики, и сводилось к изречению: «Всякий сверчок знай свой шесток». Именно этим было продиктовано его сообщение о готовности уступить провозглашение своей правды, лишь бы она восторжествовала: «Я ни в коей мере не заинтересован в том, чтобы в том случае, если я прав, фигурировать в качестве инициатора постановки этого вопроса». И не без иронии он добавлял в скобках: «А если я не прав, то тем более».¹

Не рассматривая здесь и далее германской темы, ограничимся при-

неденным уже его сообщением Ю.А. Красину о своей победе над ЦК СЕПГ, одержанной — надо это признать — во многом вопреки «обычному праву» советского времени. Впрочем, строгие нормы этого своеобразного права были смягчены XX съездом, а В.И. Биллик вел себя так, что они вообще для него вторичны по сравнению с партийными интересами установления идеологической истины.

Летом 1960 г. В.И. Биллик стал сотрудником Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Говорили, что он был принят по указанию из ЦК, поскольку работы в качестве историка у него в это время не было, что могло быть приписано невозвращению из-за границы его отца, с которым никаких связей он не поддерживал. Принят он был на роль борца с буржуазной историографией, однако вскоре усмотрел в этом деле непорядок (как писал он Ю.А. Красину, «пришел к выводу о необходимости уточнить некоторые наши задачи в этой области и лучше разобраться самим в некоторых вопросах нашей истории») и опять стал добиваться своей правды. Как и прежде, он руководствовался потребностями текущей политики. В том же письме он объяснял свои упорные настояния на исправлении неверного, по его мнению, истолкования в советской историографии поворота к новой экономической политике прежде всего тем что этот поворот «в известной мере „созвучен" (несмотря на различия) современной экономической реформе».

В отличие от первой его кампании по поводу ноябрьской революции в Германии, вторая оказалась затяжной, она длилась все 13 лет его работы в ЛОИИ и продолжалась после его выхода на пенсию.

Первые итоги своего участия в борьбе с буржуазной историографией он одновременно с письмом в «Известия» подвел в выступлении на сессии, посвященной 45-летию Октябрьского вооруженного восстания, проходившей в Ленинграде с 13 по 16 ноября 1962 г. В нескольких назидательно, без прежнего самоуничижения, сформулированных тезисах он, оставаясь, разумеется, на ленинской платформе, за чистоту которой неустанно боролся, выразительно охарактеризовал сущность принятого тогда разоблачительства. «Мы не должны изображать буржуазных историков, в том числе и наиболее нам враждебных, в качестве сплошных глупцов и фальсификаторов», — писал он в статье, излагавшей его выступление на сессии.² Одну из причин недостатков в критике буржуазной историографии он усматривал в том, что эта критика сама критике не подвергалась. «По-видимому, — считал он, — некоторые товарищи полагают, что выявление в нашей критике буржуазной историографии недостатков, подобных тем, о каких идет речь в настоящем сообщении, обрадует наших противников и нанесет ущерб

престижу нашей науки».

Возражая против «небрежного и неточного изложения взглядов противника», Биллик заявлял: «Наряду с критикой ошибок в разбираемых работах немаловажное значение имеет также выявление вынужденных признаний противником исторической правды и уточнение тех, в основном правильных данных, соображений и выводов, которые в разбираемых работах недостаточно четко или не совсем правильно сформулированы».³

То ли под влиянием такого рода находок в этой литературе, то ли путем самостоятельного исследования послереволюционной действительности и анализа ленинских текстов этого времени, но вскоре В. И. Биллик взял под сомнение трактовку советской экономической политики первых послереволюционных лет не в зарубежной, а, наоборот, в советской историографии.

Несколько упрощая дело и освобождая его рассуждения от элементов догматического формализма, его можно представить таким образом. В советской литературе сложилось и приобрело обязательность представление о том, что экономическая политика в период разгара гражданской войны, — говорил В.И. Биллик в своем докладе на заседании Ученого совета ЛОИИ 14 июня 1966 г., подводя некоторые итоги своим исследованиям, — т.е. политика, которую с 30-х годов начали называть „военным коммунизмом“ (в 20-х годах так называли всю «до-нэповскую» экономическую политику), представляла собой лишь сумму чрезвычайных мер.

Он резко возражал против того, что эта политика «не преследовала цель общественного переустройства», доказывая невозможность «выделять политику периода разгула гражданской войны от той, которая начала проводиться с первых же дней завоевания Советской власти». «Те экономические мероприятия, которые проводились в тот период в области национализации производства и распределения, они, вместе с тем, рассматривались и как коренные общественно-экономические преобразования. Никто никогда их не рассматривал как временные мероприятия, от которых придется впоследствии отступить», — говорил он.

Со всей решительностью он отвергал ту точку зрения, согласно которой нэп был возвратом к намечавшемуся до лета 1918 г. В своем письме Ю.А. Красину он возлагал ответственность за это на Каменева, Сталина и Бухарина, стремившихся таким способом облегчить переход к нэпу. Разумеется, для историографии решающей была позиция Сталина. В докладе на Ученом совете В.И. Биллик говорил: «Если вкратце резюмировать как характеризуется в нашей литературе вопрос о пери-

одизации советской экономической политики в первые годы революции, по сути дела, наша литература сейчас разрабатывает ту формулировку, которая была высказана Сталиным в июле 1928 года на одном из Пленумов ВЦИК. Сталин в своей речи сказал:

„...Пролетарская диктатура начала у нас свою строительную работу не с военного коммунизма, а с провозглашения основ так называемой новой экономической политики. Всем известна брошюра Ленина „Об очередных задачах советской власти“, выпущенная в свет в начале 1918 г. (напечатана 28 апреля 1918 г. — *В. Б.*), где Ленин дал первое обоснование начал новой экономической политики. Правда, она, эта политика, была прервана временно обстановкой интервенции, и к ней пришлось вернуться лишь спустя три года, после ликвидации войны и интервенции”.

Получается все идеально просто: сначала была намечена правильная политика, потом эту политику помешали проводить, а когда обстановка изменилась, пришлось к этой политике вернуться. Для раскрытия всей сложности при такой схеме не остается места. Для обоснования этого выступления Сталина надергано несколько цитат из сочинений Ленина. Но если обратиться к контексту, нетрудно доказать, что попытки ссылок на Ленина для того, чтобы обосновать приведенное высказывание Сталина, не основательны».

Он занялся тщательным анализом и сопоставлением всего того, что в разное время говорил и писал Ленин по этому поводу. При этом он обнаружил» что в томе 44 так называемого Полного собрания сочинений Ленина, изданном в 1964 г., в текст доклада на 7-й московской губпартконференции, впервые появившегося в «Правде» 3 ноября 1921 г., публиковавшегося и в предыдущем издании Сочинений, было внесено (на с. 197) редактором тома известным экономистом И.А. Гладковым изменение. Вместо «с начала 1918 г.» оказалось «с лета 1918 г.». «Тогда все получается „по Сталину”», — объяснял Биллик те «соображения», которыми Гладков мотивировал свои действия.

«Я вступил в переписку с Институтом марксизма-ленинизма, написал им письмо, в котором обратил внимание на этот факт. Но когда они с помощью цитат надерганных начали оправдывать допущенное ими кощунство, то я послал им более сердитое письмо, в котором написал, что мною получено их письмо, в котором предпринимается попытка оправдать грубое искажение одного из важнейших указаний Ленина о периодизации Октябрьской революции», — рассказывал он на Ученом совете в 1966 г. Только после длительной его переписки с Гладковым и зам. директора ИМЭЛа Г.Д. Обичкиным в 1970 г. во второй части тиража т. 44 ПСС произвольное исправление было втихомолку устранено.

Но сообщая об этом Ю.А. Красину для доклада Б.Н. Пономареву, В.И. Биллик был уже пенсионером. Нет сомнения в том, что одержанная победа явилась одной из причин этого. Вопреки тому убеждению, к которому он пришел после XX съезда, о чем сообщал А.И. Аджубею в 1962 г., сверчок по-прежнему должен был знать свой шесток. А он развернул наступление широким фронтом и продолжал его. На первых порах поддержку ему оказал А.Л. Сидоров, незадолго до своей кончины заказав в качестве редактора «Исторических записок» статью «В.И. Ленин о сущности и периодизации советской экономической политики в 1917—1921 гг. и о повороте к нэпу». Она появилась в 1967 г. в томе 80 ИЗ, в котором была помещена посвященная памяти А.Л. Сидорова статья К.Н. Тарновского «Путь ученого».

Статья В.И. Биллика, основанная на толковании как высказываний Ленина, так и различных партийных решений и других документов, была посвящена доказательству того, что «военный коммунизм» был лишь воплощением большевистских идеалов экономического строя будущего социалистического общества, реализация которых началась сейчас же после победы Октябрьской революции, включая замену торговли плановым распределением и курс на ликвидацию денег. В.И. Биллик приводил, в частности, оценки советской политики первых послереволюционных времен, данные по горячим следам событий А.В. Луначарским и М.Н. Покровским. Первый из них писал о работе Наркомпроса до 1921 г. как отмеченной «печатью бури и натиска»: «Все унесено было могучим течением, преисполненным революционного энтузиазма, верой в себя и несколько, скажем, юношеским легкомыслием работников... Я думаю, что такого рода процесс был пережит без малого во всех комиссариатах, что было совершенно естественно. Надо было прежде всего провозгласить во всей полноте наши идеалы и беспощадно сокрушать то, что нам не подходит. О полумерах, об этапах, о приближении шаг за шагом к такому идеалу было говорить трудно». А Покровский в конце 1922 г. о том же периоде вспоминал: «Казалось, что так блестяще удалось на военном фронте, удастся и в народном просвещении и в народном хозяйстве... Нас, — я скажу это откровенно, потому что испытал это на себе — нас пьянила в известной степени эта быстрота. Дело пошло таким темпом, что нам казалось, что мы от коммунизма, созданного собственными средствами, не дожидаясь победы пролетарской революции на Западе, — что мы от этого коммунизма очень близко» (С. 152).

Как сотрудник ЛОИИ он продолжал работать над критикой буржуазной историографии, написал для т. VI «Очерков истории Ленин-

града» главы «Высшая школа и наука», «Культурно-просветительные учреждения», «Печать, радио, телевидение» общим объемом в 8 п. л. С 1971 г. он работал над историей петроградской промышленности 1917—1921 гг. Сохранившиеся материалы показывают его серьезный технико-экономический подход к теме, несомненно, связанный с его прежней инженерной работой. Но ленинской темы он не бросал. В декабре 1972 г. на совместном заседании групп истории советского общества и капитализма в России была обсуждена и рекомендована ученому совету для утверждения к печати его монография «Разработка В.И. Лениным экономической программы социалистической революции в России (конец XIX — октябрь 1917 г.)». Никаких теоретических или политических ошибок в рукописи, как отмечал Биллик в своем отчете, не установили. В ней было, судя по отчету автора о работе за 1965—май 1973 г., 23 листа, из которых 10 занимал дофевральский и 13 последующий периоды. Я помню это заседание, в бумагах В. И. Биллика сохранились рукописные замечания покойного О.Н. Знаменского, В.Н. Гинева и мои. Г.Л. Соболев и я, предполагавшиеся в качестве рецензентов на заседании Совета, дали на это свое согласие. Однако, несмотря на решение двух групп и высокую оценку, данную рукописи К.Н. Тарновским, А.М. Анфимовым и И.Б. Берхиным, в течение года Совет так и не состоялся. Наступление на «новопрочтенцев» в Москве возрождало «сверчковый» принцип и вообще делало нежелательным обращение к ленинской теме с такой стороны. К тому же, как подчеркивал Биллик в письме к Красину, по отношению к «новопрочтенцам» его позиция отличалась от официальной: он не мог полностью согласиться по всем вопросам ни с тремя москвичами, ни с критикой, которой подвергались Тарновский и Анфимов.

«К сожалению, — писал он Ю.А. Красину, — в группе истории советского общества ЛОИИ я оказался единственным лицом „пенсионного“ возраста и, в связи с большим сокращением в конце прошлого года, я очутился среди тех, кто особенно болезненно почувствовал, что в 60 лет — ученому рано уходить на пенсию. Такой „порядок“, мне думается, — растрата интеллектуальных сил государства.

В мои 63 года я полон энергии, у меня есть интересные и нужные идеи, готовность и способность их отстаивать и воплощать в научных трудах. Жизнь сложилась так, что именно теперь я подошел к максимуму своих возможностей.

Об изложенном выше я написал и в Бюро Отделения исторических наук АН Б.А. Рыбакову, с просьбой содействовать снижению той завышенной, по сравнению с другими учреждениями АН, нормы для со-

кращения, которая дана была ЛОИИ. Резолюция Б.А. Рыбакова гласила, что кадровый вопрос — дело институтов.

Просьба к Вам — ознакомиться с рукописью моей монографии не продиктована желанием получить Вашу поддержку, хотя, разумеется, если Вы найдете ее нужной и возможной — это было бы хорошо. Вместе с тем и за неофициальные замечания по частным вопросам буду очень признателен, ибо для доведения данной монографии до необходимых кондиций нужны объективные и квалифицированные консультации в объеме больше обычного. Получить их сейчас нелегко: ряд товарищей отказывались от ознакомления с рукописью, хотя, повторяю, происходившие д.с.п. обсуждения не давали, казалось, для этого оснований.

В заключение, поскольку Вы меня не знаете, а упомянутые мною товарищи ... знают меня в основном как историка, — разрешите коснуться следующего щепетильного вопроса: в связи с тем, что некоторые евреи уезжают из СССР, хочу подчеркнуть (ибо я еврей), что я не принадлежу к ищущим другое отечество. Если это уточнение и излишне, то, надеюсь, оно и не повредит. Поставить „точки над и" почти всегда полезно».

Прожив на пенсии 30 лет, В.И. Биллик не прекращал творческой работы. Список его опубликованных трудов, приложенный к статье о нем в справочнике «Историки России XX века», свидетельствует, как и оставшиеся в рукописях, об интенсивной работе. В 1977 г. ему удалось издать в Москве брошюру «Разработка Лениным экономической программы социалистической революции в России (конец XIX в. — 1917 г.)». Его точка зрения, хотя и без ссылок на него, получила признание. Однако монография его на эту тему так и не увидела света, хотя он продолжал работать над ней (варианты темы: «Ленин как историк советской экономической политики», «Из истории экономической программы социалистической революции в России (конец XIX в. — октябрь 1917 г.)»). Как представляется, препятствие к этому заключалось именно в том, что читатель того, да и нашего времени мог бы убедиться в фантастичности тех представлений о будущем обществе, с которыми Ленин делал революцию. Искренность уважительного отношения автора к Ленину усиливала доказательность его исследования.

В 1988 г. под влиянием перестройки (о ее задачах В. И. Биллик писал 5 октября 1987 г. А.Н. Яковлеву) он подал три издательских заявки: «В.И. Ленин об основных чертах российской экономики и путях ее революционного преобразования (1894—1923 гг.)», «Нэп и перестройка» и «Л.Д. Троцкий — виднейший сподвижник в 1917—1923 гг. В.И. Ленина и полезнейший союзник перестройки в СССР. Антология свиде-

тельств и фактов с эпитафиями и комментариями».

Заявки эти остались неудовлетворенными, но Владимир Исаакович превратился, во всяком случае, в глазах некоторых иностранцев, в «последнего советского троцкиста». А он никаким троцкистом не был, если считать, что они вообще существовали. Просто он стал с той же непредубежденностью, что и Ленина, читать Троцкого. В 1989 г. в № 33 популярного тогда журнала «Собеседник» появилась статья В. И. Биллика «Троцкий. На пути к правде о нем», переведенная на многие языки. Считающая себя троцкистской экстравагантная английская актриса Ванесса Редгрейв, приехав в Ленинград, позвонила Биллику по телефону и пригласила его в гостиницу. Он ответил ей приглашением к себе домой, куда она и прибыла со своей троцкистской свитой. Владимир Исаакович произвел на них такое впечатление, что с тех пор приглашался на все международные троцкистские съезды в Париже, Токио и др. Представители левой интеллигенции различных стран, вновь штурмовавшие твердыни марксистских знаний, охотно приняли его в свою среду. В начале этой статьи я отмечал, что его творческая деятельность — часть истории советской общественной мысли. Его партийно-идеологическое диссидентство, хотя и было ограничено жесткими рамками марксистско-ленинской ортодоксальности, служило одним из препятствий безграничному господству казенно-директивного варианта господствовавшей доктрины.

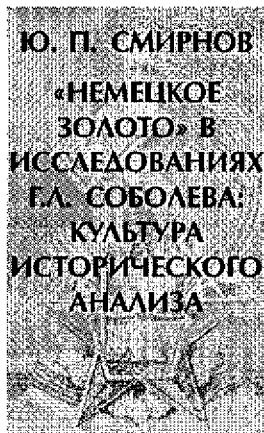
Примечания

¹ С течением времени под влиянием произошедших перемен В.И. Биллик отказался от такого самоотречения, продолжая обращаться в высокие инстанции и центральную печать по вопросам общеполитического значения. 30 ноября 1962 г. он писал гл. редактору «Известий» А.И. Аджубею: «Ввиду большой важности (по-моему) и остроты поставленных в моей статье вопросов адресуюсь непосредственно к Вам. Речь в статье идет о том, в чем проявляются последствия культа личности в исторической науке, и о том, что мешает их преодолению. Возможно, найдутся люди, по мнению которых, мне — по должности и званию — не положено делать выводы, сформулированные в статье, однако я думаю, что такая позиция была бы проявлением методов, характерных для периода культа».

¹ *Биллик В.И.* К вопросу об освещении предпосылок и причин победы Октябрьской революции в буржуазной историографии// Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1964. С. 44.

³ Там же. С. 446.

В конце XX в. развитие исторической науки, и без того испытывавшей в течение многих десятилетий ощутимое идеологическое воздействие, в немалой степени препятствовавшее достижению подлинной объективности, подверглось беспрецедентному напору псевдоистории, откровенной погони за сенсационностью, методологической вседозволенностью. В определенных кругах прослеживалась целенаправленная линия на поиск спорных и не в полной мере освещенных исторических сюжетов с целью их либо «нетрадиционной» трактовки, либо полного переосмысления и переоценки, как правило, с намерением очернить советский период отечественной истории. Одним из наиболее уязвимых главным образом, из-за отсутствия документального обеспечения всех фаз событийного ряда является эпизод, связанный с возвращением в Россию группы большевиков под руководством В.И. Ленина через территорию Германии, находившуюся с ней в военном противостоянии. Во многом благодаря небезызвестной статье Э. Бернштейна¹ начала бытование легенда о «немецком золоте» (в сумме порядка 50 млн марок) якобы полученном большеви-

ками за сепаратный мир с Берлином.

Данный эпизод в определенном идеологическом ракурсе трактовался как ключевой для обоснования теоретических позиций с целью пересмотра сложившихся оценок характера и значения революционных событий 1917 г. В начале 1991 г. газета «Россия» и журнал «Столица» (№ 1, 4) напечатали серию документов, которые, по замыслу идеологов акции, должны были окончательно убедить, что Ленин и прибывшие с ним единомышленники — «немецкие шпионы». Авторы публикации не скрывали источника информации: книга представителя общественной информации США в России Э. Сиссона «Немецко-большевистская конспирация», изданная в октябре 1918 г. в Америке. Основу «исследования» составили документы, приобретенные автором у известного черносотенного журналиста Е. Семенова, специализировавшегося на разоблачении «немецких шпионов». Однако уже весной 1917 г. было установлено, что распространявшиеся в те годы списки «шпионов» были по большей части изготовлены сотрудниками контрразведки для оправдания продуктивности своей деятельности, а иногда — шантажа

определенных лиц.²

О работе Э. Бернштейна упомянул в своем объемном труде о В.И. Ленине из серии «Вожди» Д.А. Волкогонов. Известный своей дотошностью в поисках негатива в деятельности большевистских лидеров, автор более пространно цитирует упомянутого идеолога социал-демократии, подчеркивая, что речь шла «об очень большой, почти невероятной сумме, несомненно более пятидесяти миллионов золотых марок... у Ленина и его товарищей не могло быть никакого сомнения насчет того, из каких источников эти деньги шли. Одним из результатов этого был Брест-Литовский договор».³ Желая усилить впечатление от выводов Э. Бернштейна, Д. Волкогонов сослался еще на одну его статью, появившуюся через неделю после цитированной, в которой автор бросил вызов и коммунистам Германии, и российским большевикам: он готов предстать перед судом, если они находят, что он оклеветал Ленина. Но центральные комитеты обеих партий промолчали, «фактически невольно признав неотразимость утверждений и аргументов Бернштейна».¹¹ Так домысел, сопровождаемый ни к чему не обязывающей оговоркой, становится кирпичиком в фундаменте сенсационного обличения большевиков. При этом Д. Волкогонов игнорирует тот факт, что в момент появления второй статьи Э. Бернштейна (январь 1921 г.) российскому политическому руководству было не до опровержений по поводу статьи, появившейся в германской печати: в стране разразился глубокий политический кризис, связанный с серьезными разногласиями внутри партии и протекавший в контексте острого социального кризиса.

Анализируя сведения, представленные Э. Бернштейном, Д. Волкогонов приводит собственную трактовку сюжета: не подвергая сомнению масштабы названной немецким социал-демократом суммы (свыше 50 млн марок), он предполагает, что приводятся обобщенные данные финансирования, начиная с 1915 по 1918 г. включительно. При этом делается ссылка на сборник документов «Германия и революция в России 1915—1918 гг.», в частности, приводится депеша посла фон Мирбаха: «Из-за сильной конкуренции союзников нужны 3 миллиона марок в месяц».¹ Однако исследователь ничем не подтверждает, что деньги предназначались именно лидерам большевиков. Вновь ситуация разрешается ссылкой на ничего конкретного не говорящую «сильную конкуренцию союзников». Подобное весьма произвольное оперирование историческими фактами и вольное прочтение и трактовка документов не способствуют достоверности выводов и оценок, что в конечном счете снижает потенциал исследования.

Иной, глубоко профессиональный подход представлен в труде

Г.Л. Соболева, посвященном анализу данной проблемы.⁶ Прежде всего, в результате анализа ситуации историк приходит к выводу, что иного пути на родину у В.И. Ленина и его единомышленников не было. Несмотря на бытующие в западной литературе мысли о том, что идея транспортировки большевиков из Швейцарии в Россию принадлежала германской стороне или Парвусу и Брокдорф-Ранцау, документы не дают оснований для таких выводов. Идея исходила от В.И. Ленина, а ее углубил и сделал более прагматичной Л.Ю. Мартов, предложивший план проезда в обмен на интернированных в России немцев.⁷

Такая трактовка в полной мере совпадает с оценкой ситуации, данной авторитетными современниками. Н.Н. Суханов подчеркивал: «Никаких иных путей для возвращения на родину у Ленина не было по милости „союзных" правительств, а также по милости собственных революционных властей». В своих «Записках о революции» он привел текст одного из документов того времени: «Министр Милюков предписал, чтобы русские консулы... не выдавали пропусков эмигрантам, внесенным в особые... списки... французская пресса требует, чтобы не пропускали никого»,⁸ что не стоит на точке зрения Г.В. Плеханова. Аналогичные оценки, характеризующие подобное отношение союзников к России, содержатся в исследованиях ряда историков.⁵ Причем Ф. Платтен приводит данные о том, что руководители Антанты отправили в Россию Г.В. Плеханова и его «единомышленников - шовинистических антантовских социалистов» на крейсере в сопровождении миноносцев, а Л.Д. Троцкого под надуманным предлогом задержали в Галифаксе. В. Логинов отмечает, что лидеры фактических политических соперников большевиков эсер В. Чернов и меньшевик Ю. Мартов публично заявили, что обвинения, выдвинутые против В.И. Ленина, - вымысел и клевета.

Г.Л. Соболев, в отличие от исследователей, предвзято подходящих к сюжету, во-первых, рассматривает возвращение В.И. Ленина как историческое событие с предысторией, последствиями и значением, во-вторых, анализирует его в контексте сложившейся в тот момент внутри российской ситуации и международной обстановки. Он отмечает, что, захватив инициативу, немецкая сторона стремилась форсировать транзитный проезд русских эмигрантов. Более того, при встрече с Ф. Платтенем германский посланник изложил условия их перемещения в Швецию.¹⁰ Г.Л. Соболев, ссылаясь на документы, опубликованные в 1957 г. в Лейдене В. Хальвегом, подчеркивает, что при заключении соглашения между руководителями большевиков и германской дипломатической миссией нет и намека на денежные субсидии отъезжающим эмигрантам.¹¹ Это заключение позволяет исследователю опровер-

гнуть вывод А.И. Деникина о том, что «предприятие это, сулившее необычайно важные результаты, было богато финансировано золотом и валютой».¹²

Справедливости ради необходимо отметить, что в документах, опубликованных В. Хальвегом, в донесении немецкого посланника в Берне фон Ромберга Рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу упоминается о 30 тыс. франков, которые тот предлагает оставить в распоряжении «нашего русского агента Вейса», которые он «хочет употребить на то, чтобы стала возможной поездка его влиятельных партийных друзей в Россию».¹³ Но, во-первых, эта сумма не идет ни в какое сравнение с цифрой, названной Э. Бернштейном; во-вторых, речь идет о предоставлении средств для организации проезда, а не для развертывания прогерманской деятельности на территории воюющей России, для чего, кстати, этих средств явно недостаточно.

Обобщая приведенные сведения, Г.Л. Соболев делает обоснованный вывод: несмотря на то, что некоторые зарубежные и отечественные авторы нередко цитируют слова Э. Людендорфа о том, что «с военной точки зрения это предприятие было оправдано, Россию нужно было повалить», один, пусть даже и очень эффективный внешнеполитический ход не мог привести германскую сторону к ожидаемому результату. Чтобы сломить Россию и вывести ее из войны, было необходимо синхронное сочетание ряда факторов: политического, социального, экономического, военного и других, которые в своем историческом сплаве привели к событиям 25 октября 1917 г. Г.Л. Соболев абсолютно точно и методологически корректно формулирует мысль о том, что рассмотрение роли В.И. Ленина в этих событиях только в контексте «немецкого фактора» ненаучно.¹⁴

Обстоятельна и исторически выверена оценка Г.Л. Соболевым роли политических лидеров России рассматриваемого периода. По заключению историка, А.Ф. Керенский был уверен, что ведущие лица германской внешней и военной политики «готовились вести серьезные переговоры о сепаратном мире с теми политиками в Петрограде, которых считали способными навязать стране свою волю».¹⁵ На основании своих догадок, бывший глава российского Временного правительства утверждает, что правительство Германии заранее знало, что человеком, который подпишет договор о перемирии или мире, будет Ленин. По обоснованному мнению Г.Л. Соболева, А.Ф. Керенский «сильно домислил за своих противников, а их желание (выделено автором. - Ю.С.) иметь дело с Лениным выдал за тайную договоренность».¹⁶ Между тем, согласно донесениям германского посланника в Берне фон Ромберга

Рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу, В.И. Ленин в одной из швейцарских газет назвал П.Н. Милюкова, А.И. Гучкова, А.Ф. Керенского марионетками Антанты,¹⁷ подчеркнув тем самым выгоду для них подобной трактовки его роли в событиях 1917 г. Таким образом, в рассматриваемом исследовании представлен механизм разоблачения подтасовок и фальсификаций реальных исторических событий.

Не выдерживает, по оценке Г.А. Соболева, серьезной критики и выдвигаемое некоторыми авторами заключение о взаимосвязи возвращения В.И. Ленина в Россию с «германскими деньгами» и ошутимого роста тиражей выпускавшихся наименований большевистских газет. Ученый приводит данные о том, что 5 марта 1917 г., т.е. более чем за месяц до возвращения В.И. Ленина, номер «Правды» вышел небывалым в истории большевистской печати тиражом – 100 тыс. экземпляров, а в начале апреля партийная организация выпускала около 15 газет в различных городах России. Основываясь на произвольном толковании корреспонденции В.И. Ленина с Я.С. Ганецким, некоторые авторы объясняют рост издательской активности большевиков постоянным и значительным финансированием из-за рубежа. Наиболее бесцеремонные толкователи имеющихся документов прямо связывают рост числа большевистских изданий с приездом В.И. Ленина, обеспечившим германское финансирование.¹⁸ При этом игнорируется, что рассматриваемые процессы начались до его возвращения. Не принимается во внимание также и деятельность сотрудников аппарата РСДРП(б) по пополнению партийной кассы из разных источников, активизировавшаяся с выходом этой политической организации из подполья. Характеризуя сложность и в известной степени драматизм ситуации, сложившейся к моменту легализации РСДРП(б), Г.Л. Соболев подчеркивает, что партийная касса была пуста, и для возобновления издания «Правды» пришлось занять 20 тыс. руб. в союзе трактирщиков.¹⁵

Переломный период в развитии государства, общества, как правило, сопровождается острой, непримиримой борьбой противостоящих сил, вынуждающей их продуцировать мифологемы, призванные очернить соперника, и в результате, привлечь на свою сторону широкие народные массы, чем склонить перевес в свою пользу. Не стал исключением и период российской истории с февраля по октябрь 1917 г. Авторами легенды о «немецком золоте» стали, по сведениям некоторых историков,²⁰ начальник контрразведки штаба Петроградского военного округа полковник Никитин и сотрудник французской контрразведки в Петрограде капитан Пьер Лоран – представители Антанты и антантовских кругов России. Зная о намерении лидеров большевиков вернуться

на родину через территорию Германии и перехватив коммерческую переписку Я.С. Ганецкого, возглавлявшего торговую фирму в Стокгольме, они создали «дело» о получении большевиками денег от германского правительства для ведения в России «подрывной работы».

Несмотря на надуманность и даже вздорность подобных измышлений с точки зрения серьезной исторической науки, Г.А. Соболев обстоятельно препарировывает каждый исторический факт, каждую ситуацию или эпизод, вызывающий двусмысленное толкование. На страницах его труда подвергаются глубокому анализу и провокационная деятельность французского контрразведчика Л. Тома; и невнятный эпизод с прапорщиком Д.С. Ермоленко, откровениям которого творцами легенды отводилась значительная роль; и книга американского историка С. Ляндреса, придавшая значительный импульс легитимизации легенды; и Брестский мир, трактованный радикально-патриотически настроенными россиянами как результат сговора большевиков с немцами.²¹ Выводы и оценки Г.Л. Соболева обоснованы, достоверны, научны и не имеют ничего общего с нетрадиционными и весьма тенденциозными заключениями некоторых авторов, наподобие вывода И.А. Бунича о том, что «созданное Лениным социалистическое государство было, по сути, германским протекторатом до крушения Германии».²²

Рассматривая исследование Г.Л.Соболева о «немецком золоте» в широком диапазоне подходов — и с позиций канонических заключений и выводов; и в контексте современных тенденций к переосмыслению минувшего в свете появления значительного числа ранее закрытых источников и литературы, — нельзя сказать, что симпатия или антипатия автора находится на стороне В.И. Ленина или его политических оппонентов. Ученый беспристрастен и объективен в оценке выявленных фактов. Он ни о чем не умалчивает, ничего не приукрашивает, не домысливает, не допускает произвольности в трактовках. Все его выводы основываются на тщательно проанализированных и прокомментированных фактах, в них нет никакой ангажированности. Книга Г.Л. Соболева — глубокое, высокопрофессиональное исследование, вносящее существенный вклад в историческую науку.

Примечания

¹ См.: *Логинов В.* О «пломбированном вагоне», «немецком золоте» и пользе переиздания старых книг // *Коммунист.* 1991. № 5. С. 125.

² Там же. С. 126.

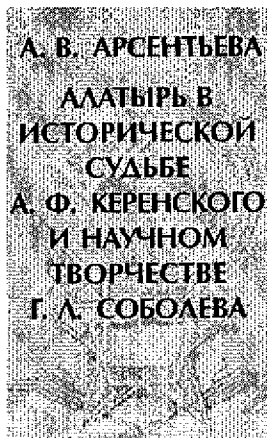
³ Цит. по: *Волкогонов Д.* Ленин. Политический портрет. В 2 кн. Кн. 1. М., 1994. С. 222.

- 4 Там же. С. 223.
- 5 Цит. по: *Волкогонов Д.* Ленин. Политический портрет. С. 223.
- 6 *Соболев Г.Л.* Тайна «Немецкого золота». СПб: Издательский дом «Нева»; М.: 2002.
- 7 Там же. С. 61.
- 8 *Суханов Н.Н.* Записки о революции: В 3 т. Т.2. Кн. 3-4. М., 1991. С. 5.
- 9 См.: *Платтен Ф.* Ленин из эмиграции в Россию: Сборник. М., 1990. С. 30, 36; *Логинов В.* О «пломбированном вагоне». С. 125; *Хальвег В.* Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. М., 1990. С. 27.
- 10 *Соболев Г.Л.* Тайна «Немецкого золота». С. 65-66.
- 11 Там же. С. 67.
- 12 Там же.
- 13 Цит. по: *Хальвег В.* Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. С. 61.
- 14 *Соболев Г.Л.* Тайна «Немецкого золота». С. 72.
- 15 *Керенский Л.Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 175.
- 16 *Соболев Г.Л.* Тайна «Немецкого золота». С. 92.
- 17 *Хальвег В.* Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. С. 94.
- 18 *Соболев Г.Л.* Тайна «Немецкого золота». С. 95-96.
- 19 Там же. С. 97.
- 20 *Логинов В.* О «пломбированном вагоне». С.124.
- 21 *Соболев Г.Л.* Тайна «Немецкого золота». С. 110-112,156-157,186-187, 300.
- 22 *Бунин И.Л.* Золото партии. СПб., 1999. С. 8.

Город Алатырь Симбирской губернии и научное творчество Г.Л. Соболева своеобразно связаны личностью А.Ф. Керенского. В Алатырской женской гимназии и реальном училище преподавателем русского языка работал троюродный брат Александра Федоровича — Сергей Алексеевич Керенский. Спустя столетие Г.Л. Соболев стал автором-составителем интереснейшего научного издания о петроградском периоде жизни и деятельности А.Ф. Керенского.¹

Алатырь был уездным центром Симбирской губернии. В 1870 г. здесь была открыта женская прогимназия, преобразованная в 1908 г. в гимназию. Она была одним из крупнейших учебных заведений на территории современной Чувашии. С 1870 по 1918 г. ее окончили 688 учениц, 251 из которых прошли обучение в дополнительном педагогическом классе, получив звание домашней наставницы или домашней учительницы.²

Деятельность гимназии оставила значительный след в жизни Алатырского уезда, Сибирской и Казанской губерний, в ней создана прекрасная библиотека, где помимо учебников были собраны произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Н.В. Го-

голя, Дж. Байрона, В. Шекспира и др. В ходе насыщенного учебного процесса девочки изучали немецкий, французский и русский языки, историю, естествознание, физику, чистописание, математику, пение, музыку, танцы, гигиену, занимались рукоделием, шили, вышивали, изготавливали предметы домашнего обихода. Эти навыки, приобретенные в ходе учения, имели большое и важное значение для них как будущих жен и матерей.

Обучение длилось 190-200 дней в году, занятия начинались с 17 августа и продолжались до мая, иногда эти сроки менялись. Учебный год делился на 2 полугодия и 4 четверти. Занятия проводились ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней. Кроме того, устраивались рождественские, пасхальные и летние каникулы. Воспитанницы приступали к урокам с 9 утра и заканчивали занятия в 14 часов 10 минут. За учебой и поведением учениц следили строго, невыполнение домашних заданий и опоздания влекло в качестве наказаний оставление после уроков и без обеда, что было действенной воспитательной мерой.

Обучение в гимназии было платным. За посещение занятий

в 1-4-х классах платили 20 руб., 5-7-х классах — 30 руб., в восьмом классе — 60 рублей.³ Взносы учениц за посещение уроков составляли большую часть доходов гимназии. Так в 1914 г. они достигли 9066 руб., в то время как государственная казна выделила 2850 руб., городская дума - 1600, земство - 2400 руб.⁴ Денежные средства поступали также от граждан уезда: финансовую помощь гимназии перечисляли купец А. Ползиков, гвардии ротмистр П. Мятлев, алатырский предводитель дворянства В. Андреев, попечительница Самойлова и др.⁵

С февраля 1912 г. в гимназии стали практиковаться именные стипендии. Первые из них учредил почетный гражданин города Н.К. Попов. Стипендии назначались девочкам, родители которых состояли на действительной службе у торгово-промышленного товарищества «К.Н. Попов и К⁰» в Алатыре.

Выпускницам, успешно закончившим гимназию вручали аттестат, а добившихся высоких результатов награждали золотой и серебряной медалями. Например, в 1909 г. из 30 учениц лишь одна была оставлена на второй год, 9 — награждены золотой, 5 - серебряной медалями.⁶

Радикальные изменения в планомерную и размеренную жизнь гимназии внесла Первая мировая война: в помещениях разместились запасные воинские нижние чины. В 1916 г. рассматривался вопрос о развертывании в здании гимназии лазарета для раненых. Но непригодность помещений для этих целей вынудила власти отказаться от таких намерений.

Помощь военным оказывал педагогический коллектив гимназии, ежемесячно отчисляя 3% зарплаты, из которых 1% тратился непосредственно на нужды войны, 2% — на содержание лазарета для раненых. 1 мая 1915 г. был проведен платный вечер, доход от которого составил 198 руб. 72 коп. Половина собранных средств была выслана в Петроградский комитет для помощи пострадавшим от войны; 70 руб. направлялась местному патронату Общеземского союза помощи раненым и больным воинам, а остальные средства потрачены на покупку и отсылку подарков солдатам в действующую армию.⁷

Одновременно с женской гимназией в г. Алатыре функционировало реальное училище (1910—1918), авторитет которого был высоким. Об этом говорят факты перевода на учебу в него из Казанской и Симбирской гимназий, Саранского реального училища. В данном учебном заведении были организованы физический, естественно-исторический, музыкальный, рисовальный классы-кабинеты, химическая лаборатория, которые оборудовались с учетом их специфики. Физический кабинет, в котором к 1917 г. насчитывался 1041 прибор, располагался в отдаленном от учебных классов помещении, поскольку проведение занятий

требовали соблюдения правил техники безопасности, осторожности в пользовании электромашинами. Там размещалась техника для демонстрации лучей, рентгеновская установка, беспроводный телеграф, спектроскоп и многое другое. Химический, рисовальный кабинеты ежегодно пополнялись необходимыми компонентами и оборудованием. Специфические материалы имелись для преподавания истории, географии, русского и иностранных языков, пения, музыки, гимнастики.⁸

Учебный процесс был организован на основе кабинетной системы. Главной формой учебных занятий были уроки. Обязательными предметами были закон божий, русский язык, иностранные языки (немецкий и французский), математика (арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия), история, география, естествознание, химия, физика, космография, рисование, черчение, чистописание, законоведение; факультативно преподавались пение, музыка, гимнастика, латинский язык.

Религиозно-нравственное воспитание осуществлялось на уроках закона божьего (по 2 часа в неделю во всех классах), путем введения в преподавание Святой истории, изучение Ветхого и Нового Завета, богослужений в православной церкви. Обязательным предметом для всех являлся русский язык, на который отводилось от 4 до 5 часов в неделю. На должном уровне было организовано преподавание иностранных языков. Немецкий изучался во всех классах — по 4 часа в неделю в младших классах, по 3-4 часа — в старших. Со второго класса все учащиеся осваивали французский язык: от 5 до 2 часов в неделю. Большое место в учебном плане занимала история.

На высоком уровне была поставлена и математическая подготовка, на которую выделялось значительное количество часов: в I-III классах по 4 часа в неделю, в IV-VI — по 6 часов, в VII — 5 часов. В течение года учащиеся выполняли 10-16 письменных работ, а в выпускном классе вводился специальный курс — алгебра с элементами аналитической геометрии и анализа бесконечно малых чисел. К организации письменных работ преподаватели относились с большой ответственностью: задания составлялись ведущими преподавателями, затем варианты обсуждались на классных комиссиях с последующим утверждением на педагогическом совете. С третьего класса вводились переводные экзамены, в основном проводившиеся в письменном виде. К ним учащихся готовили в течение всего года, поэтому особых сложностей при выполнении заданий они не встречали. Число невыдерживающих было мизерным. Более сложными были выпускные и окончательные испытания, но и они проходили без инцидентов, поскольку уровень знаний учащихся был достаточно высоким.

Организация учебно-воспитательного процесса находилась в центре постоянного внимания педагогического совета. На его заседаниях рассматривались вопросы, направленные на совершенствование процесса подготовки учащихся, касающиеся различных сторон жизнедеятельности. Примером служит практика обсуждения учебников. Ведущие преподаватели обосновывали необходимость замены учебников, а совет принимал соответствующее решение. В 1913 г. был заменен учебник химии Полянского, учебник истории словесности Стефановского — учебником П. Дворникова и т.п. Совет регулярно рассматривал вопросы введения новых программ, успеваемости и результатов проверки знаний учащихся, списки литературы для внеклассного чтения, поскольку библиотека содержала большое количество литературы, и учащиеся затруднялись в выборе произведений. Заслушивались отчеты преподавателей, врача, библиотекаря и других, кто был связан с учебным процессом. На заседаниях царил рабочая обстановка, поощрялась свобода мнений. Ежегодно педсовет проводил около тридцати заседаний. Несомненно, его деятельность сыграла положительную роль в развитии учебного заведения, в объединении творческих усилий коллектива на разностороннюю и результативную подготовку воспитанников.

После окончания VI класса учащиеся, как правило, продолжали учебу в дополнительном классе, выпуск из которого был небольшим, так как ежегодный отсев учащихся был значительным. Так, в 1910/11 учебном году из училища выбыло 26 учеников. Причиной этого были требовательность к успеваемости и другие обстоятельства, в том числе неуплата за учебу, болезни, а также неуспеваемость или плохое поведение. В том же учебном году VI класс окончили 15 учеников, 13 из которых решили продолжить учебу в VII классе, но окончили его в следующем году лишь 8 человек. Все они изъявили желание продолжить учебу: один поступил в университет, остальные стали студентами высших технических учебных заведений. К сожалению, судьба выпускников училища по выявленным материалам не прослеживается. Алатырцы гордятся именами выпускников реального училища: И.А. Пигалева, ставшего доктором медицинских наук, лауреатом Государственной премии, работавшего в годы Великой Отечественной войны начальником военных госпиталей в Ленинграде; доктора медицинских наук Г.И. Суворова; профессора Московского университета и бывшего ректора Новочеркасского политехнического института В.П. Егоршина.

Женская гимназия и реальное училище внесли значительный вклад в развитие образования в Симбирской губернии. Анализ организации учебного процесса, используемых в указанных учебных заведениях ме-

тодов и средств обучения, ознакомление с внеклассной жизнью учащихся свидетельствуют о том, что был накоплен ценный опыт подготовки специалистов, который может представлять интерес и в наше время. Высокой оценки заслуживает продуманная система учебных планов и программ, использование адекватной требованиям того времени методики преподавания, постановке работы по постоянному повышению профессионального мастерства педагогов. Гимназия и училище были не только очагами образования, но и важнейшими центрами культурной жизни города.

Первым директором Алатырского реального училища, преподавателем русского языка в нем и женской гимназии был Сергей Александрович Керенский, троюродный брат А.Ф. Керенского. К величайшему сожалению в архиве не сохранилось его личное дело. Из его биографии известно, что он родился в Симбирске, окончил духовную семинарию в г. Казани, приехал в г. Алатырь в женскую гимназию в качестве учителя русского языка в 1908 г. В 1910 г. он стал директором реального училища. Он достиг высокого уровня образования, занимался научно-исследовательской деятельностью. К сожалению, жизнь его внезапно оборвалась: в 1912 г. он скончался от тифа.

Такое хитросплетение исторических судеб связало Алатырь с А.Ф. Керенским. На этой основе ассоциируется и имя подготовившего книгу об одном из ведущих политических деятелей России 1917 г. — Г.Л. Соболева. Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова поддерживает тесные связи с видным российским ученым, ставшим научным руководителем кандидатских диссертаций, выполненных аспирантами из ЧГУ, рецензентом книг, оппонентом диссертаций преподавателей нашего вуза. В начале 1990-х годов ряд историков, оказавшихся на перепутье, раздумывали, как им дальше трактовать новейшую историю России. Геннадий Леонтьевич писал и издавал книги и статьи, в которых давал объективную оценку событиям 1917 г. и его последствиям. Он неоднократно приезжал в Чебоксары и на базе университета проводил курсы повышения квалификации преподавателей, и учителей истории, встречался со студентами. Здесь вышла в свет подготовленная им книга об А.Ф. Керенском, в которую включены выдержки из дневников, статей, очерков и воспоминания современников. Геннадий Леонтьевич предоставил читателям возможность оценивать А.Ф. Керенского по документам. Особую значимость представляют комментарии, включающие сведения обо всех, кто упомянут на страницах книги. Здесь впервые опубликован ряд имен забытых исторических деятелей. В этом заслуга Г.Л. Соболева, работавшего глубоко и се-

рственно, с любовью к своему делу. Он является учителем с большой буквы, в лучшем своем проявлении. Ему как ученому и гражданину небезразлична судьба и ее история, в освещении которой он вносит свой огромный вклад.

Примечания

- ¹ Александр Керенский: Любовь и ненависть революции. Дневники, статьи очерки и воспоминания современников. 1993.
- ² ЦГА ЧР. Ф. 210. Оп. 1. Д. 62. Л. 9; Д. 172. Л. 121-123.
- ³ Там же. Д. 123. Л. 197.
- ^А Там же. Д. 354. Л. 20.
- ⁵ Там же. Д. 11. Л. 1; Д. 223. Л. 16.
- ⁶ Там же. Д. 279. Л. 33.
- ⁷ Там же. Л. 33.
- ⁸ *Арсентьева А.В., Демидова И.И.* Реальное образование в дореволюционной Чувашии// Народная школа. 1995. № 4. С. 114.

Профессионализм исследователя исторических процессов определяется исходя из нескольких критериев, одним из основных среди которых является его объективность, верность единой, раз и навсегда избранной методологии анализа и освещения минувшего, а значит — неподверженность конъюнктуре. В периоды радикальных пересмотров устоявшихся базовых теоретических основ толкования исторических событий перед ученым нередко возникает соблазн дать, пусть не всегда научно обоснованную и достоверную, но инновационную или нетрадиционную трактовку хорошо, казалось бы, изученных явлений. Как правило, такого рода попытки, отвечающие требованиям актуальности, злободневности, благосклонно встречаются общественностью: исследователь реализует назревшую необходимость переоценки ранее неверно истолкованного исторического опыта. Такая позиция конъюнктурна, гарантирует повышенное внимание к публикациям, обеспечивает возможность быть на виду, но, как правило, далека от истинной исторической науки. О пагубности обретения ею ненужной публичности, излишней публицистичности предупреж-

дал патриарх отечественной исторической мысли И.Д. Ковальченко, сетовавший об излишней, суетной увлеченности «освещением белых пятен» и выявлением «всей правды истории».¹

Другим непростым испытанием, которое может возникнуть перед серьезным исследователем, выступают периодически возникающие методологические кризисы в исторической науке, как правило, связанные с количественно-качественными изменениями в ее структуре, происходящими как на глобальном, так и локальном уровне. В частности, на рубеже XX—XXI вв. много говорилось о распаде «функционалистских парадигм» (прежде всего — марксизма и структурализма), вылившемся в «догоняющее измельчение истории», которым обосновывался неконструктивизм идеи каузальности² — основы отечественной исторической мысли XX в.

Научное творчество Г.Л. Соболева являет собой образец глубокого профессионализма, опирающегося на лучшие традиции отечественной исторической науки, верного единожды избранной методологии исследований, неподверженного конъюнктуре. В полной мере эти качества проявились

в научном труде о питерском пролетариате в 1917 г.,³ появившемся в начале 1990-х годов, когда активное переосмысление устоявшихся канонов и их нетрадиционная оценка с обязательным поиском негатива при раскрытии так называемых «белых пятен» стали едва ли не правилом «хорошего тона». В этой связи можно констатировать, что данное исследование ученого стало должным ответом российского историка на ангажированную инновационность подходов к изучению неоднозначных сюжетов минувшего.

Видение автором исторических реалий 1917 г. заявлено уже в названии монографии: он в оценке событий и процессов исходит из того, что пролетариат в развитии революции играл авангардную, решающую роль. В книге указывается, что передовые рабочие были настроены на решительную борьбу, даже их отсталая часть.⁴ Г.Л. Соболев подчеркивает, что рабочий класс стал лидером и гегемоном начавшихся в стране радикальных преобразований, такая оценка объективна и находит подтверждение в исследованиях других ученых. Так, В.П. Булдаков в работе, появившейся немного ранее, указывает на такую особенность развития российской промышленности, как ее концентрации в условиях государственного капитализма. Основная часть пролетариата была сосредоточена в индустриальных центрах на предприятиях с числом занятых свыше 500. При этом 400-тысячный отряд рабочих Петрограда составлял 12% всех промышленных рабочих России, а на 379 заводах города, работавших в основном на оборону, насчитывалось треть всех занятых в металлообрабатывающей промышленности.⁵ Эта масса при определенных условиях могла стать критической и обрести решающий характер в нарастании событий.

В отличие от авторов, избегавших новых в новых исторических условиях признания решающей роли пролетариата в революционных событиях и подменявших ее выходом «на орбиту самостоятельного исторического творчества широких масс трудящихся»⁶ и объясняющих такой подход необходимостью отказа от «упрощенных причинно-следственных связей» и «жесткого детерминизма, фактически игнорировавшего диапазон революционного творчества людей»/ Г.Л. Соболев объективно оценивает уровень политической зрелости питерских рабочих в 1917 г. Он, констатируя решающую роль пролетариата, признает, что широкие круги рабочих слабо понимали принципиальные различия между политическими партиями, но находились на позиции «беспартийной революции».⁸ Это объективный взгляд, основывающийся не на политико-идеологическом, а социально-политическом подходе. Тем более что аналогичны были оценки очевидцев и участников событий.'

Представляет интерес сопоставление основных положений о развитии революционного процесса в концепции Г.Л. Соболева и в трудах зарубежных исследователей. В книгах Р. Пайпса,¹⁰ Н. Верта,¹¹ Дж. Боффа¹² преобладает анализ деятельности политических партий и отдельных политиков, сыгравших важную роль в развитии революционных событий, однако ни у одного из указанных авторов практически нет указаний на роль пролетариата в революционном процессе. В работе П. Верта, выполненной в духе школы «Анналов», приводятся многочисленные фактические данные, констатируются факты с позитивистских позиций. Рабочий класс упоминается как участник конфликта с Временным правительством,¹³ но без объяснения причин и форм этого конфликта. В то время как Г.Л. Соболев подчеркивает: пролетариат после свержения буржуазного правительства показал, что его жизненные интересы направлены на восстановление производства, но на новых условиях. Рабочие, добившись удовлетворения ряда своих социальных требований, тем самым раздвинули рамки буржуазно-демократической революции.¹⁴ Г.Л. Соболев в отличие от западных историков видит в пролетариате действенную и решающую силу революции.

Практически ничего не говорит о пролетариате видный западный историк российского Октября 1917 г. А. Рабинович.¹⁵ Лишь характеризуя позицию рабочих в августе, он констатирует, что они «были разгневаны» и «всякие переговоры о коалиционной власти в условиях борьбы буржуазии и ее ставленника Л. Корнилова с народом воспринимали как измену делу свободы».¹⁶ Отчасти подробный подход совпадает с оценками Д. Боффа,¹⁷ однако речь идет опять-таки о политической, а не социальной составляющей процесса. Г.Л. Соболев, не игнорируя политического аспекта, показывает рабочий класс как объект борьбы политических партий за влияние на него с полным пониманием того, что он является решающим фактором революции. Вместе с тем автор отмечает, что острое соперничество политических партий вело к дроблению сил пролетариата, затрудняло понимание им характера совершающихся в стране перемен.¹⁸ Такая оценка объективна и созвучна выводам ведущих отечественных историков, изучающих рассматриваемый период. Так, по мнению П.В. Волобуева, партии мелкобуржуазной демократии, считавшие идеалом западно-европейскую модель капитализма, «приложили весьма слабые усилия, чтобы реформистским путем выйти из войны, разрухи и кризиса».¹⁹

Особого внимания заслуживает оценка степени детерминированности революционных событий, данная в работе Г.Л. Соболева. Видные зарубежные исследователи Э. Карр и Д. Анин констатируют высокую

степень случайности процессов, происходивших в России в 1917 г. Причем если Э. Карр говорит об этом достаточно осторожно, подчеркивая, что «двоевластие возникло почти случайно»,²⁰ то Д. Анин подводит такое основание под «одно из величайших событий человеческой истории» в целом.²¹ В противовес такому вероятностному подходу и доказывая закономерность основных событий, Г.Л. Соболев констатирует, что уже с осени 1916 г. «забастовочное движение рабочих стало серьезным фактором развития революции»: оно стало влиять на солдат.²² В дальнейшем «рабочие, создав свою власть — Советы, объединились с солдатами, что стало решающим условием победы революции».²³ Созвучные идеи высказывались в одном из первых серьезных исследований постсоветского времени — двухтомнике «Наше отечество», выпущенном авторским коллективом в 1991 г., в котором утверждалось, что только при большевизации советов с неременным участием рабочего класса можно было взять власть.²⁴

Размышляя о цене Октябрьской революции и гражданской войны, в пучине которой исчезла основная часть дореволюционного российского пролетариата, Г.Л. Соболев справедливо и по-настоящему мудро отмечает, что было бы необъективно привлекать к исторической ответственности силы, совершившие революцию. Глубина авторской позиции ученого проявляется в выводе о том, что решимость питерских рабочих покончить с властью буржуазии и осуществить свою роль пролетарского авангарда исходила из социальной безысходности и бесплодности буржуазных партий.²⁵

Эта оценка Г.Л. Соболева созвучна мнению П.В. Волобуева: осенью 1917 г. массы ходом событий были подведены к альтернативе — либо диктатура пролетариата, либо диктатура контрреволюционной военщины. Угрожающе нарастала и другая перспектива: русский бунт. И большинство населения, поставленное перед таким выбором, вполне осознанно сделало его в пользу революционного пролетариата²⁶ как наиболее организованной и последовательной в достижении своих целей части общества.

Исследователь, анализирующий минувшее, должен делать поправку на то, что в спорах и дискуссиях сегодняшнего дня незримое и негласное участие принимает история как совокупность состоявшихся событий. Этот информационный массив способен оказывать подспудное влияние на современные оценки, выражающиеся в тенденциях механического переноса в прошлое сегодняшних представлений. Вольно или невольно, но при таком подходе события прошлого оцениваются не с точки зрения его реальных противоречий, проблем и возможнос-

тей, а с позиций соответствия или несоответствия современным знаниям, предпочтениям, приоритетам, а то и просто индивидуальной точке зрения того или иного ученого или даже публициста.²⁷

Профессионализм и мудрость историка заключается как раз в том, чтобы не поддаваться подобным соблазнам, освещать историю с подлинно научных позиций, а не с целью занимательности или сенсационности. Правда в истории предполагает решение серьезнейших узкоспециальных и обобщенных вопросов и не сводится к указаниям на виновников и эмоциональным обвинениям. Историк — не моралист, и он не вправе подменять анализ нравоучением, а знание — эмоциями.²⁸ Всем этим критериям в полной мере отвечает научное творчество видного русского ученого Г.Л. Соболева.

Примечания

- ¹ Ковальченко И.Д. «Исследование истины само должно быть истинно» // Коммунист. 1989. № 2. С. 86.
- ² См. об этом: Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005. С. 121, 123.
- ³ Соболев Г.А. Пролетарский авангард в 1917 году. СПб., 1993.
- ⁴ Там же. С. 21.
- ⁵ Булдаков В.П. Путь к Октябрю // Октябрь 1917 г.: величайшее событие века или социальная катастрофа. М., 1991. С. 25.
- ⁶ Наумов В., Рябов В., Филиппов Ю. Об историческом пути КПСС в свете нового мышления // Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М., 1989. С. 36.
- ⁷ Там же. С. 35.
- ⁸ Соболев Г.А. Пролетарский авангард в 1917 году. С. 27.
- ⁹ См.: Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 г. М., 1990. С. 23.
- ¹⁰ Пайнс Р. Русская революция. В 2 ч. М., 1994.
- ¹¹ Верт Н. История советского государства. 1900-1991. М., 1992.
- ¹² БоффаД. История Советского Союза. Т. 1. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917-1941. М., 1994.
- ¹³ Верт Н. История советского государства. С. 97.
- ¹⁴ Соболев Г.А. Пролетарский авангард в 1917 году. С. 89.
- ¹⁵ Рабинович А. 1) Революция 1917 года в Петрограде: Большевики приходят к власти. М., 2003; 2) Кровавые дни: Июльское восстание 1917 г. в Петрограде. М., 1992.
- ¹⁶ Рабинович А. Революция 1917 года в Петрограде. С. 200.
- ¹⁷ БоффаД. История Советского Союза. Т. 1. С. 42.
- ¹⁸ Соболев Г.А. Пролетарский авангард в 1917 году. С. 115.
- ¹⁹ Волобуев П.В. Обращаясь к великому опыту // Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 48.

- ²⁰ *Карр Э.* История Советской России. Кн. 1. Т. 1-2. Большеви́стская револю́ция 1917-1923. М., 1990. С. 75.
- ²¹ *Анина А.* Послесловие (О причинах поражения)// Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания русских политиков и комментарий западного историка. М., 1991. С. 366.
- ²² *Соболев Г.А.* Пролетарский авангард в 1917 году. С. 33-34.
- ²³ Там же. С. 62.
- ²⁴ Наше Отечество. Ч. I. М., 1991. С. 360-361.
- ²⁵ *Соболев Г.Л.* Пролетарский авангард в 1917 году. С. 236.
- ²⁶ *Волобуев П.В.* Обращаясь к великому опыту. С. 46.
- ²⁷ *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. С. 17.
- ²⁸ Там же. С. 23.

Значительный интерес в кругах исследователей истории Великой Отечественной войны вызвала опубликованная в 1966 г. работа Г.Л. Соболева,¹ ставшая заметным вкладом в освещение одного из самых трагических периодов истории отечественной науки. Автор в небольшой по объему, но фундаментальной по значимости работе исследовал проблему научного творчества в экстремальных условиях войны, отразившую духовный мир советского ученого, показал вклад научных работников в Великую победу.

Реакция научного сообщества Ленинграда — ученых, преподавателей и студентов — на фашистскую агрессию была единой: они записывались в народное ополчение, уходили на фронт добровольцами, с оружием в руках вставали в строй рядовыми и командирами воинских подразделений. Абсолютное большинство сотрудников академических институтов города записалась в народное ополчение. Только в ЛГУ из добровольцев было сформировано и отправлено на фронт 7 батальонов народного ополчения, а на основе Института физической культуры им. П.Ф. Лесгафта было создано 13 партизанских отрядов, сражав-

шихся на территории Ленинградской области.² Освещая этот сюжет героической обороны Ленинграда, историк следует традиции, сложившейся в отечественной историографии. Аналогичные факты, приводимые другими исследователями, и выводы, сделанные ими на основании изучения исто-

рии обороны советских городов.³

По мнению Г.Л. Соболева, вынужденным шагом стала начавшаяся в связи со стремительным приближением войск противника эвакуация части научных учреждений в глубокий тыл. Уполномоченным по эвакуации от правительства был назначен председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы профессор С.В. Каштанов. В АН СССР за эту работу отвечал ее вице-президент О.Ю. Шмидт.⁴ Даже не беспристрастный американский историк Л. Гуре писал, что многие ленинградцы, «начиная с академиков и кончая простыми рабочими, желая участвовать в защите своего города, делали все возможное в их силах, чтобы избежать принудительной эвакуации». Категорически отказались покинуть город академики С.А. Жебелев, И.Ю. Крачковский, И.А. Орбели, А.А. Ухтомский.

8 сентября 1941 г., находившийся в блокированном городе депутат Верховного Совета СССР академик А.А. Байков, выступая по радио, подчеркнул: «Я заявляю вам от имени интеллигенции города Ленина, что в священной борьбе, которую ведет наш народ, она вместе со всеми ленинградцами покажет образцы героизма, стойкости, мужества».⁶ С целью сохранения материальных ценностей, оборудования, научных заделов, а также ученых крупнейших научных учреждений было решено эвакуировать из Ленинграда в Йошкар-Олу Государственный оптический институт. Во главе учреждения стоял С.И. Вавилов, руководивший также Физическим институтом АН СССР, размещенным в Казани. Ученый сумел наладить эффективную работу обоих институтов.⁷

Начальный период блокады Ленинграда привлек внимание Г.Л. Соболева тем, что на первый план вышли вопросы перестройки научно-исследовательской работы для нужд фронта и функционирования промышленности города, борьба с голодом, усилия ученых-медиков, направленные на спасение жизней бойцов Красной Армии и гражданского населения.

Решение огромного количества практических задач в условиях блокады потребовало организации эффективного взаимодействия науки с производством и фронтом. Были созданы десятки комиссий, научно-технических бригад, специальных штабов оборонных работ с участием ведущих сотрудников институтов и вузов, в крайне сжатые сроки решавших ежедневно обострившиеся проблемы обороны города. Оказывалась существенная консультативная помощь предприятиям и учреждениям. Происходил постепенный перенос прикладных исследований из лабораторий академических институтов в цеха фабрик и заводов.

Лучшие научные силы были привлечены к проектированию и строительству оборонительных сооружений, бомбо- и газоубежищ, усилению противопожарной и противовоздушной обороны, маскировки наиболее важных объектов, переводу транспорта с двигателями внутреннего сгорания на газогенераторы, использующие твердое топливо, гидрологическому обеспечению ладожского участка «Дороги жизни»,⁸ широким физико-химическим исследованиям сотен материалов, используемых в качестве всевозможных заменителей топлива, металлов, продуктов питания. Необходимо было решать и массу более частных, но не менее важных задач: сокращение сроков плавки и получение новых сплавов, поиски заменителей огнеупорных материалов, четкое метрологическое обслуживание предприятий, создание нового вида изоляции для высокочастотного кабеля, разработка нового способа выращивания пьезокристаллов, получение специальных сортов бумаги для электропромышленности. В плане определения степени приоритетно-

сти тех или иных исследований работа Г.Л. Соболева перекликается с научной перепиской военных лет П.Л. Капицы, поставившего перед И.В. Сталиным вопрос о выявлении круга первостепенных задач и сосредоточении на их реализации всех сил и ресурсов.⁹

Интенсивная работа шла и по сугубо оборонной тематике: созданию новых образцов военной техники, помощи в налаживании выпуска оборонной продукции, анализу трофейных материалов и боеприпасов, испытанию танковых и авиационных двигателей в условиях низких температур, регенерации отработанных смазочных материалов, астронавигационному обеспечению авиации и флота, освоению производства светосоставов постоянного действия, созданию новых рецептов зажигательных веществ и производству боеприпасов. Так, в Химико-технологическом институте им. Ленсовета сумели получить взрывчатое вещество с мощностью, превосходящей тротил из имевшегося в городе доступного сырья.¹⁰ В результате благодаря производству суррогатов взрывчатки удалось «...сэкономить 1000 тонн тротила и дать фронту за первые полгода войны 7 млн единиц различных боеприпасов».¹¹ Среди успешно реализованных оборонных заданий оказалась и разработка действенной противоминной защиты военных кораблей, выполненная группой ученых, возглавляемых А.П. Александровым и И.В. Курчатовым.

Самым губительным проявлением блокады был голод. Уже в начале октября 1941 г. стала сказываться катастрофическая нехватка продовольствия, а примеси суррогатов к муке при выпечке хлеба доходили до 40%. Шел отчаянный поиск всего, что обладало хотя бы минимальной пищевой ценностью. Данный аспект рассматривается Г.Л. Соболевым в общем контексте изучения роли советских биологов в годы войны.

В различных научных учреждениях шла напряженная работа по переработке технического альбумина, созданию специальных эмульсий для хлебопекарной промышленности, сберегающих подсолнечное масло, извлечению питательных веществ из сои, поиску и разработке антицинготных средств, освоению синтеза витамина «В¹», производству из хвои витамина «С». Важнейшая проблема по разработке технологии гидролиза целлюлозы была решена специалистами, возглавляемыми профессором Лесотехнической академии В.И. Шарковым.¹² С конца ноября пищевая целлюлоза уже использовалась при выпечке хлеба. Всего же в период блокады было получено «...свыше 26 тыс. тонн различных примесей, что обеспечило населению города дополнительно около 50 тыс. тонн хлеба».¹³ Для города, в котором каждый грамм продовольствия был на вес золота, только решение этой проблемы позво-

лило сохранить тысячи жизней.

По данным медиков, основной причиной смертности горожан во время блокады стала алиментарная дистрофия. Первые блокадники стали умирать от голодного истощения уже в середине ноября 1941 г., а уже к концу февраля 1942 г. погибли сотни тысяч ленинградцев. Вскоре, почти одновременно с дистрофией широкое распространение получила цинга. Для изучения и смягчения протекания данных заболеваний была проведена огромная исследовательская работа. Смертельная опасность не сломила защитников города. «Научные работники гибли от дистрофии, но они с гордостью могли заявить, что им не было знакомо чувство „моральной дистрофии“, на которую так рассчитывало немецкое командование, блокируя Ленинград. В самоотверженной борьбе ученых за свой город ими руководила глубокая преданность Родине».¹⁴

Зимой 1941 г. и весной 1942 г. в городе периодически возникали вспышки сыпного и брюшного тифа, которые только в результате самоотверженного труда медиков не приобрели характер эпидемии. Другим важнейшим направлением в деятельности ученых-медиков стала разработка и применение новых эффективных методик лечения ранений, полученных как военнослужащими, так и гражданским населением. Поиски заменителей медикаментов, ввозимых ранее из-за границы и предназначенных для лечения огнестрельных ранений, привели к созданию замечательного пихтового бальзама вместо импортируемого прежде перуанского. В условиях, когда в госпиталях стали заканчивать перевязочные средства, ученые нашли замену вате. Ею стали сфагновые мхи, из которых было изготовлено 300 тыс. перевязочных подушечек. Всего же благодаря ученым — медикам, фармакологам, химикам, биологам в городе производилось 80 наименований крайне необходимых медицинских препаратов.¹⁵

Особую значимость для будущих поколений приобретало спасение культурных и научных ценностей. В этой работе участвовали тысячи сотрудников библиотек, архивов, музеев, институтов. Параллельно многие сотрудники начинали поиск и сбор разнообразных письменных материалов и документов, свидетельствующих о жизни, борьбе и творчестве блокадников на грани небытия, вели, порой до последнего вздоха, хроники и личные дневники. Так, только сотрудниками Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина было собрано свыше 50 тыс. печатных материалов и фотографий.¹⁶

Борьба с фашизмом охватывала и идейно-политическую сферу, вела к поиску духовной опоры, необходимости апелляции к героическому прошлому нашей страны. Главную роль в этом должны были сыграть и

сыграли обществоведы, пером и словом укрепляя моральный дух сражающихся, поддерживая веру в победу. В.В. Мавродиным, Б.М. Кочаковым, И.И. Смирновым и другими были подготовлены брошюры о полководцах, олицетворявших славу русского оружия, — Дм. Донском, Л. Суворове, М. Кутузове; Д.С. Лихачев и М.А. Тарханова написали книгу «Оборона древнерусских городов», печатался в блокаду труд Е.В. Тарле «Крымская война».

Исследуя развитие науки в условиях войны, Г.Л. Соболев справедливо выделил и такой ее компонент, как подготовка кадров в высших учебных заведениях. Несмотря на голод и холод, артиллерийские обстрелы и бомбардировки, уход на фронт большей части студентов и профессорско-преподавательского состава, ряд вузов вопреки всему продолжал вести учебно-воспитательный процесс, и даже зимой 1941—1942 г. было подготовлено 2500 специалистов.

Показателен в этом отношении пример одного из крупнейших вузов страны - ЛГУ. По данным Г.Л. Соболева, до войны в нем обучалось более 5 тыс. студентов. В 1941 г. на фронт ушли свыше 2,5 тысяч человек, в том числе более 200 преподавателей. В январе 1942 г. в списках студентов оставалось всего около 300 человек.

Блокада Ленинграда — явление беспрецедентное в мировой истории, как по масштабам трагедии, так и по величию духа, проявленного защитниками города. И выражение «научный подвиг» — не метафора, а реальная констатация того, что совершали ученые во время войны и блокады. В мартирологе ленинградской науки имена тысяч ученых, сотрудников научных учреждений и студентов, которые должны были приумножить славу отечественной науки. Исследующий подобные явления неизбежно ставит для себя высокую научную и нравственную планку. Именно этот уровень характерен для научного творчества Г.Л. Соболева, принадлежащего к когорте видных ученых города-героя. В наше противоречивое время использование работы «Ленинградские ученые в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» дает замечательный педагогический эффект, приобщая студентов к главному - нравственным началам науки и истокам патриотизма.

Примечания

- ¹ Соболев Г.Л. Ленинградские ученые в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М.;Л., 1966.
- ² Там же. С. 12.
- ³ Анфилов В.А. Крушение похода Гитлера на Москву. 1941. М., 1989.
- ⁴ Сражающаяся наука. М., 1990. С. 42.

Цит. по: *Соболев Г.Л.* Ленинградские ученые в годы Великой Отечественной войны С. 34.

Там же. С. 89.

Келер В. Сергей Вавилов. М., 1984. С. 178-179.

Сражающаяся наука. С. 41.

Капица П.Л. Письма о науке. М., 1989. С. 190.

Соболев Г.Л. Ленинградские ученые в годы Великой Отечественной войны. С. 48.

Там же. С. 49.

Там же. С. 61.

Там же. С. 62.

Там же. С. 108.

Там же. С. 115.

Там же. С. 139.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Константин Леонидович, ст. преп. Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова

Арсентьева Анна Васильевна, к.и.н., проф., проректор по учебной работе Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова

Безнин Михаил Алексеевич, д.и.н., проф., проректор по научной работе Вологодского государственного педагогического университета

Воронин Алексей Викторович, д.и.н., проф., проректор по научной работе и информатизации Мурманского государственного педагогического университета

Ганелин Рафаил Шоломович, чл.-корр. РАН, д.и.н., проф., главн. науч. сотр. Санкт-Петербургского института истории РАН

Гоголевский Александр Владимирович, д.и.н., проф., директор Республиканского гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования

Голдин Владислав Иванович, д.и.н., проф., проректор по научной работе Поморского государственного университета (Архангельск), академик РАЕН, заслуженный работник высшей школы РФ

Демчик Евгения Валентиновна, д.и.н., проф. Алтайского государственного университета

Димони Татьяна Михайловна, к.и.н., докторант Вологодского государственного педагогического университета

Зеликина Нина Самуиловна, к.и.н., доц. Ухтинского государственного университета

Каминский Валерий Владимирович, доктор философии (г. Ашдод, Израиль)

Ковалев Борис Николаевич, д.и.н., проф. Новгородского государ-

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ Г. Л. СОБОЛЕВА¹

1961

1. Вопросы истории социалистического строительства в СССР в американской буржуазной литературе // Критика новейшей буржуазной историографии: сб. ст. - М.; Л.: Наука, 1961. - С. 8-37. - (Тр. Ленингр. отд-ния Ин-та истории; вып. 3).

1962

2. Ученые Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны // Очерки по истории Ленинградского университета. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. - Т. 1. - С. 169-183.
3. Рец.: // Вопр. истории. - 1962. - № 10. - С. 119-121. - Рец. на кн.: Кольцов А.В. Ученые Ленинграда в годы блокады (1941-1943). - М.; Л.: Наука, 1962. - 144 с. - *Совместно с В.А. Ежовым*

1963

4. Американская публикация документов о Временном правительстве // Вопр. истории. - 1963. - № 5. - С. 147-159. - *Совместно с А.С. Гапоненко и Ю.С. Токаревым.*
5. Рец.: Героическая оборона Ленинграда в освещении американского историка // Вопр. истории. - 1963. - № 12. - С. 156-158. - Рец. на кн.: Goura L. The Siege of Leningrad. - Stanford, Cal.; London, 1962. - 363 p. - *Совместно с В.М. Ковальчуком.*

1964

6. Высшая школа Ленинграда в годы Великой отечественной войны // Город Ленина в дни Октября и Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг.: сб. ст. / отв. ред. В.М. Ковальчук. - М.; Л.: Наука, 1964. - С. 187—207.
7. Ленинградские ученые в годы Отечественной войны 1941-1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ленингр. отд-ние Ин-та истории АН СССР.-Л., 1964. - 16 с.
8. Петроградский историко-революционный архив в первые годы Советской власти // Исследования по отечественному источниковедению: сб. ст., посвящ. 75-летию проф. С.Н. Валка. - М.; Л.: Наука, 1964, — С. 6—14. — (Тр. Ленингр. отд-ния Ин-та истории; вып. 7). — *Совместно с Ю.С. Токаревым.*

1965

9. Сигизмунд Натанович Валк // Ист. зап. - М., 1965. - Т. 76. - С. 308—316. - *Совместно с А.Н. Семеновй и А.Н. Цамутали.*
10. Ленинградский реквием: (о жертвах населения Ленинграда в годы войны и блокады) // Вопр. истории. - 1965. - № 12. - С. 191-194. - *Совместно с В.М. Ковальчуком.*

¹

Библиография трудов Г.Л. Соболева составлена А.А. Смирновой, С.В. Мангутовой, М.В. Ходяковым.

11. Ученые Ленинграда в годы блокады (1941-1943)// Ист. зап. - М., 1965. - Т. 75.-С. 3-25.

1966

12. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, 1941-1945. - М.; Л.: Наука, 1966. - 172 с. - Рец.: Левшин Б.В. // Вопр. истории. - 1967-№ 3.С. 141-143.
13. Оборона Ленинграда в освещении буржуазной историографии// Вторая мировая война: материалы науч. конф., посвящ. 20-й годовщине победы над фашистской Германией: в 3 кн. - М.: Наука, 1966. - Кн. 2. - С. 345—354. - *Совместно с В.И. Кардашовым и В.И. Ковальчуком.*
14. О жертвах населения Ленинграда// Советское обозрение. - Рим, 1966. - С. 27-30. - *Совместно с В.И. Ковальчуком. — На ит. яз.*

1967

15. Глава VII: Первые месяцы блокады. Голодная зима // Очерки по истории Ленинграда. - Л.: Наука, 1967. - Т. 5. - С. 170-220. - *Совместно с А.В. Карасевым.*
16. Глава IX: Ликвидация последствий голодной зимы// Там же. - С. 260—283.
17. Глава X: Укрепление обороны в 1942 г. // Там же. - С. 284-316.
18. Глава XVII: Народное образование // Там же. - С. 538-551.
19. Глава XIX: Высшая школа и научно-исследовательская работа// Там же. - С. 552-577.
20. Глава XX: Печать, радио // Там же. - С. 578-590. - *Совместно с Б.И. Загурским.*
21. Глава XXI: Культурно-просветительная работа // Там же. - С. 591—601.
22. Проблемы общественной психологии в исторических исследованиях // Критика новейшей буржуазной историографии: сб. ст. - Л.: Наука, 1967. - С. 91-127. - (Тр. Ленингр. отд-ния Ин-та истории; вып. 10).
23. Рец.: Документы о героической обороне Ленинграда // История СССР. - 1967. - № 2. - С. 126-127. - Рец. на сб.: 900 героических дней: сб. док. и материалов о героич. борьбе трудящихся Ленинграда в 1941-1944 гг./ Сост. Х.Х. Камалов, Р.В. Серднук, Ю.С. Токарев; отв. ред. В.М. Ковальчук. - Л.: Наука, 1966. - 424 с.
24. Ред.: Очерки по истории Ленинграда. Т. 5: Период Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945 / Отв. ред. В.М. Ковальчук. - Л.: Наука, 1967. - 748 с. - *Чл. редкол.*

1968

25. К изучению психологии революционных масс России в 1917 г. // XXI герценовские чтения: межвуз. конф. Исторические науки. — Л., 1968. — С. 23-25.
26. Оборона Ленинграда, 1941—1944: воспоминания и дневники участников / Отв. ред. А.М. Самсонов. - Л.: Наука, 1968. - С. 690-773. - *Выявление документов.*

27. Петербургский комитет РСДРП (б) // Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. - М.: Сов. энцикл., 1968. — С. 271—273.
28. Письма в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов как источник для изучения общественной психологии в России в 1917 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. - Л.: Наука, 1968. - Вып. 1. - С. 159-173.
- 1969
29. Борьба солдатских масс Петроградского гарнизона за демократизацию старой армии после свержения самодержавия // XXII герценовские чтения: межвуз. конф. Исторические науки. - Л., 1969. - Вып. 1. - С. 41-44.
30. Великий Октябрь и его современные буржуазные критики // Вопр. истории. - 1969. - № 1. — С. 3-25. - *Совместно с Л.С. Гапоненко и А.Н. Сахаровым.*
31. Протоколы выборных организаций Петроградского гарнизона в 1917 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. - Л.: Наука, 1969. - Вып. 2. - С. 52-69.
32. Рец.: Измышления мистера Солсбери // Ленингр. правда. - 1969. - 21 сент. - Рец. на кн.: Солсбери Г. 900 дней. Осада Ленинграда. - Нью-Йорк, 1969. - *Совместно с В.М. Ковальчуком и В.А. Шишкиным.*
- 1970
33. Антирелигиозные настроения рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. / XXIII герценовские чтения. Исторические науки. - Л., 1970. - [Вып. 1]. - С. 27-29.
34. Глава IV: В блокадном кольце // Непокоренный Ленинград: крат. очерк истории города в период Великой Отечественной войны / Отв. ред. В.М. Ковальчук. - Л.: Наука, 1970. - С. 126-148.
35. Глава V: Голодная зима // Там же. - С. 149-185.
36. Глава VII: Битва за город Ленина продолжается // Там же. - С. 217—242. - *Совместно с В.М. Ковальчуком.*
37. Конспект неуставленного выступления В.И. Ленина на митинге 25 апреля 1917 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. - Л.: Наука, 1970. - Вып. 3. - С. 16-23.
38. В.И. Ленин о психологии революционных масс Петрограда в 1917 г. // В.И. Ленин в Октябре и в первые годы Советской власти : [сб. ст.] / Отв. ред. А.Л. Фрайман. - Л.: Наука, 1970. - С. 83-103.
- 1971
39. Битва за Ленинград и фальсификация ее буржуазными историками // Всемирно-историческая победа советского народа. 1941-1945: материалы науч. конф., посвящ. 25-летию победы над фашистской Германией / АН СССР, Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР. - М.: Наука, 1971. - С. 602-612. - *Совместно с В.М. Ковальчуком.*
40. Источниковедение и социально-психологическое исследование эпохи Октября // История и психология: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т всеобщ.

истории, Ин-т философии. - М.: Наука, 1971. - С. 226-241.

41. Петроградский гарнизон в 1917 г.: (численность, состав, вооружение, расположение)// *Ист. зап.* - М., 1971- Т. 88. - С. 56-90.

1973

42. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Период двоевластия. — Л.: Наука, 1973. - 330 с. - Рец.: Гусев К.В.// *Вопр. истории.* — 1975. - № 5. - С. 156-158; Старцев В.И. // *Новый мир.* - 1974.-№ 6.-С. 275-278.
43. Англо-американская буржуазная литература о деятельности ленинградской партийной организации в годы Великой Отечественной войны// *Проблемы историографии и источниковедения истории КПСС: сб. ст./ Ин-т повышения квалификации преподавателей обществ. наук.* - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. - Вып. 2. - С. 79-85.
44. Ред.: *Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти: сб. ст. / Отв. ред. Ю.С. Токарев.* - Л.: Наука, 1973. - 363 с. - (Тр. Ленингр. отд-ния Ин-та истории; вып. 14). - *Чл. редкол.*

1974

45. Битва за Ленинград в буржуазной историографии// *Моск. новости.* — 1974. - 16 янв.
46. Глава V: Начало блокады // *Непокоренный Ленинград: крат. очерк истории города в период Великой Отечественной войны / Отв. ред. В.М. Ковальчук.* - Изд. 2-е, перераб. и доп. - Л.: Наука, 1974. — С. 151-176.
47. Глава VI: Голодная зима // Там же. - С. 177-216.
48. Глава VIII: Битва за город Ленина продолжается // Там же. — С. 251—279. г *Совместно с В.М.Ковальчуком.*
49. Рец.: *Новый капитальный труд советских историков // Коммунист.* - 1974. — № 4. — С. 112—118. — Рец. на кн.: *История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т.* - Л.: Наука, 1963-1969. - *Совместно с В.С. Дякиным и Н.Е. Носовым.*

1975

50. Начало обороны Ленинграда // *История второй мировой войны 1939—1945 гг.: в 12 т.* — М.: Воениздат, 1975. — Т. 4: *Фашистская агрессия против СССР. Крах стратегии «молниеносной войны».* — С. 64-70. - *Совместно с В.М. Ковальчуком.*
51. Героическая оборона Ленинграда // Там же. - С. 110-115.
52. Ленинград в декабре 1941 - апреле 1942 г.// Там же. - С. 279-283.
53. Коммунистическая партия — организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне// *Вестн. ЛГУ. Сер. 2, История, языковедение, литературоведение.* - 1975. - Вып. 2. - С. 7-15.
54. Советская общественность о Генуэзской конференции// *Труды международной конференции, посвященной 50-летию Генуэзской конференции.* - Рим, 1975. - С. 229-233. - *На ит. яз.*

1976

55. Декларация прав солдата (март — май 1917 г.) // *Вспомогательные ис-*

торические дисциплины. - Л.: Наука, 1976. - Вып. 8. — С. 20-35.

56. Кризис идеологии антикоммунизма и его отражение в американском советоведении// Критика новейшей буржуазной историографии: сб. ст. — Л.: Наука, 1976. - С. 27-55. - (Тр. Ленингр. отд-ния Ин-та истории; вып. 15).
57. Приказ военного министра о выборных организациях в армии и флоте (16 апреля)// Вспомогательные исторические дисциплины. — Л.: Наука, 1976. - Вып. 7. - С. 28-42.
58. Рец.:// История СССР. - 1976. - № 5. - С. 184-187. - Рец. на кн.: Андреев А.М Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. — М.: Наука, 1975. - 344 с.
59. Рец.: Критика новейшей буржуазной историографии: сб. ст. - Л.: Наука, 1976. - 267 с. - (Тр. Ленингр. отд-ния Ин-та истории; вып.15). - *Чл. редкол.*

1977

60. Апрельский кризис// Революционный Петроград. Год 1917. — М.: Наука, 1977.-С. 88-131.
61. Курс - социалистическая революция// Ленингр. правда. — 1977. — 16 апр.
62. Петербургский комитет РСДРП(б)// Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. — М.: Сов. энцикл., 1977. - С. 440-442.
63. Петроградский гарнизон в 1917 г. // Там же. — С. 451-454.
64. Письма Семнадцатого года// Молодой коммунист. — 1977. — № 9. - С. 66-70.
65. Прогрессивная мысль США 1917—1920 гг. об интернациональном значении Октябрьской революции и опыта партии большевиков // Международное значение исторического опыта большевистской партии в Октябрьской революции / Отв. ред. Е.Ф. Ерыкалов. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. — С. 145—149. — (Учен. зап. кафедр обществ, наук вузов Ленинграда. История КПСС; вып. 16).
66. Симпозиум по истории Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде// Вопр. истории. - 1977. — № 11. - С. 168-172. — *Совместно с В.И. Старцевым.*
67. Рец.: В авангарде революционных масс России // Ленингр. правда. - 1977. - 5 апр. — Рец. на кн.: Из истории трех русских революций: [сб. ст.] / Отв. ред. Н.Я. Иванов. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. — 172 с.
68. Рец.: В острой борьбе идей// Там же. - 25 нояб. - Рец. на кн.: Шишкина И.М. Правда истории и домыслы советологов: против искажения роли партии в период переходного периода к мирному соц. стр-ву. — Л.: Лениздат, 1977. - 90 с.

1978

69. Международный симпозиум «Влияние социалистической Октябрьской революции на мировой революционный процесс»// Обществ, науки. — 1978.-№ 2.-С. 175-177.
70. Работа Ленинградского отделения Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая револю-

ция» // История Великого Октября и последующих соц. революций: информ. бюл. Проблем, комиссии многосторон. сотрудничества Академий наук соц. стран. - 1978. - № 12. - С. 21-22.

1979

71. Октябрьская революция в американской историографии, 1917-1970-е годы / Под ред. В.А. Шишкина. - Л.: Наука, 1979. - 248 с. - Рец.: Ежов В.А., Лейберов И.П. // Вестн. ЛГУ. Сер. 2, История, языковедение, литературоведение. - 1980. - Вып. 2. - С. 127-128; Игрицкий Ю.И. // История СССР. - 1980. - № 4; Krause H. // *Leitschrift für Geschichtswissenschaft.* - Berlin, 1981. - Н. 8. - S. 771; Parsons W. // *The Amer. Hist. Rev.* - 1981. - N 3. - P. 624-625.
72. Рец.: // *Вопр. истории.* - 1979. - № 3. - С. 151-153. - Рец. на кн.: Дудзинская Е.А. *Международные научные связи советских историков.* - М.: Наука, 1979. - 290 с.
73. Рец.: *Большевистское слово* // Ленингр. правда. - 1979. - 1 марта. - Рец. на кн.: Сазонов И.С. *Большевистское слово: идейно-полит. борьба большевиков в Петрограде.* - Л.: Лениздат, 1978. - 359 с.
74. Ред.: *Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году: протоколы* / АН СССР, Науч. совет по комплекс. пробл. «Великая Октябрьская соц. Революция» и др.; сост. Б.Д. Гальперина. - М.: Наука, 1979. — [Т. 1]. - 653 с - *Чл. редкол.*

1980

75. Введение // *Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: сб. ст. / Отв. ред. И.И. Минц.* - М.: Наука, 1980. - С. 3-6.
76. О работе Ленинградского отделения научного Совета АН по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции» // *История Великого Октября и последующих соц. революций: информ. бюл. Проблем, комиссии многосторон. сотрудничества Академий наук соц. стран.* - 1980. - № 14. - С. 37-41.
77. *Октябрьская революция и независимость Финляндии* // *Россия и Финляндия, 1700—1917: материалы VI Сов.-финлянд. симп. историков.* - Л.: Наука, 1980. - С. 20-34.
78. *Октябрьская революция и независимость Финляндии* // *Финский исторический архив.* - Хельсинки, 1980. - Т. 75. - С. 95-111. - *На фин. яз.*
79. *Опыт рабочего класса России по созданию политической армии социалистической революции* // *Труды международной конференции, посвященной 60-летию Великого Октября.* — София, 1980. - С. 113-120. - *На болг. яз.*
80. *Партия большевиков в трех революциях в России в освещении советской историографии: прогр. спецкурса в ИПК ЛГУ им. А.А. Жданова.* - Л., 1980. - 38 с.
81. *Проблемы социальной психологии в новейшей историографии Октябрьской революции* // *Великий Октябрь в советской и зарубежной исторической литературе: [сб. ст.] / Отв. ред. Н.И. Стуруа.* - Тбилиси:

- Мецниереба, 1980. - С. 157-169.
82. Рец.: // История СССР. - 1980. - № 1. - С. 208-210. - Рец. на кн.: Злоказов Г.И. Петроградский Совет на пути к Октябрю. — М.: Наука, 1978. - 341с.
83. Ред.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: сб. ст. / Отв. ред. И.И. Минц. - М.: Наука, 1980. - 319 с. - *Чл. редкол.*
- 1981
84. Ред.: Лениниана: Поиск. Источниковедение. Археография : [сб. ст.] / Ин-т истории партии Ленингр. обкома КПСС - фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. - Л.: Лениздат, 1981. - 399 с. - *Чл. редкол.*
- 1982
85. Важное направление историографии Великого Октября // *Вопр. истории.* - 1982. - № 8. - С. 118-123.
86. О трудах научных симпозиумов по истории непролетарских партий в России// *История Великого Октября и последующих соц. революций: информ. бюл. Проблем, комиссии многосторон. сотрудничества Академии наук соц. стран.* - 1982. - № 17 - С. 82-88.
87. Ред.: *Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году: протоколы / АН СССР, Науч. совет по комплекс. пробл. «Великая Октябрьская соц. Революция» и др.; сост.: Б.Д. Гальперина, Е.М. Балашов.* - М.: Наука, 1982. - [Т. 2]. - 349 с. - *Чл. редкол.*
- 1983
88. Научной симпозиум «Питерские рабочие в борьбе с контрреволюцией в 1917-1918 гг.»// *История Великого Октября и последующих соц. революций: информ. бюл. Проблем, комиссии многосторон. сотрудничества Академии наук соц. стран.* - 1983. - № 18. - С. 165-169.
89. Резолюции солдат Петроградского гарнизона о власти в сентябре - октябре 1917 г.// *Источниковедческие исследования по истории Великого Октября и становление Советского государства, 1917-1920 гг.: сб. ст. / АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние ; отв. ред. М.П. Ирошников.* - М.; Л., 1983. - С. 43-62.
- 1984
90. *Современные советологические центры Запада// Слово лектора.* - 1984. - № 4. - С. 27-32.
91. Рец.: *Петроград - Москва. 1917 // Ленингр. правда.* -1984. - 12 дек. - Рец. на кн.: Грунт А.Я. *Петроград - Москва, июль — ноябрь 1917 / А.Я. Грунт, В.И. Старцев.* - М.: Политиздат, 1984. - 280 с.
- 1985
92. *Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября / Под ред. И.И. Минца.* - Л.: Наука, 1985. - 311 с. - Рец.: Миллер В.И. // *Вопр. истории.* - 1987. - № 2. - С. 129-132; Рачковский В.А. // *Вести. ЛГУ. Сер. 2, История, языковедение, литературоведение.* — 1986. - Вып. 3. - С. 119-120.
93. Глава V: *Начало блокады// Непокоренный Ленинград: крат. очерк истории города в период Великой Отечественной войны / Отв. ред. В.М. Ко-*

вальчук. - Изд. 3-е, перераб. и доп. - Л.: Наука, 1985. - С. 88-104.

94. Глава VI: Голодная зима // Там же. - С. 105-129.

95. Глава VIII: Битва за город Ленина продолжается // Там же. - С. 151-170. - *Совместно с В.М. Ковальчуком.*

96. Некоторые методологические проблемы изучения рабочего движения в России: докл. / Междунар. комитет ист. наук. - М., 1985. — 48 с.

97. Рец.: Новые веяния в западной историографии Октябрьской революции // *Вопр. истории.* - 1985. - № 11. - С. 159-160. - Рец. на ст.: Суни Р. К социальной истории Октябрьской революции// *The Amer. Hist. Rev.* — 1983. - № 1.

1986

98. Введение // Питерские рабочие в борьбе с контрреволюцией в 1917-1918 гг.: [сб. ст.]. - М.: Наука, 1986. - С. 3-5.

99. Деятельность Военной организации при ЦК и ПК РСДРП(б) в частях Петроградского гарнизона в 1917 г. // Военные организации партии большевиков в 1917 году: [сб. ст.] / АН СССР, Науч. совет по комплекс, пробл. «История Великой Окт. соц. Революции»; отв. ред. Ю.И. Кораблев. - М.: Наука, 1986. - С. 43-54.

Ю.О. Из истории большевизации Петроградского гарнизона в 1917 г. // Исторический опыт Великого Октября: к 90-летию И.И. Минца: [сб. ст.] / АН СССР, Науч. совет по комплекс, пробл. «История Великой Окт. соц. Революции». - М.: Наука, 1986. - С. 126-133.

101. Партия большевиков в борьбе за солдатские массы Петроградского гарнизона в 1917 г. // Исторический опыт КПСС по созданию политической армии социалистической революции: [сб. ст.]. - Л., 1986. - С. 7-84. — (Учен. зап. кафедр обществ, наук вузов Ленинграда. История КПСС; вып. 25).

102. Рабочие Петрограда в борьбе за привлечение солдатских масс столичного гарнизона на сторону социалистической революции // Питерские рабочие в борьбе с контрреволюцией в 1917-1918 гг.: [сб. ст.]. - М.: Наука, 1986. - С. 20-26.

103. Революция и проблема власти // Исторический опыт трех российских революций: [в 3 кн.] / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — М.: Политиздат, 1986. - [Кн. 2]: Свержение самодержавия: вторая бурж.-демокр. революция в России. - С. 244-290.

104. Рец.: Питерские рабочие в борьбе с контрреволюцией в 1917-1918 гг.: [сб. ст.]. - М.: Наука, 1986. - 239 с. - *Отв. ред.*

1987

105. Борьба рабочего класса в России за победу социалистической революции и современная буржуазная историография // Великий Октябрь и проблемы построения социализма в СССР: очерки истории идейно-полит. борьбы / Под ред. Н.Я. Иванова, Г.Л. Соболева; ЛГУ им. А.А. Жданова. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. - С. 67-81.

106. В борьбе за свержение самодержавия // Питерские рабочие и Вели-

- кий Октябрь/ Отв. ред. О.Н. Знаменский; Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние. - Л.: Наука, 1987. - С. 8-77.
- 107.Комментарии// Год 1917. Россия. Петроград: очерки, ст., воспоминания. - М.: Сов. писатель, 1987. - С. 330-366.
- 108.Курс на социалистическую революцию: [текст, стат. материалы]// Великий Октябрь: атлас. - М.: Гл. упр. Геодезии и картографии при Совете министров СССР, 1987. - С. 54-79.
- 109.Моральный стимул для перестройки// Ленингр. ун-т. - 1987. — 25 дек.
- 110.Музыка Революции// Год 1917. Россия. Петроград: очерки, ст., воспоминания. - М.: Сов. писатель, 1987. - С. 308-329.
- 111.Петербургский комитет РСДРП(б) // Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. - 3-е изд., доп. - М.: Сов. энцикл., 1987. - С. 386-387.
- 112.Петроградский гарнизон в 1917 г. // Там же. - С. 395-397.
- 113.Предисловие // Союз рабочих, колхозников и интеллигенции на этапе совершенствования социалистического общества: [сб. ст.].— Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. - С. 3-7. - (Рабочий класс СССР на современном этапе: межвуз. сб. / ЛГУ им. А.А. Жданова; вып. 12).
- 114.Публикации документов по истории Великого Октября и гражданской войны// Вопр. истории. - 1987. - № 10. - С. 21-36. - *Совместно с Р.Ш. Танелиным и М.П. Ирошниковым.*
- 115.Рабочий класс России — гегемон социалистической революции// Вестн. ЛГУ. Сер. 2, История, языковедение, литературоведение. - 1987. - Вып. 4. - С. 3-16.
- 116.Россия 1917 год: революц. процесс и революц. сознание // История СССР. - 1987. - № 5. - С. 18-36.
- 117.Советские публикации документов по истории Октябрьской революции и гражданской войны: докл. на междунар. конф. по истории Октябрьской революции // История Великого Октября и последующих соц. революций: информ. бюл. Проблем, комиссии многосторон. сотрудничества Академий наук соц. стран. - 1987. - № 21. — С. 39-45.
- 118.Хроника революционных событий в России и Финляндии. Январь, 1917 г. // Мир и мы / о-во «Финляндия - СССР», АПН. - 1987. - № 1. - С. 5-7. - *На фин. яз.*
- 119.Февраль, 1917: твердыни царизма пали// Там же. - № 2. - С. 7-9. - *На фин. яз.*
- 120.Март, 1917: революция шагает по России// Там же. - № 3. — С. 5-7. - *На фин. яз.*
- 121.Апрель, 1917: да здравствует соц. революция// Там же. - № 4. — С. 3-5. - *На фин. яз.*
- 122.Май, 1917: борьба нарастает// Там же. - № 5. - С. 7-9. - *На фин. яз.*
- 123.Июнь, 1917: вся власть Советам!// Там же. — № 6. - С. 5-7. - *На фин. яз.*
- 124.Июль, 1917: контрреволюция переходит в наступление // Там же. - № 7. - С. 5-7. - *На фин. яз.*

125. Август, 1917: контрреволюция получает пор// Там же. - № 8. - С. 5-7. - *На фин. яз.*
126. Сентябрь, 1917: кризис назрел// Там же. - № 9. - С. 3-5. - *Яд фин. яз.*
127. Октябрь, 1917: вооруженное восстание неизбежно // Там же. — № 10. - С. 3-5. - *На фин. яз.*
128. Ноябрь, 1917: соц. революция свершилась// Там же. - № 11. С. 3-5. - *На фин. яз.*
129. Декабрь, 1917: Советская Россия признает независимость Финляндии // Там же. - № 12. - С. 3-5. - *На фин. яз.*
130. Рец.:// Звезда. - 1987. - № 8. - С. 200-201. - Рец. на кн.: Крушение царизма: воспоминания участников революц. движения в Петрограде (1907 - февр. 1917 гг.)/ Сост., вступ. ст., примеч.: Р.Ш. Ганелин, В.А. Уланов, - Л.: Лениздат, 1986. - 432 с.
131. Сост.: Указатель литературы по курсу истории СССР: (советский период) / Ленингр. гос. ун-т, ист. фак.-т. - Л., 1987. - 25 с. - *Сост.*
132. Ред.: Великий Октябрь и проблемы построения социализма в СССР: очерки истории идейно-полит. борьбы / ЛГУ им. А.А. Жданова. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. - 271 с. - *Отв. ред.*
133. Ред.: Год 1917. Россия. Петроград: очерки, ст., воспоминания. - М.: Сов. писатель, 1987. - 365 с. - *Науч. ред.*
134. Ред.: Лениниана: Поиски. Находки. Археография. - Л.: Лениздат, 1987. - 273 с. — *Чл. редкол.*
135. Ред.: Питерские рабочие и Великий Октябрь/ Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние; отв. ред. О.Н. Знаменский. - Л.: Наука, 1987. - 486 с— *Чл. редкол.*
136. Ред.: Союз рабочих, колхозников и интеллигенции на этапе совершенствования социалистического общества: [сб. ст.]. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. - 189 с. - (Рабочий класс СССР на современном этапе: межвуз. сб. / ЛГУ им. А.А. Жданова; вып. 12). - *Отв. ред.*
137. Ред.: Список литературы по курсу истории СССР советского периода. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. - 31 с. - *Отв. ред.*
- 1988
138. Битва за Ленинград: все ли о ней известно? // Звезда. - 1988. - № 5. - С. 199-207. - *Участие в обсуждении.*
139. Николай Яковлевич Иванов: (некролог)// Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2, История, языковедение, литературоведение. - 1988. — Вып. 1. - С. 125-126.
140. «На всех парах... вперед!»// Смена. - 1988. - 7 нояб.; То же// Страницы истории: дайджест прессы, июль-декабрь 1988. - Л.: Лениздат, 1989. - С. 12-20; То же // История без «белых пятен»: дайджест прессы, 1987-1988. - Л., 1990. - С. 37-41.
141. Петербургский комитет РСДРП(б)// Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. - Варшава, 1988. - С. 386-387. - *На пол. яз.*

142. Петроградский гарнизон в 1917 г. // Там же. - С. 395-397.
143. Петербургский комитет РСДРП(б) // Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. - Берлин, 1988. - С. 386-387. - *На нем. яз.*
144. Петроградский гарнизон в 1917 г. // Там же. - С. 395-397.
145. Петербургский комитет РСДРП(б) // Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. - Будапешт, 1988. - С. 386-387. - *На венг. яз.*
146. Петроградский гарнизон в 1917 г. // Там же. - С. 395-397.
147. Петербургский комитет РСДРП(б) // Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. - София, 1988. - С. 386-387. - *На болг. яз.*
148. Петроградский гарнизон в 1917 г. // Там же. - С. 395-397.
149. По долгу памяти // Сов. культура. - 1988. - 6 авг. - *Совместно с В.М. Ковальчуком.*
- Ш. Рец.: // История СССР. - 1988. - № 6. - С. 159-162. - Рец. на кн.: Иоффе Г.З. Великий Октябрь и эпилог царизма. - М.: Наука, 1987. - 366 с.
151. Рец.: Важный труд о диалектике исторического развития общества // Вестн. ЛГУ. Сер. 2, История, языковедение, литературоведение. - 1988. - Вып. 3. - С. 123-125. - Рец. на кн.: Волобуев П.В. Выбор пути общественного развития: теория, история, современность. - М.: Политиздат, 1987. - 312 с.
152. Рец.: [Рецензия на пьесу М. Шатрова «Дальше, дальше, дальше»] // Семья. - 1988. - № 3. - С. 27-29.
153. Рец.: Год 1917. Россия. Петроград: воспоминания, статьи, очерки. - София, 1988. - 368 с. - *На болг. яз. - Науч. ред.*
- 1989
154. Блокада Ленинграда в свете перестройки исторической науки: (об освещении некоторых вопр. истории блокады Ленинграда в кн. Д.В. Павлова) // Вопросы истории и историографии Великой Отечественной войны: межвуз. сб. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. - С. 64-81.
155. В масштабе революции // Родина. - 1989. - № 2. - С. 33-37. - *Совместно с В.И. Старцевым.*
156. Введение // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году: сб. науч. тр. / Отв. ред. О.Н. Знаменский. - Л.: Наука, 1989. - С. 3-7.
157. Возвращение к читателю // Коммунист. - 1989. - № 3. - С. 124-126.
158. [Выступление на «круглом столе» историков Октября] // Россия, 1917 год: выбор исторического пути / АН СССР, Науч. совет по комплекс. пробл. «История Великой Окт. соц. Революции»; отв. ред. П.В. Волобуев. - М., 1989. - С. 153-156.
159. Именно в Соляном городке! // Смена. - 1989. - 7 марта.
160. Ленинград в Великой Отечественной войне: (некоторые итоги и нерешен. вопр.) // Вестн. ЛГУ. Сер. 2, История, языковедение, литературоведение.

- ведение. - 1989. - Вып. 1. - С. 3-8.
- 161.0 германских агентах и миллионах// Ленингр. правда. - 1989.- 4 февр.
- 162.Письма из 1917 года// Коммунист. - 1989. - № 15. - С. 5-13.
- 163.Познание прошлого — плод совместных усилий // История СССР. — 1989.-№ 3.-С. 181-183.
- 164.Преодолевая иллюстративность// Поиск. - 1989. — № 14 (авг.). - С. 4.
- 165.Рабочий класс России - решающая сила Великого Октября// Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году: сб. науч. тр. / Отв. ред. О.Н. Знаменский. - Л.: Наука, 1989. - С. 17-29.
- 166.Рец.:// Коммунист. - 1989. - № 9. - С. 126-127. - Рец. на кн.: Гордон А.А. Что это было?: Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е гг. / Л.А. Гордон, Э.В. Клопов. - М.: Политиздат, 1989.- 318 с.
- 167.Рец.: Вопросы истории и историографии Великой Отечественной войны: межвуз. сб. / Под ред. И.А. Росенко, Г.Л. Соболева. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. - 149 с. - *Отв. ред.*
- 168.Рец.: Олегина И.Н. Критика концепций современной американской и английской буржуазной историографии по проблемам индустриализации СССР. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. - 222 с. - *Науч. ред.*
- 169.Рец.: Рабочий класс СССР - ведущая сила ускорения развития общества: сб. ст. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. - 193 с. - *Отв. ред.*

1990

170. «Все наши знания, весь наш опыт подчинить интересам фронта»: (науч. деятельность ун-та в годы войны)// Ленинградский университет в Великой Отечественной: очерки / Отв. ред. Ю.Д. Марголис. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. - С. 138-166.
171. Кстати о Столыпине // Ленингр. правда. - 1990. — 6 дек.
- 172.06 изучения роли пролетарского авангарда России в 1917 году // Вестн. ЛГУ. Сер. 2, История, языковедение, литературоведение. — 1990. - Вып. 2. - С. 3-10.
- 173.Октябрь: место в истории, место в политике// Правда. - 1990. - 6 нояб.; То же// О Ленине - правду: Дайджест прессы. - Л.: Лениздат, 1991. - С. 73-79.
- 174.Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) о перспективах социалистической революции в России как составной части международной пролетарской революции// Партийные конференции: их место и роль в деятельности КПСС: межвуз. сб. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. -¹ С. 53-61.
- 175.Рец.: // История СССР. - 1990. - № 1. - С. 214-216. - Рец. на кн.: Vihavanen T. Siomi Neuvostolendistossa, 1918-1920 [Финляндия в советской прессе, 1918-1920]. - Helsinki, 1988. - 247 р. - *Совместно с И.М. Соломещ.*
- 176.Рец.:// Ист. вестн. - Петрозаводск, 1990. - № 8. - С. 117-118. - Рец. на кн.: Vihavanen T. Siomi Neuvostolendistossa, 1918-1920 [Финляндия в

- советской прессе, 1918-1920]. - Helsinki, 1988. - 247 p. - *На фин. яз.*
177. Рец.: Революция и хлеб, или Актуальные сегодня страницы истории // Ленингр. правда. - 1990. - 11 мая. - Рец. на кн.: Лейберов Н.П. Революция и хлеб / Н.П. Лейберов, С.Д. Рудаченко. — М.: Мысль, 1990. — 222 с.
178. Сост.: Программа по курсу истории СССР советского периода / Ленингр. гос. ун-т, Ист. фак. - Л., 1990. - 19 с. — *Сост.*
179. Список литературы по курсу истории СССР: (советский период) / Ленингр. гос. ун-т, Ист. фак. - Л., 1990. - 14 с. - *Сост.*
180. Тематика курсовых работ по истории СССР советского периода / Ленингр. гос. ун-т, Ист. фак. - Л., 1990. - 12 с. - *Сост.*
181. Ред.: Ленинградский университет в годы Великой Отечественной: очерки / Отв. ред. Ю.Д. Марголис. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. - 326 с. - *Чл. редкол.*
182. Ред.: Партийные конференции: их роль и место в деятельности КПСС: междуз. сб. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. - 167 с. - *Чл. редкол.*
- 1991
183. Письма из 1917 года // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? - М.: Политиздат, 1991. - С. 221-235.
184. Революция 1905—1907 гг. в России и положение РСДРП в освещении социал-демократической печати Германии // Вестн. ЛГУ. Сер. 2, История, языковедение, литературоведение. - 1991. - Вып. 2. - С. 13-24. - *Совместно с Е.Р. Ольховским, Ф. Ортман.*
185. Собирались ли Сталин сдавать Ленинград? // Ленингр. панорама. - 1991. - № 6. - С. 24-26.
186. Цена блокады // Там же. - № 1. - С. 18-19.
- 1992
187. Ред.: Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году (март-октябрь) / Карел, науч. центр РАН, Ин-т яз., лит. и истории. - Петрозаводск: КНЦ РАН, 1992. - 173 с.
- 1993
188. Пролетарский авангард в 1917 году: революц. борьба и революц. сознание рабочих Петрограда / С.-Петерб. гос. ун-т. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. - 262 с.
189. Блокада Ленинграда: трагедия подвига // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История, литературоведение, языковедение. — 1993. - Вып. 2. — С. 3-14.
190. Великое братство // Великое братство: феномен единства народов России в годы Великой Отечественной войны: материалы конф. / Ленингр. обл. ун-т им. А.С. Пушкина. - Пушкин, 1993. - С. 96-100.
191. К истории строительства петроградских профсоюзов в 1917 г. // Уроки истории и современные проблемы развития профсоюзного движения России: материалы науч.-практ. конф. / С.-Петерб. гуманитар, ун-т профсоюзов, - СПб., 1993. - С. 16-18.
192. Александр Федорович Керенский: штрихи к полит. портр. // Александр Керенский: любовь и ненависть революции: дневники, ст., очерки и воспоминания современников. — Чебоксары: Изд-во Чуваш, ун-та, 1993. - С. 6—53.

- 193.Комментарии к документам // Там же. - С. 308-350.
- 194.Некоторые проблемы изучения и преподавания зарубежной историографии новейшей истории России // Изучение и преподавание историографии и источниковедения в высшей школе: материалы науч. конф. / Отв. ред. А.Н. Цамутали. - Новгород, 1993. - С. 73-76.
- 195.Программа вступительных экзаменов по отечественной истории. - Чебоксары, 1993. - 60 с. - *Совместно с Ю.П. Смирновым.*
- 196.Пролетарский авангард как фактор радикализации революционного процесса в России в 1917 г. // Россия в 1917 году: новые подходы и взгляды: сб. науч. ст. / Отв. ред. В.И. Старцев. — СПб.: Третья Россия, 1993.-Вып. 1.-С. 33-37.
- 197.Это горькое слово «блокада»// С.-Петербург. панорама. - 1993. - № 8. — С. 2-3.
- 198.Сост.: Александр Керенский: любовь и ненависть революции: дневники, ст., очерки и воспоминания современников. - Чебоксары: Изд-во Чуваш, ун-та, 1993. - 363 с.
- 1994
- 199.Блокада Ленинграда: что мы знаем о ней спустя 50 лет? // Мавродинские чтения: материалы к докл., С.-Петербург, 10-12 ркт. 1994 г. / С.-Петербург. гос. ун-т. - СПб., 1994. - С. 217-221.
- 200.Блокадный мартиролог: будет ли он закончен? // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 2, История, литературоведение, языкознание. — 1994. - Вып. 3. - № 16. С. 3-9.
- 201.Вузовская наука городу-фронту// Сражались, работали, учились: вузы Ленинграда в годы войны и блокады / Отв. ред. и сост. Б.П. Белозеров. - СПб., 1994. - С. 44-61.
- 202.Ленинград в октябре—декабре 1941 // Ленинград в борьбе месяц за месяцем, 1941-1944/ Отв. ред. А.Р. Дзенискевич. - СПб., 1994. - С. 50-69.
- 203.Наша память и боль // С.-Петербург. ведомости. — 1994. - 25 янв.; То же // Ленинградская битва, 1941—1944: сб. ст. / Обл. музейн. центр, Музей-заповедник «Прорыв блокады Ленинграда»; отв. ред.: А.П. Крюковских. - СПб., 1995. - С. 94-101.
- 204.Утешение в забвении или в знании?// С.-Петербург. ун-т. - 1994. - 28 янв.
- 205.Ред.: Ленинград в борьбе месяц за месяцем, 1941-1944 / Ассоц. историков блокады и битвы за Ленинград в годы второй мировой войны, Гос. мемор. музей обороны и блокады Ленинграда; отв. ред. А.Р. Дзенискевич. — СПб.: Изд-во фирмы Ланс, 1994. - 349 с. — *Чл. редкол.*
- 1995
- 206.[Биографические очерки]// Книга Памяти Ленинградского — Санкт-Петербургского университета, 1941-1945. - СПб., 1995. - Вып. 1. - 352 с. - *89 очерков.*
207. В поисках новой теории истории// Гуманитарий. - 1995. - № 1. — С. 96-106.
- 208.[Вступительная статья]// Олег Владиславович Немиро: (к 60-летию со дня рождения и 35-летию науч. деятельности): библиогр. указ. / С.-Петербург. гос. ун-т., Ист. фак. - СПб., 1995. - С. 3-4.

209. Династия Романовых и Временное правительство // Дом Романовых в истории России: [материалы конф., 19-22 июня 1995 г.] / С.-Петерб. гос. ун-т. - СПб., 1995. - С. 277-285.
210. История жестоко наказывает за незнание ее уроков // Бюл. Акад. гуманитар, наук. - 1995. - № 2. - С. 68-71.
211. Ленинград в Великой Отечественной войне: (некоторые итоги изучения за 50 лет) // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии: материалы к Всерос. науч. конф., посвящ. 50-летию победы в Великой Отечеств, войне / Ин-т рос. истории РАН, Администрация Вологод. обл., Вологод. гос. пед. ин-т и др. - Вологда, 1995. - С. 70-71.
212. О жертвах населения в заблокированном Ленинграде // Блокада рассекреченная: [сб.] / Междунар. ассоц. блокадников города-героя; сост. В. Демидов. - СПб., 1995. - С.131-134.
213. От составителей: [вступ. ст.] // Книга Памяти Ленинградского - Санкт-Петербургского университета, 1941-1945. - СПб., 1995. - Вып. 1. - С. 3-5.
214. Питерские рабочие в 1917 г.: пример организованности и сплоченности // Профсоюзное движение Санкт-Петербурга, 1905-1995 гг.: история, современность, перспективы в борьбе за социал. права трудящихся: материалы науч.-практ. конф. / Науч. ред. В.И. Носач. С.-Петерб. гуманитар, ун-т профсоюзов. - СПб., 1995. - С. 51-52.
215. Сост.: Программа кандидатского минимума для аспирантов. Программа курса «Новейшая история России». - СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. 2/1 пл. - *Сост. - Совместно с И.С. Ратьковским, М.В. Ходяковым и др.*
216. Ред.: Книга Памяти Ленинградского — Санкт-Петербургского университета, 1941-1945/ С.-Петерб. гос. ун-т. - СПб., 1995. - Вып. 1. - 352 с. - *Член ред.*
217. Ред.: Ленинград в осаде: сб. док. о героич. обороне Ленинграда в годы Великой Отеч. войны, 1941-1944. - СПб.: Лики России, 1995. - 640 с. - *Чл. редкол.*
- 1996
218. Временный Комитет Государственной думы и Петроградский гарнизон в дни Февральской революции // Труды Всерос. научной конференции, посвященной 90-летию парламентаризма в России. - СПб., 1996. - С. 31-33.
219. Г.К. Жуков и оборона Ленинграда в 1941 г. // С.-Петерб. ун-т. - 1996. - № 26. - С. 11-12.
220. Историки обсуждают: рос. интеллигенция на ист. переломе // Там же. - № 9. - С. 3.
221. Немецкие деньги: ист. мифология в полит, борьбе // Исследования источников по истории революции 1917 года: сб. науч. ст. / Под ред. В.И. Старцева. - СПб.: Третья Россия, 1996. - С. 53-58.
222. Нужна ли историческому факультету ТАКАЯ структурная реорганизация // С.-Петерб. ун-т. - 1996. - № 4. - С. 3-5.

223. Оборона Ленинграда в современной зарубежной историографии // Великая Отечественная война 1941-1945: проблемы историографии. - СПб., 1996. - С. 41-49.
224. Они защищали нас: (к выходу в свет «Книги Памяти Ленинградского - Санкт-Петербургского университета») // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История, литературоведение, языкознание. - 1996. - Вып. 2. - С. 117-121.
225. Политическая история в трудах В.И. Старцева // История и Историк: (к 65-летию В.И. Старцева): сб. науч. ст. и материалов. - СПб.: Минерва, 1996. - С. 17-29.
226. Русская революция 1917 г. и ученые // Российская интеллигенция на историческом переломе: первая треть XX в.: тез. докл. и сообщ. науч. конф., С.-Петербург, 19-20 марта 1996 г. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. - С. 89-92.
227. Ред.: Российская интеллигенция на историческом переломе: первая треть XX в.: тез. докл. и сообщ. науч. конф., С.-Петербург, 19-20 марта 1996 г. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. - 250 с. - *Гл. ред.*

1997

228. Военные в Петрограде в 1917 года // Петербургские чтения-97: материалы Энцикл. б-ки «Санкт-Петербург-2003» / Ассоц. исследователей С.-Петербурга. - СПб., 1997. - С. 241-243.
229. Новейшая история: мост между прошлым и будущим // С.-Петерб. ун-т. - 1997. - № 2. - С. 11-12.
230. Размышляя об уроках Октября // Октябрьская революция: опыт истории: материалы науч. конф. - СПб., 1997. - С. 4-5.
231. Февральская революция и армия // Февральская революция в России и современность: к 80-летию юбилею Второй рус. революции: сб. ст. по материалам межвуз. науч. конф. - СПб., 1997. - С. 21-24.
232. Февральское восстание рабочих и солдат в Петрограде: психология коллектив, поведения в экстремал. условиях // 80 лет революции 1917 года в России: респ. науч. конф., Санкт-Петербург, 11-12 марта 1997 г.: тез. докл. и сообщ. - СПб.: Минерва, 1997. - С. 3-6.
233. Рец.: Очень смешная книга // С.-Петерб. ун-т. - 1997. - № 2. - С. 29. - Рец. на кн.: Альшиц Д.Н. Восстановление ума по черепу. - СПб.: Междунар. благотворит. фонд спасения Петербурга — Ленинграда, 1996. - 95 с.
234. Ред.: 80 лет революции 1917 года в России: респ. науч. конф., Санкт-Петербург, 11-12 марта 1997 г.: тез. докл. и сообщ. / Под ред. Г.Л. Соболева, В.И. Старцева. - СПб.: Минерва, 1997. - 146 с. - *Науч. ред.*

1998

235. Александр Федорович Керенский // С.-Петерб. ун-т. - 1998. - № 3. - С. 22-23.
236. Русская революция и народы Востока // Журн. славяноведения корейского о-ва славистов. - Сеул, 1998. - № 1. - С. 477-492. - *На кор. яз.*
237. Ученые и советская власть // Оппозиция и власть: межвуз. сб. науч. тр. / Респ. гуманит. ин-т при СПбГУ; науч. ред. А.Я. Лейкин. — СПб., 1998. - С. 117-124.

- 238.Ред.: Демчик Е.В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации / Под ред. Соболева Г.Л.; Алт. гос. ун-т. - Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. - 239 с. - *Науч. ред.*

1999

239. Университет в 1917-1999 гг. // Санкт-Петербургский государственный университет = Universitas Petropolitana: 275 лет: Летопись, 1724-1999. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. - С. 284-419.
240. Административно-командная система и общественные науки во второй половине 40-х годов: борьба с «буржуазным космополитизмом» // Либеральная оппозиция и власть: история и современность: межвуз. сб. науч. тр. / Респ. гуманитар. ин-т при СПбГУ; науч. ред. А.Я. Лейкин. - СПб., 1999. - С. 167-171.
241. Временный Комитет Государственной думы и армия // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX-XX веков: сб. ст. памяти Валентина Семеновича Дякина и Юрия Борисовича Соловьева / Рос. акад. наук, С.-Петерб. фил. Ин-та рос. истории; отв. ред. А.Н. Цамутали. - СПб.: Алетейя, 1999. - С. 502-509.
242. Дневник Ю.В. Готье как источник о настроениях российской интеллигенции // Историк и революция: сб. ст. к 70-летию со дня рождения О.Н. Знаменского / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. С.-Петерб. фил., Науч. совет «История рос. Революций»; отв. ред. Н.Н. Смирнов. - СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. - С. 184-189.
243. Петроград 25 октября 1917 г. в Петрограде // Петербургские чтения, 98-99: материалы Энцикл. б-ки «Санкт-Петербург-2003» / Ассоц. исследователей С.-Петербурга. - СПб., 1999. - С. 327-329.
244. Предисловие // И.С. Ратьковский, М.В. Ходяков. История Советской России: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по ист. специальностям - СПб.: Лань, 1999. - С. 3.

2000

245. В поисках новой методологии истории // Вестн. молодых ученых. - СПб., 2000. - № 5. - С. 2-6.
246. К вопросу о методологическом кризисе современной отечественной исторической науки // IV Царскосельские чтения: науч.-теорет. межвуз. конф. с междунар. участием., 25-26 апр. 2000 г.: Материалы конф. / Ленингр. гос. обл. ун-т им. А.С. Пушкина. — Пушкин, 2000. — Т. 1. — С. 47-51.
247. Как и почему выстоял город-герой // Великая победа. Материалы респ. конф. - СПб., 2000. - С. 109-121.
248. Ленинградская интеллигенция в годы блокады // Труды Международного конгресса по истории стран Восточной Европы. - Темпере, 2000. С. 331-333.
249. 1937 год в ЛГУ // Власть и общество: межвуз. сб. науч. тр. / С.-Петерб. гос. ун-т, Респ. гуманитар. ин-т; науч. ред. А.В. Гоголевский. - СПб., 2000. - С. 139-145.
250. Ред.: Власть и общество: межвуз. сб. науч. тр. / С.-Петерб. гос. ун-т,

Респ. гуманитар, ин-т; науч. ред. А.В. Гоголевский. - СПб., 2000. - 288 с.

2001

251. Как боролись с буржуазным космополитизмом в ЛГУ // Петербургская историческая школа: альм. — СПб.: Нестор, 2001. - Вып. 1. - С. 362—368.
252. «Осадная запись» (блокадный дневник) профессора А.Н. Болдырева, или как и почему выживали ленинградцы в блокадном городе // История Петербурга. - 2001. - № 3. - С. 3-5.
253. Конец одной документальной мистификации // Историк среди историков: сб. воспоминаний и ст. - Казань, 2001. - С. 288—293.
254. Контроль за поведением населения Ленинграда в экстремальных условиях блокады // Общество и власть: межвуз. сб. науч. тр.: [материалы межвуз. конф.]: в 2 ч. / С.-Петербург. гос. ун-т, Респ. гуманитар. ин-т, С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств; науч. ред. А.В. Гоголевский. - СПб., 2001. - Ч. 1. - С. 246-247.
255. Отзыв о докторской диссертации С.Ю. Малышевой // Клио. - 2001. - № 13. - С. 236-239.
256. Памяти Виталия Ивановича Старцева // Отечественная история. — 2001. — № 1. - С. 220-221.
257. Предисловие // И.С. Ратьковский, М.В. Ходяков. История Советской России: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по ист. специальностям. - СПб.: Лань, 2001. — С. 3.
258. В.И. Старцев: человек, одержимый историей // Английская наб., 4: ежегодник / С.-Петербург. науч. о-во историков и архивистов. - СПб., 2001. - Вып. 3. - С. 367-374.
259. В.И. Старцев как историк революционного Петрограда // История Петербурга. - 2001. - № 1 - С. 5-7.
260. Рец.: Ценный путеводитель по петербургскому архиву // История Петербурга. - 2001. - № 4. - С. 97-98. - Рец. на кн.: Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга: путеводитель / Отв. сост. Н.Б. Лебедева. - М.: Звенья, 2000. - 479 с.
261. Рец.: Английская набережная, 4: ежегодник / С.-Петербург. науч. о-во историков и архивистов. - СПб.: Лики России, 2001. - Вып. 3. - 387 с. - *Чл. редкол.*
262. Рец.: Общество и власть: межвуз. сб. науч. тр.: [материалы межвуз. конф.]: в 2 ч. / С.-Петербург. гос. ун-т, Респ. гуманитар. ин-т, С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств; науч. ред. А.В. Гоголевский. - СПб.: СПбГУ-КИ, 2001. - Ч. 1. - 321 с. - *Чл. редкол.*

2002

263. Тайна «немецкого золота». - СПб.: Нева; М.: ОЛМА-пресс, 2002. - 479 с.
264. Если бы Керенского не было, его пришлось бы выдумать // Знаменитые универсанты. - СПб., 2002. - Т. 1. - С. 359-372.
265. Еще один шаг к гражданскому обществу // С.-Петербург. ун-т. — 2002. — № 13. - С. 37.

266. Немецкий ключ к русской революции // Россия в контексте мировой истории: сб. ст. / Рос. Акад. наук, С.-Петербург. ин-т истории, С.-Петербург. ун-т и др. - СПб.: Наука, 2002. - С. 79-83.
267. К вопросу о новейшей истории России как научной дисциплине // Мавродинские чтения: [сб. ст.] / Санкт-Петербург. гос. ун-т, Ист. фак.; под ред. Ю.В. Кривошеева, М.В. Ходякова. - СПб., 2002. - С. 308-311.
268. Обобщающий труд о Ладужской дороге жизни // История Петербурга. - 2002. - № 2. - С. 91-92. - Рец. на кн.: Ковальчук В.М. Магистраль мужества: коммуникации блокир. Ленинграда, 1941-1943. - СПб., 2001. - 517 с.
269. Русская революция в трудах В.И. Старцева // Петербургская историческая школа: альм. - СПб.: Нестор, 2002. - Вып. 2. - С. 92-99.
270. Школа по названию «Война» [Электронный ресурс]: [о первых днях Великой Отечественной войны на «Алферовском чаепитии»] / Аркадий Соснов // Поиск: интернет-версия. - 2002. - 19 июля. - *Участник беседы*, http://www.pojisknews.ru/_ingz/_allstatya.asp?table=ingzNauka&id=82 (13.03.2005).
271. Рец.: Общество и власть: материалы респ. конф.: в 2 ч. / С.-Петербург. гос. ун-т, Респ. гуманитар. ин-т, С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств; науч. ред. А.В. Гоголевский - СПб.: СПбГУКИ, 2002. - Ч. 2. - 236 с. - *Чл. редкол.*

2003

272. Блокада Ленинграда: все ли мы знаем о ней сегодня? // Общество и власть: материалы Всерос. науч. конф. / С.-Петербург. гос. ун-т, Респ. гуманитар. ин-т, С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств; науч. ред. А.В. Гоголевский. - СПб., 2003. - [Вып. 2]. - С. 319-325.
273. Временное правительство и проблема слома старой государственной власти // Российская государственность: история и современность: сб. ст. / Отв. ред. М.В. Ходяков. - СПб., 2003. - С. 350-355.
274. [Дискуссия по истории Первой мировой войны] // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е - нач. 1920-х гг.: материалы Междунар. науч. коллоквиума / Сост., отв. ред. Н.Н. Смирнов. - СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. - С. 78-79. - *Участие в дискуссии*.
275. [«Круглый стол» «Финны и русские на перепутьях общей истории»] // История Петербурга. - 2003. - № 6. - С. 5. - *Выступление*.
276. Несравненный историограф нашего времени: (Сигизмунд Натанович Валк) // Знаменитые универсанты. - СПб., 2003. - Т. 2. - С. 351-366.
277. Рец.: Капитальный труд петербургских архивистов // История Петербурга. - 2003. - № 4. - С. 97-98. - Рец. на кн.: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга: путеводитель: в 2 т. — М.: Звенья, 2002. - Т. 1. - 855 с; Т. 2. - 871 с.
278. Рец.: Общество и власть: материалы Всерос. науч. конф.: [в 2 вып.] / С.-Петербург. гос. ун-т, Респ. гуманитар. ин-т, С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств; науч. ред. А.В. Гоголевский. - СПб.: СПбГУКИ, 2003. - [Вып. 1]. - 380 с; [Вып. 2]. - 336 с. - *Чл. редкол.*

279. Проблемы современной исторической науки: [выступление на «круглом столе» «Некоторые проблемы развития исторической науки вчера и сегодня»]// Английская наб., 4: ежегодник / С.-Петербург. науч. о-ва историков и архивистов. - СПб., 2004. - Вып. 4. - С. 17-21.
280. Русское общество и «германское золото»: Октябрьская революция или германо-большевистский заговор?// Власть, общество и реформы в России (XVI - нач. XX в.): материалы науч.-теорет. конф. 8-10 дек. 2003 г./ С.-Петербург. гос. ун-т, Респ. гуманитар. ин-т, С.-Петербург. ин-т истории. - СПб., 2004. - С. 385-413.
281. Собирался ли Сталин сдавать Ленинград?// Книга Памяти Ленинградской области. - СПб., 2004. - Вып. 36. - С. 279-290.
282. Юрий Сергеевич Токарев // Петербургская историческая школа: альм. - СПб.: Нестор, 2004. - Вып. 3 - С. 513-518.
283. Рец.: Ценная публикация документов // История Петербурга. - 2004. - № 1. - С. 89-91. - Рец. на сб.: Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: протоколы и материалы заседаний. - СПб.: Бельведер, 2003. - 686 с. - *Совместно с А.А. Смирновой.*
284. Рец.: Английская набережная, 4: ежегодник / С.-Петербург. науч. о-во историков и архивистов. - СПб.: Лики России, 2004. - Вып. 4. - 432 с. - *Чл. редкол.*
285. Рец.: Общество и власть: материалы Всерос. науч. конф. / Науч. ред. А.В. Гоголевский; С.-Петербург. гос. ун-т, Респ. гуманитар. ин-т, С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств. - СПб., 2004. - 368 с. - *Чл. редкол.*

2005

286. Подвиг ленинградской учительницы // Женщины Ленинграда в годы блокады: науч. конф.: тез. докл., С.-Петербург, 10-11 марта 2005 г. / Отв. ред. А.Р. Дзенискевич. - СПб., 2005. - С. 117-118.
287. «Дело Ганецкого» и ЦК РСДРП(б) в 1917 г. // Политические партии России: прошлое и настоящее / Отв. ред. М.В. Ходяков. - СПб.: СПбГУ, 2005. С. 112-124.

ЛИТЕРАТУРА О Г. Л. СОБОЛЕВЕ

1. Цамутали А.Н. Петербургская историческая школа // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. - СПб., 1993. - Ч. 1. - С. 142.
2. Чернобаев А.А. Историки России: кто есть кто в изучении отечеств, истории: биобиблиогр. слов. - 2-е изд., испр. и доп. - Саратов, 2000. - С. 479.
3. Профессора Санкт-Петербургского государственного университета: биобиблиогр. словарь. - СПб., 2004. - С. 581-582.
- 4+ *Соболев Геннадий Леонтьевич* [Электронный ресурс]: [биограф. справка] // Республиканский гуманитарный институт Санкт-Петербургского государственного университета. Преподавательский состав. <<http://www.spbu.ru/Education/Centers/RGI/Sobolev.html>> (13/03/2005).

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Сборник статей

Отв. редактор *М.В. Ходяков*
Корректор *Н.В. Лутиц*
Обложка и верстка *О.В. Борисов*

Лицензия ИД №05679 от 24.08.2001

Подписано в печать 17.06.2005. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 29.06. Уч. -изд л. 34.09. Зак. 122.
Издательство СПбГУ. 199034, С.Петербург, Университетская наб., 7/9
Тел. (812) 328-96-17 Факс (812) 328-44-22
E-mail: editor@unipress.ru www.unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41